

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Материалы VII Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 27–29 апреля 2023 г.

В 2 томах

Том 1

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2023*

УДК [930.2:94(100)+94(476)(062)]
ББК 63.211я431+63.3я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 10.03.2023.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.),
А.М. Белявский, Е.А. Гребень, А.К. Демянюк, А.Б. Довнар, В.В. Долгов,
Ю.В. Дулова, А.П. Косов, Г.Г. Краско, С.В. Кулинок, М.Д. Макаров,
А.В. Мартынюк, Е.В. Мацулевич, Д.З. Мирзаев, С.В. Николаенко, И.Р. Чикалова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.А. Гужаловский* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *И.Н. Данилевский* (г. Москва);
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования
Республики Беларусь *В.К. Коршук* (г. Минск);
кандидат исторических наук *О.И. Хоруженко* (г. Москва)

Для оформления обложки использована реконструкция витебских замков XIV в., выполненная художником *И.В. Дуровым* в 2013 г. (научный консультант – кандидат исторических наук, доцент *Л.В. Колединский*)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения** : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 1. – 250 с.
ISBN 978-985-30-0026-9.
ISBN 978-985-30-0027-6 (т. 1).

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам источниковедения. Рассмотрены широкий круг проблем теории и исследовательских практик источниковедения, источниковедения историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные источники Средневековья, Нового и Новейшего времени. Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музеоведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК [930.2:94(100)+94(476)(062)]
ББК 63.211я431+63.3я431

ISBN 978-985-30-0026-9
ISBN 978-985-30-0027-6 (т. 1)

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>Алексеев В.В.</i> Вещественные источники: понятие и место в исторических исследованиях ...	7
<i>Румянцева М.Ф.</i> Вещный поворот в контекстах источниковедения и глобальной истории ..	9
<i>Казаков Р.Б.</i> О некоторых проблемах внутривидовой классификации исторических источников	12
<i>Стельмашук В.С.</i> Археология через призму кинематографа	14
<i>Жижиян С.Ф.</i> Культовые каменные изваяния в фольклорной традиции белорусского народа	16
<i>Валуев Д.В.</i> Архивные материалы В.И. Грачева как источник по истории Смоленской крепостной стены	19
<i>Бицадзе Н.В.</i> Икона как исторический источник	22
<i>Сукина Л.Б.</i> Куда идет воинство Небесного Царя? Трудности дешифровки одного визуального источника	24
<i>Польская С.А.</i> Польские коронационные чины (ordnes coronationes): возможности визуализации официального протокола инаугурации	27
<i>Рубинина З.М.</i> Фотографический позитив и проблема первоисточника фотодокумента.....	29
<i>Коновалова И.Г.</i> Средневековые морские карты: проблемы источниковедения	32
<i>Макараў М.Д.</i> Дзве карты эпохі Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі	34
<i>Башнин Н.В., Резникова Т.В.</i> Картографические материалы и планы XVII–XVIII вв. в монастырских фондах: археографические перспективы	37
<i>Пушкарёва Н.Л.</i> Устные женские истории как ресурс для реконструкции истории повседневности закрытых советских наукоградов в годы оттепели	39
<i>Русина Ю.А.</i> Практика устно-исторических интервью в рамках учебного курса на историческом факультете Уральского федерального университета	41
<i>Варламова Л.Н.</i> Современные онлайн ресурсы как будущие исторические источники о нашем времени	43
<i>Гавриленко К.Е.</i> Источники по истории бужских голендров	46
<i>Боголюбов А.А.</i> Вопросы методологии поиска материалов об этнических поляках в России	49
<i>Басов И.М.</i> Источники по истории Беларуси в коллекции П. Доброхотова	51
<i>Сліж Н.У.</i> Дакументы па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў Дзяржаўным архіве Фларэнцыі	53
<i>Вабішчэвіч А.М.</i> Зямельныя ўпраўленні Палескага ваяводства (1921–1939 гг.): характарыстыка архіўных фондаў	55
<i>Каплиев А.А.</i> Общая характеристика архивных фондов по истории развития здравоохранения на территории Беларуси межвоенного периода из собрания Государственного архива Российской Федерации	57
<i>Перевалов Я.О.</i> Государственная политика в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг.: обзор архивных фондов	60
<i>Бондарева Е.М.</i> Воспоминания участников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и очевидцев военных событий, хранящиеся в Государственном архиве Витебской области	63
<i>Симаков А.В.</i> Коллекции по американистике в Гомеле как источник для исследователей связей Беларуси с Западным полушарием	66
<i>Кириллова Е.Н.</i> «Рукописное собрание Ламуаньона» в РГАДА: о подготовке описания коллекции	68
<i>Цветкова А.С.</i> История публикации источников по ганзейской торговле в Англии	70
<i>Башнин Н.В., Дмитриева З.В.</i> Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря XVII в.: археографические принципы издания	72

<i>Сальков А.П.</i> Новые документальные публикации по истории международных отношений и урегулированию национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе конца 1930-х – конца 1940-х гг.	74
<i>Сівохін Г.А., Сямашка К.У.</i> Да пытання супрацоўніцтва архіўных устаноў і музеяў у навукова-даследчай і экспазіцыйна-выставачнай рабоце. З досведу выкарыстання архіўных крыніц у дзейнасці гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”	76
<i>Биленко Н.А.</i> Источнико-ориентированная база данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX века»: проблемы формирования и возможности использования в исторических исследованиях	79
<i>Абдурахманов А.О.</i> Термезский археологический музей: из опыта работы	81
<i>Прохоров Д.А.</i> Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов: проблемы и перспективы изучения	84
<i>Назарова И.М.</i> Традиционный северокавказский женский костюм в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника	86
<i>Ключарева А.В.</i> Газетные вырезки как исторический источник и музейный предмет (по материалам «Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»)	89
<i>Егоров Ф.А.</i> История Второй мировой войны в экспозиции Мемориального музея мира в Кане (Франция)	91
<i>Абеленцева О.А.</i> К вопросу о характеристике скорописных почерков	94
<i>Петрова М.С.</i> Исследовательские практики источниковедения в контексте изучения личности далекого прошлого	96
<i>Левшун Л.В.</i> Житие прп. Евфросинии Полоцкой о метохии Св. Софии: к вопросу о методологии интерпретации житийного текста как исторического источника	97
<i>Вардомацкі Л.М.</i> «Речь Ивана Мелешки...»: к проблеме текстологического анализа	100
<i>Булыгина Т.А.</i> К вопросу о новых подходах к изучению социальной истории: источниковедческий аспект	103
<i>Синова И.В.</i> Типология исторических источников по охране труда детей середины XIX – начала XX века (на материалах Санкт-Петербурга)	106
<i>Горны А.С.</i> Аўтабіяграфічныя дакументы дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі: спробы класіфікацыі	108
<i>Агеенка Т.М.</i> Да пытання аб дзейнасці Віцебскага Гістпарта	110

РАЗДЕЛ 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Ланской Г.Н.</i> Методологические проблемы источниковедения историографии	113
<i>Лукьянов Д.В.</i> Феноменологическая парадигма истории как строгой науки и проект источниковедения историографии в эпоху after-постмодерна	116
<i>Злобин С.С.</i> Постколониальная методология и нарратив о колониализме	118
<i>Семёнова И.И.</i> Дискуссия Ф.Э. Хардунга и К. Коппманна о начальном этапе ганзейской торговли в Брюгге: анализ источниковой базы исследователей	121
<i>Гришина Н.В.</i> Базы данных как источник в изучении диссертационной культуры историков	123
<i>Алеврас Н.Н.</i> Источниковедческие мотивы диссертаций историков 1940-х годов: из опыта их защит в Ленинградском университете	125
<i>Артамонова Н.Я.</i> Локальная история в личном фонде хакасского ученого Константина Григорьевича Копкоева (1929–1987)	127
<i>Ковяко И.И.</i> Материалы исследовательских центров как историографический источник (на примере Германских исторических институтов Великобритании и США)	130
<i>Долгов В.В.</i> «Неврюева рать» в изложении В.Н. Татищева и М.М. Щербатова	131
<i>Колосовская Т.А.</i> К вопросу о формировании источниковой базы официального нарратива присоединения Кавказа к Российской империи (практики середины XIX в.)	134
<i>Майорова А.С.</i> Источниковая база для изучения истории заселения Саратовского Поволжья в трудах регионоведов второй половины XIX в.	136
<i>Новікаў С.Я.</i> Новы дакументальны нарратыў аб нацысцкім генацыдзе на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 1941–1944 гг.	138
<i>Маджаров А.С.</i> Исторический метод О. Шпенглера (источниковедческий аспект)	141

Дулаў А.М. Вобраз Сярэднявечча ў гістарычным нарысе “Віцебск” Мікалая Уладзіміравіча і Ніны Іванаўны Дарафеенка	144
Гребенкина К.В. Обзор российской историографии, посвященной Николаю II	149
Барынкин А.В. Экономическое противоборство Антанты и Центральных держав (1914–1918) в освещении советской историографии	151
Суздальцев И.А. Новейшая англоязычная историография Коммунистического интернационала	153
Мамайко И.А. К вопросу историографии и источников по истории становления и развития милиции в Советской Беларуси в 1917–1934 гг.	155
Крюковский В.Д. Военное обучение молодежи в БССР (1919 – июнь 1941 г.): историография проблемы	158
Ананька В.С. Навуковае вывучэнне санітарнага стану Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі	160
Дрожжа Л.Ч. Вынікі Мюнхенскага дагавора 30 верасня 1938 г. у перадваеннай знешняй палітыцы II Рэчы Паспалітай (польская гістарыяграфія 1960-х – 2000-х гг.)	161
Рахманова М.Э. Историография советской политики принудительного переселения в Узбекистан	164
Свилас С.Ф., Ткачук К.И. Публичная дипломатия Бразилии в историографических источниках	166

РАЗДЕЛ 3. ИСТОЧНИКИ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Смолик А.И. «Ши цзи» 《史记》: от мифологии до источника по истории Древнего Китая	168
Ван Мэнжун. Дворцовые музыкально-театральные представления в китайских нарративных и визуальных источниках	170
Сюэ Цзе. Формирование образа «цзюнь цзы» в китайской культуре: источниковедческий аспект	173
Абдукаюмов А.Р. «Цивилизация Окса»: миф или историческая реальность?	175
Черкасов А.И. Самнитские войны в «Анналах» Клавдия Квадригария	177
Розмысл Е.В. Внешняя политика Македонской династии (867–1056 гг.) в трудах византийских историков	179
Кежа Ю.Н. Дары между древнерусскими князьями и кочевыми объединениями: изучение практик разрешения конфликтов и поддержания мира	181
Кондратенко А.А. Летописные источники по истории взаимоотношений Древней Руси с кочевниками	183
Евдокимова Е.С. Святая Евфросиния Полоцкая в ряду женских образов Степенной книги царского родословия	185
Мирзаев Дж.З. Представления об этнической идентичности исламского периода в средневековых источниках	188
Мартынюк А.В. Немецкая рыцарская поэзия как источник по истории Великого Княжества Литовского в XIV веке	190
Чэчулін З.В. Дагавор вялікага князя маскоўскага Васіля Дзмітрыевіча з вялікім князем літоўскім Вітаўтам ад 4 верасня 1407 г.: праблема паходжання тэксту	194
Дзярновіч А.І. Метрыка ВКЛ і Метрыка Каронная: спецыфіка адрозненняў канцылярскіх традыцый	196
Мікалаева Л.В. Заканадаўчыя крыніцы па гісторыі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV – сярэдзіне XVI ст.	198
Субоцін А.А. Апісанне кліматычных з’яў XIV–XVI стст. у Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай	200
Довматович К.Д. Полоцкий партикулярный сейм в Великом Княжестве Литовском (на основании Декрета 1486 года)	202
Лицкевич О.В. Карты конца XV – начала XVII в. как источник по истории границы и пограничья между Великим Княжеством Литовским и Ливонией	204
Рабаў С.М. Пасланне Жыгімонта II Аўгуста французскаму каралю Карлу IX Валуа: новая крыніца па гісторыі Балтыйскіх войн другой паловы XVI стагоддзя	208

<i>Ушаков А.В.</i> Книга о нарвской торговле «новгородских гостей» 1563–1577 годов из Архива ганзейского города Любека: первые наблюдения и перспективы изучения	210
<i>Ерохин В.Н.</i> Формирование понятия «пуританизм» в источниках по истории Реформации в Англии во второй половине XVI – начале XVII в.	212
<i>Солодкин Я.Г.</i> К интерпретации летописных известий о зимовках в Искере «ермаковых казаков»	215
<i>Богатырёва Е.И.</i> Документы «поручительства» из Новгородского оккупационного архива в Стокгольме	217
<i>Калашикова А.А., Проскурякова М.Е.</i> Следственное делопроизводство России: какие документы составлялись в ходе допросов в XVII веке?	221
<i>Медведев К.М.</i> «В правление королей светлой памяти Казимира и Александра...»: исторические фигуры как «места памяти» в политике легитимации принадлежности Смоленских и Северских земель Речи Посполитой в документальных и литературных источниках первой половины XVII века	224
<i>Кустова Е.В.</i> К вопросу об авторе жития преподобного Трифона Вятского	226
<i>Глінскі Я.С.</i> Вывады шляхецтва зямямі Слуцкага і Капыльскага княстваў у XVII–XVIII стст.: інтэрпрэтацыя і верыфікацыя звестак	229
<i>Чараўко В.У.</i> Інвентар архірэйскіх пахаванняў XVII–XVIII стст. з Полацкага Сафійскага сабора	232
<i>Мининкова Л.В., Молодченко О.А.</i> Римские впечатления петровского дипломата (статейный список 1707 г. князя Б.И. Куракина)	234
<i>Базарова Т.А.</i> Статейный список стольника С.А. Колычова и разграничение земель между Россией и Османской империей в 1714 г.	237
<i>Бородина Е.В.</i> Источники по изучению населения Екатеринбурга второй четверти XVIII в. (на примере полицейской переписи 1738 г.)	240
<i>Назаренко К.Б.</i> Источники по истории боевой подготовки русской морской артиллерии XVIII в.	242
<i>Филимонова М.А.</i> Публикации офицерских писем как источник по истории Войны за независимость США (на примере американской прессы 1775 г.)	243
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	246

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Алексеев В.В.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Одним из основных векторов развития исторической науки является расширение круга источников, на которые опираются научные исследования. Наиболее интенсивно поиск идет в области письменных источников, которые являются наиболее освоенными и привычными для историков. Для их изучения разработан широкий спектр методологических принципов, арсенал соответствующих поставленным исследовательским задачам методов и методических приемов. В последние несколько десятилетий в научный оборот стали активно привлекать изобразительные источники, что дает основание специалистам говорить о «визуальном повороте» в плане получения новых научных фактов, презентации и трансляции исторического знания [2]. В меньшей степени историки используют иные типы исторических источников – вещественные и фонические. Отчасти это обусловлено тем, что теоретико-методологические положения источниковедческой работы с ними разработаны в недостаточной степени, чтобы дать полноценный исследовательский инструментарий для рассмотрения различных аспектов прошлого. Следует отметить, что историки XIX – первой половины XX в преимущественно ограничивались простой констатацией того, что исследование вещественных остатков «могут отчасти возместить отсутствующие показания письменных источников» [7, с. 5]. Лишь после того, как в 70–80-е годы XX столетия академик И.Д. Ковальченко разработал концепцию природы исторических источников с позиций учения об информации, появилась возможность теоретически четко позиционировать вещественные источники как отдельный тип с учетом специфического способа фиксирования и хранения в них ретроспективной информации [4, с. 106–127].

Впрочем, давнюю традицию изучения материальных предметов, в силу сложившихся в исторической науке специализаций, имеют археологи и этнографы (в последнее время более употребительным становится термин «социальные антропологи»). Но их подход несколько отличается от того, который характерен для источниковедов и обычных историков. Археология, прежде всего, «изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных источников» [1, с. 5]. Поэтому верхний хронологический горизонт археологии ограничен XV–XVI столетиями и только в отдельных случаях простирает временную границу вплоть до XX века. К тому же, археологи, как правило, изучают комплексы вещей, объединенные между собой культурно-исторически, регионально и хронологически, т.е. те, которые относятся к определенной археологической культуре. Для археолога зачастую важна не сама отдельно взятая вещь, а обстоятельства ее находки – контекст окружения, характеристика культурного слоя и т.д. Связано это с тем, что когда «предмет найден в ходе раскопок, четко привязан к плану в трех измерениях и имеется подробное описание условий его обнаружения, можно с достаточно высокой точностью установить его возраст и принадлежность к конкретной культуре» [3, с. 19].

Этнографов в первую очередь интересуют предметы, которые относятся к традиционной народной культуре, для того чтобы разносторонне изучать бытовые и культурные особенности этносов, а потому они почти не работают с предметами индустриального производства.

Источниковеды, в принципе, разделяют точку зрения археологов и этнологов, что вещи, т.е. рукотворные, отдельно существующие предметы, которые обладают собственной формой, и выполняют или применяются для исполнения определенных функций, являются элементами материальной культуры как таковой [10, с. 34]. Последняя, в свою очередь, детерминирована всеми условиями исторического существования человеческого общества и находится в тесной связи с национальным характером (который формируется в определенной среде обитания), с историей быта и нравов различных социокультурных групп, их верованиями, традициями, привычками и господствующими вкусами и оценками, а также характерным для каждой данной эпохи художественным стилем [5, с. 9].

Но представляется, что с позиций источниковедения как самостоятельного раздела исторической науки надо подходить достаточно широко к определению того, что собой являет вещественный источник. Таковым, думается, следует признать любой аутентичный по происхождению, целенаправленно созданный активным трудом человека из природного или искусственного субстрата

движимый или недвижимый материальный предмет, который обладает свойством длительной физической сохранности, имеет функционально-прикладное предназначение в качестве орудия труда или производства, а также элемента среды обитания человека и обеспечения его жизнедеятельности, и который, одновременно, выступает носителем семантической, социально-психологической и индивидуально-личностной информации.

При этом специфика вещественных источников заключается в том, что в них синкретически слита информация сразу трех типов: *визуальная*, т.е. о зрительно воспринимаемом образе вещи; *тактильная*, дающая представление о материале, из которого вещь изготовлена; *пространственная*, что передает трехмерную объемность вещи и ее месторасположение в пространстве [9, с. 516]. Так или иначе, в любой вещи сочетаются четыре атрибута: онтологический, т.е. бытийный смысл; функциональный смысл; культурно-исторический смысл; культурно-символический смысл [6, с. 45]. Причем они не просто соседствуют или сосуществуют друг с другом в одном объекте, а находятся в системном единстве, т.е. образуют систему функций.

Проблема состоит в том, на что еще указал академик И.Д. Ковальченко, что вещи есть источники невербальные. В них воплощенный результат практической деятельности людей предстает в объективно-синтаксическом смысле. Такую информацию необходимо перевести в более пригодную для познавательных целей синтаксически-субъективную форму, выразить в доступной для восприятия иной знаковой системе – словесной, естественно-описательной, графически-изобразительной или иной [4, с. 121].

С точки зрения источниковедения вещь остается «безмолвной» до той поры, пока в ходе интерпретации не будет восстановлен контекст породившей ее культуры, среда использования и история бытования артефакта.

Задачи источниковедческого изучения вещественных источников заключаются в том, чтобы на основе анализа сущностных характеристик отдельно взятой вещи или их совокупности извлечь максимум информации об обществе времени их бытования и о различных взаимоотношениях внутри социума конкретной исторической эпохи. Для этого требуется установить:

- подлинность и аутентичность вещи;
- правильное название предмета;
- степень сохранности (поскольку старые вещи не всегда сохраняются целиком, а пребывают порой в состоянии фрагментарности);
- функциональное назначение;
- морфологию, материал и технику изготовления;
- такие внешние объективные характеристики, как размер, вес, цвет и пр.;
- дату создания и хронологические рамки бытования;
- место/центр создания и ареал распространения;
- имя автора или именование изготовителя;
- принадлежность к определенной социальной среде и выполняемую роль.

Необходимо также генетически исследовать процессы, обуславливающие появление и дальнейшее существование конкретной вещи, поскольку для каждой эпохи артефакты и их взаимодействие составляют некую социокультурную систему.

Сведения, полученные при анализе вещественных предметов, могут существенно дополнить и уточнить данные научных изысканий, основанных на других типах и видах исторических источников. Так, использование наработок специальных и вспомогательных дисциплин, которые ориентированы на работу с конкретными видами вещественных источников, – фалеристики, униформологии, оружейведения, нумизматики, вескиллологии и др., – позволяет атрибутировать портреты и иные произведения живописи; уточнять эволюцию денежного обращения; выявлять локальные центры производства и т.д. Но и сами по себе вещественные источники при правильном подходе дают ценную ретроспективную информацию. Например, Е.В. и А.Е. Усачевы посредством анализа донных клейм на гильзах от патронов к стрелковому оружию, употребленных в период боевых действий во время Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 г.), убедительно показали, что данные артефакты дают возможность установить новые подробности не только отдельных боестолкновений, но также по-новому взглянуть на роль стран Антанты в Гражданской войне на территории России [8].

Таким образом, вещи являются полноценными историческими источниками, воплощая в себе самые разные стороны человеческого бытия. Созданные посредством целенаправленного труда материальные объекты (орудия труда, домашняя утварь, одежда, остатки продуктов питания, предметы быта, монеты, ювелирные украшения, оружие, транспортные средства и т.д.) раскрывают хозяйственно-производственную деятельность человека, его повседневный быт, отражают различные аспекты общественной, политической, духовной, религиозной жизни. Благодаря исследованию

вещественных источников можно выявить наличие и время возникновения конкретных технологий, а, следовательно, изделия кустарного, полукустарного и промышленного производства могут выступать показателями технологических революций, которые сказываются на макроэкономических циклах. С учетом того, что почти любая вещь находится на пересечении утилитарно-практического назначения, индивидуального использования и общественно-политического контекста, можно отслеживать социальную стратификацию, социальные коммуникации, гендерную дифференциацию, устанавливать взаимодействие культурной традиции и кросс-культурных связей. Поскольку часто вещи становятся носителем какого-либо явного или, наоборот, сокрытого для посторонних смысла, то они превращаются в знак, символ, т. е. предстают в качестве носителя семантически наполненной информации. Это дает возможность рассматривать различные стороны духовной сферы бытия людей; ценностные ориентации отдельных индивидов, социальных групп и даже общества в целом в конкретный исторический период.

1. Авдусин, Д. А. Основы археологии / Д. А. Авдусин. – М. : Высш. шк., 1989. – 335 с.
2. Беззубова, О. В. «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях и историческая наука / О. В. Беззубова // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. – М. : Ин-т науч. инф. по обществ. РАН, 2019. – С. 62–72.
3. Ермаков, С. Э. Неразгаданные артефакты археологии / С. Э. Ермаков. – М. : Вече, 2018. – 336 с.
4. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 440 с.
5. Леонова, Т. А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья / Т. А. Леонова. – Уфа: Вагант, 2008. – 319 с.
6. Никонова, А. А. Артефакт, вещь, музейный предмет/экспонат как исторический источник: тревога смысла / А. А. Никонова // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки.
7. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР : Курс источниковедения истории СССР. (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов). – Т. 1 : С древнейших времен до конца XVII в. – М. : Соцгиз, 1940. – 256 с.
8. Усачев, Е. В. Донные клейма на гильзах от патронов к стрелковому оружию как источник информации для изучения Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 года) / Е. В. Усачев, А. Е. Усачев // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. – С. 416–421.
9. Шелегина, О. Н. Вещественные источники по этнокультурному наследию Сибири: исследовательские и социокультурные практики / О. Н. Шелегина // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. – М. : [б. и.], 2020.
10. Шапова, Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей : учебное пособие / Ю. Л. Шапова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 144 с.

Румянцева М.Ф.

ВЕЩНЫЙ ПОВОРОТ В КОНТЕКСТАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

По сути, для гуманитарных наук вещи стали неосозаемыми тогда же, когда они стали «объективными» для точных.
Бруно Латур (1947–2022), французский социолог науки [5, с. 184]

Вещный поворот. Историки и, в первую очередь, социологи заметили, что на протяжении 1990-х годов происходит **вещный (вещественный) поворот** в гуманитарном и социальном познании. Польская исследовательница Э. Доманска в обзорной статье о вещном повороте, констатируя «возвращение к вещам», «поворот к материальному» и «не-человекам», утверждает: «...вещи <...> должны быть включены в историю уже не только как пассивные реципиенты человеческих действий» [2, с. 249]. Не имея возможности в рамках доклада проанализировать разные подходы к причинам и сути вещного поворота, сделаю лишь несколько кратких вводных замечаний.

Обратим внимание на то, что вещный поворот синхронизирован, во-первых, с переходом от третьего поколения Школы «Анналов» с его характерной для постмодерна микроисторией, фактором расцвета которой стал кризис исторического метанарратива (Ж.-Ф. Лиотар), к четвертому поколению Школы, с которым, – при всем его методологическом плюрализме и разнообразии проблематики, – связано восстановление историчности, в первую очередь, через концепцию «мест памяти» (П. Нора), что впоследствии не могло не повлиять на процесс ренарративизации, определяющий современную историческую культуру [см., напр.: 7, с. 170–254].

Вторая реперная точка, относящаяся к тому же 1989 году, – выход в журнале *The National Interest* пресловутой статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?» [12]. Не вступая в дискуссию о ценности этого опуса, не могу не отметить его значимость как маркера новой социокультурной ситуации, впрочем, начавшей сразу же меняться, – знаком этих изменений стали события 4 июня 1989 года.

Оба названные фактора теснейшим образом взаимосвязаны (хотя и с некоторым смещением по хронологии): «конец истории» как процесса не мог не сопровождаться кризисом нарратива как хронологически организованного рассказа, презентующего исторический процесс как в целом (т.н. всеобщая история), так и в субъектных его составляющих (национально-государственный нарратив).

Исторический тип культуры, как в свое время точно заметил Ю.М. Лотман [6], казуальный по содержанию и письменный по механизму фиксации. Именно этим обусловлено подавляющее преобладание письменных исторических источников в историческом познании. И эта ситуация начинает, очень медленно, преодолеваться в конце XX века, когда происходят визуальный и вещный повороты.

В настоящем докладе я предлагаю вариант (несомненно, дискуссионный) соотнесения вещного поворота с «традиционным» источниковедением и с наиболее актуальной в настоящее время составляющей исторического знания – глобальной историей: с одной стороны, констатирую, несовместимость источниковедческой парадигмы истории как строгой науки и остающейся по преимуществу нарративной глобальной истории, а, с другой стороны, предполагаю необходимость источниковедения в его расширенном за пределы письменных исторических источников новом состоянии для построения неевропоцентричной глобальной истории.

Вещь vs объект. Принципиально важно обратить внимание на различие *вещи* и *объекта*. Вероятно, этого можно было бы и не делать – в силу очевидности их различия для профессионального историка, но в философской литературе наличествуют разнообразные подходы и оппонирующие друг другу констатации [см. напр.: 9]. Поэтому, не вдаваясь в «философские» подробности, акцентирую внимание на том, что под *объектом* традиционно понимается то, на что направлено познание, независимо от его природы (это может быть естественнонаучный, то есть собственно природный объект, это может быть исторический источник, то есть произведение человека / продукт культуры, это может быть внутренний мир человека); *вещь* же – это всегда произведение человека, создаваемое с той или иной целью / для выполнения той или иной функции, а если это природный объект, то он становится вещью тогда, когда человек придает ему определенную функцию / наделяет его ценностью. Таким образом, вещь – это всегда объект, но объект – не всегда вещь.

Таким образом, вещь принадлежит к историческим источникам – «реализованным продуктам человеческой психики...» (как определял исторический источник А.С. Лаппо-Данилевский еще в начале XX в. [4, т. 2, с. 38]) / «объективированным результатам творческой активности человека / продуктам культуры...» (современное определение [10, с. 205]. На мой, – отнюдь не философский, – взгляд, если читать философскую и социологическую литературу с определенного, источниковедческого, ракурса, то мы не найдем существенных противоречий с заявленным выше подходом. Например, Э. Доманска пишет: «Вещи (остатки прошлого, памятные вещи) могут помочь нам понять, кто мы; вещи становятся “другими” для человеческих существ; вещь участвует в создании человеческой идентичности, ее легитимации, и представляет собой ее гарант; она также фиксирует изменения в человеческой идентичности. На коллективном уровне вещи помогают установить и укрепить межличностные отношения, связывая людей...» [2, с. 249–250]. И подытоживает: «...дискурс в защиту вещей (и не-человеков в целом) – это в конце концов дискурс в защиту людей. Вещи становятся экзистенциальными, стабильными маркерами, которые помогают нестабильным людям ориентироваться в мире» [2, с. 264].

Интерпретируя вещный поворот в контексте источниковедения, мы можем утверждать, что он означает лишь расширение источниковой базы, причем преимущественно в источниковедческих практиках, поскольку теория источниковедения и так включает вещи в корпус исторических источников. Конечно, это утверждение не может не вызвать возражения, но еще раз подчеркну: во-первых, в докладе я не ставлю цели рассмотреть разные подходы к вещному повороту; во-вторых, специально выделяю именно источниковедческий аспект.

И, соответственно, следующий вопрос – это вопрос в том, что подвигло историков на обращение к визуальным и вещественным историческим источникам, в то время как они на протяжении нескольких веков удовлетворялись письменными историческими источниками?

Источниковедение и глобальная история. В попытках ответить на выше сформулированный вопрос оставим за пределами рассмотрения те изменения в культуре, которые делают ее по преимуществу визуальной, заставляя получать гораздо больше, чем в предшествующие эпохи, информации из изображений, а не текстов... – это отдельная тема. Обратимся только к одной, но весьма актуальной проблеме – глобальной истории, которую часто связывают с актуальным трендом преодоления европоцентризма [см. напр.: 10, с. 80].

Я неоднократно – в разных контекстах, – приводила размышления О.М. Медушевой о противоборстве двух «парадигм» – парадигмы истории как строгой науки и нарративной логики историописания в историческом познании конца 2000-х годов [8, с. 15–16]. Оттолкнемся от них и здесь.

Существуют разные подходы к построению глобальной истории. Например, С. Конрад, автор обобщающей работы «Что такое глобальная история?» (2016), констатируя отсутствие единых подходов к построению глобальной истории, утверждает; «Глобальная история занимается прежде всего мобильностью и обменом, процессами, преодолевающими разграничения и границы. Взаимосвязанный мир для нее – отправная точка, а главные ее темы – обращение и обмен вещей, людей,

идей и институций» [3, с. 22]. Авторы фундаментального труда «Всемирная история» (2011–2018), подготовленного Институтом всеобщей истории РАН, считают: «Главное состоит в том, что “глобальная история” стала неким новым подтверждением “всемирности” исторического процесса, его целостности и в какой-то мере универсальности, получив тем самым новый стимул и легитимность в изучении его проблематики». При этом: «Понятие “глобальной истории” лишь указывает на взаимосвязь континентов, регионов и государств в разные исторические эпохи, на общие процессы и схожие фазы развития» [1, т. 1, с. 6]. Но смею утверждать (не настаивая, естественно, на своей правоте, а исключительно стремясь спровоцировать дискуссию), что разнообразные проекты глобальной истории нарративны по построению и европоцентричны по сути.

На мой взгляд, методами «традиционной» исторической науки, которая, как уже было подчеркнуто выше, традиционно основывалась на письменных исторических источниках, преодолеть европоцентризм теоретически невозможно потому, что именно европейский (западный) тип культуры – исторический по существу (в обоснование этого утверждения можно привести не только размышления Ю.М. Лотмана, которые уже упоминались, но и концепции исторического процесса Э. Гуссерля и К. Ясперса, П. Нора и П. Хаттона, и др.).

В таком случае есть смысл поставить два вопроса. А надо ли преодолевать европоцентризм? И если все-таки надо, то как это сделать?

Столкновение цивилизаций vs конец истории. Хорошо известно, что провокативная статья Ф. Фукуямы вызвала не только неприятие /критику/дискуссию, но и противодействие в виде концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который в 1993 г. в *Foreign Affairs* опубликовал статью с соответствующим названием (в ответ на книгу Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек». 1992), а в 1996 г. развернул свою концепцию в книгу «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*) [13].

Вряд ли сейчас у кого-то есть основания, да и желание следовать Фукуяме – утверждать, что западная либеральная модель победила как модель, ей не осталось альтернатив и дальше речь идет лишь о ее утверждении во всем мире. Впрочем, по моим поверхностным наблюдениям, таких людей все-таки еще немало, даже среди «квалифицированных» историков. Но сейчас, в 2023 году, по моему глубочайшему убеждению, такая позиция находится уже не только за пределами исторической науки, но и требует обращения к специалистам иного профиля. Хотя именно модель «конца истории» Фукуямы позволила бы продолжать строить историю как нарратив и преимущественно на основе письменных исторических источников. Если же мы примем очевидно гораздо более адекватную концепцию столкновения цивилизаций, то вынуждены признать, что ее реализация в исследовательских практиках исторической науки требует новые подходы и расширение источниковой базы. Еще А. Тойнби, утверждая «национализм», наряду с «индустриализмом», в качестве основания исторической науки XIX века, отмечал, что западные историки тяготеют к националистической точке зрения, кроме прочего, еще и потому, что «исходный материал являл собой некую устойчивую национальную данность», имея в виду национальные комплексы письменных исторических источников [11, с. 19]. Очевидно, вещественные исторические источники более универсальны, чем письменные. И их необходимо вводить в научный оборот, разрабатывая для них схемы классификации и соответствующие методы исследования, что даст возможность более широкого применения метода компаративного источниковедения в построении глобальной истории [10, с. 226].

1. Всемирная история : в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Наука, 2011–2018.
2. Доманска, Э. Возвращение к вещам / Э. Доманска // Социология власти. – 2015. – Т. 27. – № 1. – С. 248–266.
3. Конрад, С. Что такое глобальная история? / С. Конрад. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 330 с.
4. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : в 2 т. / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
5. Брюно Латур // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 169–198.
6. Лотман, Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 344–356.
7. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
8. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : РГУ, 2008. – 358 с.
9. Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 392 с.
10. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
11. Тойнби, А. Дж. Постижение истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – Москва : Прогресс, 1991. – 731 с.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
13. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603, [5] с.

Казаков Р.Б.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВНУТРИВИДОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Классификация исторических источников является одной из наиболее сложных проблем в источниковедении с момента становления источниковедения как отрасли исторической науки и – шире – гуманитарного знания. Любое учебное издание, от кратких методических указаний и до стабильно работающих по несколько десятилетий учебников источниковедения, обязательно содержит в себе развернутый раздел, посвященный классификации источников. Одновременно эта проблема является одной из наиболее сложных для восприятия и понимания студенческой аудитории. Можно предположить, что одной из причин непростоого усвоения этого материала служит тот факт, что он выступает как абсолютно новый и не опирающийся на предыдущий опыт обучения в школе и на начальном курсе вуза. Нова терминология, незнакомы принципы логики и построения классификационных схем. Однако в истории источниковедения существует и история построения классификаций исторических источников, имеющая богатую литературу, ставшую классической.

Опыты систематизации источников всех типов присутствуют уже в крупных нарративах российской истории XVIII и последующих веков, но принятая группировка источников не осмысливалась теоретически и как составная часть метода источниковедения [8]. Можно отметить, что теоретическое осмысление приемов классификации и места самой процедуры классификации в источниковедении приходится на десятилетия второй половины XX века, начиная со второй половины 1950-х годов, затем особенно остро в 1960–1980-е годы. Острота споров и презентаций в литературе различных схем классификации спадает со второй половины 1980-х годов. Определенным подведением итогов теоретических штудий в источниковедении выступила работа И.Л. Беленького [1]. Следующий этап возрождения интереса к классификационной проблематике приходится уже на первые годы XXI века и связан он, как представляется, в первую очередь, с опытами осмысления природы источников на электронных носителях (при всем разнообразии существующей терминологии для их обозначения) [3; 4; 5; 10; 11; 12]. Эта предельно схематизированная периодизация истории опытов классификации исторических источников не претендует на учет всех особенностей и противоречий исследовательского процесса, но может выступать в качестве рабочего инструмента.

За десятилетия теоретических исследований и построения классификаций в источниковедении предложены и аргументированы несколько классификационных схем (М.Н. Тихомирова, Л.Н. Пушкарева, С.О. Шмидта, И.Д. Ковальченко и др.). Несмотря на кардинальные различия в принципах и подходах к построению классификаций исторических источников, у этих схем есть общие черты. Обоснована и продолжает успешно функционировать следующая линия таксонов: тип источников – вид источников – разновидность источников – разновидность внутри разновидности источников. Иными словами, типология исторических источников, являясь частным случаем более общей процедуры классификации, выделяет типы источников; логически следующая операция классификации – выделение видов источников внутри типа. Внутри вида источников не могут содержаться типы источников. Логически операция типологии источников предшествует операции классификации по видам. Речь в данном случае идет скорее о корректности употребления специальной терминологии в источниковедении: даже на уровне подбора синонимов в научном тексте «вид» не может быть заменен «типом» и наоборот.

В период после середины 80-х годов XX века и до настоящего времени в исследовательских и преподавательских практиках источниковедения (иногда в научных текстах, а иногда даже на уровне доступных аналогий и примеров, приводимых устно в аудитории) сложились удобные по разным обстоятельства, но некорректные случаи оперирования различными терминами и приемами характеристики исторических источников в различных конфигурациях, совокупностях и комплексах. Например, летописание как вид исторических источников рассматривается в рамках периода, доходящего до середины XIX века. Иногда утверждается, что летописанию на смену приходят научные исторические труды и т.п. Возможно, что такие ситуации и не требуют углубленного теоретического осмысления, но накопленный багаж требует, как минимум, проговаривания и формулирования, даже если речь идет о вполне тривиальных высказываниях.

В дальнейшем я отталкиваюсь от типологии исторических источников, сформулированной в работах М.Н. Тихомирова и Л.Н. Пушкарева и неоднократно реализованной в практике исследования и преподавания источниковедения Научно-педагогической школы источниковедения [2; 9].

Исторически сложилась практика построения трудов российских историков (как и их коллег в других странах Европы) на основе использования письменных исторических источников. Именно для письменных исторических источников оформилась классификация до глубины деления на разновидности источников, а в некоторых случаях и до подразделений разновидностей источников.

Видовая классификация источников иных типов остается не решенной проблемой в источниковедении в целом. Эта ситуация справедлива и для третьего десятилетия XXI века, несмотря на значительные опыты осмысления природы технотронных источников (фото-, аудио-, кино-документов) и источников на электронных носителях. Научно-педагогическая школа источниковедения стоит у истоков осмысления природы вещественных источников (работы О.М. Медушевой) [7].

Но если современное источниковедение не предлагает сколько-нибудь опробованных и сложившихся схем классификации источников различных типов, кроме письменных, то в этой связи возникает ряд вопросов о теоретической возможности построения такой классификации. Возможно ли вообще осуществить классификацию внутри типов источников по схеме «тип – вид – разновидность»? Если типы источников в принятой типологии выделяются по принципам кодирования и хранения информации в них, а критерием выделения вида письменных источников является цель создания источника, возможно ли определение цели создания того или иного источника внутри типов, кроме письменных? Существуют ли здесь препятствия на уровне теории или таких препятствий не наблюдается? Я не пытаюсь дать ответы на заданные вопросы, но полагаю, что они заслуживают системного теоретического осмысления.

Некоторые сложности видовой классификации внутри типов источников, кроме письменных, можно сформулировать уже сейчас. В первую очередь они проистекают из особенностей принятой типологии источников. Она не является логически строгой, не основана на одном признаке деления всей совокупности объектов (исторических источников). Типологии источников, предложенные в трудах С.О. Шмидта, И.Д. Ковальченко, логически более строги, но именно поэтому и не функционируют в исследовательских практиках.

В принятой типологии получается, что Лаврентьевская летопись – безусловно один из письменных источников со всеми присущими ей признаками летописного произведения. Но Лаврентьевский кодекс – это вещественный источник, характеристики которого изучаются приемами различных вспомогательных исторических дисциплин (материалы письма – пергамен, чернила, способы разлиновки пергаменного листа, орудия письма, особенности переплета и пр.). Необходимо зафиксировать следующую особенность источниковедения, работающего с письменными источниками, впрочем, вполне осознанную в определениях объекта и предмета изучения различных вспомогательных исторических дисциплин: комплекс вспомогательных исторических дисциплин изучает письменные источники как вещественные, разрабатывает приемы и методы изучения письменных источников как источников, принадлежащих к другому типу – источников вещественных. Информация, полученная этими методами, соединяясь с источниковедческим анализом письменного источника, складывается в единую систему научного знания о каждом данном историческом источнике как феномене культуры.

Следующее. Каково целеполагание создания вещественного источника в виде Лаврентьевского кодекса? Очевидно, что вещественные источники по своему происхождению являются более древними, нежели письменные. Аналогичное утверждение возможно предложить и для типов источников устных и лингвистических. Исторически сложившаяся совокупность вещественных источников (независимо от того, дошли ли они до нашего времени и доступны ли для изучения) более масштабна, нежели письменных источников. Любой письменный источник одновременно является и вещественным. Так, вещественным источником будет рукопись какой-либо главы пушкинского «Евгения Онегина», но в равной степени и любая публикация этой главы в составе самого произведения в печатном виде (по необходимости оставим без рассмотрения бытование пушкинского текста в составе других типов источников: устных, технотронных, на электронных носителях). На очень внешнем уровне рассуждений можно предположить, что целеполагание создания бумажных листов со строками «Евгения Онегина», исписанных рукою Пушкина, и огромного количества изданий «Евгения Онегина» в разные эпохи на разных языках и в разных обстоятельствах – разное, значит и к разным видам вещественных источников эти феномены культуры следует относить. Но при этом всегда в основе таких источников будут лежать пушкинские строки. Полагаю, что здесь есть проблема, которая требует исследовательского внимания.

В карамзиноведческих штудиях не уделялось внимания вопросу о типологических характеристиках нежных поэтических строчек о судьбе несчастной бедной Лизы, вырезанных в 90-х годах XVIII века руками читателей повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» на коре деревьев, растущих вокруг Лизина пруда. Это источник письменный, вещественный, эпиграфический, к какому типу или типам он принадлежит, к какому виду внутри типа следует его отнести и есть ли в этом исследовательская необходимость?

Пока же, исходя из анализа состояния источниковедческих исследований различных типов источников, возможно зафиксировать следующую ситуацию: современное источниковедение не требует классификационную схему «тип источника – вид источника – разновидность источника –

разновидность источника внутри разновидности» для типов источников, кроме письменных. В связи с этим остается непроясненным вопрос о возможности выделения видов источников по признаку целеполагания внутри типов источников, кроме письменных. Исследовательский опыт изучения письменных источников дает положительный ответ на это вопрос, исследовательские практики иных типов источников пока никакого ответа для обобщения на уровне типа источников не дают. Наиболее продвинулись исследования в области классификации исторических источников для технотронных источников [6] и источников на электронных носителях, но и здесь проблема построения наиболее логичных и обоснованных классификационных схем в целом не решена. В еще меньшей степени это относится к типу источников вещественных.

Представленные наблюдения не имеют характера конечных выводов, но призваны обострить исследовательский интерес к проблематике классификации всей совокупности исторических источников как феноменов культуры.

1. Беленький, И. Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.): аналит. обзор / И. Л. Беленький. – Москва : ИНИОН, 1985. – 69 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцев. – 2-е изд., испр. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 686 с.
3. Ларин, М. В. Информационное обеспечение управления : учеб. пособие / М. В. Ларин. – Москва : РГГУ, 2018. – 279 с.
4. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях : проблемы истории и методологии : дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 2000. – 413 с.
5. Ларин, М. В. Электронные документы: вопросы теории и практики / М. В. Ларин // Вестник РГГУ. Сер. «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – Москва : РГГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 53–63.
6. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – Москва : РГГУ, 2005. – 394 с.
7. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : РГГУ, 2008. – 361 с.
8. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – Москва : Наука, 1975. – 281 с.
9. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
10. Юмашева, Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015 гг.): научные исследования в области применения информационных технологий / Ю. Ю. Юмашева. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 354 с.
11. Юмашева, Ю. Ю. Историография научных исследований в области информатизации архивного дела в Российской Федерации : начало 1990-х – 2016 г. : дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Ю. Юмашева. – Москва, 2017. – 520 с.
12. Юмашева, Ю. Ю. Электронный документ как исторический источник: проблемы источниковедческой критики / Ю. Ю. Юмашева // «Генеральный регламент»: 300 лет на службе России: от коллежского делопроизводства до управления документами : материалы практ. конф. (Москва, 14-16 окт. 2020 г.). – Москва, 2021. – С. 299–311.

Стельмашук В.С. АРХЕОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИНЕМАТОГРАФА

Популярные фильмы всегда имели непростые отношения с прошлым, а значит, и с археологией. Книги, живопись и фильмы связаны с массовой культурой, доступной аудиториям в разных странах, хотя она в конечном итоге основана на одном оригинальном произведении искусства: тексте автора, картине художника и негативе кинорежиссера. Прошлое подвержено атаке вымыслом и этот вымысел начинает выглядеть «настоящим». Это связывает фильм с дискуссией, которая видит искусство и археологию в противоречии, потому что последняя ищет единую, объективную, эмпирическую истину, в то время как первая ищет творческие ответы. Фильмы могут быть искажены политическим контекстом, в котором они снимаются, издержками производства (деньгами и временем) и необходимостью коммерческого или пропагандистского возврата. Аналогичные ограничения также влияют на публичное представление археологии в кинематографе. Кинематографисты часто осознают преднамеренность любого искажения ради повествовательной драмы.

Какими же предстают археология и археологи в современном кинематографе? Попытаемся представить некоторые рассуждения на эту, еще малоизученную, проблему.

Кинематография – это искусство создания кинофильмов. Увлечение человека концепцией общения со светом и тенями уходит своими корнями в древность. Устройства, которые открыли человечеству дорогу к современному кинематографу, начали появляться еще в первой половине XIX века. А уже в 1895 году в парижском «Гранд-кафе» люди впервые смотрели кино, заплатив за него. Братья Люмьер показали здесь восемь короткометражных фильмов. Синаматограф приобрел большую популярность в Европе. В следующем году он был привезён в Соединенные Штаты [2]. С тех пор кино шло в ногу со временем, а иногда и обгоняло его. Благодаря огромному количеству жанров, приемов, стилей и направлений кинематограф стал считаться наиболее популярной культурной практикой, отражающей множество социальных, экономических и культурных явлений в современных обществах.

Существует значительная разница между тем, как представлена археология в массовой культуре и её профессиональными реалиями. Есть определенные категории, в которые попадают фильмы про археологов и археологию: первая категория – это приключения героя-авантюриста; вторая – более точное изображение ученого или истинного археолога; третья – фильм ужасов. В последние годы наиболее популярной является категория приключенческих фильмов, наиболее очевидными примерами являются Индиана Джонс и Лара Крофт. Большинство из этих типов фильмов изображают период 1930–1940-х годов.

Стоит обратить внимание на такие художественные фильмы как: «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега» (1981 г.), «Индиана Джонс и Храм судьбы» (1984 г.), «Индиана Джонс и последний крестовый поход» (1989 г.), «Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа» (2008 г.), снятые режиссёром Стивеном Спилбергом. Они являются ключевыми в формировании образа археолога через призму кинематографа. Несмотря на то, что главный герой по сюжету является археологом и преподаёт археологию в университете, а также занимается поиском археологических памятников и их добычей, его образ нельзя назвать правильным. Он расхищает гробницы, сотрудничает с преступными группировками с целью добычи артефактов, переносит многовековые артефакты, не соблюдая условия консервации, не проводит разведку местности и раскопки. В связи с высокой популярностью этой серии фильмов, с одной стороны, повышается привлекательность археологии в целом и профессии археолога в частности, с другой, у зрителей формируются неверные представления об этой науке и этой профессии. Типизируется образ археолога как охотника за сокровищами. Несмотря на это, франшиза об археологе вызвала большой интерес. На сайте IMDb в списке «40 приключенческих фильмов об археологии всех времен» фильмы про Индиану Джонса занимают первые места [4]. А в жизни можно встретить сравнения реально существующих людей с вымышленным героем. К примеру, одного из самых знаменитых детективов, а также охотника за украденными произведениями живописи Артура Бранда называют Индианой Джонсом в мире искусства [1].

Фильмы передают множество информации об археологии и археологах. Законы жанра требуют, чтобы фильм был интересным, и большинство зрителей понимают, что это вымысел, но могут не всегда критично этот художественный вымысел отделять от реалий археологии как науки и профессии археолога. Археологи должны принимать во внимание эти противоречия, независимо от того, принимают они или отвергают кинематографические образы. Для археологов успешная передача археологической информации широкой общественности требует развенчания предвзятых убеждений, которые у широких масс зрителей формирует кино. Авторитет археолога (в глазах зрителя) связан с героической личностью археолога – искателя приключений. Учитывая роль героического повествования об археологии, современные археологи находятся под большим давлением, поскольку они должны успешно находить связь между фантазией и реальностью, чтобы успешно общаться с обывателями, чьи представления об археологии основаны на популярных фильмах.

Серьезным недостатком кино является недостаток подлинности. Большинство фильмов, связанных с археологией в той или иной степени, не содержат точных исторических, археологических или научных фактов. Это создание правдоподобного контекста, в котором может иметь место изучение человеческого поведения, страхов и тревог, возможностей и желаний (элемент преднамеренной и восторженной провокации, общая черта в популярной культуре). Рассматриваемые с позиции потребления и производства такие фильмы могут работать как метафорические диалоги о культурном отчуждении, европоцентричном и профессиональном превосходстве и неизменном стремлении к стимулирующим историям – ключевому клапану давления популярной культуры.

С археологией все происходит так же, как и с другими областями знаний – если люди не заняты в ней или не понимают, о чем говорит дисциплина (а иногда и вопреки этому), они будут рассказывать свои собственные истории приключений. Эти истории могут быть фантастическими и невероятными, но они также вызывают удивление человеческой историей прошлого.

Фильм «Тело» (2000 г.) был снят совместными усилиями США, Израиля и Германии по роману Ричарда Сапира. Его сюжет повествует об открытии, которое совершила одна из главных фигур фильма – археолог Шэрон Голбан. Доктор Голбан намного более скрупулезно выполняет свою работу, чем многие другие археологи в кино. Она исследует найденные кости, не удаляя их с места, не пропускает мелкие детали и старается не подвергать риску останки или любые другие найденные артефакты. Она использует несколько методов датирования, таких как термолюминесцентное датирование и методы относительного датирования. У раскопок в фильме, как и в реальности, установлены сроки проведения. Найденные артефакты фиксируются на фотоаппарат и упаковываются отдельно. Этот фильм является, возможно, самым точным на данный момент отображением работы археологов. Хотя для достижения идеального образа археологии создателям фильмов придется еще много работать.

Фильм «Искусственный разум» (2001 г.) включает эпилог, в котором высокоразвитые человеческие роботы, получив и осмыслив воспоминания главного героя, реконструируют прошлое посредством восстановления памяти. Это довольно красноречивая метафора для плана социальной археологии в желании восстановить прошлую человеческую сложность – признание того, что люди в прошлом строили свою собственную идентичность через взаимодействие друг с другом, с элитными структурами власти и со своей средой в ее физических и временных проявлениях. Из этого следует, что формирование личной и социальной идентичности является постоянным непрерывным процессом.

Точно так же, как археология полна культурных биографий – объектов, мест и ландшафтов, – значения которых постоянно меняются во времени и пространстве, так и сама археология имеет культурную биографию, отражением которой являются популярные фильмы и их повествования. Цель археологии это в первую очередь сохранение артефакта, трактовка и передача информации, которая заложена в нем, последующим поколениям. То, что начиналось как охота за сокровищами, сегодня перешло на совершенно иной уровень и на законном основании ничего общего с начальной формой своей не имеет. Нельзя утверждать, что абсолютно все, кто смотрит эти фильмы, воспринимают археологию соответственно, хотя есть те, кто, несомненно, это делает. Следует, скорее, выяснить, какого рода сообщения – преднамеренные или непреднамеренные – выпускаются популярным кинематографом и поэтому доступны для веры или нет. Несмотря на широкое освещение археологии в кинематографе, общественное восприятие археологии с начала двадцатого века и по сей день коренится на стереотипах. Кинематограф, в частности, еще не смог отобразить реальный облик археологии.

1. Найдена похищенная 20 лет назад картина Пабло Пикассо [Электронный ресурс] / Esquire. – 27.03.2019. – Режим доступа: <https://esquire.ru/articles/91922-naydena-pohishchennaya-20-let-nazad-kartina-pablo-pikasso/>. – Дата доступа: 27.03.2019.
2. Lights, Camera, Action! The Great History of Cinematography [Electronic resource] / Entertainmentism. – 03.06.2018. – Mode of access: <https://entertainmentism.com/history-of-cinematography>. – Date of access: 04.12.2018.
3. Needham, J. Science and Civilisation in China : in V vol. / J. Needham ; Cambridge University Press, 1962. – vol. IV : Physics and Physical Technology, Pt. 1. Physics. – 816 p.
4. Top 40 Adventure-Archaeology Movies of All Time [Electronic resource] / IMDb. – 25.09.2013. – Mode of access: <https://www.imdb.com/list/ls054170231/>. – Date of access: 03.02.2019.

Жижиян С.Ф.

КУЛЬТОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

К культовым каменным изваяниям мы относим комплекс памятников, которые имеют некие общие особенности, в первую очередь сакральные. Несмотря на различную функциональность, все подобные объекты характеризуются общими признаками – присутствием поклонений, обожествлений, мемориализации либо иных религиозных ритуалов. Сакральными объектами в фольклорной традиции принято считать различные необработанные валуны, чаще всего больших размеров и причудливой формы. Некоторые из них подвергнуты обработке рукой человека, с иными «поиграла» природа.

В фольклоре и мифологии культовые камни зачастую осмысляются как некий фундамент – центр мира или своеобразный проводник между землей и небом. При ударе о камень из него источаются огонь или вода, в легендах и сказках герои превращаются в камень или временно заключаются в него, что осмысляется ими впоследствии как временное погружение в сон либо превращение в иной объект. В фольклоре с камнем органически сопрягается тема жизни и смерти. В русских былинах он становится «камнем преткновения», а в белорусских заговорах валуны занимают центральное место в архаической картине мира [1, с. 13]. В заговорах известны образы каменной стены до неба, каменной лестницы, каменной тучи, каменной бабы и многие другие. Отдельной нитью проходит использование культовых камней в народной медицине и целительной магии.

В целом же яркое разнообразие фольклорных традиций, касающихся культовых камней, необходимо рассматривать в контексте определенных типов памятников.

Одной из наиболее представительных групп культовых камней являются камни следовики и чашечники. Данные типы камней порой очень схожи визуально, вместе с тем, углубления, которые присутствует на камнях, значительно разнятся в плане сакрального смысла. Безусловно одно: данные памятники имели в прошлом некое ритуальное назначение и представляют собой разновидности священных камней. Согласно этнографическим материалам, «следовики» чаще всего связаны с христианскими персонажами. Как правило, легенды гласят о том, что отпечаток ноги на подобном камне – это либо отпечаток ноги Иисуса Христа, либо Девы Марии, либо иных местнопочитаемых святых. Есть «следовики» со «следами» простых людей, детей, силачей, богатырей либо со следами животных, а порой и со следами черта, дьявола, или сатаны – последние воспринимаются в народе «нечистыми» и опасными для человека [9, с. 86].

Считается, что в древности многие «чашечники» служили жертвенниками. По мнению ряда ученых, многие памятники данного типа не являются обособленным объектом, а составляют часть некоего культового комплекса, святилища. Российские исследователи зафиксировали довольно большое количество «чашечников», являющихся частью культовых мегалитических комплексов [11, с. 167]. По многим критериям, как функциональным, так и сакральным, камни «чашечники» схожи с камнями «следовиками». Оба типа памятников распространены на значительной территории от Западной Европы до Кавказа, «следы» и «чаши» присутствуют на менгирах и дольменах и могут даже соседствовать с петроглифами. Этот факт позволяет предположить, что культы камней данных типов могли сосуществовать синхронно, являться двумя направлениями одного культа [13, с. 69].

Камни-жертвенники. Памятники подобного типа широко распространены практически во всех уголках планеты. В Европейском регионе камни-жертвенники наиболее распространены на землях древних пруссов в Литве, Латвии и на территории Беларуси. Использовались подобные объекты согласно названию – для жертвоприношений. Вместе с тем, существует общепризнанное заблуждение о человеческих жертвоприношениях у наших предков-язычников. Отметим, что они были менее кровавыми, чем мы считаем сегодня, согласно археологическим данным в жертву чаще приносились животные либо продукты питания и вещи.

По мнению исследователей, камни-жертвенники фактически являлись для языческого населения алтарем. Порой валуны-жертвенники также выполняли функцию каменного стола с выбитыми на нем чашами для угощений земных и небесных богов [11, с. 99].

Отметим и тот факт, что, согласно этнографическим материалам, некоторые жертвенные валуны ассоциируются у местного населения с «чертовыми» камнями, что говорит об их хтонической направленности, возможно, в комплексе с иными близлежащими археологическими погребальными памятниками. Так же этнографами зафиксирован ряд легенд о связи благополучия и существования местного ландшафта (и его жителей) с жертвенными камнями: деревня (река, болото, гора) будет стоять на месте, пока камень не будет перемещен (поврежден). Интересны и данные о том, что вода, которая собиралась в чаше жертвенного камня, в более позднее время почиталась христианизированным населением как святая вода.

Особым мотивом в этнографических материалах проходит мифическая взаимосвязь жертвенных камней с каменными жерновами. Так, на территории современной Литвы до сих пор совершается обряд, имеющий, безусловно, очень древние корни. Раз в году в десятое воскресенье после Пасхи люди по пути в костел поднимаются на городище и возлагают жертвы – лен, шерсть, монеты – на каменные жернова. Молясь, они просят Бога о здоровье, украшают крест и сами жернова. Таким образом, видна трансформация языческих верований в христианские, и каменные жернова, схожие с камнями-жертвенниками не только по внешнему виду, но и по своей мифологической функции, выполняют функцию своеобразного алтаря [11, с. 105].

Камни-целители (лекари, гойбиты). Чаще всего, это камни с отверстиями, в которых собирается влага («живая» вода, роса и т.д.). Согласно этнографическим данным, для исцеления существует некий ритуал с системой правил, ограничений, а порой и жертвоприношений, часто построенный на некоем симбиозе языческих верований и традиционной религии (в нашем случае христианства).

Считалось, что особой чудодейственной силой камни-лекари обладали в определенные дни, зачастую эти дни совпадают с праздниками христианского календаря. Таким образом, и здесь прослеживается трансформация языческих верований в христианскую обрядность.

К мифологическим камням относятся: «чертовы» камни (камни-черты, бесовы камни), камни «портные» («кравцы», «шевцы», «мастера»), тотемические камни, камни с легендами об окаменевших людях и животных, камни культа предков и культа богов, камни с легендами и прочие почитаемые камни [4, с. 91].

Чертовы камни, камни-черты, бесовы камни. С такими валунами, как правило, связаны легенды о неких демонологических персонажах, которые пытались переместить камни, либо их разбить, либо, напротив, поселиться в них, что порой, согласно легендам, им удавалось. Общим лейтмотивом всех преданий, связанных с чертовыми камнями, является желание нечистой силы каким-то образом навредить, обмануть, перетянуть на свою сторону местных жителей. Порой данным объектам приписывают способности нечто созидать (шить одежду, изготавливать обувь), но при этом проситель должен пожертвовать чем-то дорогим и таким образом перейти на сторону зла. Зафиксированы случаи, когда в местных легендах к чертовым камням относят камни «следовики» (некая нечистая сила оставила отпечатки на камне) и камни, отождествляющиеся с окаменевшими людьми (наказание человеку за несоблюдение определенных канонов и таким образом переход на сторону черных сил) [10, с. 145].

Камни «кравцы», «портные», «шевцы», «мастера». Данные памятники в народном фольклоре чаще всего наделялись способностью шить одежду или обувь. В легендах, связанных с валунами подобного типа, заметно стремление человека видеть в камне не только фетиш, но и нечто близкое себе по духу. Почитаемый объект в данном случае становится не только духовным по сути, но и каким-то образом материальным. Такие валуны становятся своеобразными «помощниками» в работе простого человека. С другой стороны, ряд легенд о камнях «мастерах» связан с чертями, бесами, колдунами, заключенными в камень, змеями и иными животными, превращающимися в человека, чтобы шить одежду, или окаменевшими портными, наказанными за пренебрежение общеустановленными канонами. Данные особенности преданий можно воспринимать как своеобразный намек на подвластность человеческой судьбы высшим силам. Существуют предания о «ходящих по свету» камнях «кравцах». Подобные объекты, как и камни «следовики», особо почитались населением, и «за работу» к ним было принято приносить различные подношения – деньги, продукты питания, вещи.

Тотемические камни (валуны «звери»). Памятники данного типа, как правило, обладают выразительными визуальными особенностями, несомненно, природного происхождения, придающими им схожесть с различными животными. Подобные объекты свидетельствуют о наличии в регионе культов тотемизма или зоолатрии. Кроме наших предков – славян, культ медведя присутствовал в верованиях древних греков, финнов, германцев, а также в верованиях народов Сибири и народов древней Японии. Истоки этого культа берут свое начало еще в периоде палеолита [6, с. 127].

Камни с легендами об окаменевших людях, животных, предметах можно встретить в легендах и преданиях разных народов. Данный мотив, как правило, одинаков – превращение в камень как наказание, кара божья, за грехи, воровство, болтливость, злобу, результат заклятия или просто магической трансформации. Согласно этнографическим данным, такие предания характерны не только для территории Беларуси. Они зафиксированы в Литве, Латвии, в землях прусов [8, с. 145].

Что касается окаменевших животных, то, как правило, кроме тотемных преданий, существуют мотивы, когда животное поневоле стало жертвой из-за человека, нарушившего некие каноны (предания об окаменевших вместе с волами (быками) пахарях в наказание за работу в праздник) [3].

Окаменевшими мифологическими персонажами чаще всего выступают черти. По той или иной причине в камень может превратиться черт как в антропоморфном, так и в зооморфном облики – черт-лебедь, черт-ягненок, черт-конь и т.д. В зооморфном облики не всегда является сам черт, иногда, согласно преданиям, – это призрак умершего, так как «заблудший» домашний скот порой появляется около кладбища [8, с. 162]. Часть легенд характеризуют черта как хтонического персонажа.

С камнями – окаменевшими предметами в мифическом ландшафте Европы чаще всего связывается либо деятельность потусторонних сил – чертей, ведьм, колдунов, – либо библейских персонажей. Существуют камни с окаменевшими вещами исторических персонажей (Петр Первый, Екатерина Великая, Наполеон, местные князья, графы, бароны). Такие камни связаны с времяпровождением на них (завтрак, обед, отдых) и окаменением личных вещей (посуда, оружие) [12, с.122].

Отметим, что исходя из этнографических данных, окаменеть могли как отдельно взятые люди, так и пары, группы и даже целые деревни. В камни могли превращаться люди обоих полов и разных возрастных категорий. Зафиксированы случаи, когда в камень одновременно превращались люди и мифические персонажи. Причин окаменения зафиксировано множество, во многом они схожи, но значительно отличаются в зависимости от региона бытования. Существуют сюжеты родительского, особенно материнского, проклятия, нарушение неких традиционных устоев (жестокость, жадность, воровство, любопытство, лень, бесчестие), норм христианской морали (богоотступничество, гордыня). Чаще всего данные процессы происходили на грани сближения двух миров – реального и мифического, с последующим уходом в мир мифический. Персонажи легенд, как правило, обезличены, за редкими случаями они не имеют ни имен, ни фамилий. Интересен и тот факт, что на территории Беларуси в большей степени зафиксированы сюжеты с библейскими персонажами и с карой за христианские грехи, а в соседних Латвии и Литве присутствуют чаще мифологические персонажи и более архаичные сюжеты. Вероятно, это связано с социальными особенностями укоренения язычества и территориальной неоднородностью влияния христианства. Также очевидна линия связи камней с такими мотивами, как бедность или голод и, напротив, сюжетами богатства или урожайности. Это яркое свидетельство патриархальных корней мифов и легенд об окаменевших персонажах, связанных с темой плодородия скота и плодородия земли [2, с. 19].

Камни с легендами и прочие почитаемые камни. Пантеон подобных памятников велик. Это и камни «небесные» или «гром-камни» – объекты метеоритного происхождения, которые считались упавшими с неба и притягивающими к себе удары грома и молнии. Чаще всего они ассоциировались

с культом плодородия, обращение к ним помогало появлению дождя во время засухи или, напротив, его прекращению в непогоду. Также к этой категории можно отнести камни-покровители, обереги, «цветные» камни, камни – свидетели различных событий и явлений, камни, под которыми, согласно этнографическим данным, находят детей или клад, и многие другие [5, с. 61].

В данном контексте можно рассматривать любой памятник, к которому есть хоть минимальное внимание со стороны человека. Замечены ситуации, когда валун, который много лет лежал поодаль некоего населенного пункта и никак не выделялся на фоне общего природного ландшафта, вдруг в XXI веке неожиданно становился для местного населения «сакральным». Причина прозаична – он попал в поле внимания «чужих», желающих увести или расколоть данный камень для хозяйственных нужд [7, с. 51]. Местное население сразу же декларирует данный памятник хранителем деревни, к нему начинаются подношения и иные ритуалы, находятся старожилы, еще помнящие «чудеса», которые явились благодаря камню...

Не стоит сбрасывать со счетов и очень популярное в последнее время течение «неоязычников». Они также склонны мифологизировать и «дополнять» известные факты, что становится проблемой для ученых. Наиболее активные группы данного движения порой пытаются «реконструировать» некоторые памятники, не только нанося, таким образом, огромный вред исследователям объектов подобного типа, но и нарушая законодательство об охране историко-культурного наследия.

1. Александров, А. А. Культурные камни в сказках / А. А. Александров // Краткие Сообщения Института археологии. – 1983. – № 175. – С. 12–18.
2. Бараг, Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования (По материалам белорус. фольклора) / Л. Г. Бараг // Сов. этнография. – 1966. – № 5. – С. 15–27.
3. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов / А. Е. Богданович. – Гродно : Губернская Типография, 1895. – 186 с.
4. Демиденко, Е. Л. Значение и функции общефольклорного образа камня / Е. Л. Демиденко // Русский фольклор. – Т. XXIV : Этнографические истоки фольклорных явлений. – Л., 1987. – С. 85–98.
5. Дучиц, Л. В. Валун как объект поклонения у белорусов / Л. В. Дучиц, Э. А. Левков // Археология и история Пскова и Псковской земли : тезисы докладов науч.-практ. конф. – Псков, 1989. – С. 56.
6. Жижиян, С. Ф. Культурные каменные изваяния Могилевского Поднепровья: к вопросу о синтезе языческих и христианских традиций / С. Ф. Жижиян // Религия и общество – 10. Сборник научных статей / под ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 126.
7. Жижиян, С. Ф. К вопросу о традициях установки надмогильных каменных изваяний у населения Могилевского Поднепровья в XIV – XIX вв. (на примере Быховского района) / С. Ф. Жижиян, А. В. Доронин // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў X. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 мая 2017 г. / уклад.: А. М. Баццюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2017. – 482 с.: ил. С. 48.
8. Кульгавыя і гістарычныя валуны Беларусі / А. К. Карабаняў [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 235 с.
9. Ляўкоў, Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.
10. Мялешка, М. Камень у вераваннях і паданнях беларусаў / М. Мялешка // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 11 / сост. и науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск, 2013 – С. 143–168.
11. Платов, А. В. Мегалиты Русской равнины / А. В. Платов. – М. : Вече, 2009. – 310 с.
12. Раманюк, М. Беларускія народныя крыжы / М. Раманюк. – Вільня : Наша Ніва, 2000. – 221 с.
13. Уртанс, Ю. В. Языческие культовые памятники на территории Латвии : дис. ... канд. ист. наук. / Ю. В. Уртанс. – Ленинград, 1988. – 270 с.

Валуев Д.В.
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В.И. ГРАЧЕВА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Смоленская крепостная стена, построенная на рубеже XVI–XVII вв. является ярким памятником фортификационного зодчества. За свою четырехвековую историю она пережила ряд реконструкций и разрушений, как в ходе военных кампаний, так и в мирное время. В 1844 г. был юридически оформлен перевод Смоленской крепости из ведения Военного министерства в распоряжение гражданской власти. С этого времени начался постепенный процесс мемориализации стены и превращения её в памятник истории и культуры. Данное явление было связано как с возрастающим интересом исследователей к крепости, так и активизацией борьбы за её сохранение и реконструкцию.

Одним из исследователей и защитников Смоленской стены в XX в. был Василий Иванович Грачев. Родился он 25 декабря 1865 г. (6 января 1866 г. по н. стилю) в Смоленске, в мещанской семье. Окончил городское училище, а затем реальное училище. Зарабатывал на жизнь, будучи домашним учителем, давая частные уроки и занимаясь репетиторством. С 1896 по 1918 гг. преподавал в Смоленском ремесленном училище. В начале 1890-х гг. В.И. Грачев стал одним из основателей Смоленского общества торговых служащих. С момента начала его деятельности в 1893 г. и по 1916 г. он занимал в нем посты члена правления, секретаря и библиотекаря. После Октябрьской революции почти до конца жизни Василий Иванович трудился на преподавательских должностях в различных учебных заведениях. Он регулярно читал популярные лекции и проводил экскурсии различной тематики. С 1889 г. по 1917 г. активно публиковал заметки и статьи в местных газетах.

Ещё в ранней юности В.И. Грачев увлекся изучением прошлого родного края. С момента открытия в 1888 г. городского исторического музея до 1913 г. он являлся его хранителем. С 1908 г. по 1920 г. В.И. Грачев был правителем дел Смоленской ученой архивной комиссии. С 1917 по 1931 гг. состоял архивариусом архивного бюро Смоленска. Василий Иванович Грачев стал автором значительного количества научных и популярных работ, посвященных различным страницам истории Смоленска и Смоленской земли. Он опубликовал целый ряд уникальных документов, обнаруженных им в местных архивохранилищах.

С июня 1915 г. он являлся членом Комиссии по охране и ремонту крепостной стены, учреждения, созданного ещё в 1888 г. После Февральской революции она прекратила существование, но в феврале 1919 г. возобновила свою деятельность. Грачев активно участвовал в её трудах. 27 февраля 1919 г. на заседании Губернской архивной комиссии Грачев сделал доклад о крепостной стене. Заканчивался он такими словами: «Вследствие вышеизложенного Правление Архивной комиссии просит Смоленский Областной отдел народного образования возбудить ходатайство перед надлежющими учреждениями о скорейшем проведении в жизнь вопроса о Смоленской крепостной стене, ибо в противном случае стена будет разрушаться, и таким образом погибнет памятник высокой ценности; кроме того, обвалы стены могут вызвать несчастия с людьми» [4, л. 126].

В.И. Грачев сотрудничал со Смоленским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников, фактически приняв на себя обязанности смотрителя стены. Он исполнял их до 1925 г. На склоне дней Василий Иванович писал: «С 1920 года я вел дневник по охране стены, в котором по участкам подробно описывал стену, её недостатки и необходимые меры к устранению таковых недостатков, а в конце года представлял доклад о состоянии стены, памятников старины города и его окрестностей» [1, с. 27].

Материалы, связанные с деятельностью В.И. Грачева по изучению и охране Смоленской крепости отложились в архивохранилищах Смоленска и Москвы. В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) находится фонд Смоленской губернской ученой архивной комиссии (Ф. 52) и Фонд Комиссии по охране, надзору и приведению остатков древней Смоленской крепостной стены в безопасное положение (Ф. 84). Также материалы, напрямую связанные с трудами Грачева имеются в фонде Отдела народного образования Смоленского губернского совета (Ф.Р-19).

Однако самые ценные архивные источники находятся в фонде В.И. Грачева в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). После кончины выдающегося краеведа его дочь, согласно завещанию отца, передала в ГИМ его бумаги, из которых был сформирован отдельный фонд (Ф. 350). Он «состоит из 89 дел, вмещающих в себя 14 910 листов». Надо отметить, что в советское время, несмотря на очевидную ценность материалов этого фонда они были мало востребованы даже у смоленских историков. В пояснительной записке к его описи, составленной в сентябре 1940 «и.о.» научного сотрудника музея Я.В. Харитоновым говорилось, что «большинство материалов» В.И. Грачева, относящихся к послереволюционному периоду «наполнены бытательскими, а иногда и явно антисоветскими толкованиями отдельных вопросов» [6, л. 1]. В связи с этим было рекомендовано: «1. В части, касающейся дореволюционного периода, поскольку материал подобран тенденциозно, к нему должен быть ограничен доступ. 2. Что касается второй части, т.е. материалов с момента Октябрьской социалистической революции, то допуск к нему должен быть совсем закрыт для посетителей, не имеющих на то специального разрешения» [6, л. 3].

Недавно в архивном фонде В.И. Грачева было обнаружено дело, в котором собраны материалы, касающиеся Смоленской крепости. Среди прочего в нем наличествует подробная характеристика состояния прясел и башен стены на всем её протяжении, составленная Василием Ивановичем в период с 3 августа по 22 декабря 1919 г. В этом же деле имеется «Дневник по надзору за Смоленской крепостной стеной с 1-го июля по 21 августа 1920 г. наблюдающего за стеной В.И. Грачева» и его доклад о состоянии стены, написанный в декабре 1921 г., адресованный подотделу по делам музеев и охраны памятников. Все эти источники до сегодняшнего дня не использовались исследователями и не вводились в научный оборот.

Всю сознательную жизнь В.И. Грачев вел дневниковые записи. В его архивном фонде имеется развернутая автобиография, составленная им накануне кончины с приложением дневника, составленного «по собранным ... запискам, записным книжкам, и тому подобному» [1, с. 28]. По сути это летопись жизни. С лета 1914 г. Грачев вёл регулярные поденные записи. Дневники в его фонде составляют 23 дела [1, с. 4]. В 2019 г. в Смоленске вышел сборник, в котором опубликованы его автобиография, включающая дневниковую летопись жизни, дневник 1914–1916 годов и дневник 1931 г. Данное издание представляет несомненную научную ценность. Но большинство дневников В.И. Грачева остаются неизданными и не введенными в научный оборот.

В этих дневниках есть немало упоминаний о крепостной стене. В них описан разгром, которому подверглись т.н. «архивные» башни, а также башни, в которых хранились ценные вещи, вывезенные

из западных губерний во время Первой мировой войны. Так, 30 марта 1917 г. В.И. Грачев записал: «Разгромлена башня Веселуха, в которой хранилось имущество и архивы эвакуированных западных городов. Воры в солдатских шинелях тащили из башни серебряные ложки, стенные и столовые часы, одежду, самовары т.п. Архивные дела рвали и разбрасывали. По городу разнесся слух, что в башне Веселухе найдено золото и серебро» [3, л. 51]. 8 апреля того же года в его дневнике появилась следующая запись: «Архивные башни: Авраамиевская, Никольская и другие подвергаются частому разгрому – двери и замки ломают, дела разбрасывают и рвут. Остановить разгром башен я не в силах, ибо разгромом этим занимаются воинские чины» [3, л. 56].

Важная запись, касающаяся судьбы Смоленской крепости была сделана В.И. Грачевым 16 (3 по старому стилю) ноября 1918 г. В этот день он написал в своем дневнике: «Пасмурно, туман, грязь, хол. ветер.

Сегодня особая комиссия, из членов Архивной комиссии и Совета городского хозяйства осматривали участок крепостной стены между Казанским проломом и Немецким кладбищем, предназначенным Городским хозяйством к разборке. Комиссией признано было, что этот участок стены не настолько ещё ветх и не грозит падением и, что достаточно лишь отобрать с двух сторон угрожающие места, отбить выпучины, но не разбирать весь участок. Кроме того городским хозяйством выбран бут в проломе бывшей Стефановской башни, близ Покровской церкви. Летом в текущем году разобран стеной бут и часть стены, близ Евстафьевской башни (водонапорной) по направлению к Никольской башне» [4, л. 160 об.].

О том, как развивались события дальше можно узнать из письма представителя Отдела по делам музеев и охране памятников искусства Наркомпроса Н.С. Петрова, побывавшего в феврале 1919 г. в Смоленске выдающемуся искусствоведу, известному борцу за спасение памятников старины П.П. Покрышкину. В своем послании Петров, в частности писал: «Прежде всего я произвел большой осмотр почти всех памятников старины для того, чтобы составить себе дальнейший план работы. Вообще могу сказать, что все они в довольно хорошей сохранности, исключая древней крепостной стены, которая с 1916 г. почти не ремонтируется, хотя все это время находилась под личным наблюдением Вас. Ив. Грачева, относящегося к ней с большой любовью. Комиссии по охране стены уже не существует... . Повидал также занимавшегося в архиве Вас. Ив. Грачева (ему я передал В. привет) он-же мне рассказал о том, что местные власти предполагали разобрать часть древней стены, вследствие чего он, – не зная куда обратиться за содействием телеграфировал в Москву – Н. Троцкой. 17 января с.г. был прислан из Москвы архит. Конс. Алек. Жуков, который совместно с Грачевым обошел всю стену и уехал. 15 февраля была получена телеграмма от Н. Троцкой, в которой она возлагает надзор за стеной на Архивную Комиссию (председ. Крыжановский) и категорически запрещает разбирать стену» [2, л. 7 – 7 об., 10].

В январе 1919 г. В.И. Грачев, согласно его автобиографии, действительно «осматривал с прибывшим из г. Москвы инженером Ник. Конст. Жуковым участок гор[одской] крепостной стены между Немецким кладбищем и Казанским проломом с целью определения состояния этого участка и его сохранности, так как гор[одское] коммунальное предполагало его разобрать. Жуков пришел к заключению, что участок этот не грозит падением и при небольшом ремонте его можно сохранить» [1, с. 139]. 18 января 1919 г. Н.К. Жуков на заседании «Правления архивной комиссии доложил, что по его мнению этот участок стены может быть сохранен, с условием принятия своевременных мер к его ремонту; что вся стена в некоторых местах требует ремонта и несомненно необходимые суммы для этой цели будут ассигнованы Отделом по охране памятников старины, о чем он возбудит ходатайство перед Отделом по возвращении в Москву и предоставит Московскому Отделу по сему предмету доклад» [5, л. 28 об. – 29].

В результате, в феврале Смоленская ученая архивная комиссия получила телеграмму из Москвы, направленную Заведующей отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса Н.И. Троцкой. В ней говорилось: «До образования специального органа по охране памятников Смоленска, охрана крепостной стены поручается местной архивной комиссии. Разборка стены недопустима» [5, л. 29]

21 марта 1919 г. состоялось первое заседание архитектурной комиссии по охране и реставрации Смоленской крепостной стены, которая стала частью Смоленской губернской ученой архивной комиссии [5, л. 129–130]. Её деятельность продолжалась недолго. Уже в начале 1920-х годов Смоленская крепость была передана в ведение Смоленского губернского подотдела по делам музеев, охране памятников искусства и старины при Отделе народного образования (Губмузей).

На склоне дней В.И. Грачев стал свидетелем уничтожения участков крепостной стены в ходе масштабной перестройки Смоленска. В своем дневнике 23 февраля 1931 г. он записал: «Покончив с разборкой крепостной древней стены на Казанской горе, между Немецким кладбищем и Казанским проломом, наши мудрые городские правители приступили к разрушению участка крепостной стены по Казанской горе. Так погибает гордость и историческая ценность нашего древнего гор[ода]

Смоленска. ... С восточной стороны стена подкапывается выборкою глины, песку гравию, что, конечно, ускоряет разрушение и этой части стены. Да, новые люди выявляют свою «культурность» в скобках. А попробуй стань на защиту столь варварской деятельности, сейчас попадешь в неблагоприятные, благо, изобретено для этой цели немало громоотводов» [1, с. 278].

Однако и в последние свои годы В.И. Грачев, по мере своих сил, участвовал в борьбе за сохранение уникального памятника истории и культуры. Так, 8 июня 1931 г. он «участвовал по осмотру башен стены в комиссии Коммунального отдела» [1, с. 154].

Подводя итог, следует отметить, что Василий Иванович Грачев сделал многое как для исследования истории, так и для сохранения Смоленской крепости. Сведения, содержащиеся в документах, составленных им на основе регулярных осмотров стены, позволяют составить более полное представление о том, что происходило с ней в первые годы советской эпохи, какие утраты она понесла, как происходил процесс разрушения отдельных её участков и каковы были причины этого. Также, данные документы помогают нам лучше понять какие меры предпринимались властями, как местными, так и центральными для спасения уникального памятника фортификационного зодчества в непростой период нашей истории.

1. Дневник смоленского краеведа Василия Ивановича Грачева / Дневник смоленского краеведа. – Смоленск: Край Смоленский, 2019. – 368 с.
2. Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный отдел (НА ИИМК РАН РО). – Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.
3. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). – Ф. 350. Оп. 1. Д. 4.
4. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 5.
5. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 51.
6. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Пояснительная записка.

Бицадзе Н.В. ИКОНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

За последние десятилетия не только значительно расширился круг материалов, которые могут быть использованы исследователями в качестве исторического источника, но и усовершенствовались методы их обработки. Большой прогресс в этом отношении связан, несомненно, с прорывным развитием компьютерных технологий, а также с новыми подходами в области теории информации. Однако, до сих пор существует ряд специфических источников, изучение которых достаточно сложно формализовать, «компьютеризировать». Это, в первую очередь, касается изобразительных материалов, при создании и изучении которых принципиальную роль играет личностный, субъективный фактор. Одним из таких источников является икона, которая может дать специалисту многообразный материал как для изучения некоторых аспектов материальной культуры, так для того, чтобы делать выводы, лежащие в сфере культуры духовной.

Будучи материальным объектом, икона дает возможность судить о развитии технологии живописи. При этом анализируются материал и методы обработки доски, форма шпонок, использовании тех или иных пигментов, наличие или отсутствие паволоки и левкаса (а также его состав), способы нанесения предварительного рисунка на иконную доску и др. В этом отношении огромный опыт накоплен реставраторами, в чьих руках имеется сегодня богатый инструментарий – химические исследования, рентген, специальная фотография, возможности компьютерной обработки данных и пр. Важная информация технико-технологического характера содержится в толковых иконописных подлинниках, в большом количестве отложившихся в отделах рукописей музеев, научных библиотек и архивов, в монастырских ризницах и частных собраниях. Подлинники самым внимательным образом изучаются реставраторами, их время от времени публикуют. Между специалистами идет постоянный обмен информацией, итоги кропотливой работы выносятся на общественный суд на реставрационных советах и научных конференциях.

Обращаются к иконе и те специалисты, которых волнуют «этнографические» реалии той или иной эпохи. Они ищут на иконе изображения предметов быта, бытовых сцен, анализируют изображения воинских доспехов, плавательных средств, архитектурных сооружений. И здесь уже тоже есть немалые успехи. Первыми оценили возможности иконы как исторического источника исследователи архитектуры. Среди них С.В. Вереш [3], М.И. Мильчик [7; 8; 9] и др. В свет вышли их работы об этапах формирования ансамбля Соловецкого монастыря на основе изучения икон второй половины XVI – начала XVIII в. с изображением обители. Исследователи М.В. Щепкина. [11], А.С. Косцова и А.Г. Побединская [5; 6], отмечают достаточно подробное, грамотное изображение на житийных иконах святых-основателей монастырей конкретных монастырских ансамблей. Со знанием дела, реалистично иконописцы пишут деревянные постройки, крепостные и храмовые сооружения. Позднее к исследователям средневековой архитектуры присоединились и другие специалисты. Достаточно вспомнить хотя

бы работы по традиционному судостроению А.В. О कोरोкова [4; 10], который в качестве одного из источников исследования привлекал изображения плавсредств на иконах.

Сложнее обстоит дело с изучением иконы как источника исследований в области духовной культуры. Тут нет разработанной методики исследования, много зависит от уровня компетенции специалиста, в оценках того или иного явления высок процент субъективизма. Тем не менее, и здесь исследователями накоплен ценный опыт, опираясь на который, можно делать осторожные выводы о смене векторов общественного развития, о нарастании или угасании религиозности в разных группах населения, о специфике религиозных воззрений в различных регионах страны и влиянии на них многообразных факторов. Все это находит свое воплощение и в религиозной живописи, которая, несмотря на наличие канона, своими специфическими средствами чутко реагирует на современные ей изменения в устроении общества.

В качестве примера можно обратиться к иконе Русского Севера, которая, в силу целого комплекса географических, социальных, экономических и культурных обстоятельств, дает исследователю богатый и интересный материал для реконструкции некоторых аспектов духовной жизни населения этого региона.

По мере постепенного экономического (промышленного) освоения территории Русского Севера, «монастырской колонизации» данного региона в традиционной культуре русского населения шли важные процессы трансформации. С одной стороны, традиционная культура, приспосабливалась к новым формам хозяйствования, новым климатическим условиям, новым культурным влияниям соседних народов, в том числе народов Крайнего Севера, и в силу этого приобретала новые черты. С другой стороны, в новых, непривычных, условиях в традиционной культуре отходили на второй план или вообще отмирали те ее черты, которые не способствовали адаптационным механизмам, но зато активизировались, возрождались ее ядерные структуры, лежащие в основе ментальности русского народа. В результате в культуре русского населения Севера, Поморья можно наблюдать разнообразные черты, некоторые из которых, казалось бы, прямо противоречили друг другу, но на практике довольно мирно сосуществовали. Это и православные воззрения, и пережитки язычества, и старообрядческие взгляды, и западное влияние. И в северной иконе можно найти подтверждение сказанному.

Языческие пережитки проявлялись в особом, практически магическом, отношении к иконе. Ее занавешивали, когда в дом заходил чужой человек; свою икону прихожанин приносил с собой на службу и не позволял никому другому на нее молиться, а после службы ее уносили с собой; проводя различные обряды, икону упоминали в заговорах. В малозаселенных, глухих районах, в которых было тяжело добраться до храма и получить помощь священника, перед иконой исповедовались, вычитывали скитское покаяние.

Как влияние язычества можно расценить и широкое распространение культа тех святых, которые в сознании наших предков превратились в «заместителей» языческих богов. Такое «замещение» шло по разным схемам. Иногда при наложении друг на друга церковного и сельскохозяйственного календаря православные святые становились покровителями домашних животных, разнообразных ремесел и видов хозяйственной деятельности, как это произошло, например, с Параскевой Пятницей, ставшей вместо богини Макоши (Мокоши) покровительницей женских рукоделий и торговли, и со св. Георгием, который берег стада от «съедения». Иногда этому сближению способствовало созвучие имен, как в случае со св. Власием, чье имя напоминало имя славянского бога-покровителя стад Велеса (Волоса), в результате чего Власию стали молиться о защите и здоровье домашних животных. В каких-то случаях эпизоды жития святого подводили к тому, чтобы считать его «заместителем» языческого бога. Такая история произошла с пророком Илией, который был восхищен на небо в огненной колеснице, что позволило сблизить его образ с Перуном, который, как известно, разъезжал на огненной колеснице, производя гром. Многообразные прижизненные и посмертные чудеса св. Николая Чудотворца сделали его в сознании православных людей покровителем купцов, мореплавателей, детей, девушек на выданье, терпящих бедствие на водах. Но в языческом пантеоне все это входило в компетенцию бога Велеса (Волоса), что неминуемо привело к сближению этих персонажей. Именно иконы святых-«заместителей» языческих богов имели наиболее широкое хождение на Русском Севере.

Пережитком язычества можно считать и «специализацию» святых, к которым обращались в тех или иных случаях. Например, от зубной боли следовало молиться священномученику Антипе, от глазных болезней – святому апостолу Луке и архидиакону Лаврентию, от «трясовичной болезни» (лихорадки) помогал епископ Тарасий, от головной боли – пророк Иоанн Предтеча. К мученикам Гурию, Самону и Авиву обращались за помощью в тех случаях, когда «муж безвинно возненавидит свою жену», преподобный Виталий помогал в борьбе с «блудной страстью», от пьянства и запоя молились перед иконой «Неупиваемая чаша», а также мученику Вонифатию и преподобному Моисею Мурину, от пожара спасала икона Богородицы «Неопалимая купина» и др. Как отражение подобной практики можно рассматривать широкое бытование в народной среде «Целебников», икон с изображением святых и указанием того, в каких случаях им следует молиться.

Под влиянием изменившихся условий жизни в среде местного населения особую актуальность получили идеи «труда благого Христа ради», которые сближали трудовой подвиг с ратным подвигом и монастырской аскезой. Широкое распространение имели артельные идеалы. В результате на Русском Севере сформировался свой пантеон святых, жития которых как раз «транслировали», иллюстрировали данные идеи – это святые Зосима и Савватий, Варлаам Керетский, Артемий Веркольский, Иоанн и Лонгин Яренгские и другие. Их культ на Севере был очень широко распространен.

На Русском Севере большим авторитетом и влиянием пользовались старообрядцы, которых преследования со стороны властей вынудили искать спасения в глухих, малозаселенных местах Севера, Урала, Сибири. Как их влияние можно рассматривать напряженное внимание местного населения к проблемам эсхатологии и распространение икон на эту тему («Страшный Суд», «Апокалипсис», «Архангел Михаил – грозных сил воевода», «Плоды страданий Христовых», «Богородица Солнечная»). Благодаря почитанию в старообрядческой среде св. Харлампия на Русском Севере бытовало большое количество его икон, несмотря на запрет его почитания православной церковью.

Старообрядцы, жившие в напряженном ожидании скорого Страшного Суда, крайне серьезно относились к проблемам сохранения чистоты духовной и физической, поэтому в их среде и под их влиянием у иконописцев Русского Севера были очень популярны иконы и лубки на соответствующие сюжеты: «Двоесловие живота со смертью», «Смерть праведника и грешника», «Семь смертных грех», «Похвала девственникам».

Надежда на заступничество святых на Страшном Суде привела к распространению деисусных композиций. Но и здесь можно увидеть отголоски языческих влияний, которые выразились в широчайшем культе св. Николая Чудотворца (заместителя бога Велеса). В деисусных композициях, богословский смысл которые не всегда был понятен, вместо Иоанна Предтечи и даже самого Спасителя можно было увидеть изображения столь любимого местным населением св. Николы.

Западное влияние нашло свое отражение в проникновении в иконопись Русского Севера таких сюжетов, как «Грехи наши на Себе понесе» («Таинство Креста»), «Плоды страданий Христовых», «Лабиринт духовный». Правда, необходимо отметить, что понимание, трактовка и иконография подобных икон не оставались неизменными, они переосмысливались местным населением, адаптировались под их взгляды.

В рамках статьи невозможно осветить все аспекты, связанные с использованием иконы как исторического источника. Более подробно северная икона рассматривается в других работах автора [1; 2]. Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что диапазон использования иконы в научных исследованиях необычайно широк, многообразен и может быть востребован в исторических, искусствоведческих и культурологических работах.

1. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ / В. В. Ануфриев [и др.]. – М., 2013.
2. Культура русских поморов. Опыт системного исследования / Э. Л. Базарова [и др.]. – М., 2005.
3. Вереш, С. В. Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям / С. В. Вереш // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. – М., 1980.
4. Дубровин, Г. Е. История северорусского судостроения / Г. Е. Дубровин, А. В. О कोरोков. – М., 2001.
5. Косцова, А. С. Русские иконы XVI – начала XX века с изображением монастырей и их основателей. Каталог выставки / А. С. Косцова, А. Г. Побединская. – СПб., 1996.
6. Косцова, А. С. Русские житийные иконы XVI – начала XX века [ГЭ] / А. С. Косцова, А. Г. Побединская. – СПб., 1999.
7. Мильчик, М. И. Архитектура в древней живописи / М. И. Мильчик // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 2.
8. Мильчик, М. И. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи / М. И. Мильчик // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1980.
9. Мильчик, М. И. У истоков древнерусской иконографии Соловецкого монастыря / М. И. Мильчик // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988.
10. О कोरोков, А. В. Древнейшие средства передвижения по воде / А. В. О कोरोков. – Калининград, 1994.
11. Щепкина, М. В. Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века / М. В. Щепкина // Соловецкий монастырь. Из архива П. Д. Барановского. – [М.], 2000.

Сукина Л.Б.

КУДА ИДЕТ ВОИНСТВО НЕБЕСНОГО ЦАРЯ? ТРУДНОСТИ ДЕШИФРОВКИ ОДНОГО ВИЗУАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА

Известный французский медиевист Р. Фоссье, рассуждая о превратностях работы исследователей средневековья, заметил, что «мы всего лишь жертвы наших источников» и нередко подменяем их реальностью реальность исторической действительности [12, с. 209]. Но и реальность самого исторического источника нередко труднодоступна для ее познания современным ученым. В первую очередь, это касается визуальных источников, к которым историки-медиевисты обращаются ввиду недостатка информации в источниках письменных. В свое время много внимания специфике и сложности анализа визуальных источников уделил И.Д. Ковальченко. Он показал, что

главная проблема заключается в том, что в изображениях информация закодирована в визуальных образах, и потому ее дешифровка требует особых исследовательских методов. Историк должен осуществить процедуру «снятия» присущих эпохе создания источника изобразительных принципов, скрывающих содержание. Полученная в результате информация должна быть подкреплена сведениями из других (преимущественно, письменных) источников и получить «естественно-языковое» выражение [5, с. 133–134]. По справедливому мнению И.Д. Ковальченко, эта задача «особенно важна применительно ко всякого рода нереалистическим отражениям действительности» [5, с. 133]. В визуальных источниках русского средневековья явным образом отсутствует реализм содержания и формы, так как за малым исключением это изображения религиозного характера (иконы, фрески, миниатюры церковных книг). Но и композиции, иллюстрирующие так называемые «светские» тексты также далеки от реальности, как ее начали понимать в Новое время [См.: 14, с. 110–131]. При этом источниковедческий анализ средневековых изображений и верификация его результатов нередко затрудняются отсутствием сопровождающих создание и/или функционирование конкретного художественного произведения письменных источников. Как далеко может завести (не)понимание визуального источника и расплывчатость его датировок мы попробуем показать на материале такого широко известного памятника иконописи как «Благословенно воинство Небесного Царя» («Церковь Воинствующая»).

Сохранились два образца этой иконографии: 1) Икона из собрания Государственной Третьяковской галереи. Инв. 6141. Дерево, темпера. 144×396 см. Происходит из Мироваренной палаты Московского Кремля; 2) Икона из собрания Музеев Московского Кремля. Ж-1065. Дерево, темпера. 41×65 см. Происходит из Чудова монастыря. Вторая икона в литературе датируется широко (от середины до последней четверти XVI в.) и сравнительно редко используется в научных исследованиях. В отличие от нее, первая известна не только каждому специалисту, занимающемуся русским XVI в., но и многим любителям истории. Ее репродукцию можно встретить в многочисленных научных трудах, учебниках и научно-популярных изданиях. Обычно ей иллюстрируют рассказ о событиях похода Ивана Грозного 1552 г., завершившегося взятием Казани. До сих пор, несмотря на некоторые заметные искусствоведческие публикации последнего времени, аргументированно оспаривающие связь иконы с этим событием, остается распространенным мнение, что на иконе в символической форме представлено шествие русских войск на Казань. Но такая интерпретация этого произведения при внимательном рассмотрении представляется весьма произвольной, также выясняется, что его датировка 1550-ми гг. конвенционально сформировалась в среде историков и искусствоведов в советское время.

Принятое на протяжении длительного времени название обеих икон «Церковь Воинствующая» вызывало сомнение еще у П.П. Муратова, исследовавшего обнаруженные в Успенском соборе Московского Кремля комиссией по реставрации фресок храма во главе с князем А.А. Ширинским-Шихматовым шедевры древнерусского искусства XV и XVI вв. [9, с. 11–12] Когда оно появилось, точно не установлено (атрибуция его Н.В. Квливидзе советскому искусствоведению ошибочна [4, с. 324]). Муратов небезосновательно усматривал здесь поверхностную и потому неверную аналогию с названием известной фрески во флорентийской церкви Санта-Мария Новелла «Церковь Воинствующая и Торжествующая» и справедливо считал, что литературно-богословскую основу московских икон следует искать не в посланиях апостола Павла, а в Апокалипсисе. Догадка исследователя была подтверждена В.И. Антоновой, обнаружившей во время работы над каталогом икон в собрании Третьяковской галереи в описи XVII в. Успенского собора, вероятно, первоначальное название первой из икон «Благословенно воинство Небесного Царя» [3, с. 131].

Икона из Третьяковской галереи не имеет точной, надежно верифицируемой датировки, так как ее создание не зафиксировано ни в летописях, ни в актовых источниках. При этом сложность иконографии, высокое качество живописи и расположение произведения в XVI в. в Успенском соборе рядом с царским местом позволяет связать его с придворным художественным кругом. Датирование иконы в исследовательской литературе взаимосвязано с интерпретацией ее сюжета. П.П. Муратов временем создания иконы считал начало XV в. и видел в ней выражение эсхатологических идей времени Ивана III и Василия III [9, с. 11–17]. Первым с Казанским походом Ивана Грозного произведение связал А.Е. Пресняков и он же, правда, весьма неопределенно попробовал «опознать» в некоем молодом полководце самого царя [10, с. 197]. Эта идея была подхвачена М.К. Каргером, который при этом увидел Ивана Грозного в другой изображенной на иконе фигуре [2, с. 466–469]. Несколько следующих десятилетий были потрачены на обсуждение ролей, включенных в композицию персонажей, и попытки их идентификации с историческими персонами – известными своими воинскими и религиозными подвигами князьями. Среди воинов с нимбами и без нимбов «находили» князей Владимира Святого, Александра Невского, Михаила Черниговского (с боярином Федором), Дмитрия Донского, но связь иконы с историческими событиями 1552 г. сомнению не

подвергались [См.: 7]. В советское время в исторических и искусствоведческих исследованиях было распространено мнение, что она написана по заказу самого царя Ивана IV вскоре по возвращении его после Казанского взятия. В.В. Морозов предполагал, что ее автором мог быть протопоп Благовещенского собора, царский духовник Андрей (будущий митрополит Московский Афанасий), о котором известно, что он не только сопровождал Ивана Грозного в этом военном мероприятии, но и в течение всей сознательной жизни занимался книжным делом и иконописанием [8, с. 28–29].

Исследования искусствоведов в конце XX – начале XXI в. показали, что у нас нет достаточных оснований видеть в композициях икон «Благословенно воинство Небесного Царя», как это было принято ранее, символическое изображение похода Ивана Грозного на Казань и истолковывать его как «памятник публистики» [8] того времени. Первую из них и ее размещение в кремлевском Успенском соборе стали связывать с другим историческим событием середины XVI в. – венчанием Ивана IV на царство в 1547 г. [1, с. 25–27; 11, с. 414]. Но, скорее всего, заказчики и создатели икон на этот сюжет вообще не вкладывали в него никакого очевидного «исторического» смысла [4, с. 324–325]. Близкие по иконографии композиции с изображением шествия воинства обнаруживаются на фреске конца XV в. из церкви Святого Креста в Пэтрэуци в Румынии (там позади архангела Михаила изображен император Константин, фигура которого подписана), на переписанной в 1466 г. фреске конца XIV в. в церкви Константина и Елены в Охриде и иконе рубежа XV–XVI вв. из монастыря Богородицы Платитеры на острове Корфу с двумя шествиями – в рай и в ад, – движущимися из земного Иерусалима. Ни одно из этих произведений не является изображением современных художникам исторических событий. Вероятно, и в основе иконы «Благословенно воинство...» лежит более отвлеченная идея, чем прославление взятия Казани в 1552 г. или венчание на царство московского государя. Недавно после заново проведенного тщательного стилистического анализа иконы И. А. Шалина предложила соотнести ее написание с 1520–1530-ми гг. – временем утверждения концепции «Москва – Третий Рим» при Василии III [13, с. 22–26]. Не оспаривая эту гипотезу в целом, замето, что сюжет иконы с шествием Небесного воинства из земного Иерусалима в Иерусалим Небесный больше соответствует другой идеологеме Московской Руси XVI в. «Русское государство – Новый Израиль, Москва – Новый Иерусалим» [См.: 6, с. 38–48]. Таким образом, новейшие исследования меняют не только датировку произведения, но и основания интерпретации его иконографии, что особенно важно для источниковедческого прочтения.

Несмотря на трудности дешифровки сюжета и образов иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» из Успенского собора Московского Кремля, она (как и уменьшенный список из Чудова монастыря) остается ценным визуальным источником. Его информация не применима для создания и/или иллюстрирования событийной истории времени Ивана Грозного, но она важна для исследования истории идей, попавших в Русское государство из византийской и поствизантийской культуры и трансформированных здесь с учетом внутренних идеологических потребностей.

1. Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; авт. вступ. ст. и сост. Т. Е. Самойлова. – Москва, 2007. – 246 с.
2. Каргер, М. К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая» / М. К. Каргер // Сб. Отдела русского языка и словесности / АН СССР. – Ленинград, 1928. – Т. 101 : Сб. в честь А. И. Соболевского. – С. 466–469.
3. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации : в 2 т. / Государственная Третьяковская галерея ; авт.–сост. В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. – Москва : Искусство, 1963. – Т. II. – 570 с.
4. Квливидзе, Н. В. Благословенно воинство Небесного Царя / Н. В. Квливидзе // Православная энциклопедия / изд. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – Москва, 2002. – Т. 5. – С. 324–325.
5. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 2003. – 486 с.
6. Конотоп, А. Б. Представления о Русском государстве как «новом Израиле» и их отражения в памятниках литературы, живописи и архитектуры XVI в. / А. Б. Конотоп // Историческое обозрение. – 2005. – № 6. – С. 38–48.
7. Кочетков, И. А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») / А. И. Кочетков // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 38. – С. 185–209.
8. Морозов, В. В. Икона «Благословенно воинство» как памятник публицистики XVI века / В. В. Морозов // Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. – Москва, 1984. – Вып. 4 : Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII в. – С. 17–31.
9. Муратов, П. П. Два открытия / П. П. Муратов // София. – 1914. – № 2. – С. 5–17.
10. Пресняков, А. Е. Эпоха Грозного в общем историческом освещении / А. Е. Пресняков // Анналы : журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук. – 1923. – № 2. – С. 188–200.
11. Сорокатый, В. М. Икона «Благословенно воинство Небесного царя» : Некоторые аспекты содержания / В. М. Сорокатый // Древнерусское искусство : Византия и Древняя Русь : к 100-летию А. Н. Грабара : сб. ст. / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры ; Гос. институт искусствознания ; отв. ред. Э. С. Смирнова. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – С. 399–417.
12. Фоссье, Р. Люди средневековья / Р. Фоссье ; пер. с фр. А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова, И. А. Эгипти. – Санкт-Петербург : Евразия, 2020. – 352 с.
13. Шалина, И. А. Икона «Благословенно воинство небесного царя ...» из Успенского собора Московского Кремля и ее место в искусстве эпохи Василия III / И. А. Шалина // София. – 2020. – № 4. – С. 20–27.
14. Юрганов, А. Л. Художественный язык древней Руси как проблема (на примере Лицевого свода Ивана Грозного) / А. Л. Юрганов // Россия XXI. – 2013. – № 3. – С. 110–131.

Польская С.А.
**ПОЛЬСКИЕ КОРОНАЦИОННЫЕ ЧИНЫ (ORDNES CORONATIONES):
ВОЗМОЖНОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРОТОКОЛА ИНАУГУРАЦИИ**

21 февраля 1574 г., в день Сошествия Св. Духа в Кракове, в стенах Вавельского собора архиепископ, интеррекс и примас *Regnum Poloniae* Якуб Уханский короновал 23-летнего французского принца Генриха Валуа на польский престол: этот факт является пусть в своем роде единственным, но хрестоматийным для истории Польши.

Отклик польского политического церемониала на наиболее законченное его проявление – французскую (ранее – франкскую) традицию прослеживается при сравнении коронационных чинов (*ordnes coronationes*) обеих традиций [1, с. 12–18]. В силу целого ряда причин он являлся маркером для всей католической Европы, и Польша не стала исключением из этого правила. Но в данном случае исследовательский интерес может быть сосредоточен еще на одной возможности, которую предоставляют *ordnes coronationes*, – визуализации инаугурационной церемонии, которая очевидна среди перечня молитв и гимнов.

К концу XVI в. польский коронационный церемониал сложился в драматургию жестов и слов, соответствующих сакральной задаче теизации и на ее основе – легитимации высшей политической власти. Начало же официального протокола инаугурации в своей основе восходит к XIII в., к правлению Пржемысла II [2, р. 41–56], и пролонгируется до коронации Станислава II Августа 25 ноября 1764 г. Тем более, что Пржемысл II, происходивший из рода великопольских Пястов, в стремлении присоединить Малую Польшу, покидая ее столицу – Краков, – не устоял и увез регалии Болеслава II, хранившиеся в Вавельском замке. Среди них имелся и венец Болеслава I. Это дало Пржемыслу II легитимные основания короноваться в древнем Гнезненском соборе 26 июня 1295 г.

Что касается восприятия внешних влияний, то хранящиеся в Краковском соборе и датируемые концом XIV в. [12; 13; 14] польские *ordines* содержат не только французские ритуальные и литургические элементы. Исследователи обнаруживают в рукописях с королевским инициалом «W» (*Wladislas* – т.е. Владислав III) заимствования из немецких и даже английских чинов [17, s. 71–83, 285–307]. В XV в. некоторые дополнения были взяты из знаменитого «Понтификала» Г. Дюрана 1357 г. [9]. В итоге *ordines* стали вдвое объемнее, что связывают с коронацией Владислава III 25 июля 1434 г., церемония которой стала, в свою очередь, основой для протокола инаугурации чешский королей [15, с. 962]. Наконец, в *ordo* Владислава прослеживаются и английские параллели, равно как и заимствования от немецкого чина [13, s. 152–195].

Все описанные в них процедуры содержат и общий христианский контекст, типичный для католической традиции *imitatio Dei*. Так же, как и все относящиеся к ней монархи, польский король, прежде чем короноваться, держал пост, исповедовался и раздавал милостыню. Вполне держащейся в рамках образа власти особенностью выступает и паломничество (крестный ход) из Краковского (Вавельского) королевского замка до церкви св. Станислава, известное как «Королевская дорога». Монарху вменялось идти пешком, в полном одиночестве и молчании, что можно расценить двояко: и как акт сосредоточения на предстоящей церемонии, и как покаяние за гибель архиепископа Краковского от руки Болеслава II [3, р. 122]. Дело в том, что согласно агиографии св. Станислава (Щепановского), обвинивший архиепископа в измене Болеслав поразил его мечом, разрубив тело на куски. Однако оно чудесным образом срослось, знаменовав тем самым будущее Польши: разделенная князьями, она вновь объединится. В 1253 г. Станислав был канонизирован папой Иннокентием III и признан святым покровителем Польши.

В любом случае, этот жест смирения и самообладания становился достоянием всего города, делая фигуру короля максимально публичной и одновременно привлекательной в своем христианском смирении.

Далее, как и прочие католические монархи, польский король в молитвах проводит ночь молитвенного бдения в Вавельском соборе, а утром в сопровождении процессии из своего ближайшего окружения идет в Вавельский замок [13, s. 162, 175]. Разногласия начинаются с ритуала ожидания делегации епископов для последующего препровождения на инаугурацию – будущий монарх ждет их, облаченный по епископскому литургическому чину и сидит-полулежит не в постели, как его французские и английские «собратья», а в епископском кресле: в сандалиях, оплечье, манипуле, столе, далматике, мантии, перчатках и омофоре [13, s. 195; 5, р. 546].

Общая секуляризация восприятия королевской власти в Новое время ничуть не сказалась на этой традиции. Даже последний коронационный чин 1764 г. предписывал облачить Станислава II Августа примерно так же: в «сандалии, тунику, сорочку для хиротонеи, амик, альбу, далматiku и каппу» [13, s. 195], – ясно демонстрируя этим предельный уровень притязаний на сакральный статус его власти. Хотя исследователи не исключают, что в течение XVII в. использовалось только епископское кресло, и для Станислава II Августа было сделано исключение, учитывая политический контекст его коронации [8, р. 152–164].

Встречающему короля архиепископу Краковскому протокол предписывал подойти к королю, окропить его святой водой и обвести кадиллом, протянуть руку и помочь подняться. Дальнейшее развитие событий демонстрирует особенности польской традиции: регалии (знамя, скипетр, державу и коронационный меч [16, p. 21, 53, 61, 77, 93, 141, 158, 163]) повторяющий описание процедуры Ян Длугош предписывает Великому маршалу и его приближенным нести, высоко подняв на подушках или золотых подносах, направленными книзу: скипетр и державу – главой, меч – острием, а знамя – еще и свернутым [5, s. 33].

Особое внимание уделено коронационному мечу. Знаменитый «Щербец» считается единственной из сохранившихся до настоящего времени регалией Пястов. Легенда приписывает ему зазубрины, оставшиеся от попытки Болеслава I вонзить его в Золотые ворота Киева в 1018 г. Однако его возраст датируется только XIV в., что согласуется с данными нарративных источников, сообщающих, что он использовался на коронации Владислава I в 1320 г.

Направленные вниз регалии – это жест, демонстрирующий, что монарх еще не помазан и не коронован, так что регалии пока не принадлежат ему по праву. Они вносились в Вавельский собор и размещались на его алтаре в ходе церемонии, а король, проходя мимо высшей церковной и светской знати (приглашение иных лиц на королевскую инаугурацию не было принято, что превращало ее в сугубо элитарное зрелище), усаживался в кресло, расположенное рядом с алтарем. Из контекста коронационных чинов, которые напрямую ничего не пишут о подобном, очевидно, что посвящаемый монарх или стоит в полный рост, или преклоняет колени, или сидит.

Но недолго. Он встает, чтобы принести клятву верности Церкви, которая в лице архиепископа Краковского спрашивает мнение собравшихся и те отвечают торжественной аккламацией: «Советуем!» (*Radzi, radzi, radzi!*) [13, s. 185].

Кульминацией церемонии в обоих случаях выступало помазание. Протокол предписывает двум аббатам в митрах вынести из придела большую золотую чашу, наполненную освященным Елеем и поставить над ней навес. Взмахом правой руки архиепископ помазывает королю голову, грудь, плечи и кисти рук. *Ordo* неоднократно требует полной тишины и неподвижности от собравшихся: «Молчание!» (*Silentium! Silentium! Silentium!*) [13, s. 187–188], что наводит на мысль о не столь уж безупречном выполнении этого правила.

Далее следовало вручение регалий, первой из которых, как уже упоминалось, выступал меч, что сразу вызывает вопрос о платье короля. Протоколы не упоминают об этом, но, видимо, раздевшись для помазания, посвящаемый монарх оставался в сорочке для хиротонии и впоследствии переодевался из епископского в светский костюм. Важность этой детали в том, что первым в череде регалий вручался меч, который не приличествовал лицу в духовном одеянии. Любопытно, что *ordines* предписывают монарху не только принять меч из рук архиепископа, но и прочертить им в воздухе крест на все стороны света (*Et rex accepto ense vibrat illum*), затем вернуть в ножны и передать оруженосцу с тем, чтобы тот опоясал его с формулой «Прими меч» (*Accipe gladium*) [12, s. 211].

Затем следует вручение аналогичной с французской традицией регалии – коронационного кольца, надеваемого на безымянный палец правой руки, – и отсутствующей в ней – армиллы, надеваемой на шею и оба запястья [12, s. 210]. Армилла является редкой, но не исключительно польской регалией: ее вручение сохранилось у английских королей [11].

Процедура коронации имеет совсем иную жестуальную символику: над коленопреклоненным королем держат корону два епископа, с помощью которых архиепископ Краковский опускает ее на голову государя [12, s. 211]. Ни о каком участии магнатории польские *ordines* не упоминают, хотя, по верному замечанию А. Гейштора, иллюстративный материал (в частности, миниатюры рукописей XVI в., иллюстрирующие коронацию Яна Казимира 1649 г., позволяют предположить косвенное участие светской знати в коронации: два ее представителя держат наготове следующие регалии – скипетр и державу [7, p. 5–26].

Но все же они ритуально отделены от сферы сакрального, поэтому вавельская церемония вновь настаивает на большей теизации потестарных полномочий монарха, выводя коронацию как сугубо священническую прерогативу.

Причины этого кроются, возможно, в том обстоятельстве, что сама регалия – корона Пястов (*corona privilegiata*) – была утрачена. Она приписывалась Болеславу I, впервые увенчанного ею в 1025 г. Однако в 1036 г. она была увезена в Германию невесткой Болеслава Рыксой Лотарингской. Изготавливаемые копии нередко становились предметом усобиц в борьбе за престол. В 1320 г. была сделана новая реплика короны, но Людвик Венгерский (Лайош I), опасаясь усобиц, вывез все регалии Пястов (корону, державу, скипетр и меч) в г. Буду – столицу своего объединенного польско-венгерского государства. Они вернулись в Краков только в 1412 г. усилиями Владислава II Ягелло и помещены в церкви св. Марии [5, s. 144].

Завершая обзор, следует заметить, что в XVI в. корона видоизменилась: она была увенчана двумя скрещенными арками с шаром и крестом на навершии, что символизировало единство Речи

Посполитой. Однако при ее третьем разделе *corona privilegiata* была конфискована Пруссией и переплавлена в 1811 г. в условиях планов Наполеона Бонапарта относительно Польши [4, p. 37–60].

Эти перипетии позволяют исследователям с уверенностью утверждать существование многочисленных реплик *corona privilegiata*, изготавливаемых как по практическим причинам во время ее отсутствия, так и из суеверных соображений во время ее недолгого пребывания в Польше [6; 15, s. 957; 7, p. 5–26]. В подобных условиях санкция исключительно со стороны Церкви в ритуале коронации была совершенно оправдана.

Возвращаясь к последующему проведению инаугурации, заметим, что ее дальнейшее развитие повторяет типичные ритуалы католического мира: евхаристия короля хлебом и вином, «поцелуй мира» с епископом в знак союза государства с церковью и интронизация (хотя исследователи не исключают, что в течение XVIII в. использовалось только епископское кресло и для Станислава II Августа было сделано исключение, учитывая политический контекст его коронации).

Двойная евхаристия, наличествующая только священникам, – *super oblata* – более чем явно подчеркивает исключительный статус государя как мирянина и посвященное лицо одновременно: «затем король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином» [12, s. 212]. Затем краковские *ordines* указывают монарху, чтобы он взшел по ступенькам на трон при содействии епископов, архиепископ Вавельский усаживает его на трон, произнеся «*Sta et retine*», дает ему поцелуй мира («*paх tecum*», «*osculum pacis*») и после мессы провозглашает его королем, трижды восклицая «*Vivat rex!*», что трижды повторяется присутствующими [12, s.212].

В итоге польские коронационные чины в достаточной мере позволяют визуализировать инаугурационную церемонию, которая отличается двумя во многом противоречивыми чертами: она более архаична в исполнении светских ритуалов (например, приветственных аккламациях или реальных символах), но подчеркнуто сакральна, обряжая короля по епископскому литургическому чину, практически исключая магнатию их участия в ритуалах и нарочито подчеркивая роль церкви в легитимизации власти монарха, получающего право двойной евхаристии.

1. Польская, С. А. «Osoba panska umiera, korona nie umiera»: французские коннотации польского политического церемониала / С. А. Польская // Российско-польский исторический альманах. Вып. VIII / отв. ред. С. А. Польская. – Ставрополь-Волгоград : Изд-во СКФУ, 2016. – С. 12–18.
2. Buchwald-Pelcowa, P. Censorship and the fight against it in the Baroque period / P. Buchwald-Pelcowa // Acta Poloniae Historica. – 2007. – Vol. 95. – P. 41–56.
3. Calendarium Romanum. – Vaticana : Libreria Editrice Vaticana, 1969. – 400 p.
4. Dalewski, Z. Ceremonial koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku / Z. Dalewski // Kwartalnik Historyczny. – 1995. – Vol. 102. – № 3–4. – S. 37–60.
5. Dlugossius, J. Historica Polonica / J. Dlugossius // Joannis Dlugossii Senioris Canonici Cracoviensis Opera omnia / ed. A. Przedziecki. – Vol. 1. – Cracoviae : Ex Typographia Kirchmajeriana, 1873. – 565 s.
6. Estreicher, K. The Mystery of the Polish Crown Jewels / K. Estreicher. – London : Alliance Press, 1945. – 25 p.
7. Gieysztor, A. «Non habemus Caesarem nisi regem»: La couronne fermée des rois de Pologne à la fin du XVe et au XVIe siècle / A. Gieysztor // Bibliothèque de l'École des chartes. – 1969. – Vol. 127. – № 127 (1). – P. 5–26.
8. Gieysztor, A. Gesture in the Coronation Ceremonies of Medieval Poland / A. Gieysztor // Coronations Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / ed. by J. M. Bak. – Berkeley-Los Angeles-Oxford : University of California Press, 1990. – P. 152–164.
9. Koronacje królów i królowych w Polsce. imprint. – Warszawa : F. Hoesick, 1918. – 22 s.
10. Kutrzeba, S. Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego / S. Kutrzeba // Przegląd Historyczny. – 1911. – № 2. – Vol. 12. – S. 149–164.
11. Nelson, J. L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe / J. L. Nelson. – London : Hambledon Press, 1986. – 412 p.
12. Ordinatio caerimoniarum in coronationibus reginarum Poloniae observandum / ed. O. Balzer // Corpus iuris Polonici. – Vol. 3. Annos 1506–1522 continens. – Cracoviae : Sumptibus Academiae Litterarum, 1906. – S. 208–212.
13. Ordo coronandi Regis Poloniae / wyd. S. Kutrzeba // Archiwum Komisji Historycznej. – T. 11. – Krakow, 1909–1913. – S. 152–195.
14. Ordo coronandi regis Poloniae / wyd. S. Kutrzeba. – Krakow : Nakładem Akademii Umiejetnosci, 1910. – 88 s.
15. Schramm, P. E. Das polnische Königtum / P. E. Schramm // Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. – Vol. 3. – Stuttgart : A. Hiersemann, 1956. – S. 939–962.
16. Swoger, G. The Strange Odyssey of Poland's National Treasures, 1939–1961 / G. Swoger. – Toronto : Dundurn, 2004. – 214 p.

Рубинина З.М.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОИСТОЧНИКА ФОТОДОКУМЕНТА

Поскольку представления о фотографии как историческом источнике развивалось по преимуществу в тесной связи с архивоведением, традиционно подчеркивается ценность негатива-оригинала как первоисточника фотографического изображения. С одной стороны, это представляется несомненным, с другой – фотографический позитив играет в некоторых случаях роль, которой стоит уделить внимание. Не претендуя на полноту, коротко охарактеризую некоторые проблемы в рамках заявленной темы.

Согласно общепризнанной точке зрения, сформулированной В.М. Магидовым: «...в качестве первоисточника (фотодокумента – З.Р.) обычно выступает авторская съемка, не подвергнутая никаким техническим, композиционным и другим изменениям» [5, с. 233]. Во многих случаях это так, но

важно учитывать ситуации за границами обозначенного В.М. Магидовым магистрального пути, когда негатив-оригинал может выступать для создателей промежуточным этапом создания фотографического изображения.

Ярким примером тому является пикториальная фотография, частным случаем которой является авторская обработка негатива и/ или отпечатка для придания сходства с произведением изобразительного искусства [3; 4; 9]. Поскольку пикториализм – течение художественной фотографии, правомерно ассоциирующийся с пейзажами, натюрмортами, портретами неизвестных моделей и т.п., нет ничего удивительного, что он выпадает из поля зрения историков и архивоведов. Тем не менее, в рамках пикториальной фотографии был создан целый ряд произведений на темы, традиционно находящиеся в сфере интересов исторической науки. Применительно к дореволюционному отечественному пикториализму следует назвать работы С.А. Лобовикова и А.С. Мазурина, посвященные социальным проблемам в жизни российского крестьянства начала XX в. [7; 8; 10].

В советский период пикториализм оставался столь же неоднозначным. Постановочные жанровые сцены из крестьянской жизни уроженца и жителя Серпухова пикториалиста Н.П. Андреева были основаны на глубоком знании повседневности героев этих снимков [1]. Произведения фотокорреспондентов Л.В. Шокина и С.Г. Шиманского выполнены с использованием типичных приемов пикториальной фотографии, но тематически – это репортажные кадры [3]. Не говоря уже о том, что помимо «высокой» фотографии, существовала массовая фотопродукция, как профессиональная, так и любительская, с использованием приемов и методов пикториализма, содержательно близкая традиционным для исторической науки проблемным полям. Таким образом, в данном случае проблема позитива (а в ряде случаев – позитивов) как первоисточника фотографического изображения находится в сфере интересов исторического источниковедения.

Пикториализм – не единственное течение художественной фотографии, чьи плоды могут быть важными для источниковедения. Другие примеры представляет советская авангардная фотография, adeptы которой чаще всего были фоторепортерами, при этом используя не только характерные для авангарда приемы создания кадра (например, ракурсная съемка), но отдавая должное коллажу, для которого не только негатив, но и позитив – промежуточные этапы создания конечного произведения. Тематика коллажей могла быть весьма различной. Так, «лицо советского фотоавангарда» А.М. Родченко в 1933 г. был в командировке на Беломорстрое, итогом которой стали не только фотографические кадры, но и авторский коллаж, который в полной мере можно назвать высказыванием фотографа об увиденном. И это не единственный коллаж А.М. Родченко, посвященный актуальной для его времени проблематике, включая строительство Беломорско-Балтийского канала [2].

Авторское вмешательство в результат съемки не исчерпывается приведенными выше примерами, может быть весьма разнородным и преследовать различные цели, в том числе – подчиняться авторскому замыслу создания произведения. В этих случаях негатив является промежуточным этапом работы, а первоисточником становится позитив или даже коллаж.

К слову, сходного с коллажем подхода требует к себе альбом фотографий, когда он рассматривается как целостный источник. Это в принципе сложный феномен, поскольку фотоальбом зачастую может быть одновременно письменным, вещественным и изобразительным источником, по этой хотя бы причине достойный отдельного разговора. Но здесь и сейчас подчеркнем очевидное: в тех фотографических альбомах, где выстраивается определенная визуализированная история, позитив – один из кирпичиков здания, а первоисточником, по сути, является собственно фотоальбом. Впрочем, если исследователя интересует определенный кадр в составе альбома, следует придерживаться традиционной точки зрения и ставить вопрос о негативе-оригинале или позитиве на правах оригинала.

Другой пример из истории фотографии XIX–XX вв. – это студийный фотопортрет, с первых лет существования фотографии непременно ретушировавшийся по негативу: в обязательном порядке убирались расширенные поры кожи, оспины, родинки, бородавки и т.п. Если даже у студийных портретов XIX столетия сохранились негативы-оригиналы, что бывает нечасто, то говорить о съемке, не подвергнутой техническим изменениям, в данном случае не приходится. Традиция ретуширования студийных портретов сохранялась отчасти в XX веке, даже в послевоенные годы. Впрочем, она существует в современных фотоателье. Таким образом, огромный массив фотодокументов, представляющий несомненный интерес для исторической науки, это технически обработанные первоисточники, что, несомненно, следует принимать во внимание.

Наконец, во многих случаях негативы просто не сохранились. Результат изначальной съемки, даже обработанный автором или редактором, физически не существует. В этом случае появляется позитив на правах оригинала, что создает определенную проблему. Аналоговая фотография, по сути своей, тиражна, и различные институции могут хранить одинаковые позитивы на правах

оригинала, причем установить «самый оригинальный» из них чаще всего невозможно: все они могут являться авторскими или не являться таковыми одновременно. С позиций здравого смысла первоисточниками следует считать все подобные позитивы. На практике по умолчанию так и происходит. Но это ставит перед новыми вызовами источниковедов: следует ли, к примеру, рекомендовать исследователю обращаться ко всем доступным первоисточникам-позитивам или должно предложить какие-либо рекомендации по работе с такими фотодокументами как первоисточниками, количественно их ограничивая?

В действительности роль ограничителя выполняет реальность, точнее актуальные реалии деятельности соответствующих архивов и музеев. Прежде всего, это требования к обеспечению сохранности фотодокументов. С негативами исследователи имеют возможность работать крайне редко. В специализированных российских архивах предоставляются контрольные отпечатки или электронные имиджи в каталоге на сайте архива [6; 11]. Иными словами, позитивы, должны давать представление не только о содержании фотодокумента, но о состоянии негатива. Последнее воплощено лишь отчасти, учитывая небольшой размер контрольных отпечатков в карточном каталоге РГАКФД и маленькое разрешение (и размер) имиджей в электронных каталогах РГАКФД и ЦГАКФФД Санкт-Петербурга. Т.е., представление о состоянии негатива у исследователя может быть неполным и/или некорректным. Описание фотодокументов в электронном каталоге, особенно РГАКФД, излишне лаконично.

Что касается массива негативов, хранящихся в российских музеях, то основной платформой для знакомства с ними исследователей является Государственный каталог Музейного фонда РФ (ГК) [2], у которого, во-первых, отсутствует расширенный поиск, что затрудняет научную работу с таким памятником, как фотография. Во-вторых, ГК демонстрирует множественность подходов к оцифровке и представлению негативов в электронной среде, существующих в музеях России, начиная от результата работы специального сканера в высоком разрешении и заканчивая фотокопией собственным негатива. В первом случае речь идет о позитивном электронном изображении, дающем, впрочем, представление о состоянии первоисточника. В последнем полноценно работать с подобным изображением просто нельзя. Итак, во многих случаях, признавая значимость и роль негатива-оригинала, исследователь фактически может работать только с позитивом. К слову, винтажный позитив, даже оцифрованный и доступный только дистанционно, в большей степени сохраняет информацию о технологиях и эстетике эпохи создания, нежели негатив, учитывая сложность его представления. Таким образом, в большинстве случаев именно позитив становится объектом научного исследования, а негатив-оригинал (при наличии) лишь обозначается как первоисточник, сравнение с которым не всегда в полной мере доступно.

Таким образом, представление о первоисточнике фотографического изображения необходимо усложнить. Не отрицая важность традиционного представления о негативе-оригинале как первоисточнике и полностью поддерживая те исследования, которые углубляют и расширяют представления об источниках возможностей негатива (в частности, проводимые в Государственном историческом музее М.Б. Далибандо и В.В. Зуйковой), подчеркну сложность ситуации в целом и необходимость осознания того, что в ряде случаев первоисточником фотодокумента является позитив и даже производные от изначальных фотографических изображений, как в случае коллажа или фотографического альбома. Последнее наиболее выпукло иллюстрирует максимум, что исторический источник требует к себе индивидуального подхода, и научная работа с ним в обязательном порядке должна учитывать все его особенности.

1. Николай Андреев. Мастер пикториализма: издание к выставке. – М. : ГТГ, 2021. – 176 с.
2. Государственный каталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/>. – Дата доступа: 19.03.2023.
3. Живописная фотография: каталог выставки. – М. : ВÉТОН центр визуальной культуры, 2023. – 96 с.
4. Левашов, В. В. Лекции по истории фотографии / В. В. Левашов. – М. : Treemedia, 2012. – 484 с.
5. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГУ, 2005. – 394 с.
6. РГАКФД: официальный сайт. Электронный фотокаталог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://photo.rgakfd.ru/start.do>. – Дата доступа: 19.03.2023.
7. Сабурова, Т. Г. Русское фотографическое общество в Москве. 1894–1930. / Т. Г. Сабурова. – М. : Планета, 2013. – 320 с.
8. Стигнеев, В. Т. Век фотографии. 1894–1994: Очерки истории отечественной фотографии. / В. Т. Стигнеев. – М. : ЛКИ, 2007. – 392 с.
9. Тихое сопротивление: русская пикториальная фотография, 1900–1930: каталог выставки МДФ. – М. : Мультимедийный комплекс актуальных искусств, 2005. – 190 с.
10. Фотограф Алексей Мазурин, 1890–1910-е : [фотоальбом]. – М. : Пунктум, 2005. – 135 с.
11. ЦГАКФФД СПб: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd>. – Дата доступа: 19.03.2023.

«Пространственный поворот» (*Spatial Turn*) в социально-гуманитарном знании в 1970–1980-е гг., благодаря которому усилилось внимание к изучению пространственного измерения всех сфер социальной жизни, открыл новый этап в изучении истории картографии. Был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей точности карт. Несмотря на большие успехи в выработке новых подходов и постановке новых исследовательских проблем в современной историографии, слабым местом историко-картографических штудий остается разработка источниковедческих проблем. Во многом это связано с тем, что истории картографии как особой научной дисциплине недостает внутренней когерентности, поскольку интерес к истории карт традиционно проявляют не только ученые различных специальностей (историки, географы, искусствоведы), но и хранители карт в библиотеках, музеях и архивах, а также коллекционеры карт и просто их любители.

Недостаточная изученность источниковедческих вопросов характерна, в частности, для историографии, посвященной истории морских карт (портоланов) – одной из важнейших форм пространственных представлений и картографических изображений в Западной Европе в конце XIII–XVII веках. Основные направления исследований в этой области связаны с выявлением и каталогизацией портоланов; их атрибуцией (конкретному мастеру и/или картографической школе); идентификацией топонимов, а также интерпретацией картографических символов и изображений, нанесенных на портолан; происхождением портоланов; историей производства портоланов и их бытования. Итоги исследований по всем данным направлениям обобщены Т. Кэмпбеллом [3, с. 370–463], и с тех пор его работа остается непревзойденным образцом такого рода обобщающего труда.

Портоланы изучаются главным образом в рамках истории картографии, где сравнительный материал, за редким исключением, ограничивается иными типами карт [из крупных работ последних лет см.: 8; 1; 7]. Во многом из-за такого сугубо «картографического» подхода недостаточно внимания уделяется вопросу о соотношении портолана как карты с другим видом навигационного пособия – с текстовой лоцией. Эти вопросы в последнее время начинают разрабатываться, но пока касаются локальных сюжетов и текстов [5; 2, с. 135–146; 10].

Актуальной задачей остается и привлечение описательных произведений географического характера в круг источников по истории картографии. Это связано с тем, что основу любого средневекового географического описания составляли ментальные карты их авторов, а также географические образы, с помощью которых составители средневековых текстов выражали свои представления о той или иной части пространства. Эти ментальные карты и географические образы являются не менее важной частью картографического наследия, чем сами карты, и поэтому изучение географических описаний целесообразно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

Особую роль в изучении практики навигации и картографирования в бассейне Средиземного моря в конце XIII–XIV вв. играют исламские географические описания этого региона – прежде всего, всемирная география «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*) ученого первой трети XIV в. Абу-л-Фиды и историко-географическая энциклопедия «Пути обозрения государств с крупными городами» (*Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар*) его младшего современника ал-Умари, которые приводят в своих трудах подробные лоции Средиземного моря. Исламские географические сочинения изучаются главным образом в русле классического востоковедения, а не как географические произведения, отражающие пространственные представления своего времени и опирающиеся на длительную, уходящую еще в античность, традицию землеописания. Возможности, открываемые сопоставлением ранних портоланов с исламскими географическими описаниями, используются крайне редко. Можно указать на исследование фрагментов лоции Средиземного моря в сочинении арабского ученого первой половины XIV в. ал-Умари [4, с. 81–90], а также на привлечение материалов Абу-л-Фиды как вспомогательного материала при анализе приводимых географами (в основном XVI в.) сведений о долготах объектов Средиземноморья [9, с. 1–29]. Между тем сопоставление этих арабских описаний с современными им европейскими навигационными пособиями позволяет существенно расширить наши представления о том информационном и этнокультурном контексте, в котором происходило формирование средневековых морских карт и лоций. Покажем это на примере сочинения Абу-л-Фиды.

Рассказ Абу-л-Фиды о Средиземном море представляет собой последовательное описание плавания от Гибралтара вдоль южного, восточного, северного и северо-западного побережий моря с возвращением в исходную точку [6, с. 27–34]. Абу-л-Фида приводит данные об особенностях

береговой линии и о морских течениях, указывает расстояния между портовыми городами, а в ряде случаев также сообщает о государственной принадлежности последних.

Плотность описания весьма неравномерна, что позволяет выделить участки побережий, как хорошо знакомые географу и его информаторам, так и мало им известные. Наиболее подробно Абу-л-Фида знал побережье Африки (в особенности его участок от Орана до границ Египта), побережье Сирии, район Гибралтарского пролива и моря Альборан с побережьем Испании от Барселоны до Альхесираса. В меньшей степени географу было известно Лигурийское побережье Италии и побережье Малой Азии к востоку от Анталы. Наименее подробно охарактеризовано побережье Балканского полуострова, где Абу-л-Фида не называет ни одного портового города, указывая вместо них лишь хоронимы.

Объяснить то, что побережье Испании было известно географу куда лучше, чем побережье Апеннинского и в особенности Балканского полуострова, только недостатком информации вряд ли можно. Абу-л-Фида не испытывал недостатка данных об Италии и Балканах, так как был хорошо знаком с сочинением арабского географа XII в. ал-Идриси, сообщения которого о городах Балканского и Апеннинского полуострова очень подробны. Скорее, тут сыграло свою роль то, что значительная часть Испании была территорией мусульманского мира и потому вызывала больший интерес у исламского автора и потенциальных читателей его сочинения.

Несмотря на то, что описание Средиземного моря у Абу-л-Фиды имеет форму лоции и по своей топонимической номенклатуре во многом совпадает с современными ему европейскими навигационными пособиями, нет оснований полагать, что источником описания арабского автора могли бы послужить именно они. Во-первых, топонимическая номенклатура Средиземного и Черного морей Абу-л-Фиды, с одной стороны, и итальянских навигационных пособий – с другой, в целом несопоставима в количественном отношении: в итальянских источниках по всем участкам морей упомянуто гораздо больше топонимов, чем у арабского автора, местами (для Балканского полуострова, для Западного Причерноморья) – на порядок больше. Во-вторых, имеются существенные отличия в передаче наименований (даже со скидкой на особенности арабской и латинской графики), что свидетельствует об использовании составителями итальянских пособий и арабским географом разных источников информации. В-третьих, если топонимическая номенклатура итальянских пособий актуальна и опирается на практический опыт мореплавателей конца XIII – начала XIV в., то у Абу-л-Фиды встречаются наименования, имеющие книжное происхождение и заимствованные им из разновременных источников.

Скорее, следует говорить о существовании общего «банка» информации, связанной с мореплаванием в бассейне этого моря, очень разнородной по своему составу и происхождению, постоянно пополнявшейся и циркулировавшей не только среди мореплавателей, но и среди широкого круга жителей Средиземноморья. Отбор данных из этого «банка» осуществлялся в зависимости от назначения того или иного сочинения, что и определяло как содержание, так и форму последнего. В навигационных пособиях фиксировалась актуальная, максимально полная и очищенная от посторонних деталей информация о навигационных объектах, а в общегеографическом сочинении, каковым является труд Абу-л-Фиды, описание, пусть и имеющее форму лоции, не было детальным и не претендовало на то, чтобы его можно было использовать в практике кораблеводства. Именно поэтому топонимическая номенклатура европейских морских карт и лоций более или менее равномерно охватывает все участки побережий, в то время как в описании Абу-л-Фиды плотность информации для разных участков неодинакова.

Таким образом, анализ лоции Абу-л-Фиды позволяет сделать выводы не только об источниках его сведений Абу-л-Фиды и методах работы географа, но и о роли кросс-культурных контактов в накоплении и циркуляции сведений о морских плаваниях в бассейне Средиземного моря и возникновения карт-портоланов.

1. Гордеев, А. Ю. Карти-портолани XIII–XVII ст.: особливості та роль у розвитку картографії / А. Ю. Гордеев. – Київ : Видавництво географічної літератури «Обрії», 2009. – 408 с.
2. Brentjes, S. Medieval Portolan Charts as Documents of Shared Cultural Spaces / S. Brentjes // Acteurs des transferts culturels en Méditerranée médiévale / ed. R. Abdellatif et al. – Munich : Oldenbourg Verlag, 2012. – P. 135–146.
3. Campbell, T. Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 / T. Campbell // The History of Cartography / ed. J. B. Harley, D. Woodward. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – Vol. 1. – P. 370–463.
4. Ducène, J.-Ch. Le portulan arabe décrit par al-Umari / J.-Ch. Ducène // Cartes et géomatiques (revue du CFC). – 2013. – Vol. 216. – P. 81–90.
5. Gautier Dalché, P. Carte marine et portulan au XIIe siècle: le “Liber de existencia riveriarum et forma maris nostri mediterranei” (Pise, circa 1200) / P. Gautier Dalché. – Rome : École française de Rome, 1995. – 308 p.
6. Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. – Paris : Imprimerie Royale, 1840. – XLVII, 604 p.
7. Nicolai, R. The Enigma of the Origin of Portolan Charts: A Geodetic Analysis of the Hypothesis of a Medieval Origin / R. Nikolai. – Leiden : E. J. Brill, 2016. – XXVI, 544 p.
8. Pujades, R. Les cartes portolanes. La representació medieval d'una mar solcada / R. Pujades. – Barcelona : Lunwerg Editores, 2007. – 528 p.
9. Robles Macías, L. The longitude of the Mediterranean throughout history: facts, myths and surprises / L. Robles Macías // E-Perimetro. – 2014. – Vol. 9/1. – P. 1–29.
10. Van Duzer, Ch. Nautical Charts, Texts, and Transmission: The Case of Conte di Ottomano Freducci and Fra Mauro [Electronic resource] / Ch. Van Duzer // eBL: Electronic British Library Journal. – 2017. – Article 6. – Mode of access: <https://bl.iro.bl.uk/concern/articles/e3a1c31c-b28c-4371-94a9-8dd836b06b48> – Date of access: 18.03.2023.

Макараў М.Д.
ДЗВЕ КАРТЫ ЭПОХІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
З ФОНДАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГА Беларусі) з’яўляецца найбуйнейшым у краіне сховішчам дакументаў па гісторыі Беларусі XIV–XVIII стст. Картаграфічныя крыніцы гэтага перыяду з тэрыторыі Усходняй Еўропы з’яўляюцца вялікай рэдкасцю, і іх спецыяльныя калекцыі ў НГА Беларусі адсутнічаюць. Тым не менш, асобныя карты і планы эпохі Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) спарадычна выяўляюцца работнікамі архіва пры праглядзе матэрыялаў розных фондаў. Размова пойдзе пра дзве такія знаходкі.

Першая з іх з’яўляецца помнікам вайскавай картаграфіі другой паловы XVI ст., які, несумненна, варта залічыць да катэгорыі ўнікальных. Гэта – **схематычная карта Інфлянтаў** (тэрыторыя сучасных Латвіі і Эстоніі), **складзеная на пачатковым этапе Інфлянцкай вайны (1558–1583 гг.)** [4, арк. 237 адв.–238].

Карта ўключана ў архіўную справу, якая ў асноўным складаецца з дакументаў, што маюць непасрэдныя адносіны да гісторыі Прапойскага і Чачэрскага старостваў (усходняя частка Беларускага Падняпроўя) [4]. Варта нагадаць, што ў другой палове XVI – пачатку XVII ст. гэтыя адміністрацыйныя адзінкі знаходзіліся ў руках прадстаўнікоў шляхецкага роду Зяновічаў (Дэшпатаў-Зяновічаў). Храналагічныя рамкі справы – 1547–1750 гг. Асаблівасці почырку дазваляюць датаваць час стварэння карты другой паловай XVI ст.

Карта намалювана на аркушы паперы, які ў наш час мае памеры 42×31 см (магчыма, пры выкананні рэстаўрацыйных работ ён быў падрэзаны з бакоў) і, пры нетыповай для сучаснай картаграфіі арыентацыі «на ўсход», мае наступны змест. У правай (паўднёвай) частцы малюнка прысутнічаюць: **рака Дзвіна** («*tho yesth rzeka Dzwyna*»), рэчышча якой аўтар спачатку паказаў у выглядзе амаль прамоў лініі, але пазней, каб змясціць дадатковыя аб’екты, перанёс бліжэй да правага краю аркуша; **левы прыток Дзвіны** («*tha rzeka w Dzwine wpada*»), які можна з упэўненасцю атажсамляць з ракой Ліелупэ (латыш. – Lielupe); **Курляндыя** («*tho Kurska ziemia*»), гістарычны рэгіён Латвіі; **паўночная мяжа Інфлянтаў з ВКЛ** («*tho granica lithewska*») і **частка тэрыторыі ВКЛ** («*tho zamky I(eg)o K(r)ólewskiej M(o)ści*»); замкі і гарады ўздоўж лініі Дзвіны (размешчаныя, часам, на значна аддаленні ад яе) – **Дынамюндэ** («*Dynmon zamek oth Rygy dwie mili*», латыш. – Daugavgrīva), **Рыга** («*Ryga*»), **Добель** («*Doblien*», латыш. – Dobele), **Большк** («*Bolsk*», латыш. – Bauska), **Зельбург** («*Zelbork*», латыш. – Vecsēlpils), **Неўгін** («*Nyewhin*», латыш. – Daugavpils), **Рэжыца** («*Reziten*», латыш. – Rēzekne), **Люцын** («*Livcen*», латыш. – Ludza), **Марыенгаўзен** («*Marinhawzen*», латыш. – Viļaka).

Мал. 1. Карта Інфлянтаў (канец 1559 – першая палова 1560 г.)

Левая (паўночная) і цэнтральная часткі малюнка падзелены гарызантальнай лініяй, што цягнецца ад яго краю (Фінскі заліў) у раён паміж замкамі Адзель і Неўгін. Ёй абазначана **мяжа працоўвання войскаў Маскоўскай дзяржавы** («*po thyth thy wszystkie zamky wyssey pysane moskwa pobrala*») у Інфлянтах на момант стварэння малюнка.

Ніжэй за лінію (на захад ад яе), акрамя Дынамюндэ і Рыгі, пазначаны толькі два значныя эстонскія гарады: **Талін** («*thu Rewel, zamek u miasto niemieckie*») і **Пярну** («*thu Pernuw, zamek niemiecky u miasto, co liezi nad slonym morem*»). Вышэй за лінію (на ўсход ад яе, у сектары, падкантрольным Маскве) на карце прадстаўлены наступныя аб'екты: **усходняя мяжа Інфлянцаў з Маскоўскай дзяржавай** («*tho yesth granica moskiewska*»); **Чудскае возера** («*tho yesth iezioro, ktore przy granici moskiewskiey lyezi, przezywaya go Theypyss, ktore(g)o yeziora [1]2 mil wdluz, a iz thesz mil poprzek, w tho yezioro byl wstap niemcom u moskwie*»); **дзве ракі**, адна з якіх выцякае з Чудскага возера («*A tho rzeka s te(g)o ieziora wychodzi*», яе можна ўпэўнена атаясамляць з **ракой Нарвай**), а другая – упадае ў яго («*tho rzeka w tho yezioro ydzie*», яе ідэнтыфікаваць пакуль не ўдалося); крэпасць **Івангорад** («*thu zamek Moskiewsky Iwan Horod*»); замкі **Нейшлос** («*thu Nowy zamek niemiecky*», эст. – Vasknarva), **Нарва** («*thu miedzi rzekami zamek niemiecky Iwan Horod, ktore(g)o Moskwa wziela*»), **Везенбэрг** («*tho zamek Miezymberk*», эст. – Rakvere) паміж дзвюма згаданымі рэкамі; замак **Дэрпт** («*thu zamek Derpth*», эст. – Tartu) і **кляштар Фалькенаў** («*thu kliasstor iflianski Falchinof, oth Derptu dwie mili*», каля эст. паселішча Kärkna); замкі дэрпцкіх біскупаў **Кіррумпа** («*thu zamek Kirimpi biskupu*») і **Нэйгаўзен** («*thu Nowy zamek drugy biskupu*», эст. – Vastseliina), размешчаныя ў паўднёва-ўсходняй Эстоніі; замкі **Адзель** («*thu Adziel zamek Moskwa spalila*», латыш. – Gaujiena) і **Марыенбург** («*A to zamek Marynburk*», «*tho okolo zamku iezioro*», «*tho mosth do zamku prez iezioro*», «*tho yesth granica Maryenburku*», латыш. – Alūksne), што знаходзяцца ў паўночна-ўсходняй Латвіі.

У параўнанні з усімі іншымі аб'ектамі найбольш падрабязна і з яўным парушэннем маштабу, калі ў выпадку схематычнага накіду ўвогуле можна карыстацца гэтым паняццем, на карце паказаны менавіта замак Марыенбург. Тут пазначана возера, на выспе якога ён размешчаны, мост, што вядзе праз возера да выспы з умацаваннем (згаданыя дэталі адпавядаюць рэальнасці), і «марыенбургская граніца». Можна меркаваць, што менавіта Марыенбург і падзеі вакол яго знаходзіліся ў цэнтры ўвагі аўтара малюнка.

Група ўмацаваных пунктаў, паказаных на карце ўздоўж лініі Дзвіны, далёка не ў поўнай меры адпавядае сетцы найважнейшых інфлянцкіх замкаў рэгіёна. Тут адсутнічаюць такія важныя аб'екты як Какенгаўзен (латыш. – Koknese), Кройцбург (латыш. – Krustpils) і шэраг іншых. У большай ступені яна нагадвае пералік замкаў (Большк, Рэжыца, Люцын, Дынабург, Зельбург, Марыенгаўзен, Лене-вардэн), якія Інфлянцкі ордэн і рыжскі арцыбіскуп паводле ўмоў Віленскай дамовы ад 31 жніўня 1559 г. перадалі пад кантроль ВКЛ [3, с. 38] і якія ў канцы 1559 – пачатку 1560 г. былі заняты найманым кантынгентам ВКЛ пад камандаваннем старосты прапойскага і чачэрскага Юрыя Мікалаевіча Зяновіча, а таксама Яна Геранімавіча Хадкевіча [3, с. 159–160].

Аналіз зместу карты паказвае, што прадстаўленая на ёй сітуацыя магла скласціся і існаваць толькі на кароткім храналагічным прамежку. У залежнасці ад трактоўкі сучасным даследчыкам такіх аб'ектаў, як паўднёвае заканчэнне лініі размежавання падкантрольных Маскве і Інфлянтам тэрыторый і лінія «марыенбургскай граніцы», стварэнне помніка можна датаваць часам ці незадоўга да захопу ў лютым 1560 г. войскамі Маскоўскай дзяржавы замка Марыенбург [3, с. 160], ці непасрэдна пасля гэтай падзеі (канец 1559 – першая палова 1560 г.).

На адваротным баку дакумента [4, арк. 238 адв.] змешчаны дзве адзнакі архіўнага ўліку XVIII ст.: 1) «*Нумар 5, звязка 66 спраў смаргонскіх*», закрэслена; 2) «*Нумар 5, звязка 21 [спраў] смаргонскіх*». Яны выкананы ў межах адной мадэлі класіфікацыі і адпавядаюць працам па ўпарадкаванні і апісанні дакументаў архіваў роду князёў Радзівілаў, ардынатаў нясвіжскіх, што праводзіліся ў XVIII – пачатку XIX ст. Гэтыя адзнакі з высокай ступенню верагоднасці ўказваюць на тое, што дакумент паходзіць з архіва роду Зяновічаў (Дэшпатаў-Зяновічаў), якія ў XVI – пачатку XVII ст. валодалі Смаргонню. Час стварэння карты адпавядае храналагічнаму прамежку жыцця і дзейнасці гаспадара Смаргоні, удзельніка Інфлянцкай вайны Юрыя Мікалаевіча Зяновіча (1510–1583). Варта адзначыць, што да Радзівілаў Смаргонь і смаргонскі архіў перайшлі толькі ў 1628 г. у выніку шлюбу князя Альбрэхта Уладзіслава Радзівіла (1589–1636) з Ганнай Зоф'яй Зяновіч (?–1664).

Такім чынам, можна меркаваць, што прадстаўленая карта была створана ў канцы 1559 – пачатку 1560 г. у асяроддзі аднаго з камандуючых найманым кантынгентам ВКЛ у Інфлянтах старосты прапойскага і чачэрскага (дакумент невыпадкава апынуўся сярод папер Прапойскага і Чачэрскага старостваў!) Юрыя Мікалаевіча Зяновіча. Гэты малюнак можа лічыцца, што на першы погляд здаецца неверагодным, самым старым захаваным помнікам вайскавай картаграфіі ВКЛ (раней на гэтую ролю прэтэндаваў план аблогі замка Улы войскам ВКЛ, створаны Мацеем Стрыйкоўскім у 1568 г. [1, с. 161–166, 285]).

Другую са знаходак, неабходна аднесці да катэгорыі межавых ці ўладальніцкіх карт. Яна таксама ўяўляе значную цікавасць з навуковага пункту гледжання і, дзякуючы матэрыялам Метрыкі ВКЛ, можа быць упісана ў гістарычны кантэкст. Гэта – **план межаў вёскі Следзюкі** (цяпер аграгарадок у Быхаўскім раёне Магілёўскай вобласці) **Асавецкага войтаўства Магілёўскай эканоміі, складзены 22 кастрычніка 1605 г.**, які захаваны ў копіі сярэдзіны XVIII ст. [5, арк. 292 адв., 300].

План займае ўсю паверхню складзенага *in folio* і падшытага ў кнігу аркуша без слядоў абрэзкі памерам каля 43×35 см. Выява складаецца з двух прамавугольнікаў, меншы з якіх упісаны ў большы. Унутраная прастора меншага прамавугольніка адпавядае галоўнаму аб'екту плана – вёсцы Следзюкі. Тут жа адзначана, што арыгінал дакумента быў складзены 22 кастрычніка 1605 г. для «княгіні Саламярэцкай», а яго копія (з якой мы і маем справу) унесена ў кнігі Магілёўскага магістрата па заяве жыхара Следзюкоў Кандрата Сідаравіча 18 кастрычніка 1752 г. [5, арк. 292 адв., 300].

На знешнім контуры большага прамавугольніка адзначаны шэраг дзяржаўных і прыватных населеных пунктаў, землі якіх межавалі з абшарам вёскі Следзюкі. Гэта: Быхаў (цяпер горад, раённы цэнтр Магілёўскай вобласці), Седзіч (цяпер вёска ў Быхаўскім раёне), Баркулабаў (цяпер аграгарадок Баркалабава ў Быхаўскім раёне), Сідаравічы (цяпер аграгарадок у Магілёўскім раёне), Перакладавічы (цяпер вёска ў Быхаўскім раёне), Кускевічы (цяпер вёска Кузькавічы ў Быхаўскім раёне). Іх размяшчэнне паказвае, што план мае арыентацыю «на захад». Прастора паміж унутраным контурам большага і знешнім контурам меншага прамавугольнікаў запоўнена апісаннем межаў паміж вёскай Следзюкі і згаданымі вышэй паселішчамі, лінія якіх абапіраецца на такія тапаграфічныя аб'екты, як рэкі, ручаі, азёры і балоты, пагоркі і нізіны, вялікія дрэвы, а таксама штучныя насыпы – «капцы» [5, арк. 292 адв., 300].

Мал. 2. План межаў вёскі Следзюкі (1605 г.).

Вядома, што ў пачатку XVII ст. паміж уладальніцай маёнтка Баркулабаў княгіняй Евай Баркулабаўнай Саламярэцкай (народжанай Корсак) і дзяржаўнымі сялянамі шэрагу вёсак Магілёўскай эканоміі, у тым ліку вёскі Следзюкі, мелі месца вострыя межавыя спрэчкі. Дайшло да таго, што справа была разгледжана выяздным судом каралеўскіх камісараў, які правёў новыя межы і паставіў кропку ў канфілікце сваім дэкрэтам ад 1 лістапада 1604 г. (зацверджаны каралём і вялікім князем Жыгімонтам III Вазам 10 сакавіка 1605 г.) [3, с. 106; 6, арк. 216 адв.–220 адв.]. І на плане, і ў дэкрэце камісарскага суда мяжа паміж паселішчамі Следзюкі і Баркулабаў праведзена праз тыя ж самыя тапаграфічныя аб'екты – Малую Струху, Чыстую Лужу і Доўгую Лужу [5, арк. 292 адв., 300; 4, арк. 218 адв.–219], што служыць дадатковым аргументам на карысць аўтэнтычнасці помніка. Такім чынам,

стварэнне плана межаў вёскі Следзюкі 1605 г. можна ўпэўнена звязваць з правядзеннем у 1604 г. новых межаў паміж маёнткам Баркулабаў і Магілёўскай эканоміяй.

Па сваёй форме план межаў вёскі Следзюкі мала чым нагадвае сучасную карту. Аднак ён мае прамыя аналогіі ў межавой картаграфіі ВКЛ пачатку XVII ст. [1, с. 139, 280] і, па ўсёй верагоднасці, можа лічыцца дастаткова тыповым для сваіх рэгіёна і эпохі. Варта таксама дадаць, што план межаў вёскі Следзюкі з'яўляецца вельмі блізкім «земляком» і сучаснікам знакамітага твора старажытнай беларускай літаратуры – Баркулабаўскага летапісу, што ў пэўнай ступені павышае інтарэс да яго.

Знаходкі ўказаных карт у фондах НГА Беларусі яскрава сведчаць пра тое, што мэтанакіраванае выяўленне візуальных, у тым ліку картаграфічных, крыніц у дакументальных матэрыялах перыяду ранняга Новага часу з'яўляецца да цяперашняга часу актуальным і, несумненна, можа істотна ўзбагаціць айчынную гістарычную навуку.

1. Александровіч, С. Картаграфія Вялікага Княства Літоўскага ад XV да сярэдзіны XVIII стагоддзя / С. Александровіч. – Мінск : Тэхналогія, 2021. – 304 с.
2. Сліж, Н. Сямейныя адносіны і шлюбныя стратэгіі Саламярэцкіх у 16 – першай палове 17 ст. / Н. Сліж // Гістарычны альманах. – 2005. – Т. 11. – С. 86–121.
3. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. : манаграфія / А. М. Янушкевіч. – Мінск : Медисонт, 2007. – 356 с.
4. НГА Беларусі. – Ф. 694 («Радзівілы, князі»). Воп. 4. Спр. 1556. 246 арк.
5. НГА Беларусі. – Ф. 1817 («Магілёўскі магістрат»). Воп. 1. Спр. 92. 393 арк.
6. НГА Беларусі. – Ф. КМФ-18 («Метрыка ВКЛ»). Воп. 1. Спр. 88. 299 арк.

Башнин Н.В., Резникова Т.В.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПЛАНЫ XVII–XVIII ВВ. В МОНАСТЫРСКИХ ФОНДАХ: АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Историки в XIX – первых десятилетиях XXI в. использовали карты для изучения различных вопросов (К.А. Неволин, М.К. Любавский, С.Б. Веселовский, М.В. Витов, А.Н. Насонов, А.И. Копанев, В.Л. Янин, Н.А. Макаров). При их составлении ученые привлекали не только писцовые и переписные книги, акты, но и картографические материалы XVI–XVIII вв.

Другим направлением стало изучение средневековых карт. Так, Б.А. Рыбаков подробно рассматривает сведения карт, изучает их возможные первоисточники. Однако сами карты публикуются исключительно как иллюстративный материал. Автор не приводит данных о размерах карт, о бумаге, на которой они составлены. Ученый, очевидно, не ставил задачу публикации данных материалов как исторического источника [16]. В. Кивельсон изучила картографические чертежи XVII в. как источник по социальной и культурной истории, но они также выполнили только иллюстративную функцию в книге [6]. Автор при прочтении карт (РГАДА. Ф. 1209) пользуется точкам ориентированности (в отдельных случаях их несколько на одном чертеже). В качестве иллюстраций чертежи опубликованы в работах Н.В. Башнина и В.О. Яковлева [1, ил. 5, 10; 21, с. 144–145, 152–153, 160].

В последние десятилетия для составления карт ученые используют редакторы векторной графики (Adobe Illustrator или Corel Draw) [4; 5; 16; 17], ГИС-технологии [2; 18; 19] и привлекают материалы Генерального межевания [3; 20]. Использование современных технологий может оказать значительное влияние на исследование карт и чертежей, поскольку позволяет провести визуализацию путем совмещения исторической и современной карт.

В.С. Кусов внес значительный вклад в исследование и публикацию русских картографических материалов XVI–XVIII вв. [7; 9]. Каталог (здесь и далее издание 2007 г.), составленный ученым, по сути является незавершенным научно-критическим изданием чертежей Русского государства. В.С. Кусов разработал подробную классификацию и систему описания чертежей. Подход ученого (указание даты, заголовка, размеров бумаги, филиграней, набор текста, указание географической и владельческой привязки и др. [8, с. 68–71]) позволяет раскрыть информационный потенциал картографических материалов даже при отсутствии самого изображения, что дает возможность пользоваться Каталогом отчасти как публикацией этих источников. Ученый ввел понятие «русский географический чертеж» [8, с. 65] и систематизировал источники этого типа XVI–XVII вв. по территориальному принципу и масштабу. Классификация по географическим признакам общепринята, а разработка классификации по масштабу является прорывом, поскольку на большей части чертежей он отсутствовал. Наличие подробного научно-справочного аппарата ставит Каталог в один ряд с современными базами данных.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20–78–10060.

Другой подход к публикации древнерусских чертежей продемонстрировал М.И. Мильчик. Ученый подробно изучил чертежи и планы, относящиеся к монастырям и их вотчинным землям. В своих работах он перепроверял сведения чертежей по другим имеющимся источникам (при их наличии). Более того, исследователь реконструировал планы некоторых церквей, когда это позволяли источники. Вместе с тем, в публикациях М.И. Мильчика нет единой системы передачи чертежей и планов. Безусловно, нужно учитывать отдаленность по времени издания статей друг от друга. Тем не менее, одни чертежи приводятся только в качестве иллюстрации, другие («План спорных земель Тихвинского посада 1678 г.», «План спорных земель Тихвинского посада 1679 г.» и «Неизвестный план Старой Ладogi 1706 г.») изданы как самостоятельные единицы с прочтением и расшифровкой [10; 11; 12; 13].

М.И. Мильчик произвел набор текста на вышеуказанных планах, пронумеровав каждую надпись. Затем он привел их в порядковом списке. В каждом случае нумерация ведется сверху вниз, но не четко слева направо. Где-то нумерация ведется по группам объектов на карте (как на «Плане спорных земель Тихвинского посада 1679 г.»). Нет классификации при присвоении номеров (например, вначале нумеруются все реки, согласно размеру, затем все дороги и т.д.). Такая валовая нумерация вполне уместна при передаче небольшого количества текста или для маленького плана. В данном случае чтение планов несколько затрудняется. Отметим, что для картографии XVII в., даже при ориентировании карты на север, было характерно нанесение надписей с привязкой к объекту, к которому относился текст. Это приводит к тому, что для прочтения текста необходимо поворачивать чертеж. Кроме описанного выше способа, М.И. Мильчик при изучении Каргопольской крепости использовал следующий способ публикации: совмещение современной (на 2008 г.) и исторической карт. Такой способ позволил соотнести и в какой-то степени визуализировать масштаб крепости и ее внутренних построек [11].

В упомянутых выше работах в первую очередь использованы документы Поместного приказа, Межевых фондов из РГАДА, а также из собраний в других архивохранилищах. Однако поиск географических чертежей возможен в монастырских фондах: яркой иллюстрацией того, какие документы могут в них храниться, является находка плана Тихвинского посада и монастырей. Обитатели в Средневековой Руси были активными хозяйствующими организациями, спорили из-за земельных угодий, соляных варниц, рыбных езов и тонь. В связи с некоторыми из этих споров (монастыря с другой обителью или со светским землевладельцем, или с крестьянами) возникали картографические материалы, часть которых выявлена.

В фонде Антониево-Сийского монастыря в РГАДА выявлен чертеж монастырских рыболовных угодий у впадения р. Сояны в р. Кулой. Документ датируется 1740-ми годами, поскольку в нем упомянут бывший архимандрит Порфирий, скончавшийся 6 января 1739 г. Этот источник подготовлен к публикации по следующим принципам: 1) публикуется фотография рукописи; 2) источник содержит объемный текст, который подготовлен к печати отдельно от фотографии; 3) текст передан слева направо в соответствии с расположением его на чертеже [14].

Итак, русские географические чертежи использовались следующим образом: 1) для составления современных карт, их использовали для поиска топонимов и гидронимов, установления их взаиморасположения; 2) как иллюстративный материал, при этом надписи на картах не прочитаны, часто качество печати не позволяет прочитать текст даже специалисту, размеры источника и другие археографические особенности не указаны; 3) в историографии предложены два типа публикации: а) В.С. Кусов дал археографическое описание и прочтение текстов, но без указания их последовательности расположения на чертеже, многие изображения остались неизданными, разработал методику осуществления документов такого типа; б) М.И. Мильчик наложил кальку с воспроизведением графики и прочтением надписей; 4) существует проблема последовательности чтения чертежа/плана; наложение кальки частично снимает этот вопрос, так как текст, прочитанный археографом, повторяет его расположение на иллюстрации, но при этом такие издания дорогостоящи и не всегда формат карты позволяет ее публиковать так, чтобы можно было читать; при публикации карты с разделением на изобразительную часть и текстовую такой проблемы нет, но, как сказано выше, существует проблема последовательности чтения документа.

В.С. Кусов в 1989 г. разработал порядок составления описания и легенды при публикации для русских географических чертежей XVI–XVII вв. Однако в «Правилах издания исторических источников в СССР» (М., 1990) указаний, как поступать с обширными текстовыми данными на картографических документах XVI–XVII вв. нет, в них средневековые картографические материалы по сути приравниваются к картам более позднего времени. В «Методических рекомендациях по публикации

архивных документов в печатном виде» (М., 2022) об издании карт сказано больше, но по-прежнему нет ни слова о том, как быть с русскими географическими чертежами XVI–XVII вв.

1. Башнин, Н. В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг.: Исследование и тексты / Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019 – 400 с.
2. Голубинский, А. А. Историк, ГИС и русские карты XVIII века / А. А. Голубинский [и др.] // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 8. – С. 72–75.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / подгот. Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. – Тула : Аквариус, 2016. – 760 с.
4. Грязнов, А. Л. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI–XVII вв. / А. Л. Грязнов // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XVII веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. – М. , 2008. – С. 107–113.
5. Грязнов, А. Л. Суздальский уезд в первой трети XVII в. Атлас. / А. Л. Грязнов. – Владимир : Транзит-ИКС, 2014. – 36 с.
6. Кивельсон, В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. / В. Кивельсон. – М. : НЛО, 2012. – 357 с.
7. Кусов, В. С. Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 2007. – 699 с.
8. О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. / В. С. Кусов // Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990. – С. 65–71.
9. Кусов, В. С. Чертежи Земли Русской XVI–XVII вв. : каталог-справочник. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 1993. – 375 с.
10. Мильчик, М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–2017. / М. И. Мильчик. – СПб. : Коло, 2017. – 376 с.
11. Мильчик, М. И. Каргополь: Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. Документы и графические реконструкции / М. И. Мильчик. – СПб., 2008.
12. Мильчик, М. И. Старая Ладога: Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. / М. И. Мильчик. – СПб., 2014.
13. Мильчик, М. И. Тихвин: город позднего русского Средневековья. Очерк градостроительной истории. / М. И. Мильчик. – СПб., 2017.
14. Резникова, Т. В. Чертеж владений Сийского монастыря по рекам Кулой и Союна в материалах фонда 1196 «Антониев-Сийский монастырь» (РГАДА) / Т. В. Резникова // Поморские чтения – 2023.
15. Рыбаков, Б. А. Русские карты Московии XV– начала XVI века. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1974. – 111 с.
16. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: Территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2009.
17. Темушев, В. Н. Московское великое княжество: территория и границы в конце XIII – первой половине XIV в. / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2022.
18. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. – 648 с.
19. Фролов, А. А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3 / А. А. Фролов, Н. В. Пиотух. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008.
20. Хитров, Д. А. Нечерноземный центр России в материалах Генерального межевания / Д. А. Хитров, А. А. Голубинский, Д. А. Черненко // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 255–259.
21. Яковлев, В. О. Первая Исаакиевская церковь (1707–1727) в документах и свидетельствах Петровской эпохи / В. О. Яковлев. – СПб. : Исаакиевский собор, 2022. – 182 с.

Пушкарёва Н.Л.

УСТНЫЕ ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАКРЫТЫХ СОВЕТСКИХ НАУКОГРАДОВ В ГОДЫ ОТТЕПЕЛИ¹

Нарратологический поворот, случившийся в гуманитарных науках полвека тому назад, убедил: функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их повествовательной (нарративной) природы [1]. Поэтому обращение к сравнительно недавней истории страны – исследованию обыденной жизни больших и малых советских городов в годы самых больших надежд и убеждения в правильном направлении социально-политического развития страны (то есть в 1950-е – 1960-е гг.) заставляет пытаться понять строй мышления наших соотечественников того времени именно через их рассказы. Это резко повышает значимость *устных историй*, не попавших на страницы воспоминаний или напечатанных интервью. Не секрет: женская память в этом отношении более избирательна и имеет свое своеобразие: женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их (вербальная эпизодическая память), быстрее заявляют о готовности вспоминать и соглашаются на сам разговор [2, с. 132], точнее датируют воспоминания и используют более эмоциональные термины при их описании [3, с. 831–843; 4, р. 498–510; 5, р. 107–114]. Эти особенности заставили нас инициировать лонгитюдный проект, нацеленный на изучение женской памяти о периоде политической Оттепели (*поддержанный РНФ N 22-28-01428*). Велика роль в его реализации Общедоступного портала устных рассказов о городах России (Народная история России), а также сбор нами неструктурированных биографических интервью, в которых сами респондентки выделяли главное, а для нас был особенно важны воспоминания о жизни в годы так называемой Хрущевской оттепели.

¹ Подготовлено в рамках Программы НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы».

Характерной чертой «оттепельного времени» было возникновение множества новых городов. Они строились вокруг крупных предприятий и научных центров, получив впоследствии название наукоградов. Одним из них был город Жуковский, который по праву можно назвать *аваиаградом*: он был создан для советских авиаторов, создателей и разработчиков авиационной промышленности. Начало превращению дачного поселения Отдых в рабочий поселок, получивший имя шахтера-передовика Стаханова (для тех, кому было поручено строить там аэродром) было положено еще в довоенное время. После войны Стаханово притянуло к себе значительные научные силы в связи со строительством новых НИИ. Уже в 1947 г. оно стало авиаградом, носящим имя основоположника современной аэродинамики Н.Е. Жуковского; через 60 лет – в 2007 г. Жуковский получил статус наукограда.

Первые два послевоенных десятилетия кажутся нам наиболее интересными для изучения с точки зрения сохранности исторической памяти – время было во многих смыслах примечательное, и многие вспоминали его как годы расцвета надежд и общего социального оптимизма. Позитивный настрой тогдашнего советского общества исследователи связывают с политической либерализацией, отходом от директивности, ослаблением бессмысленной всеохватывающей секретности и самоизоляции, преодолением творческого коллапса деятелями культуры, массовым жилищным строительством и, конечно, крупными ассигнованиями на науку [6, с. 691]. Нам же представляется важным рассмотреть рождение социального оптимизма тех десятилетий «снизу». Чем и как запомнилось то время перемен? Как запечатлелись в памяти жизненные трудности и их преодоление, ведь акторами, творцами тех перемен были обычные люди, а когда мы размышляем об обыденном быте, – обычные женщины. Возникновение и становление новых поселений, превращавшихся в наукограды, происходило не только благодаря выдающимся ученым мужам, смело уезжавшим из привычных столичных условий, чтобы создавать НИИ и проектные группы с нуля, но и благодаря менее заметным в этом процессе женщинам – женам ученых и самим научным работницам, обеспечивавшим повседневное существование поселений как домашнее, так и профессиональное.

Память об этой стороне жизни новых городов, возникших в годы Оттепели, пока остается белым пятном в исследовательском поле социальной истории СССР середины XX века, хотя отдельные попытки обращения к ней имеются и в российской [7, с. 9–54; 8, с. 25–67; 9, с. 425–432], и в зарубежной историографии [10; 11]. Случайные замечания в устных женских историях других, «старых» городов о том, что в новых советских наукоградах было спецснабжение, особая корпоративная культура и жизнь [12], заставили нас сформулировать рабочую гипотезу о новых советских городах как локалах рождения особого социального оптимизма.

Для подтверждения гипотезы пришлось не просто ознакомиться с опубликованными интервью и воспоминаниями старожилов с добавлением информации из периодической печати, справочной литературы, делопроизводственной документации. Важней оказалась попытка вскрыть глубинные пласты социальной памяти, прежде всего женской – собрать устные истории респонденток с правомерным уходом в их приватный эмоциональный мир, в котором велик вес личных забот, тревог и переживаний. В изучении обыденных практик, при историко-антропологическом измерении социальных процессов важнейшими как раз и оказались не сухие 'объективные факты' нормативных документов и отчетов, но субъективная правда жизни. Ее вариабельность в разных жизненных историях и есть тот ценный ресурс, который можно использовать, выявляя типичу и стараясь генерализировать отдельные жизненные случаи, помня в то же время об этом первом уровне субъективации. Второй уровень субъективации (помимо принципиального выделения устных женских рассказов в качестве важнейших в иерархии источников) – сбор материала не только и не столько у самих переживших становление города женщин старшего возраста (многие просто не дожили, поколение 1930-х гг.), сколько у их дочерей (1945–1960-х гг. рождения), отлично помнящих свое детство и дополняющих рассказы матерей.

1. Нарратология: основы, проблемы, перспективы : материалы к спецкурсу / сост. Е. Г. Трубина // Уральский Федеральный университет. – Режим доступа: www.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.
2. Loprinzi, P. The Role of Sex in Memory Function: Considerations and Recommendations in the Context of Exercise [Electronic resource] / P. Loprinzi, E. Frith // *Journal of Clinical Medicine*. – 2018. – № 7(6). – P. 132. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6028920/>.
3. Skowronski, J. J. Social memory in everyday life / J. J. Skowronski // *Journal of personality & social psychology*. – 1991. – № 60. – P. 831–843.
4. Davis, P. J. Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences / P. J. Davis // *J. Personal. Soc. Psychol.* – 1999. – № 76. – P. 498–510.
5. Herlitz, A. Sex differences in episodic memory / A. Herlitz, J. E. Yonker // *J. Clin. Exp. Neuropsychol.* – 2002. – № 24. – P. 107–114.
6. Луковцева, Т. А. Оттепель / Т. А. Луковцева // *Большая российская энциклопедия* : в 35 т. – Т. 24 (Океанариум – Оясио). – М. : БРЭ, 2014. – С. 691.
7. Пушкарева, Н. Л. История повседневности: Предмет и методы / Н. Л. Пушкарева // *Социальная история. Ежегодник, 2007*. – М., 2008. – С. 9–54.
8. Белова, А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности / А. В. Белова // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений*. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 25–67.
9. Пушкарева, Н. Л. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х гг. / Н. Л. Пушкарева, А. В. Жидченко // *Via in tempore*. – 2022. – Т. 49. – № 2. – С. 425–432.
10. Boym, S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia* / S. Boym. – Harvard University Press, 1994. – 368 p.
11. Ilić, M. *Women in the Khrushchev era* / M. Ilić, S. Reid, L. Attwood. – Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 254 p.
12. Пушкарева, Н. Л. «Таёжные ленинградки»: повседневная жизнь жительниц Ангарска 1950-60-х гг. / Н. Л. Пушкарева, А. В. Жидченко, С. И. Белов // *Вопросы истории*. – 2022. – № 3. – С. 95–104.

Русина Ю.А.

**ПРАКТИКА УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Современные научные изыскания по истории недавнего прошлого редко обходятся без практики интервьюирования очевидцев и участников событий. К настоящему времени можно отметить сложившиеся тематические предпочтения устной истории, глубоко проработанную методику проведения исследовательского интервью и источниковедения устных исторических источников. Специфика нарратива этих материалов и особенности их формирования требует особых навыков аналитической работы. По словам одного из авторитетных специалистов в области устной истории Алессандро Портелли: «Потенциальная неистощимость устных источников влияет и на все другие источники. Если мы думаем, что никакое исследование не может считаться полным, пока оно не исчерпало все устные и письменные источники (мы говорим об отрезке времени, который еще сохраняется в живой памяти), и полагаем, что устные источники в принципе неистощимы, то идеал исследователя – получить сведения из всех возможных источников – становится недостижимым. Историческое исследование, использующее устные источники, всегда остается незаконченным в силу самой природы источников, а историческое исследование, которое не включает в себя устные источники (для тех периодов, для которых они существуют), неполно по определению» [2, с. 48].

Развитие данного направления исторической науки и его перспективность потребовали включения дисциплины «Методика и практика устно-исторического исследования» в учебный план подготовки направления «Отечественная история» Департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета. Курс имеет статус «по выбору» и читается студентам отделения бакалавриата с 2010 г. Согласно программе курса, учащиеся осваивают теоретический материал, призванный познакомить их с вопросами историографии устной истории, спецификой источникового материала и методами его обработки, изучают предметную область устной истории в контексте исторической антропологии и взаимосвязи с другими гуманитарными дисциплинами. Важной частью курса является его практическая составляющая: большое внимание в процессе обучения уделяется практической работе студентов по организации и проведению устно-исторического интервью в рамках исследовательского проекта, включающего также транскрибирование и интерпретацию полученного материала. В результате, учащиеся приобретают опыт сбора устных воспоминаний и вовлечения в научную практику уникальных знаний участников и очевидцев определенных исторических событий.

В ходе реализации учебного курса выработалась традиция самостоятельного выбора студентами предстоящей темы исследования, представляющей для них научно-познавательный интерес. Таким образом, учащиеся обращались к исследованию следующих тем: «Военное детство 1941–1945 гг.», «Повседневная жизнь студенчества 1950-х – 1980-х годов», «Советский человек в экстремальной ситуации: воспоминания участников боевых действий в Афганистане», «От сессии до сессии живут студенты весело», «Деятельность Лаборатории археографических исследований исторического факультета Уральского государственного университета (1970-е – 1990-е гг.)», «Крымская археологическая экспедиция исторического факультета Уральского государственного университета (1980-е – 1990-е гг.)», «Исторический факультет Уральского государственного университета им. Горького в годы перестройки», «Уральский госуниверситет в 1990-е годы глазами студентов и преподавателей», «Память о раскулаченных и спецпереселенцах на Урале», «Театральная жизнь Екатеринбурга в 1990-е годы» и др. Были в истории преподавания курса и совместные проекты с учреждениями культуры города Екатеринбурга: с Музеем истории Екатеринбурга и Ельцин-Центром. Для первого студенты интервьюировали жителей одного из районов города с целью пополнения материалов по его истории, для второго – современников (сослуживце и соучеников) Б. Н. Ельцина к юбилею этого политического деятеля.

Несмотря на то, что устная история как научное направление в советский период развивалась фрагментарно, методология эвристики и приемы изучения устных исторических источников разрабатывались, что способствовало развитию исследований в данной области в последние десятилетия. Так, Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт), при подготовке и проведении сбора устных свидетельств очевидцев, сформулировала необходимость решения таких задач, как: подготовка общественного мнения, выявление круга участников, массовое анкетирование, подкрепление воспоминаний официальными документами и т. д. В 1930-е гг. апробированный Истпартом метод устной истории практиковался редакциями «Истории фабрик и заводов», «Истории гражданской войны». В 1940-е гг. устное интервьюирование применялось центральными и региональными комиссиями по истории Великой Отечественной войны, сотрудники которых собрали несколько десятков тысяч воспоминаний, около 4 тыс. из них в настоящее время содержится в фонде Научного архива Института российской истории РАН [1, с. 143]. Кроме того, сегодня широкую известность и активное использование приобрели зарубежные и отечественные учебники по устной истории [5; 6].

При работе над устно-историческими научными проектами необходимо также опираться на восходящее к идеям А. С. Лаппо-Данилевского и закрепившееся сегодня в учебной и научной литературе утверждение о сути и своеобразии методологии источниковедения состоящей в признании чужого сознания, а также о методе источниковедения, основанном на представлении об историческом источнике как явлении культуры, как реализованном интеллектуальном продукте человеческой деятельности. В работе с устно-историческим источником важны его интерпретация и авторский дискурс при соблюдении канона источниковедческого исследования в контексте соотношения: факт – очевидец – устное свидетельство.

В этой связи, в рамках рассматриваемого учебного курса, источниковедческие подходы реализуются студентами на всех этапах подготовки и проведения устно-исторического интервьюирования.

1. Разработка анкеты-опросника предполагает ясное представление о потенциале индивидуального знания и памяти потенциальных респондентов с учетом их возрастных особенностей, степени участия в событиях, а также историографическую эрудицию составителя анкеты. На этом этапе закладывается вероятный объем сведений, который предполагается получить в результате интервьюирования. Тематика проводимых исследований (перечисленных выше) накладывала отпечаток на содержание вопросов. Исследование «Военное детство 1941–1945 гг.» строилось на заимствованной анкете, разработанной в ходе диссертационных изысканий аспирантки кафедры. Темы «Повседневная жизнь студенчества 1950-х – 1980-х годов» и «От сессии до сессии живут студенты весело» изучались на основе структурирования собственного опыта студентов – слушателей настоящего курса. Исследование «Память о раскулаченных и спецпереселенцах на Урале» строилось с учетом общих исторических знаний и историографического кругозора учащихся. Задача изучения темы «Советский человек в экстремальной ситуации: воспоминания участников боевых действий в Афганистане» оказалась самой сложной на этапе формирования вопросов интервью. Здесь скорее доминировали стереотипы и мифы, а также сказывалось преобладание публицистического взгляда на проблему. Анкеты для осуществления совместных проектов с музеем и Ельцин-Центром разрабатывались при участии сотрудников этих организаций. Во всех случаях анкета-опросник представляла собой четкую однотипную форму, что является обязательным условием проведения исследования одного исторического сюжета коллективом интервьюеров.

2. Проведение интервью требует психологической подготовки, особенно для начинающих исследователей. В ходе интервьюирования иногда приходится сталкиваться с вопросами источниковедческого характера в контексте выяснения авторской позиции и умения корректировать намеченный ранее ход беседы. Материалы устной истории всегда представляют собой результат развития взаимоотношений двух сторон: совместной работы интервьюера и респондента. Содержание же устного источника во многом зависит от того, что привносит в него интервьюер в виде вопросов, реакций на ответы рассказчика, поведения во время интервью. Если учесть, что большинство проектов – о повседневной жизни студенчества разных лет, перемен в вузах периода перестройки и последующего десятилетия, деятельности лабораторий и экспедиций – строилось на интервьюировании преподавателей факультета, где проходят обучение начинающие историки, то такое общение явилось для обеих сторон очень ценным опытом внутрикорпоративной коммуникации.

3. Расшифровка интервью – наиболее трудоемкий и технически сложный этап исследования. В результате его осуществления возможно создание литературно обработанной записи с максимальным вмешательством исследователя или точного письменного варианта устной речи информанта. Процедура перевода устного текста в письменный и создание базы данных, архива или коллекции материалов, предназначенных для введения в научную практику в качестве исторического источника – важнейшая особенность устно-исторического метода. Сложности расшифровки, с которыми столкнулись студенты, помимо временных и трудовых затрат – проблема отклонений от темы, особенности речи, слова-сорняки и т. п. Как правило часовое интервью по объему занимает 15–17 страниц печатного текста (формат А4). Здесь необходимо подчеркнуть, что все переведенные в письменный вариант интервью, полученные в ходе реализации студенческих проектов, вполне точно передают особенности устной речи респондентов при помощи специально разработанной системы комментариев и условных обозначений. Вопросам технологии транскрибирования посвящено несколько теоретических занятий учебного курса.

4. Введение свидетельств устных источников в учебную и научную практику зависело от тематики проектов. Для начала хотелось бы обратить внимание на обучающий и эмоционально-психологический эффекты. Студенты в ходе проведения и анализа нарратива полученных интервью сделали множество «открытий»:

- военное детство часто остается детством,
- студенты 1960-х, 1970-х годов имели похожие интересы, волнения, что и современные молодые люди; работа в колхозе, стройотрядах, досуг не были подчинены только жесткой идеологической

аргументации, но имели различные социальные, коммуникативные, финансовые, развлекательные составляющие;

- самое яркое разрушение стереотипов о советском времени произошло после общения с участниками военных действий в Афганистане: «Такое в учебнике не прочитаешь»;

- интерес к периоду перестройки и 1990-х годов связан у современных студентов с потребностью осмысления времени, в котором они живут.

Что касается конкретного использования материала, собранного студентами в рамках учебного курса, то оно разнопланово. Имеются научные публикации [3; 4], аудиозаписи и расшифровки интервью пополнили фонды музея истории Екатеринбурга, Ельцин-Цента, общества ветеранов Афганистана, а также создали внушительную базу данных документальных свидетельств по истории крупнейшего на Урале университета.

1. Орлов, И. Б. Устная история: генезис и перспективы развития / И. Б. Орлов // Отечественная история. – 2006. – № 2. – С. 136–148.
2. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории / пер., сост, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 32–51.
3. Русина, Ю. А. Повседневная жизнь уральского вуза в эпоху перемен (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.): ракурс устной истории / Ю. А. Русина // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. – 2019. – Т. 21. – № 1 (184). – С. 283–296.
4. Русина, Ю. А. Студенческое бытие в «лихие 1990-е»: по материалам устных интервью преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета [Электронный ресурс] / Ю. А. Русина, Е. С. Янцевич // Наследие веков. Электронный научный журнал Южного филиала Института Наследия. – 2019. – № 2 (18). – Режим доступа: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rousina_lantsevich.pdf. – Дата доступа: 11.03.2023.
5. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 367 с.
6. Щеглова, Т. К. Устная история: учебное пособие / Т. К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 364 с.

Варламова Л.Н. СОВРЕМЕННЫЕ ОНЛАЙН РЕСУРСЫ КАК БУДУЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Источниковедение – одно из важнейших направлений исторической науки, позволяющее восстанавливать картину прошлых лет довольно объективно, при использовании широкого круга источников. Но с каждым годом в эпоху компьютеризации, автоматизации, цифровизации, мы становимся свидетелями утраты возможности восстановить события наших дней в будущем в столь же объективном ракурсе. И дело здесь не в злом умысле или сокрытии фактов. Все гораздо прозаичнее – дело в нашей неготовности воспринимать современные средства создания информационных ресурсов (по сути, данных) как важнейший исторический источник. То есть мы это понимаем, но ничего не делаем для того, чтобы определить и нормативно зафиксировать требования к их созданию, учету и хранению (по крайней мере, в государственном секторе).

В России есть нормативные требования об обязательности ведения сайтов государственными органами, а с недавнего времени об их представительстве в соцсетях [1]. Однако ни формат этого представительства, ни структура сайтов, ни платформы, на которых они должны быть созданы, нигде не прописаны, а это значит, что нет четких правил представления на них данных и тем более их сохранения во времени.

На современном этапе мы документируем деятельность организации как традиционным способом через документы, так и новым через данные, размещенные на сайтах, в социальных сетях и мессенджерах. Разберем последние способы создания исторической памяти об организации подробнее. Мы сознательно обходим вопрос об использовании электронной почты, т.к. этот аспект уже не раз становился предметом изучения и отчасти регламентирован. В рамках данного доклада мы намерены акцентировать внимание на сайтах, социальных сетях и мессенджерах.

Сайты. На сайтах размещаются данные об организации, большая часть которых является изменяемыми, но отражаемыми в документах. Например:

- данные о структуре и руководстве организации дублируются в приказах;
- данные о количестве обращений граждан – в отчетах;
- данные о программах и проектах – в комплексе документов, включая ОРД, отчетно-статистической, планово-финансовой и документах других систем документации.

Но в этих документах они отражаются по отдельности, в то время как на сайте они представлены в совокупности, что позволяет получать срез данных в режиме реального времени, а значит и дает возможность сохранить этот срез с течением времени. Это значит, что при правильной постановке задачи, можно сохранять срез данных сайта организации в качестве агрегированного документа. При реорганизации или изменении данных сайта процедура может быть повторена. Этот комплект срезов сайта не только значительно облегчит работу исследователям в будущем, но и заставит организации своевременно актуализировать данные своих сайтов.

Одновременно с этим на сайтах размещена не дублируемая нигде (в смысле ее совокупности и подборки) информация. Например:

- онлайн обращения и ответы на них, комментарии;
- изображения и фото-видео-подборки;
- ссылки на другие ресурсы и т.п.

Ввиду того, что, к сожалению, не существует практики сохранения изображений, фото и видео материалов, размещенных на сайтах, в качестве документа с их архивным описанием, ввиду того, что нет таких требований и критериев, многие из этих документов просто не доходят до архива. Вместе с тем, совокупность этих ресурсов (их подборка на сайте) дает дополнительную информацию об организации, которая формирует ее повестку в режиме реального времени и отражает не только ее цели и задачи, но и успешность и пути их реализации. Для того, чтобы восстановить всю совокупность информации об организации в этот исторический период, исследователям придется просмотреть не один десяток дел, а это дополнительное время.

Социальные сети. Ведение социальных сетей в настоящее время стало обязательным требованием для ФОИВ и других государственных организаций. Данные, размещаемые в соцсетях, лишь частично получены из официальных документов, в большей степени они представляют собой комментарии официальных лиц по тому или иному вопросу, которые, как правило, согласованы с руководством организации. Однако, странички в соцсетях ведут и сами чиновники, и эксперты, и там они могут высказывать свое личное мнение, которое в ряде случаев лишь отчасти личное, а иногда очень личное. Но и в том, и ином случае это ценнейший источник, по сути – документ личного происхождения, который позволяет увидеть одно и то же событие с разных сторон (порой диаметрально противоположных) и позиций (в смысле статуса автора публикации). Этот аспект деятельности даже государственных чиновников в нашей стране пока никак не регламентирован (за исключением обязанности быть представленным в соцсетях).

Мессенджеры. Говоря о мессенджерах следует отметить различный уровень их сервисов и возможностей. Формально можно разделить их на сервисы, поддерживающие текстовые, видео, аудио коммуникации или их комбинации, а также на позволяющие работать одновременно в группе или предполагающие индивидуальное взаимодействие. В настоящее время их деление по принципу установки (на компьютер или мобильный телефон) не актуально, так как большинство из них универсальны. Вопрос о производителях этих технических устройств и их программных платформ, влияющий на степень конфиденциальности передаваемых по ним данных, мы оставим вне рамок данного доклада, т.к. это тема иного исследования. Но, в контексте нашего, обратим внимание на разработчиков сервисов мессенджеров и возможности взаимодействия с ними государственных структур, включая контроль за передаваемой информацией. И дело тут не в цензуре, а в контроле за распространением государственно значимой информации в рамках служебной деятельности лиц, использующих мессенджеры. У нас же существуют правила документооборота и доступа к документам на бумажной основе (причем речь в них идет не столько о сохранности листа бумаги, на котором размещена информация, сколько о сохранности самой информации и доступе к ней), так почему нельзя предъявлять аналогичные требования к информации, передаваемой онлайн. При этом, информация, передаваемая через мессенджеры, очень часто является критически значимой для принятия решения, с одной стороны, и нигде более не отражена, с другой. Это ценнейший источник, отражающий не только актуальные аспекты деятельности, но и психоэмоциональное состояние человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что значительная часть информации, размещенной на сайтах государственных органов и на страницах социальных сетей служащих, а также передаваемая в мессенджерах должностными лицами, не дублируется в иных ресурсах и при этом является чрезвычайно ценной с точки зрения отражения тех или иных событий в жизни и деятельности государственной организации и решений должностных лиц. Вместе с тем, правила ведения этих ресурсов и тем более их учета и сохранения в нашей стране не существуют. Это неизбежно приведет к потере огромного количества данных о важнейших событиях нашего времени. Рассматривая эти данные в качестве исторического источника, мы не можем не осознавать необходимость их сохранения. И здесь возникает вопрос: как именно должны быть регламентированы требования к созданию, наполнению, учету и сохранению данных этих ресурсов. Вариантов на самом деле немного: нормативный правовой акт, нормативный методический документ, национальный стандарт. Рассмотрим каждый из них на предмет целесообразности и эффективности.

Нормативный правовой акт. Безусловно, в основе процесса регламентирования должен лежать НПА (федеральный закон или постановление Правительства РФ), но что же уместнее? Ответ на этот вопрос лежит в комплексе НПА, регламентирующих аспекты создания и использования этих ресурсов. В России уже есть федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного

самоуправления», закладывающий требования по размещению информации о деятельности государственного органа в сети Интернет и регламентирующий этот процесс. [1, ст. 13]. В связи с чем разработка нового ФЗ не требуется, т.к. дополнения можно вносить в действующий. Следует отметить, что положения ФЗ уточняются в соответствующем Порядке размещения информации и Перечне информации, допустимой к размещению, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 10.07.2013 N 583 [2]. Однако в этих документах речь идет о сайтах государственных органов и отчасти использования социальных сетей. Вопросы использования мессенджеров не регламентированы (формально их использование запрещено, но...).

Нормативные методические документы. В настоящее время в каждом ФОИВ и подведомственной ему структуре существует локальный нормативный акт, основанный на НПА, регламентирующий порядок наполнения сайта информацией, но практически ни в одном из них не затронут аспект архивирования информации, снятой с сайта ввиду ее устаревания. Эту проблему мог бы решить единый нормативно-методический документ типа правил, но возникает вопрос: кто вправе разработать такой документ? Логично предположить, что им должен стать орган, отвечающий за сохранение информации (документов и данных), значимой для государства. В России это Федеральное архивное агентство. Согласно Положению о Росархиве [3, раздел II], оно вправе разрабатывать такого рода документы. Однако, в этом случае придется получить официальные согласования всех ФОИВ (как минимум), но главное – обеспечить хранение этой информации в государственном архиве. И здесь возникает вопрос готовности ведомства и его учреждений к такому хранению. Возможно, строящийся филиал ГАРФ в Обнинске будет располагать такими возможностями. Суть в том, чтобы в этот нормативно-методический документ уже были инкорпорированы эти возможности. Но даже в этом случае он будет носить верхне-уровневый характер, так как должен будет содержать в себе разноплановые требования и давать вариативность ввиду разнообразия ИТ решений даже в ФОИВ. Ориентация на ФОИВ, ввиду полномочий Росархива, оставляет значительную часть государственных организаций и тем более коммерческий сектор без регламентации столь значимых аспектов их деятельности, имеющей, кстати, и правовой аспект. И в этой связи на помощь может прийти иной, более широко применяемый вид документа.

Национальный стандарт. В отличие от традиционного нормативно-методического документа, национальный стандарт более демократичен в плане разработки. Во-первых, он должен быть разработан коллективно в рамках профильного ТК/ПК и быть публично обсужден. Во-вторых, в его разработке и рецензировании может принять участие любая заинтересованная организация. В-третьих, он может регламентировать не все аспекты этого процесса сразу, а по частям (в том числе путем разработки нескольких частей одного стандарта, вкуче рассматривающих все части того процесса). К тому же он применим в организации любой организационно-правовой формы и формы собственности. К тому же, есть на что опереться в их разработке – на стандарты международных организаций по стандартизации ИСО и МЭК [4].

Подводя итог, следует сказать, что какой бы вид документа ни выбрал ответственный государственный орган, вопросы использования государственными органами информационных ресурсов, – таких как сайт, страницы социальной сети и мессенджеры, – должны быть регламентированы официально не только с точки зрения их создания и использования, но и сохранения размещенной на них информации как важнейшего исторического источника нашего времени.

1. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ, 16.02.2009, N 7, ст. 776.
2. Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 N 583 (ред. от 10.11.2022) «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» (вместе с «Правилами отнесения информации к общедоступной информации, размещаемой государственными органами и органами местного самоуправления на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных», «Правилами определения периодичности размещения общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных, сроков ее обновления, обеспечивающих своевременность реализации и защиты пользователями своих прав и законных интересов, а также иных требований к размещению указанной информации в форме открытых данных», «Правилами обязательного размещения органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления общедоступной информации о деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, созданной указанными органами или поступившей к ним при осуществлении полномочий по предметам ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации или органам местного самоуправления, на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных») // Собрание законодательства РФ, 29.07.2013, N 30 (часть II), ст. 4107.
3. Указ Президента РФ от 22.06.2016 N 293 (ред. от 30.12.2022) «Вопросы Федерального архивного агентства» (вместе с «Положением о Федеральном архивном агентстве») // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 4034.
4. Варламова, Л. Н. Международная стандартизация управления документацией: история и современность : учебное пособие / Л. Н. Варламова. – М. : Изд-во РГГУ, 2022. – 156 с.

Гавриленко К.Е.
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

Локальная история – одно из направлений историографии, которое с каждым годом получает новый импульс развития. Полноценное изучение локальной истории невозможно без всестороннего анализа вклада всех этнических и конфессиональных групп в развитие того или иного региона. В Брестском районе Республики Беларусь и на приграничных с ним территориях Республики Польша и Республики Украина, помимо традиционных для страны этноконфессиональных групп, на протяжении трех столетий проживали бужские голендры, исповедовавшие лютеранство [12]. Впервые они появились в долине р. Западный Буг во второй половине XVI века, основав первые колонии. Для источниковедческого анализа следует учитывать специфику исторического развития бужских голендров.

Во-первых, на территории Королевства Польского и Великого Княжества Литовского существовало несколько десятков колоний голендров – лично свободных земледельцев, которые пользовались «голландским правом» [13, с. 56]. Владельцы земель заключали с колонистами специальный договор на право поселения на условиях аренды (долгосрочной либо бессрочной) [1, с. 3]. Взаимосвязь колонистов и землевладельцев отражается в специфике источниковой базы, на которой основано изучение истории общин голендров. Территории, на которых проживали бужские голендры, изначально принадлежали Лещинским. Около 1564 г. князь Рафаэль Лещинский даровал право на поселение бужским голендрам. В последующее времена земли в среднем течении р. Западный Буг перешли к Радзивиллам, а чуть позже к Витгенштейнам [5, с. 57–59]. За три столетия в магнатских архивах сформировался комплекс документов, посвященных развитию колоний в Брестском регионе.

Во-вторых, название права, данное землевладельцам на поселение при сохранении личной свободы, отсылает к первым колонистам из Нидерландов, на которых оно распространилось. Термин «голендр» (*holendry, golendry, olędrzy, holländer, hauländer*) можно перевести как «голландец» [7]. Считается, что все колонисты на польских и литовских землях, обладающих этим правом, были по происхождению голландцами. Однако в современной польской историографии есть работы, оспаривающие данный тезис. Ряд польских исследователей склоняются к мысли, что после голландских переселенцев на польские земли «голландским правом» стали пользоваться и колонисты из других стран (в первую очередь из Германии), а также поляки [1, с. 5]. Таким образом, однозначно ответить на вопрос об этническом происхождении бужских колонистов на данный момент нельзя. На основе анализа историографии можно выделить три версии: 1) бужские голендры действительно являются потомками голландских колонистов; 2) голендры Брестского региона – выходцы из немецких земель; 3) свободные колонисты были кашубами. Вполне вероятно также прибытие колонистов из разных стран и регионов в уже существовавшие колонии, что привело к изменению этнокультурного облика населения. Поселенцы исповедовали лютеранство, службы проходили на немецком языке. В повседневной жизни немецкий язык не использовался, колонисты говорили по-польски [7, с. 24]. На рубеже XIX–XX веков это повлияло на имена колонистов: сохраняя немецкоязычные фамилии, колонисты всё чаще стали давать своим детям польские имена [2, с. 59–61]. Эту особенность можно проследить через анализ списков колонистов. К таковым можно отнести: списки домохозяйств в инвентарях и других хозяйственных описаниях региона; метрические книги; списки избирателей и др. Учитывая этот факт, идентифицировать голендров в общих списках можно лишь с помощью фамилий (Бытов/Бютов, Людвиг, Зелент, Лодвих, Рыль и др.). Специфические немецкоязычные названия прослеживаются в топонимике региона на ранних этапах колонизации. Названия первых («материнские») колонии голендров Нейдорф и Нейбров можно использовать как подтверждение данного тезиса. В последующие времена топонимы, связанных с голендрами, приобретают ненемецкое происхождение («Железна», «Борок», «Кацы» и др.), что усложняет работу исследователя.

Для славянских жителей этого региона голендры оставались «специфическим» этническим соседом, что нашло своё отражение в коллективной памяти местного населения. Воспоминания о голендрах полны этнокультурных стереотипов и легенд, которые используется для «объяснения» непонятных славянам традиций и фактов из истории колонистов. Голендры вели закрытый образ жизни, селились обособлено и практически не позволяли своим соседям появляться в своих поселениях. Единственным местом коммуникации являлось местечко Домачево, где проходила торговля. Ограниченность контактов не позволяет использовать материалы устной истории как полноценный источник по истории колонистов. Колонисты неоднократно становились объектом изучением этнографов Российской империи и Польши [4]. В своих работах исследователи голендры

предстают как специфическая этническая группа. К сожалению, данные материалы носят отрывочный и поверхностный характер.

Относительно целостное описание поселений на р. Западный Буг содержится в комплексе документов лютеранского прихода Нейдорф-Нейбров, изданного в 1902 г. в Люблине. В данном комплексе представлены сведения о взаимоотношениях колонистов с владельцами земли, о строительстве и перестройке здания кирхи, отрывочные сведения о пасторах прихода [8]. На некоторый период времени лютеранский приход Нейдорф-Нейбров являлся главным для всех лютеран Западного Полесья, Люблинщины и Волыни. Материалы о деятельности прихода включены в архивы Курляндской консистории (периода Российской империи) и Евангелиско-Аугсбургской курии в Варшаве (за межвоенный период) [12].

В-третьих, традиционным занятием голендров было сельское хозяйство. Преимущественно аграрная специализация колонистов отразилась в комплексе источников, который включает в себя описание земельных наделов, подсчёты сельскохозяйственных животных, планы участков и другие документы, посвященные хозяйственной жизни. Примером этому могут служить документы, на который неоднократно ссылается в своих работах брестский историк Евгений Семёнович Розенблат. Обнаруженные в фондах Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, документы призваны дать описание колонистов гродненскому губернатору. Всё описание сводится к перечислению особенностей ведения колонистами сельского хозяйства, их борьбы с паводками и уплачиваемые ими налогов. Колонии обычно создавались на заболоченных либо подверженных сильным паводкам [5, с. 57–62; 6, с. 187–188]. Голендры проводили мелиорацию земель и строили дамбы. Данный факт нашел своё отражение в картографических материалах. Также антропогенное влияние колонистов до настоящего времени прослеживается в ландшафте и биосфере региона [4].

В-четвертых, регион проживания бужских голендров на протяжении веков относился к различным административно-территориальным формированиям. В XVI–XVIII веках – Брест-Литовское воеводство, в XIX – начале XX века – Гродненская губерния, в межвоенное время – Полесское воеводство, а после 1939 г. – Брестская область Беларуси. В ходе формирования фондов материалы по истории голендров были разделены и находятся в ряде тематических секций архивов. К примеру, в Государственном архиве Брестской области материалы по истории колонистов содержатся в следующих фондах: фонд 1 (Полесское воеводское управление), фонд 2 (Брестское поветовое староство), фонд 26 (гминные правления Брестского повета), фонд 60 (Полесское окружное земельное управление), фонд 93 (Брестская поветовая комендатура государственной полиции) и др. [3]. Архивные материалы можно условно разделить на две большие группы: административно-хозяйственные документы колоний, хуторов и других поселений голендров и материалы лютеранского прихода. Голендров не выделяли в польском делопроизводстве как отдельную этническую группу.

В-пятых, бужские колонисты в XIX – первой половине XX века были активно включены в миграционные процессы. В XIX веке часть жителей бужских колоний были переселены на территорию Волыни, где были образованы «дочерние» (забужанские) колонии. Вплоть до 1940-х гг. «материнские» и «дочерние» колонии поддерживали активные контакты (например, жители забужанских колоний оставались прихожанами Нейдорф-Нейбровского лютеранского прихода). Книги материалов об истории колоний на Волыни содержат информацию о бужских голендрах Брестского региона и о взаимосвязи «материнских» и «дочерних» колоний. Данные книги были изданы потомком забужанских голендров Эдурдом Бютовым в Германии [9; 10].

Следующий миграционный процесс был связан с проведением в начале XX века Столыпинской аграрной реформы, в ходе которых часть бужских голендров переселили на территорию современной Иркутской области Российской Федерации. Материалы миграционного процесса включают в себя списки переселенцев, воспоминания о переселении, документы о создании и развития поселений голендров в Сибири [1, с. 5–11].

Третий и последний миграционный процесс приходится на 1940-е гг., когда по германо-советскому соглашению об обмене населением от 16 ноября 1939 гг. голендров, как и другие немецкие этнические группы отправляют на территорию Германии. Среди источников по данной проблематике можно назвать германо-советские соглашения, списки переселенцев, немецкие пропагандистские материалы, в том числе и знаменитую иллюстрированную книгу «Трек» немецкого художника Отто Энгельгардт-Кифхойзера. Немногочисленные голендры, которые не были переселены в Германию, оставались на территории Брестчины до 1943 г., когда по решению немецких оккупационных властей их обязали к переезду на «историческую родину» [10, с. 32–63].

В-шестых, после прекращения существования колоний голендров на р. Западный Буг начинается период формирования памяти о колонистах в Беларуси, России, Украине, Польше и Германии. Во второй половине XX века диаспоры бужских голендров в Германии создают несколько обществ, целью которых является консолидация усилий потомков голендров по сохранению памяти о

прошлом колонистов. Развитие и деятельность обществ потомков голендров в Германии представлена в специальных памятных книгах, а также на тематическом сайте в сети Интернет [9; 10; 11]. Представители диаспоры общими усилиями сохранили комплекс материалов личного происхождения (свидетельства о рождении и браке, семейные фотографии, документы о переселении в Германию и воспоминания о повседневной жизни в колониях и переселении). Члены обществ в начале XXI века формируют традицию визитов на места жительства их предков. Появление на территории приграничных регионов Польши и Беларуси граждан Германии вызывает интерес у местных средств массовой информации, которые начинают публиковать материалы о визитах потомков голендров. За два десятилетия сформировался комплекс публикаций и документов, который показывает деятельность потомков голендров по сохранению памяти о колонистах в Беларуси и Польше. К сохранению памяти о бужских голендрах причастны и краеведы Беларуси и Польши. Так, белорусский краевед Иван Анатольевич Прокопюк из городского поселка Домачево (Брестский район) уже на протяжении 20 лет наполняет материалами об истории голендров созданный им веб-ресурс «Колонии голендров Нейдорф и Нейбров» [4]. В польских Словатычах (Влодавский повет Люблинского воеводства) с 2000 г. ежегодно издается краеведческий альманах «Nadbużańskie Sławatycze». На страницах ежегодника публикует материалы об истории колоний Нейдорф и Нейбров краевед Антоний Хоражи и другие любители местной истории, а также потомки колонистов [14]. Данные материалы включают себя и отдельные источники об истории колоний в период с XVI века по 1940-е гг.

Следовательно, всю источниковую базу по истории бужских голендров можно тематически разделить на следующие группы:

- материалы о взаимоотношении с землевладельцами и властями;
- материалы о развитии лютеранского прихода;
- источники о сельскохозяйственной деятельности;
- этнографические сведения об укладе жизни колоний и материалы устной истории;
- сведения о миграционных процессах;
- данные, раскрывающие процесс формирования исторической памяти о голендрах.

Данная источниковая база включает в себя обширный комплекс разносторонних материалов, анализ который позволяет реконструировать историю колонистов на протяжении нескольких веков, а также установить специфические особенности формирования памяти о голендрах в различных странах.

1. Бютов, Э. Происхождение и история бужских голендров / Э. Бютов // Тальцы : журнал. – Иркутск, 2004. – С. 3–22.
2. Вертейко, Е. Е. Именник брестских «голендров» (жителей колоний Нейдорф и Нейбров) в 1-й половине XX в. / Е. Е. Вертейко // Весці БДПУ. Серыя 1. – 2015. – №4. – С. 59–63.
3. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.»; сост.: А. В. Теребунь [и др.]; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.
4. История колоний Нейдорф и Нейбров [Электронный ресурс] // Сайт г.п. Домачево. – Режим доступа: <http://neubrow.domachevo.com/>. – Дата доступа: 18.03.2023.
5. Розенблат, Е. С. Проблемы этнической истории Беларуси : учебно-методический комплекс для студентов второй ступени высшего образования (магистратура) исторического факультета специальности «История» / Е. С. Розенблат. – Брест : Изд-во БрГУ имени А. С. Пушкина, 2020. – 163 с.
6. Розенблат, Е. С. «Вольные голендры» на Брестчине: история колоний Нейдорф и Нейбров / Е. С. Розенблат // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию исторического факультета, Брест, 23–24 ноября 2011 года / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2012. – С. 187–192.
7. Шостакович, Б. С. Еще раз к вопросу о термине «голендры» / Б. С. Шостакович // Тальцы : журнал. – Иркутск, 2008. – С. 23–35.
8. Шульц, Э. Хроника Евангелическо-лютеранской общины в Нейдорф [Электронный ресурс] / Э. Шульц. – Режим доступа: <http://neubrow.domachevo.com/historu-neudorf-xronika-ru.htm>. – Дата доступа: 17.03.2023.
9. Buch – IV [Электронный ресурс] // Bughollaender. – Режим доступа: <https://neubrow-am-bug.de/>. – Дата доступа: 17.03.2023.
10. Bütow, E. Bug – Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte / E. Bütow – Schwerin : Bütow; Zhitomir : Verl. WOLIN, 2002. – 268 s.
11. Freundeskreis Neudorf – Neubrow am Bug [Электронный ресурс] // Newbrow-am-Bug. – Режим доступа: <https://neubrow-am-bug.de/>. – Дата доступа: 17.03.2023.
12. Kirchspiel Neudorf-Neubrow (ab 1617) [Электронный ресурс] // Wolhynien. – Режим доступа: <https://www.wolhynien.de/records/Neudorf.htm>. – Дата доступа: 17.03.2023
13. Markuszewska, I. Sentimentality versus Transformation of the Historical Traditional Rural Landscape (A Case Study: The Landscape of Dutch Law Settlement in Poland) / I. Markuszewska // Quaestiones Geographicae. – 2019. – № 38 (1). – S. 53–70.
14. Nadbużańskie Sławatycze : pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Sławatycze [Электронный ресурс] // Bialska Biblioteka Cyfrowa. – Режим доступа: <https://bbc.mbp.org.pl/dlibra/publication/2850?language=pl>. – Дата доступа: 17.03.2023.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ПОИСКА МАТЕРИАЛОВ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПОЛЯКАХ В РОССИИ

Одной из тем научных исследований автора статьи вот уже в течение многих лет является деятельность этнических поляков на территории Российской Федерации, а именно: в одном из ее регионов – Северном Кавказе. Тема эта сама по себе многогранна и неисчерпаема. Она представляется собой огромное поле деятельности для любого исследователя. Именно поэтому автор статьи хотел бы дать таким исследователям ряд методологических рекомендаций по поиску материалов на данную тему вне зависимости от того, проводятся ли исследования на региональном или на федеральном уровне с тем, чтобы будущий исследователь смог избежать тех ошибок, которых, увы, не удалось избежать автору статьи.

Итак, любая научная работа начинается с обзора соответствующей научной литературы. Поскольку в сфере научных интересов автора находилась, прежде всего, деятельность поляков на Северном Кавказе, объектом его изучения стала литература об этом регионе как научная [2], так и мемуарная [1]. К последней можно отнести также и замечательное описание путешествия, предпринятого по Северному Кавказу графом Яном Потоцким в 1797–1799 гг. [4]. В нем он как великий писатель – а именно таким он остался в истории Польши – описывает природу, обычаи и нравы различных кавказских народов, свои встречи с ними и со своими соплеменниками – поляками, разными путями попавшими на Кавказ. Несколькими десятилетиями спустя по Северному Кавказу путешествовал еще один польский мемуарист, офицер российской армии Генрик Держак, мемуары которого были опубликованы в Польше на польском языке в периодическом издании «Атенеум» [3, с. 77–215].

При этом отбирались лишь те материалы, в которых прямо упоминалась этническая принадлежность тех, о ком в них шла речь. Такой подход к подбору материалов для исследований позволил избежать многих ошибок при отборе сведений о поляках на Северном Кавказе.

В то же время автор статьи включил в свою диссертацию и монографию сведения о Семене Михайловиче Броневском (1763–1830/1831), окончившем кадетский корпус в городе Гродно и там овладевшем польским языком, лишь как об источнике сведений о поляках, с которыми Броневскому довелось встретиться на Северном Кавказе, так как Броневский был уроженцем города Белев Тульской губернии и его польское происхождение осталось недоказанным [11, л. 49–50].

Конечно же, одной литературой подбор материалов для такого исследования, как деятельность поляков на Северном Кавказе, ограничиться никак не мог. Основная тяжесть научного поиска была автором перенесена на архивные материалы. В этой сфере автору не удалось избежать серьезных ошибок. Так, например, автор включал в число этнических поляков всех, у кого были фамилии, звучавшие по-польски. Таким образом в научных работах автора статьи оказалось имя Петра Ржаксинского, пятигорского врача и одного из активнейших членов основанного С.А. Смирновым в 1863 г. Русского Бальнеологического Общества (сокращенно – РБО) [12, л. 18–19]. В ходе дальнейших исследований автору не удалось обнаружить никаких, кроме звучащей по-польски фамилии, подтверждений польского происхождения Петра Ржаксинского. Зато удалось установить, что местность Ржакса существует в России, в Воронежской области. Возникает предположение, что Петр Ржаксинский мог происходить из числа русских уездных князей, правивших этой областью. А вот возможность того, что он был этническим поляком, настолько мала, что ею в серьезных научных исследованиях следует пренебречь, а автору статьи признать свою научную ошибку. Такая же судьба постигла и сведения об известном пятигорском враче рубежа 1830-х – 1840-х гг. Иустине Дядьковском, близком друге М.Ю. Лермонтова в последние месяцы жизни последнего, а в 1832 г. лечившего в Москве Н.В. Гоголя. Могила Иустина Дядьковского находится на старом пятигорском кладбище, называемом Некрополем, недалеко от места первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова. На решение автора статьи причислить Дядьковского к представителям польского народа повлияло в том числе наличие на могиле Дядьковского креста, подобного тем, которые воздвигаются на могилах людей, являющихся по вероисповеданию католиками. Как и в случае с Ржаксинским, никаких других доказательств польского происхождения Иустина Дядьковского обнаружено не было. Зато установлен факт существования местности Дядьково в Брянской области.

В то же время широкое поле деятельности для сбора сведений о поляках на Северном Кавказе в начале XIX в. открывает, в частности, ход выполнения распоряжения Министра Внутренних дел Российской империи, принятого в 1826 г., согласно которому все, кто находился на службе в империи, должны были принести присягу в том, что не принадлежат ни к каким тайным обществам [8, л. 2]. Например, в Ставрополе присягу принял надзиратель ставропольской городской полиции Навроцкий [10, л. 53]. В то же время Правление кавказской области не утвердило присягу чиновника

кизлярского карантина, надворного советника Сапеги, так как он, по мнению чиновников правления, написал о себе недостаточно [9, л. 22].

В то же время автором статьи в число чиновников польского происхождения были включены такие фамилии, как Золотницкий, Бутович, Роговский и им подобные. С точки зрения своего накопленного с годами опыта автор был бы более осторожен с включением этих фамилий в текст своих диссертации и монографии.

Аналогичная ситуация сложилась у автора статьи с перечнем чиновников, изъявивших желание воспользоваться призывом Главнокомандующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала Г.А. Емануеля к чиновникам Российской империи перейти на службу в Кавказской области, где опытных, знающих свое дело людей не хватало [7, л. 142]. Призыв 1826 г. был не только высочайше утвержден, но и выделялись средства на проезд чиновников к месту службы.

Одним из тех, кто воспользовался правом на перевод, был Якуб Кшиштофович – коллежский регистратор и помощник начальника департамента гражданского суда в Каменце-Подольском. Ему были выделены не только деньги на проезд, но дополнительное жалование, пара лошадей и провожатый, присвоен и очередной чин [5, л. 148–149]. В этом случае принадлежность чиновника к польскому народу сомнений не вызывает – фамилия состоит из типично польских корней. В то же время принадлежность к польскому народу двух других чиновников Подольской губернии, воспользовавшихся упомянутым выше правом на переезд, – Максимилиана Карпович-Чайковского и Сильвестра Ковалевского – может вызвать определенные сомнения [6, л. 144, 150–151].

Таким образом, далеко не всегда наличие у фамилии окончания «-ий» «-ая» следует рассматривать как доказательство принадлежности данного человека к польскому народу. Также далеко не всегда можно говорить о принадлежности к польскому народу и людей с другими, подобными польским, фамилиями. Уже в поздний период своей исследовательской деятельности автор статьи пришел к выводу, что индикатором польского происхождения можно считать упоминание о принадлежности данного человека к католической конфессии. Именно материалы о людях, служивших на Северном Кавказе и принадлежавших к этой конфессии, отбирались автором для включения в его исследования.

Следует сказать несколько слов и о том, где автором производился отбор материалов для его исследований. Помимо уже упоминавшихся Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и Государственного архива Ставропольского края, а также Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, это были Государственный архив Республики Дагестан, Государственный архив Краснодарского края, архивы в Армавире и Новороссийске. Таким образом, можно сказать, что архивные исследования в России, на Северном Кавказе проводились автором на территории от моря Черного до моря Каспийского. В Польше автором проводились исследования в варшавских архивах – Главном архиве древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie) и в Центральном архиве новых актов (Archiwum Akt Nowych w Warszawie), а также в архиве города Люблин.

Таким образом, автор в меру своих сил постарался не только указать на свои ошибки при проведении исследований в избранной им области, но и по возможности облегчить поиск материалов будущим исследователям деятельности поляков в России.

1. Филипсон, Г. И. Воспоминания / Г. И. Филипсон. – М., 1885.
2. Чекменев, С. А. Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в XVIII–XIX вв.) / С. А. Чекменев. – Пятигорск, 1994.
3. Dzierżek, H. Wspomnienia Kaukazu / H. Dzierżek // Athenaeum. – 1848. – Oddział drugi. – Т. III, Nr 4.
4. Potocki, J. Podróże / J. Potocki ; opr. L. Kukulski. – Warszawa, 1959.
5. Государственный Архив Ставропольского Края (далее – ГАСК). – Ф. 63. Оп. 5. Д. 77. Л. 148–149.
6. ГАСК. – Ф. 63. Оп. 5. Д. 77. Л. 144, 150–151.
7. ГАСК. – Ф. 63. Оп. 5. Д. 603. Л. 142.
8. ГАСК. – Ф. 71. Оп. 1. Д. 227. Л. 2.
9. ГАСК. – Ф. 71. Оп. 1. Д. 227. Л. 22.
10. ГАСК. – Ф. 71. Оп. 1. Д. 227. Л. 53.
11. Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге. – Ф. IV. Оп. 698. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. – Ч. 1–2.
12. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания. – Оп. 65. Д. 2832. Л. 18–19.

Стараниями епископа Павла Доброхотова (в миру Прокопий Нилович Доброхотов; 1807–1901) в рамках единой коллекции, хранящейся в данный момент в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (РС. К. 52) был собран объёмный корпус документов XVI–XIX вв. Основу архивного собрания составляют источники, относящиеся к истории Церкви на территориях Великого княжества Литовского и Польского королевства. Объём коллекции – порядка 393 ед. хр.¹, несколько десятков тысяч листов. Среди наиболее уникальных источников: подлинники грамот королей Сигизмунда II [39], Сигизмунда III [5; 35], Яна Казимира [37], князя Константина Острожского [1; 16], автографы иерархов Греко-Католической Церкви XVII–XVIII вв. (Иосифа Рутского, Рафаила Корсака, Антония Селявы, Пахомия Огилевича и мн. др.). Отдельного упоминания заслуживают десятки выписок (подлинники) из Пинских и Слонимских городских книг, касающихся земельных споров церковных иерархов с поместной шляхтой. Серия документов раскрывает подробности отношений землевладения и землепользования между благородными семействами Солтанов и Мелешко [9; 10; 43; 44; и др.]. Порой эти отношения принимали brutальные формы: в Д. 186. содержится выписка жалобы жировицкого монаха Феоктиста от 7 июля 1616 г. С позволения смоленского каштеляна Яна Мелешко базилиане возделывали землю, бывшую предметом спора между Мелешко и Солтанами. Даниил Давыдович Солтан, не согласный с решением каштеляна, прибыл в урочище Дубовая Лужка и «бил исторчма» монаха, после чего забрал собранную базилианами рожь [10, л. 1]. Подобные сюжеты, связанные с актами насилия при решении земельных споров, раскрываются и в других документах коллекции: в К. 52 содержатся выписки свидетельств об избиении крестьян [7] и монахов [45], свидетельства о порче церковного имущества [6; 12]. Прочие выписки касаются земельных споров епископа Кирилла Терлецкого [11], подскарбия литовского Андрея Войны [3], князя Феликса Служевского [4] и др. представителей местной шляхты и духовенства.

Ряд документов (Д. 63–76) касается заседаний т. н. «Репнинского» сейма 1767–1768 гг.: в коллекции хранятся содержания заседаний, частная корреспонденция участников сейма, копии сеймовых манифестов. Есть документы, касающиеся и более ранних сеймов: так, в Д. 83 хранится грамота, выданная Сигизмундом III на Варшавском вальном сейме 1618 г. по судебному делу слонимского земского судьи Регины Гарабурды и пинского епископа Паисия Гуровского [42].

Поскольку епископ Павел Доброхотов принимал заметное участие в процессе перехода униатских церквей и монастырей на территории Западного края Российской империи в юрисдикцию Православной Церкви, значительная часть коллекции собрана из униатских архивов, и касается истории Греко-Католической Церкви со времён Брестской унии 1596 г. до полной официальной ликвидации на территории Российской империи в 1875 г. Епископ Павел преподавал в Литовской духовной семинарии, до 1845 г. находившийся в Жировицах [48, с. 9]. Поэтому, хотя в коллекции так или иначе собраны материалы по всем частям бывшего Великого княжества Литовского, её ядро – разнообразные документы, относящиеся к Жировицкому монастырю и ордену св. Василия. Среди документов базилиан – церковные описи [41], протоколы провинциальных и генеральных конгрегаций [14], частная корреспонденция [2], и многое другое. Значимое место в коллекции занимают монастырские инвентарные записи разных периодов (преимущественно XVIII в.). В К. 52 собраны описи имущества Жировицкого, Бытенского, Тороканского, Лавришевского, Минского, Кобринского, Гродненского, Брестского, Раковского, Березвечского, Черейского, Ятвисского, Виленского Свято-Троицкого униатских монастырей.

В копиях начала XVIII в. сохранились обширные сборники актов ордена св. Василия, составленные секретарём ордена Иосифом Петкевичем [22; 23; 24]. Столь же обширны списки живых [8; 19; 28] и почивших [18; 21; 29] монахов ордена за период конца XVII–XVIII вв., незаменимые для исследования истории этого религиозного сообщества. Также в некотором количестве есть списки учеников базилианских учебных заведений [13; 17; 20; 36].

Составитель коллекции много сделал для систематизации многочисленных документов базилиан, поэтому зачастую они уже скомпонованы в удобные для изучения корпуса актов: так, в отдельные сборники объединены материалы, относящиеся к орденской судебной системе [30], протоколы конгрегаций [32] и др. Содержащиеся в Архиве СПбИИ РАН материалы базилианских актов дают достаточно информации для формирования фундаментальной картины имущественного

¹ Включая 19 объёмных картонов (К. 52. Оп. 2). В данный момент идёт описание коллекции. Возможно выявление новых дел и изменение структуры фонда.

положения монастырей, находившихся в XVII–XVIII вв. в юрисдикции Литовской провинции ордена св. Василия.

Большинство сборников и картонов систематизировано по хронологическому и территориальному принципам, а также снабжено комментариями Павла Доброхотова. Это уникальные источники с точки зрения историографии, поскольку практически все они представляют собой черновые заметки по истории Церкви на территории Беларуси. Есть и уникальные материалы, сохранившиеся благодаря таким заметкам епископа Павла: так, в Д. 236 хранится записка, в которой он воспроизводит эпитафические надписи с надгробий жириковичского войта Семёна Гавриловича (ум. 14.10.1650) и его жены Евдокии Кузьмянки (ум. 16.8.1672) [15, л. 2].

Среди нарративных документов, представленных в коллекции, есть рукописи сочинений, приписываемых Иосафату Кунцевичу [38; 40]¹. Также здесь содержатся рукописи двух поэм за авторством новодворского старосты Адама Яна Варакомского [33], журналы Полоцкой униатской семинарии за 1822–1830 гг. [34] и Виленского Троицкого базилианского за 1781–1806 гг. [31], дневники протоархимандритов Антония Томиловича [25] и Василия Полатыло [26; 27]; и др.

В настоящий момент собрание документов П. Доброхотова можно считать слабо изученным. В 1992 г. вышла монография В. И. Ульяновского, касающаяся истории складывания коллекции Доброхотова [48]. На сегодняшний день это последнее актуальное исследование архивного собрания как результата коллекционирования письменных памятников прошлого. Хотя коллекция является одним из наиболее обширных в РФ собраний документов по истории униатской церкви, она не пользуется огромной популярностью у исследователей соответствующего направления истории. При подобной недостаточной изученности коллекцию Доброхотова нельзя назвать «заброшенной». В 2011 г. проект под руководством В. Н. Плешкова выиграл грант РГНФ, в рамках которого была произведена реставрация документов коллекции [47, с. 167]. В этой связи большинство единиц хранения находится в отличном качестве, и доступно для выдачи исследователям.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). – К. 52. Оп. 1. Д. 1. 1 л.
2. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 102. 1 л.
3. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 103. 1 л.
4. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 110. 4 л.
5. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 12. 1 л.
6. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 145. 4 л.
7. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 150. 1 л.
8. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 153. 1 л.
9. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 183. 4 л.
10. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 186. 2 л.
11. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 2. 1 л.
12. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 200. 6 л.
13. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 202. 34 л.
14. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 211. 44 л.
15. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 236. 2 л.
16. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 24. 1 л.
17. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 245. 1 л.
18. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 285. 44 л.
19. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 286. 10 л.
20. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 301. 2 л.
21. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 324. 107 л.
22. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 325. 232 л.
23. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 326. 228 л.
24. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 327. 174 л.
25. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 329. 230 л.
26. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 330. 140 л.
27. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 330а. 185 л.
28. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 361. 87 л.
29. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 363. 73 л.
30. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 364. 289 л.
31. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 365. 146 л.
32. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 366. 52 л.
33. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 367. 74 л.
34. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 373. 224 л.
35. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 6. 1 л.
36. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 61. 2 л.
37. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 7. 1 л.
38. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 79. 18 л.
39. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 8. 2 л.
40. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 80. 12 л.
41. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 82. 2 л.
42. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 83. 4 л.
43. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 86. 4 л.
44. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 97. 2 л.
45. Архив СПбИИ РАН. – К. 52. Оп. 1. Д. 98. 2 л.
46. Коялович, М. О. Литовская церковная уния / М. О. Коялович. – Т. 2. – Санкт-Петербург : типография духовного журнала «Странник», 1861. – 442 с.
47. Плешков, В. Н. Реставрация и консервация фонда 52 (коллекция П. Доброхотова) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН / В. Н. Плешков, И. В. Лукоянов, Е. С. Пахалова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2012. – № 4 (69). – С. 165–177.
48. Ульяновський, В. І. Колекція та архів єпископа Павла Доброхотова / В. І. Ульяновський ; Академія наук України, Інститут української археографії. – Київ, 1992.

¹ К атрибуции этих сочинений вопросы возникали ещё в момент складывания архивной коллекции. Подробнее см.: Коялович М. О. Литовская церковная уния. Т. 2. Санкт-Петербург, 1861. С. 328–330. Вне зависимости от авторства сочинения, сам документ представляет собой аутентичный памятник эпохи.

Сліж Н.У.
ДАКУМЕНТЫ ПА ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў ДЗЯРЖАЎНЫМ АРХІВЕ ФЛАРЭНЦЫІ

Род Медычы меў высокі статус у Еўропе і ўплыў на міжнародную палітыку. Яго актыўнасць была вельмі шырокая: ад палітыкі да культуры¹. Гэта адлюстравалася ў архіве роду. Гэта быў не толькі асабісты архіў, але і архіў Вялікага Княства Тасканскага (1569–1859). Міжнародныя адносіны мелі важнае значэнне. Прыярытэтнымі былі такія суседнія краіны як Францыя і Іспанія. Аднак Вялікае Княства Літоўскае знаходзілася таксама пад увагай. Для Медычы Польшча і ВКЛ не былі аднолькавай краінай нават пасля падпісання Люблінскай Уніі ў 1569 г. Цікавасць да нашага рэгіёна была звязана з Асманскай Імперыяй, ад якой увесь час была пагроза Еўропе.

Асноўныя дакументы па знешнепалітычнай дзейнасці Вялікага Княства Тасканскага сканцэнтраваны ў Дзяржаўным Архіве Фларэнцыі (Archivio di Stato di Firenze). Нельга сказаць, што ён добра даследаваны даследчыкамі. У 1960–1992 гг. Польскі Гістарычны Інстытут у Рыме выдаў цэлы шэраг дакументаў з італьянскіх архіваў у рамках серыі *Elementa ad Fontium Editiones*. Тры тамы былі прысвечаны Дзяржаўнаму архіву ў Фларэнцыі [4]. На падставе архіўных матэрыялаў паўсталі артыкулы Дануты Квірыні Паплаўскай [5] і Аўшры Банюліты [3]. Архіў Медычы мае вялікі аб'ём, таму не дзіўна, што дакументы мала ўведзены ў навуковае абарачэнне. Канечне, немагчыма ў дадзеным артыкуле даць поўную характарыстыку крыніц, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным Архіве Фларэнцыі. Мы звярнем увагу на некаторыя звесткі па гісторыі ВКЛ у архіве за перыяд XVI–XVII стст., якія паходзяць з двух фондаў Mediceo del Principato і Miscellanea Medicea.

Большая частка дакументаў утрымлівае звесткі па палітычнай гісторыі. Для Медзічы мела важнае значэнне ведаць пра розныя падзеі за мяжой. Інфармацыя датычылася наступных сфер: кіраўнікі краіны, магнатэрыя і ўплывовыя асобы, унутраныя і знешнія палітычныя падзеі, вайсковыя падзеі. Яна паступала з розных крыніц: амбасадары, шпіёны, кур'еры, вайскоўцы і інш. Звесткі пра ВКЛ прадстаўлены ў наступных відах крыніц: перапіска, навіны, шпіёнскія справаздачы. Варта адзначыць, што часта падаецца дэталёвае апісанне падзей, з веданнем сітуацыі.

Справы, звязаныя з кіраўнікамі краіны, траплялі пад увагу і былі аднымі з важных. У 1573 г. пісалася пра выбары манарха Герыха Валезы. Як вядома яго ківанне было нядоўгім, хутка ён пакінуў краіну. Навіны за снежань 1574 г. інфармавалі, што Жак дэ Фэй падарожнічае па розным месцам Рэчы Паспалітай, заяўляючы, што Генрых Валезы абавязкова вернецца. Згадвалася пра герцага Савойскага як пра аднаго з пераважных кандыдатаў на магчымых новых каралеўскіх выбарах [1, f. 4254, f. 449–450v, 501–502v]. Наступныя выбары справакавалі, шмат інтрыг і канфліктаў. У Венецыю 26 мая 1576 г. кур'ер даставіў навіны з Вены. Паводле іх стала вядома, што было праведзена тры паседжанні па выбару новага караля. На іх выказваліся супраць Стэфана Баторыя і падтрымлівалі імператара Максіміліяна Габсбурга. Амбасадар і маршалак ВКЛ Ян Хадкевіч атрымаў ад імператара каштоўныя падарункі (каралі і срэбраны сервант) за падтрымку [1, f. 3082, f. 477].

Часам трапляліся сярод навін некаторыя прыватныя рэчы пра манархаў. З ліста невядомага да Казімы Медычы вынікае (6 сакавіка 1551 г.), што Жыгімонт Аўгуст атрымаў па замове залатую фларэнтыйскую тканіну, але яна атрымалася не такая, як ён хацеў [1, f. 401, f. 555]. Чылі Алесандра паведамляў Бесарыю Вінце, што Жыгімонт Ваза разам з малым сынам Уладзіславам наведаў пешшу кракаўскія храмы, нядгледзячы на дрэннае надвор'е і дрэнны стан дарог з-за снегу і марозу (14 сакавіка 1608 г.) [1, f. 4294, f. 157; 4, т. XXVII, р. 278–279]. Джавані Батыста апісаў сярод іншых навін Крысціне дэ Лараіне, жонцы Фердынанда Медычы, хрысціны сына Жыгімонта Вазы – Караля. Святкавалі з вячэрай танцамі да глыбокай ночы. На іх было запрошана шмат гасцей (1614) [1, f. 6006, f. 226]. Да Фларэнцыі даходзілі звесткі пра вяселле Уладзіслава Вазы і Цэцыліі Рэнаты (навіны ад 3 верасня 1637 г.) [2, buste 248, № 12].

Падзеі Інфлянскай вайны цікавілі фларэнтыйскі бок. Навіны паведамлялі пра ўваход Інфлянт у склад ВКЛ у 1561 г. [1, f. 4572, f. 132–133], захоп Полацка маскоўскімі войскамі [1, f. 4254, f. 103–105v]. Уяўляюць цікавасць лісты Казімы Бартолі (1503–1572), амбасадара Медычы у Венецыі. Ён быў гуманістам, пісьменнікам, італьянскім філолагам, аўтарам розных твораў. Бартолі інфармаваў Франчэска І Медычы аб плётках, якія віравалі ў Венецыі (30 чэрвеня 1565 г.). Сярод іншага адзначалася пра смерць віленскага ваяводы Мікалая Радзівіла Чорнага (1515–1565), а таксама пра выезд Жыгімонта Аўгуста ў ВКЛ у сувязі з вайной з Маскоўскім княствам [1, f. 516 a, f. 544]. У іншым лісце адзначалася пра прыбыццё маскоўскіх паслоў для сустрэчы з Жыгімонтам Аўгустам з 2 000 коней і

¹ Гістарыяграфія пра род Медычы вельмі багатая. Агульныя тэндэнцыі па яго гісторыі гл.: [6].

800 вазоў з таварамі (16 жніўня 1567 г.) [1, f. 3080, f. 128–130]. У крыніцы не адзначалася месца і дакладныя даты падзеі. У дадзеным выпадку гаворка ішла пра прыём пасольства ў Гародні [7]. У Венецыі таксама апавядалі, што Іван IV трымае 500 польскіх палонных, уключаючы шляхту, у замку ў Інфлянтах. Ён абяцаў іх вызваліць, калі наўзамен яму перададуць ікону Маці Божай з кафедральнага сабора Вільні, якая, як казалі, была напісана святым Лукой. Меркавалася, што прапанова будзе адхілена (5 жніўня 1570 г.) [1, f. 3080, f. 786v–787].

У перыяд Інфлянскай вайны працягваліся замежныя кантакты. У копіі ліста Бернарда Садэрыні (12 кастрычніка 1561 г.) амбасадару Антоніа Альбізі падаецца апісанне велічнага прыёму італьянскага пасольства ў Вільні з урачыстасцямі, балямі і пірамі [1, f. 4293, f. 12v–13].

Шмат увагі надавалася вайне 1654–1667 гг. паміж Рэччу Паспалітай і Расіяй. Медзічы атрымлівалі інфармацыю пра бітвы, узяцця гарадоў і іншае. У навінах за 27 снежня 1660 г. адзначалася, што маскоўскі гарнізон у Берасці здаўся і перадаў сваю артылерыю і знакі адрознення польскім афіцэрам. А пасяджэнне сейма ў Варшаве было адкладзенае праз падазрэнне на пошасць. Інфармацыя прыходзіла непасрэдна з вайсковага поля дзеяння, перасылалася ў Кракаў, а пасля ў Фларэнцыю. Пры чым дасылалася яна вельмі часта. У дакументах прадстаўлены звесткі пра казацкія, маскоўскія, польскія, літоўскія войскі, пералічваліся мясцовасці, дзе праходзілі бітвы. Лісты напісаны адным почаркам і ўяўляюць сабой нешта падобнае на дзённік вайны за 1664–1667 гг. Толькі апошні пару лістоў напісаны іншай рукой [2, buste 248, № 12, р. 31–117]. Навіны з Рэчы Паспалітай за XVII ст., у тым ліку па вайне прадстаўлены ў іншых справах [2, buste 254, № 13; buste 268, № 4].

Пра шпіёнскую дзейнасць сведчаць цэлы шэраг дакументаў. Напрыклад, у архіве ёсць лісты Жыгімонта Вазы і турэцкага султана Селіма [2, buste 101, № 1]. У Фларэнцыі атрымлівалі інфармацыю пра вынікі сойма 1595 г. [2, buste 101, № 24]. Дакументы за сярэдзіну XVII ст. прадстаўляюць цалкам структуру кіравання Рэчы Паспалітай: пасады ў ВКЛ і Польшчы, асноўныя шляхецкія сем'і, іх уплывовасць і інш. З эліты ВКЛ называліся віленскі ваявода Януш Радзівіл, канюшы ВКЛ Багуслаў Радзівіл, падканцлер ВКЛ Казімір Леў Сапега, Павел Сапега, троцкі ваявода Мікалай Стэфан Пац. Адносна Пацаў адзначалася пра іх паходжанне з Фларэнцыі. Адносна кожнага прадстаўніка эліты давалася яго характарыстыка, сувязі з іншымі радамі, сферы дзейнасці і ўплыву, міжнародныя кантакты [2, buste 101, № 16, 27].

Сустракаюцца дакументы фінансавага плана. Ёсць праект падаткаабкладання для пераадолення крызісу за 1590 г. Спецыяльны дакумент прадстаўляў даходы з кожнай адзінкі Польшчы і ВКЛ за 1590 г. Так з Гарадзенскага староства 30 000 злотых, Жамойцкага староства 16 000, Віленскага ваяводства 20 000 і інш. [2, № 28, 36].

Прыведзеная звесткі сведчаць пра наяўнасць у архіве вельмі шырокага спектра інфармацыі, якая можа быць дадатковай, а то і ўнікальнай па розных тэмах. У першую чаргу архіў Медычы важны для даследаванняў па міжнародных адносінах і гісторыі эліт. Агульна ён прадстаўляе істотны момант – гэта зацікаўленасць Вялікага Княства Тасканскага ў тым, што адбывалася ў Вялікім Княстве Літоўскім. Для гэтага выкарыстоўваліся як афіцыйныя, так і неафіцыйныя сродкі. Дакументы даюць магчымасць паглядзець на развіццё гістарычных падзей у ВКЛ з іншага боку, боку Фларэнцыі, што таксама з'яўляецца істотным.

Вывучэнне дакументаў Дзяржаўнага Архіва Фларэнцыі з'яўляецца перспектыўным, і шмат у чым новым накірункам. Крыніцы ўтрымліваюць шмат цікавай і новай інфармацыі па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Яны значна дапаўняюць вядомыя звесткі. Увогуле, у Італіі матэрыялы нашай гісторыі захоўваюцца ў розных архівах і бібліятэках. У далейшым яны патрабуюць сістэмнага вывучэння.

1. Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato. – F. 401; 516 a; 3080; 3082; 4254; 4572; 4293; 4294; 6006.
2. Archivio di Stato di Firenze, Miscellanea Medicea – Buste 101, № 1, 16, 24, 27, 28, 36 ; buste 248, № 12; buste 254, № 13 ; buste 268, № 4.
3. Baniulytė, A. Lietuvos didikų Pacų ryšiai su Medičiais XVII a. antrojoje pusėje / A. Baniulytė // Lietuvos istorijos metraštis. – 2002. – № 2. – P. 43–62.
4. Elementa ad Fontium Editiones. T. XXVI–XXVIII. – Res Polonicae ex Archivo Mediceo Florentino. Pars I–III. – Rzym, 1972.
5. Popławska, D. Q. Korespondencja dotycząca Polski w zbiorach florenckiego Archiwio di Stato i jej kolekcje / D. Q. Popławska // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – 1988. – T. 33. – S. 125–136.
6. Ricciardelli, F. The Medici: the power of a dynasty / F. Ricciardelli. – Firenze : Mauro Pagliai, 2021. – 144 p.
7. Сліж, Н. Гравюра Гародні Адэльгаўзера– Цюндта 1567– 1568 гг. як адлюстраванне міжнародных падзей на фоне гарадскога жыцця / Н. Сліж // Arche. Гарадская гісторыя Беларусі. – 2017. – № 2. – С. 9–105.

Вабішчэвіч А.М.
ЗЬМЕЛЬНЫЯ ЎПРАЎЛЕННІ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА (1921–1939 ГГ.):
ХАРАКТАРЫСТЫКА АРХІЎНЫХ ФОНДАЎ

Пасля ўключэння заходнебеларускіх зямель у склад Польшчы паводле Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. там была праведзена ўніфікацыя адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу з цэнтральнымі і заходнімі рэгіёнамі краіны. Тэрыторыя была падзелена на ваяводства, якія складаліся з паветаў, а паветы – з гмінаў [2, с. 174].

Аграрнае пытанне для Заходняй Беларусі мела асаблівую вастрыню. Аграрная рэформа 1920-х гг. паспрыяла ліквідацыі прыгонніцкіх адносін, канцэнтрацыі сельскагаспадарчай вытворчасці, стварала ўмовы для далейшага развіцця капіталізму ў сельскай гаспадарцы, аднак радыкальнага вырашэння аграрнага пытання ў заходнебеларускім краі не адбылося [3, с. 357].

У папярэдніх публікацыях намі давалася характарыстыка ўсяму масіву архіўных дакументаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці (ДАБр), прысвечаных міжваеннаму часу (1919–1939 гг.) [1; 6]. Цяпер жа пастараемся прааналізаваць больш падрабязна толькі некалькі спецыялізаваных фондаў.

Для правядзення аграрнай рэформы 1920 г. у Польшчы ўводзіліся зямельныя ўпраўленні. Акрамя Галоўнага зямельнага ўпраўлення ў Варшаве, у ваяводствах былі створаны акруговыя зямельныя ўпраўленні, у паветах – павятовыя ўпраўленні, якія павінны былі кантраляваць рэалізацыю аграрнай рэформы на месцах. Да кампетэнцыі акруговых зямельных упраўленняў належалі пытанні ўрэгулявання ўжытку зямель, стварэння зямельнага рэзерву, выдання распараджэнняў аб парцэляцыі, камасацыі, асадніцтве, сервітутах, меліярацыі, аб выкананні рашэнняў Галоўнага зямельнага ўпраўлення і інш. Пры акруговых зямельных упраўленнях ствараліся акруговыя зямельныя камісіі – для вырашэння спрэчных пытанняў пры ўрэгуляванні ліквідацыі цараспалосіцы, замене зямель, ліквідацыі сервітутаў, прыняцця рашэнняў аб прымусовым выкупе зямельных маёнткаў, прызначэння для парцэляцыі, і інш.

Паводле распараджэння польскага ўрада 23 сакавіка 1921 г. была створана Палеская акруговая зямельная дэлегататура, якая 20 сакавіка 1922 г. была перайменавана ў Палескае акруговае зямельнае ўпраўленне, з 11 жніўня 1923 г. падпарадкавана Міністэрству сельскай гаспадаркі і зямельных рэформаў Польшчы. Распаўсюджвала сваю дзейнасць на тэрыторыі Палескага ваяводства. 17 лютага 1932 г. было скасавана, а яго функцыі перададзены Палескаму ваяводскаму ўпраўленню (адзелу сельскай гаспадаркі) [4, с. 91–92].

Дакументы Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення (на польскай мове) захоўваюцца ў ДАБр. Яны аб'яднаны ў адным вопісе фонда 60 і налічваюць 1472 адзінкі захавання. У 1944–1949 гг. адбылася сістэматызацыя дакументаў, у 1952 г. – навукова-тэхнічная апрацоўка спраў, складзены 4 вопісы, кароткая гісторыка-архіўная даведка, праведзена экспертыза каштоўнасці дакументаў. У 1956 г. перададзена на адкрытае захоўванне частка спраў у выніку мэтавага рассакрэчвання, у 1975 г. было ўдасканаленне вопісаў, створаны навукова-даведачны апарат. У 2007–2008 гг. адбылося ўдасканаленне і перапрацоўка вопісаў фонда, правядзена экспертызы каштоўнасці.

Сярод дакументальных матэрыялаў гэтага фонда знаходзяцца цыркуляры, распараджэнні, указанні Міністэрства сельскай гаспадаркі і зямельных рэформаў Польшчы, Галоўнага зямельнага ўпраўлення, пратаколы і рашэнні акруговай зямельнай камісіі, бюджэты, рашэнні Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення аб арганізацыі камітэтаў па надзяленні зямлёй вайсковых і грамадзянскіх асаднікаў, продажы і перадачы ім зямельных участкаў, перапіска па фінансавых пытаннях, аб арэндзе дзяржаўных і прыватных зямель, аб выдачы грашовых пазык асаднікам, аб прыняцці дзяржавай безгаспадарных маёнткаў, аб прызнанні правоў уласнасці на зямлю, аб продажы зямлі прыватным асобам, справаздачи і справы аб парцэляцыі дзяржаўных і памешчыцкіх зямель, хутарызацыі сялянскіх гаспадарак, ліквідацыі сервітутаў, правядзенні землеўпарадкавальных работ, пратаколы пасяджэнняў ацэнчнай камісіі па ўстанаўленні цэн зямельных участкаў, службовыя дзённікі і справаздачи землеўпарадчыкаў, рэстры абмеру зямель і інш. Таксама ёсць асабовыя справы служачых, спісы землеўладальнікаў, маёнткаў, якія былі прызначаны для парцэляцыі, вёсак, у якіх праводзілася хутарызацыя сялянскіх гаспадарак, тапаграфічныя планы вёсак і маёнткаў, журналы эксплікацыі, геадэзічных здымак [5, с. 112–114]. Для карыстальнікаў фонда маецца змест да вопісу 1, гісторыка-архіўная даведка, паказальнік відаў дакументаў, геаграфічны паказальнік. Ступень захаванасці дакументаў здавальняючая.

Кампетэнцыя павятовага зямельнага ўпраўлення распаўсюджвалася на адпаведны павет. Павятовыя зямельныя ўпраўленні (у 1921–1922 гг. – павятовыя зямельныя камісарыяты) у Палескім ваяводстве ствараліся адначасова з акруговым зямельным упраўленнем і падпарадкоўваліся яму. На тэрыторыі Палескага ваяводства дзейнічалі наступныя павятовыя зямельныя ўпраўленні: Брэсцкае, Драгічынскае, Камень-Кашырскае, Кобрынскае, Косаўскае, Лунінецкае, Пінскае, Пружанскае,

Сарненскае (да 1930 г.), Столінскае. Пры павятовых зямельных упраўленнях дзейнічалі камісіі, якія прызнавалі правы сялян на выкуп арандаванай зямлі. У Брэсцкім, Кобрынскім, Лунінецкім (з яго вылучыўся Столінскі), Пінскім, Пружанскім паветах з канца 1920 г. былі заснаваны павятовыя камітэты па надзяленні зямлёй асаднікаў (былых польскіх вайскоўцаў). Паводле распараджэння прэзідэнта Польшчы ад 27 кастрычніка 1933 г. павятовыя зямельныя ўпраўленні, камітэты па надзяленні зямлёй асаднікаў былі скасаваны, а іх функцыі перададзены павятовым старостам [4, с. 93–94].

Пры неабходнасці ў асобных гмінах ствараліся гмінныя зямельныя камісіі для вырашэння пытанняў, звязаных з аграрнай рэформай, аднак яны мелі дарадчыя функцыі, уключалі звычайна некалькі прадстаўнікоў гмінных радаў, якія добра ведалі становішча ў вёсках, характар аграрных адносін.

У ДАБр захоўваецца аб'яднаны архіўны фонд 372 (Поветовые земельные управления Полесского воеводства). У яго 9-ці вопісах налічваецца 1469 адзінак захавання (таксама польскамоўных). У 1950-я гг. адбывалася навукова-тэхнічная апрацоўка ў ДАБр (г. Брэст) дакументаў фондаў Брэсцкага, Кобрынскага, Косаўскага павятовых зямельных упраўленняў, у Дзяржаўным архіве Пінскай вобласці (г. Пінск) – дакументаў фондаў Драгічынскага, Лунінецкага, Пінскага, Пружанскага, Столінскага павятовых зямельных упраўленняў, а таксама Столінскага, Пінскага і Лунінецкага павятовых камітэтаў па надзяленні зямлёй асаднікаў, Пінскай і Столінскай камісій па прызнанні правоў сялян на выкуп зямлі (у 1966 г. яны перададзены ў ДАБр). У 1989 г. быў створаны аб'яднаны архіўны фонд з дакументаў фондаў 7 павятовых зямельных упраўленняў Палескага ваяводства, адбылася перадача на адкрытае захоўванне часткі спраў у выніку мэтавага расакрэчвання, удасканаленне вопісаў, складзены 9 вопісаў, створаны навукова-даведачны апарат. Карыснымі для карыстальнікаў з'яўляюцца паказальнік груп дакументаў да ўсіх вопісаў, геаграфічны паказальнік да вопісаў 1-2.

Найбольшую колькасць адзінак захавання фонда 372 складаюць дакументы Брэсцкага павятовага зямельнага ўпраўлення. Вопіс 1 (745 спраў), утрымлівае цыркуляры, распараджэнні, інструкцыі Міністэрства сельскай гаспадаркі і зямельных рэформаў Польшчы, Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення, справаздачы аб дзейнасці павятовага зямельнага ўпраўлення, бюджэты і фінансавыя справаздачы, справы аб куплі зямлі, ліквідацыі сервітутаў, правядзенні парцэляцыі маёнткаў, хутарызацыі зямель, журналы ўліку зямельных участкаў, заявы грамадзян аб выдачы матэрыяльнай дапамогі і пазык, аб куплі зямельных участкаў і прызнанні права на выкуп зямлі, планы і справаздачы аб правядзенні каморніцкіх і землеўпарадкавальных работ, звесткі аб надзяленні зямлёй асаднікаў, статыстычныя звесткі аб памерах зямлі і колькасці землеўладальнікаў, аб стане пасаваў, ураджайнасці, цэнах на сельскагаспадарчую прадукцыю і інш. Вопіс 2 (108 адзінак захавання) таксама ўключае дакументы Брэсцкага павятовага зямельнага ўпраўлення і мае падобную з вопісам 1 іх відавую наменклатуру, праблемна-тэматычную накіраванасць.

Шэраг павятовых зямельных упраўленняў прадстаўлены нешматлікімі адзінкамі захавання. Так, вопіс 3 (Драгічынскае павятовае зямельнае ўпраўленне) уключае ўсяго 6 спраў, вопіс 4 (Кобрынскае павятовае зямельнае ўпраўленне) – 16 спраў, вопіс 5 (Косаўскае павятовае зямельнае ўпраўленне) – 4 справы, вопіс 6 (Лунінецкае павятовае зямельнае ўпраўленне) – 18 спраў. А дакументы Пружанскага павятовага зямельнага ўпраўлення (ўсяго 1 справа) наогул былі ўключаны ў аб'яднаны архіўны фонд 60.

Вопіс 7 (Пінскае павятовае зямельнае ўпраўленне) утрымлівае 223 справы – цыркуляры, рашэнні, распараджэнні, пратаколы, інструкцыі Міністэрства сельскай гаспадаркі і зямельных рэформаў Польшчы, Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення, акты аб выдачы зямлі, аб устанаўленні межаў маёнткаў, справы аб спагнанні запазычанасці за землеўпарадкавальныя работы, аб выдачы дазvolaў на права продажу зямлі, аб куплі зямлі, пра землеўпарадкаванне маёнткаў, аб ліквідацыі сервітутаў, аб перадачы зямель ва ўласнасць дзяржавы, аб правядзенні парцэляцыі маёнткаў, хутарызацыі зямель, дагаворы грамадзян аб куплі-продажы зямельных надзелаў, заявы грамадзян аб выдачы матэрыяльнай дапамогі і пазыкі, аб куплі зямельных участкаў і прызнанні права на выкуп зямлі, планы правядзення землеўпарадкавальных работ, рэстры абмеру зямель і інш.

Дакументы Столінскага павятовага зямельнага ўпраўлення знаходзяцца ў вопісах 8 і 9 фонда 372. Вопіс 8 (195 адзінак захавання) змяшчае цыркуляры, рашэнні, распараджэнні, інструкцыі Міністэрства сельскай гаспадаркі і зямельных рэформаў Польшчы, Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення, справаздачы і акты рэвізіі дзейнасці павятовага зямельнага ўпраўлення, бюджэты і фінансавыя справаздачы, справы аб куплі зямлі, ліквідацыі сервітутаў, правядзенні парцэляцыі маёнткаў, хутарызацыі зямель, дамовы грамадзян аб куплі-продажы зямельных надзелаў, аб здачы ў арэнду зямлі дзяржаўных маёнткаў, журналы ўліку выдадзеных пазык, заявы грамадзян аб выдачы матэрыяльнай дапамогі і пазыкі, аб куплі зямельных участкаў і прызнанні права на выкуп зямлі, планы і справаздачы аб правядзенні каморніцкіх і землеўпарадкавальных работ, статыстычныя звесткі аб стане пасаваў, ураджайнасці, цэнах на сельскагаспадарчую прадукцыю і інш. У вопісе 9 (154 адзінкі захавання) ёсць справы аб куплі зямлі ў Столінскім павеце.

Фонд 372 утрымлівае дакументы па асабоваму складу, спісы маёнткаў і хутароў, зямельных надзелаў і царкоўных зямель, асаднікаў, якія атрымалі зямлю і пазыку, сялян, каморнікаў і меліяратараў, картаграфічныя дакументы (планы маёнткаў і зямельных участкаў) [5, с. 113–114].

У цэлым, дакументальныя матэрыялы акруговага і павятовых зямельных упраўленняў Палескага ваяводства з'яўляюцца каштоўнымі крыніцамі не толькі па гісторыі сельскай гаспадаркі, аграрных адносін у Заходняй Беларусі, але і мікрагісторыі, гісторыі паўсядзённасці, генеалогіі.

1. Вабищевич, А. Документы Государственного архива Брестской области как источники по истории Польши периода между Первой и Второй мировыми войнами / А. Вабищевич // Wrocławskie studia wschodnie. – Nr 17. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2013. – S. 265–273.
2. Вабищевич, А. Н. Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси / А. Н. Вабищевич // Органы местного управления и самоуправления на территории Беларуси (IX век – 30-е годы XX века) : пособие / Э. М. Савицкий [и др.] ; под общ. ред. С. Н. Ходина. – Минск : БГУ, 2019. – 205 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.
4. Государственный архив Брестской области : путеводитель по фондам 1919–1939 / сост. : А. В. Теребунь [и др.] ; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.
5. Polska-Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939. – Т. 1 : Archiwum Państwowe Obwodu Brzeskiego, Archiwum Państwowe Obwodu Grodzieńskiego / oprac. i red. naukowa: A. Wabiszczewicz [i in.]. – Warszawa : AMALKER, 2013. – 361 s.
6. Wabiszczewicz, A. Stan zachowania i charakterystyka materiałów dokumentalnych II Rzeczypospolitej w Archiwum Państwowym Obwodu Brzeskiego / A. Wabiszczewicz // Archeion. – Т. CXVI. – Warszawa, 2015. – S. 370–384.

Каплиев А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИВНЫХ ФОНДОВ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Слабая разработанность вопросов развития здравоохранения межвоенного периода на территории Беларуси в отечественной историографии предопределяет необходимость анализа прежде всего первичных источников для выполнения качественного исследования по данной теме. Из числа первичных источников наибольший информационный потенциал принадлежит материалам архивов, однако фонды большинства областных и зональных архивов Беларуси, содержащие документы, характеризующие развитие здравоохранения, имеют следующую особенность: при довольно представительном комплексе делопроизводства за 1920-е годы отмечается отсутствие фондов, которые можно рассматривать как целостный массив материалов по организации здравоохранения в 1930-х годах до введения областного деления (1938 г.) [18, с. 154]. В этой связи особую значимость приобретает анализ документов зарубежных архивов, из которых крупнейшим в рамках разработки исследуемой темы является Государственный архив Российской Федерации в Москве (ГАРФ). Собрание ГАРФ включает около 7 млн единиц хранения, относящихся не только к истории России, но и других стран, в разные периоды бывших частями Российской империи и СССР [19]. Настоящая статья характеризует наиболее значимые фонды ГАРФ по истории развития здравоохранения на территории Беларуси в межвоенный период.

Преобладающей тенденцией в истории медицины Беларуси изучаемого периода являлось утверждение советской системы здравоохранения. Однако в годы революционной разрухи, германской оккупации белорусских земель и польско-советской войны 1919–1921 гг., а также в процессе преодоления их последствий в начале 1920-х годов определяющее влияние на развитие здравоохранения Советской Беларуси оказывал Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) РСФСР. Поэтому одним из основных фондов, характеризующих историю становления советского здравоохранения на территории Беларуси, является фонд А482 (Министерство здравоохранения РСФСР), насчитывающий 67 714 единиц хранения за 1918–1991 гг. [18, с. 297–301]. Фонд включает сотни дел, в той или иной степени относящихся к истории развития здравоохранения на территории Беларуси, в том числе в Витебской и Гомельской губерниях. Например, в фонде сохранились фактически полные копии или выписки из большинства приказов высших органов здравоохранения важнейшего периода становления советской медицины в Беларуси (Комиссариата здравоохранения Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси и ССР Беларуси (ССРБ), Минского губернского отдела здравоохранения, Народного комиссариата здравоохранения ССР Литвы и Беларуси (ЛитБел)), отсутствующие либо представленные лишь частично в «профильных» фондах Национального архива Республики Беларусь (ф. 46 – Министерство здравоохранения БССР и ф. 808 – Народный комиссариат здравоохранения ЛитБел) [3, л. 1–135; 4, л. 1–35 об.; 5, л. 1–30].

Собрание фонда А482 также отражает основные сложности, с которыми столкнулось молодое советское здравоохранение в период его становления: недостаток кадров и ресурсов, медикаментов и финансов. Так, в материалах НКЗ РСФСР за 1919 г. отмечалось, что некомплект врачей в Беларуси составлял 50 и более процентов, что усугублялось «повальным» распространением инфекционных болезней, которые забирали жизни в том числе и медицинского персонала [10, л. 1]. В связи с высокими потерями медперсонала вопрос об организации в Советской Беларуси высшего медицинского образования не снимался с повестки дня даже с потерей Минска и временным свертыванием проекта создания медицинского факультета БГУ, что прослеживается в материалах фонда А482. Так, в период польско-советской войны выдвигалась идея создания не факультета, а отдельного медицинского университета («высшая медицинская школа») в Могилеве, как «старом» губернском центре, имевшем для организации вуза хорошую по тем временам базу – фельдшерскую школу, включавшую необходимое оборудование и помещения для первоначального развертывания образовательного процесса [10, л. 2–3]. Однако Ученый совет НКЗ РСФСР на своем заседании 30 мая 1919 г. признал открытие медицинского вуза в Могилеве «несвоевременным» и сделал выбор в пользу Смоленска как базы для открытия мединститута, что было обосновано ситуацией на фронтах польско-советской войны и активной фазой польского наступления на территорию Беларуси, создававшего угрозу Могилеву [10, л. 5–6].

С окончанием польско-советской войны и воссоединением Витебской и Гомельской губерний с БССР и подчинением их медицинских распорядительных органов восстановленному в 1920 г. НКЗ БССР, который, в соответствии с Союзным рабоче-крестьянским договором 1921 г. между ССРБ и РСФСР, имел необъединенный статус, а потому обладал полным контролем над вверенной ему сферой, объем комплекса документов по истории здравоохранения БССР в фонде А482 снижается [20, с. 1]. Значимую часть материалов фонда, включавшую сведения по истории здравоохранения БССР, составляют регулярные (еженедельные, ежемесячные, ежегодные) отчеты о движении инфекционных болезней и другие статистические сведения, которые встречаются и в собраниях белорусских архивов [8, л. 1–31]. Вместе с тем анализ материалов статистики фонда А482 позволяет констатировать лишь относительную полноту учитываемых санитарными органами данных: к концу 1920-х годов централизованно не собирались сведения по врачебной экспертизе, профессиональной заболеваемости, деятельности домов санитарного просвещения, санитарным выставкам и другим значимым позициям [10, л. 32, 34, 35].

Однако отдельные дела за конец 1920-х – начало 1930-х гг. представляют значительный интерес для исследования. Например, в собрании фонда А482 сохранился доклад участкового врача Бешенковичского района БССР Р.М. Дерновского о состоянии дела здравоохранения в этом районе от 27 мая 1934 г. [9, л. 1–4]. Документ примечателен следующими особенностями: врач писал напрямую наркому здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому (т.е. формально в другую республику) в обход вышестоящих органов непосредственного подчинения в БССР, а само письмо носило характер жалобы, которая обнажала ключевые проблемы здравоохранения Беларуси первой половины 1930-х гг.: текучесть кадров, отсутствие необходимого количества врачей на участках и замена их фельдшерами, недостаток внимания здравоохранению со стороны местных властей и связанный с этим недостаток ресурсов, медикаментов и средств [9, л. 1–3]. Подобное обращение участкового врача в наркомат другой республики доказывает неформальный статус НКЗ РСФСР как высшего органа здравоохранения на пространстве Советского Союза еще до образования наркомата здравоохранения СССР в 1936 г.

Ближе к середине 1930-х гг. комплекс материалов по истории здравоохранения БССР в собрании ГАРФ уменьшается, что в целом характерно и для белорусских архивов. Однако с созданием в 1936 г. Народного комиссариата здравоохранения СССР как высшего медицинского органа Советского Союза ключевые отчеты и материалы, которые касались территории Советской Беларуси, передавались в Москву, что отражено в собрании фонда Р8009 (Министерство здравоохранения СССР), где сохранились важные свидетельства о развитии здравоохранения БССР во второй половине и особенно в конце 1930-х гг. [2, с. 132–133]. В отличие от материалов фонда А482 в собрании документов Минздрава СССР территория Беларуси представлена в основном статистикой. Так, из комплекса фонда Р8009 следует выделить серию обзоров состояния здравоохранения БССР в 1930-х годах, выполненных специалистами сектора санитарной статистики Института социалистического здравоохранения и гигиены НКЗ БССР в 1938–1939 гг. Ценность подобных, не подлежавших оглашению на момент написания обзоров, состоит в обобщении авторами статистических данных за 10–15 лет, что сопровождалось некоторой аналитикой в вопросах характеристики движения эпидемической заболеваемости, профессиональных болезней, движения кадров в медицинских учреждениях и пр. [12, л. 1–209; 13, л. 1–232]. Материалы данных обзоров свидетельствует о типовых проблемах сведения статистических материалов, в частности отсутствии данных за 1932–1935 гг., а также о передаче контроля функций учета естественного движения населения силовым органам [13, л. 8].

Из значимых документов фонда Р8009, относящихся к истории здравоохранения БССР, следует выделить сведения о развитии медицинского образования, особенно в контексте относительно небольшого объема сохранившихся материалов о работе Витебского мединститута в довоенный период. Так, в материалах ГАРФ сохранились сведения о подготовке и распределении врачей в конце 1930-х гг., количественном, половом, национальном и партийном составе студенчества медицинских вузов БССР. Особо следует отметить дела с характеристиками выпускников Минского и Витебского медицинских институтов за 1938–1939 гг., анализ которых позволяет выделить наиболее принципиальные для советской системы сведения о будущих врачах: национальность, партийность, классовое происхождение, наличие осужденных членов семьи и родственников за рубежом, а также дисциплинированность, участие в общественной жизни и степень готовности к самостоятельной работе [14, л. 1–52; 15, л. 1–477]. Материалы фонда Р8009 дают возможность выделить основные тенденции развития медицинского образования БССР: значительное увеличение наборов и выпусков врачей в конце 1930-х гг., преимущественное направление выпускников медрес в сельскую местность, перераспределение части студенток из сельской местности ввиду замужества и пр. [14, л. 30–52; 15, л. 1–477].

Кроме вышеперечисленных документов необходимо отдельно охарактеризовать личные фонды ГАРФ. Так, в архивах Беларуси сохранилось крайне незначительная часть материалов о жизни и деятельности первых руководителей здравоохранения Западной области (коммуны), ССРБ и ЛитБел – Д.И. Вавере, И.И. Пузыреве, И.В. Ленском и др., сведения о которых представлены в собрании ГАРФ в фондах А539 (Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР) и 10249 (Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР) [1, с. 295]. Работа с материалами личных дел первых наркомов здравоохранения важна как в контексте уточнения деталей биографий видных деятелей постреволюционной эпохи в БССР, так и представления коллективного портрета советского управленца в области медицины. Сложность анализа вышеуказанных фондов заключается в их малодоступности для исследователей без подтверждения родства, так как часть руководителей здравоохранения БССР являлись персональными пенсионерами СССР, работа с документами которых ограничена [11, л. 1–53; 16, л. 1–86; 17, л. 1–77].

История здравоохранения Западной Беларуси в составе межвоенной Польши отражена в фондах ГАРФ значительно меньше, чем БССР. Так, в фонде А482 сохранились отдельные сведения о развитии эпидемической заболеваемости на территории восточных воеводств межвоенной Польши, которые рассылались в рамках выполнения Польшей международных санитарных конвенций с СССР. Анализ документов с очевидностью показывает неустойчивость эпидемического положения на территории Западной Беларуси, особенно в сфере распространения инфекционных и «социальных» болезней, что обусловлено бедственным положением населения Западной Беларуси в составе Польши. В 1930-е гг. информация по развитию здравоохранения в Западной Беларуси в рамках статистических данных фонда Р8009 давалась преимущественно в контексте характеристики здравоохранения БССР для сравнения и подчеркивания преимущества советской медицины перед капиталистическими странами [6, л. 1–13].

В заключение следует отметить следующую тенденцию: если комплекс документов ГАРФ по истории здравоохранения Беларуси 1920-х годов представлен разнородными материалами с относительным преобладанием отчетно-справочной документации, то в 1930-х гг. основную долю содержащихся в собрании ГАРФ документов заняли статистические сведения и тематические обзоры, также в основном содержащие статистику с частичной аналитической обработкой собранных сведений. При этом некоторые статистические сведения о деятельности органов здравоохранения, приведенные в материалах данных фондов, не совпадают с официальными печатными сборниками советской статистики, что придает архивным материалам дополнительную значимость для исследования. Необходимо подчеркнуть, что проанализированный комплекс документов дает представление только об общей концепции развития советской медицины в изучаемый период. Охарактеризовать особенности формирования здравоохранения в регионах БССР и Западной Беларуси невозможно без подробного изучения фондов национальных, областных и зональных архивов Беларуси.

1. Государственный архив Российской Федерации : путеводитель : в 6 т. / С. В. Мироненко. – М. : Редакционно-издательский отдел федеральных архивов, 1994–2004. – Т. 2 : Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. – 1996. – 706 с.
2. Государственный архив Российской Федерации : путеводитель : в 6 т. / С. В. Мироненко. – М. : Редакционно-издательский отдел федеральных архивов, 1994–2004. – Т. 3 : Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. – 1997. – 792 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. А482. Оп. 1. Д. 127.
4. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 2. Д. 73.
5. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 2. Д. 90.
6. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 10. Д. 49.
7. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 10. Д. 1400.
8. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 10. Д. 1591.

9. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 24. Д. 325.
10. ГАРФ. – Ф. А482. Оп. 25. Д. 61.
11. ГАРФ. – Ф. А539. Оп. 5. Д. 508.
12. ГАРФ. – Ф. Р8009. Оп. 6. Д. 463.
13. ГАРФ. – Ф. Р8009. Оп. 6. Д. 529.
14. ГАРФ. – Ф. Р8009. Оп. 14. Д. 21.
15. ГАРФ. – Ф. Р8009. Оп. 14. Д. 90.
16. ГАРФ. – Ф. 10249. Оп. 3. Д. 4937.
17. ГАРФ. – Ф. 10249. Оп. 4. Д. 4584.
18. Капліеў, А. Письмовыя крыніцы па гісторыі фарміравання сістэмы аховы здароўя на тэрыторыі Беларусі (1919–1939 гг.) / А. Капліеў // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2020. – Вып. 35. – С. 151–158.
19. Официальный сайт Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://statearchive.ru>. – Дата доступа: 20.03.2023.
20. Союзный рабоче-крестьянский договор между С.С.Р.Б. и Р.С.Ф.С.Р. : 16 января 1921 г. // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Советской Социалистической Республики Белоруссии. – 1921. – 28 января. – № 2. – С. 1.

Перевалов Я.О.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР 1946–1991 ГГ.: ОБЗОР АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Для раскрытия темы государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. существует хорошо представленный как в Республики Беларусь, так и в Российской Федерации источниковедческий фонд, в котором сохранился большой объём документов. Архивные материалы по представленной теме можно найти в фондах – Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ), Государственного архива Витебской области (далее – ГАВО), Государственного архива Гродненской области (далее – ГАГрО), Государственного архива Гомельской области (далее – ГАГО), Государственного архива Минской области (далее – ГАМО), архива Гомельского государственного медицинского университета (далее – АГГМУ), архива Витебского государственного медицинского университета (далее – АВГМУ), Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ), в архивных материалах Витебского областного краеведческого музея (далее – АВОКМ) и музея истории медицины Беларуси (далее – АМИМБ). Подавляющее большинство из них до настоящего времени не изучалось и не вводилось в научный оборот исследователями. В сочетании с другими видами источников они дают возможность осуществлять комплексный и всесторонний анализ государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг.

Основное количество документов по истории развития государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. сосредоточены в НАРБ. документы по основной деятельности Наркомздрава, Министерства здравоохранения БССР (далее – МЗ БССР), приказы МЗ БССР, Министерства здравоохранения СССР (далее – МЗ ССР) (фонд 46, опись 9) материалы по кадровому обеспечению отрасли, Совет МЗ БССР по кадрам, переписка с Министерством высшего образования (далее – МВО) (фонд 46, опись 7) переписка МЗ БССР с партийными органами по основной деятельности, отчёты по научно-исследовательской деятельности (фонд 46, опись 11), приказы и решения коллегии МЗ БССР (фонд 46, опись 14), документы по приёму иностранных специалистов, делегаций, международной деятельности МЗ БССР, планы и отчёты по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и списки принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, планы по основным направлениям развития здравоохранения БССР, (фонд 46, опись 18), личные дела сотрудников МЗ БССР и Минского государственного медицинского института (далее – МГМИ) (фонд 46, опись 16); планы по научно-исследовательской работе МГМИ (фонд 218, опись 3), планы развития МГМИ, документы по учебной деятельности МГМИ, протоколы заседаний Совета института (фонд 218, опись 7); персональные планы распределения первого выпуска врачей стоматологов (фонд 218, опись 3). [1, л. 5–199; 2, л. 2–202; 3, л. 7–77, 89, 95–199; 4, л. 53–59, 77; 5, л. 1–23; 6, л. 4, 9, 20, 31–47; 7, л. 2–81; 8, л. 1–5; 9, л. 20–102;].

Так же в НАРБ хранится большой объём статистической информации как по данной теме, так и по всей отрасли здравоохранения. Это – итоги плана восстановления материально-технической базы медицинских институтов и всей отрасли здравоохранения, отчёты министерств и ведомств о количественном и качественном составе учащихся послевоенного периода, годовые отчёты МЗ БССР по НИР, сводные отчёты с учётными данными профессорско-преподавательского состава медицинских институтов, расчётные таблицы МЗ БССР (фонд 30, опись 5); аналитические записки в ЦК КП(б)Б о приеме учащихся в медицинские вузы и научных кадрах 1950–1960-х гг., данные ЦСУ

СССР и БССР о численности научных кадров за 1960–1970-е гг., итоги ЦСУ СССР по статистике здравоохранения и социального обеспечения БССР за 1970, (фонд 30, опись 9); расчетные таблицы ЦСУ по количеству медицинских учреждений, больничных коек, кадрам, обеспеченностью студентов медицинских институтов общежитиями (фонд 30, опись 13) [10, л. 30, 103; 11, л. 18–19; 12, л. 1–41, 144; 13, л. 1–122; 14, л. 76; 15, л. 1–37; 16, л. 13–35, 48, 50; 17, л. 1–127; 18, л. 12–16]. Статистика международной деятельности, а также учётные данные по иностранным учащимся хранятся в фондах НАРБ ЦСУ по министерствам и ведомствам – это статистические отчёты учебных заведений о распределении иностранных учащихся, материалы, отчёты об обмене специалистами между вузами БССР и социалистическими странами (фонд 1220, опись 1), отчёты учебных заведений об учебно-воспитательной работе с иностранными учащимися, сведения об успеваемости иностранных учащихся в учебных заведениях БССР (фонд 1220, опись 2) [19, л. 1–28; 20, л. 269–274; 21, л. 28, 277–279; 22, л. 124–136; 23, л. 128–256; 24, л. 1–323]. В фондах РВЦ и ЦСУ БССР НАРБ хранятся полные статистические данные по количественному и качественному составу всех обучающихся в медицинских институтах БССР периода 1960–1990-х гг. (Фонд 1250, описи 1, 2, 5) [25, л. 45; 26, л. 111; 27, л. 7].

Отдельно необходимо выделить тот факт, что отдельные фонды МГМИ (фонд 218) за период 1944–1960-е гг. практически полностью отсутствуют в НАРБ. Однако, данный период развития высшего медицинского образования БССР можно проследить по хорошо сохранившимся материалам ГАВО на примере Витебского государственного медицинского института (далее – ВГМИ). Там имеются в полной сохранности материалы по основной деятельности института в период послевоенного восстановления системы здравоохранения БССР в т.ч. и системы высшего медицинского образования, приказы по внутренней деятельности ВГМИ, планы мероприятий по подготовке и приёму в высшие учебные заведения, приказы МЗ БССР и МЗ СССР, решения коллегий МЗ БССР, о организационно-кадровой работе института и приказах МЗ БССР и МЗ СССР по организационно-кадровой работе в медицинских институтах, планы и отчёты научно-исследовательской работы (фонд 2853, опись 1). Необходимо отдельно отметить, что некоторые материалы, касающиеся кадровой и организационно-методической работы ВГМИ за 1970–1980-е гг. отсутствуют в ГАВО, однако данные документы в полном объеме в АВГМУ в материалах по основной деятельности института [28, л. 8–9, 37–160; 29, л. 36–95; 30, л. 24–88; 31, л. 1–50; 32, л. 1–137; 33, л. 5–163].

Хороший подбор учётных данных и документов по регулированию системы высшего медицинского образования имеется в ГАГРо, где находятся материалы, приказы, постановления, решения МВО СССР начиная с 1958 г., штатные расписания Гродненского государственного медицинского института (далее – ГрГМИ), материалы о помощи со стороны МГМИ и ВГМИ по организации учебного процесса в ГрГМИ, документы по гражданско-правовому и идеологическому воспитанию студентов, перспективные планы развития ГрГМИ, планы внедрения в практическое здравоохранение разработок НИР медицинских институтов БССР, документы Государственной программы развития белорусского языка в медицинских институтах БССР (фонд 2720, опись 1); документы по основной деятельности медицинских учреждений Гродненской области с 1960 по 1984 гг., материалы коллегий МЗ БССР, доклады Республиканских совещаний по повышению эффективности системы здравоохранения сельских районов, доклады о вкладе ГрГМИ в здравоохранение Гродненской области (фонд 828, опись 5), приказы МЗ БССР о совершенствовании работы врачей специалистов и врачей стоматологов, аналитические справки о работе врачебных комиссий Гродненской области, итоговые справки о работе органов здравоохранения, приказы и распоряжения МЗ БССР и МЗ СССР, пятилетние планы развития здравоохранения Гродненской области, документы по потребностям в кадрах, справки о строительстве учреждений здравоохранения Гродненской области, договор о сотрудничестве ГрГМИ и отделом здравоохранения Гродненской области (фонд 828, опись 1) [34, л. 11–66; 35, л. 2–28; 36, л. 1–9; 1–15; 37, л. 1–13].

В ГАГО хранятся документы по основной деятельности системы здравоохранения Гомельской области, планы и отчёты отдела здравоохранения, приказы по основной деятельности, отчёты по улучшению медико-санитарного обеспечения Гомельской области, отчёты по смертности, документы по переподготовке медицинских кадров, основные отчёты по итогам работы медицинских учреждений Гомельской области, статистические данные по детской смертности, документы, касающиеся рассмотрения вопросов недостатков в работе медицинских учреждений и врачей, материалы касающиеся ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, потребности медицинских кадров вследствие аварии на Чернобыльской АЭС (фонд 1223, опись 3), справки о состоянии беременных и детей в Гомельской области, справки о состоянии спецдиспансеризации по годам (фонд 1223, опись 5), материалы, касающиеся Гомельского государственного медицинского института (далее – ГГМИ) в архивах ГАГО отсутствуют т.к. институт начал свою деятельность в 1991 г. и фонды ещё не были переданы в ГАГО, однако в архиве АГГМУ имеются все документы регламентирующие деятельность ГГМИ [38, л. 1–25; 39, л. 1–19; 40, л. 1–48, 55; 41, л. 1–136; 42, л. 1–73; 43, л. 1–51].

Хорошо сохранившееся документы касательно партийно-организационной и идеолого-воспитательной работы в учебных заведениях в т.ч. и медицинских хранятся в ГАМО. Здесь можно найти – протоколы совещаний руководителей первичных партийных организаций школ и вузов, улучшения материально-бытовых условий учащихся, об улучшении агитационно-пропагандистской работы на избирательных участках, о проведении встреч студентов и ППС вузов в т.ч. и МГМИ с депутатами от Минской области и г. Минска, об улучшении преподавания общественных дисциплин в медицинских институтах, о мероприятиях по проведению посевных компаний с участием студентов медицинских институтов (фонд 62, опись 1). Так же в данном архиве находятся, сведения о результатах сессий, планы приёма, отчёты о работе кафедр, отчёты о работе вузов г. Минска в т.ч. и МГМИ (фонд 62, опись 61), стенограммы совещаний учебных заведений минской области и г. Минска по вопросам идейно-воспитательной работы (фонд 1-п, опись 61) [44, л. 178–180, 181–199; 45, л. 26, 43; 46, л. 1–146].

В государственных архивах Республики Беларусь собран большой пласт материалов касательно развития высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг., однако для того, чтобы сложить полную картину послевоенного становления, развития и трансформации системы высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. необходимо обратиться к государственным архивам Российской Федерации. Так, например в ГАРФ собран большой объём материалов касательно развития медицинских институтов БССР (МГМИ, ВГМИ, ГрГМИ) их штатные расписания, отчёты по науке, так же имеется хорошо подобранный набор документов (приказы о создании обществ, отчёты, планы, стенограммы, докладные записки и т.д.) (фонд А589, опись 1) о деятельности различных медицинских обществ (Всероссийское общество фармацевтов, общество стоматологов, общество акушеров-гинекологов и т.д.), в состав которых входили сотрудники медицинских институтов СССР, БССР, РСФСР которые позволяют проанализировать пути развития медицинской науки её связи с практическим здравоохранением и медицинскими вузами (фонд А618, опись 1) [47, л. 1–2; 7; 48, л. 1–66]. В РГАНИ содержатся документы, определявшие структурное развитие системы подготовки кадров в высших медицинских учебных заведениях СССР, БССР, РСФСР среди которых – Постановления Президиумов, Пленумов ЦК КПСС в которых рассматривались вопросы подготовки медицинских кадров, контрольные цифры социально-экономического развития в контексте высшего медицинского образования (фонд 1, опись 3), проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, записки, справки МВО СССР, заключения отдела и сектора высших и средних учебных заведений (фонд 5, опись 17), стенограммы совместных заседаний идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре (фонд 101, опись 2), письма, справки местных партийных и советских органов по подготовке медицинских и педагогических кадров (фонд 5, опись 37) [49, л. 1–115; 50, л. 1–23, 43–58; 51, л. 1–71; 52, л. 67–69, 76–77]. В РГАСПИ собраны Протокол съездов коммунистической партии Белоруссии, доклады первых секретарей в которых поднимались вопросы социалистического развития в т.ч. и подготовки медицинских кадров, развития здравоохранения (фонд 17, опись 145), протоколы республиканских собраний партийного, советского, профсоюзного комсомольского актива (фонд 17, опись 155), стенограммы совещаний, пленумов по кадрам в т.ч. и медицинским кадрам и потребностям отрасли здравоохранения (фонд 17, опись 91) [53, л. 5–57, 58–79, 190, 301–310; 54, л. 1–79; 55, л. 1–2, 5].

Отдельно необходимо выделить архивные документы по теме: «Государственная политика в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг.» находящиеся на хранении в музеях Республики Беларусь. В фондах ВОКМ и АМИМБ на хранении находится уникальные коллекции фотодокументов по истории становления и развития медицинских институтов и МЗ БССР [56, л. 1–3,45; 57, л. 1–2, 4, 9, 10–21].

Таким образом, материалы Государственных архивов Республики Беларусь (НАРБ, ГАВО, ГАГро, ГАГО, ГАМО), ведомственные архивы медицинских университетов (АВГМУ, АГГМУ), архивов Российской Федерации (ГАРФ, РГАНИ, РГАСПИ) и архивных фондов белорусских музеев (АМИМБ, ВОКМ) позволяют провести полноценную научную реконструкцию государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. Они вполне достоверны и репрезентативны. Некоторые же существующие пробелы одних фондов, в силу стандартизированной политической линии, компенсируются материалами других архивных фондов. Проанализировав материалы, хранящиеся во всех выше перечисленных архивах можно в полной мере структурировано проследить историю высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. с точки зрения государственной политики, проводимой в БССР в рассматриваемом периоде.

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 46. Оп. 7. Д. 21.
2. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 9. Д. 666.
3. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 11. Д. 596.
4. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 14. Д. 400.
5. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 16. Д. 15.
6. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 18. Д. 1.
7. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 3. Д. 223.
8. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 3. Д. 484.
9. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 7. Д. 104.
10. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 526.
11. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 821.

12. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 839.
13. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 7151.
14. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 9. Д. 1389.
15. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 9. Д. 1391.
16. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 9. Д. 2654.
17. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 13. Д. 200.
18. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 13. Д. 944.
19. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 1. Д. 1248.
20. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 1. Д. 1447.
21. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 1. Д. 1831.
22. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 2. Д. 1486.
23. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 3. Д. 647.
24. НАРБ. – Ф. 1220. Оп. 3. Д. 1505.
25. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 1. Д. 3044.
26. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 2. Д. 2214.
27. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 3395.
28. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 27.
29. ГАВО. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 36.
30. ГАВО. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 45.
31. ГАВО. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 49.
32. Архив Витебского государственного медицинского университета (далее – АВГМУ). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 37.
33. АВГМУ. – Ф. 1. Оп. 11. Д. 40.
34. Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГРО). – Ф. 2720. Оп. 1. Д. 1.
35. ГАГРО. – Ф. 2720. Оп. 1. Д. 35.
36. ГАГРО. – Ф. 828. Оп. 1. Д. 813.
37. ГАГРО. – Ф. 828. Оп. 5. Д. 14.
38. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Ф. 1223. Оп. 3. Д. 492.
39. ГАГО. – Ф. 1223. Оп. 3. Д. 509.
40. ГАГО. – Ф. 1223. Оп. 5. Д. 1.
41. Архив Гомельского государственного медицинского университета (далее – АГГМУ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-07.
42. АГГМУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-03.
43. АГГМУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 05-06.
44. Государственный архив Минской области (далее – ГАМО). – Ф. 62. Оп. 1. Д. 102.
45. ГАМО. – Ф. 62. – Оп. 61. – Д. 9.
46. ГАМО. – Ф. 1-п. – Оп. 61. – Д. 76.
47. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. А589. Оп. 1. Д. 96.
48. ГАРФ. – Ф. А618. – Оп. 1. – Д. 66.
49. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.
50. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 17. – Д. 527.
51. РГАНИ. – Ф. 101. – Оп. 2. – Д. 2.
52. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 37. – Д. 33.
53. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 145. Д. 1506.
54. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 155. – Д. 1666.
55. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 91. – Д. 66.
56. Архив Витебского областного краеведческого музея (АВОКМ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. КП 11486
57. Архив музея истории медицины Беларуси (АМИМБ). – Ф. 1. Оп. 37. Д. 322 н/в.

Бондарева Е.М.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.) И ОЧЕВИДЦЕВ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Реконструировать повседневную жизнь в годы Великой Отечественной войны, посмотреть на военное время глазами очевидцев, в том числе женщин и детей, позволяют воспоминания людей, переживших годы войны. В Государственном архиве Витебской области хранится ряд фондов, содержащих дела-воспоминания участников и свидетелей трагических военных событий. Данные документы активно используются архивистами для подготовки публикаций, тематических выставок, при проведении экскурсий учащихся в архив и на уроках патриотического воспитания в учебных заведениях с целью формирования исторического сознания молодежи.

В фонде № 9742-п «Коллекция документов об участниках Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны, ветеранах партии и труда» насчитывается 459 дел за 1917–1990, 1994 гг., из них порядка 280 дел содержат воспоминания о событиях Великой Отечественной войны.

Дела-воспоминания состоят из автобиографии и фотографии автора, в некоторых делах есть удостоверения, письма, вырезки из газет, списки участников подпольного и партизанского движения, фотографии военного и послевоенного времени. В своих воспоминаниях авторы рассказывают о себе и своих родных и близких, о боевых операциях и событиях, очевидцами и участниками которых они являлись. В них содержится такая ценная информация, как фамилии и имена партизан и подпольщиков, связных, а в некоторых воспоминаниях указаны имена и фамилии фашистских оккупантов и людей, перешедших на сторону врага.

В документах фонда имеются воспоминания как юных разведчиков, сыновей полка, комбригов так и Героев Советского Союза. Среди них воспоминания и личные документы Ефросиньи Савельевны Зеньковой – секретаря Обольской подпольной комсомольской организации «Юные мстители», Степана Степановича Манковича – первого секретаря Бегомльского подпольного райкома КПБ, комиссара партизанской бригады «Железняк», Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко – старшины медицинской службы и других.

Особый интерес представляют воспоминания о первых днях войны, деятельности 1-й и 3-й Белорусских партизанских бригад, Осинторфского комсомольского подполья, об уничтожении Витебской группировки немецко-фашистских войск, освобождении городов и районных центров области. Некоторые из этих воспоминаний легли в основу книги Владимира Яковлевича Хазанского

«Спросите у берез...» (Минск, 1973) и рукописи книги Тимофея Романовича Ковалевского «Клятву родине сдержали».

Воспоминания Бориса Григорьевича Маковейчука, бывшего партизана 4-й Белорусской партизанской бригады, о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на территории Миорского района оформлены в альбом с иллюстрациями, в котором, помимо воспоминаний, имеется дневник боевых действий бригады, оригиналы справок военного времени, фотографии [2].

В воспоминаниях Григория Степановича Усатенко, бывшего комиссара истребительного батальона Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим), имеется подробное описание деятельности в г. Витебске в июне – июле 1941 г. батальона Осоавиахима и отрядов народного ополчения [3].

Интерес представляют и воспоминания юных партизан и подпольщиков. Среди документов коллекции имеются, например, воспоминания уроженца Городокского района Петра Игнатьевича Ялтыхова. 3 июня 1942 г. он стал разведчиком партизанского отряда, а уже в феврале 1943 г., в возрасте 14 лет, был награжден медалью «За боевые заслуги» [4].

13-летней девчушкой пришла в партизанскую бригаду имени В.И. Ленина Галина Спиридонова. Несмотря на юный возраст, она принимала участие в подрыве немецких эшелонов, ходила в разведку, спасала жизнь раненым бойцам [5].

В 15-летнем возрасте стал партизаном Владимир Семенович Малей, уроженец Верхнедвинского района. В своих воспоминаниях он пишет: «С первого дня пребывания в партизанах я был зачислен в подразделение разведывательной и диверсионной группы. Принимал участие в разгроме полицейского гарнизона в местечке Росица, что расположена в семи километрах от д. Сарья Верхнедвинского района. Летом 1943 года принимал участие в разгроме гарнизона в г.п. Докшицы, где выполнял обязанности связного, под сильным пулеметным и минометным огнем противника налаживал связь с подразделениями бригады. Где-то в августе 1943 года из-за линии фронта прилетел на самолете секретарь Вилейского подпольного обкома партии тов. Климов Иван Фролович, который мне в числе нескольких человек из бригады вручили медаль “Партизану Великой Отечественной войны II степени”» [6, л. 4–6].

В воспоминаниях приводятся многочисленные примеры мужества и патриотизма партизан и подпольщиков. Например, Александр Дмитриевич Снытко, партизан 1-й партизанской бригады имени К.С. Заслонова, в своих воспоминаниях описывает бой 21 партизана с 500 фашистскими захватчиками [7, л. 6].

В большинстве воспоминаний указывается на высокий патриотизм населения. Люди предоставляли свои дома и квартиры для встреч с разведчиками, хранили рацию, снабжали продуктами питания, собирали разведывательные данные. Например, Александр Никифорович Баранов, партизан 2-й партизанской бригады им. К.С. Заслонова, пишет: «Надо отметить, что борьба с врагом была бы невозможной, если бы нас не поддерживал народ, советские патриоты. Они, рискуя своей жизнью, создавали все условия для борьбы: спасали разведчиков, связных...». Получив тяжелое ранение в грудь, Александр Никифорович некоторое время находился в доме крестьянина Николая Григорьевича Барышева и его супруги Ефросиньи Григорьевны. По документам старшего сына Виктора Барышева Александр был отвезен в Оршу. После проведенной там операции, семья Барышевых забрала Александра к себе и, с риском для жизни, продолжала ухаживать за тяжелобольным до его выздоровления [8, л. 7–8].

В фонде № 745 «Коллекция документов об организации всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» хранятся воспоминания жителей оккупированного г. Витебска, участников подпольной и партизанской борьбы на территории Витебщины. На основе собранных воспоминаний и документальных материалов в 1975 г. была издана книга «Без линии фронта». Авторами книги были организаторы и участники партизанского движения на Витебщине Яким Александрович Жилянин, Иван Борисович Позняков, Василий Иванович Лузгин. В фонде насчитывается 82 дела за 1942–1944, 1948, 1957, 1962, 1965–1970, 1976 гг. О жизни в захваченном Витебске можно узнать, например, из воспоминаний партизанской связной Валентины Николаевны Кульбеевой. В них также имеется описание ее задержания и пребывания в Витебской тюрьме СД. Помимо гестаповцев в ней служили и местные жители, перешедшие на сторону оккупантов. Еле освещенные камеры тюрьмы были полностью заполнены мужчинами и женщинами. Сама камера была узкой, длинной и сырой, во всю длину камеры стояли нары. «О допросах лучше не вспоминать, ибо предатели больше издевались, чем другой гестаповец» – пишет Валентина Кульбеева [9, л. 6].

Захват немецко-фашистскими оккупантами г. Витебска и первые дни войны воспроизвел в своих воспоминаниях Василий Николаевич Орловский, уроженец г. Витебска, который на момент начала войны учился в железнодорожном училище: «9 июля к Витебску подошли немцы... Немцы перешли

Двину в Мазурино, зашли с тыла, и часть наших войск остались отрезаны и попали в плен, и я с ними. 10 июля нас собрали в колонну и под конвоем автоматчиков погнали в сторону Лётц, затем на Городок, а оттуда на Бешенковичи. Жара стояла нестерпимая, люди падали от изнеможения, а воды не давали, по пути не было водоемов, колодцы, которые попадались, осушались моментально, а также лужи, грязь хватала в рубашки, пилотки, а потом по пути сосали через тряпки. Жители деревень пытались выносить хлеб, картофель и воду, но разве можно накормить и напоить такую колонну, да и конвой стрелял, не разрешали подходить... Это была жуткая картина, с людьми обращались хуже, чем со скотиной. В пути следования поддерживали друг друга, чтобы человек не упал или не отклонился от колонны, ибо упавший или отклонившийся расстреливался. Дорога позади нас была усеяна трупами... На пути к Бешенковичам начались самоубийства: резали вены, перерезали горло и падали замертво. Нас сопровождала впереди автомашина с пулеметом и сзади, а по бокам автоматчики. Не доходя до Бешенкович, объявили сдать ножи и бритвы, а кто не сдаст – будет расстрелян. Произвели обыск и двинулись дальше к Двине, где разрешили выпить и умыться, и некоторые пили до такого состояния, что падали мертвыми» [10, л. 1–3]. В Бешенковичах военнопленных загнали в амбар. Из-за тесноты люди стояли, плотно прижавшись друг к другу, и если кто-то терял сознание – оставался стоять, зажатый другими. На ужин дали сухой пшеницы, а ночью многие умерли в страшных мучениях от заворота кишок.

В фонд № 1900 «Коллекция документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» включены личные документы полного кавалера ордена Славы Ильи Платоновича Янченко (1913–1991), гвардии капитана запаса Николая Назаровича Кузьмина (1922–1988), гвардии подполковника в отставке Мартына Степановича Симакова (1903–1995). В фонде насчитывается 37 дел за 1922–1988 гг. Среди документов фонда имеются автобиографии и воспоминания, фотографии военных лет [1, с. 568–569].

В личном фонде № 2287 «Белявский Павел Петрович – заместитель председателя Витебского областного исполнительного комитета, председатель комитета по кинематографии Совета Министров БССР, член Союза журналистов СССР, БССР» содержатся воспоминания об участии в партизанском движении на территории Полоцкого района, а также документы, собранные П.П. Белявским для своих работ и по интересующим его темам (воспоминания командиров партизанских отрядов, очерки, списки членов подпольных партийно-комсомольских организаций Витебской области) [1, с. 543].

Воспоминания и переписка бывших членов подпольной группы, действовавшей в г. Витебске, содержатся в личном фонде № 10876-п «Марудов Трофим Андреевич – руководитель группы Витебского городского партийно-патриотического подполья в годы Великой Отечественной войны», в котором насчитывается 72 дела за 1939–1995 гг. [1, с. 552].

В личном фонде № 38-п «Рубис Петр Ефимович – председатель исполкома Витебского областного Совета народных депутатов» имеется рукопись книги Петра Ефимовича «Вспоминая былые походы», а также мемуары, сведения о подпольной работе и партизанской борьбе в Россонском районе Витебской области [1, с. 554].

Среди документов личного фонда № 330 «Газин Дмитрий Романович – краевед» содержатся воспоминания узников концентрационного лагеря «Лужесно», собранные Д.Р. Газиным в 1995 г. [1, с. 545].

Воспоминания людей, побывавших в Витебской тюрьме СД, лагерях «Освенцим», «5-й полк», записанные в 1961 г. Евгенией Марковной Кичиной – старшим научным сотрудником Витебского областного краеведческого музея, хранятся в ее личном фонде № 2310 [11].

1. Государственный архив Витебской области : путеводитель, 1917–2006 / сост. Т. В. Бувевич, Ю. С. Петухов. – Минск : Медисонт, 2011. – 936 с.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 88.
3. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 82.
4. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 60.
5. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 19.
6. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 2. Д. 11.
7. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 87.
8. ГАВт. – Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 74.
9. ГАВт. – Ф. 745. Оп. 2. Д. 10.
10. ГАВт. – Ф. 745. Оп. 2. Д. 13.
11. ГАВт. – Ф. 2310. Оп. 4. Д. 103.

Симаков А.В.

КОЛЛЕКЦИИ ПО АМЕРИКАНИСТИКЕ В ГОМЕЛЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СВЯЗЕЙ БЕЛАРУСИ С ЗАПАДНЫМ ПОЛУШАРИЕМ

В этом сообщении мы делаем обзор некоторых эксклюзивных и примечательных материалов, собранных в Гомеле энтузиастами американистики. Из обзора исключаются печатные издания, включая карты, открытки и мн. др., даже если они крайне редкие и еще не оцифрованные.

В Гомеле не развилась собственная школа академической американистики, но отмечена активность как минимум трех лиц, которые вели сбор и распространение сведений о странах Америки в рамках своих личных программ и соответствующих им общественных проектов. Мы не останавливаемся здесь на крупных коллекциях прежде всего латиноамериканской направленности А. Ф. Снитко [1] и В. М. Руденко [1, с. 180; 2], хотя все три сообщаются между собой. Важной особенностью третьей коллекции, А. В. Симакова, является специализация на отслеживании белорусских компонентов в малоизвестных темах, мотивах, истории организаций и этнических групп в странах Америки [5], а также выраженное стремление ее создателя передать лучшие из материалов в государственные хранилища. Имеется немало примеров совместных идей и начинаний с коллегами во многих странах, как в случае с публикацией в детском этнографическом журнале в США [4].

Как «Библиотека и архив Белорусско-индейского общества» (но по-белорусски) коллекция впервые упомянута в печати в «Беларускім гістарычным аглядзе» в 2017 г. (там же также в 2020 г.). О ней кратко писалось в газете «Літаратура і мастацтва» в 2020 г., в ряде наших публикаций рассматривались некоторые тематические ее части [3].

Коллекция создавалась в связи с интересами и занятиями создателя с середины 1970-х гг. – прежде всего сосредоточенными на получившей тогда популярность индеанистике. Кроме американистики, Западного полушария, в ней представлены универсальная белорусистика и страноведение граничащих с Беларусью стран, а также иудаика. Важным принципом в описании и менеджменте собранных материалов, как и в переписке и стиле работ создателя является подчеркивание важности учета источников разной идеологической направленности – для исследовательских, а не пропагандистских целей.

Авторские материалы включают бюллетени, машинописные, а затем электронные, создаваемые А. В. Симаковым с начала 1980-х гг.: «Курьер апачей» («Apache Courier») (1981, 1983), «Гомельско-американский скаут» (1984), «Індзейска-беларускі агляд» (1985), «Беларускі індзеанісцкі [так] агляд» (1987), «Індзейская сцэжка праз Беларусь» (журнал, 1987), «Бюлетэнь Арганізацыйнай групы Беларускага індзеанісцкага таварыства» (1987), «Бюлетэнь Беларуска-індзейскага таварыства» (1989), «Юмуры» (1989–1990), «Кароткія паведамленні Інфармацыйнай службы Беларуска-індзейскага таварыства = Краткие сообщения Информационной службы Белорусско-индейского общества» (1987–1993), «ІС БІТ» («ИС БИО») (1991), «Бюлетэнь ІС БІТ» (Информационной службы Беларуска-індзейскага таварыства) (1992), «БІС БІТ» (1993), «Руселеўскі веснік = Russelian Messenger» (2005), «Ціхаакіянскі веснік» (2006), «Веснік БІЭ» («Веснік Беларуска-індзейскай энцыклапедыі») (2006–2007), «Веснік БІТ» (с 2008 г.; продолжается с нерегулярным добавлением сообщений) и др. Особенностью бюллетеней до 1996 г. является печатание небольшого числа копий через копировальную бумагу, поэтому их можно рассматривать «на правах рукописи» – машинописью.

Наиболее успешная наша серия последних лет – «Беларусы сустракаюцца з індзейцамі» («Наша слова.pdf») (электронный ресурс), с № 19 за 11.05.2022 г.) основывается прежде всего на рукописных материалах из монографии «Индийская тропа через Беларусь: история белорусско-индейских связей» (бел.), «Беларуска-індзейскай энцыклапедыі», антологии «Індзейцы вачыма беларусаў», различных рабочих массивов данных, включая «Генеральную картотеку», ряде тематических подборок документов, переписке. Активно используются наработки по темам «Церковная школа в Сан-Франциско (1888–1892)», «Белорусы на Аляске и в Калифорнии», «Белорусы на Юго-Западе США и в северной Мексике», статьи из серии «Доктор Руссель и...» («... индейцы» – на белорусском, русском, английском).

Основные справочные материалы по коллекции включают подробный сводный обзор с приложениями в виде электронных таблиц (Excel): список адресатов и корреспондентов (на белорусском, русском языках и латиницей), регистраторы корреспонденции, книг библиотеки, периодики, сканов (последний является вариантом описи архива) и т.д.

К хорошо проработанным, детализированным, обеспеченным изображениями или другими воспроизведениями оригиналов относится «Белорусско-индейская библиография» (12414 записей), которая может существенно пополнить государственную библиографию Беларуси в части связей со странами Америки (включены публикации из племенных газет, других редких произведений печати). Другие важнейшие библиографии включают биобиблиографии таких деятелей, как протоиереи Н.

Гринкевич и В. Мартыш, игумен Георгий (Чудновский), Н. Руссель (Судзиловский). «Русселевский фонд» также располагает большим количеством ксерокопий, в т.ч. малодоступных изданий.

Народоведческая база прежде всего включает попытки организовать материал по апачам (для 1979–1984 гг., возможно, уникальные по характеру в мире, хотя теперь практически имеет значение прежде всего акцент на источниках на русском и – исчерпывающе – на белорусском языках, как часть данных по стереотипам апачей в мире).

Отмечалась важность такого продукта, созданного в Гомеле, как «Картотека этнонимов индейских племен» (на карточки расписывались данные из «Белорусско-индейской библиографии», т. е. упоминание отдельных индейских народов в белорусской печати и в зарубежных публикациях, относящихся к белорусско-индейским связям). Эта картотека может заинтересовать белорусских лингвистов как пример вклада в нормализацию национальной этнонимической системы.

Библиографии технически связаны с десятками погонных метров сортированных и несортированных вырезок, «разворотов» и полных экземпляров коллекционного значения, включая значительное число редких и даже единственных в Беларуси изданий. Проблема сохранения и использования вырезок обсуждалась с рядом лиц и организаций (примером служит случай с архивом вырезок А. Мальдиса / Скорининского центра).

Имеются также карточки, блокноты и «журналы», которые в дневниковый, списочной или аналитической форме отражают ежедневно производимую работу (регулярные записи с 1978 г.).

Частично дневником, но также источником ценных эксклюзивных сведений является корреспонденция, которая стала не относиться к личной с 1984 г. и велась на ежедневной основе. Среди адресатов и корреспондентов – выдающиеся писатели [3], ученые и деятели из многих других сфер из десятков стран (основные направления – США, Канада, Россия, Польша).

Среди самых интересных, ценных, а иногда и курьезно-необычных – письма от таких наших корреспондентов, как скульптор А. Великсонов, аляскист Р. Дауэнхауэр, этнограф А. Дридзо, историк, журналист Я. Запрудник, митрополит Климент (Капалин), дочь Я. Мавра А. Копылова, биолог М. Кирпичников (родился в Гомеле), аляскист, религиовед С. Люрманн, переводчик-эсперантист М. Мандрик, краевед, директор музея М. Мельников, куратор музея К. Мессинджер (ленале), литературовед-американист М. Париж, публицист Л. Пилатович, латиноамериканист А. Позерн-Зелинский, активист Рарихоквац (Дж. Гэмбилл; принят в род моговков), фольклорист Л. Соловей, индеанист В. Стельмах (корни в Беларуси), родственник д-ра Руселя Г. Судзиловский, музейвед, сотрудник музея Т. Сулежиская, Л. Таггл (возможно, корни чероки; из числа американцев, живших в Минске), писательница А. Танана, историк, археолог М. Ткачев, индеанист О. В. Трухильо (яки), музейный работник А. Тынель (чукча), правовед А. Уиггинс (мискито), краевед В. Урбанович, историк-архивист М. Файнштейн, латиноамериканист К. Хачатуров, сотрудник Национального конгресса американских индейцев Б. Хуметева, индеанист М. Цихомский, ученый-крестьяновец Т. Шанин, религиовед М. Шахнович, писатель В. Яковенко.

Электронные сообщения насчитывают десятки тысяч исходящих и входящих, при этом есть немало корреспондентов, которые представлены десятками или даже сотнями их – таким образом, переписка содержит довольно полный портрет некоторых известных деятелей.

Материалы электронного архива ценны также уникальным особым составом файлов, взятых из интернета или полученных в качестве вложений по электронной почте. Компьютерные данные накапливались с 1996 г. (активные фазы пользования интернетом – с мая 2003 г., сканирования – с 2007 г., фотографирования – с 2011 г.). Цифровые фотографии, в частности, отражают посещение д. Репки Рогачевского р-на – родины прот. Н. Гринкевича, Советская (бывш. Америка) Жлобинского района, Грушево Кобринского р-на (место творчества М. Родзевич) и мн. др.

Уже имена некоторых выдающихся деятелей, являющихся источником материалов, свидетельствуют о том, что они достойны передачи в государственные архивы, библиотеки и т. д. Авторские рукописи К. Шермана (поэзия на испанском языке, в т.ч. первый вариант поэмы «Стороны света»), А. Якимовича (повесть А. «Залатая дзіда») дороги нам тем, что отражают наше собственное влияние на авторов. Мы располагаем также письмами «других» лиц друг другу, редкими ксерокопиями с маргиналиями, фотографиями или сканами рукописей из госархивов, архивов церковных организаций и частных лиц. Могут представлять интерес фотографии, буклеты и другие информационные материалы из индейских резерваций.

Мы не относим письма и материалы индеанистов-хоббистов периода СССР, которые составляют немалую долю в наших собраниях, к наиболее приоритетным, но эта категория лиц сама может быть объектом исследования, хотя прежде всего они важны как заинтересованные хранители коллекций. Тем не менее, их уровень с точки зрения архивной, библиотечной и музейной психологии оставляет желать лучшего. Понимающий и эрудированный индеанист, как и страновед-хоббист, имеющий большую «базу» знаний и опыта, связанных с различными регионами мира, может не

иметь склонности создавать какие бы то ни было регистраторы и подобные инструменты. Также вызывает беспокойство степень обеспечения сохранности коллекций.

Тем не менее, мы продолжаем работать над гарантиями будущности американистских коллекций в Беларуси, в том числе и составлением справочника американистов Беларуси (включает латиноамериканистов и индеанистов). К сожалению, даже с учетом одной академической американистской ассоциации Беларуси, отмеченной в истории, белорусская американистика находится на крайне низкой ступени развития. К американистам можно отнести весьма скромное число профессионалов и полупрофессионалов этой важной области знаний.

1. Опарин, А. Ю. Солидарность с Латинской Америкой в СССР : опыт работы клубов латиноамериканско-советской дружбы / А. Ю. Опарин, А. Ф. Снитко // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире : опыт Беларуси и государств Латинской Америки : материалы международной научно-практической конференции, Республика Беларусь, г. Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – С. 175–181.
2. Рудэнка, В. Фатаграфія, якая абышла ўвесь свет: вопыт сацыялагічнага даследавання ў г. Гомелі / В. Рудэнка, А. Снітко, В. Тарасва // Гомельская праўда. – 1987. – 9 кастр.
3. Сімакоў, А. В. Індзейская тэма ў неапублікаванай перапісцы беларускіх пісьменнікаў (па матэрыялах прыватнага архіва ў Гомелі) / А. В. Сімакоў // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нарадж. чл.-кар. НАН Беларусі праф. А. А. Лойкі, Мінск, 28-29 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : С. А. Важнік (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Бельскі. – Мінск : БДУ, 2021. – С. 322–327.
4. Kavasch, E. B. Byelorussian treats / E. B. Kavasch // Faces : The Magazine About People (Peterborough, NH). – 1991. – № 3. – P. 17–19.
5. News from NAARS // The Steel Crown (The North American Araucanian Royalist Society). – 2010. – № 13. – P. 2–3.

Кириллова Е.Н.

«РУКОПИСНОЕ СОБРАНИЕ ЛАМУАНЬОНА» В РГАДА: О ПОДГОТОВКЕ ОПИСАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

В основу данного исследования положено полное подокументное описание уникальной коллекции из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) – «Рукописного собрания Ламуаньона» [8], которая представляет собой часть ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье, сеньора де Борегара, который ведал, в соответствии с географическим принципом, юго-восточным направлением. Архив Дютье сохранился не полностью, его фрагменты оказались у разных коллекционеров: у первого президента Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийома де Ламуаньона (РГАДА), известного публикатора XVII в. Гийома Рибье [12] и других.

«Рукописное собрание Ламуаньона» в РГАДА насчитывает 66 томов и включает более 8200 документов, большая часть которых – официальная переписка французского правительства со своими посланцами и агентами в Италии, Турции и Германии [2, с. 3; 7, с. 7; 6, с. 10]. В состав собрания входят также договоры, инструкции и докладные записки, известия из разных городов и регионов, перехваченные письма, переводы и черновики писем и другие документы.

К описанию этой ценной коллекции приступали в разные годы такие известные отечественные специалисты, как А.Д. Люблинская, открывшая по сути это собрание, И.С. Шаркова, В.Н. Малов. Многие документы из коллекции Ламуаньона опубликованы [1; 2; 3; 4; 6; 9; 11; 13; список более ранних изданий: 7, с. 6]. Ленинградская исследовательница И.С. Шаркова еще в 1960-е годы подготовила описание первых 36 томов архивного собрания. В 1997 г. усилиями В.Н. Малова была опубликована книга, в которой были представлены первые 16 томов [7]. В силу разных причин издание не имело продолжения [6, с. 14], однако работа была доведена ученым до конца, и в его архиве сохранилось рукописное описание коллекции РГАДА, которое представляет большую ценность.

В ходе работы по подготовке издания с полным описанием «Рукописного собрания Ламуаньона» на основе этих материалов и в ходе архивных изысканий были уточнены и дополнены сведения о документах коллекции. Издание позволит получить более полное представление о ее составе и дать возможность для дальнейших научных поисков.

В данной работе мне хотелось бы представить некоторые особенности описания документов, основанные на заложенных предшественниками традициях. В планируемом издании для каждого документа предполагается привести как основные и обязательные сведения (о видах документов, их авторах и адресатах, месте и времени составления, сведения о публикациях, копиях, оригиналах и дубликатах, находящихся, в том числе, в других томах этого собрания), так и ряд дополнительных сведений, в зависимости от характера документа и его содержания (уточнение источника сведений о дате, если она отсутствует в тексте документа, наличие шифра и дешифровки, пометы о получении, другие пометы XVI и XVII вв. и др.). Более детально остановлюсь на следующих особенностях коллекции.

Общая характеристика состава коллекции: серии А и В.

«Рукописное собрание Ламуаньона», как установила А.Д. Люблинская, состоит из двух частей или серий, различающихся по оформлению и обозначенных В.Н. Маловым как серия А и серия В [2, с. 14; 7, с. 16–17; 6, с. 22–27].

Тома серии А имеют буквенную нумерацию документов (иногда, значительно реже, листов) в формате: А, В, С... А 2, В 2..., а каждый документ (иногда – каждый лист) аккуратно подклеен на фальцах. В этой оригинальной нумерации XVII в. случались ошибки и исправления, как механические, так и «содержательные», когда составитель менял последовательность документов, и в результате некоторые листы имеют два или даже три порядковых номера. Например, л. 260 (современной нумерации) в томе 6 обозначен как «М 5», а прежние его обозначения «N 3» и «O 3» зачеркнуты; л. 64 в этом же томе обозначен как «А 2», а прежний его номер «G bis» зачеркнут.

Документы в томах серии В переплетали, не используя фальцы, и порой под переплет попадали концы строк и даже фразы (если они написаны поперек листа) или канцелярские пометы, обычно расположенные как раз вдоль сгиба листа. Здесь ни документы, ни листы не нумеровали, но в левом верхнем углу каждого (почти каждого) документа указывали имя и / или статус отправителя и получателя. Различия в сериях А и В имеют принципиальное значение в тех случаях, когда в документах отсутствуют или утрачены сведения об адресате, дате и др., для уточнения данных и при выявлении лакун.

Нумерация томов.

Долгая история формирования этого собрания отразилась в сложной нумерации томов: отдельные экземпляры имеют пять и более порядковых номеров, проставленных в разное время. Основным номером каждого тома является актуальная архивная нумерация (от 1 до 66). В описании коллекции также предполагается привести порядковые номера из прежних нумераций, в том числе – зачеркнутых (арабскими цифрами), соответствующих номерам томов в каталоге парижского книготорговца Мериго-младшего 1791 г. [10]. Некоторые тома имеют также иную (буквенно-цифровую) нумерацию на форзацах и на наклеенных на них листах, другие нумерации римскими и арабскими цифрами. Выявлением этих слоев и детальным их исследованием занимался В.Н. Малов, высказавший ряд предположений о времени и последовательности внесения разных записей и номеров [6, с. 23–30]. Дальнейшие изыскания в этой области могут помочь в изучении истории формирования коллекции.

Описи XVII в. в составе «Рукописного собрания Ламуаньона».

В двух томах коллекции, в 11 и 30, есть составленные в XVII в. описи.

В конце тома 11, который относится к серии А, находится перечень его документов: «Table des pièces continues dans ce volume et des conjonctures sur lesquelles elles ont esté escrites» [8, т. 11, л. 340–347], который содержит краткие аннотации с отсылками к постраничной нумерации XVII в. (арабскими цифрами). Таким образом, в настоящее время том 11 имеет современную нумерацию по листам (арабскими цифрами); буквенно-числовую нумерацию XVII в. (с «В 6» до «O 10», затем с «Р X» до «V XII»), также по листам; постраничную нумерацию XVII в. (арабскими цифрами).

Во владельческой записи документы тома представлены как датированные с 1 октября 1548 г. до 20 апреля следующего года. Однако том 11 начинается с автографа кардинала Фарнезе – письма, написанного им Генриху II 2-го, а не 1-го, октября 1548 г. из Рима, имеющего порядковый номер «В 6» [8, т. 11, л. 1–2]. В большинстве томов коллекции нумерация начинается с «А», что не было обязательным и общим правилом, и в других томах тоже встречается продолжение некоей нумерации, начатой ранее. Так, последний документ в томе 12 обозначен как «V 6», а первый документ в томе 13, от 1 сентября 1549 г., – «X 6» [8, т. 12, л. 220; т. 13, л. 1]. Можно, таким образом, предполагать ошибку в датировке тома 11 составителем (хотя и единственную во всем собрании) и то, что нумерация листов в нем является продолжением некоего другого тома. И можно предполагать, что документ, имевший номер «А 6», был изъят из тома либо его владельцем в XVII в., либо при продаже коллекции в 1791 г. Всего из коллекции было изъято более 500 документов, и изучение этой страницы ее истории представляет большой интерес: в ряде случаев удалось установить, какие именно документы были изъяты [5], однако обычно можно зафиксировать лишь факт изъятия.

30 том относится к серии В, и он начинается с составленной в XVII в. описи документов, с краткими аннотациями: дата, место, автор, адресат, содержание, хотя иногда место отправления или содержание опущено [8, т. 30, л. 1–3]. Опись неточна – в нескольких случаях были перепутаны адресаты и отправители (коннетабль – король и др.); были пропущены пять документов: письма маршала де Бриссака королю и герцогу Монморанси от 22 июля 1553 г., Феррарского кардинала – герцогу Монморанси от 30 июля 1553 г., де Бриссака – кардиналу Лотарингскому и герцогу де Гизу от 23 августа 1553 г. и барона де Лагарда – герцогу Монморанси от 26 августа 1553 г. Подобный характер описи позволяет предполагать, что из него также мог быть изъят, как минимум, один документ, также не вошедший в опись, но отпечатавшийся на листах письма барона Форкево Генриху II от 7 августа 1553 г. из Пармы [8, т. 30, л. 205].

Описание архивного собрания можно определять как особый тип исторического источника. Оно позволяет создавать специализированные выборки (по отдельным сюжетам или персоналиям, по

характеристикам документов), ставить и решать исследовательские задачи. Рассмотренные здесь и другие характеристики коллекции и документов могут быть предметом отдельного исследования, их обсуждение представляется продуктивным и целесообразным при подготовке планируемого издания.

1. Документ периода Шмалькальденской войны (1546–1547) из коллекции Ламуаньона (РГАДА) / публ. Е. С. Герасимовой // *Proslogion: проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 210–222.
2. Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / под ред. А. Д. Люблинской. – Москва; Ленинград: изд-во АН СССР, 1963.
3. Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / под ред. А. Д. Люблинской и В. Н. Малова. – Москва, 1985 (Деп. в ИНИОН РАН 22.04.1985 г. № 20448). – 675 л.
4. Завоевание Корсики. Письма короля Франции Генриха II. 1553–1558 гг. / пер. Е.С. Герасимовой // *Исторический архив*. – 1996. – № 1. – С. 215–223.
5. Кириллова, Е. Н. Об одной печати, которой нет в коллекции Ламуаньона / Е. Н. Кириллова // *Не только геральдика*. – Москва: ИВИ РАН, 2023.
6. Малов, В. Н. Франция в России: судьбы старых документов XV–XVIII веков / В. Н. Малов. – Москва: Весь мир, 2019. – 304 с.
7. Малов, В. Н. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): Описание документов / В. Н. Малов, И. С. Шаркова; под ред. В.Н. Малова. – Москва, 1997. – Вып. 1.
8. Рукописное собрание Ламуаньона // *Российский государственный архив древних актов (РГАДА)*. – Ф. 81.
9. *Banque et pouvoir au XVIe siècle: la surintendance des finances d'Albisse del Bene* / publ. par M.-N. Baudouin-Matuszek et P. Ouvarov // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. – 1991. – Т. 149: Juillet–décembre. – P. 249–291.
10. *Catalogue des livres de la bibliothèque de feu M. de Lamoignon, garde des sceaux de France*. – Paris: Merigot jeune, 1791–1792. – 3 vol.
11. *Correspondance du cardinal Jean du Bellay* / publ. par R. Scheurer, L. Petris, D. Amherdt [et al.]. – Paris: C. Klincksieck; Société de l'histoire de France, 1969–2017. – 7 vol.
12. *Lettres et mémoires d'Etat des roys, princes et ambassadeurs sous les règnes de François I et Henri II* / par G. Ribier. – Paris; Blois: F. Clouzier et la vefve Aubouyn, 1666. – 2 vol.
13. *Lettres inédites du cardinal François de Tournon (juin–décembre 1552)* / publ. par V. N. Malov // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. – 1987. – Т. 145 Janvier–juin. – P. 129–161.

Цветкова А.С.

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В АНГЛИИ

За время изучения феномена англо-ганзейских отношений историки выпустили большое количество работ, которые демонстрируют значительные успехи в изучении данной тематики [6; 8; 12; 19]. Помимо этого, исследователи опубликовали большое количество источников, позволяющих еще глубже изучить многие аспекты англо-ганзейских отношений. Настоящее исследование призвано определить характерные черты публикаций данных источников, а также выявить наиболее перспективные направления их изучения в англо-ганзейской проблематике.

Первые источники по теме англо-ганзейских отношений были опубликованы в начале XIX века Г. Сарториусом и его последователем И. М. Лаппенбергом. В трехтомной работе Г. Сарториуса «История Ганзейского союза» был опубликован ряд документов, призванные составить хронологию основных событий истории Ганзейского союза, в том числе событий, характеризующих англо-ганзейские отношения и их контекст с момента их появления до 1666 года [14; 15; 16].

И. М. Лаппенберг в 1830 году выпустил исследование, которое в свое время не смог закончить Г. Сарториус [17; 18]. Данная работа должна была дополнить 1 том «Истории Ганзейского союза», то есть ранней истории Ганзы до 1370 года. В ней также было уделено внимание англо-ганзейским отношениям, в том числе осуществлена публикация источников по данной тематике. Опубликованные документы были взяты из архивов Любека, Кёльна, Гамбурга и Бремена, а также других ганзейских городов. Источники представляют собой фрагменты деловой переписки между участниками англо-ганзейских отношений: немецкими купцами, находившимися на подворье в Лондоне, английскими властями, немецкими купцами в ганзейских городах.

В 1851 году И. М. Лаппенберг выпустил «Документальную историю Стального двора в Лондоне», которая была посвящена исключительно специфике англо-ганзейских отношений и в которой исследователь смог опубликовать новые важные материалы из архивов ганзейских городов Любека и Гамбурга [10]. Первоначальной целью историка было исследовать историю зданий на территории Стального двора и, следовательно, опубликовать документы, посвященные данной проблематике, однако впоследствии И. М. Лаппенберг также включил в свое исследование другие найденные им документы по истории англо-ганзейских отношений. Историк поделил изданные им документы на 2 группы: первая относилась к истории англо-ганзейских отношений в Лондоне, а вторая, как писал сам исследователь, служила доказательством существования англо-ганзейских отношений в Бостоне и Линне.

Хронологический охват опубликованных документов крайне широк (X – конец XVII веков), большинство из них являются фрагментами деловой переписки. Часть из них, относящиеся к раннему

периоду англо-ганзейских отношений, написаны на латыни, последующие на английском или средненемецком языках.

Стоит отметить, что И. М. Лаппенберг был первым исследователем, который затронул вопрос существования ганзейского представительства не только в Лондоне, но и в других английских городах – Бостоне и Линне. Впоследствии многие исследователи писали и о других ганзейских городах, в которых торговали ганзейцы, опираясь на работу И. М. Лаппенберга [19].

Особо стоит выделить ряд документов, публикация и изучение которых вносит большой вклад в исследование англо-ганзейских отношений. Одним из них является устав Стального двора [10, с. 24–35]. Данный документ позволяет более подробно изучить жизнь ганзейских купцов на территории конторы в Лондоне, однако исследователи до сих пор не активно исследовали данный источник. По мнению И. М. Лаппенберга, данной редакцией устава ганзейцы пользовались с 1320–1460 годы. Впоследствии, датировку данного документа оспорил в своей работе Р. Шпрандель и в 1982 году опубликовал копию устава Стального двора, хранящуюся в городе Данциг (Гданьск) и которая, по его мнению, лучше сохранилась [20].

Еще одним немало важным источником является список олддерменов и секретарей Стального двора в 1383–1815 годах (с 1706 года в списке были приведены имена «агентов», которые находились в Англии от имени немецких городов, сохранявших статус ганзейских) [10, с. 156–162]. Данный список может служить базой для будущих просопографических исследований по данной теме.

Необходимо отметить, что И. М. Лаппенберг впервые опубликовал планы и схемы Стального двора в Лондоне 1797 года [10, с. 417]. Данные документы являются единственными графическими, визуальными источниками ганзейской конторы в Лондоне, даже несмотря на их более позднее происхождение.

В 1891 году комплекс источников, посвященных англо-ганзейской торговле 1275–1412 годов, был издан К. Кунце [9]. В предисловии сообщалось, что полный текст некоторых документов, включенных в данное издание, уже был опубликован в работах других авторов, именно поэтому они здесь представлены в виде аннотаций. Источники, опубликованные К. Кунце были найдены в лондонских архивах и библиотеках, что демонстрировало иной подход к изучению англо-ганзейских отношений. Г. Сарториус и И. М. Лаппенберг публиковали документы, доступные лишь в архивах ганзейских городов. Источники в данной работе представляют собой не только деловую переписку купцов, но также массив данных об экспорте и импорте ганзейской торговли в Англии 1275–1412 годов.

Огромной источниковой базой для изучения истории Ганзейского союза являются издания протоколов ганзейских съездов и других сопутствующих документов (Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage, HR); издания ганзейских документов (Hansisches Urkundenbuch, HUB), публиковавшиеся с 1876 по 1916 года [2; 3; 4; 5]. Источники, представленные в данных изданиях, были взяты из различных архивов ганзейских городов. В этих монументальных изданиях нашли отражение также и англо-ганзейские отношения.

Самый ранний источник, относящийся к англо-ганзейской торговле и опубликованных в «Изданиях протоколов ганзейских съездов» (HR) датируется 1351–1352, самый поздний 1535 годом. В основном документы о ганзейской торговле в Англии представлены письмами купцов Стального двора, в первую очередь, к магистратам Кельна и Любека, зачастую они представлены исключительно в виде аннотаций; ответной корреспонденцией; перепиской советов ганзейских городов, чьи купцы активно торговали в Лондоне (Кельн, Гамбург, Данциг, Любек, Бремен); а также посланиями различных английских королей. Стоит отметить, что опубликованы только наиболее важные и информативные источники, которые в первую очередь отражают участие магистрата Любека в ганзейской политике.

Если характеризовать документы по англо-ганзейской торговле в «Книге документов» (HUB), то два наиболее ранних документа относятся к 1260 году. Наиболее позднее упоминание Стального двора в настоящем документальном собрании относится к 1491 году. Виды источников очень схожи с теми, что представлены в изданиях Hanserecesse.

Еще одним важным изданием для изучения истории Ганзейского союза является журнал «Hansische Geschichtsblätter», в котором ежегодно публикуются результаты актуальных исследований по данной теме. Часть статей в этом журнале посвящено именно англо-ганзейским отношениям. Некоторые историки в приложении к своим статьям публиковали источники, которые могли расширить в дальнейшем их исследование. В XIX веке Р. Паули опубликовал источники в различных своих статьях по вопросу распространения лютеранства среди ганзейских купцов на Стальном дворе [11; 12; 13]. Помимо этого, в конце XIX века была опубликована выдержка из устава ганзейской конторы в Лондоне [6], а в начале XX века схема расположения Стального двора в Лондоне 1370 года [8].

Значительный вклад в изучение англо-ганзейских отношений внес С. Дженкс. Им было издано 45 томов лондонских таможенных счетов за период 1280–1550 гг. [7]. Часть из этих документов содержит данные о ганзейской истории, а точнее имена ганзейских купцов в Лондоне, информацию об экспорте и импорте, что может дать новые данные для современных исследователей.

Среди отечественных исследователей публикация источников по англо-ганзейской торговле не является востребованным направлением. На данный момент исключением является лишь издание двух грамот из Архива ганзейского города Любека (Archiv der Hansestadt Lübeck), относящихся к обострившемуся конфликту между ганзейцами и англичанами в середине XV века [1].

Таким образом, на протяжении долгого времени изучения англо-ганзейских отношений происходил процесс публикации источников по данной теме в различных изданиях. Большинство источников, опубликованных исследователями, можно отнести к периоду формирования или расцвета Ганзейского союза, в нашем случае – англо-ганзейских отношений. Источники более позднего периода англо-ганзейских отношений практически не публиковались. Также стоит отметить, что большая часть опубликованных документов по англо-ганзейским отношениям была найдена в архивах ганзейских городов. Источники из архива Лондона были опубликованы лишь К. Кунце и С. Дженксом и относились к периоду формирования и расцвета Ганзы. Открытым остается также вопрос археологических исследований Стального двора. Ряд исследований историков опирается на архивные материалы раскопок, которые проводились во второй половине XX века, однако в открытом доступе их до сих пор нет. Однако, архивные собрания ганзейских городов не исчерпали свой материал по данной теме, что открывает перед историками большие перспективы.

1. Ушаков, А. В. Документы к истории ганзейской торговли в Лондоне. 1451 года / А. В. Ушаков, А. С. Цветкова. – 2022. – Том 32, № 6. – С. 1350–1357.
2. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. – Ab. 1. Bd. 1. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1870. – 559 s.
3. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. – Ab. 4. Bd. 2. – Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1970. – 639 s.
4. Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 1. – Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. – 523 s.
5. Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 11. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1916. – 899 s.
6. Hohlbaum, K. Auszug aus den Statuten und der Hausordnung des Stahlhofs / K. Hohlbaum. – 1899. – Bd. 26. – S. 129–133.
7. Jenks, S. London customs accounts. 1280–1255. 45 vol. [Electronic resource] / S. Jenks. – Mode of access: <https://www.hansischergeschichtsverein.de/london-customs-accounts?seite=1>. – Date of access: 16.03.2023.
8. Kurzinna, W. Der Name «Stalhof» / W. Kurzinna. – 1912. – Bd. 39. – S. 429–462.
9. Kunze, K. Hanseakten aus England 1274–1412 / K. Kunze. – 1891. – 404 s.
10. Lappenberg, J. M. Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London / J. M. Lappenberg. – Osnabrück : Otto Zeller, 1851. – 1–2 Abteilung. – 740 s.
11. Pauli, R. Das Verfahren wider die Stahlhofskaufleute wegen der Lutherbücher / R. Pauli. – 1879. – Bd. 8. – S. 159–173.
12. Pauli, R. Die Stahlhofskaufleute und Luthers Schriften / R. Pauli. – 1872. – Bd. 1. – S. 155–165.
13. Pauli, R. Königin Elisabeth, Polen und die Hansa / R. Pauli. – 1884. – Bd. 10. – S. 139–145.
14. Sartorius, G. F. Geschichte des Hanseatischen Bundes / G. F. Sartorius. – Göttingen : H. Dieterich, 1802. – Bd. 1. – 478 s.
15. Sartorius, G. F. Geschichte des Hanseatischen Bundes / G. F. Sartorius. – Göttingen : H. Dieterich, 1803. – Bd. 2. – 833 s.
16. Sartorius, G. F. Geschichte des Hanseatischen Bundes / G. F. Sartorius. – Göttingen : H. Dieterich, 1808. – Bd. 3. – 700 s.
17. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 1. – 314 s.
18. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 2. – 762 s.
19. Schulz, F. Die Hanse und England. Von Edwards III. bis auf Heinrichs VIII. Zeit. / F. Schulz. – Berlin : Karl Curtius, 1911. – 195 s.
20. Quellen zur Hanse-Geschichte / hrsg. R. Sprandel. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. – 554 s.

Башнин Н.В., Дмитриева З.В.
ОПИСИ СТРОЕНИЙ И ИМУЩЕСТВА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII В.:
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ¹

В последние десятилетия активно вводятся в научный оборот описи строений и имущества монастырей XVI–XVIII вв. (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Спасо-Прилуцкого, Дионисиево-Глушицкого). Эти источники являются своеобразными хозяйственными дневниками той эпохи, они фиксируют состояние монастырского комплекса (строения, иконы, книги, утварь) на определенную дату [4]. При их издании возникают некоторые археографические трудности. Обратимся к комплексу описей Кирилло-Белозерского монастыря.

За XVII в. сохранилось пять описей строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря: 1601, 1615, 1621 (в двух редакциях), 1635 и 1668 гг. Документы 1601, 1615 и 1635 гг. опубликованы [2; 3], а остальные готовятся к изданию. Других описей строений и имущества обители целиком за XVII в. не известно, сохранились только описания отдельных служб монастыря, например, книгохранильницы 1664 г. Таким образом, сохранился полный комплект описей строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря за XVII в.

Монастырские описи строений и имущества в России XVI–XVII вв. представляют собой инвентари, составленные при смене настоятелей по решению монастырского собора или по инициативе

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20–78–10060.

государственной власти с целью контроля над имуществом монастырских общин. Причины проведения переписей определяли состав объектов описания. Храмы, храмовое имущество, казна, книги обязательно подлежали учету, реже – архив, монастырские строения и имущество вне монастыря (в городах на подворьях и в селах), вотчины. Особенностью кирилловских документов является то, что две описи возникли на основании царских указов (опись 1601 г. по распоряжению Бориса Годунова, 1621 г. по указу Михаила Федоровича), в то время как опись 1615 г. – по решению келаря Боголепа, соборных старцев при отсутствии игумена (игумена Матфея уже не было в Кириллове, а нового игумена – Флавиана назначили только в июле 1615 г.), описание 1635 г. проведено также при отсутствии игумена, документ составлен государевыми писцами стольником Юрием Андреевичем Сицким и дьяком Василием Прокофьевым при передаче обители келарю «старцу Паисею Онаньину, да казначею старцу Иасафу Чаронскому, да соборным старцом...». Возникновение самого обширного документа среди упомянутых – описи 1668 г. (составлена в двух списках – 1166 л. и 1134 л.) – связано с внутримонастырским конфликтом в начале 1660-х гг. и сменой игумена [1, с. 179].

Эти обстоятельства повлияли на структуру каждой из описей. Так, в 1601 г. писцы ревизовали монастырскую вотчину (описали земли, населенные пункты, крестьян) и отдельно составили опись строений и имущества («переписные книги»). В опись 1615 г. включены изменения в «церковном строении» за 15 лет и особенно при игумене Матфее (основная задача переписи состояла в учете того, что «перенесено из места в место после писцовых книг <...>, что киоты и тябля переделаны вново при игумене Матфее...»). Опись 1621 г. содержит многочисленные отсылки к документу 1601 г. и подводит итоги «монастырскому строению» за 20 лет. Опись 1635 г. государевы писцы составляли с декабря 1634 г. по 11 января 1635 г., работа комиссии, вероятно, проводилась по отдельным службам, что нашло отражение в структуре описи (вотчинной части нет). В основе вотчинной части из описания 1668 г. находятся переписные книги 1640-х гг.

Таким образом, перед нами документы одного типа, но составленные в разных обстоятельствах, которые повлияли на структуру документа. Описи многоплановы, присутствует описание строений, ризницы, икон, книг, архива, артиллерии, бытовых предметов (лапти, пешни, гвозди, ногавицы и рукавицы) и других материальных объектов. Эти особенности порождают ряд особенностей при реализации данного эдиционного проекта. Издание этих памятников возможно при привлечении группы специалистов, археографов, сотрудников Российской национальной библиотеки и Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Для такой коллективной работы важным является выдержать единые археографические принципы для всех пяти памятников, при этом учитывая нюансы каждого описания. Издания являются научно-критическим, текст прочитан, в случае расхождения в списках дается основное и вторичное чтение; в археографическом введении оговариваются особенности рукописей и текста, различия по спискам даются в археографическом введении, а не в примечаниях, здесь же указываются особенности почерков и чернил. При выработке концепции последующих изданий были учтены опыт издания описи 1601 г., особенности формуляров и происхождение каждой описи.

Весь комплекс описей имеет большие текстовые объемы, рукописи написаны разными почерками, в археографическом введении для всех изданий сделаны и будут даны кодикологические схемы кодексов, фотографии филиграней (отметим, что создан альбом филиграней на основе бу маги хозяйственных книг из Кирилло-Белозерского монастыря).

Итак, все издания снабжены или будут снабжены историческим и археографическим (кодикологическое и текстологическое изучение рукописей) введениями, правилами передачи текста, списком используемой литературы, пояснительными словарями, научно-справочным аппаратом (указателями имен, географических названий, иконографических сюжетов, книг). В изданиях описей 1615 и 1635 гг. вошли не только историческое и археографическое введения, но и научно-исследовательские статьи о постройках (храмах), иконописном собрании, книгах (рукописных и печатных), арсенале, иллюстративный материал.

Опись 1621 г. публикуется по двум редакциям. В научно-справочный аппарат, помимо указателей – иконографического, именного и географического, планируется включить предметный указатель. Четвертый том составит наиболее полная по составу (включена вся кирилловская вотчина) опись 1668 г. Будут составлены комментарии для объектов описания (храмы и храмовое убранство, стенная роспись, казна, книги, архив, подворье в Вологде). В комментариях предполагается отразить историю объекта комментирования по всем сохранившимся материалам, включая приходо-расходные книги и опубликованные описи 1601, 1615, 1621 и 1635 гг. Издание будет снабжено указателями, включая предметный.

Подчеркнем, что в монастырском делопроизводстве использовали документацию прошлых лет (описи, приходо-расходные книги, окладные книги), материалы государственного писцового дела

(дозорные, писцовые и переписные книги). Описи являются многоплановым источником, содержащим сведения о монастырской культуре и быте.

1. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. / З. В. Дмитриева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 352 с.
2. Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг.: Тексты и исследования / сост. Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева; отв. ред. М. Н. Шаромазов. – М.; СПб. : Альянс-Архео, 2021. – 600 с.
3. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 384 с.
4. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / сост. О. Н. Адаменко, Н. В. Башнин, М. С. Черкасова; отв. ред. М. С. Черкасова. – Вологда : Древности севера, 2011. – 495 с.

Сальков А.П.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КОНЦА 1930-х – КОНЦА 1940-х гг.

За последние 30 лет в России и странах Восточной Европы вышло (в дополнение к немногим имевшимся) огромное количество сборников документов, материалы которых затрагивают или раскрывают рассматриваемую проблему. Из публикаций обзорного внешнеполитического характера, отражающих советскую внешнюю политику и межгосударственные отношения в ЦВЕ на фоне блокового противостояния и региональных противоречий, особо выделим важнейшие серийные «Документы внешней политики СССР», тома XXII–XXVI в девяти книгах за 1939–1943 гг., вышедшие с 1992 по 2016 г., а также регионоведческие сборники Института славяноведения РАН – «Восточная Европа в документах российских архивов» и «Советский фактор в Восточной Европе» [12; 20]. Видное место занимают документальные обзорные и тематические публикации национальных источников – чехословацких [32; 45; 46; 33], польских [47; 48], югославских [57], болгарских [2], румынских [50], венгерских [40; 54].

Документы двусторонних отношений СССР со странами региона, а также их отношений между собой позволяют выяснить значение территориальных споров и межнациональных проблем во взаимных контактах, место неурегулированных конфликтов в межгосударственных связях [26; 27; 25; 34; 35]. Богатейшие сборники по истории советско-американских и советско-британских отношений отразили трансформацию США в великую державу и их соперничество с Великобританией за преобладающую роль в послевоенном устройстве и решении конфликтных проблем региона [21; 22; 23; 24].

Многочисленные документальные публикации позволяют, с одной стороны, проследить агрессивные захваты и территориальные трансформации в составе фашистского блока, признанные после победы Объединенными нациями недействительными [1; 55; 52; 3; 6; 13]. С другой стороны, – рассмотреть начальный этап урегулирования споров на национально-территориальной почве, порожденных событиями Второй мировой войны или даже наследием Версаля, что происходило как в союзных государствах, так и на оккупированных ими территориях бывших сателлитов Германии [18; 44; 53; 14; 19; 17; 4; 10], в том числе, причудливые прожекты федерирования [30; 9]. Документальные материалы Парижской мирной конференции 1946 г., изданные в ряде стран, уместно дополняют сведения архивных фондов [51; 8].

Наибольшую ценность для всестороннего раскрытия темы имеют сборники документов, посвященные непосредственно национально-территориальным конфликтам, их возникновению и протеканию, советской реакции на них или активной роли СССР в их урегулировании. В связи со значительным количеством таких изданий возникает необходимость условно разделить их по событийно-хронологическому признаку. К первой группе отнесем публикации, освещающие состояние и развитие «старых» версальских конфликтов, возникновение (как через договорной механизм, так и путем территориальной агрессии) в условиях кризисных предвоенных лет и начального периода Второй мировой войны новых конфликтов в ЦВЕ, действия государств «оси» по их урегулированию (как вскоре определилось – временному и дезавуированному победителями). В этих обстоятельствах Советский Союз выражал свою реакцию на происходившие в регионе события, формулировал отношение к ним, но не имел политического ресурса влиять в своих интересах на результаты этих событий, что нашло отражение в документах [16; 31; 29; 49; 56; 38; 39; 37; 7; 5].

Вторую группу составляют документальные публикации, освещающие советское планирование послевоенного устройства в ЦВЕ, подготовку и проведение урегулирования национально-территориальных конфликтов в формате двусторонних переговоров, обреченных попыток конструирования федераций, судьбоносных международных форумов, согласованных решений и

договоренностей внутри коммунистической сферы. СССР в новой роли мирового гегемона вступал в жесткое противоборство с западными союзниками-конкурентами, моделировал сложные международно-правовые построения, манипулировал целевыми установками стран своей сферы влияния, твердо отстаивал собственные геополитические, идеологические и государственные интересы. Массивный документальный корпус иллюстрирует и подтверждает приведенные положения [28; 15; 43; 11; 36; 41; 42]. Многие сборники о конфликтах являются одинаково актуальными для этих обеих групп источников.

Таким образом, в ходе «архивных революций» в России и странах ЦВЕ произошел взрывообразный рост массива релевантных источников за счет открывшегося доступа к архивам, что привело к многочисленным документальным публикациям по рассматриваемой проблеме.

1. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1939–1941. – М. : Вече, 2021. – 480 с.
2. БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946) : в 2 т. – София : Гл. упр. на архивите, 1998–1999. – Т. 1–2. – 689–1371 с.
3. България и Независимата Хърватска държава (1941–1945). Дипломатически документи. – София : УИ «Св. Климент Охридский», 2004. – 534 с.
4. България непризнатият противник на Третия райх : сб. док. – София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1995. – 295 с.
5. Българите от Западните покрайнини (1878–1975). – София : УИ «Св. Климент Охридский», 2005. – 775 с.
6. България своенравният съюзник на Третия райх. Сб. док. – София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1992. – 362 с.
7. Българското управление във Вардарска Македония (1941–1944 г.) : документален сборник. – София : Държавна агенция «Архиви», 2011. – 511 с.
8. Васев, Славчо. България на мирната конференция Париж 1946 / С. Васев, К. Христов. – София : Синева, 2017. – 400 с.
9. Велика Британија и Македонија: Грчко-југословенска федерација (1941–1942). Документи. – Скопје : Ин-т за национална историја, 2013. – 251 с.
10. Великите сили и България 1944–1947 г. Документи : в 2 т. – София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2014–2018. – Т. 1. – 442 с.; – Т. 2. Първа част. – 931 с., Втора част. – 931 с.
11. Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Док. и матер. – М. : РОССПЭН, 2017. – 462 с.
12. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. : в 2 т. – М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997–1998. – Т. 1. – 985 с.; Т. 2. – 1004 с.
13. Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война: дневници на Министерството на външните работи в правителствата на Георги Кьосеиванов, проф. Богдан Филов, Добри Божилов, Иван Багрянов, Констатин Муравиев. Сборник. – София : ИК Синева, 2006. – 590 с.
14. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. – Грац ; Вена ; Мюнхен : Изд-во Ольденбург, 2005. – 979 с.
15. Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952 г.). – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2004. – 608 с.
16. Мюнхенский сговор. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1933–1939. – М. : Вече, 2021. – 672 с.
17. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. Док. и матер. – М. : Терра, 1998. – 656 с.
18. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945 : док. и матер. – М. : Терра, 2000. – 688 с.
19. Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. : сб. док. – М. : АИРО-XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 656 с.
20. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы : в 2 т. – М. : РОССПЭН, 1999–2002. – Т. 1. – 687 с.; – Т. 2. – 928 с.
21. Советско-американские отношения. 1939–1945. [Документы]. – М. : МФД, 2004. – 792 с.
22. Советско-американские отношения. 1945–1948. [Документы]. – М. : МФД, 2004. – 716 с.
23. Советско-американские отношения. 1949–1952. [Документы]. – М. : МФД, 2006. – 704 с.
24. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Док. и матер. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 960 с.
25. Советско-румынские отношения 1917–1941. Док. и матер. : в 2 т. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. 2. 544 с.
26. Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. : сб. док. и матер. – М. : Наука, 1992. – 416 с.
27. Советско-югославские отношения, 1945–1956. Док. и матер. – Новосибирск : Альфа-Порте, 2010. – 843 с.
28. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. – М. : РОССПЭН, 2000. – 456 с.
29. Akcja «Łom». Polskie zżalania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. – Warszawa : Adiutor, 1998. – 327 s.
30. Czechoslovak-Polish Negotiations of the Establishment of Confederation and Alliance, 1939–1944: Czechoslovak diplomatic documents. – Praha : Karolinum, 1995. – 449 p.
31. Češi a sudetoněmecká otázka. Dokumenty. – Praha : Ústav mezinárodních vztahů (ÚMV), 1994. 347 s.
32. Československá zahraniční politika v roce 1938: u 2 sv. – Praha : ÚMV, 2000–2001. – Sv. 1. – 592 s.; – Sv. 2. – 672 s.
33. Československá zahraniční politika na sklonku války 1945. – Praha : ÚMV, 2015. – 606 s.
34. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945: Dokumenty: v 2 díl. – Praha : Státní ústřední archiv v Praze, 1998–1999. – Díl 1. – 627 s.; Díl 2. – 663 s.
35. ČSR a SSSR. 1945–1948: Dokumenty mezivládních jednání. – Brno : Ústav pro soudobé dějiny ČR : Doplněk, 1997. – 540 s.
36. Cold War Files. Istria 1946–1954 = Dokumenti iz hladnog rata. Istra. 1946–1954. – Pula : Institut Mediterran, 2019. – 272 p.
37. Din istoria Transilvaniei: documente, 1931–1945. – Alexandria : Tipoaalex, 1999. – 380. old.
38. Krajčovič, Milan. Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936–1940/1944: maďarské dokumenty v porovnaní s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe / M. Krajčovič. – Bratislava : SAP, 2008. – 439 s.
39. Krvácajúca hranica: Dokumenty o utrpení Slovákov v Maďarsku. – Prievidza : Miestny odbor Matice slovenskej v Prievidzi, 2003. – 513 s.
40. Magyar Történeti Dokumentumok 1944–2000. – Budapest : Nemzeti Tankönyvkiadó, 2004. – 614 old.
41. Manifestări ale spiritului revisionist în județele din nord-vestul Transilvaniei (1944–1945). Studiu și documente. – Oradea : Editura Universității din Oradea, 2003. – 333 p.
42. Moszkvának jelentjük... Titkos dokumentumok, 1944–1948. – Budapest : Századvég, 1994. – 292. old.
43. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. – Prešov : Universum, 2005. – 259 s.

44. Ocupația sovietică în România: Documente, 1944–1946. – București : Vremea, 1998. – 237 p.
45. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. – Praha : ÚMV, 2002. – 731 s.
46. Od uznání československé prozatímní vlády do vyhlášení válečného stavu Německu 1940–1941: u 2 sv. – Praha : ÚMV, 2006–2009. – Sv. 1. – 422 s.; – Sv. 2. – 544 s.
47. Polish documents on foreign policy: 24 October 1938 – 30 September 1939. – Warsaw : The Polish Institute of International Affairs, 2009. – 446 s.
48. Polskie dokumenty dyplomatyczne 1939 : Styczeń-Sierpień. – Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2005. – 896 s.
49. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. – Warszawa : Adiator, 1997. – 191 s.
50. Răzvan, Limona. Naționalitățile și problemele lor în documentele de arhivă dobrogene (1879–1941) / L. Răzvan. – Tulcea : Editura Harvia, 2007. – 140 p.
51. România și Ungaria în fața Conferinței de Pace de la Paris (1945–1947). – Târgu Mureș : Editura Universității «Petru Maior», 2010. – 295 p.
52. Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch: v 2 sv. – Bratislava : Universum, 2009–2011. – Sv. I. – 1171 s.; – Sv. II. – 1093 s.
53. Soviet Occupation of Romania, Hungary and Austria, 1944/45–1948/49. [Documentary collection]. – Budapest ; New York : Central European University Press, 2015. – 380 p.
54. Szekfű Gyula követ és moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948). – Budapest : Magyar Országos Levéltár, 1998. – 210 old.
55. «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu: u 3 sv. – Bratislava : Ústav pamäti národa, 2008–2011. – Dokumenti I. – 627 s.; – Dokumenty II. – 556 s.
56. Viedenská arbitráž – 2. november 1938: u 3 sv. – Martin : Matica Slovenská, 2002–2005. – Dokumenty I. – 256 s.; – Dokumenty II. – 304 s.; Dokumenty III. – 456 s.
57. Jugoslavija 1918.–1988.: tematska zbirka dokumenata. – Beograd : Rad, 1988. – 1445 s.

Сівохін Г.А., Сямашка К.У.

ДА ПЫТАННЯ СУПРАЦОЎНІЦТВА АРХІЎНЫХ УСТАНОЎ І МУЗЕЯЎ У НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ І ЭКСПАЗІЦЫЙНА-ВЫСТАВАЧНАЙ РАБОЦЕ. З ДОСВЕДУ ВЫКАРЫСТАННЯ АРХІЎНЫХ КРЫНІЦ У ДЗЕЙНАСЦІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА “ЗАСЛАЎЕ”

Аснова пабудовы музейнай экспазіцыі – гэта музейны прадмет. Аксіёма, якая не выклікае пырчанняў. Аднак артэфакты, уключаныя ў музейны фонд пэўнага музея, не заўжды могуць у поўнай меры раскрыць заяўленую экспазіцыйную тэму. У такіх выпадках на дапамогу могуць прыйсці, напрыклад, зборы іншых музеяў і прыватныя калекцыі. Але не менш, а часта і значна больш важную, чым азначаныя вышэй разам узятыя музейныя і прыватныя зборы, ролю ў раскрыцці заяўленай у часовым экспазіцыйна-выставачным праекце альбо ў пастаяннай экспазіцыі тэмы граюць архіўныя фонды. Менавіта яны дапамагаюць раскрыць дакументальным і фоташэрагам пакладзены ў праект *сэнс*, напоўніць бязлікія прадметы персанальнай жывой і актуальнай – часта бадай *інтымнай*, – інфармацыяй.

Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” (далей – Запаведнік) мае багаты досвед выкарыстання архіўных крыніц у сваёй рабоце. Сярод апошніх такіх праектаў, рэалізаваных цягам 2022, варта адзначыць мемарыяльны экспазіцыйна-выставачны праект “Аўта/Партрэт Рэканструктара” [7] і фотадакументальны праект “Фотаглядзі і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст.” [6].

Так, з 25 жніўня па 6 лістапада 2022 ў Запаведніку праходзіў мемарыяльны экспазіцыйна-выставачны праект “Аўта/Партрэт Рэканструктара”. Праект быў рэалізаваны Запаведнікам сумесна з Беларускай дзяржаўнай архівам-музеем літаратуры і мастацтва ў рамках серыі навукова-даследчых экспазіцыйна-выставачных праектаў “Этнаграфіка рэчавіду” і быў прымеркаваны да 85-ых угодак з нараджэння і 20-ых – са дня смерці мастака і культурнага дзеяча Яўгена Куліка.

Яўген Кулік (31 кастрычніка 1937 – 12 студзеня 2002) – беларускі графік, які належаў да генерацыі дзяцей вайны. Гэта тыя самыя паваенныя маладзёны, якія стваралі сённяшнюю Беларусь – *Беларусь мастацкую, Беларусь культурніцкую, Беларусь гістарычную, этнаграфічную* ды і *даследчую*. У чымсьці, вядома, яны працягвалі справу і спадкавалі папярэднікам – і беларусам міжваення, і беларусам канца XIX – пачатку XX стагоддзя. А ў чымсьці яны былі і абсалютна арыгінальнымі і непаўторнымі, у чымсьці яны былі піянерамі... Гэта менавіта яны, юнакі ды дзяўчаты, чыё сталенства прыйшлося на паваенныя гады, абралі лірыку лейтматывам свайго жыцця ды і на тэй лірыцы ўзрасцілі плённае жыво беларушчыны. І майстэрня Яўгена Куліка – ягоны *Паддашак* [5], – і была адной з тых шматлікіх пожняў, на якой калісь і забуяла сучасная беларуская культура.

У выставачным праекце была зробленая спроба прадэманстраваць творчасць Яўгена Куліка праз антрапалагічны позірк – прэзентаваць не толькі ягоную мастацкую, але і культурніцкую і даследчую дзейнасць, паспрабаваць антрапалагічна асэнсаваць, г.зн. *апісаць як этнограф у полі*, яго *арт-работу гістарычнага рэканструктара*... Рэканструктарскі аспект работ Яўгена Куліка лучыць у сабе і творчасць, і навуковы вышук. Разам з гісторыкамі, археолагамі, этнографамі мастак спрабаваў весці глыбінныя даследы беларускай мінуўшчыны і аднаўляць – рэканструяваць і ствараць вобразы, – беларускія гарады, даўнія храмы, камяніцы з фартэцыямі... Дый саміх “даўніх” беларусаў мастак таксама далікатна “адраджаў”, ствараючы на паперы іх вобразы-відарысы. Таксама Яўген

Кулік фіксаваў тое, што яшчэ не было страчанае, але маггло быць зруйнаваным. Нават тыя напаміны даўніны, якім быццам не пагражала пляжанне, мастак усё адно *фіксаваў*. Фіксаваў па-мастацку, дадаючы кожнаму аб'екту пэўнай вобразнасці, падбіраючы да кожнай страхі храму ці замку сваю хмарку-аблачынку, быццам архітэктар-рэстаўратар.

З шаснаццаці графічных лістоў, што захоўваюцца ў зборы Запаведніка, пяць – рэканструкцыі адзення XII стагоддзя, а адзінаццаць – гэта архітэктурныя вобразы: касцёл у Гнезне і абарончыя цэрквы ў Мураванцы і Сынкавічах, XVI ст., а таксама Барысаглебская (Каложская) царква ў Гродне з Кальвінскім зборам у Смаргоні таго ж XVI ст. Тут і кляштар бернардынцаў у Гродне, XVI–XVIII стст., і ансамбль Жыровіцкага манастыра, XVII–XIX стст. Храмавыя выявы дапоўненыя шэрагам выяў замкаў і палацаў: палац Валовічаў у Свяцку, XVIII ст., замак у Міры, XVI–XVII стст., замак з фарным касцёлам у Навагрудку, XIII–XVIII стст. I, вядома ж, рэканструкцыя заслаўскага гарадзішча “Замчак”, X–XI стст.

У зборы Запаведніка захоўваюцца сапраўдныя рарытэты. І гэта не толькі тыя шаснаццаць выяў рукі Яўгена Куліка, якія былі прэзентаваныя на выставе. Хапае ў фондах Запаведніка і археалагічных знаходак з заслаўскіх раскопак. Гэта сапраўдныя археалагічныя артэфакты – менавіта яны натхнілі Я. Куліка як мастака-рэканструктара, калі той ствараў пэўныя свае творы: тут жа ў выставачнай зале можна было параўнаць арыгінальныя наканечнікі дзідаў ці скроневыя колцы з іх выявамі на гістарычных рэканструкцыях мастака. У сваіх рэканструкцыях вобразы даўніх *продкаў беларусаў і даўняй Беларусі* Я. Кулік ствараў, працуючы, да прыкладу, разам з гісторыкам Міколам Ермаловічам або выбітным археолагам Міхасём Ткачовым.

У праекце можна было пабачыць археалагічныя артэфакты і сапраўдныя – арыгінальныя, – архіўныя дакументы. Артэфакты з раскопак старажытнага Заслаўя, якія цяпер захоўваюцца ў музейным зборы. А таксама дакументы, якія калісь належалі альбо былі створаныя самім мастаком, а цяпер захоўваюцца ў Беларускім дзяржаўным архіве-музее літаратуры і мастацтва: малюнкi, фатаграфіі аб'ектаў драўлянага сакральна-манументальнага дойлідства Беларусі, віншавальныя паштоўкі, перапіска і інш. [1].

На выставачным праекце апрача графічных работ Яўгена Куліка былі прадстаўленыя не толькі здабыткі археалогіі, але і сучасныя, аднак не менш каштоўныя артэфакты – у рамках экраннай экспазіцыі былі прадстаўленыя лічбавыя вобразы архіўных дакументаў з фонду Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва – палявыя запісы і працоўныя матэрыяламі мастака-рэканструктара. Кодай праекта стала зона – экранная экспазіцыя, дзе ў відэаінсталюцыі можна было пабачыць шэраг невялічкіх фрагментаў з інтэрв'ю, узятых у сваякоў, калег і паплечнікаў Яўгена Куліка, у даследчыкаў беларускай даўніны ды і стваральнікаў беларускага мастацтва – у тых, хто асабіста ведалі Яўгена Куліка, а сваім лёсам былі павязаныя з Заслаўем:

– *Вольга Дрыбіна* – пляменніца Яўгена Куліка;

– *Мікалай Паграноўскі* – знаны беларускі мастацкі крытык, арт-тэарэтык, старшыня секцыі мастацтвазнаўства Беларускага саюза Мастакоў, лаўрэат прэміі “За духоўнае адраджэнне”, у 2005–2015 гг. – дырэктар Запаведніка;

– *Юры Піскун* – Мастак, Творца, Настаўнік, паплечнік і калега героя праекта, аўтар габелена “Полацкія званы” і разам з Вольгай Дзёмкінай – габелена “Малітва”, на якіх грунтуецца гістарычная экспазіцыя па гісторыі Заслаўя, прэзентаваная ў габеленавай зале музейнай-выставачнага комплексу Запаведніка.

– *Алег Трусаў* – кандыдат гістарычных навук, вядомы археолаг і знаны папулізатар беларускай даўніны, дацэнт Белдзяржуніверсітэта культуры і мастацтваў, даследчык гісторыі беларускай архітэктуры, кіраўнік археалагічных даследаванняў гарадзішча “Вал” у Заслаўі.

Да выставы куратарамі быў дадаткова распрацаваны мультымедыя-гід на базе сервіса izi.TRAVEL [2].

Медыя-гід прадстаўляе з сябе пяць калекцый, у якіх тэматычна змешчаныя прадметы з выставы, а таксама лічбавыя копіі асабістых дакументаў Я. Куліка, прадстаўленыя Беларускім дзяржаўным архівам-музеем літаратуры і мастацтва. Да кожнай калекцыі і кожнага прадмета падрыхтаваныя і размешчаныя дадатковыя тэксты, створаныя на аснове публікацый Ю.А. Зайца з манаграфіі “Заславль в эпоху феодализма” і энцыклапедычнага выдання “Архітэктура Беларусі”. Куратарамі праведзеная фотафіксацыя прадметаў археалогіі з музейнага збору для размяшчэння выяў у медыя-гідзе.

Так, напрыклад калекцыя “Рэканструкцыя Яўгена Куліка” складаецца з лічбавай копіі “Прапановы па развіццю музеяў у Беларускай ССР”, распрацаваныя Яўгенам Куліком, Міхалам Дубянецкім, Міколам Купавам і іншымі, прадстаўленай установай “Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва”.

Іншы сумесны музейна-архіўны праект – фотадакументальны праект Запаведніка і Дзяржархіва Мінскай вобласці “Фотагляды і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст.”, – экспанаваўся ў музейна-выставачным комплексе Запаведніка з 21 кастрычніка 2022 па 15 студзеня 2023. Яго экспазіцыя ілюструе невялічкі перыяд з тысячагадовай гісторыі Заслаўя – усяго толькі 38 год існавання Заслаўскага раёна. Амаль што чатыры дзесяцігоддзі, кавалак часу пачынаючы з 1920-ых па канец 1950-ых, з жыцця мястэчка на выставе прадстаўленыя фотавывамамі і архіўнымі дакументамі.

Так, экспазіцыйны праект асвяціў асобныя старонкі жыцця г. Заслаўя ў розныя часы існавання СССР. Перад усім акцэнт быў зроблены на гісторыі Заслаўскай воласці і Заслаўскага раёна ў савецкі перыяд (да 1959 уключна). Каб паўнаватрасна асвяціць гэты час у музейнай экспазіцыі куратары выставы звярнуліся па дапамагу ў галоўную архіўную ўстанову Мінскай вобласці. Былі перагледжаны некаторыя архіўныя справы, адабраныя па азначаным перыядзе, і сярод шматлікіх архіўных дакументаў выбраны найбольш неабходныя матэрыялы для экспанавання. Супрацоўніцтва з Мінскім абласным архівам дало магчымасць наведвальнікам Запаведніка пазнаёміцца з гісторыяй Заслаўскага раёна не толькі праз музейныя прадметы і вобразы, зафіксаваныя на фотаздымках, але і праз архіўныя дакументы – найкаштоўныя гістарычныя крыніцы. На выставе былі прадстаўлены дакументы Заслаўскага РК КПБ. Сярод дакументаў фонду 185-П “Заславский районный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, м. (с 27.09.1938 – г.п.) Заславль Заславского района Минского округа, с 26.07.1930 – Заславского района, с 20.02.1938 – Заславского района Минской области” прадстаўлены наступныя справы: спр. 6 “Протокол заседания I съезда Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Заславского района от 07.12.1924 г.”; спр. 10 “Протоколы заседаний Заславской волостной ячейки КП(б)Б план работы района КП(б)Б, сведения о социально-экономическом положении района и о работе сельскохозяйственных и молочных товариществ, отчет о работе бюро ячеек КП(б)Б 15-го пограничного отряда”; спр. 50 “Циркуляр ЦК КП(б)Б от 30.04.1926 «Методы антисионистской агитации и пропаганды», протоколы заседаний Еврейского бюро Минского окружкома КП(б)Б, списки граждан еврейской национальности Заславского района по состоянию на 07.04.1927 г.”; спр. 105 “Переписка с управлением 15-го Заславского пограничного отряда о социально-экономическом и политическом положении Заславского района”; спр. 167 “Постановления и выписки из протоколов заседаний Заславского райкома и бюро райкома КП(б)Б, переписка с ЦК КП(б)Б, Заславским райотделом НКВД БССР и управлением 15-го Заславского пограничного отряда о грубых нарушениях советского законодательства в учреждениях и колхозах района и о выселении неблагонадежных граждан из пограничной зоны” [3].

Асабліваю цікавасць выклікалі дакументы акупацыйнага перыяду з фонду 1039 “Коллекция малообъемных фондов учреждений оккупационного периода 1941–1944 гг.” [3]. У адной падшыўцы былі згрупіраваныя дакументы “Заславская районная управа. Списки работников районной и волостной управ, предприятий и учреждений района за 1942 г.”, у іншай – “Заславская районная управа. Заявления граждан об оказании помощи в приобретении и постройке жилых домов, акты осмотра и оценки строений, справки о составе семьи”. Склад дакументаў фонду разнастайны – гэта загады, інструкцыі, распараджэнні, пратаколы, справаздачы, штатныя расклады, перапіска, рапарты і данясенні, заявы, ведамасці, спіскі, анкетныя, журналы ўліку і інш.

Такім чынам, сумесны выставачны праект уяўляў з сябе рознабаковае даследаванне-апавед пра гісторыю Заслаўя і Заслаўскага раёна за перыяд з 1920-х па 1959-ы. Такая супраца Запаведніка з архіўнымі ўстановамі яшчэ раз – і ўжо не ўпершыню, – пацвердзіла выдатны вынік сумесных намаганняў у вяртанні да мінулага і практык апаведу пра яго.

1. Выстава “Аўта/Партрэт Рэканструктара” [Электронны рэсурс] / Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Рэжым доступу: <http://bdamlm.by/news/vystava-autapartret-rekanstruktara>. – Дата доступу: 05.09.2022.
2. Мультымедыя-гід па экспазіцыйна-выставачным праекце “Аўта/Партрэт Рэканструктара” [Электронны рэсурс] / Гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе». – Рэжым доступу: <http://zaslaue.museum.by/be/node/63810>. – Дата доступу: 02.09.2022.
3. Сямашка, К. Фотагляды і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст. Пасляслоўе [Электронны рэсурс] / К. Сямашка // Заслаўскія зборы. – 2023. – № 33. – С. 14–20. – Рэжым доступу: http://zaslaue.museum.by/files/zaslauskiya_zbory_no33_studzen_2023_g_0.pdf. – Дата доступу: 31.01.2023.
4. Сямашка, К. “Фотагляды і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст.”. Разглядаем дэталі... [Электронны рэсурс] / К. Сямашка // Заслаўскія зборы. – 2022. – № 31. – С. 1–4. – Рэжым доступу: http://zaslaue.museum.by/files/31_listapad_2022_zaslauskiya_zbory.pdf. – Дата доступу: 31.11.2022.
5. Тарас, А. Яўген Кулік: рыцар сваёй Айчыны / А. Тарас. – Рыга : Інстытут беларускай гісторыі і культуры, 2018. – 63 с.
6. Фотадакументальны праект “Фотагляды і нарысы Заслаўскіх абшараў. XX ст.” [Электронны рэсурс] / Гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе». – Рэжым доступу: <http://zaslaue.museum.by/be/node/64709>. – Дата доступу: 21.10.2022.
7. Экспазіцыйна-выставачны праект “Аўта/Партрэт Рэканструктара” [Электронны рэсурс] / Гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе». – Рэжым доступу: <http://zaslaue.museum.by/be/node/63576>. – Дата доступу: 25.08.2022.

Биленко Н.А.

ИСТОЧНИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ БАЗА ДАННЫХ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА»: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обращение к региональным и локальным сюжетам прошлого является одной из характерных черт современной исторической науки. В настоящее время историки не просто иллюстрируют локальными сюжетами какие-либо макроисторические процессы, но стараются зафиксировать и изучить преломления этих самых процессов в региональном и локальном масштабе, рассмотреть множество вариантов их проявлений в различных регионах и местностях со своими культурными и социально-экономическими особенностями.

Одним из направлений в российской исторической науке, которое в последние два десятилетия активно переориентируется в русло региональной истории, является история предпринимательства. Специалисты все чаще обращаются к изучению масштабов, форм, региональных традиций предпринимательства, социальной принадлежности и мобильности предпринимателей в городах и сельских местностях Российской империи эпохи модернизации второй половины XIX века. Несомненно, для изучения всех этих аспектов требуется репрезентативная источниковая база, а также механизм обработки большого объема исторических данных (учитывая большую численность предпринимателей).

Региональные архивы, чьи материалы наиболее подходят к использованию историками в рамках регионального подхода, содержат большой пласт самой разнообразной документации для изучения истории предпринимательства: материалы церковного, административного и фискального учета, статистику, делопроизводственные материалы государственных учреждений и органов городского самоуправления, судебно-следственные дела и даже личные фонды [1]. Однако стремление историков к сплошному «наблюдению» за эволюцией и развитием слоя предпринимателей, отличающегося значительной численностью, требует анализа документов иного характера – массовых исторических источников.

Наиболее оптимальным инструментом для изучения феномена предпринимательства в Российской империи второй половины XIX в. представляются базы данных, аккумулирующие и позволяющие обрабатывать большие массивы информации. Следует отметить, что использование данного механизма не является новшеством для исторической науки. Так, уже к 2004 г. российскими историками было создано 124 просопографические базы данных [23, с. 2]. В настоящее время их число превышает 1000. Во многих странах историки активно обращаются к подобным инструментам [4; 22]. Традиционно ученые используют как минимум три подхода к формированию баз данных: источник-ориентированный, проблемно-ориентированный и методо-ориентированный. Однако последние два подхода имеют некоторые ограничения в использовании данных и критикуются специалистами. Например, проблемно-ориентированный подход применим для баз данных, создаваемых для решения конкретной задачи и используемых, по-сути, в каком-либо одном исследовании. Источник-ориентированные же базы данных ориентированы на первичные массовые исторические источники, в них возможно включить практически весь массив сохранившихся документов, они являются универсальными, т.е. подходят для использования во многих исследованиях по различным тематикам [23, с. 3]. Кроме того, формирование и использование подобных баз данных менее проблемно с точки зрения теории источниковедения, обоснованно рассматривающей базы данных в качестве субисточников, которые зачастую нарушают утвердившиеся археографические правила технотронных публикации исторических источников.

Основу базы данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX века» составила массовая фискально-административная документация – «Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений», ежегодно составляемые чиновниками особых поручений Казенных палат по результатам проведенных генеральных проверок торговли и промыслов при участии торговых депутатов г. Тулы [2] Привлекались источники, созданные в 1864, 1876, 1880, 1884, 1888, 1892 гг. [5, л. 2–376; 6, л. 9–17, 24–39; 7, л. 4–179; 8, л. 37–73, 78–87, 90–116, 162–174; 9, л. 10–263; 10, л. 7–133; 11, л. 6–142; 12, л. 5–59; 13, л. 2–49, 54–111; 14, л. 2–45, 56–100; 15, л. 2–43, 52–78; 16, л. 2–5, 7–130, 137–175; 17, л. 4–89.; 18, л. 2–69; 19, л. 19–113; 20, л. 2–106; 21, л. 1–57]. Их выбор обусловлен наибольшей степенью сохранности комплекса архивных документов, а шаг в четыре года определяет возможность установить динамику и выявить тенденции развития торгового, промышленного предпринимательства или предпринимательства в сфере услуг в губернском центре и прилегающих к нему местностях.

Данные массовые исторические источники содержат сведения о формах и размерах торговых или промышленных заведений, их собственниках, лицах, непосредственно осуществлявших управление предприятиями, документах, на основании которых осуществлялся торг или промысел,

масштабности торговли, ассортименте реализуемых товаров или производимых продуктов. Однако, следует отметить, что в источниках нашли отражение т.н. цензовые предприятия – те, что требовали оформления административно-фискальной документации. Тем не менее, сведения Журналов достаточны, чтобы внешне охарактеризовать большинство частных предприятий, что недостижимо при анализе обезличенных статистических сведений и обобщенной аналитической информации, содержащихся, к примеру, в отчетах губернаторов, Обзорах губерний или Памятных книжках.

Характеристика программного обеспечения базы данных. Источнико-ориентированная база данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX века» создана с использованием средства управления базами данных (СУБД) Microsoft Access 2007, которое входит во многие базовые пакеты программного обеспечения большинства персональных компьютеров. Это позволяет широкому кругу историков и обучающихся воспользоваться автоматизированной обработкой сведений массовых исторических источников. Общий объем базы данных – около 10 мегабайт.

Структура базы данных и характеристика файлов. База данных включает в себя шесть отдельных файлов – таблиц, каждая из которых соответствует году, в котором проводилась генеральная поверка торговли и промышленных заведений Тулы и Тульского уезда, а именно 1864 г., 1876 г., 1880 г., 1884 г., 1888 г., 1892 г. Таблицы, соответствующие 1864, 1876, 1880, 1884 гг. содержат по 17 полей. Каждое поле (столбец) содержит унифицированную информацию, полученную в результате применения метода формализации исторической информации. Так, таблицы содержат поля, обладающие следующими значениями: номер п/п; местность (Тула / Тульский уезд); сфера деятельности (торговля / промышленность / услуги); фамилия, имя, отчество собственника торгово-промышленных заведений; пол (мужской / женский); социальный статус (дворянин / купец 1 гильдии / купец 2 гильдии / мещанин / крестьянин / цеховой ремесленник / солдат / офицер / и иные социальные слои, которые могут встречаться в исключительных случаях в исторических источниках); тип заведения (рундук / лавка / палатка / магазин / склад / мастерская / кузница / пекарня / буфет / и т.д. по текстам источников); время регистрации заведения (в формате ДД.ММ.ГГГГ); тип свидетельства, на основе которого производится торг (бесплатное / купеческое 1 гильдии / купеческое 2 гильдии / на мелочный торг / на развозный торг / промысловое 1, 2, 3, 4 разрядов); характер реализуемых товаров (продовольственные / непродовольственные / смешанный набор); масштаб торговли (мелочная / розничная / оптовая); доход в пользу города (сумма в рублях); торговые служащие (указывается, кто именно стоял у прилавка – собственник / приказчик / родственник); рабочие (количество работников предприятия); районы сбыта товаров (указываются конкретные населенные пункты и уезды, либо конкретные социальные слои, если данная информация присутствует в историческом источнике).

В файлах-таблицах, которые соответствуют 1888 и 1892 гг. добавлены еще 3 поля, что обусловлено спецификой исторических источников: годовой оборот (в рублях); годовая прибыль (в рублях); районы происхождения товаров (указывается конкретный населенный пункт или местность, в редких случаях – конкретные поставщики).

Возможности использования базы данных в исторических исследованиях. Информационная насыщенность «Журналов генеральных поверок торговли и промышленных заведений» открывает перед историками широкие возможности изучения целого спектра проблем социально-экономической истории Российской империи: позволяет выявить и установить эволюцию социального состава предпринимателей в определенной локации; охарактеризовать формы, масштабы, сферы предпринимательской деятельности жителей города и сельской местности; выявить модели управления торгово-промышленными заведениями. В свою очередь, база данных «Предприниматели Тулы и Тульского уезда второй половины XIX в.» позволяет выявить практически незаметные процессы, к примеру, выявить зависимость сфер деятельности наиболее предприимчивых людей от их социального статуса или зависимость формата и масштабов предпринимательской деятельности от половой принадлежности. Сведения, внесенные в базу данных, могут быть положены в основу историко-географического анализа социально-экономических процессов в отдельном регионе на основе метода картографирования. Разработка аналогичных баз данных на основе указанных источников, несомненно, позволит сделать реальным проведение историко-компаративных исследований с высокой степенью детализации региональных особенностей макроисторических процессов в сфере социально-экономических отношений в России второй половины XIX в.

1. Акользина, М. К. Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов (по материалам Государственного архива Тамбовской области) / М. К. Акользина // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2022. – Вып. 4 (12). – С. 23–31.
2. Биленко, Н. А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века / Н. А. Биленко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 4–9.

3. Гарскова, И. М. Источниковедческие проблемы исторической информатики / И. М. Гарскова // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 151–161.
4. Горбачев, О. В. Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований: проект EHPS-NET / О. В. Горбачев // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2014. – № 2-3 (8-9). – С. 4–9.
5. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). – Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18137.
6. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18686.
7. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18687.
8. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18688.
9. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19330.
10. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19331.
11. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19332.
12. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19333.
13. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20323.
14. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20315.
15. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 30319.
16. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20325.
17. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21811.
18. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21812.
19. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21813.
20. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21814.
21. ГУ ГАТО. – Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21815.
22. Паврозник, Н. Г. Создание современных историко-ориентированных информационных систем в США / Н. Г. Паврозник // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 3 (26). – С. 67–75.
23. Мазур, Л. Н. От персональных документов к коллективным биографиям: просопографическая база данных по материалам все-русской партийной переписи 1922 г. / Л. Н. Мазур // Научный вестник Крыма. – 2016. – № 4 (4). – С. 1–12.

Абдурахманов А.О.
ТЕРМЕЗСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Узбекистан является страной с богатым культурным наследием. Музеи страны служат гарантом сохранности и предоставления его для всеобщего обозрения. Среди них Термезский археологический музей, который представляет собой особую страницу в культуре Узбекистана, качественно новый этап ее развития. Термезский археологический музей, построенный и открытый 2 апреля 2002 года к празднованию 2500-летия города Термеза, является единственным специализированным музеем в Центральной Азии.

Южный регион Узбекистана, Сурхандарьинская область, является средоточием многочисленных археологических памятников, число которых приближается к 800. Собранные находки хранятся в Термезском археологическом музее, который стал признанным центром международного сотрудничества в области археологических исследований, осуществляя совместные проекты со специалистами из Японии, Франции, Германии, России, Чехии, Южной Кореи, Китая и Испании. Благодаря эффективности научно-исследовательских работ, осуществляемых на территории Сурхандарьи различными экспедициями со времен образования музея его фонд обогатился более чем в десять раз. Сегодня в Термезском археологическом музее бережно хранятся более 100 тысяч предметов старины, имеющих не только национальное, но и международное значение. В их числе находятся 624 уникальные музейные реликвии мирового значения. В музее также имеется научная библиотека с современным читальным залом, насчитывающая свыше 17 тысяч томов ценнейших книг по археологии и истории, а также конференц-зал. Кроме того, здесь имеются и специально оборудованные залы для показа драгоценных металлов и камней. Ежегодно демонстрационные залы музея посещают в среднем около 100 тысяч человек.

Научно-исследовательская деятельность музея осуществляется в рамках отделов: эпохи камня и бронзы, эпохи эллинизма и Древней Бактрии, Кушанской культуры Северной Бактрии, раннесредневекового Северного Тохаристана, развитого средневековья, эпохи ханств и нумизматики. В музее создана реставрационная мастерская, работниками которой используется современные реставрационные технологии.

Традиционным стало проведение в стенах этого очага просвещения и различных семинаров, научных конференций, форумов, встреч с деятелями культуры и искусства. Для многочисленных гостей города, иностранных туристов и учащейся молодежи в экспозиционных залах музея проводятся тематические выставки по результатам археологических исследований, проведенных в регионе. Регулярно здесь проходят и персональные художественные выставки местных авторов, посвященные различным историческим и культурным событиям в жизни страны. По мнению экспертов министерства по делам культуры и спорта Узбекистана, среди 110 музеев страны деятельность Термезского археологического музея наряду с Мемориальным музеем Обсерватории Мирзо Улугбека

(Самарканд), Музеем памяти жертв репрессий (Ташкент), Музеем истории развития науки к 1000-летию Хорезмской Академии Мамуна, Государственным музеем искусств им. Савицкого (Нукус) является показательным примером организации и налаживания музейного дела.

В годы независимости Термез, несмотря на все потрясения и превратности предшествующих исторических периодов, сохранил традиционную значимость и присущие ему функции, приобрел новые, перейдя на более качественную ступень своего развития. Термез становится центром развивающейся промышленности и сельскохозяйственного производства, образования и культуры. Несомненно, что на этом сочетании традиций истории и новых явлений современности зиждется не только его значимость, но и славное будущее. Сегодня образ города связан с единственным в Центральной Азии археологическим музеем, транспортными коммуникациями и многими другими составляющими. Негативные впечатления от города имеют преимущественно бытовой характер и связаны со слабо развитой инфраструктурой и сферой услуг в городе. Строятся различные объекты, некоторые из них, например, новое здание университета, реставрируемые сохранившиеся исторические памятники представляет большой интерес.

Символом толерантности и межкультурного взаимодействия является буддийский памятник Фаяз-тепа, полностью восстановленный после масштабных реставрационных работ. Каждая эпоха оставила не только памятники, которые являются знаковыми символами городской культуры, но и свое отношение к этим памятникам. Сегодня вопросы сохранения памятников, возрождение исторических ценностей подняты на уровень приоритетных направлений государственной политики. Это открывает широкие перспективы для Термеза в области развития туризма, который, наряду с исторически присущими коммуникационными преимуществами, может стать основным фактором развития города.

Проводимые масштабные работы по охране и сохранению исторических памятников региона, охватывают главным образом архитектурные памятники. Сохранение археологических памятников региона остается острой проблемой. Для его решения музей использует новые формы работ по охране и сохранению археологических памятников с привлечением местного сообщества. Для этого используется потенциал местного органа самоуправления – *махаллы*. В Республике Узбекистан проводится целенаправленная политика в целях повышения роли и статуса махаллы – уникального общественного института с многовековой историей и важнейшего звена в системе современных органов самоуправления граждан. До сих пор не были использованы потенциал института самоуправления в деле охраны и пропаганды культурных памятников. На территории махалл, где находятся археологические памятники, местное сообщество, заинтересованно в территориальных ресурсах региона. Как правило, местное сообщество рассматривается службами охраны памятников как источник воздействия, главным образом негативного, на культурные объекты в границах охраняемой территории. Действительно, если говорить об историко-культурных ценностях, обычными стали ситуации, когда памятник, чаще всего полуразрушенный, разбирается местными жителями на кирпичи, когда объект превращается в свалку мусора, когда уничтожаются под застройкой или распахиваются археологические памятники. Однако надо понимать, что все это – отражение господствовавшей системы ценностей в общественном сознании. На повестку дня встала задача изменения ситуации из конфликтной в конструктивную, создания атмосферы взаимной поддержки и сотрудничества. Следует несколько расширить ее рамки, понимая работу с местным населением не только как нейтрализацию возможных негативных влияний, но также как выявление культурного потенциала и поддержание культурной идентичности традиционных местных сообществ. Без установления партнерства и покровительства музея над местными жителями, ни о каком комплексном сохранении историко-культурных богатств региона не может быть и речи, так как историко-культурное наследие создается, поддерживается и воспроизводится людьми. С позиций сохранения историко-культурного наследия в местном сообществе наибольший интерес представляют местная интеллигенция. Преобладающее большинство местных жителей во многих случаях выступает как источник разнообразной информации о культуре своего региона. Среди ее представителей немало собирателей и коллекционеров различных древностей, исторических документов. Местные школы и краеведческие музеи часто служат локальными культурными центрами, через которые осуществляется связь местной интеллигенции с остальным сообществом и внешним миром. Привлечение этих учреждений к программам музея и заинтересованных организаций имеет широкие перспективы. Небольшие частные коллекции этнографических, археологических или художественных предметов, происхождение которых связано с историей края и которые хозяин готов демонстрировать посетителям памятника, также могут служить существенным дополнением к историко-культурному наследию территории и соответствующим просветительским программам.

Работниками археологического музея для осуществления систематического контроля за состоянием и использованием археологических памятников, разработана специальная программа по

привлечения местного сообщества к охране и пропаганде памятников «Махалла & Музей». Для этого в ходе осуществления конкретных проектов создаются в махаллях группы волонтеров, связанных с работниками музея, внедряются новые разработки в практику деятельности местного органа самоуправления.

Специалисты предоставляют информацию о культурной ценности археологических памятников, формируют устойчивые представления о невозможности несанкционированных раскопок и ответственности каждого местного жителя за сохранение культурного наследия. Налаживание взаимодействия ученых-исследователей, представителей местного сообщества и структур самоуправления станут первыми шагами на пути создания эффективного механизма защиты памятников историко-культурного наследия силами общества.

Местное сообщество должно принимать участие в планировании сохранения культурного наследия и туризма. Деятельность, связанная с туризмом и сохранением культурного наследия, должна приносить выгоду сообществу. Условия региона и его окрестностей, породивших данное культурное наследие, являются важным фактором поддержания ценности культурного наследия. Среди местных жителей есть заинтересованные лица, которых необходимо организовать и обучить как волонтеров в деле сохранения культурного наследия. Местные жители не могут стать интерпретаторами культурного наследия без содействия специалистов. С другой стороны, специалистам необходимо знать полную информацию об археологическом объекте.

С осуществлением проектов в рамках программы впервые разрабатывается и устанавливается связь между музеем и *махаллой*, разрабатывается туристический маршрут по знаменитым археологическим памятникам юга Узбекистана.

Один из проектов по осуществлению программы «Махалла & Музей» была посвящена памятнику каменного века Зараутсай. Реализация проекта стала возможной при финансовой поддержке гранта законодательного собрания Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

На склоне горы Кугитанг, являющейся одним из хребтов Южно-Гиссарской гряды, около ста километров севернее Термеза расположена местность, которая называется Зараут. В 2,5 километрах от местности, ниже по речки, в ущелье найдены наскальные рисунки каменного века. Наскальный памятник Зараутсая стал широко известен в научном мире летом 1939 года. Это первая находка наскальных рисунков древности, обнаруженная на территории Центральной Азии. Он выделяется своеобразным сюжетом, неповторимым стилем. Поэтому является достойным особого внимания и признания. Выполненный естественными красками, плод художественного творчества людей каменного века, является уникальным образцом наскальной живописи. Сохранившиеся на протяжении тысячелетий нежные и прелестные рисунки Зараутсая и теперь продолжают очаровывать нас. К сожалению, современное состояние Зараутсая печальное. Неповторимые и бесценные рисунки год за годом исчезают. Уже полвека памятник нуждается в охране и защите. Основная причина постепенных исчезновений бесценных рисунков заключается в бесконтрольном посещении Зараутсая «дикими туристами». После себя они оставляют «автографы», царапая надписи на поверхности свода с древними рисунками.

Разработанный специалистами проект ставил целью создание механизма сотрудничества между музеем и *махаллой*, проведением пропагандистских мероприятий, разработкой проектов вовлечения в дело защиты памятника местного населения кишлаков Худжанко, Гурджак, Кизилолма, Зарабаг и Карабаг, расположенных вблизи Зараутсая в осуществление охраны и поддержании памятника. Большое значения имела определения направлений туризма, связанного с наследием и бизнеса, которые возможно развивать в местном уровне. Индивидуальная и ориентированная на потребности конкретного памятника концепция проекта подходит для того, чтобы помочь участникам проекта получить навыки, а также развить их способность и готовность вести диалог с туристами. Кроме этого, отобранные из числа местных жителей волонтеры познакомились с трудовой и повседневной жизнью археологического музея и в рамках своего пребывания наладили контакты с сотрудниками музея, которые они смогут использовать для будущего сотрудничества после окончания проекта. Таким образом, были налажены и укреплены связи между музеем и местным сообществом, организациями для сотрудничества.

Как показал опыт привлечение местного сообщества в сохранение памятников, создание системы учета, паспортизации и контроля памятников местным сообществом при координации работниками музея дает положительные результаты. С одной стороны, музей стал привлекать местных жителей, с другой обогащать тематические разделы. В ходе проекта были разработаны рекомендации по охране и поддержанию археологических памятников и собраны материалы для путеводителя «Знаменитые археологические памятники Сурхандарьи».

С осуществлением проектов в рамках программы впервые разрабатывается и устанавливается связь между музеем и махаллой, разрабатывается туристический маршрут по знаменитым

археологическим памятникам юга Узбекистана. Налаживание взаимодействия ученых-исследователей, представителей местного сообщества и структур самоуправления станут первыми шагами на пути создания эффективного механизма защиты памятников историко-культурного наследия силами общества.

Таким образом, деятельность Термезского археологического музея способствовала развитию науки, просвещения, искусства, ценностному осмыслению природы и исторического наследия, формированию общекультурной среды. С другой стороны, будучи продуктом своего времени, музей отражает экономические, социальные и политические условия существования общества, которым он был создан.

1. Мирзаев, Дж.З. Музей и местное сообщество: новые формы сотрудничества / Дж. З. Мирзаев // Региональный Центр-Азиатский Фестиваль «Открытая Азия – Открытый Музей» (III-IV) : сборник докладов. – Караганда: TENGRii Ltd, 2015. – С. 139–145.

Прохоров Д.А. МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение прошлого крымских караимов в XIX – начале XX в. нашло отражение в научных трудах представителей российской и зарубежной академической науки. В этот период научные общества проводили этнографические экспедиции общероссийского и регионального масштаба. Подвижники национально-культурного движения в рамках деятельности научно-краеведческих объединений и организаций осуществляли работу по формированию музейных коллекций по истории, религии, культуре, быту и традициям караимов. В печати появлялись материалы, в которых освещались актуальные темы, связанные с процессами законодательного оформления статуса российских «инородцев», проблемами их интеграции в российский социум, а также обсуждались дискуссионные вопросы прошлого старожиловских народов Крыма. Внимание к истории и культуре крымских караимов обуславливалось запросом высшей администрации и интересом со стороны научной общественности на фоне действовавшего в стране антиеврейского законодательства, причем караимам, в отличие от евреев-ашкеназов и крымчаков, были предоставлены различные экономические и правовые льготы и преференции [5, с. 345–364].

Во время революции 1917 г., Первой мировой войны и Гражданской войны большинство предметов уникальных этнографических коллекций и фонды библиотек были распроданы или утрачены. Подъем национально-культурного движения в середине 1920–1930-е гг. возродил интерес к караимской истории и культуре: создавались музейные экспозиции, многочисленные кружки по изучению прошлого народов Крыма, национальные библиотеки и клубы, театры и пр. Популярностью пользовались лекции и доклады для населения в клубах, школах, избах-читальнях, на учительских конференциях.

Например, в феврале 1924 г. караимские активисты зарегистрировали устав «Крымского объединения караимских общин» (КрымОКО), главной целью которого стала культурно-просветительская работа. Члены объединения предлагали направить силы на возрождение караимской культуры, на воспитание у молодежи интереса к истории, призывали к сохранению памятников караимской старины – как архитектурных, так и археографических. Основным руководящим органом организации стал съезд его представителей. В начале июня 1924 г. в Симферополе состоялся Первый (Учредительный) съезд этой общественной организации. Первая Всесоюзная конференция караимских обществ была проведена в ноябре 1924 г., а в марте 1926 г. состоялся Второй съезд КрымОКО.

Основными задачами, закрепленными в виде постановлений съездов, стала активизация культурно-просветительской работы среди караимского населения полуострова. В частности, от КрымОКО в научный совет Крымнаркомпроса и Крымсовнацмена был делегирован свой представитель; создана научно-методическая комиссия, целью которой было составление доклада об истории и культуре караимов [7, с. 50–61]. Эти мероприятия были направлены на достижение главной цели – сохранение крымскими караимами национальной самобытности в условиях тоталитарной политики советского государства.

Важную роль в собирании предметов караимской истории, этнографии и культуры в этот период играли музеи. Например, одним из основных направлений работы Евпаторийского краеведческого музея, открытого в феврале 1921 г., стало создание караимской этнографической коллекции. В числе действовавших экспозиций Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае была «Караимская комната», основу которой составили предметы быта караимов. В 1923 г. этнографический отдел появился и при Центральном музее Тавриды, который организовал экспедиции по изучению быта и культуры национальных районов: крымско-татарских, болгарских, греческих колхозов, еврейских (в том числе, крымчакских) промыслов, фольклора. Свой вклад в изучение прошлого

крымских караимов, их культурного наследия внесли известные отечественные востоковеды: В.И. Филоненко, А.Н. Самойлович, В.А. Гордлевский, А.Е. Крымский, И.Ю. Крачковский, М.Н. Соколов и др.

Важную роль в изучении пришлого крымских караимов сыграла П.Я. Чепурина, которая в 1920-х гг. была директором Евпаторийского археолого-этнографического музея и состояла членом Евпаторийского отделения Российского общества по изучению Крыма (РОПИК). В 1923 г. на географическом отделении Первого Московского государственного университета она выступила с сообщением «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины», а в 1925 г. – на заседании Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) с докладом «Этнография и историко-художественные материалы Крыма» [1, с. 145]. Для популяризации истории старожильческих народов Крыма ею были разработаны научно-популярные лекции: «Евпатория в прошлом: по материалам раскопок 1916–1917 годов» и «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». П.Я. Чепурина также предложила сделать подобные выступления платными, а вырученные средства перечислять в фонд «Ассоциации любителей караимской старины и искусства» [8, с. 200]. В начале 1930-х гг. П.Я. Чепурина организовала выставки «Искусство советского Крыма» и «Татарское и караимское бытовое искусство Крыма», где были широко представлены произведения караимского искусства и предметы быта [1, с. 152–153]. Нужно отметить, что краевед активно выступала за сохранение и приумножение караимской этнографической коллекции в Евпаторийском музее, указывая на то, что данное собрание является достоянием караимской истории, и ходатайствовала перед Академией Наук СССР об оставлении в «полной неприкосновенности караимских материалов» [1, с. 149]. Совместно с Б.С. Ельшевичем, П.Я. Чепурина занималась каталогизацией и систематизацией коллекции рукописей и книг, составлявших караимскую библиотеку «Карай Битиклиги» [1, с. 159–162; 3, с. 125–135].

Что касается Дашковского музея, где также хранились предметы караимской истории и быта, то в 1924 г. он был преобразован в Государственный Центральный музей народоведения (позднее – Музей народов СССР). После закрытия музея в 1948 г. его этнографические коллекции были переданы в Государственный музей этнографии народов СССР (ныне – Российский этнографический музей), где они хранятся и сегодня.

В контексте современных исследований одним из важных направлений в изучении прошлого старожильческих народов Крыма является изучение и научная систематизация коллекций, хранящихся как в музеях Республики Крым, так и в фондах ряда музеев Российской Федерации. Например, в фондах Крымского этнографического музея (ГБУ РК «КЭМ», г. Симферополь) собрано более 100 уникальных предметов, связанных с историей и культурой караимов. В коллекции Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (ГБУ РК «БИКАМЗ», г. Бахчисарай) имеются ценные артефакты, относящиеся к прошлому караимских общин Чуфут-Кале и Бахчисарая. Коллекция из фондов Центрального музея Тавриды (ГБУ РК «ЦМТ», г. Симферополь) насчитывает несколько десятков экспонатов, имеющих непосредственное отношение к истории караимов Крыма. Среди предметов перечисленных коллекций – манускрипты, старопечатные книги, элементы убранства караимских кенас, предметы религиозного культа, ювелирные и бытовые изделия, редкие фотографии XIX–XX вв. и различные документы [6, с. 126–299].

Коллекции по истории и культуре караимов хранятся в Феодосийском музее древностей (МБУК «ФМД», г. Феодосия) и Евпаторийском краеведческом музее (МБУК «ЕКМ», г. Евпатория). Основой фондов Музея истории и этнографии крымских караимов им. С.И. Кушуль в Евпатории, действующего в комплексе караимских кенас, является коллекция предметов материальной и духовной культуры крымских караимов, собиравшаяся в течение нескольких десятилетий караимскими общественными деятелями Б.Я. Кокенаем и С.И. Кушуль. В экспозициях музея представлены разнообразные предметы истории и быта караимов: одежда, посуда, мебель, элементы облачения караимских священнослужителей, утварь и детали убранства кенас, а также уникальные документы и фотографии.

Что касается музеев за пределами Республики Крым, в которых собраны предметы, связанные с историей, культурой и бытом караимов, то следует указать на музейную коллекцию Государственного музея истории религии (ФГБУК «ГМИР») в Санкт-Петербурге. Ряд ценных артефактов хранится в коллекции Государственного исторического музея (ФГБУК «ГИМ», г. Москва). Ряд экспонатов содержится и в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева (ФГБУК «ГНИМА им. А.В. Щусева», г. Москва). В указанных коллекциях представлены, в основном, дореволюционные фотографии и снимки 1920–1930-х гг. с изображениями объектов культовой архитектуры караимов (кенас), традиционных жилых построек, фотопортреты видных караимских религиозных деятелей и ученых, а также другие предметы.

В коллекции Российского этнографического музея (ФГБУК «РЭМ», г. Санкт-Петербург) имеется ряд артефактов (одежда, обувь, предметы быта и т.п.), относящихся к истории и культуре иудейских общин Крыма. В частности, караимская часть коллекции насчитывает около 50 предметов и 5 фотографий, а собрание предметов по истории и культуре евреев – до 100 экспонатов [2, с. 10,

35]. Всего же собрание РЭМ по этнографии народов Кавказа и Крыма содержит свыше 24 600 наименований (по состоянию на начало 2022 г.). В числе предметов из коллекций Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства (ФГБУК «ВМДПНИ», г. Москва) и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ФГБУК «ГМИИ им. А.С. Пушкина», г. Москва) также есть фотографические материалы по истории и культуре караимов.

Музейная экспозиция Караимского этнографического музея, действующего в Тракае (Литва), состоит из более чем 300 предметов (большую часть музейной экспозиции составляет личная коллекция основателя музея С.М. Шапшала). Среди экспонатов: коллекция восточного оружия, караимский брачный договор *шетар*, фотографии, изделия ручной работы, одежда, кухонная утварь и прочие бытовые принадлежности.

Особую значимость в контексте изучения истории караимов приобретают находки, полученные в результате археологических и эпиграфических исследований ряда средневековых центров Крыма – Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Солхата (г. Старый Крым). С их помощью появляется возможность существенно уточнить даты появления караимских общин в Крыму. Это не только вносит коррективы в уже имеющуюся базу данных, но и позволяет не допустить фальсификаций вокруг такой сложной академической проблемы, как история караимов Крыма.

1. Мусаева, У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : Историографические очерки / У. К. Мусаева ; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – 214 с.
2. Народы Крыма: выставка из собрания Российского этнографического музея / Министерство культуры Российской Федерации [и др.] ; науч. ред. В. М. Грусман; фотограф О. Ф. Ганичева. – СПб. : Славия, 2014. – 35, [1] с.
3. Непомнящий, А. А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги : история утраченной коллекции / А. А. Непомнящий // Библиография и книговедение. – 2020. – № 5. – С. 125–135.
4. Прохоров, Д. А. Караимские общины Крыма в 1920–1930-х годах. К вопросу о развитии караимского народного образования в условиях национально-культурного строительства в Крымской АССР / Д. А. Прохоров // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 17. – С. 182–198.
5. Прохоров, Д. А. Документы по истории взаимоотношений между представителями караимских и еврейских общин Таврической губернии в XIX – начале XX веков Государственном архиве при СМ в АР Крым (гражданско-правовой аспект) / Д. А. Прохоров // Проблемы еврейской истории : Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. – М. : Книжники, 2009. – Ч. II. – С. 345–364.
6. Прохоров, Д. А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов / Д. А. Прохоров ; КФУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Бизнес-информ, 2016. – 320 с.
7. Съезды и конференции: II Всекрымский съезд // Бизим Йол (Наш путь). – Симферополь, 1927. – С. 50–61.
8. Чепурина, П. Я. Евпаторийский музей / П. Я. Чепурина // Крым. – М., 1926. – № 2. – С. 200.

Назарова И.М.

ТРАДИЦИОННЫЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ В СОБРАНИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Одежда народов Северного Кавказа складывалась веками. Она является овещением народного опыта, эстетических идеалов и представляет ценное культурное наследие. В северокавказской одежде в высшей степени соблюдается принцип единого ансамбля. Изучение традиционной народной одежды в разные периоды истории позволяет проследить развитие культурных и бытовых, социально-экономических и политических процессов на каждом этапе истории этих народов.

Кавказ – одна из областей мира, где народный костюм отличается исключительным разнообразием, красочностью, обилием украшений. Традиционный костюм передается из поколения в поколение. Его отделка, покрой и украшения говорят о принадлежности человека к определенному народу. Эти особенности одежды подчеркивают социальное и семейное положение человека, его образ жизни и род занятий и т.д.

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ) за долгие годы формирования фондов сложилась замечательная коллекция одежды народов Северного Кавказа. В составе коллекции есть предметы женского костюма – подлинные исторические источники XIX – начала XX вв. Анализируя эти музейные экспонаты, мы можем увидеть традиционные черты северокавказской женской одежды, а также, можем проследить эволюцию одежды горянок, которая происходила на рубеже XIX–XX вв.

Предметный ряд – костюм кабардинки и абазинки – дополняют исторические фотографии XIX – начала XX вв., которые дают возможность уточнить некоторые детали кроя одежды и её составных частей.

Женский костюм горянки многослойный. Он состоит из верхней и нижней одежды. Натальная – это рубаха, штаны и корсет. У ряда народов региона женская рубаха одновременно играла и роль летнего платья. Поэтому зачастую рубахи-платья шили из ярко окрашенной ткани. Покрой рубахи был туникообразным, длина ее варьировалась.

У адыгских народов рубаха служила в основном нижней одеждой, поверх которой надевалось распашное платье и кафтанчик. Так как рубаха была видна из-под верхней одежды, горянки старались подбирать ткань для рубах поярче, под цвет верхнего платья. Адыгские женщины носили длинные широкие штаны, собранные у щиколотки, они иногда были видны из-под верхней одежды во время ходьбы. Шили штаны из холста или шелка красного, белого или синего цвета. Верхнюю часть штанов, у талии, где в кулиску вдевался шнур, шили из более прочной ткани.

Своеобразным видом нательной одежды северокавказских горянок высших сословий были девичьи корсеты. В XVIII–XIX вв. они бытовали главным образом у адыгских народов, а в более раннее время – у балкарцев и карачаевцев. Упоминания о ношении корсетов имеются почти у всех авторов XVIII–XIX вв. Большинство свидетельств указывает, что корсет надевали на девочек 8–9 лет и они носили его до замужества.

В известной степени близкую корсету функцию выполнял еще один вид женской плечевой одежды – кафтанчик, претерпевший в дальнейшем (во 2-й половине XIX – начале XX в.) определенную эволюцию. Кафтанчик шили строго по фигуре, он был приталенный, с длинным рукавом и воротником-стойка. Полы кафтанчика кроили встык и застегивали на ряд крючков, закрепленных на серебряных пластинах. Пластины с крючками были одновременно и утилитарны, и декоративны. Если поверх кафтанчика был надет пояс, наряд девушки считался полностью завершенным. Комплект из рубахи и кафтанчика с поясом считался приемлемой формой летней одежды горянки.

Со временем кафтанчик видоизменился и превратился в нагрудник (типа манишки, которую надевали под платье). Как предполагают исследователи, такая эволюция произошла под влиянием городской моды. Горянки знатного происхождения перестали появляться на людях в кафтанчике, основным видом одежды во все сезоны года стало платье, и необходимость ношения кафтанчика как бы отпала сама собой. Но, покрой горского платья предполагал довольно глубокий V-образный вырез, из-под которого (без кафтанчика) была бы видна нательная рубаха, поэтому и появился нагрудник. На нагрудник «перекочевали» все нарядные детали с кафтанчика: крючки-застёжки и декоративные серебряные пластины-нашивки. Такие нагрудники входят в состав комплектов женской одежды (кабардинской и абазинской), которые экспонируются в зале этнографии СГМЗ [1].

Поверх кафтанчика женщины надевали распашное платье. Серебряный пояс в таком случае застегивали поверх платья. Тип платья у адыгов оказался весьма устойчивым и сохранился до конца XIX – начала XX в. Богатые женщины шили платья из бархата или плотных шелковых тканей. Ткань была нарядная, но однотонная. Платье из тафты бордового цвета экспонируется в зале этнографии СГМЗ [2].

Платье приталенное, с глубоким V-образным вырезом на груди, подол и края рукавов украшены тесьмой и вышивкой. В разрезе платья видны металлические застёжки кафтанчика или нагрудника и подол рубахи. В праздничные дни к рукаву платья подшивали деталь, которая закрывала кисть руки – своеобразные овальной формы лопасти, вышитые золотыми или серебряными нитями. Они подчеркивали торжественность момента. По окончании праздника, лопасть отсоединяли от платья и прятали в сундук вместе с парадной рубахой.

В конце XIX в. начинают появляться закрытые платья с воротником-стойка, развившиеся из распашного платья или просто позаимствованные из городской модной одежды. Под эти платья не требовалось надевать нагрудник и рубаху яркого цвета. С этого времени нижнюю одежду горянок стали шить из белой ткани и отделывать белым кружевом. На рубеже XIX–XX вв. горянки Северного Кавказа, особенно те, кто проживал в городах, начинают носить блузы светлого цвета с воротником-стойка и темного цвета юбки, туго стягивавшиеся на талии широким кожаным поясом. На груди блузу украшали мелкими застроченными складочками, рюшами и вышивкой тон в тон; длинные широкие рукава собирали на широкий манжет.

Женские головные уборы XIX – начала XX вв. были весьма разнообразны. У адыгов было несколько типов головных уборов, различавшихся в зависимости от семейного положения и социального статуса женщины. Девушки носили шапочки, сшитые из ткани красного цвета. Для пошива выбирали ткани типа бархата, атласа или тафты. Шапочку украшали по краю галуном и вышивкой золотыми или серебряными нитями. Шапочки были невысокие или в виде островерхого шлема [3]. На донышке шапочки крепили украшение в виде небольшого металлического стержня с драгоценным камнем или кисточку.

Поверх шапочки девушки накидывали легкую белую шаль. Для шали выбирали легкий шелк. Если ткань была матовая, её могли украсить вышивкой белыми блестящими шелковыми нитями. Орнаменты были цветочные, часто с включением в сюжет изображений бабочек и птиц. Чаще всего горянки вышивали в технике глади.

После выхода замуж молодая женщина надевала платок, так как у северокавказских народов существовало обязательное послесвадебное скрывание волос. У женщин разных народов региона платки крепили на голове различными способами: завязывали узел спереди или сзади; закрепляли концы платка за сложенные жгутом волосы; вообще не завязывали платок, а лишь накидывали его на голову и т.п.

Выходя из дома, женщина помимо платка надевала еще и шаль. В летнее время шали были шелковые или хлопчатобумажные, в зимнее время – шерстяные. Платки и шали обшивали по краю бахромой или украшали длинными кистями. В экспозиции нашего музея взорам посетителей предстают 2 шали: белая и светло-сиреневая. Они декорированы ручной вышивкой и украшены басонным плетением и кистями [4].

Дополнением к женскому костюму были разнообразные украшения. Чаще всего они были серебряные. Наборные пояса украшали драгоценными камнями в глухих оправках и перламутром. Если мастер хотел добавить яркий элемент в свое украшение, он мог наряду с ценными минералами: бирюзой и сердоликом, сделать вставки из цветного стекла. Особенно нарядно, по их мнению, выглядели красные вставки, имитирующие рубин и зеленые – подражание изумруду. Два таких замечательных пояса выставлены в этнографическом зале СГМЗ [5]. Кроме этого, женщины носили браслеты, перстни, серьги.

Золотых украшений женщины Северного Кавказа практически не носили. Все серебряные украшения были местного производства и выполнены, как правило, из местного сырья (залежи свинца и серебра издавна разрабатывались в регионе). Особенно славились черкесские и кубачинские золотокузнецы, которые умели выполнять самые разнообразные рисунки, используя технику черни, зерни, скани, филиграни, гравировки и инкрустации. Северокавказские украшения славились не только в регионе, но и за его пределами: в Грузии, Армении, Турции и Персии.

Женская обувь имела много общих черт с мужской. На иллюстрациях и в описаниях, касающихся костюма адыгских женщин, мы встречаемся с невысокими сапожками и чувяками – мягкой обувью, сшитой из одного куска кожи. Для пошива обуви в семьях разного достатка использовали кожу различного качества. Самой дорогой считалась обувь из сафьяна. Сапожки богатых женщин отделывали аппликациями из разноцветной кожи и вышивкой золотыми или серебряными нитями. Женщины простых сословий носили обувь из воловьей кожи, а летом могли ходить босиком.

Судя по рисункам, женщины знатного происхождения поверх чувяк или сапожек носили деревянные ходульки (пхавако), напоминающие маленькие скамеечки на двух ножках, с ремешками для продевания ноги в самом широком месте ступни. Ходульки украшали металлических пластинами, резьбой. На ходульки иногда наносили тамгу – фамильный знак владелицы. Ходульки подчеркивали статус женщины, приподнимая её в глазах окружающих не только морально, но и чисто физически.

Независимо от происхождения, в торжественные дни (свадьба, приезд гостей) любая женщина могла надеть ходульки. Высота ходулек варьировалась от 12 до 15 см, поэтому в этой обуви можно было передвигаться только мелкими плавными шагами (что обусловило движения танца у горянок). В фондах нашего музея хранятся две пары деревянных ходулек, одна из них декорирована слоновой костью [6].

На протяжении веков костюм горянок Северного Кавказа прошел длительную эволюцию. Изменения, коснувшиеся всех сфер экономики, быта, культуры, отразились и на одежде. Сходство природно-хозяйственных условий, социально-экономического развития и различные виды культурных взаимосвязей обусловили общие черты в одежде разных горских народов нашего региона.

Для верхней женской одежды народов региона характерен довольно сложный покрой, обеспечивающий плотное прилегание в верхней части туловища – от плеч до талии. Верхнюю одежду обязательно дополняли поясом. В костюме народов Северного Кавказа ярче, чем у других, выражались социальные различия, большую роль играла престижность.

В конце XIX – начале XX вв. в одежде народов Северного Кавказа происходят кардинальные изменения, что связано с процессом всеобщей европеизации и русификации быта и культуры. Особенно это коснулось высших слоев горского общества. Дворянки вместо распашных платьев стали носить одежду, принятую в городской моде того времени [7, с. 260–261]. Замужние женщины перестали надевать платки на голову, стали делать пышные прически, и единственным элементом, сохранившимся от архаичного костюма, был широкий пояс с нарядной пряжкой, которым туго затягивали талию.

Одежда – один из важнейших элементов материальной культуры, а ее покрой и декор являются ценнейшим историческим источником, помогающим воссоздавать облик той или иной эпохи. Материальные источники, сохранившиеся в СГМЗ, позволяют историкам-кавказоведам и этнографам уточнять и дополнять имеющиеся в отечественной науке сведения о женском костюме горянок северокавказского региона.

1. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (далее – СГМЗ). – Оф. 2032; 15142 (нагрудники).
2. СГМЗ. – Оф. 2034 (платье).
3. СГМЗ. – Оф. 1984; 2029 (шапочки).
4. СГМЗ. – Оф. 2098; 29165/2 (шали).
5. СГМЗ. – Оф. 27565; 1132/1, 2 (пояса).
6. СГМЗ. – Оф. 1534; 1535 (ходульки).
7. Студенецкая, Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. / Е. Н. Студенецкая. – М., 1989. – 288 с.

Ключарева А.В.
ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНАЯ»)

Коллекция мемориального Дома Л.Н. Толстого насчитывает более 40000 единиц хранения. Официально статус государственного музея дом писателя обрел в 1921 году, однако, объективно можно говорить о до музейном периоде – с 1910 – по 1921 г. – с момента смерти Л.Н. Толстого до официального открытия государственного музея. Этот период в значительной степени связан с деятельностью жены писателя Софьи Андреевны Толстой, которая всегда осознавала необходимость увековечивания памяти своего великого мужа, наследие которого составило значительный пласт мировой культуры.

Значение Ясной Поляны и необходимость ее охраны, а также доступности для всех людей, было осознано сразу после смерти Льва Николаевича, а возможности осуществить эту идею появились после революции 1917 г. уже в 1910 г. Софья Андреевна Толстая начала собирать все газетные публикации, в которых упоминалось имя Льва Николаевича, членов его семьи, произведений, Ясной Поляны и т.д. Она заботливо вырезала интересовавший ее материал и клеивала в огромные альбомы. Таких уникальных единиц хранения в яснополянском доме 4, из них 3 – с газетными публикациями на русском языке и 1 – на иностранных языках. Газетные вырезки расположены в альбомах в хронологическом порядке, начинаются с заметок 1911 г., посвященных празднованию первого дня памяти Л. Н. Толстого 7 ноября 1911 года.

Целью данной статьи является анализ газетных вырезок из альбомов С.А. Толстой в качестве исторического источника и музейного предмета.

Работа с данным видом источника предполагает определенную специфику и особенности: во-первых, перед читателем представлена не целая газета, а лишь ее фрагмент, представляющий собой конкретную публикацию; во-вторых, необходимо учитывать субъективный фактор, которым руководствовался составитель альбома с публикациями, в нашем случае, это Софья Андреевна Толстая. В-третьих, не следует забывать, что альбом с газетными вырезками представляет собой музейный предмет, неделимую единицу хранения, следовательно, при работе с ним необходимо учитывать требования сохранности, температурно-влажностного режима, предъявляемые хранителем и музейной документацией. Некоторые газетные заметки сложно атрибутировать, так как не все вырезки содержат выходные данные, в некоторых случаях они утрачены, многие публикации подписаны рукой Софьи Андреевны, таким образом данные музейные предметы имеют автографы, что еще более увеличивает ценность экспонатов.

В целом, газета как исторический источник неоднозначно оценивается исследователями. По мнению А.И. Сапожникова, «газета предназначена для оперативного информирования читателя о текущих событиях, поэтому многие считают, что спустя несколько дней она устаревает. Однако в последующие годы газета также остается востребованной читателями, спрос на нее существенно снижается, но остается стабильным. С течением времени она превращается из средства оперативной информации в ценный исторический источник» [7, с. 53]. Несомненным достоинством прессы как исторического источника является его оперативность, многоплановость, ей присуща сложная структура и разноплановость жанров. Недостатком же газетных публикаций может быть их субъективность, а также часто газеты и журналы становились мощным средством идеологического воздействия.

Основным принципом формирования альбомов для С.А. Толстой была связь с личностью Л.Н. Толстого, при этом они в полной мере могут рассматриваться как исторические источники по реконструкции общественно-политической жизни России 1911–1916 годов. Масштаб личности Льва Толстого был настолько значителен, что вызывал интерес, полемику, любопытство у всех представителей российского общества, поэтому круг проблем и вопросов, которые затрагивали собираемые С.А. материалы, очень широк.

В альбомах представлены публикации, которые можно отнести к различным жанрам – информативные, аналитические, художественно-публицистические.

К информативным можно отнести хронику событий, связанных с разными темами, интересовавшими жену Толстого – как праздновались дни памяти Льва Николаевича, какие мероприятия в связи с этим проводились в образовательных учреждениях, различных обществах, музеях, какие посетители приходили в Ясную Поляну; хронику театральных постановок по произведениям Толстого; обсуждение проблемы покупки Ясной Поляны государством в Государственной Думе; вопросы об установлении памятников Л.Н. Толстому в разных городах; разного рода судебные разбирательства, связанные с публикацией и распространением запрещенных произведений Толстого, деятельностью толстовцев и др.

Среди аналитических статей можно выделить публикации ярких представителей российской литературы (В. Короленко), философов (С.Н. Булгаков, В. В. Розанов), художников (А. Бенуа,

И.Е. Репин), в которых предпринимались попытки анализа разных аспектов религиозного и философского учения Л.Н. Толстого.

Художественные публикации составили посмертные публикации произведений писателя, воспоминания близких (И.Л. Толстой, Л.Л. Толстой, С.А. Толстая, Т.Л. Толстая), очерки о членах семьи (сестра М.Н. Толстая).

Среди различных тем и событий, нашедших отражение в альбомах С.А. хотелось бы более подробно рассмотреть газетные вырезки за 1914 год, связанные с началом Первой мировой войны. В комплексе источников о событиях Первой мировой войны материалы периодической печати составляют важнейшую группу. В мемориальном и немемориальном фондах музея имеются различные материалы о событиях Первой мировой войны, непосредственно связанные с жизнью членов семьи Л.Н. Толстого – документы, фотографии, нумизматика. Газетные вырезки, отобранные Софьей Андреевной Толстой могут дополнить источники, связанные с войной.

Участниками военных событий были многие представители семьи Льва Николаевича Толстого – дети: Александра, Михаил, Андрей и Илья; внуки – Андрей Ильич, Михаил Ильич; на войне оказались и другие родственники писателя.

Уже через несколько дней после объявления войны многие члены большой толстовской семьи отправились на театр военных действий. Татьяна Львовна Толстая 28 июля 1914 г. отметила в Дневнике: «...Саша уехала в Москву на 3-недельный курс сестер милосердия, а оттуда на войну...» [9, с. 155].

Об этом событии сообщает первая газетная вырезка военного периода, наклеенная С.А. в альбом. «Графиня Александра Львовна Толстая записалась в сестры милосердия и отправляется на театр военных действий» [4]. Оставаться сторонним наблюдателем драматических событий для энергичной Александры Львовны было невыносимо.

Рядом Софья Андреевна расположила заметку из газеты «Русское слово», сообщавшую о смерти С. М. Сухотина – мужа Татьяны Львовны Толстой, в заключении отмечалось, что «на днях во время мобилизации взяли на войну всех четырех сыновей М. С. Сухотина» [5].

В октябре 1914 г. газета «Утро России» сообщала о Толстых, принимавших участие в военных действиях: «Почти все члены семьи гр. Л.Н. Толстого принимают деятельное участие в развернувшихся событиях. Сыновья Льва Николаевича были уполномоченными Красного Креста на театре военных действий. Илья Львович получил повреждение груди во время столкновения поездов... Михаил Львович находится в действующей армии и имеет боевую награду – орден св. Станислава 3-й степени с мечами... Дочь Александра Львовна поступила сестрой милосердия в санитарный отряд и сейчас работает в Белостоке. Супруга Льва Николаевича – Софья Андреевна и дочь – Татьяна Львовна живут в Ясной Поляне... Существует предположение в яснополянском доме устроить лазарет. Внуки Льва Николаевича: Михаил Ильич – офицер, захвачен в плен австрийцами, Андрей Ильич – в действующей армии в качестве добровольца-охотника, и Илья Ильич, только окончивший морской корпус, плавает на одном из судов балтийской эскадры. Остальные члены семьи гр. Л.Н. Толстого живут в Москве и принимают участие в оказании помощи жертвам войны» [1].

Достоверной информации о возможности устроить лазарет для раненых в Ясной Поляне не имеется, однако Софья Андреевна разместила в своем альбоме несколько газетных вырезок с предложениями об открытии лазарета имени Л.Н. Толстого в Петрограде. «В трудное время, переживаемое нашим отечеством, общее несчастье соединяет в одно целое людей различных воззрений. Но как бы ни было сильно проявленное русскими людьми единодушие, невольно хочется найти опору своему чувству у великого представителя русской мысли, невольно вырываются слова: а что сказал бы Толстой, как отнесся бы он к современным событиям?.. Среди кружка почитателей Л.Н. Толстого возникла мысль о соединении дела помощи раненым жертвам текущей войны с именем великого писателя» [3]. Инициаторы данного проекта – А. Хирьяков и В. Срезневский, являвшиеся сотрудниками Толстовского музея в Петрограде, образовали комитет по устройству временного лазарета и обратились к читателям с просьбой поддержать создание лазарета денежными пожертвованиями. Городская администрация сочувственно отнеслась к данному предложению и взяла проект под свое покровительство.

28 октября 1914 г. в газете «Русское слово» была также опубликована статья по этому вопросу: «В переживаемые нами тяжелые минуты, когда вся земля преисполнена нечеловеческих страданий, Толстовский музей не мог остаться простым зрителем событий и не откликнуться на общую горе. В память великого человека, с именем которого он связан, в память его безграничной любви к людям музей решил учредить лазарет для пострадавших воинов» [6]. Также сообщалось, что лазарет имени Льва Толстого будет размещаться в общежитии императора Александра II при Петроградском университете, лазарет предполагали открыть уже в скором времени и вновь обращались с просьбой о посильной помощи к читателям для приобретения необходимого оборудования (кровати - 50 р.), рассчитывалось содержание на 6 месяцев – 150 рублей. В правление комитета по организации лазарета вошли В.Н. Бенешевич, Н.А. Вукотич, Н.В. Змеев, К.Н. Нардов, А.Д. Нюрнберг, В.И. Срезневский, А.М. Хирьяков и А.А. Шахматов. К участию приглашались новые члены с взносом от 5 рублей.

Инициатива сотрудников Толстовского музея была поддержана, лазарет был открыт и работал на протяжении всей войны. В фондах ЦГИА Санкт-Петербурга имеется особый фонд, в котором содержатся материалы о деятельности лазарета имени Л.Н. Толстого [10]. Идея создания дома-музея возникла еще в 1908 году, когда исполнялось 80 лет со дня рождения Л.Н. Толстого, но поскольку писатель отказался от чествования, она не была реализована. Однако вскоре после его смерти в 1910 году идея получила свое воплощение. Основатели музея «желали домом-музеем создать памятник Толстому живой, деятельный, не глыбу камня, а культурный центр с рядом просветительных учреждений, библиотекой, читальней, народной аудиторией для собраний и чтений по литературно-общественным вопросам» [8].

В условиях военного времени сформировалось особое массовое сознание, которому были присущи противоречивость и многослойность, сочетание ценностей и установок различных слоев «народного менталитета». Противопоставление двух понятий «войны» и «мира», предпринятое Л.Н. Толстым по отношению к Отечественной войне 1812 г., было актуально и в 1914 году. В данном контексте интересны газетные публикации, в которых авторы рассуждали о проблемах философии войны, ее смысле, результатах, опираясь на мировоззренческое наследие Л.Н. Толстого.

Известный журналист газеты «Новое время» М.О. Меньшиков был критиком Льва Толстого по самым разным литературным и общественно-политическим вопросам. Их общение продолжалось в течение многих лет, с 1893–1908 годы, как в формате переписки, так и личных встреч, так как М.О. Меньшиков неоднократно посещал Льва Николаевича в его московском доме. С августа 1914 г. М.О. Меньшиков в течение года вел рубрику «Должны победить» в «Новом Времени». Пространная статья из данного цикла сохранилась, благодаря С.А. Толстой. 28 сентября 1914 г. была напечатана статья «Должны победить. Пророческое бессилие», в которой автор развил мысль о бессмысленности толстовских идей о непротивлении злу. «Лев Толстой, как и подавляющее число пророков, избрал самый недействительный способ борьбы с несчастиями, именно способ борьбы сентенциями. Он с гениальной наивностью утверждал: не воюйте – и войны не будет... Все это метафизически абсолютно верно, но цена этой метафизики – грош» [2]. Для нас интересны не только рассуждения автора о войне и необходимости участия в ней, сколько сам факт очередного обращения к мировоззрению Льва Николаевича Толстого через 4 года после его смерти. Наследие Толстого по-прежнему волновало общество, ни одно значительное событие в стране не могло пройти без апеллирования к его идеям.

Таким образом, альбомы с газетными вырезками, собранные Софьей Андреевной Толстой представляют собой уникальный исторический источник, позволяющий нам проанализировать конкретные исторические события, сделать выводы о значении личности Л.Н. Толстого и его наследия в общественной жизни России в первые годы после его смерти, а также проследить процессы меморации и музеефикации на этапе становления дома писателя как музея.

1. Басинский, П. Толстой был бы первым противником Первой мировой войны / П. Басинский // Российская газета. – 2014. – 3 августа. – №173 (6445).
2. МЗЯП КП-1822/777 М-11665. Новое время. – 1914. – 28 сентября
3. МЗЯП КП-1822/777 М-11665. Русские Ведомости. – 1914. – 14 октября.
4. МЗЯП КП-1822/777 М-11665. Русское слово. – 1914. – 25 июля.
5. МЗЯП КП-1822/777 М-11665. Русское слово. – 1914. – 11 августа.
6. МЗЯП КП-1822/777 М-11665. Русское слово. – 1914. – 28 октября.
7. Сапожников, А. И. Газетные публикации как исторический источник (подробности сражения при Шёнграбене в статьях из гамбургской газеты) / А. И. Сапожников // Библиокознание. – 2009. – № 2. – С. 53–57.
8. Срезневский В. Толстовский музей в Петербурге // Солнце России. – 1912. – 7 ноября. – № 154/46. – С. 23.
9. Сухотина-Толстая, Т. Л. Дневники. / Т. Л. Сухотина-Толстая. – М. : Современник, 1979. – 559 с.
10. ЦГИА СПб. – Ф. 716. Оп. 1.

Егоров Ф.А.
ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЭКСПОЗИЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ МИРА В КАНЕ (ФРАНЦИЯ)

Вторая мировая является самой масштабной и кровопролитной войной в истории человечества, посвященный ей Мемориал мира в г. Кан (Франция, Нормандия) был открыт в 1988 г. На церемонии открытия присутствовал президент Франсуа Миттеран и представители 11 государств, участвовавших в операции «Оверлорд» [3]. Первоначально музей был посвящен высадке союзников в Нормандии, но к 2004 г. экспозиция освещала также основные события Второй мировой войны и XX века [3]. В формировании фондов музея приняли участие специалисты из ФРГ, что символизировало примирение между Францией и Германией. В 2010 г. в мемориале провели реновацию, после которой музей приобрел современный вид, а экспозиция пополнилась в том числе и залом, по предвоенной истории. В начале 2023 г. открылся новый зал «Франция в темные времена», посвященный периоду оккупации [5].

Современная экспозиция музея не становилась предметом специального исследования в историографии. Две научные публикации, связанные с музеем, датируются 1990-ми годами – это диссертация Ф.М. Дебакера «Образ Второй мировой войны в современных французских романах и исторических музеях» [1] и статья М. Дени в журнале «French Cultural Studies» под названием «Рождение Мемориала: музей мира в Кане» [2]. В первой работе дана краткая оценка старой экспозиции, а во второй – история создания музея.

Музей организован в соответствии с наиболее современными европейскими концепциями – просторные залы, большие, наполненные экспонатами стенды, мониторы, транслирующие смонтированные кадры кинохроники с наложением музыки, и интервью, взятые у современников описываемых событий уже в XXI веке. Помимо экспонатов и мониторов в музее присутствуют художественные инсталляции, игра со светом, залы выполнены в одинаковой монохромной цветовой гамме. Есть аудиогид на английском, французском и немецком языках.

Переход к основной экспозиции Второй мировой войны начинается со спуска, сверху напоминающего воронку, что должно символизировать постепенное скатывание мира к новому противостоянию в межвоенный период. На стенах в хронологическом порядке размещены фотографии с общей исторической справкой, привязанные к конкретному событию. Упомянется Мюнхенский сговор 1938 г. [6, № 103] с попыткой оправдать его [6, № 126], и отдельно рассказывается о начале японо-китайской войны в 1937 г. [6, № 111]. Информация о пакте Молотова-Риббентропа подана в нейтральном ключе, если не считать одной карикатуры [6, № 127, 134]. В инсталляции по Мюнхенскому сговору карикатур нет.

Экспонаты, относящиеся к немецкой стороне, представлены еще в одной из первых в истории музея экспозиций – «Бункер» [6, № 9]. Она расположена отдельно и включает документы немецкого штаба 716-й пехотной дивизии Вермахта, немецкое стрелковое оружие того периода, мины и предметы солдатского быта [6, № 37, 51, 53, 28]. Само помещение стилизовано под бетонные укрепления Второй мировой войны, на каждой витрине, помимо описания экспонатов, присутствует историческая справка [6, № 20], а карты, помимо легенды, сопровождаются отдельными табличками. При этом тексты дают общую картину войны, демонстрируя причинно-следственные связи между событиями, упоминаются другие театры военных действий и то, как они повлияли на положение 716-й пехотной дивизии до ее разгрома во время операции «Оверлорд» [6, № 58].

Четвертый зал выделен под описание Холокоста [6, № 293], где представлена информация о программе Т4 по принудительной эвтаназии, последовательно упоминаются гонения, которым подвергалось еврейское население: унижения, изгнание, стигматизация, облавы, гетто, депортации и физическое уничтожение [6, № 305, 333, 307]. Отдельный стенд выделен под судьбу еврейских детей, еще один – под массовое уничтожение людей в «лагерях смерти», и еще один – под геноцид цыган [6, № 339, 348, 352].

Отдельно стоит выделить часть четвертого зала, в которой рассказывается о военных преступлениях Третьего рейха и его союзников на Восточном фронте. Упоминаются контрпартизанские операции на советской территории, хотя и с заниженным числом жертв [6, № 364]. Говорится о блокаде Ленинграда, тоже с неточной статистикой [6, № 366]. Отдельно сказано про судьбу советских военнопленных, 60 процентов которых погибли в концлагерях [6, № 369]. Так или иначе, военные преступления на Восточном фронте представлены как деятельность именно Вермахта и СС, без упоминаний об участии союзников Германии в карательных акциях.

Участие в войне Советского Союза представлено рядом экспонатов в нескольких секциях музея. Впервые тематическая экспозиция появляется в третьем зале, где один стенд выделен под события начала Великой Отечественной войны с отдельной справочной табличкой [6, № 271]. Информация в целом передана верно, но с неточностями. В частности, после упоминания об остановке продвижения противника под Москвой и Ленинградом сразу говорится, что Германия продолжила наступать в 1942 г., но не говорится, куда продвигался Вермахт. Отдельно упомянута битва за Москву: «К ноябрю немецкий авангард достиг пригородов Москвы, но суровая зима и советское контрнаступление остановили их натиск» [6, № 266]. Это утверждение не соответствует действительности – холодное началось уже во время контрнаступления, с 5 по 7 декабря [4]. На стенде также присутствует медаль за оборону Москвы [6, № 265], и помимо операции «Тайфун» упоминаются рабочие батальоны, сформированные для обороны Ленинграда [6, № 268], история подпольщицы Марии Брускиной и фотография, сделанная после ее казни [6, № 275].

Красная армия снова появляется в шестом зале, где размещен стенд, целиком посвященный Сталинградской битве и где в экспозиции выставлены ПТРД и пулемет Максима [6, № 409, 412, 405]. В восьмом зале дается краткая справка об освобождении оккупированных советских территорий [6, № 476].

Наконец, СССР упоминается в восьмом зале, в связи с двумя фотографиями – И.В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт на Ялтинской конференции [6, № 488] и Знамя Победы над рейхстагом [6,

№ 502]. В сопроводительном тексте к последнему Берлин назван центром «ожесточенного сопротивления», а знамя якобы водрузили над руинами Рейхстага, хотя даже на самом снимке здание выглядит целым [6, № 503]. На этом тематическая экспозиция, связанная с СССР, заканчивается: в девятом зале, где экспозиция продолжается стендом с газетами, со статьями о победе над Германией и наступлении мира в Европе, но только на английском и французском языках. Об участии Советского Союза в разгроме Японии нигде не говорится.

Зато в девятом зале находится стенд, где рассказывается об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки [6, № 517]. И это одно из пяти упоминаний Японии в музейной экспозиции. Еще одно было в первом зале, когда говорилось о начале японо-китайской войны. Третий раз Япония упоминается в контексте военных преступлений этой страны, представленных в четвертом зале [6, № 360], и еще один стенд в третьем зале посвящен началу войны на Тихоокеанском театре военных действий, в частности – нападению на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. [6, № 280, 281]. Информация подана в нейтральном ключе, на противоположных витринах представлены экспозиции с агитационными плакатами США и снаряжением японских солдат [6, с. 283, 285]. В последний раз (если не считать статистику потерь) Япония упоминается в девятом зале, на стенде, посвященном противостоянию США и Японии на завершающем этапе войны [6, № 486].

США и Великобритания так или иначе упоминаются во всех залах, а под операцию «Оверлорд» выделена специальная экспозиция. Упоминаются Перл-Харбор, бомбардировки Лондона и Североафриканский театр военных действий [6, № 162, 259], за исключением восьмого зала, где собраны экспонаты об освобождении Италии и партизанской войне в Югославии [6, № 474, 477]. Отдельно и гораздо более подробно представлено освобождение Франции [6, № 478]. Также в этот зал вынесена информация о немецком контрнаступлении под Арденнами, представлены краткие исторические справки об Освенциме, бомбардировках Дрездена и встрече союзников на Эльбе [6, № 499].

Однако экспонатов, связанных с историей Франции, еще больше. Второй зал практически полностью выделен под разгром Франции в 1940-м году [6, № 171]. Помимо этого, в нем упоминаются приготовления сторон и «Странная война», а в исторической справке маршал Петен представлен как «щит Франции» [6, № 205], а сама капитуляция – как попытка «занять видную роль в новом мировом порядке» [6, № 173]. В зале также представлены проправительственные агитационные плакаты и предметы быта. Упоминается французское Сопротивление и оказанная ему внешняя помощь, а на одной из витрин вывешена копия воззвания Шарля де Голля [6, № 213, 215].

Седьмой зал посвящен освобождению оккупированных территорий, в первую очередь, французских. В экспозиции, помимо нескольких фотографий мирных жителей, повешенных нацистами, присутствуют два информационных стенда – один собственно об освобождении [6, № 462], другой – о «чистках» на освобожденных территориях от коллаборационистов [6, № 463]. Еще в зале представлена экспозиция, связанная с деятельностью французского Сопротивления.

Выделяется пятый зал, посвященный скорее пропаганде, которая велась как антигитлеровской коалицией, так и странами Оси, и концепции тотальной войны [6, № 390]. Информация подана в нейтральном ключе, в экспозиции присутствуют немецкие, британские, американские, французские и советские плакаты с переводом.

Примерно то же самое можно сказать и про шестой зал, где какой-то более конкретной тематики не прослеживается. Там размещена и форма женской сухопутной армии Великобритании, и таблички о жизни в оккупированной Франции, и снаряжение американских, британских, немецких солдат, а также гимнастерка бойца РККА и ППШ с барабанным магазином [6, № 414, 418, 431, 429, 427, 441].

Ближе к концу экспозиции, посвященной Второй мировой войне, размещен стенд со статистикой безвозвратных потерь, где содержится недостоверная информация. Во-первых, общие потери ниже принятых в современной историографии чисел примерно на 6 миллионов человек. Во-вторых, потери Красной армии завышены примерно в полтора раза. В-третьих, потери гражданского населения примерно в два с половиной раза ниже реального числа погибших [6, № 519].

Подводя итоги, можно сказать, что экспозиция музея относится к систематическому типу, пытается осветить разные аспекты истории Второй мировой войны. Однако музей Кана скорее франкоцентричный, экспозиция не охватывает ряд крупных сражений Второй мировой войны. Восточный, Африканский и Тихоокеанский фронты представлены недостаточно, а на европейском театре практически не упоминаются события в Средиземноморье, Центральной и Юго-Восточной Европе. Также предпринимаются попытки оправдать неудачные политические шаги, например, Мюнхенский сговор.

Стиль текстов информационных стендов ближе к научно-популярному, хотя некоторым разделам дают чисто публицистические названия, присутствуют и оценочные суждения. В целом, экспозиция Мемориального музея мира рассчитана скорее на эмоциональное восприятие, чем на вдумчивое изучение.

В инсталляциях, касающихся роли СССР, присутствует ряд неточностей, приведена ложная статистика. Однако создатели музейной экспозиции не демонизируют Москву, считая Советский Союз одной из главных стран-победительниц.

1. DeBacker, F. Representing the Second World War in contemporary French novels and history museums, degree: Ph.D. / F. DeBacker. – Austin : The University of Texas, 1997. – 244 p.
2. Denis, M. Review essay: la naissance du Memorial: un musee pour la paix a Caen / M. Denis – Nottingham : [s. n.], 1991. – P. 199–206.
3. Memorial de Caen [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.memorial-caen.fr>. – Date of access: 07.03.2023.
4. Краткий обзор погодных условий в Москве в 1941 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://meteoweb.ru/2021/archives/pogoda_v_moskve_1941.php. – Дата доступа: 15.03.2023.
5. Мемориал в городе Кан – Размышление о войне и мире [Электронный ресурс] // РИА новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20040606/606316.html>. – Дата доступа: 09.03.2023.
6. Мемориал мира, г. Кан : электронный альбом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/album225668468_291962290. – Дата доступа: 18.03.2023.

Абеленцева О.А.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СКОРОПИСНЫХ ПОЧЕРКОВ

В процессе исследования русских актов и других делопроизводственных документов XVII в. возникает необходимость дать характеристику почерков, традиционно относимых к так называемой скорописи. Задача выработать некие критерии описания скорописных почерков актуальна и достаточно сложна. В данных тезисах хотелось бы высказать несколько соображений о том, возможно ли использовать подходы, применяемые для анализа современных почерков, при описании русской скорописи. Детально принципы описания кириллических почерков разработаны только в пособиях по почерковедческой судебной экспертизе [10; 11]. Но выработанные в них для этих целей подходы базируются на двух факторах – обучения населения страны письму по одним и тем же прописям и наличия базы образцов почерков. Кроме того, в прописях XX – начала XXI в. каждой строчной и прописной букве соответствует одна графема, тогда как в рукописных азбуках-прописях XVII в. их имеется несколько [1; 2]. То есть написание букв было вариативно уже на стадии обучения письму. Таким образом, на формировании навыков конкретного писца сказывалось отсутствие общего стандарта учебных пособий, разный потенциал учеников, их индивидуальность и желание совершенствовать навыки, полученные на этапе обучения.

В историографии отмечалось, что скоропись может быть как «четкой, то есть неспешной», так и «беглой» [12, с. 136]. Работа с документами XVII в., написанными примерно в одно время и в одной и той же локации, показывает, что и «непешные» скорописные почерки визуально могут значительно отличаться друг от друга. Например, в Успенском Тихвинском монастыре в конце 1640-х годов начали службу слуги Игнатий Стефанов и Никита Васильев сын Зайцев, выполнявшие работу писцов и казенных дьячков. Оба они были жителями Тихвинского посада, их отцы также служили в монастыре [8, с. 12], но, вероятно, обучали их по разным пособиям. Никита усвоил и старался в своей работе воспроизводить некоторые красивые сложные образцы графем [3, л. 11–12], а Игнатию не были свойственны эстетические изыски [6, л. 1–3].

Какие же подходы для описания скорописных почерков можно предложить, учитывая ранее названные особенности обучения письму в XVII в.? К сожалению, ограниченный объем тезисов не позволяет даже перечислить все возможные аспекты анализа почерков, можно лишь остановиться на некоторых примерах. В пособиях по почерковедческой экспертизе выделяются общие и частные признаки почерков. К общим относятся размеры, форма и направление линий полей, размер интервалов между строками, форма и направление нижних линий письма и строк, размер и разгон букв, строение почерка (упрощенное, простое или усложненное), темп письма, степень связности, нажим, выработанность почерка в целом [10, с. 39–48; 11, с. 184–240]. Все перечисленные признаки можно проследить и у почерков XVII в., но с учетом особенностей скорописи. Размер букв будет отдельно учитываться в трех категориях – для строчных, выносных и букв увеличенного по вертикали размера, так как для каждой группы фиксируется свой диапазон величин. Скоропись принято считать типом письма со связными написаниями букв. Однако азбуки-прописи предлагали обучающимся приемы связного написания не как метод, а как серию примеров начертаний. У большинства писцов присутствуют связные написания только двух букв, соответствующих образцам (двух строчных или выносной и строчной). Степень связности в скорописи, согласно нашим наблюдениям, можно было бы определять по следующим критериям: низкая – в арсенале писца 2–5 связных написаний двух букв, средняя – большое число устойчиво употребляемых связных написаний двух букв, высокая – то же при наличии устойчиво употребляемых сочетаний трех и четырех букв. У Никиты Васильева сына Зайцева, который несомненно был высокопрофессиональным писцом, в приведенном ранее в

качестве примера тексте (со ссылкой на онлайн-ресурс) всего четыре группы из связно написанных трех букв, например, буквы «ЧеК» в слове «дьячекъ» в предпоследней строке документа. Их сложное начертание, увеличенный по вертикали размер букв «Ч» и «К» свидетельствуют о том, что в данном случае связность не обеспечивает повышение темпа письма, а скорее придает ему эстетичность, проявляя индивидуальность писца [3, л. 12]. Кроме того, согласно нашим наблюдениям, работодатели не приветствовали использование сложных сочетаний графем, так как документы должны были быть понятны и тем, кто освоил навык чтения только полуустава.

В исследовании об эволюции русской скорописи Е.К. Поповой был отмечен такой признак скорописных почерков XVII в. как устойчивость и равномерность в использовании межстрочных интервалов [9, с. 35]. На наш взгляд, говорить о равномерности заполнения интервалов применительно ко всем или к большинству скорописных почерков XVII в. не приходится, как и об устойчивом увеличении самих интервалов, но сам признак несомненно важен. Наибольшего значения высота интервалов в соотношении к высоте строчной буквы достигла у профессиональных писцов в конце XVI – первой четверти XVII в. [5, л. 1] и далее постепенно снижалась, а степень их заполненности зависела от нескольких факторов: 1) размера листа в соотношении с объемом текста, 2) размера выносных, 3) величины надстрочных и подстрочных элементов 4) и букв увеличенного по вертикали размера, используемых писцом. У почерков простого строения степень заполненности межстрочных интервалов, как правило, низкая. В пособиях по почерковедческой экспертизе простое строение почерка характеризуется как максимально приближенное к стандартным прописям. Применительно к скорописи, на наш взгляд, простое строение почерка предполагает использование небольшого числа графем каждой буквы и низкие значения ранее названных факторов 2–4. В качестве примера такого почерка можно привести автограф дьячка церкви Флора и Лавра на Тихвинском посаде дьякона Исаака Михайлова [4, л. 1]. В целом подходы и терминология пособий по почерковедческой экспертизе вполне может быть использована для описания общих признаков скорописных почерков, но требуется выработать применительно к ним критерии оценки, как, например, это предложено нами для определения степени связности.

Под частными признаками почерка понимаются характеристики, проявляющиеся при выполнении писцом отдельных букв [10, с. 48–55; 11, с. 240–255]. Описание скорописных почерков в этом аспекте сталкивается со значительными трудностями из-за отсутствия общепринятой терминологии для описания графем и их отдельных элементов. Например, Р.В. Бахтурина разделяла понятия «знак» и «графический вариант», введение последнего, по ее мнению, позволило бы «представить графическую систему с отвлечением от индивидуальных почерков» [7, с. 45–46]. Другое важное замечание Р.В. Бахтуриной касается создания базы графем. Она полагала, что «учет всех возможных начертаний не только обогащает представление о скорописи, но и ставит вопрос об их классификации, без которой изучение их не может быть плодотворным» [7, с. 45]. То есть для полноценного анализа необходима база данных, в которой графемы были бы представлены как с разбивкой по хронологии, так и с локализацией. С нашей точки зрения, неплохим началом такой работы было бы создание базы графем на основе сохранившихся до настоящего времени азбук-прописей XVII в. Возможно также аккумулировать материал для таких баз на основе локальных фондов, например, монастырских. Изучение почерков слуг Успенского Тихвинского монастыря и церковных дьячков Тихвинского посада, служивших порой более 20 лет, позволяет получить данные об изменениях графических вариантов написания букв некоторых писцов на протяжении довольно длительного идентификационного периода с привязкой к таким общим признакам почерка, как темп письма и сбивающие факторы. Решение ранее названных и других задач по разработке подходов к описанию скорописных почерков позволило бы облегчить работу многих исследователей, предоставив им необходимый инструментарий.

1. Азбука конца XVII в. / изд. Н. А. Маркса. – М., 1908.
2. Азбукъ в научение младым детем. 1643 г. / изд. Н. А. Маркса. – М., 1910.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории (СПбИИ) РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 7. Л. 11–12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/aa24624f-02e0-423a-8e8f-33025fc6358f/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
4. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 1. Д. 36. Л. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/c244fe3c-4e97-470f-a3d4-4d67d91ec6c0/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
5. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 1. Д. 7. Л. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/23815376-957e-49d3-b7f7-4ea96d0f23b4/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
6. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 248. Л. 1–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/e2b3fb2a-5897-4900-80d7-06929382049b/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
7. Бахтурина, Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов / Р. В. Бахтурина // Лингвистическое источниковедение. – М. : Наука, 1963. – С. 35–57.
8. Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 2. 1644–1675 гг. / сост. О. А. Абеленцева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

9. Попова, Е. К. Истоки русской скорописи: Сопоставительный анализ грамот Северо-Восточной Руси XV века и актов Олонецкого уезда XVII века [Электронный ресурс] / Е. К. Попова // Carelica. Научный электронный журнал. – 2019. – № 1. – С. 14–39. – Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2019_1/POPOVA.pdf. – Дата доступа: 14.03.2023.
10. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций / под ред. В. В. Серегина. – Изд. 5-е. – Санкт-Петербург : МВД России, НПСП, 2015. – 229 с.
11. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теор. и метод. основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. – 2-е изд. – М. : Наука, 2006. – 544 с.
12. Щепкин, В. Н. Русская палеография / В. Н. Щепкин. – М. : Наука, 1967. – 224 с.

Петрова М.С.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

В докладе обсуждаются исследовательские практики «чтения», понимания и интерпретации средневековых источников (здесь – письменных и вещественных), избранных с целью реконструкции отдельных биографических фактов, поведенческих мотивов и индивидуальных качеств историка и деятеля эпохи Каролингского возрождения Эйнхарда (ок. 770 г. – 14 марта 840 г.). Демонстрируется «работоспособность» избранных методов и подходов; оцениваются их возможности при решении основополагающей проблемы получения достоверного знания, адекватно отражающего средневековую реальность [9, с. 34].

Отмечается, что реконструкция биографии средневекового человека, отдельных событий его жизни имеет свою специфику. В частности, следует учитывать, что после смерти человека, принадлежащего к сословиям духовенства и/или знати, его жизненный путь зачастую воссоздается в воспоминаниях или на письме его ближайшими современниками – то есть теми, чья судьба тем или иным образом оказывалась связанной с ним [10, с. 15–26]. Такое «представление» о человеке всегда субъективно (и это искажение первого рода), так как оно зависит как от личных отношений, существовавших между такими людьми при жизни, так и от различных обстоятельств, благодаря которым они оказывались союзниками, противниками, партнерами, друзьями... Тем не менее, такие свидетельства представляют собой немалую ценность, поскольку отражают информацию, которая оставалась в памяти той социальной группы, к которой принадлежал описываемый персонаж. Искажения другого (или второго) рода могут вноситься авторами, жившими некоторое время спустя или намного позже. И тогда, помимо идеологических, социальных, имущественных и прочих мотивов, на их изложение может повлиять обыкновённый недостаток достоверной информации [14, с. 641–643], зачастую восполняемой вымыслом [15, с. 939–954]. Привлечение максимально широкого круга релевантных источников (как письменных, так и вещественных) позволяет не только воссоздать и собрать воедино те факты, которые свидетельствуют о мастерстве Эйнхарда, его трудолюбии, приверженности искусству, склонности к коллекционированию, но и дополнить уже имеющиеся, весьма скудные, сведения о его жизни [12, с. 57–74].

Рассматриваются разножанровые тексты современников Эйнхарда – Алкуина (735–804), Теодульфа Орлеанского (ум. 821), Валафрида Страба (809–849), Рабана Мавра (822–842), Сервата Лупа (805–862), в которых имеются немногие, разрозненные упоминания о нем, его личных качествах и различных умениях. Отмечается, что в так называемом «жизнеописании» Эйнхарда, составленном после его смерти Валафридом Страбом, упомянуто о том, что Эйнхард получил первые начатки воспитания в Фульдской обители; отсюда был послан ко двору короля Карла, где достиг величия и славы; что в правление императора Людовика он сохранил и свое положение, и высокое звание [Wal. Prol. vv. 13, 15–28; 11, с. 7–811]. При дворе Эйнхарда прозывали «Нардом», «Нардулло» или «Маленьким Нардом», очевидно из-за невысокого роста [Alc. Carm. 239, vv. 4–8 // PL 101, 790CD; Wal. Vers. v. 6 // PL 114, 1094D; Theod. Carm. // PL 105, 320B], а в дворцовой академии – «Веселеилом» [Alc Ep. 101 // PL 100, 315A; Wal. Vers. // PL 114, 1094D; Rab. Epit. // PL 112, 1669BC], в связи с его уподоблением библейскому Веселеилу – строителю Скинии, искусному в работе по металлу, обработке дерева и огранке камня [Исх 31:2–5; 35:30 и 38:22].

Анализируются связанные с Эйнхардом или его именем артефакты. В их числе план базилики, построенной между 815 и 827 г. за Михленштадтом в Штайнбахе (Германия), план церкви, возведенной между 830 и 836 г. в Муленхайме (ныне – Зелигенштадт, Германия) [Einh. Transl. I, 1; 13, с. 295], посвятельная панель на миниатюрной триумфальной арке, подаренной Эйнхардом церкви в Маастрихте [7, р. \ 261; 5, р. 79–103; 2, р. 93–121] с надписью: AD TROPAEVM AETERNAE VICTORIAE SVSTINENDVM // EINHARDVS PECCATOR HVNC ARCVM PONERE // AC DEO DEDICARE CVRAVIT [«Эйнхард, грешник, распорядился воздвигнуть и посвятить Господу эту арку, / дабы запечатлеть триумф вечной победы» – перевод мой – М.П.]; рисунок упомянутой арки, выполненный неизвестным антикваром или гравёром XVII в.; грамота от 21 января 830 г., найденная в Генте,

вероятно, с собственноручной подписью Эйнхарда; элементы декора дворцовой часовни и собора в Ахене (кон. VIII в.) [7, р. 261; 6, р. 60, 63–68; 8, р. 23–24; 1, р. 13; 4, р. 12]. Отмечается, что это те немногие объекты и предметы рукотворного творчества, которые с уверенностью могут быть приписаны Эйнхарду [6, р. 60; 63–68; 1, р. 13], хотя не представляется возможным установить долю участия или выявить роль Эйнхарда, которую он мог играть в их создании.

Рассматриваются также свидетельства о поручении короля Карла Эйнхарду курирования строительства церкви св. Вандриля (позднее, аббатство Сен-Вандриль, ставшее одним из основных центров христианской учености и книгоиздания) [3, р. 32]; о его возможном руководстве возведением Ахена [Gesta ab. Font. 17 // MGH: SRG, р. 50]; собирательстве и коллекционировании древних латинских текстов [Lup. Ep. 1 // PL 119, 431D – 436A]. Показано, что сам Эйнхард не стремился подчеркнуть свои склонности, умения и заслуги ни во времена правления Карла, ни в период властвования Людовика, что возможно объяснить как его личными качествами (напр., скромностью), так и поведенческими мотивами, ориентированными на самосохранение в период междоусобных войн и политических потрясений (814–843) [Wal. Prol. v. 5–15: 11, с. 8], стремление к уединению и созиданию [Einh. Transl. I, 1; 13, с. 295].

В заключение отмечается, что, несмотря на то, что репрезентация исторических фактов всегда является их интерпретацией, избранные и применяемые нами методы и подходы к изучению средневековых источников могут быть задействованы при воспроизведении более масштабных, связанных с личностью далекого прошлого, исторических событий.

1. Beckwith, J. Early Medieval Art. Carolingian. Ottonian. Romanesque. World of Art / J. Beckwith. – London : Thames and Hudson, 1992. – 270 p.
2. Belting, H. Der Einhardsbogen / H. Belting // Zeitschrift für Kunstgeschichte. – 1936. – No 36. – P. 93–121.
3. Brown, G. The Carolingian Renaissance / G. Brown // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 1–54.
4. McKitterick, R. The legacy of the Carolingians / R. McKitterick // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 317–323, plate 12.
5. De Montesquiou-Fezensac, B. L'Arc de triomphe d'Einhardus / B. de Montesquiou-Fezensac // Cahiers archéologiques. – 1949. – No 4. – P. 73–109.
6. Dutton, P. E. Charlemagne's courtier. – Broadview press, 1998. – li + 198 p.
7. Henderson, G. Emulation and invention in Carolingian art / G. Henderson // Carolingian Culture: emulation and innovation / ed. R. McKitterick. – Cambridge University Press, 1994. – P. 248–273.
8. Lasko, P. Ars sacra 800–1200 / P. Lasko. – Harmondsworth, 1972. – xxix + 338 p.
9. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : НаукаБ, 2003. – 486 с.
10. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф ; пер. с франц. В. И. Матузовой. – М. : Ладомир, 2001. – 800 с.
11. Петрова, М. С. Эйнхард. Жизнь Карла Великого (с прологом Валафрида Страба) / М. С. Петрова ; пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой // Историки каролингской эпохи. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 7–34; 223–228.
12. Петрова, М. С. Эйнхард – биограф Карла Великого / М. С. Петрова // Карл Великий. Реалии и мифы / ред. А. А. Сванидзе. – М. : ИВИ РАН, 2001. – С. 57–74.
13. Петрова, М. С. Эйнхард. Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра. Кн. I / М. С. Петрова ; пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой // Средние века. – 2004. – Вып. 65. – С. 295–310.
14. Петрова, М. С. Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла / М. С. Петрова // История через личность: историческая биография сегодня / ред. Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2005. – С. 641–703.
15. Петрова, М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) / М. С. Петрова // Quaestio Rossica. – Т. 10, № 3. – С. 939–954.

Левшун Л.В.

ЖИТИЕ ПРЕП. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ О МЕТОХИИ СВ. СОФИИ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИТИЙНОГО ТЕКСТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Исследовав, могут ли житийные тексты использоваться в качестве исторических источников, В.О. Ключевский отметил: поскольку книжник «не ставил воспроизведения факта главной задачей своего труда и искал самой надежной опоры для своего повествовательного авторитета не в свойстве фактических источников», то, «как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка <...> Житие и историческое повествование различно относятся к предмету и второе не может брать явление в том виде, в каком дает их первое» [10, с. 337, 339, 355].

Однако, специфически относясь к своему предмету изображения, житие, тем не менее, может вполне адекватно фиксировать события исторической действительности. И при адекватном материалу методе интерпретации житийное повествование, безусловно, может и должно рассматриваться в ряду исторических источников. Чтобы доказать это, обратим внимание на один эпизод Жития преп. Евфросиньи Полоцкой, не замеченный пока историками. А именно – на известия о метохии Св. Софии в Сельце и ее состоянии на момент прихода туда Преподобной.

Напомню, согласно сюжету Жития, преп. Евфросинья и епископу Илье в одну и ту же ночь случается видение: «...поим ю [Евфросинию – Л.Л.] аггел и веде ю идеже бе **церковьца Святаго Спаса**,

метохия святых Софии, яже зовется от людей Сельце» В подобном же видении ангел велит епископу Илии: *«Введи ю, рабу Божию Евфросинью, в церковь Святаго Спаса на рекомое Сельце, место бо то святое есть»*; наконец, доносит до нас слова епископа Ильи: *«То се есть церковьца Святаго Спаса в Сельци, идеже братья наша лежат – прежде нас бывши епископи»* [13, с. 213].

Как правило, определение *«идеже братья наша лежат»* историки однозначно относят к «церковье Святаго Спаса», а эту последнюю на данном основании отождествляют с епископской усыпальницей. Так, преосвященный Антоний (Мельников) пишет: *«Здесь в Спасской церкви издавна погребались предшественники Илии на Полоцкой кафедре»* [2, с. 9; ср.: 1, с. 84; 8, с. 361; 9, с. 247; 12, с. 7; 16, с. 222–223 и др.].

Вместе с тем еще Н.Н. Воронин полагал, что в Житии прп. Евфросиньи речь идет, возможно, о небольшой деревянной церкви, которая имела в Сельце к моменту переезда туда юной монахини [6, с. 264]. Исследователь, видимо, основывался на замечании свт. Дмитрия Ростовского (1651–1709), отметившего в своем изложении жития Преподобной, что в Сельце была «церков мала древяная» [7, л. 639]. Однако и в более ранних списках обеих пробложных редакций ничего не говорится о том, что этот маленький Спасов храм был епископской усыпальницей. *«Бысть ей божественное повеление <...> преселитися к церкви Спаса всех в Сельцо»* [291: РНБ, Тит. № 239, л. 395 б]; *«по извещению же аггелову изыде <...> идеже церковица Святаго Спаса, метохия Святых Софии»* [294: ЦБ АН Литвы. Ф.19-98, л. 356 б].

Действительно, в ходе археологических работ на территории Спасо-Евфросиниевского полоцкого монастыря в 2015 г. были выявлены остатки древней деревянной церкви неподалеку от стены каменного Спасского храма [см. 3]. Фундаменты же и фрагменты стен храма-усыпальницы, возведенного в конце XI – начале XII в. из плинфы, были раскопаны еще М.К. Каргером в 1961–1964 гг. [см. 9; ср. 1, с. 83–84; 14, с. 150, 159].

Археологические данные позволяют историкам утверждать, что в конце XI в. Всеслав Полоцкий с сыновьями и «лучшими людьми» начал монументальное строительство в Сельце и Бельчицах: соответственно – епископской и княжеской резиденций [см. 8, с. 368]. И усыпальницей епископов в Сельце стал храм, построенный и прекрасно декорированный в последней четверти XI – в самом начале XII в. [см. 11, с. 3; 9, с. 244; 5, с. 99; 8, с. 284, 359, 361, 362; 14, с. 150, 159; 1, с. 83–84 и др.]. Предполагается, что этот храм был освящен во имя вмч. Георгия Победоносца, поскольку позднее Сельце известно в народе как «Спас-Юревичи» [18, с. 60 со ссылкой на 15, с. 107].

Известно, что Георгиевские храмы были весьма распространены на Руси. Традицию почитания вмч. Георгия основал, видимо, князь Ярослав-Георгий (Мудрый), построив в 1030 г. после победы над чудью Юрьев храм под Новгородом, а в 1036 г., после победы над печенегами, – монастырь вмч. Георгия в Киеве. В день освящения киевского храма – 26 ноября (по старому стилю) – князь повелел по всей Руси ежегодно «творить праздник» вмч. Георгия.

Безусловно, почитался вмч. Георгий Победоносец и в Полоцком княжеском доме. И здесь необходимо упомянуть о существовавшем в древней Руси обычае именнаяречения княжича в честь дяди: между братьями-князьями заключался особого рода договор, согласно которому тот из братьев, кто переживет другого, принимает под свое покровительство племянников. Ближайший родившийся после этого княжич получал имя дяди и становился чем-то вроде живой печати на таком договоре [см. 17]. Таким образом, имя Георгий могло быть крестильным у Брячислава Изяславича Полоцкого и свидетельствовать о заключении подобного договора между его отцом и дядей – единоутробными братьями Изяславом и Ярославом (Георгием в крещении) Владимировичами, сыновьями Владимира Великого. Имя Георгий могло быть наречено в качестве крестильного и Всеславу Брячиславичу в подтверждение подобной договоренности между Брячиславом Изяславичем и Ярославом-Георгием (будущим Мудрым) в 1021 г., поскольку в «Хронике Быховца» отцом Бориса Полоцкого назван Юрий (русифицированная форма греческого имени Георгий). Но и наречение младшего из Всеславичей (отца прп. Евфросиньи) Святославом-Георгием может быть объяснено тем, что родовое имя дано ему в честь Святослава Ярославича, который занял Киевский стол в 1073 г. и с которым Всеслав Полоцкий постарался таким образом упрочить отношения, а крестильное – в честь отца князя Святослава, все того же Ярослава-Георгия (Мудрого).

Но выстроенный Всеславом Брячиславичем в Сельце епископский монастырь с храмом во имя вмч. Георгия, простояв около двух десятков лет, сильно пострадал от пожара. Можно даже предположить, когда и при каких обстоятельствах это произошло. Из летописей мы узнаем, что в 1124 году на Руси случилась страшная засуха: «в се же лето бысть бездождие», – отметили многие летописцы, – и землетрясение, которое разрушило «великую церковь Св. Михаила» в Переяславле. Засуха вызвала пожары; в частности, сгорел почти весь Киев – 600 церквей и «без числа людей и всякой живности» [4, с. 250]. Не исключено, что в это засушливое лето пострадала от пожаров и Полоцкая земля. Археологические данные свидетельствуют о том, что епископская усыпальница в Сельце

пострадала именно от огня, так что свинец, покрывавший крышу, расплавился и протек в погребальные камеры [см. 8, с. 363]. Тот же пожар, видимо, погубил и другие (деревянные) постройки загородного епископского монастыря. Заметим в доказательство нашего предположения, что епископ Илия, отправляя Евфросинию по повелению ангела в Сельце, надеется, что та Божьим поспешением «*возградит¹ место то велико*» [13, с. 213], то есть предполагается, что сейчас оно находится в запустении.

То обстоятельство, что ангел назвал Сельце и находящуюся в нем метохию Св. Софии «*святым*», а владыка Илия «*великим местом*», «*идеже братья наша лежат – прежде нас бывши епископи*» [13, с. 213], заставляет думать, что в разрушенной пожаром (а, возможно, и землетрясением) епископской усыпальнице был погребен не только недавно умерший епископ Мина († 1116), но и все до него бывшие, неизвестные ныне по именам, полоцкие епископы, начиная со времен Изяслава Владимировича [ср. 9, с. 244; 8, с. 362; 16, с. 223].

Возможно, именно после пожара 1124 г., когда епископский монастырь в метохии Св. Софии был разрушен, его братия осталась без крова, а Полоцкая епархия без загородной резиденции, Полоцкий князь Борис Всеславич (дядя Преподобной) предложил епископу Илье переселить владычную обитель в Бельчицу, в княжескую загородную резиденцию, где для этого было все необходимое. Эта догадка подтверждается отчасти замечанием «*бе бо прежде метохиа Святыя Софиа*» [13, с. 291] в списке Проложной I. Того же мнения придерживаются и некоторые историки. «В синхронных его строительству летописях, – пишет, например, Э.М. Загоруйский, – монастырь [в Бельчице – Л.Л.] не упоминается, но в поздних западнорусских летописях XVI в. он уже фигурирует как именно Борисоглебский. Можно предполагать, что до того, как здесь сформировался мужской монастырь, Бельчица была прежде всего загородной резиденцией полоцких князей, которая постоянно пополнялась все новыми храмовыми постройками» [см. 8, с. 368].

Все эти обстоятельства (если учитывать к тому же и историю развития текста Жития [13, с. 116–194]) позволяют утверждать, что собственно «малая деревянная церковька Святаго Спаса» отнюдь не являлась епископской усыпальницей, а находилась неподалеку от нее и даже вряд ли входила в монастырский комплекс загородной епископской резиденции, будучи, скорее, приходским храмом жителей Сельца. Иначе говоря, определение «идеже братья наша лежат» относится не собственно к «церковьке Святаго Спаса», а ко всему поселению Сельце, которое являлось метохией Святой Софии и в котором находились и епископская усыпальница (на территории мужского монастыря), и небольшая приходская деревянная церковька Святаго Спаса, построенная ранее монастырского комплекса.

Наиболее точно, как видится, будущее место подвизания Преподобной описано в редакции Жития, созданной свт. Димитрием Ростовским (несмотря на все иные неточности этого повествования): «*мѣсто нарицаемое Селце, идѣже бѣ метохіа святыя Софіи и церков мала древяная Спасителя*» [7, л. 639]. И далее уточняется, что епископ передает монахине не собственно «метохию Святой Софии» с усыпальницей полоцких владык, а конкретно «*мѣсто святаго Спаса на Селци, яко да будет тамо монастыр дѣвическ*» [7, л. 639].

Возможно, особое замечание епископа Илии – «*по моем животе никтоже не посудит моего даниа*» [13, с. 214] – было вызвано именно тем, что монахине было отдано место в непосредственной близости от бывшей епископской усыпальницы и существовавшего при этом храме мужского монастыря, пусть и бездействующего в момент передачи. Такое «дание» могло показаться неблагодарным, хотя и имело священную аналогию в Житии прп. Евфросиньи Александрийской, небесной покровительницы Преподобной.

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – Кн. 2. – М. : Наука. – 2006. – 167 с.
2. Антоний (Мельников). Преподобная Евфросинья Полоцкая / преосвящ. Антоний (Мельников) // Богословские труды. – 1972. – Т. IX. – С. 5–14.
3. Археологические исследования у древнего Спасского храма в 2018 году [Электронный ресурс] // Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=14136. – Дата доступа: 29.03.2020.
4. Борисенков, Е. П. Свод экстремальных природных явлений, отмеченных в русских летописях / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий // Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М., 1988. – 523 с.
5. Булкин, В. А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода / В. А. Булкин // ΣΟΦΙΑ: сб. статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. – М. : Северный паломник, 2006. – С. 89–100.
6. Воронин, Н. Н. У истоков русского национального зодчества / Н. Н. Воронин // Ежегодник Ин-та истории искусств. – М., 1952. – С. 257–316.

¹ Возгражду, возградити сов. – восстановлю, вновь [по]строю (см. Невоструев, А. И. Словарь речений из богослужебных книг [Электронный ресурс] / А. И. Невоструев. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/search?q=%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B8>. – Дата доступа: 07.02.2014).

7. Димитрий (Туптало). В той же день, житие преподобная матере наша Евфросинии девици, игумении обители Святого Спаса в Полотску / Димитрий (Туптало) // Димитрий (Туптало). Книга житий святых (на славянском языке). – Кн. 3 : Март, апрель, май / Димитрий (Туптало), митр. Ростовский. – К-Печ. лавра, 1700. – Л. 638–642б.
8. Загорюльский, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорюльский. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 528 с.
9. Каргер, М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке / М. К. Каргер // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 240–247.
10. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва: Астрель, 2003. – 395 [5] с.
11. Памяти действительного члена Витебской ученой архивной комиссии Ивана Ивановича Долгова, †5 октября 1911 г. в г. Полоцке / [Д. Леонардов]. – [Витебск : б. и., 1911?]. – 11 с.
12. Майоров, А. В. Печать Евфросиньи Галицкой из Новгорода / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2. – С. 5–25.
13. Мельнікаў, А. А. Еўфрасіння Полацкая / А. А. Мельнікаў // 3 неапублікаванай спадчыны / А. А. Мельнікаў. – Мінск : Четыре четверти, 2005. – С. 14–315.
14. Раппопорт, П. А. Полоцкое зодчество XII века / П. А. Раппопорт // Советская археология. – М., 1980. – № 3. – С. 142–161.
15. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. – СПб., 1890. – Вып. 1. – С. 103–108.
16. Скобцова, Д. А. Фрагменты фресок храма-усыпальницы Евфросиниева монастыря в Полоцке из фондов Новгородского музея-заповедника / Д. А. Скобцова // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2013. – № 3. – С. 222–227.
17. Успенский, Ф. Б. Язык династических имен в Домонгольской Руси [Электронный ресурс] / Ф. Б. Успенский // Синергия. – Режим доступа: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3140&id=4797. – Дата доступа: 29.09.2017.
18. Хозеров, И. М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. / И. М. Хозеров. – Минск : Наука и техника, 1994. – 151 с.

Вардомацкий Л.М.

«РЕЧЬ ИВАНА МЕЛЕШКИ...»: К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Активно развивавшееся во второй половине XX века, благодаря трудам А.И. Журавского, В.В. Аниченко, А.М. Булыко, Е.И. Янович, И.И. Крамко, Л.М. Шакуна и других исследователей, белорусское историческое языкознание, опиравшееся, в свою очередь, на принципы этнологического подхода к изучению истории языка, сформулированные еще в начале века академиком Е.Ф. Карским, заложило серьезный фундамент научного осмысления как внутриязыковых, так и экстралингвистических процессов, протекавших в разные исторические эпохи на территории современной Беларуси. Однако в первой четверти нового тысячелетия интерес к таким исследованиям заметно снизился. А между тем, сегодня, в силу новых знаний и нового взгляда на социально-исторические процессы, протекавшие на территории современной Беларуси в разные исторические эпохи, появляются и новые возможности разносторонне и объективно оценить, казалось бы, достаточно известные, но на самом деле все еще многое скрывающие в ткани своих слов и синтаксических конструкций тексты, несущие в себе явные и скрытые сведения о быте, нравах, языке, культуре, мировоззрении народа. «Расшифровка» таких текстов, проникновение в их внутренний мир требует нового, пристального, пусть даже дискуссионного взгляда на них языковедов и историков.

Среди таких текстов – памятник белорусского языка и белорусской письменности, известный под названием *«Речь Ивана Мелешка, каштеляна Смоленскаго...»*, о котором М. Вишневецкий почти 170 лет назад писал: *«Очень интересным достоянием белорусского языка, а вместе с ним и народной белорусской речи 16 века, является "Речь Мелешки, каштеляна смоленского..."* [7, с. 480. Здесь и далее по тексту перевод на русский язык наш. – Л.В.]

Этот текст неоднократно и в разные времена становился объектом исследований историков, языковедов, литературоведов, палеографов, этнографов. И все же было бы неправильным сказать, что он широко и всесторонне описан исследователями и доступен современным историкам, литературоведам и лингвистам как с точки зрения установления истории его создания, авторства, так и его содержания, соотношения с социально-политическим пространством. И здесь следует признать, что отдельные факты и элементы, связанные с этим текстом, по-прежнему являются белыми пятнами.

Например, ни в самом тексте документа (в известных нам изданиях), ни в авторском предисловии или послесловии, которых в документе нет, ни после текста в виде подписи – нигде не присутствует фамилия или подпись *«Мелешка»*, или *«Иван Мелешка»*, или что-либо тому подобное. Н.Ф. Сумцов, например, в статье *«Речь Ивана Мелешка как литературный памятник»* высказывает мнение, что *«В действительности нет никаких данных для того, чтобы автором речи считать смоленского каштеляна Мелешка. Причем само имя автора может быть вымышленное...»*. А сама *«Речь Мелешки...»* – это *«чисто литературный памятник – политический памфлет и бытовая сатира конца XVI в.»* [5, с. 196].

Так кто и когда «авторизовал» этот памятник письменности? Вопрос этот до сих пор остается без ответа. Обратим здесь внимание лишь на один странный с лингвистической точки зрения факт. Весь текст, включая самое первое предложение – обращение к делегатам сейма, построен и передается от первого лица. Дейксисом, указателем на действующее лицо здесь как раз является

обращение, которое построено от первого лица: «*Найснейшій милостивый король и на меня ласкавыя паны братія!*» [здесь и далее графика документа по техническим причинам упрощена – Л.В.]. Но название документа сформулировано от третьего лица. И естественным предположением здесь может быть только то, что название документу дано значительно позже его создания кем-то, кто был заинтересован в его распространении. И не обязательно, как считают, с согласия самого автора.

Также несомненно интересным фактом, на который мало кто из исследователей обращает внимание, является и то, какова же все-таки настоящая фамилия «каштеляна смоленского»? Так, в изданных в 1865 г. под редакцией Н. Костомарова «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России...» текст подается под заглавием «*Речь Ивана Мелешка...*» [1, с. 188]. В издании М. Вишневецкого (1851), в распоряжении которого была рукопись из библиотеки канцлера И Хрептовича в Щорсах, документ называется «*Mowa Mielezski*». В переводе на польский язык Ю. Немцевича (в его распоряжении была рукопись из архива Й. Сераковского) и в польском издании 1822 года документ имеет название «*Ciekawa mowa Jw.Jwana Mielezski*». В исследовании Н.Ф. Сумцова – это «*Речь Ивана Мелешка*». Белорусские исследователи называют документ «Прамова Івана Мялешкі» (Н.И. Прашкович, Е.М. Раманович).

На самом деле, в представленных вариантах «фамилии» «каштеляна смоленского» – *Мелешка*, *Мелешки* – разница принципиальная.

Вариант «*(Речь) Мелешки*» – это родительный падеж от формы «*Мелешка*». А вариант «*(Речь) Мелешка*» – это родительный падеж от формы «*Мелешк, или Мелешек, или Мелешик*».

Практически все исследователи анализируемого документа сходятся на том, что «герой» произведения – лицо вымышленное. А его фамилия (прозвище) символично и образовано от глагола «*молоть*» (ср., «*молоть чепуху*» – «говорить глупости»). То есть прозвище *мелешка* синонимично определению *пустомеля*. Н.Ф. Сумцов так, в частности, и пишет: «*Самое имя Мелешко и ныне встречается в фамильных названиях и уличных кличках в значении пустомели*» [5, с. 196].

Однако современные ономастические словари и исследования не подтверждают эту мысль. Прозвище и затем фамилия *Мялешка* известны и распространены на территории Беларуси во всяком случае с конца XVI в., что подтверждается и в словаре академика Н.В. Бирилы «Беларуская антрапанімія: уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы» [3, с. 73]. Но их происхождение и значение словари никак не связывают с глаголом «молоть» или с прозвищем с презрительным оттенком «пустомеля», о чем пишет Н.Ф. Сумцов. Практически все научные источники предлагают объяснение, вполне укладывающееся в типологию формирования фамилий. *Мелешка* – фамилия белорусского происхождения, образована от уменьшительной формы *Мелешка* мужского крестильного имени *Мелетий* (разговорная форма *Мелентий*). В переводе с древнегреческого – «*заботливый, хлопотливый*» [6]. Такое понимание значения фамилии гипотетического создателя интересующего нас текста не коррелирует с распространенным представлением о нем, как о человеке, который, якобы, по своему социальному положению не мог быть представлен в сейме. Тем более абсурдным выглядит утверждение, что «*Мялешка ўмеў толькі Часоўнік і Псалтыр чытаць*» [4].

Говорящим представляется и следующий факт. И в «Актах...» Н. Костомарова, и в исследовании Н.Ф. Сумцова (что здесь совершенно естественно), и в переводе на польский язык Ю. Немцевича (в основе которого, как уже было сказано, рукопись из библиотеки Юзефа Сераковского), указывается имя Мелешки – Иван (в польском издании – *Jwan*), чем подчеркивается отнесение «автора» речи к православной конфессии. И может быть именно в этом объяснение памфлетной остроты и политической направленности текста «Речи Ивана Мелешки», если вспомнить время создания документа и социально-конфессиональные события конца XVI века, проходившие на территории Беларуси. Без упоминания имени (только «*mowa Mielezski*») текст опубликован в VIII томе «Истории польской литературы» М. Вишневецкого. И это тоже вполне объяснимо.

Так является ли «Иван Мелешка – каштелян (комендант) смоленский» действительным автором «Речи...»? На запрос «Иван Мелешка» Интернет сегодня высыпает целый ряд статей, большинство из которых начинается словами: «*Мелешко Иван – апокрифический каштелян (комендант) смоленский*». Апокрифический (от греч. *ἀπό-κρυφος* – «скрытый», «тайный») в данном случае обозначает «*вымышленный*», «*недостоверный*». И большинство исследователей действительно поддерживают мысль, что Иван Мелешко – образ вымышленный. Н.И. Прашкович прямо называет текст «Речи...» «подложным выступлением в сейме», основываясь на том, что, как пишет Н.И. Прашкович, «в 1894 году было доказано, что это – литературное произведение, не имеющее непосредственного отношения к реальному Ивану Мелешке и его участию в работе сейма» [3, с. 315].

Но что же на самом деле произошло в этом 1894 году?

Как известно, в 1894 году была опубликована уже упоминавшаяся статья Н.Ф. Сумцова [5], в которой действительно приводятся доводы в пользу того, что речь подобного содержания никак не могла быть провозглашена на заседании сейма. Да еще в присутствии короля. На самом деле

сегодня широко известно, что обсуждение различных вопросов на заседаниях сейма часто проходило очень бурно и резко, выступления часто были наполнены взаимными упреками и критикой в отношении друг друга. И речи, подобные «Речи Ивана Мелешки», были не такими уж редкими.

Но рассуждение Н.И. Сумцова было подхвачено исследователями нового времени, поскольку «Речь...» рассматривалась в основном литературоведением как литературное произведение, и предметом исследования литературоведов было, прежде всего, его социально-политическое звучание.

В качестве аргумента противников существования действительного исторического лица Ивана Мелешко и тем более его делегирования на заседания сейма используется также следующий фрагмент текста «Речи...» (в разных источниках он несколько различается, но содержательно одинаков).

В кириллическом варианте: «Давно о томъ радилъ весь поветъ не только въ Смоленску, але и въ Мозыру, кого бѣ мудрого до васъ на тотъ зѣ Ъздѣ vybraty...».

В тексте, написанном латиницей: «*Nie tolko w Smoleńsku ale I w Mozyru wies powiet o tom dawno radył kohob мудроho do was na toy zieżd k toy sentencyi wyprawity...*».

Но Смоленск и Мозырь, не граничащие между собой и значительно удаленные друг от друга административные и географические территории, не могли входить в один «поветъ». А поэтому кандидатуру И. Мелешки не могли обсуждать и там, и там. Следовательно, Иван Мелешко – это обобщенный, «апокрифический» образ некоего народного героя, поддерживаемого на всей территории восточной части ВКЛ – от Смоленска до Мозыря.

Однако сегодня достоверно известно, что Иван Мелешко, сын слонимского маршалка Ивана Даниловича Мелешко, – действительное историческое лицо, общественный деятель ВКЛ. В 1605–1610 гг. являлся каштеляном мстиславским, в 1610–1615 гг. – берестейским, а в 1615–1623 гг. – смоленским. И фраза в тексте «Речи...» «Пани Мстиславска, малжонка («жена») моя...» только подтверждает связь И. Мелешки с Мстиславлем в один из периодов его жизни. Но сама «Речь ...» начала активно распространяться в рукописях уже позже, когда Мелешко действительно был «каштеляном» смоленским. И в это время в ней появились дополнения и правки. О чем могут свидетельствовать достаточно многочисленные различия в рукописях из библиотек И. Хрептовича и Й. Сераковского, а также в переводе на польский язык Ю. Немцевича и в издании Н. Костомарова [1, док. 158, с. 188]. Причем, если Вишневский ясно указывает, что копирует текст рукописи И. Хрептовича, то, какой текст лежит в основе издания Н. Костомарова, доподлинно неизвестно. И здесь обратим внимание на следующий факт. Практически после всех документов, напечатанных в «Актах...» Н. Костомаровым есть указание на то, откуда извлечен текст и где хранится оригинал. И только по отношению к нашему документу такого указания нет. В связи с этим можно предположить, что костомаровский (назовем его так) вариант является обратным переводом с польского варианта Ю. Немцевича, а не изданием какой-то оказавшейся в распоряжении Н. \ Костомарова, но пропавшей (как утверждается) рукописи. А, следовательно, в тексте каким-либо образом должна проявляться «редакторская рука». Сравним некоторые фрагменты двух изданий (в порядке последовательности в тексте).

Начало текста в издании Н. Костомарова: «*Найяснѣй(шій) милостивый король и на меня ласкавыя паны братія!*».

В издании М. Вишневского: «*Nayiasnieyszy Miłostywy Korolu I na mienia łaskawie Panowie Bratia!*».

В издании Н. Костомарова: «*Выѣхавши зѣ дому, Богу-мъ ся помолилъ, чтобы къ вамъ здоровъ пріѣхалъ да вашу милость здоровыхъ огледалъ, и привиталъ*».

В издании М. Вишневского: «*Wyiechawszy z domu Bogum sia ia pomolił cztoeby k wam zdrow pryiechał, da waszu milost' zdrowych ohladał da I prywitał*».

Во-первых, нет сомнения в том, что оба текста действительно характеризуются восточнославянскими языковыми особенностями и написаны на старобелорусском языке (один кириллической графикой, второй – латинской), без заметных признаков полонизации. Сравним: *король* – *korolu*, *здоровъ* – *zdraw* (наличие полногласных сочетаний); *на меня* – *na mienia* (формы в.п., свойственные восточнославянским языкам); *пріѣхалъ, привиталъ* – *pryiechał, prywitał* (в польском в таких формах г → rz).

Однако заметно, что некоторые детали в тексте, изданном Н. Костомаровым, однозначно являются редакторскими правками. К таким, без сомнения, можно отнести окончание *-ый* в полной форме прилагательных. Причем в прилагательном *Найясней(шій)*, часть *-шій* подается в скобках. Так обычно поступают в случаях реконструкции или редакторской правки текста. В тексте, изданном М. Вишневским, это слово зафиксировано с усеченным окончанием – *Nayiasnieyszy*, что было характерно для белорусской речи уже в XVI–XVII вв. и подтверждается другими белорусскими памятниками письменности этого времени.

Редакторской правкой при подготовке к изданию кириллического варианта текста «Речи Ивана Мелешки...» в «Актах...» следует считать и замену именительным падежом звательных форм, которые присутствуют в тексте, изданном латиницей: *Miłostywy Korolu* → *милостивый король*; *Panowie Bratia* → *паны братія*. Мнение о том, что звательные формы в издании латиницей – это результат

влияния польского языка, не противоречит предположению о первичности текста, написанного латиницей. Как известно, звательная форма (звательный падеж) существительных – это особенность всех славянских языков. Но в старорусском языке она к XVII веку уже используется крайне редко. А в говорах, давших начало белорусскому языку, она использовалась и в XIX и в XX вв. и зафиксировалась в белорусском литературном языке.

В кириллическом тексте находим многочисленные случаи написания гласных переднего ряда после шипящих, что явно противоречит фонетической системе старобелорусского языка (найяснѣй(шій), выѣхавши. В тексте, написанном латиницей, как раз эта особенность сохраняется (nayaśnieyszy, wyiechawszy).

И, наконец, нельзя обойти вниманием проявляющийся при сравнении двух текстов факт отсутствия в кириллическом издании фрагментов текста, которые присутствуют в тексте, написанном латиницей, и несут в себе достаточно резкое социально-политическое звучание, и поэтому Ю. Немцевич не включил их в польский перевод, а, следовательно, они не оказались и в кириллическом тексте Н. Костомарова. Так, после слов, что немцы «до насъ влезли противъ праву нашему» (в тексте, написанном латиницей, – *naszomu*) в рукописи из библиотеки Хрептовича идет фраза: «*Od ich Starszyie naszymy pokłony Smolenskiie. Predirayte oczy lipsze niż o Inflanty, bo tyie mieczniki kak wlezut, to ich I zublom ne wykuryysz iak pszczoly od miedu*». (Здесь: *Inflanta* – лекарственное растение (*Lobelia inflanta* L.), которое активно влияет на дыхание и при больших дозах может привести к его остановке). В издании Н. Костомарова этого фрагмента нет. Скорее всего, его не было и в первоначальном документе, который был в распоряжении издателя. Иначе Н. Костомаров несомненно оставил бы его даже с идеологической точки зрения.

Обобщая фрагментарно представленные здесь наблюдения и размышления, следует признать, что, казалось бы, широко известный, хрестоматийный памятник белорусской письменности и ранней белорусской литературы «Речь Ивана Мелешки...», на самом деле таит в себе сегодня больше вопросов, чем ответов и нуждается в тщательном комплексном исследовании, которое позволит получить объективные, верифицированные выводы относительно авторства документа, истории его создания, социально-исторического и конфессионального фона, графических, лингвистических, литературоведческих и этнологических особенностей.

1. Акты, относящиеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографической комиссіей. Томъ второй / [ред. Н.Костомаров]. – СПб, 1865. – 312 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская анамастыка / М. В. Бірыла. – Мінск, 1966. – 328 с.
3. Прашкович, Н. И. Прамова мялешки и лист да Абуховича – новый этап в истории белорусской литературы / Н. И. Прашкович // Труды отдела древнерусской литературы. XXIV. – Изд. : Наука, 1969. – 416 с.
4. Старабеларускія парадыйна-сатырычныя творы “Прамова Мялешкі” і “Ліст да Абуховіча” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studopedia.ru/1-90530.html>. – Дата доступа: 17.03.2023.
5. Сумцов, Н. Ф. Речь Ивана Мелешка как литературный памятник / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. Том XLV. – 1894.
6. Мелешко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://familio.org/surnames/81477e0c-ab51-40cc-b436-e85302fc33d5>. – Дата доступа: 17.03.2023.
7. Wiszniewski, M. Historja literatury polskiej, tom. VIII / M. Wiszniewski. – Kraków, 1851. – 510 с.

Булыгина Т.А.

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социальная история в XXI в. поднялась на новую ступень понимания в контексте как строго научного знания и как социально ориентированного знания [8]. Социальная история сегодня аккумулирует все историческое знание об истории экономики, политической и культурной истории. Это связано с антропологически ориентированной историей, когда все основные направления исторической науки рассматриваются с позиций активной роли человека. Социальная история как история общества включает в себя человека как единицу этого общества, и именно человек осуществляет функции политики, экономики, культурная и интеллектуальная наполненность общества осуществляется человеком. Такое проникновение человека в исследовательские области исторического познания вернуло людей эпохи постпостмодернизма к задаче возвращения целостного знания через целостность человека: «От человека, затерянного в массе, происходит возвращение к <...> конкретному маленькому человеку, деятельность которого лежит в основе движения любой социальной системы, иными словами, возвращение к проблеме целостного человека в единстве его социальных, психологических и биологических свойств...» [7, с. 8].

Внимание к социальной истории раскрыло эвристические возможности познания прошлого через историю повседневности. На наш взгляд, культурно-интеллектуальная история, как и история

повседневности, кроме того, актуализировали вопрос о соотношении макро- и микроистории в изучении того или иного общества как предметных областей, так и средств исторического познания.

В связи с таким подходом социально ориентированное знание истории как мировой, так и отечественной, направленное на формирование и поддержание национальной идентичности, также расширяет свои возможности. Оно находит в прошлом своего народа «свое – чужое» через конкретных людей и их взаимоотношения, выявляет ментальные связи с современностью, являясь инструментом создания национального единства.

Антропологический поворот и выход на новую социальную историю, со всей очевидностью, ставит по-новому проблему источниковедческого анализа. Во-первых, именно социальная история раскрыла несостоятельность позитивистского деления источников на «главные» и «второстепенные». В ряде случаев законодательные и другие официальные источники уходят на второй план перед лицом источников личного происхождения, фольклором, беллетристикой и публицистикой. К примеру, такая тема, как коллективный портрет представителей того или иного локального сообщества вплоть до социальной группы предполагает комплексное изучение биографических данных – от словарей до послужных списков и учетных карточек, т.е. документов «по личному составу», – источников личного происхождения, художественной литературы и проч. Очевидно, что официоз в данном случае занимает не очень много места.

Во-вторых, социальная история, наряду с другими направлениями, демонстрирует эффективность комплексного подхода к анализу источников. Чем обширнее комплекс, тем более подробный, более приближенный к прошлой реальности фрагмент мы можем реконструировать. Обратимся к серии сборников «Голоса из провинции» [3; 4; 5]. Основой сборников были заявления не только отдельных жителей, но и представителей отдельных групп региона во власть в разные периоды его истории. Они составляют от трети до четверти всех опубликованных документов. Так, в феврале 1918 г. к губернской власти Ставрополя обратились владельцы аптек города с просьбой помочь урегулировать цены на медикаменты [3, с. 35]. Имеются обращения извозчиков, а также жителей отдельных сел и районов города Ставрополя. Однако наряду с этим в сборнике приводятся переписка общественных организаций с местной властью, договора граждан с властью, к примеру, договор крестьянина о передаче его автомобиля в пользование союза потребительских обществ [3, с. 37]. В целом обращения граждан во власть сами уже представляют громадное многообразие: жалобы, доносы, уведомления по типу справок, просьбы, официальные заявления – и все они содержат богатую информацию о социальной жизни наших предшественников, в том числе и латентную. Поэтому необходимость изучения микро- и макросоциальной истории актуализирует тезис о диалоге исследователя с источником и его создателями. Наряду с этим использованы докладные, отчеты, распоряжения, информационные сводки, которые дополняют образ социальной реальности конкретного времени. Отдельным разделом представлены фотодокументы не как иллюстрации, а как полноценный источник воссоздания социальной жизни населения Ставрополя.

Таким образом, одним из важнейших условий реконструкции явлений и событий социальной истории является комплексный подход к источниковой базе подобного исследования. В частности, выявление «своего – чужого» в социокультурном пространстве Северного Кавказа потребовало использования различных видов источников – от записок путешественников, художественных произведений, писем служебного и личного характера, до рапортов, докладных записок, проектов и правительственных указов [3, с. 37].

В современной историографии новейшего времени особое место занимают устные источники. Опросы свидетелей и очевидцев по новейшим методикам с фиксацией на цифровых носителях являются богатейшим источником для исследований исторической памяти, которая рассматривается как существенная составляющая социальной истории. Более того, в комплексе с изучением фольклора, вещественных источников и фото- и кинодокументов, архитектурных памятников, мест памяти устные источники помогают реконструировать прошлую повседневность.

Мы видим, что микроистория, – не только как метод, но и как составляющая социальной истории, включающая повседневность как точку рождения тенденций социальной истории и как точку преобразования этих тенденций в социальную реальность, – требует разработки других типов источников, помимо письменных. Фольклор как устный источник, куда входят не только сказки, пословицы и песни, но и слухи, байки, анекдоты, приоткрывает некоторые стороны прошлой повседневности, особенности социального бытования. В такой же степени ценны вещественные источники, которые несут тепло давно умерших людей, архитектура городских застроек – от храмового строительства до русского барокко гражданского строительства, от модерна и конструктивизма, до «спальных» районов в городах во второй половине XX в.

Сегодня, благодаря обращению к социальной истории, при анализе источников особое внимание стало уделяться методам семиотики культуры. Пережив шок постмодернизма, историки открыли для себя не только лингвистический поворот, который поставил проблемы языка различных социальных групп – от элиты до «безмолвствующего большинства», у которого, оказывается множество разных языков, открывающих богатую социальную действительность далекого и близкого прошлого. Семиотика как знаковая система раскрыла историкам возможные источники изучения коммуникаций в социуме.

Социальное пространство, в котором человек действует, чувствует и формирует свои представления о мире, его поведенческие, культурные и иные практики сопровождаются исполнением/неисполнением социальных и иных ролей, отображением этого пространства с помощью ритуалов, письма, игры. Среди источников, помогающих расшифровать это многослойное, сложное пространство, привлекаются фотографии: «Фотоснимок представляет элемент визуальной коммуникации, но это не готовое визуальное сообщение, а материал для его создания – наряду с комментарием или подписью» [2, с. 9]. В сочетании с другими источниками фотографии «читаются» методами семиотики и расширяют творческие возможности интуитивного воспроизведения прошлого. Не менее значительной в этом отношении является и историческая расшифровка языка кинематографа. Некоторые исследователи уже обратились к кино как историческому источнику [1; 6]. Кинофильм как исторический источник требует междисциплинарного подхода, также пришло время более или менее четкой классификации этого типа источников и его полного атрибутирования. Сегодня началась разработка теоретико-методологических основ и исследовательского инструментария изучения таких источников.

В связи с разработкой социальной истории встает еще один вопрос. Это обновление взгляда на так называемые «низовые» источники, т.е. первичные архивные документы из региональных и местных архивов. Мы их определяем как источники местной истории, хотя это не совсем точное определение, – ведь информацию о местной истории мы находим и в центральных архивах, – но, на наш взгляд более корректное. Речь идет о документах, отражающих социальную жизнь локальных микросообществ: крестьянских сходо́в, местных земств, колхозов, школ, первичных ячеек партийных, профсоюзных и иных общественных организаций, коллективов заводов и больниц.

Эти источники более адекватно отражают реальность данного периода в ее первичной форме. Они составляли базу для обобщенных отчетов, докладов, донесений разных уровней. Продвигаясь по бюрократической лестнице, они теряли свою первичность под воздействием разных обстоятельств – от желания улучшить картину подведомственных регионов до элементарных ошибок. Редактирование и унификация обобщенных отчетов также влияли на информацию «снизу». Источники первичного звена носили более частный, приближенный к микросообществу характер, содержали большое количество данных из жизни местного общества, в них в значительной мере отражалось персональное влияние. Все это делает такие источники ценным материалом для изучения социальной истории.

Здесь затронуты лишь некоторые вопросы изучения источников социальной истории, которые в некоторой степени определяют пути развития отечественного источниковедения.

1. Афанасьевская, Н. В. К вопросу о языке фотографии / Н. В. Афанасьевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1. – С. 332–341.
2. Бойцова, О. Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О. Ю. Бойцова. – СПб., 2010. – 26 с.
3. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. – 760 с.
4. Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1930 – 40-х годах : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. – 410 с.
5. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 гг. : сборник документов. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.
6. Егоров, С. О. Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста / С. О. Егоров // Исторический курьер. – 2022. – № 5 (25). – С. 11–20. – Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-01.pdf>.
7. Ким, С. Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика / С. Г. Ким. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 196 с.
8. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев. – Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
9. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа : хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. – Ставрополь : изд-во СКФУ, Дизайн-студия, 2016. – 366 с.

Синова И.В.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОХРАНЕ ТРУДА ДЕТЕЙ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)¹

На детский труд как социальную проблему и форму виктимизации детей и подростков обратили внимание в Императорской России только в середине XIX в., а, следовательно, о типологизации исторических источников по данной теме можно говорить только начиная с этого периода времени. Условно источники по вопросу охраны труда применительно к Санкт-Петербургу можно разделить на несколько групп. Первая группа включает общегосударственные законодательные акты, распоряжения и правила на уровне губерний и локальные правовые акты, издававшиеся отдельными промышленными предприятиями и управами, в частности, ремесленной.

На основании правовых актов, принятых на Высочайшем уровне в течение XIX в., можно проследить эволюцию российского фабричного законодательства, начало которому было положено в 1835 г. [8], а также процесс регламентации детского труда, начавшегося, хотя и формально, в 1845 г. с закона «О воспреещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» [3]. Анализ принятых в конце XIX в. юридических документов и, прежде всего, закона 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» позволяет оценить изменения со стороны государства и предпринимателей по отношению к охране детского труда [4]. Благодаря этому закону была учреждена фабричная инспекция, в том числе для надзора за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих.

Региональные особенности и специфику охраны детского труда с учетом специализации промышленных предприятий и ремесленного производства позволяют выявить и проанализировать правовые акты, принимаемые генерал-губернаторами. В частности, только в Санкт-Петербурге и Москве в середине XIX в. действовали унифицированные правила, регламентирующие работу промышленных и торговых заведений, в том числе Устав о ремесленной промышленности и Правила для фабрик и заводов в Санкт-Петербурге, в которых содержались также условия и ограничения труда детей.

Среди законодательных актов регионального уровня несколько редакций Устава о ремесленной промышленности, включавших вопросы регулирования деятельности ремесленных мастерских, прав и обязанностей мастеров, положения подмастерьев и учеников, условия их обучения; они позволяют подвергнуть анализу особенности обучения малолетних ремеслу. Принятые в 1896 г. по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника генерал-майора Н.В. Клейгельса Правила для ремесленных заведений регламентировали в том числе санитарные нормы, согласно которым: «Число рабочих, соразмеренное с кубическим содержанием воздуха и указанное в выданном разрешении, отнюдь не должно быть увеличиваемо произвольно <...> 5. Помещения мастерских надлежало вентилировать, содержать опрятно и в должных гигиенических условиях» [26, л. 3]. В свою очередь градоначальник генерал-лейтенант Фуллон в 1904 г. издал «Обязательное Постановление об ответственности хозяев ремесленных заведений и мастерских столицы за несоблюдение правил о рабочем времени в сих заведениях» [25, л. 60]. Данные документы демонстрируют не только требования со стороны городского начальства к условиям труда подростков, но и свидетельствуют о существовавших проблемах.

Хранящиеся в фондах промышленных предприятий столицы Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) локальные акты по правилам техники безопасности позволяют выявить условия труда детей с учетом отраслей производства.

Вторая группа источников состоит из делопроизводственных документов, отчетов, в том числе фабричных инспекторов, инструкций по охране труда для работников и работодателей, распоряжений, писем, жалоб, объяснительных записок. Значительная часть этих документов составляют фонды Петербургской ремесленной управы (ф. 223), Петроградского губернского правления (ф. 254), Петроградской городской управы (ф. 513), Канцелярии Петроградского градоначальника (ф. 569), хранящиеся в ЦГИА СПб.

Особое место среди источников принадлежит ежегодным отчетам фабричных инспекторов, которые содержат значительный фактический материал, характеризующий проблемы охраны труда детей и попытки их решения, а также нежелательные последствия для здоровья малолетних, их моральное и психическое состояние с учетом взрослого окружения [14]. Изучение отчетов о травматизме способствует выработке выводов и обобщений о количестве несчастных случаев среди детей и подростков с учетом уровня их квалификации, специализации предприятий и демографических характеристик потерпевших [15].

¹Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>.

Переписка, хранящаяся в фондах архива, связанная с охраной труда детей, в том числе в ремесленных мастерских, позволяет проследить процесс постановки и решения данных вопросов на разных уровнях. Особый интерес для исследователей представляют хранящиеся в фонде Ремесленной управы жалобы, связанные с нарушениями в сфере ремесленного ученичества. Среди них жалобы родителей, родственников и самих учеников на бесконтрольное и неограниченное время работы, на плохое обучение, эксплуатацию, жестокое обращение, неудовлетворительное содержание и бытовые условия [24].

Третья группа источников включает труды и материалы деятельности комиссий, комитетов, съездов. Вопросы деятельности фабрик, заводов, ремесленных мастерских на рубеже XIX–XX вв. широко обсуждались представителями промышленности, юристами и общественностью на торгово-промышленных съездах [2; 7; 17–20]. Выступления участников предоставляют возможность получить сведения не только об организации производства, но и о том, что связано с гигиеной труда, режимом работы, техникой безопасности, несчастными случаями с малолетними. Кроме этого, постановка проблем участниками свидетельствует о расстановке общественностью приоритетов с точки зрения гуманистических принципов по отношению к детям и их виктимизации.

К четвертой группе относятся статистические сведения о численности населения по возрасту и полу, занятости, сословной принадлежности. Опубликованные итоги переписей по Санкт-Петербургу, статистических ежегодников, статистики несчастных случаев в промышленности позволяют изучить как демографические характеристики трудящихся, выделив малолетних детей, так и составить картину занятых по отраслям промышленности, уровня травматизма, образования и квалификации работников [10–13; 15; 16].

Пятый блок документов – это периодическая печать. Особый интерес в качестве исторического источника для научной критики вызывают остросоциальные и проблемные статьи в журналах «Вестник общественной гигиены и судебной и практической медицины», «Журнал Министерства юстиции», «Детская помощь», «Трудовая помощь» и др., а также в газетах «Биржевые ведомости», «Петербургский листок», «Северный курьер» и др. Источниковедческий анализ публикаций в журналах и газетах середины XIX – начала XX в. юристов, врачей, педагогов, психологов и представителей общественности позволяет определить круг актуальных проблем, которые вызывали оживленные дискуссии в прессе как постановкой проблем охраны труда, травматизма и гигиены малолетних на производстве и в ремесленных заведениях, так и поиском путей их решения.

Шестая группа включает источники личного происхождения, к которым можно отнести, прежде всего, мемуары. Они хотя и носят субъективный характер, но занимают важное место, и способствуют эмоциональному восприятию, отражают личные оценки и мнения о событиях, фактах, поступках и человеческих взаимоотношениях. Малолетние рабочие и ученики ремесленных мастерских не вели дневников как по причине недостаточной грамотности, так и из-за отсутствия времени на данный вид деятельности из-за борьбы за выживание. Поэтому анализ даже ограниченного числа нарративов о трудовой деятельности представляет несомненную ценность [1]. Выходец из Карелии А.Н. Самсонов в своих записках рассказал о тяжелых условиях жизни в отходничестве в Петербурге, когда его в 10-летнем возрасте отдали за 6 рублей в «мальчишки» к хозяину чайных магазинов [9]. Ученица столичной белошвейной мастерской М.И. Ключева в своих воспоминаниях конца XIX в. рассказывает о режиме и условиях труда, быта, отдыха, питания и досуге в период ученичества [5].

Седьмую группу составляют визуальные (изобразительные) источники, к которым относятся фотографии, фильмы, графика, рисунки, картины и пр. Фотодокументов и произведений искусства, на которых изображены ученики ремесленных мастерских и дети на предприятиях Санкт-Петербурга в рассматриваемый период, ограниченное количество, но и они позволяют составить картину элементов быта, условий и форм труда, одежды и повседневной жизни.

Восьмая группа источников – это художественная литература, способствующая реконструкции коммуникаций в трудовой деятельности детей и повседневной жизни [6].

Каждый вид исторических источников имеет свою научно-познавательную ценность, а совокупное их использование и источниковедческая критика являются гарантией объективного восстановления целостной картины охраны детского труда середины XIX – начала XX в.

1. Блахин. Жизнь фабричного рабочего // Библиотека для чтения. – 1862. – № 6. – С. 89–127.
2. 2-ой съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России 1895–96. XIV секция – ремесленного ученичества в мастерских. – СПб. : «Владимирская» Паровая Типо-Лит. Мордуховского, 1898. – 183 с.
3. Закон от 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» // ПСЗРИ (1825–1881). – Т. XX (1845), Ч. I, № 19262.
4. Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // ПСЗ РИ (1881–1913). – Т. II (1882), № 931.

5. Ключева, М. И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 / М. И. Ключева // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 164–232.
6. Круковский, М. А. Приключения Сеньки / М. А. Круковский. – 2-е изд. – М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1914. – 18 с.
7. Отчет по Всероссийскому съезду по ремесленной промышленности в СПб с 14 по 20 марта 1900 г. – СПб.: Типография Г. А. Бернштейна, 1900. – 214 с.
8. Положение «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24 мая 1835 г. // ПСЗ. II собрание. – СПб., 1836. – Т. X, № 8157. – С. 447–448.
9. Самсонов, В. А. Записки кондопожанина. Очерки о людях, жизни и природе / В. А. Самсонов. – Кондопога, 1997. – 137 с.
10. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1863 г. – Выпуск 1, 2, 3. – СПб., 1872–1875. – 30 с.
11. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. – СПб., 1883–1885. – 144 с.
12. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года: в 4-х т. – СПб., 1891–1892. – 680 с.
13. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. – СПб., 1903. – 198 с.
14. Свод отчетов фабричных инспекторов. – СПб., 1912. – 318 с.
15. Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции за 1901 г. – СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума. – 151 с.
16. Статистический ежегодник С-Петербурга. Материал по статистике СПб. Год первый. 1881. – СПб., 1882. – 184 с.
17. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности 1900 г. изданные организационным комитетом съезда. – СПб.: Типография Г. А. Бернштейна, 1900. – 269 с.
18. Труды II Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в СПб, в 1911 году. – СПб., 1911. – 293 с.
19. Труды IV и V очередных съездов представителей промышленности и торговли, состоявшихся 10, 11, 12 и 13 ноября 1909 г. и 15, 16, 17, 18 марта 1911 г. в СПб. – СПб., 1910, 1912. – 489 с.
20. Труды VI очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 7, 8, 9 мая 1912 г. в С-Петербурге. – СПб., 1914. – 351 с.
21. Устав ремесленный. Издание 1879 г. – СПб.: Типография 2-го отд. Собств. е. и. в. канц., 1879. – 58 с.
22. Устав о ремесленной промышленности. – СПб.: Типография инженера Г. А. Бернштейна, 1910. – 94 с.
23. Устав о промышленности // СЗРИ. – Т. XI, Ч. II. – СПб., 1893. – 24 с.
24. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 223. Оп. 1. Д. 3339.
25. ЦГИА СПб. – Ф. 223. Оп. 1. Д. 5269.
26. ЦГИА СПб. – Ф. 223. Оп. 1. Д. 5351.
27. ЦГИА СПб. – Ф. 1435. Оп. 3. Д. 6.

Горны А.С.

АЎТАБІЯГРАФІЧНЫЯ ДАКУМЕНТЫ ДЗЕЯЧАЎ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ Ў МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ: СПРОБЫ КЛАСІФІКАЦЫІ

Дастаткова малавывучанымі ў айчынным крыніцазнаўстве з’яўляюцца аўтабіяграфіі дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі. На сённяшні час у навуковы зварот уведзена невялікая частка дакументаў падобнага роду і акрэсленага перыяду. У дадзеным кантэксте маюцца на ўвазе не літаратурныя аўтабіяграфіі, якія вельмі падобныя на мемуарны жанр, а т. зв. справаводчыя аўтабіяграфіі, дастаткова аднастайныя па свайму зместу. З аднаго боку, гэтыя дакументы, дзякуючы свайму афіцыйна-дзелавому стылю, напісаны сухой справаводчай мовай, маюць невялікую інфарматыўнасць і факталогію, аднак пры дэталёвым вывучэнні яны могуць дапамагчы раскрыць многія рысы ўнутранага свету, палітычных перакананняў і нацыянальнай самасвядомасці той ці іншай асобы [1, с. 108].

Аўтабіяграфічныя дакументы актывістаў беларускага руху ў Заходняй Беларусі мелі розныя вяртыцы, што выклікае патрэбу іх навуковай класіфікацыі. Першым тыпам такіх дакументаў можна лічыць афіцыйныя аўтабіяграфічныя наратыўныя міжваеннай Польшчы. Некаторыя беларусы пісалі ўласныя аўтабіяграфіі ці *curriculum vitae* толькі для пэўных дзяржаўных устаноў міжваеннай Польшчы дзеля дакументацыйнай патрэбы з гэтага пункту гледжання звяртае на сябе ўвагу значны комплекс справаводчых аўтабіяграфій беларускіх дзеячаў, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літвы ў фондзе Віленскага ўніверсітэту. У міжваенны перыяд многія беларускія актывісты атрымлівалі вышэйшую адукацыю ў гэтым універсітэце і пры паступленні былі абавязаны напісаць свае кароткія жыццяпісы. Звычайна, гэтыя дакументы былі напісаны ў адпаведнасці з наступнай структурай: дата і месца нараджэння, атрыманая адукацыя, месца працы, некаторыя іншыя біяграфічныя звесткі, напрыклад, служба ў розных вайсковых фарміраваннях ці бежанства ў часы Першай сусветнай вайны. Паказальна, што сярод 15 аўтабіяграфій, прааналізаваных аўтарам гэтага артыкула, ніводная не ўтрымлівала звестак аб грамадскай дзейнасці ці ўдзеле ў беларускім нацыянальным руху. Нават такія вядомыя дзеячы, як, напрыклад, Р. Астроўскі, К. Крук ці А. Паўлюкевіч у сваіх аўтабіяграфіях апускалі звесткі аб палітычнай і грамадскай дзейнасці і ўвогуле не згадвалі, што з’яўляюцца актывістамі тых ці іншых беларускіх структур [2, арк. 11; 3, арк. 34; 4, арк. 6–7]. Замоўчванне падобнай інфармацыі дазваляла ім, пэўным чынам, легалізавацца ў польскім грамадстве і атрымаць магчымасць увайсці ў дзяржаўныя ўстановы, якім з’яўляўся ў тым ліку і Віленскі ўніверсітэт. Як заўважыў рускі гісторык Ю. Зарэцкі, людзі, калі пісалі справаводчыя аўтабіяграфіі,

уступалі ў пэўны дыялог з дзяржавай і баяліся, што дзяржава можа “адказаць” ім негатыўным чынам [1, с. 118]. Паказальна, што Астроўскі і Крук падкрэслілі ў сваіх аўтабіяграфіях, што ў часы Грамадзянскай вайны ў Расіі служылі ў антыбальшавіцкіх фарміраваннях. Дадзеная інфармацыя была прапісана, хутчэй за ўсё, з разлікам адсунуць абвінавачванні ў бальшавізме, якія вельмі часта выказваліся з боку польскіх дзяржаўных чыноўнікаў у адрас беларусаў.

Нярэдка ўніверсітэцкія аўтабіяграфічныя дадзеныя магуць выступаць пэўным паказчыкам зменаў нацыянальнай ідэнтычнасці беларускіх актывістаў, якія былі зроблены свядома з мэтай забяспечыць сабе кар’еру ці бязклапотнае жыццё ў рамках польскага грамадства. Так, беларускі дзеяч у Гродна ў 1919–1920 гг., сябр Гродзенскага Беларускага нацыянальнага камітэта Я. Натусевіч ужо ў 1921 г. у сваіх аўтабіяграфічных звестках для Віленскага ўніверсітэта падаваў сваю нацыянальнасць як “паляк”, а родную мову – польскай [5, арк. 7]. Адзін з лідараў беларускай студэнцкай карпацыі “Скарынія” К. Глінскі ва ўніверсітэцкім curriculum vitae падкрэсліў польскую нацыянальнасць і пазначыў свой удзел у шэрагу польскіх моладзевых арганізацый [6, арк. 36].

Аўтабіяграфіі, падрыхтаваныя для савецкіх партыйных ці дзяржаўных структур, мелі, безумоўна, іншы змест і факталогію. У гэтых жыццяпісах аўтары, наадварот, імкнуліся падкрэсліць сваю дзейнасць на карысць беларускага руху, адлюстравіць прыклады рэпрэсій з боку польскіх уладаў і нават вызначыць свае стаўленне да тых ці іншых канкурэнтаў на беларускай палітычнай арэне. Яскравым прыкладам тут можа выступаць аўтабіяграфія В. Таўлая, напісаная ў 1946 г. У ёй узгадваліся турэмныя зняволенні, якія адбыў аўтар у міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі, а таксама дзейнасць у структурах КПЗБ і рэдкалегіях беларускіх перыядычных выданняў [7, с. 152–154]. Найбольш змястоўнай таксама з’яўляецца аўтабіяграфія Б. Тарашкевіча, падрыхтаваная ў 1933 г. для савецкіх органаў дзяржбяспекі, у якой аўтар вельмі падрабязна адлюстравіў свой удзел у розных структурах беларускага руху, у тым ліку, у Заходняй Беларусі [8].

Вельмі блізкімі да аўтабіяграфічнага жанру з’яўляюцца яшчэ два тыпы эга-дакументаў, маладаследаваных у айчынным гістарычным дыскурсе: аўтабіяграфічныя анкеты і следчыя паказанні з аўтабіяграфічнымі дадзенымі. Першыя дакументы мелі, з большага, прыкладны характар і запаўняліся чалавекам пры працаўладкаванні ці далучэнні да дзейнасці нейкай грамадскай структуры. Пэўная форма анкет і дакладна вызначаныя пытанні прадвызначылі дастаткова сухі і абмежаваны змест гэтых дакументаў з факталагічнага пункту гледжання. Тым не менш, ґрунтоўнае вывучэнне інфармацыі ў анкетах і параўнанне яе з іншымі біяграфічнымі дадзенымі асобы дасць магчымасць вызначыць унутраныя механізмы запаўнення анкеты, праблему фільтрацыі і адбору той ці іншай інфармацыі з улікам палітычнага і сацыяльнага фактару.

У межах беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі анкеціраванне асобаў не было распаўсюджанай з’яваю. У асноўным анкеты запаўняліся шматлікімі настаўнікамі дзеля працаўладкавання ў беларускіх школах. Яскравым прыкладам у гэтым плане могуць выступаць анкеты беларускіх дзеячаў, запоўненыя па замове Беларускага цэнтра ў Літве ў 1940 г. Гэтая арганізацыя праз газету “Крыніца” абвясціла пошук настаўнікаў у Вільні, якія маглі б арганізоўваць беларускае школьніцтва ў Літве. На адрас Беларускага цэнтра прышла значная колькасць анкет розных беларускіх актывістаў, лёс большасці з якіх быў звязаны з беларускім рухам у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. У анкетах прапаноўвалася падаць кароткія біяграфічныя звесткі, пазначыць канфесійную прыналежнасць, вопыт педагагічнай працы, сяброўства ў беларускіх арганізацыях. Сярод дадзеных дакументаў сустракаюцца анкеты такіх дзеячаў, як М. Маскалік, С. Кароль, Я. Шнаркевіч, А. Ружанцоў, М. Дзямідаў, У. Сініла і інш. Цікаваць уяўляюць некаторыя анкеты рускіх ці польскіх настаўнікаў, напрыклад С. Любіч-Маеўскага ці А. Егера, у якіх можна прасачыць характэрныя жаданні гэтых людзей далучыцца да беларускага нацыянальнага праекту [9, арк. 1–29].

Яшчэ адным тыпам эга-дакументаў, блізкім да аўтабіяграфій, могуць лічыцца следчыя паказанні, у асноўным тая іх частка, дзе чалавек падрабязна характарызуе падзеі свайго жыцця ад нараджэння да сучаснага стану. Пануючыя на сённяшні час у айчынным крыніцазнаўстве падыходы адносяць гэтыя крыніцы да дакументаў справаводства, аднак, відавочна, з улікам новых метадалагічных рэалій, пратаколы допытаў, дзе маюцца аўтабіяграфічныя дадзеныя мэтазгодна адносяць да эга-дакументаў. Яскрава гэта адлюстравана на прыкладзе вялікага корпусу пратаколаў допытаў дзеячоў беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі, якія могуць лічыцца сапраўднымі аўтабіяграфіямі ці мемуарамі з дастаткова добрай літаратурнай апрацоўкай уласна аўтара. Напрыклад, падрабязна асвятліў асноўныя вехі свайго жыцця і дзейнасці для савецкіх органаў дзяржбяспекі адзін з лідараў беларускага руху ў Заходняй Беларусі А. Луцкевіч [10, с. 246–262]. Аднак неабходна разумець, што пратаколы допытаў маглі мець суб’ектыўны падтэкст, выконваць функцыю “апраўдання” перад той ці іншай уладай, дзе аўтар замоўчваў ці свядома скажаў факты рэчаіснасці.

У адрозненні ад следчай аўтабіяграфіі А. Луцкевіча, якая была перадрукавана ў навуковых выданнях, многія следчыя справы іншых беларускіх дзеячаў міжваеннай Заходняй Беларусі на

сённяшні час не ўведзены ў навуковы зварот і неапублікаваны. У прыватнасці, значная колькасць падобных спраў з адкрытым доступам захоўваецца ў Асобым архіве Літвы у г. Вільнюс. Сярод іншых, тут захоўваюцца пратаколы допытаў А. Станкевіча, Я. Шутовіча, А. Сакаловай-Лекант, С. Грынкевіча, В. Жук-Грышкевіча, А. Клімовіча і інш. У якасці абвінавачаных падчас допытаў яны павінны былі прадаставіць следству свае падрабязныя ці невялікія аўтабіяграфічныя дадзеныя, аб'ём якіх звычайна залежыў ад значнасці таго ці іншага дзеяча ў беларускім палітычным і культурна-асветніцкім жыцці. Напрыклад, следчая аўтабіяграфія ксяндза А. Станкевіча ахоплівала каля 20 старонак тэксту і ўтрымлівала не толькі канкрэтныя звесткі пра жыццё і дзейнасць. У ёй Станкевіч спрабаваў пэўным чынам “выбачыцца” перад савецкай уладай, паказаць, што яго антысавецкая і незалежніцкая пазіцыя ў міжваенны перыяд была праявай “моднага эгаістычнага нацыяналізму” ці наўпрост неразумнем савецкага ладу [11, арк. 156]. У той жа час, следчыя аўтабіяграфіі менш уплывовых дзеячаў беларускага руху, напрыклад, А. Сакаловай-Лекант ці В. Жук-Грышкевіча, былі кароткія, малайнфарматыўныя і дастаткова “сухія” на ацэнкі і пазіцыю адносна савецкага ладу. У іх няшмат згадак аб актыўнасці ў рамках беларускага нацыянальнага руху. Напрыклад, А. Сакалова-Лекант адносна беларускага руху пазначыла толькі працу выкладчыкам Віленскай беларускай гімназіі і не ўгадала аб удзеле ў шэрагу беларускіх культурна-асветніцкіх арганізацыях [12, арк. 13–13 адв.]. Жук-Грышкевіч наадварот “апусціў” інфармацыю аб працы выкладчыкам беларусазанўства ў Віленскай духоўнай семінарыі, аднак угадаў сваё членства ў ТБШ і БСРГ у 1920-я гг. [13, арк. 21–22].

Такім чынам, аўтабіяграфічныя дакументы дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі можна падзяліць на чатыры тыпа: 1) афіцыйныя аўтабіяграфіі ці curriculum vitae для польскіх дзяжаўных і грамадскіх устаноў; 2) аўтабіяграфіі для савецкіх партыйных ці дзяржаўных структур; 3) аўтабіяграфічныя анкеты для розных устаноў; і 4) следчыя паказанні з аўтабіяграфічнымі дадзенымі. Кожныя з гэтых тыпаў аўтабіяграфічных крыніц патрабуюць грунтоўнага выяўлення і верыфікацыі ў айчынных і замежных архівах, а таксама комплекснага даследавання з улікам новых крыніцазнаўчых падыходаў.

1. Зарецкий, Ю. Моя жизнь для Государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми / Ю. Зарецкий // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 3 (157). – С. 107–127.
2. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 175. Ap. 2(VICa). B. 1530.
3. LCVA. – F. 175. Ap. 2(VICa). B. 2780.
4. LCVA. – F. 175. Ap. 3(IXCa). B. 498.
5. LCVA. – F. 175. Ap. 2(VICa). B. 154.
6. LCVA. – F. 175. Ap. 2(VICa). B. 597.
7. Таўлай, В. Выбраныя творы / В. Таўлай. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – 412 с.
8. Тарашкевіч, Б. Аўтабіяграфія / Б. Тарашкевіч // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 96–132 ; № 5. – С. 130–186.
9. LCVA. – F. 1091. Ap. 1. B. 3.
10. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху / А. Луцкевіч. – Беласток ; Вільня : Беларускае гістарычнае таварыства, Інстытут беларусістыкі, 2010. – 346 с.
11. Lietuvos upatingasis archyvas (LYA). – F. K-1. Ap. 58. B. P-12505.
12. LYA. – F. K-1. Ap. 58. B. 46997/3.
13. LYA. – F. K-1. Ap. 58. B. 46264/3.

Агеенка Т.М.

ДА ПЫТАННЯ АБ ДЗЕЙНАСЦІ ВІЦЕБСКАГА ГІСТПАРТА

Віцебскі Гістпарт ў звязку з Мінскім і Гомельскім аддзяленнямі ужо разглядаўся ў даследаваннях В. Міхнюка, М. Шумейка [10, 15]. У той жа час ён так і не стаў аб'ектам асобнага вывучэння. Адсутнасць агульнай карціны функцыянавання ўстановы, а таксама неабходнасць удакладнення пэўных фактаў яго гісторыі патрабуюць звароту да дзейнасці ўстановы.

Віцебскі Гістпарт быў створаны рашэннем прэзідыума Віцебскага губкама РКП(б) 3 студзеня 1922 г. Кіраўніком яго прызначаны старшыня выканкама Віцебскага гарсавета, член губкама РКП(б) С. Крылоў. Яму даручалася падабраць неабходных памочнікаў па Гістпарту, а сакратарыяту губкама – прыступіць да збірання адпаведных матэрыялаў [7, л. 2]. Варта адзначыць, што пасля атрымання ліста з ЦК РКП(б), згодна якому прапаноўвалася прыступіць да арганізацыі абласных і губернскіх гістпартаў, арганізацыя Віцебскага аддзялення была паўторна зацверджана пастановай прэзідыума Віцебскага губкама 21 лютага [7, л. 27].

Аднак распачаць працу атрымалася толькі ў маі 1922 г., калі сакратаром бюро (па сумяшчальніцтве) быў прызначаны намеснік загадчыка агітпропаддзела М. Шульман. Праца Гістпарта будавалася ў двух накірунках: абследаванне архіваў і выяўленне матэрыялаў па гісторыі рэвалюцыйнага руху; збіранне ўспамінаў старых бальшавікоў і актыўных удзельнікаў барацьбы за савецкую ўладу на Віцебшчыне [10, с. 41]. У якасці бліжэйшай задачы бюро намеціла асвятленне перыяду

1917–1918 гг. Для гэтага была ўстаноўлена сувязь з удзельнікамі рэвалюцыйных падзей, якім прапаноўвалася даслаць асабістыя ўспаміны і матэрыялы, што захаваліся [2, с. 240; 3, с. 388]. Але з-за перагружанасці працай не ўсё атрымалася рэалізаваць.

На пасяджэнні загадчыкаў павятовымі агітпропагандзелямі Віцебскай губерні 9 ліпеня 1922 г. член губкама С. Шэйдліна на пытанне аб Гістпарце ўказвала, што камісія працуе даволі інтэнсіўна, сабраны ўвесь матэрыял і фотаздымкі часоў рэвалюцыі, праведзена святкаванне пяцігадовага юбілею Віцебскай гарадской арганізацыі і адкрыты музей [8, л. 15].

Падводзячы вынікі дзейнасці за 1922 г. адзначалася, што праца бюро праходзіла ў складаных умовах, бо матэрыялы ў архівах ці зусім адсутнічалі, ці знаходзіліся ў беспарадным стане. Так, архіў губкама за 1917–1918 гг., за выключэннем асобных дакументаў, якія знаходзіліся на руках у таварышаў, быў спалены папярэднім загадчыкам гаспадаркі як «ненужны балласт». Многія матэрыялы загінулі пад час нямецкага наступлення на Віцебск. Бюро былі перагледжаны архівы губкама, Віцебскага аддзела ДПУ, губрэўтрыбунала і губвыканкама. З некаторых дакументаў зроблены копіі, а таксама выбаркі і заўважкі, якія маглі спатрэбіцца для напісання ўспамінаў. Удалося сабраць няпоўны камплект газет, якія выходзілі ў Віцебску ў 1917–1918 гг., у т. л. «Известия военно-революционного комитета» за 1917 г. [13, л. 1]. У кастрычніку 1922 г. сакратар бюро М. Шульман быў камандзіраваны для азнаямлення з архівам губернскай надзвычайнай камісіі за 1918 г. і 1919 г. Што тычыцца паведаў, то наладзіць сістэматычную дзейнасць не атрымалася, бо мясцовыя супрацоўнікі недастаткова разумелі значэнне працы па збіранню матэрыялаў. Як вынік, толькі тры паведаў прыслалі ў бюро некаторыя матэрыялы, але якасць іх была недастаткова здавальняючай [3, с. 388–389].

У канцы 1922 г. Гістпартам выдадзена кніга Б. Пінсана «Большевики в Витебске» (па ўспамінах і дакументах). Характарызуючы яе на старонках часопіса «Пролетарская революция» І. Антопальскі адзначаў: «Написанная им (Пінсанам – Т.А.) история Октября в Витебске, в живых и ярких образах рисующая важнейшие моменты революции, по обилию приводимых фактов и документов представляет весьма ценный материал для будущего историка пролетарской революции» [1, с. 292]. У той жа час ён указваў, што «к сожалению, автор имел очень мало материалов для характеристики этого периода. Витебскому – и не одному только Витебскому – бюро Истпарта предстоит еще большая работа по изучению периода 1905–1917 гг.» [1, с. 294].

Яшчэ адной кнігай, якая ўбачыла свет ужо на пачатку 1923 г., стаў зборнік «Красная была. Большевики в Витебске». У ім былі надрукаваны ўспаміны Б. Пінсана, Б. Брэслава, Я. Гоба, М. Касцерына, І. Меніцкага, С. Крылова, С. Шэйдлінай, фотаздымкі і дакументальныя дадаткі. Падрыхтоўкай кнігі, збіраннем матэрыялаў, іх літаратурнай апрацоўкай, а таксама ўсёй тэхнічнай працай амаль цалкам займаўся сакратар Гістпарта М. Шульман [6, с. 8]. У прадмове да зборніка С. Крылоў пісаў, што задачай выдання з'яўлялася асветленне гісторыі ўзнікнення, развіцця, барацьбы, перамог і паражэнняў толькі Віцебскай арганізацыі РКП(б) і гісторыі Кастрычніцкага перавароту толькі на Віцебшчыне. Загадчык Гістпарта адзначаў, што ў артыкулах знайшлі адлюстраванне ўсе буйныя падзеі 1917–1918 гг., а таксама дробныя дэталі, характэрныя для перыяда. Ён указваў і на недахопы, якія прысутнічалі ў выданні: у сувязі з адсутнасцю матэрыялаў з месцаў не была асветлена дзейнасць паведаў; адныя і тыя ж падзеі асветляліся ў артыкулах розных аўтараў; у выданні прысутнічалі розныя адзнакі рознагалоссяў, якія мелі месца ў партыйным асяроддзі: «... здесь волей-неволей пришлось в интересах беспристрастия дать место различным оттенкам внутривидных группировок того времени. Тем более это нужно было сделать, что эти разногласия имеют глубокий исторический интерес, освещающий ход развития общей политики нашей партии» [6, с. 7].

У першай палове 1923 г. дзейнасць Віцебскага аддзялення была накіравана на прывядзенне ў парадак музея рэвалюцыі, укамплектаванне архіва матэрыяламі. Так, частка архіва Жандарскага ўпраўлення (за 1904 г.) была знойдзена ў аднаго крамніка, прымаліся меры па пошуку астатняй часткі. У Гістпарт паступілі камплекты «Искры», «Социал-демократа» і іншых выданняў да Лютаўскай рэвалюцыі. Бюро была распачата праца па збіранню матэрыялаў для асветлення перыяду ад зараджэння ячэйкі РСДРП у Віцебску да Лютаўскай рэвалюцыі, арганізавана нарада старых партыйцаў, на якой прысутнічала 13 чалавек. Планавалася арганізаваць працу ў групах, калектыўна апісваючы розныя перыяды, прыцягваючы да працы беспартыйных працоўных. Для друкавання матэрыялаў Гістпарта ў часопісах «Коммунистический труд» і «Ройтер штерн» створаны спецыяльныя аддзелы пад рэдакцыяй сакратара Гістпарта. Адзначалася, што дзякуючы дзейнасці бюро павялічыўся інтарэс шырокіх партыйных слаёў да збірання гістарычных матэрыялаў [4, с. 612–613].

У красавіку 1923 г. пасля ад'езду з Віцебска С. Крылова ў Гістпарце застаўся толькі сакратар М. Шульман, які быў прызначаны загадчыкам аддзялення. Яму прыйшлося ў т. л. вырашаць фінансавыя праблемы, бо пасля ад'езду С. Крылова крэдыторы патрабавалі грошы, пазычаныя ў

дзяржстраха, акрамя таго не цалкам былі аплочаны паслугі паліграфаддзела. У той жа час зборнік, тыраж якога складаў 1200 экз., разыходзіўся дрэнна [5, с. 351].

1 жніўня 1923 г. ЦК РКП(б) вызначаны штат Віцебскага Гістпарта ў складзе 1 работніка [13, л. 6]. Аднак такой колькасці не хапала. М. Шульман, адзначаючы, што з'яўляецца адзіным работнікам Гістпарта, указваў на сваю перагружанасць працай і неабходнасць выдзялення «товарища в качестве хотя бы технического секретаря бюро, который мог бы выполнить работу под моим руководством и моим указаниям» [9, л. 20].

Загадчык Гістпарта прапаноўваў план працы: сканчэнне запісу і апрацоўка ўспамінаў некаторых таварышаў на аснове іх вусных апавяданняў; састаўленне каталога архіўных матэрыялаў Гістпарта з падрабязным вопісам і кароткім зместам дакументаў; складанне паказальніка пытанняў, якія асвятляліся ў дакументах, і храналагічнага паказальніка важнейшых падзей у гісторыі рэвалюцыйнага руху ў Віцебску на падставе вусных і пісьмовых матэрыялаў; арганізацыя гісторыка-рэвалюцыйнага аддзялення [9, л. 20].

Напачатку 1924 г. Віцебскі Гістпарт атрымаў няпоўны архіў Віцебскага жандарскага ўпраўлення ў колькасці 130 спраў. Архіў змяшчаў матэрыялы аб удзельніках партканферэнцыі 1912 г., дакументы аб вышукваемых асобах, характарыстыкі ідэалагічных групавак, маніфест і вытрымкі з праграмы Літоўскай сацыял-дэмакратычнай партыі і г.д. У той жа час многія справы з гэтага архіва былі забраны партыйнымі арганізацыямі [14, л. 1].

Аб узаемаадносінах Віцебскага Гістпарта з Галоўным упраўленнем архіўнай справы РСФСР па Віцебскай губерні можна даведацца па матэрыялах першай Усебеларускай канферэнцыі архіўных работнікаў, якая праходзіла 12–15 мая 1924 г. Так, Б. Брэжга, адказваючы на пытанне З. Жылуновіча аб сувязі з Віцебскім Гістпартам, казаў: «Што датычыць сувязі з Гістпартам, то такой не маецца. Віцебскі гістпарт не зацікаўлен, чамусьці, у архіўнай справе, па той прычыне, што Гістпарт цікавіць архіў жандармерыі, а яго ў вядзенні Віцебскага архіву няма: то сувязі таксама няма» [12, с. 27].

Пасля ўваходу Віцебскай губерні ў склад БССР у сакавіку 1924 г. Гістпарт быў ліквідаваны. Аднак не да канца высветленым застаецца лёс яго дакументаў. Так, у накіраванай у маі 1924 г. у Мінск выпісцы з пратакола пасяджэння калегіі агітпропаддзела Віцебскага акругкама гаварылася аб наяўнасці пры агітпропаддзеле архіва Гістпарта з «довольно богатыми материалами», якія знаходзіліся ў беспарадку і не выкарыстоўваліся, у сувязі з чым былі перададзены партшколе для выкарыстання і прывядзення ў парадак [11, л. 99].

Падводзячы вынікі працы Віцебскага Гістпарта, трэба канстатаваць, што наладзіць сістэматычную працу так і не атрымалася з-за недахопу работнікаў і іх перагружанасці працай, незацікаўленасці некаторых устаноў і асоб у працы. Што тычыцца збіральніцкай дзейнасці, то яна ўскладнялася гібеллю часткі матэрыялаў, складанасцямі іх пошуку. У той жа час бюро Гістпарта былі зроблены пэўныя крокі па абследаванні архіваў, сабраны ўспаміны ўдзельнікаў рэвалюцыйных падзей на Віцебшчыне, якія ў далейшым атрымалася апублікаваць. Такім чынам, Гістпарту толькі часткова ўдалося рэалізаваць задачы, якія ставіліся перад гістпартамі: збіранне, распрацоўка, апрацоўка і выданне матэрыялаў, якія адносяцца да гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі і РКП(б).

1. Антопольский, И. Б. Пинсон. Большевики в Витебске / И. Антопольский // Пролетарская революция. – 1922. – № 12. – С. 292–294.
2. Витебское бюро // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 240.
3. Витебское бюро // Пролетарская революция. – 1923. – № 1. – С. 388–389.
4. Витебское бюро // Пролетарская революция. – 1923. – № 2. – С. 612–613.
5. Витебское бюро // Пролетарская революция. 1923. – № 4. – С. 351.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 9742. Воп. 1. Спр. 155.
7. ДАВВ. – Ф. 10050п. Воп. 1. Спр. 374.
8. ДАВВ. – Ф. 10050п. Воп. 1. Спр. 437.
9. ДАВВ. – Ф. 10050п. Воп. 1. Спр. 438.
10. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) // В. Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60п. Воп. 1. Спр. 3.
12. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12-15 мая 1924 г. : документы и материалы. – Минск : БелНИИДАД, 1999. – 148 с.
13. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. 70. Воп. 2. Спр. 69.
14. РДАСПГ. – Ф. 70. Воп. 2. Спр. 71.
15. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПС: методические рекомендации / М. Ф. Шумейко. – Минск : БелНИИДАД, 2017.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Ланской Г.Н.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Становление историографии в качестве особой области исторических знаний, произошедшее в СССР в 1960-х гг. и, в частности, нашедшее отражение в обобщающих результатах ее развития фундаментальных исследованиях [3], стало закономерным основанием для определения ее информационной базы и методов работы с типичными для нее источниками. Естественной тенденцией, свойственной для данного процесса применительно к любым областям науки, стало определение осваиваемой объектной области, т.е. формирование собственной когнитивной идентичности.

Поскольку в России развитие практики профессионального получения и изложения информации о событиях близкого и отдаленного прошлого имело как минимум две – летописную и научно-исследовательскую – стадии со своим богатым внутренним содержанием и достаточно условной разделительной границей и кроме этого обеспечивалось в силу причин общественно-политического характера не только учеными, основателями историографии, как специальной исторической дисциплины, вполне закономерно предложили расширенный подход к определению ее объектной сферы. Уже в начале 1960-х гг., когда историография еще рассматривалась, главным образом, в качестве учебной дисциплины и только начинала на основании применения теоретических методов процесс самоидентификации в качестве автономной области научных знаний, А.М. Сахаров пришел к убеждению в том, что она имеет «свой предмет, свою проблематику, свои приемы исследования и обобщения материала, вытекающие из общих принципов марксистско-ленинской методологии изучения исторических явлений и процессов» [4, с. 22]. Постепенно, по мере освоения всей совокупности историографических фактов, включавших в себя выявляемые и интерпретируемые тексты, содержащиеся в данных текстах аргументы и выводы, прямо или косвенно связанные с развитием исторической мысли события, исследователи к концу 1980-х гг. нашли решение первой, имеющей исходное значение методологической проблемы источниковедения историографии – определения ее объекта и предмета. В наиболее полной мере оно оказалось представленным в статье С.О. Шмидта о периоде 1920–1930-х гг. в становлении советской исторической науки, в которой он на основе созданных на его протяжении источников пришел к следующему выводу: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально-методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения» [6, с. 84]. Таким образом, к объектной области источниковедения историографии были отнесены любые историографические факты, включая создаваемые различными авторами труды, посвященные событиям прошлого.

Одновременно с решением данной исследовательской задачи закономерно вставала вторая методологическая проблема, заключавшаяся в формировании собственной методики анализа текстов, содержащих ретроспективную информацию. Ее особенность заключалась в необходимости одновременного определения фундаментальной базы для объективного изучения источников и установлении возможности ее прикладного применения по отношению к летописным произведениям, содержащим специально подготовленную базу в виде исторических фактов публицистическим сочинениям и к научным трудам в точном понимании данного понятия. Создаваемая когнитивная модель должна была иметь универсальный характер для преодоления возможного субъективизма в восприятии каких-либо конкретных исследований и содержащихся в них концепций. По существу речь шла о формировании самодостаточной и при этом естественно опирающейся на свой аналог в области развития исторического знания в целом методологии историографии как специальной исторической дисциплины. В рамках развития отечественной науки критерии результативности данного процесса были определены в конце 1970-х гг., когда не только на основе положений марксистской теории, но и контексте базовых представлений о научности социально-гуманитарных знаний было подготовлено большое число обобщающих трудов. Являвшийся автором одного из них Н.Н. Маслов сделал следующий, на практике относящийся ко всем предметно-

профессиональным областям исторического знания вывод о том, что помимо философской базы в виде диалектического и исторического материализма «еще одним компонентом методологии истории является ее теория или, конкретнее, те специфические исторические категории и закономерности, которые входят в определение предмета исторической науки и, следовательно, выступают как цель исторического исследования. Будучи познанными и сформулированными, эти теоретические положения содержатся в методологическом арсенале исторической науки в качестве познавательных, регулятивных принципов и правил» [2, с. 9–10]. Безусловно при формировании когнитивной модели для развития источниковедения историографии в конце 1970-х гг. советские исследователи могли опираться только на позитивистский подход и к тому же оценивать степень «позитивности» содержащихся в историографических источниках доводов и концепций исходя из их соответствия господствовавшей и более того законсервированной в тот период партийно-государственной идеологии. Однако при этом за рамками возникавших в данной когнитивной сфере штампов для экспертной оценки создававшихся текстов, несомненно, подразумевалась и использовалась апробированная на многочисленных примерах триада оценочных критериев в виде репрезентативности используемых историком источников, обоснованности методики их анализа и соответствия формулируемых им выводов достоверным информационным данным.

Многообразие анализируемых историографических источников, обусловленное расширенным за рамки научно-исторических трудов объектным когнитивным пространством историографии, является основанием для возникновения третьей методологической проблемы источниковедения историографии. Ею является классификация данной совокупности продуктов целенаправленной творческой деятельности по признаку цели их создания. Актуальность данной проблемы периодически становится особенно очевидным в ситуациях, когда в соответствии с административными рекомендациями и личной – добровольной или вынужденной – мотивацией многие авторы создают новые субъективные интерпретации различных исторических периодов и относящихся к ним явлений особенно в случае их циклического характера. Данная ситуация в сфере развития интеллектуальной истории является особенно распространенной в случае обострения геополитических конфликтов на территориях, оказывающихся в силу своего объективно неизменяемого пространственного положения в сфере противоборства институциональных и, следовательно, персонафицированных акторов. Опыт развития различных стран показывает, что становление централизованных государств с реализуемым в них авторитарным типом политического режима не может не сопровождаться стратегией фрагментарного или в отдельных случаях тотального подчинения исследовательской деятельности профессиональных историков решению задачи установления и закрепления идеологического (духовного) типа власти над широкими слоями общества. Независимо от обозначения данного процесса в качестве генерирования информационных элементов национальной идеи в массовом сознании, осуществления культурно-просветительской деятельности или искоренения фальсифицированных представлений о недавнем и отдаленном прошлом он всегда сопровождается распространением особого – политического – типа историографических источников. Продуктивность внедрения и использования на методологическом уровне данной классификационной категории определяется тем, что она базируется на применении принципа историзма по отношению к значительному комплексу текстов, содержащих изложение и интерпретацию исторических фактов. В рамках отечественного интеллектуально-исторического наследия к их составу с достаточным основанием могут быть отнесены не только известные широкому кругу специалистов произведения создателей и руководителей советского государства, но и далеко не всегда соответствовавшие критериям научности и исследовательского профессионализма преимущественно литературно-художественные сочинения основоположников революционно-демократической мысли в России [1]. Определяя типологические границы совокупности историографических источников политической направленности, несомненно следует учитывать тот факт, что при выдвижении гипотезы об принадлежности к данному комплексу необходимо найти ее обоснование в достоверных, исходящих от лица самого историографа свидетельствах о намерении их создания с целью распространения и укрепления различных видов политической власти. Для преобладающих в составе источниковой базы научных произведений целью создания является формирование объективных представлений о различных событиях прошлого. О ее постановке за редко встречающимися исключениями свидетельствуют включенные в структуру и содержание историографических источников текстовые элементы, являющиеся результатами (индикаторами) осуществленной конкретными авторами исследовательской работы. Прежде всего к их числу относятся сведения о проведенной работе по выявлению репрезентативного комплекса документов и иных верифицируемых материалов по конкретной теме и их отбору и систематизации по научно обоснованным критериям, а также формированию логически

обоснованных, причинно-следственных связей между содержанием фактических данных и выводами об их значении для развития исторического процесса.

Решение проблемы классификации и следующей за ней типологизации историографических источников становится основанием для постановки и решения применительно к конкретным текстам методологической проблемы определения достоверности историографических источников. В период становления и начального развития в советском государстве историографии в качестве специальной научной дисциплины исследователи стремились к формированию максимально обобщенных критериев для решения данной проблемы, поскольку изучавшиеся ими тексты, в полной мере относившиеся к политическому жанру, должны были использоваться на равных когнитивных основаниях с трудами профессионально подготовленных специалистов. Поэтому в середине 1970-х гг., решая проблему идентификации предметной области историографических исследований и систематизации формирующих ее источников, А.М. Сахаров давал следующую рекомендацию авторам, занимавшимся изучением данного типа конкретных творческих произведений: «Знание становится наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных трудов к научным – дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина научного осмысления исторического явления и процесса» [5, с. 99]. С точки зрения решения рассматриваемой методологической проблемы данная рекомендация, с одной стороны, заключалась в отождествлении признаков научности и достоверности для историографических источников, поскольку получение объективных представлений о различных исторических событиях действительно является генетическим признаком полной или частичной принадлежности создаваемых текстов к достоверным. С другой стороны, она давала возможность относить к данной типологической категории практически любые произведения, интерпретировавшие содержание и значение различных периодов истории с достаточной степенью глубины, выступавшей в качестве верифицирующей категорией. Исходя из контекста доминирования в 1960 – 1980-е гг. в СССР ленинской версии марксистской методологии и абсолютизированного с точки зрения своей значимости принципа партийности глубинность становилась синонимом правильности или неправильности восприятия конкретных фактов и могла быть присущей практически любым авторам исторических сочинений независимо от уровня их профессиональной подготовки.

В то же время, несмотря на ее очевидный идеологический подтекст, высказанная в середине 1970-х гг. А.М. Сахаровым рекомендация использовать в качестве достоверных историографических источников различные по жанрово-видовой принадлежности произведения, дающие максимально полное и соответственно глубокое представление о различных периодах мировой истории, несомненно выглядит актуальной. Вполне очевидно, что при отборе и систематизации данного вида текстов для изучения и последующего использования в рамках изучения истории исторической мысли основной задачей является, также как и по отношению к остальным комплексам исторических источников, реконструкция замысла их авторов по отношению к познаваемой ретроспективной среде. Однако при этом в современных условиях в ситуации достигнутого на протяжении последних четырех десятилетий прогресса в области обеспечения междисциплинарности исследовательской работы, интеграции социальных и гуманитарных знаний в рамках сознания и мировоззрения профессионально подготовленных авторов, безусловно, существуют более широкие границы для определения феноменологических качеств объектов историографического нарратива. Благодаря им решение заключительной методологической проблемы определения достоверности историографических источников может быть обеспечено уже не только в рамках традиционной дихотомической модели «источник – факт», но и с точки зрения определения степени интеллектуальной готовности авторов данных текстов подойти к анализу событий прошлого одновременно с внутренней интеллектуальной насыщенностью и социальной ответственностью в выполнении своей культурно-просветительской миссии.

1. Иллерицкий, В. Е. Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период) / В. Е. Иллерицкий. – М. : Мысль, 1974. – 350 с.
2. Маслов, Н. Н. Методология исторического исследования (Введение в методологию историко-партийной науки) / Н. Н. Маслов. – М. : АОН, 1979 – 126 с.
3. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. – М. : АН СССР, Наука, 1955–1985. – Т. 1–5.
4. Сахаров, А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР / А. М. Сахаров // Вопросы истории. – 1962. – № 8. – С. 13–28.
5. Сахаров, А. М. О предмете историографических исследований / А. М. Сахаров // История СССР. – 1974. – № 3. – С. 90–112.
6. Шмидт, С. О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов / С. О. Шмидт // История и историки: Историографический вестник. – М. : Наука, 1990. – С. 84–91.

Лукьянов Д.В.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТОРИИ КАК СТРОГОЙ НАУКИ И ПРОЕКТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ В ЭПОХУ AFTER-ПОСТМОДЕРНА

В эпоху постпостмодерна классические представления о том, что философия истории, историография и/или историология как науки являются, по-прежнему, со времен открытия гносеологии И. Кантом, хранительницами рациональности и местоблюстителями истины сегодня вызывают «недоверие». Прежнее представление об институциональной рациональности модерна требует от современного ученого учета того, что мир глобально изменился, а собирание социальных смыслов в единую рациональную «рамку» аутентичного и когерентного понимания наталкивается на ряд теоретических и методологических трудностей. Возможность упорядочивания социальной реальности как процедура толкования наличных смыслов в разрозненных моментах прежде единого бытия сегодня сталкивается, во-первых, с тем, что онтология становления в социальном познании сменилась качественно и мировоззренчески на приоритет отношения к наличному как процедурной рациональности, процессуальности, поиску смыслов, рассеянных в повседневной коммуникации «жизненного мира» [14]. Во-вторых, изменились формы представления истины в познавательных практиках современности, метанарративы освобождающих человечество рассказов [5, с. 10] испытали воздействие т.н. «перформативного поворота», когда тотальность и «транскрипция» понимания истины вытесняется ее авторской тональностью и манифестациями в языке индивидуализированного сознания отдельных мыслителей. Наконец, то, с чем сталкивается сейчас современный историограф – это антиисторицизм мышления, исчезновение четких исторических «якорей» понимания смысла очевидной разумности прошлого. Такие гиперопределения, как «классика», «история», «государство», «нация» и проч., подвергаются сегодня жесткой и беспощадной экспертизе «новых интеллектуалов» [7]. Историзм как принцип – отживает как вера, историческое как контекст интеллектуальных перемен – изменяется и трансформируется в медийном дискурсе, превращаясь в контекст контекста актуальных проектов продвижения «тэгов» реальности, который все больше и больше виртуализируется и технологизируется.

Специфика протекания исторических исследований последних трех десятилетий определялась, прежде всего, нарушением стабильных условий воспроизводства социального целого российской наукой, за этим последовало то, что научное познание стало активно релятивизироваться. Современная историографическая феноменология идентифицирует ощущение невозможности имманентного интеллектуального «схватывания» и упорядочивания прошлого социально-исторической реальности. В этом смысле следует обратиться к анализу качественных характеристик реализуемых сегодня познавательных проектов, которые в нынешних условиях выступают в качестве мыслительных проекций понимания эпистемологических проблем исторической науки в актуальной современности.

На некоторые аспекты историографической определенности состояния и перспектив развития исторического знания и познания в ракурсе обсуждения актуальных вопросов современного источниковедения, мне бы и хотелось обратить внимание в данной работе.

Преобладанием нарративной, неклассической (по В.С. Степину [12]) «парадигмы» научно-исторического знания можно назвать период конца XIX в. – начала «нулевых» годов, когда в 2008 г. вышла книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» [8]. В данной монографии ученым были манифестированы когнитивный поворот и парадигма когнитивной истории сердцевину которых составляла источниковедческая теория исторического знания. Выстраиваемая О.М. Медушевской новая источниковедческая парадигма когнитивной истории постулировала свой универсальный для исторического познания макрообъект на основе феноменологического подхода к эмпирической реальности исторического мира, представленной системно и структурно имманентным единством исторических источников.

Выход теоретического источниковедения на передний план исторической эпистемологии как определяющей парадигмы развития исторической науки был вполне закономерным итогом теоретических и методологических дискуссий и обсуждений, которые велись с 1960-х гг. в советской историографии. Сформулировав базовые критерии, определяющие развитие советской исторической науки в результате двухгодичного обсуждения проблемы ее периодизации в контексте планируемого выпуска многотомной «Истории исторической в СССР», М.В. Нечкина по сути закрепила рамки дальнейшей когнитивной институционализации советской историографии. В иерархии значимых ориентиров, определяющих динамическое развитие советской исторической науки, источниковедение занимало предпоследнее место, располагаясь между ленинской концепцией исторического процесса, методологическим ядром марксизма-ленинизма и четко определяемым им проблемным полем научно-исторических исследований, и последним в данном ряду – институциональным принципом социальной организации науки.

В результате «кризиса» и последующей трансформации в 1990-х гг. эпистемологических оснований советской историографии произошедшая деконструкция интеллектуального поля науки не затронула лишь сферы источниковедения и институций. С этого времени и до конца 1990-х гг., когда на страницах академических журналов активно обсуждался выбор приоритетов теоретических и методологических стратегий постсоветской исторической науки (закончившийся, впрочем, после краткого периода «веберовского ренессанса» предпочтением цивилизационного и модернизационного подходов), российское источниковедение оставалось единственно оставшейся эпистемологической цитаделью представлений об истории как строгой науке. Еще в 1975 г. О.М. Медушевская защитила докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы источниковедения», которая в те времена, пишет ее ученица М.Ф. Румянцева, была, по сути дела, одной из немногих доступных форм методологической рефлексии, опирающейся на эпистемологическую концепцию А.С. Лаппо-Данилевского [11, с. 12]. Написание (совместно с М.Ф. Румянцевой) учебного пособия «Методология истории» (1997), статей «История как строгая наука» (1999), «Исторический источник – основа гуманитарного познания» (2000), «Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений» (2002) – закрепляют в представлениях О.М. Медушевской мысль об особом месте источниковедения в структуре современного гуманитарного познания как главенствующего медиума когнитивных практик современных наук о человеке и пространстве верифицируемых дескриптивных репрезентаций тех способов социального производства исторического опыта и форм его манифестаций в жизни сообществ, которые необходимо формировали внутри себя отношение к прошлому, а они – определенные типы исторических культур.

Как видно по публикациям 2000-х гг., предшествовавших выходу монографии 2008 г., вполне органично и закономерно О.М. Медушевская в дальнейшем выходит в своих интеллектуальных обобщениях на проблематику источниковедения историографии и, в связи с этим, намечает выход из неклассической парадигмы исторического познания через когнитивный поворот – к неоклассике.

Дальнейшее изложение данной статьи выстраивается вокруг того моего убеждения, что научное творчество О.М. Медушевской показывает нам ту схожую картину, которую отразил в своей бессмертной интенции А.С. Пушкин, говоря о значении трудов Нестора: О.М. Медушевская была последним нарративистом советской неклассической историографии и первым когнитивистом-источниковедом, открывшим «код доступа» в неоклассическую перспективу развития исторического знания и познания. Именно этим объясняется и определенно гетерогенное восприятие у ее последователей и учеников перспективы возможного соотнесения источниковедческой парадигмы исторической науки и нарративной логики социально ориентированной истории [3, с. 55, 63]. В современной социокультурной ситуации динамически ускользящего мира в транзитивное состояние, которое сейчас все чаще именуют по привычке линейно и кумулятивно как постпостмодерн, данную апорию предлагается разрешить через процедуру ренарративизации [10, с. 55, 57]. Ренарративизация, предполагают сторонники феноменологического подхода к истории, послужит тому, что логика нарративов и строгая научность в отношении проработки классификационных характеристик и видовых сходств/отличий исторических источников как-то совпадут в полученных репрезентациях имманентного характера значимого исторического опыта.

Перспективы и критические замечания относительно статуса источниковедения в структуре актуальной исторической культуры и парадигмальной основы источниковедения историографии были недавно предметом дискуссионного обсуждения на страницах «Ученых записок Петрозаводского государственного университета» [3]. В наиболее острых и содержательных моментах состоявшейся переписки из множества различных «углов» особую обеспокоенность у почти всех авторов представленных статей вызывают вопросы фрагментации исторического знания, неопределенность постмодерна и непроработанность постструктуралистского дискурса в поле исторических исследований при очевидном его влиянии на современную историческую науку, интерналистский характер обсуждения границ источниковедческой парадигмы исторического познания с игнорированием интереса вне академических стен читающей публики, и т.д. В особенности вызвали категорическое неприятие и не вполне обоснованные «экспансионистские устремления ... научной школы источниковедения ... на поле историографии» путем предложения и предварительной разработки понятия «источниковедение историографии» [1, с. 71].

Ситуация after-постмодерна в целом характеризуется тем, что, затрудняясь в выборе названия для произошедшего и длящегося поныне социокультурного слома историки используют (в силу ли своего профессионального консерватизма или изначально и почти бессознательно используя линейную событийную логику разрывов и одновременном поиске единства (!) исторического)) в качестве номинативной стратегию *возвращения* к истокам в прошлом. В данном случае актуальным выглядит возвращение к осмыслению никуда не девавшегося (несомненное присутствие в актуальной историографии постмодернистских нарративов) и до сих пор не до конца понятого и

интеллектуально не преодоленного постмодерна [4, с. 76–77] как *исторического* и, что важнее, *историографического* феномена. Постструктуралистская рефлексия постмодерна настоятельно требует теоретической и методологической *историзации* постмодерна в поле современной истории историографии, поскольку, блуждая в эпистемологических лабиринтах многочисленных интеллектуальных «поворотов», историческая наука нуждается в путеводной нити Ариадны, которая приведет ее к началу погружения в непроходимые дебри постмодерна – «ко входу» в симультанное, контингентное и гносеологически неопределенное пространство постмодернистских игр и головоломок, когда внешнее пространство «у порога» было верхом научности и строгости внелабиринтной ученой жизни. Этого также требует и стратегия ренарративизации. Нарративная парадигма была активно деконструирована постмодерном и в известном смысле в результате испытала «исход» из прежде благополучно «пребывающего» состояния объективности и истинности научно-исторических знаний, добытых единственно верным позитивистским научным мировоззрением. Пришла пора постпостмодерна и возвращения к незыблемым и прозрачным гранд-нарративам, но уже имея в своем багаже возвышенный исторический опыт исхождения в постмодернистский лабиринт.

1. Антощенко, А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд / А. В. Антощенко // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 69–75.
2. Гонтар, М. Постмодернизм во Франции: определение, критерии, периодизация [Электронный ресурс] / М. Гонтар. – Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-franciya/gontar-postmodernizm-vo-francii.htm>. – Дата обращения: 12.03.2022.
3. Дискуссии. Источниковедение в актуальной исторической культуре // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 55–105.
4. Каменев, Е. В. Постижение прошлого в контексте современной исторической культуры / Е. В. Каменев // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 76–82.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин – т экспериментальной социологии; СПб.: АЛТЕЙЯ, 1998. – 59 с.
6. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
7. Марков, Б. В. Понятие политического / Б. В. Марков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 144 с.
8. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
9. Нечкина, М. В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки / М. В. Нечкина // История СССР. – 1962. – №2. – С. 57–78.
10. Румянцева, М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии / М. Ф. Румянцева. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 55–62.
11. Румянцева, М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс] / М. Ф. Румянцева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-stochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihaylovny-medushevskoy-1>. – Дата доступа: 12.03.2022.
12. Стёпин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Стёпин. // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249–295.
13. Тюпа, В. И. Ю. М. Лотман и современная нарратология / В. И. Тюпа // Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 55–62.
14. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–33.

Злобин С.С.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И НАРРАТИВ О КОЛОНИАЛИЗМЕ

В данном материале историографический анализ глобального нарратива истории представлен попыткой применить постколониальную методологию к популярному сегодня нарративу о колониализме. Постколониализм – междисциплинарное направление, берущее свое начало с выходом книги Э. Саида «Ориентализм» в 1979 г. Постколониализм говорит, что главная стратегия реализации колониальной власти – конструирование колонизатором колонизированного как своего Другого посредством приписывания колонизированному какой-либо целостной сути.

Цель данного материала: показать при помощи постколониальной методологии, какую суть колонизатор определял для колонизированного в том или ином регионе.

В качестве одного из таких регионов можно выделить Индию. Колониализм сыграл огромную роль в истории Индии. Какую же суть приписал колониализм Индии? Постколониализм указывает, что наши самые естественные представления предопределены колониализмом, поэтому для ответа про суть следует подумать о том, что в первую очередь возникает при упоминании слова «Индия». Богатый, запутанный мир, цветные сари, пышная история, раджи, йоги, боевые слоны, гхаты, удивительный мир индуизма, неповторимое отношение к миру и человеку, особая философия, литература, поэзия. Все это говорит о том, что Индия – это богатая цивилизация. Цивилизация – не уничижительный термин, но вся проблема и состоит в том, что именно при помощи этого понятия колонизатор оставил за собой лучший мир, а Индии – ее цивилизационные особенности.

Описание Индии как цивилизации часто повторяется сегодня. Премьер-министр Н. Моди не раз подчеркивает необходимость единства, целостности. Например, в программе «Mann ki Batt» на

Всеиндийском радио, состоявшейся 24 ноября 2017 г. и приуроченной к Дню Конституции 26 ноября, Н. Моди отмечал, что индийская *цивилизация*, культура, языки проповедуют послание единства в многообразии всему миру [5]. В феврале 2017 г. Н. Моди, выступая в штате Керала на событии, посвященном знаменитому индийскому проповеднику XIX в. Рамакришне, говорил о людях, которые стараются разделить индийское общество на основе касты и религии, но индийская *цивилизация* всегда преодолет эти вызовы. Ложное восприятие было создано об Индии, что она нуждается в социальной, экономической и политической реформе, инициированной посторонними. Но почва Индии – это почва, откуда изменение всегда происходило. Святые, в том числе и Рамакришна, использовали музыку, поэзию и локальные языки, чтобы принести Бога ближе людям, и они ломали барьеры касты, класса, религии и гендера [1].

Колониализм сделал понятие цивилизации сутью Индии.

Регионом, испытывавшем не менее тяжелое влияние колониализма, является Африка. Какая же суть приписывалась колонизатором Африке? Здесь снова стоит обратиться к самым первым представлениям, которые возникают при упоминании об Африке.

Африка – это племена, вожди, первобытные бушмены, каменный век, это самые примитивные общественно-политические структуры, самое примитивное хозяйство. Африка – это практически полная невозможность адекватного функционирования экономики. Любые реформы проваливаются, только начавшись, национальные валюты просто не могут существовать, моментально съедаемые инфляцией. Африка – это недействующая система здравоохранения, неграмотность, самые страшные болезни. Это голод, коррупция, самые жестокие диктаторы XX века. Африка – это много много конфликтов. Вторая конголезская война – самая кровопролитная война со времен Второй мировой. Перевороты, которые вроде бы ушли, сейчас снова возвращаются в политическую жизнь. Такова африканская сущность. Африка – это пустота.

Этой пустоты касается постколониальный автор Ашиль Мбембе, когда говорит о наполненности пространства Африки особыми организмами, которые он, вслед за постмодернистскими авторами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, обозначает как военные машины [3, р. 32]. Военные машины предопределяют, как жить в Африке, как работать и умирать, они – следствие некро-власти, власти, основанной на праве убить, на праве создавать особые миры смерти. Власть, которая разделяет на тех, у кого есть оружие и у кого его нет, и генеалогия которой и сама ее суть неотъемлемы от понятия колониализма [3, р. 22–23, р. 34, р. 40]. Так и есть – Африка всегда была наполнена различными военными группировками. Идеология этих группировок может меняться. Но сути это не меняет. Африка – это пустота, где ничего, кроме неудач, родиться не может.

Для Африки колониализм создал понятие пустоты как ее сути.

Очень актуальным сегодня является изучение колониального отношения к мусульманскому миру. Какую суть мусульманскому миру приписал колониализм? Ответ очевиден. Он в названии мусульманского мира. Ислам. Для стран мусульманского большинства колониализм представляет стратегию постоянного выпячивания этой особой черты. Обычаи, политика, будущее неизбежно связаны с исламом, отсылают к нему. Ислам очень реален, даже тактилен, он и религия, и больше, чем религия. Он – идентификация.

Ислам занимает огромное место в политической жизни мусульманского мира. Везде есть исламские партии, проповедующие необходимость законодательного закрепления правильного образа жизни и правильного построения общества. Широкие религиозные общественные течения, как, например, в Пакистане, постоянно довлеют над любым значимым политическим решением властей. К сожалению, ислам служит идеологической основой многих террористических групп. В общественной жизни ислам неизбежен. Соблюдается время молитвы, – даже магазины закрываются на это время, – религиозные праздники играют большую роль, новостные выпуски начинаются со слов во славу Аллаха, разделение повседневной жизни мужчины и женщины определенно чувствуется на улице, женщины носят особую одежду. В личном пространстве человека ислам также значителен. В арабском языке, других языках, персидском, урду, религиозные выражения присутствуют в достаточном количестве при поздравлении с каким-либо радостным событием, при сочувствии, просто во фразах наподобие «Дай Бог!» (Иншааллах!). Персональные имена связаны в прямом смысле с религией. Например, Абдулла переводится как раб Бога.

Конечно же, религия занимает свое место и в жизни других регионов, и даже в жизни региона-колонизатора, Европы, но там она играет просто роль, а в мусульманском регионе она представляет его суть, широким фронтом затрагивая политику, общество, культуру, историю и личную жизнь. Религия в Египте – это не то, что религия в Германии.

Для мусульманского мира в качестве его сути колониализм создал акцент на религии.

Колониализм осуществляла также и Испания. Это регион Латинской Америки. И здесь осталась своя особая колониальная травма. Какую же суть колониализм приписал Латинской Америке? Описание современности и истории Латинской Америке содержит много такого, что не идет в противоречие с описанием жизни и проблем Европы и США. В Индии на первый план выходит цивилизационное богатство, в Африке поражает пустота, ислам оккупировал социокультурное пространство мусульманского мира, а в Латинской Америке активно обсуждаются политические и экономические проблемы, существует актуальная рефлексия по поводу самых современных вопросов, о гендерном, расовом равенстве, о правах рабочих, о женщинах, абортах и статусе сексуальных меньшинств. В Латинской Америке созданы замечательный кинематограф, разнообразная и, даже можно сказать, самая лучшая литература в мире. Габриэль Гарсия Маркес и Хорхе Луис Борхес – конечно же, не метечковые авторы.

Однако чего-то Латинской Америке не хватает. Не зря многие латиноамериканские авторы, занимаются исследованиями подобными на постколониальные, особенно В. Миньоло [4] или Э. Дусель [2]. Колониализм как то, что предопределило судьбу континента, не редко оказывается в фокусе внимания. И происходит это потому, что Латинская Америка все же чувствует себя в этом мире не такой, как некий кто-то более большой: колонизатор, Европа, США. Латинская Америка – это все же Другой, и у него тоже есть своя суть. Эту суть можно описать формулой «*такие же, как мы. Но не совсем*». Точка в этой фразе обозначает большую приближенность Латинской Америке к Первому миру, практически слитность с ним. Однако что-то, – и это что-то связано с колониальным прошлым, – не позволяет окончательно слиться двум мирам.

В Латинской Америке были диктаторы, и очень жестокие. Пиночет, Трухильо, Видела. В Латинской Америке экономика находится в печальном состоянии. Высокая инфляция, безработица, в Аргентине были дефолты уже в XXI веке, и экономического коллапса в этой стране можно ожидать снова. Если проводятся успешные экономические реформы, они не с лучшей стороны сказываются на мало защищенных слоях населения. В Латинской Америке присутствует бедность. Производство наркотиков, наркотрафик, высокая преступность. Можно сказать, что Латинская Америка все же не такая, как передовой мир. Конечно же, разрыв между передовым миром и миром Латинской Америки не столь глубок, как в случае Индии и особенно Африки, но он все же присутствует.

Формула «*такие же, как мы. Но не совсем*» очень подходит для описания сути Латинской Америки, которая была сконструирована ей колониализмом.

Следующий регион является, наверное, наиболее трудным для определения его сути как следствия действия колониальной власти. Китай, Япония, Корея. Условно данный регион можно назвать Восточной Азией. Сложность региона Восточной Азии в том, что он пережил фашизм, радикальные эксперименты коммунизма, резкое развитие капитализма в Японии и Южной Корее. Все это значительно затемняет колониализм.

Большую роль в регионе играет экономика. В этом плане Восточная Азия не только органичная, но даже передовая часть передового мира. Большие производственные мощности, судоверфи, автогиганты, электроника, высокие технологии, активно действующие финансовые биржи. Успешные реформы Дэн Сяопина и Пак Чон Хи. Общество развивается также по высоким современным стандартам. Особенности Северной Кореи опять-таки связаны с ее коммунистическим строем, а не с колониализмом. Роль в жизни государства и общества такого традиционно электризованного для Азии элемента, как религия, не больше, чем в Европе. Т.е. если указывать на особенности региона Восточной Азии, стоит говорить о коммунизме и капитализме, а не о колониализме.

Однако это не совсем так. Старательность, почитание старших, дисциплина. Эти факторы часто отмечаются как содействовавшие успешному экономическому развитию стран региона. Поезда, набитые людьми, спешащими в офисы, то, как сотрудники часами задерживаются на рабочем месте. Сильно вертикальная, даже можно сказать авторитарная структура крупных компаний. Это особенности, которые называются в первую очередь в отношении Японии, Южной Кореи, а не Европы. И эти особенности сложно связать с капитализмом или коммунизмом. Их надо связывать с особенностями региона. Сюда же можно отнести и любование сакурой, особую поэзию, в конце концов, особое письмо, которое не встречается нигде более в мире. Такие особенности очень сложно собрать в один термин и тем более соотнести его с колониализмом. Таким термином может быть собственно термин «Азия». Китай, Япония, Корея – это Азия. Излишне трудолюбивые сотрудники в японской корпорации, – такие уж они есть, люди из Азии. Указание на то, что Япония или Китай – это Азия, может быть не только положительными. Например, излишняя жестокость якудза или триад.

Применяя постколониальную методологию к конструированию нарратива о колониализме, можно сказать, что колониализм создал для Индии понятие цивилизации как ее суть, пустоты – для Африки, формулу «такие же, как мы. Но не совсем» для Латинской Америки, понятие «Азия» – для Восточной Азии.

1. Indian civilisation stands tall overcoming obstacles: PM Narendra Modi [Electronic resource] / The Economic Times. – 2017. – 21 feb. – Mode of access: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/indian-civilisation-stands-tall-overcoming-obstacles-pm-narendra-modi/articleshow/57275684.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst. – Date of access: 26.04.2022.
2. La descolonización cultural - Enrique Dussel [Grabación de video] [Recurso electrónico] // YouTube. – Modo de acceso: https://www.youtube.com/watch?v=Q86_LPat-IQ. – Fecha de acceso: 21.05.2020.
3. Mbembe, A. Necropolitics / A. Mbembe // Publ. Culture. – 2003. – Vol. 15, № 1. – P. 11–40.
4. Mignolo, W. Local histories/global designs: coloniality, subaltern knowledges, and border thinking / W. Mignolo. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2012. – XXXV, 371 p.
5. Modi, N. Our civilization, culture and languages convey the message of unity in diversity to the whole world: PM Modi during Mann Ki Baat [Electronic resource] / N. Modi // Narendra Modi : Web-site. – 24.11.2019. – Mode of access: <https://www.narendramodi.in/prime-minister-narendra-modi-s-mann-ki-baat-with-the-nation-november-2019-547396>. – Date of access: 26.04.2022.

Семёнова И.И.

ДИСКУССИЯ Ф.Э. ХАРДУНГА И К. КОППМАННА О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В БРЮГГЕ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ганзейский союз – это объединение немецких купцов из различных европейских городов, которое, в первую очередь, имело торгово-экономические цели, а его функционирование регламентировалось едиными правилами [8, s. 10]. Процесс формирования Ганзы до сих пор остается дискуссионной темой в историческом сообществе [9, p. 15–17; 6, s. XI–XIX]. Исключением не является и начальный этап ганзейской торговли в Брюгге: начиная со второй половины XIX столетия ведутся различные научные споры. К примеру, в 70-е годы XIX в. возникла дискуссия между К. Коппманном и Ф.Э. Хардунгом о специфике возникновения торговой деятельности в Брюгге. В связи с чем представляется весьма интересным проанализировать источниковую базу данных исследователей, что и является целью настоящей работы.

Однако, прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению взглядов вышеназванных исследователей на ганзейскую торговую деятельность в Брюгге, стоит отметить, что точки зрения К. Коппманна и Ф.Э. Хардунга разнились и в иных вопросах. Так, например, предметом их обсуждения стало образование Ганзейского союза. По мнению Ф.Э. Хардунга, именно в Висбю сформировалось самое важное начальное ядро Ганзы: на Готланде купцы из крупных городов Северной Германии объединялись сначала в мелкие организации с корпоративной сплоченностью, а затем и в один большой купеческий союз [10, s. 301–304]. Затем, с привлечением все новых городов, объединение купцов Готланда (*gotländischen Genossenschaft*) для удобства перенесло свой центр из Висбю в Любек [10, s. 305]. Интересен тот факт, что исследователь не привел ни одного документального подтверждения для изложенного, в связи с чем остается только предполагать, на чем основывалась его гипотеза. Однако стоит признать, что рациональное зерно в словах Ф.Э. Хардунга есть, поскольку готландские купцы в действительности считались одной из самых активных торговых групп в Балтийском регионе [12, s. 30–31]: они первыми появились в таких городах как Новгород, Лондон и иных [18, s. 458–460]. Тем не менее, ни о какой выдающейся роли Висбю в ганзейской торговле говорить не приходится; объединение Ганзы происходило не вокруг деятельности готландских купцов [18, s. 457].

К. Коппманн же в своих работах сравнивал существующие на тот момент точки зрения о факторах, которые привели к созданию Ганзейского союза городов [13; 14]. В ходе анализа он объединил позиции Г. Сарториуса и И.М. Лаппенберга по данному вопросу [13, s. 77], основанные на корпусе источников из крупных городских архивов Гамбурга, Кёльна, Любека и Бремена [7, s. 131], и пришел к выводу, что ни о какой преобладающей роли Готланда в образовании Ганзейского союза не может идти и речи. В качестве подтверждения своих слов он сослался на документ 1251 года из собрания любекских актов (*Lübeckisches Urkundenbuch*) [4, № 170], в котором имеются сведения о восстановлении мира с любекцами, а также о предоставлении им значительных свобод шведским герцогом Биргером (*Jarl Birger*) [17, s. 157]. Именно после середины XIII в. можно говорить о доминировании Любека в Балтийском регионе [11, s. 181].

Иным аспектом, в котором у Ф.Э. Хардунга и К.Коппманна возникли противоречия, является посольство 1252 года во Фландрию для заключения важного торгового договора. К. Коппманн считал, что представительство в лице ратмана города Любека Германа Хойера (*Hermann Hoyer*) и нотариуса

совета Гамбурга Йордана фон Бойзенбурга (*Jordan von Boizenburg*) было создано по поручению всех ганзейских городов, которые участвовали в торговле с данным регионом [13, s. 81–82]. Его вывод основывался на материалах из сборника ганзейских рецессов (протоколов) и сопутствующих документов ганзейских съездов (*Hanserecesse*), изданием которого он занимался [15, s. 579]. Эти акты были выданы для купцов Священной Римской империи, посещающих Готланд, для Кёльна, Дортмунда, Зоста, Мюнстера, Аахена, а также для жителей города Любека [3, s. XXX–XXXI]. В связи с этим К. Коппманн сделал предположение, что купцы Священной Римской империи были едины, несмотря на их разделение по городским общинам Висбю, Кёльна и Любека [13, s. 82]. Тем не менее, Ф.Э. Хардунг придерживался иного мнения: он считал, что Герман Хойер и Йордан фон Бойзенбург являлись специальными посланниками от Готландского братства [10, s. 321]. Прежде всего необходимо заметить, что в своей работе он ссылался на текст заключенного договора о получении первых общих свобод немецкими купцами от графини Фландрии и Геннегау Маргариты [2, № 16], однако ни о каком Готландском братстве в тексте источника речи не шло. Тем не менее, стоит отметить, что суть торговых привилегий Ф.Э. Хардунг трактует верно: например, положение о том, что ни один немецкий купец, согласно договору, не может быть вызван во Фландрию для судебного разбирательства по поводу конфискации чужого имущества, но он подлежит наказанию в соответствии с местным законом и обычаем [5, s. 53]. Такое же толкование содержится и в работе Г. Сарториуса [16, s. 256].

Среди прочих привилегий, приобретенных посланниками, есть и освобождение от уплаты таможенных пошлин в Брюгге господами Иоганном фон Гистелем (*Johann von Ghistel*) и Вульфардом фон Вастине (*Wulfard von Wastine*) [4, № 187]. Предоставляемые торговые свободы существовали в разных версиях: на латинском и фламандском языках [5, s. 80–93]. Однако большую сложность вызывает их датировка: так, например, К. Коппманн в своей статье, сравнивая оба свитка, пришел к заключению, что свободы на фламандском языке написаны позже латинских [13, s. 82–83]. Данная точка зрения содержится и в документальной части Г. Сарториуса и И.М. Лаппенберга [5, s. 84, anm. 1]. Ф.Э. Хардунг же в своем исследовании сделал вывод, что в свитке на фламандском языке отменен беспощадный режим, обязательный для продовольствия [10, s. 326–327], поэтому его необходимо считать временно ограничивающим свободы тарифом, а латинский свиток восстановил первоначальные привилегии лишь в 1262 г. [10, s. 327, anm. 1]. Однако данному тезису противоречат сами тексты свитков, в которых написано, что при покупке продуктов или одежды никто ничего не должен отдавать (*et de hiis, que de cetera ement in cibarius et partibus ad victualia, vel vestimentis sibi necessariis, nichil indie dabunt*) [4, № 187; 5, № 28–29].

Еще одним аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, является перенос торговой деятельности из Брюгге в Арденбург в 1280–1282 гг. [17, s. 9]. К. Коппманн в сборнике ганзейских рецессов сопоставил ряд хартий, в которых в период с 21 сентября 1280 г. по 9 марта 1281 г. девять городов давали свое согласие на перемещение торговой деятельности в Арденбург [3, № 12–27]. А уже в 1282 г. были предприняты обратные шаги по переносу конторы в Брюгге [3, № 23–24]. Главенствующую роль в проведении переговоров исследователь отдавал Любеку [3, s. 8–9]. Однако у Ф.Э. Хардунга был иной взгляд: он считал, что К. Коппманн ошибочно принимал письма из Гослара [3, № 18; 4, № 422], Мюнстера [3, № 19; 4, № 423] и Дортмунда [3, № 20; 4, № 424] за ответные меры на акт, изданный Любеком в 1280 г. в связи с перемещением конторы [10, s. 332, anm. 3]. Поэтому, по его мнению, порядок переговоров в Брюгге 1280–1282 гг. крайне запутан в сборнике «*Hanserecesse*». Никаких аргументов в поддержку данного тезиса Ф.Э. Хардунгом указано не было, тем не менее, если изучить ход переговоров, освещенных в данном сборнике, не возникнет сомнений в том, кто на самом деле ошибся в своих рассуждениях.

Таким образом, резюмируя, стоит отметить, что источники по ганзейской проблематике во второй половине XIX в. активно публиковались в различных многотомных изданиях [1, с. 13–14], в связи с чем в распоряжении К. Коппманна и Ф.Э. Хардунга имелся одинаковый корпус источников – это ганзейские акты, сопроводительные материалы, торговые договоры и иные документы. Тем не менее, изложение событий из истории начального этапа ганзейской торговли в Брюгге каждым из исследователей не совпадает в ряде случаев. Это связано с тем, что Ф.Э. Хардунг некритически подходил к исследуемому им вопросу: он совершенно не обращал внимания на те научные результаты, которые были достигнуты исследователями в области истории Ганзейского союза. Так, например, в своей статье он несколько раз ссылался на документальную часть двухтомника Г. Сарториуса и И.М. Лаппенберга, однако же полностью проигнорировал их точки зрения, изложенные в первом томе «Документальной истории Немецкой Ганзы» [17]. Зачастую высказанные Ф.Э. Хардунгом тезисы не подкреплены ссылками на источники. В связи с этим интересен и тот факт, что его фигура в научном мире до сих пор остается малоизвестной: биографическая информация о нем фактически отсутствует, а его работа почти не упоминается в иных исторических исследованиях. Таким

образом, стоит признать, что сведения, изложенные в работах К. Коппманна, являются более объективными, поскольку он непосредственно работал с ганзейскими источниками: занимался их обработкой и публикацией в различных многотомных изданиях [15, с. 579]. Кроме того, изложенные им положения до сих пор встречаются в современной историографии [9, р. 57; 19, с. 19–20].

1. Рыбина, Е. А. Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
2. Die Grafschaft und freie Reichsstadt Dortmund – Ab. 1. Bd. 2. – Köln ; Bonn : verlag von J. M. Heberle, 1855. – 471 s.
3. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. – Ab. 1. Bd. 1. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1870. – 559 s.
4. Lübeckisches Urkundenbuch. – Bd. 1. – Lübeck : Friedrich Aafchenfeldt, 1843. – 767 s.
5. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 2. – 762 s.
6. Dollinger, P. Die Hanse / P. Dollinger. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2012. – 656 s.
7. Friedland, K. Vom sittlichen Wert geschichtlicher Erkenntnis. Georg Sartorius'Werk über den Hanseatischen Bund / K. Friedland // Hansische Geschichtsblätter. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1998. – Bd. 116. – S. 117–136.
8. Hammel-Kiesow, R. Die Hanse / R. Hammel-Kiesow. – München : C. H. Beck Verlag, 2000. – 128 s.
9. Hammel-Kiesow, R. The Early Hansas / R. Hammel-Kiesow // A Companion to the Hanseatic League. – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – P. 15–63.
10. Hardung, V. E. Die Entstehung des hansischen Comptoirs zu Brügge / V. E. Hardung // Historische Zeitschrift. – München : R. Oldenbourg, 1872. – Bd. 28. – S. 296–366.
11. Jahnke, C. Handelsstrukturen im Ostseeraum im 12. und beginnenden 13. Jahrhundert. Ansätze einer Neubewertung / C. Jahnke // Hansische Geschichtsblätter. – Trier : Porta Alba Verlag, 2008. – Bd. 126. – S. 145–186.
12. Jahnke, C. „Homines imperii“ und „osterlinge“. Selbst- und Fremdbeziehungen hansischer Kaufleute im Ausland am Beispiel Englands, Flanderns und des Ostseeraumes im 12. und 13. Jahrhundert / C. Jahnke // Hansische Geschichtsblätter. – Trier : Porta Alba, 2011. – Bd. 129. – S. 1–57.
13. Koppmann, K. Vom Kontor zu Brügge / K. Koppmann // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1872. – Bd. 2. – S. 77–89.
14. Koppmann, K. Zur Geschichtschreibung der Hansestädte / K. Koppmann // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1871. – Bd. 1. – S. 57–84.
15. Postel, R. Koppmann Karl / R. Postel // Neue Deutsche Biographie. – Berlin : Duncker & Humblot, 1980. – Bd. 12. – S. 578–579.
16. Sartorius, G. F. Geschichte des Hanseatischen Bundes / G. F. Sartorius. – Göttingen : H. Dieterich, 1802. – Bd. 1. – 478 s.
17. Sartorius, G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / G. F. Sartorius, J. M. Lappenberg. – Hamburg : verlegt von Friedrich Perthes, 1830. – Bd. 1. – 314 s.
18. Schlüter, W. Zur Geschichte der Deutschen auf Gotland / W. Schlüter // Hansische Geschichtsblätter. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1909. – Bd. 36. – S. 455–474.
19. Schubert, E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse / E. Schubert // Concilium medii aevi. – 2002. – Bd. 5. – S. 1–50.

Гришина Н.В.

БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИКОВ¹

Диссертация является важным историографическим источником, характеризующим состояние науки на определенный момент времени. Защита диссертации является результирующим актом подготовки соискателя ученой степени к научной деятельности или фиксирует его готовность продуцировать научные результаты продвинутого уровня. Российская диссертационная культура, охватывающая период с начала XIX в. до сегодняшнего времени, позволяет оценивать ее как особый феномен поля науки. Подчеркнем, что в ее развитии были весьма болезненные сломы и трансформации (отмена ученых степеней и званий в 1918 г., поиски новой модели присуждения ученых степеней в начале 1930-х гг., перманентное обсуждение оптимального количества ученых степеней и т.д.), что позволяет отдельно рассматривать определенные этапы в развитии диссертационной культуры.

Учитывая, что подготовка и защита диссертации строго регламентирована, и каждый претендент проходит схожие процедурные этапы, диссертация может быть отнесена к массовому типу историографических источников. Информационный потенциал диссертаций как источника весьма разнообразен. Помимо содержательных аспектов конкретной темы исследования, диссертацию можно атрибутировать по широкому спектру вопросов, затрагивающих просопографические характеристики сообщества историков, особенности диссертационной культуры конкретной эпохи, эволюцию рубрикации перечня научных специальностей. Одним из инструментов анализа таких массовых источников является метод баз данных, позволяющий делать количественные оценки внутри изучаемой совокупности объектов. Элементы такого цифрового подхода к историографии, но на других типах историографических источников ранее уже были реализованы в работах И. М. Гарсковой [4], Ю. Ю. Юмашевой [13].

В 2011–2018 гг. в рамках изучения диссертационной культуры дореволюционной России авторским коллективом (Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина, А. М. Скворцов, О. В. Выдрин) была разработана база

¹ Доклад подготовлен при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00557: «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

данных «Диссертанты-историки и их диссертации. 1813–1919 гг.», позволяющая решать одновременно задачи как просопографического, так и библиографического характера. Основным источником для нее стал указатель Г. Г. Кричевского «Диссертации университетов России. 1805–1919 гг.» [12]. Однако включаемая в базу данных информация уточнялась и пополнялась за счет привлечения дополнительных архивных материалов. База содержит 409 записей, для анализа которых был разработан 31 атрибут, в том числе: связанные с личностью диссертанта (ФИО, происхождение, образование и т. д.), связанные с диссертацией (тема, проблематика, соответствие современной номенклатуре, хронология, степень, объем и т. д.), связанные с обстоятельством защиты (дата защиты, место защиты, оппоненты и т. д.). Результаты данного исследования позволили сформировать коллективный портрет дореволюционных историков России – соискателей ученых степеней, выявить важнейшие элементы диссертационной культуры, описать систему межличностных и институциональных связей в науке и др. Итоговый анализ материала базы данных был презентован научному сообществу в коллективной монографии, опубликованной в 2022 г. [7, с. 93–134].

Зафиксированный разрыв в национальной диссертационной культуре, который пришелся на 1920-е гг., закончился восстановлением системы присуждения ученых степеней в начале 1930-х гг. Условия развития раннесоветской науки и ее взаимодействие с властью повлияли на внутреннее содержание диссертационной системы. Относительно цельный период в ее развитии пришелся на 1930-е – первую половину 1950-х гг. В целях понимания советской диссертационной культуры указанного времени, а также ее сопоставления с предыдущим этапом присуждения ученых степеней был инициирован проект базы данных советских историков указанного времени.

Одной из существенных проблем реализации данного проекта является изменение масштаба изучаемого явления. Так, только по диссертациям, защищенным в Московском и Ленинградском университетах, и только за период с 1934 по 1954 гг. база уже содержит 1049 записей, каждая из которых требует проработки на основе архивных материалов.

Существенно изменилась историческая основа для формирования базы данных. Существенным подспорьем стали библиографические указатели защищенных диссертаций, подготовленные несколькими университетами страны [1; 5; 6; 8; 9], а также по некоторым кратким периодам Всесоюзной книжной палатой и Государственной библиотекой имени Ленина [2; 3; 10; 11]. Часть данных была собрана с помощью электронного каталога диссертаций и авторефератов Российской государственной библиотеки (<https://search.rsl.ru/>), которая, как известно, стала основным хранилищем диссертаций с 1945 года.

База данных о диссертациях советских историков 1930 – первой половины 1950-х гг. включает следующие переменные: 1) О диссертантах: Фамилия, имя, отчество соискателя; Пол; Ученая степень; Место защиты; Структура, которую представлял соискатель (аффилиация). 2) О диссертациях: Название диссертации; Дата защиты, десятилетие защиты; Научный разряд / проблематика; Объем диссертации; Научный руководитель; Оппоненты. Кроме того, в базу данных включены аналитические переменные, связанные с проблемно-тематическим распределением диссертаций. Для ряда диссертаций удалось выявить информацию о научном руководителе, что дает основание для наблюдения за складыванием отношений учитель-ученик, выявлением наиболее продуктивных руководителей. Данные об оппонентах (официальных и неофициальных) позволяют погрузиться в атмосферу собственно диспута, реконструировать активность оппонентов, оценить работу советов по присуждению ученых степеней.

Таким образом, базы данных как источник не только агрегируют разрозненный материал о защитах диссертаций, но и позволяют через применение методов цифрового анализа получить новые выводы о развитии сообщества историков. Кроме того, они актуализируют значение и эвристический потенциал библиографических указателей как исторического источника.

1. Библиография диссертаций, защищенных в Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева за 1935–1952 гг. / сост. Н. Н. Аксенова; отв. ред. А. Р. Ананьев. – Томск, 1955.
2. Библиография диссертаций. Докторские диссертации за 1941–1944 гг. Вып. 1. / сост. М. С. Воинов. – Москва, 1946. – 182 с.
3. Библиография диссертаций. Докторские диссертации за 1945 год. Вып. 2. / сост. М. С. Воинов. – Москва, 1947. – 103 с.
4. Гарскова, И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях / И. М. Гарскова. – Москва : МГУ, 1994. – 214 с.
5. Диссертации, защищенные в Казанского государственном университете. Библиографический указатель. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1960.
6. Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А. А. Жданова, 1934–1954 гг.: библиографический указатель. – Ленинград, 1955. – 255 с.
7. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2022. – 464 с.
8. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Ереванском государственном университете с 1938 по 1969 гг. – Ереван : Изд-во Ереванского университета, 1969.

9. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. Библиографический указатель. Выпуск третий. Факультеты: Исторический, Филологический и Факультет журналистики. – Москва : Изд-во Московского университета, 1960. – 203 с.
10. Ежегодник диссертаций. 1936 год. Год издания 1-й. – Москва, 1938.
11. Ежегодник диссертаций. 1937 год. Год издания 2-й. – Москва, 1940.
12. Кричевский, Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918) : справочное пособие / Г. Г. Кричевский ; составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2004. – 342 с.
13. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 95–127.

Алеврас Н.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ МОТИВЫ ДИССЕРТАЦИЙ ИСТОРИКОВ 1940-Х ГОДОВ: ИЗ ОПЫТА ИХ ЗАЩИТ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

Формирование советской диссертационной системы, несмотря на драматизм социокультурной и общественно-политической ситуации в России первой половины XX века, содействовало актуализации источниковедческих обоснований проблематики защищаемых диссертаций. Они могли иметь выраженный и осознаваемый диссертантами и их оппонентами характер, или проявляться в несколько латентной форме. Без сомнения, в этот период вопросы, связанные с подготовкой текстов диссертаций не мыслились вне проблем опоры защищаемых исследований на источниковую базу как доказательную систему их научной состоятельности. Но с учетом различий в уровнях научных квалификаций представителей сообщества ученых этого времени каждая диссертационная история получала собственное источниковедческое выражение.

С позиций классики источниковедческого подхода значимыми фактами исторической науки стали докторские диссертации М.Д. Приселкова и А.И. Андреева, защищенные соответственно в 1939 г. (ЛГУ) и 1940 г. (Институт истории РАН). Их авторы, опираясь на традиции своих дореволюционных учителей, заложили некий канон современного им источниковедческого исследования [1, с. 205–207].

В поле зрения предлагаемого сюжета являются диссертанты, представлявшие на фоне ученых «старой школы» молодое поколение советских историков – В.В. Мавродин (1940), А.В. Эммаусский (1941), С.Л. Пештич (1944)². Из них лишь работу Пештича можно рассматривать как задуманную в рамках источниковедческой парадигмы, хотя она оказалась на стыке источниковедческой и историографической проблематики. Две первые из названных работ по тематике являлись конкретно-историческими исследованиями, но получили все же специфическую источниковедческую подоплеку.

Докторская диссертация 32-летнего Мавродина [2] была им представлена в виде рукописи объемом в 736 с. [7, л. 9]³ и тезисов к диссертации [3, с. 1–15]. Автор акцентировал внимание на использовании им «малоизвестных» и «малоизученных письменных источников», но конкретно не обозначил их [2, с. 1–2]. Свой подход он рассматривал в качестве обоснования поисков новых ракурсов в изучаемой проблематике. Акцентируя в тексте работы факт «преобладающего» использования им археологического и лингвистического «материала» [2, с. 2], в тезисах он рассматривал его лишь как «подспорье к историческому документу» [3, с. 2]. Целенаправленно демонстрируя свой интерес и к памятникам III–II тыс. до н. эры, и к культурам «полей погребальных урн» I–V вв. н. эры [3, с. 4–5], прежде чем выйти к периоду русского средневековья, обеспеченному уже письменными источниками (летописями, в первую очередь), Мавродин так и не прояснил круг видов используемых «вещественных» и письменных источников. Нельзя не заметить и того, что в его диссертации преобладали ссылки на исследования, а не на источники [2, по тексту].

Из трех оппонентов Мавродина – профессоров И.И. Яковкина, Б.Д. Грекова, В.И. Равдоникаса – отзыв последнего отличался критическими источниковедческими акцентами [7, л. 28–37 об.].

Поскольку диссертант вел исследование с «древнейших времен» и не раз ссылаясь на вещественные памятники, постольку опытный археолог Равдоникас, апеллируя к периодам палеолита, неолита, мезолита, обнаружил немало пробелов диссертанта в знании и древней природно-географической ситуации изучаемой территории, и особенностей её археологических памятников. Апелляция диссертанта к понятию «древнейшие времена», считал оппонент, налагала на него «ответственность» быть сведущим в проблемах изучения древней истории племен левобережья Украины, учитывать специфику археологических памятников и выводов археологов. Оппонент упрекнул

¹ Выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00557.

² В скобках обозначены годы защит диссертаций.

³ Подчеркну: тексты рукописей диссертаций не входили в состав дел по их защитах. В данном архивном деле имеются отзывы оппонентов, но нет обязательной стенограммы защиты, что не дает возможности в точности воспроизвести позиции диссертанта и **всех** участников дискуссии.

соискателя за неточность обоснования хронологии темы, отсутствие попыток раскрыть исторический смысл заданного временного диапазона. Фактически, он констатировал, что его познания в области археологических культур оказались недостаточно глубокими.

Но упрекая Мавродина в неточностях понимания культур палеолита и неолита, Равдоникас все же заметил, что в ряде мест своей работы диссертант «прекрасно» использовал археологический материал и полагал, что он мог бы последовательно осуществлять анализ источников археологической природы [7, л. 32об.]. При этом оппонент не касался проблем использования автором источников IX–XIV вв.

В соответствии с замыслом диссертации, критика Равдоникаса представляется закономерной и убедительной. Вероятно, она могла послужить неким источниковедческим уроком для диссертанта.

Историю защиты в мае 1941 г. кандидатской диссертации 43-летнего А.В. Эммаусского, работавшего в Кировском пединституте, предварял отказ в апреле 1940 г. принять к защите первый ее вариант под названием «Мстислав Удалой» [6, л. 18]. Это решение было принято истфаком ЛГУ на основе 15-ти страничного отзыва М.Д. Присёлкова, представленного им в марте 1940 года [6, л. 45–53об.].

Эксперт показал, что главные изъяны научного подхода автора связаны с отсутствием у него представлений об истории летописания и достаточного опыта в области интерпретаций текстов летописей, положенных в основу предложенного варианта диссертации. Он подчеркнул, что соискатель понял «свою исследовательскую задачу, как пересказ летописных текстов<...>». Присёлкову претили в связи с этим «произвольные» истолкования автором текстов летописей, не соответствовавшие их смыслу, а также профанный, по сути, подход к отбору и изучению специальной научной литературы, которую он по-ученически также преподносил на уровне пересказа. Ясно было, что диссертант не получил опыта должного научного руководства. Дав ему своим отзывом «мастер-класс» научного понимания древнерусской истории и принципов источниковедения, Присёлков отметил ряд позитивных качеств исследователя, предлагая ему не отказываться от «дальнейшей работы» [6, л. 45об., 50об. –52об., 53].

Эммаусский последовал его совету, и уже в декабре 1940 г. представил в ученый совет истфака новую диссертацию на тему «Битва при Калке». Из текста его заявления [6, л. 94–94об.] следует, что он встречался с Присёлковым, который и определил стратегию переработки текста. Он же предложил сосредоточиться на теме битвы при Калке, одним из героев которой являлся Мстислав Удалой. Имеющиеся тезисы диссертации [6, л. 22–26] убедительно свидетельствуют следованию «уроков» знаменитого историка, ставшего, фактически его научным крестником. Они демонстрируют последовательно реализуемый диссертантом преобладающий источниковедческий подход, заложенный им в освещение большинства сюжетных линий диссертации. Его официальными оппонентами стали историк русского летописания Н.Ф. Лавров и знаток источников позднего русского средневековья И.И. Смирнов, подчеркнувшие источниковедческие акценты диссертации как особую заслугу диссертанта. В последующей творческой жизни историка летописи останутся предметом его особого внимания. В частности, Эммаусский работал над темой «Никоновская летопись как памятник исторической литературы XVI века» [4].

Защита кандидатской диссертации «“История Российская” В.Н. Татищева как исторический источник» 30-летнего С.Л. Пештича, работавшего под патронажем М.Д. Присёлкова, а потом – С.Н. Валка, была одним из первых советских опытов как в области изучения творчества Татищева-историка, так и в постановке источниковедческой проблематики, обращенной к изучению методов работы Татищева с источниками. Отсутствие текста рукописи диссертации затрудняет изучение позиции историка, занятой им в 1944 г. по заданной проблеме, до сих пор остающейся дискуссионной. В составе документов его диссертационного дела [5] нет также текстов выступлений самого диссертанта и полного протокола защиты. Отзывы оппонентов (В.В. Мавродина и Н.Г. Сладкевича), как и руководителя соискателя – С.Н. Валка, не присутствовавшего на защите, представлены в трудно читаемых рукописях.

Бедущий тренд дискуссии задал Мавродин [5, л. 6–15об.], признавший в соискателе несомненный исследовательский талант и высоко оценивший факт обнаружения им неизвестных ранее рукописей «Истории Российской». Но он критиковал используемые им методы изучения труда Татищева, приведшие, по его мнению, к «разрушительным» последствиям для восприятия образа ученого, полагая, что диссертант «сбросил Татищева с пьедестала», как основателя русской исторической науки. Эмоционально выступая против «гиперкритики» соискателя, он упрекал его в отсутствии попыток найти у Татищева «зерно истины» и стремления представить некий сбалансированный образ историка. Подверг он сомнению и идею Пештича рассмотреть труд историка как исторический источник.

Любопытны и общие суждения Мавродина о состоянии источниковедения на современном ему этапе: «К сожалению, в исторической литературе последних десятилетий, когда искусство критики источника достигло совершенства, появилось направление, всячески старающееся опровергнуть чуть ли не каждое сообщение древних летописцев...» [5, л. 9об.].

Подобную линию продолжил и Сладкевич [5, л.16–18об.], подчеркнувший (вероятно, в виде комплемента), что диссертант, отталкиваясь от опыта дореволюционной науки, взялся посмотреть на заданную тему «глазами историка-марксиста». Упрекнул он его за отсутствие в диссертации «фона» эпохи, изучения общих обстоятельств деятельности Татищева и не принял наблюдения диссертанта о неспособности историка 18 века уловить различия между источником и исследованием. Оппонент полагал, что многие упреки Пештича к методам работы Татищева не обоснованы, полагая необходимым учитывать факт соответствия культуры научной деятельности человека XVIII века условиям его эпохи. Не соглашался он с Пештичем и в том, что «История Российская» Татищева рассмотрена как источник, а не как историческое исследование.

Из текста весьма краткого протокола [5, л. 19–19об.] ясно, что дискуссия проходила в напряженной обстановке не совпадающих оценок труда диссертанта. В частности, О.Л. Вайнштейна не убедили выступления оппонентов: он подчеркнул ценность «критического» подхода и идей диссертанта, а также перспективы изучения заданной проблемы. В заключительном слове Пештич отметил, что считает Татищева «выдающимся русским историком», а исследуемая им проблема окажет «помощь» историкам и имеет значимость для её дальнейшей разработки.

Его последующая научная серия «Русская историография XVIII века» (докторская диссертация), органично включающая «татищевскую» тему в источниковедческом и историографическом ракурсах стала продолжением и неким итогом его диссертационной истории 1944 года.

1. Алеврас, Н. Н. Историки из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М. Д. Прищёлковым (1939) и А. И. Андреевым (1940) / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Диалог со временем. – 2022. – Вып. 80. – С. 205–222.
2. Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) / В. В. Мавродин ; отв. ред. В. В. Яковлев ; статья А. Ю. Дворниченко. – СПб. : Наука, 2002. – 354 с.
3. Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV века : тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / В. В. Мавродин ; под ред. В. Равдоникас. – Л. : Леноблгорлит, 7/III-1940. – 15 с.
4. Судовиков, М. С. Историк-эпоха: учёный, определивший дату первого упоминания города Вятки... [Электронный ресурс] / М. С. Судовиков. – Режим доступа: <https://kirovpravda.ru/istorik-epoha-uchyonuy-opredelivshiy-da/>. – Дата доступа: 04.03. 2023.
5. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1781.
6. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп.12. Д. 1666.
7. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп.12-1. Д.1351.

Артамонова Н.Я.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО КОНСТАНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА КОПКОВОГО (1929–1987)

Информационно богатыми документами при изучении отечественной истории являются архивные фонды личного происхождения. Интерес к ним в последнее время значительно возрос. Так, только за 2022 г. в электронной библиотеке eLibrary появилось 1216 наименований публикаций, подготовленных на основе личных фондов [11, с. 1099].

Большой информационный ресурс для изучения проблем отечественной, в том числе, локальной, истории содержат фонды личного происхождения ученых. Нами просмотрен и проанализирован личный фонд хакасского ученого-историка Константина Григорьевича Копкоева (1929–1987) [7]. Документы этого фонда хранятся в Государственном казенном учреждении Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Объем фонда ученого 333 единицы хранения, составленных по тематическому признаку. Фонд содержит документы биографического характера, хотя их немного в описи. Это автобиографии, личные листки по учету кадров, характеристики, копии подлинных документов, почетные грамоты и др. Они выделены в самостоятельный раздел. Итак, мы узнаём, что К.Г. Копкоев родился 28 мая 1929 г. в с. Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области (ХАО, с января 1992 г. Республика Хакасия) в семье крестьянина. С 8 по 10 классы он учился в областной национальной школе в г. Абакане и в 1949 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Позднее он вспоминал: «Мое детство прошло в суровое время Великой Отечественной войны в 1941–1945 годы. В эти годы я учился в школе и в летнее и осеннее время помогал колхозу. За доблестный труд был неоднократно премирован в 1941 и 1942 гг. и награжден почетной грамотой райкома и райисполкома Усть-Абаканского района» [3, л. 5]. Получив высшее историческое образование, Константин Григорьевич вернулся в Хакасию. В течение нескольких лет (1954–1955; 1957–1967) он занимал должность младшего научного сотрудника и ученого секретаря в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), затем работал доцентом кафедры марксизма-ленинизма в Абаканском филиале Красноярского политехнического института [3, л. 1–5].

К.Г. Копкоев являлся одним из представителей советской национальной молодежи Хакасии, подготовленной в центральных вузах и аспирантурах страны. Именно они составили костяк хакасской интеллигенции. Он, вслед за своими предшественниками Н.Ф. Катановым, С.Д. Майнагашевым, изучал историю хакасов, обратившись к XVII–XVIII вв.

Архивный фонд личного происхождения К.Г. Копкоева позволяет оценить богатство материалов по истории и культуре хакасов, проследить формирование источниковой базы и историографии истории Хакасии. Со студенческих времен К.Г. Копкоев занимался изучением истории своего народа, Хакасии: «Меня интересовала история народов нашей страны, в особенности история хакасского народа. Будучи студентом, я изучал в ЦГАДА историю родного народа по первоисточникам. В результате написал и успешно защитил диссертацию» [3, л. 6].

В личном фонде К.Г. Копкоева содержится значительный массив архивного материала, собранного им в разных городах страны: Абакане, Иркутске, Красноярске, Ленинграде, Минусинске, Москве, Омске, Томске. Архивные выписки из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) посвящены вопросам социально-экономического положения, внешним экономическим связям Сибири, в частности, Хакасии, в XVII–XVIII вв. в виде челобитных Великому государю Петру Алексеевичу, жалоб на Красноярского воеводу, записей, донесений, грамот, отписок, посланий и т.д. В опись вошли также выписки из публикаций известных ученых А.И. Левшина, Н.В. Латкина, Г.И. Готлиба, В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова, Н.Н. Козьмина и др.

Обучаясь в Москве и имея возможность работать в ЦГАДА, К.Г. Копкоев подготовил и защитил дипломную работу по теме «Присоединение Хакасии к России», в дальнейшем по этой теме защитил кандидатскую диссертацию. В период подготовки кандидатской диссертации, то есть во второй половине 1950 – начале 1960-х гг., его, прежде всего, интересовали вопросы истории хакасского народа. Им были подготовлены научные публикации по вопросу о добровольном присоединении хакасов к России (1959), о происхождении хакасов (1962) и др. [4, л. 2]. Как показывает анализ архивных дел, по результатам научного исследования К.Г. Копкоевым было опубликовано 20 работ, из них 7 – до защиты диссертации.

Научным руководителем К.Г. Копкоева являлся чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков [5, л. 256]. Виктор Иванович был знаком с историей Сибири не понаслышке, бывал на многих сибирских территориях. С целью изучения истории феодального периода XV–XVIII вв. он разыскивал и изучал архивные документы. В своей диссертации К.Г. Копкоев делает однозначный вывод о том, что в 1707 г. «завершился длительный процесс присоединения Хакасии к России сооружением Абаканского острога и присягой». По его мнению, «вся история совместной жизни хакасов с русскими показала, что присоединение Хакасии к России, несмотря на социальный и национальный гнет со стороны царизма, явилось глубоко прогрессивным актом» [5, л. 256].

Надо сказать, что дата присоединения Хакасии к России вызывала и вызывает до сих пор дискуссии среди хакасских ученых. Профессор МГУ Леонид Романович Кызласов, родиной которого является Хакасия, отмечает, что в 1718 г. «закончилось полное присоединение всех земель бывшего Хакасского государства к могущественной Российской империи. Принятие русского подданства являлось для хакасов не только наименьшим злом, но и единственной возможностью уцелеть», что «с 1718 г. в древней многострадальной Хакасии наступил долгожданный мир. Годом окончательного присоединения Хакасии к России справедливо следует считать 1718 год» [10, с. 54]. Известный ученый Хакасии В.Я. Бутанаев считает, что «процесс присоединения Хакасии к России, начавшийся еще в XVII в., официально завершился Буринским трактатом Кяхтинского мира в 1727 г.» [2, с. 115].

Интерес представляют отзывы и рецензии на научные труды К.Г. Копкоева за период с 1962 по 1976 гг. Так, на диссертацию К.Г. Копкоева в фонде личного происхождения есть отзывы известных ученых. Д-р ист. наук Н.Г. Аполлова писала, что «в настоящее время работ, посвященных проблеме присоединения отдельных народов к России немало. Это обстоятельство свидетельствует об актуальности темы» [6, л. 7]. И далее: «учитывая достижения и недостатки предшествующих исследований, а также требования советской исторической науки на данном этапе, автор, занимающийся данной проблемой, должен сделать свой вклад в изучение, более того, подписаться на более высокую ступень в ее исследовании. Попытка автора обосновать актуальность своей темы в кратком введении убеждает в том, что до настоящего времени не было создано специальных монографических исследований, посвященных присоединению Хакасии к России» [6, л. 7].

В материалах фонда содержится также отзыв научного руководителя В.И. Шункова, в котором говорится о том, что «работа характеризуется умением автора разыскать свежий материал, <...>, в способностях автора выделить узловые вопросы, наметить правильное их решение и убедительно аргументировать свой основной вывод» [6, л. 32].

Будучи младшим научным сотрудником ХакНИИЯЛИ, К.Г. Копкоев в 1961 г. принял участие в написании «Очерков истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.». В составе авторов

«Очерков...» были преподаватели Абаканского педагогического института С.П. Ултургашев, А.Н. Устинов, доцент Красноярского сельскохозяйственного института П.Н. Мешалкин и сотрудники ХакНИИЯЛИ К.Г. Копкоев, К.Г. Чаптыков, К.М. Патачаков. К.Г. Копкоевым для этой работы были написаны две главы: VIII–IX вв.

Анализ материалов личного фонда показал, что расцвет научной деятельности ученого пришелся на конец 1960–1980-е гг. В этот период им написан ряд статей, посвященных истории хакасского народа: «Енисейские киргизы и этногенез хакасов» [8], «Об угоне “енисейских киргизов” в Джунгарию в начале XVIII в.» [9] и др. За многолетний период своей научной работы он собрал солидную источниковую базу, копии научных статей ученых дореволюционного времени.

Для учителей национальных школ значительный интерес представляет рукопись К.Г. Копкоева «История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.): учебное пособие по историческому краеведению для учащихся VII–VIII классов» (1976) [6, л. 22]. Известный хакасский краевед, историк А.Н. Гладышевский отметил, что «пока такого пособия еще не публиковал никто» [6, л. 22]. В 1978 г. К.Г. Копкоев издал учебное пособие по историческому краеведению для 7–8 классов средней школы под названием «Сквозь века».

В дальнейшем К.Г. Копкоев занимался научной работой по проблемам новейшей истории. Он писал: «Я решил в дальнейшем посвятить себя исследованию героической истории Коммунистической партии Советского Союза» [3, л. 6]. Огромный информационный ресурс личного фонда К.Г. Копкоева содержит такой вид источника как воспоминания участников гражданской войны на территории Минусинского уезда Енисейской губернии. Анализ данных документов нами осуществлен в статье «Воспоминания участников гражданской войны на юге Енисейской губернии как исторический источник (по материалам фондов личного происхождения ученых Хакасии)» [1].

Таким образом, фонды личного происхождения ученых являются важным историческим источником. Огромным информационным, научно-познавательным потенциалом обладает личный архивный фонд хакасского ученого-историка К.Г. Копкоева. Материалы его архива дают представление о самом человеке, его жизни и деятельности, действиях, поступках. В центре внимания данной личности находятся события, люди, встречи с которыми остаются в памяти на всю жизнь. К сожалению, исследователи не так часто обращаются к материалам архивных фондов личного происхождения ученых Хакасии, поэтому вопрос о более интенсивном использовании потенциала этих документов всегда актуален. Они помогают выбрать научное направление, способствуют самореализации молодого ученого в научной деятельности. Первостепенное значение имеет и тот факт, что фондами личного происхождения могут воспользоваться не только исследователи, но и обучающиеся, просто люди, неравнодушные к истории своей малой Родины. В то же время не следует преувеличивать значение фондов личного происхождения, поскольку многие документы этого источника, в частности, воспоминания, носят субъективный характер. Наиболее полную и объективную информацию о реальных событиях прошлого можно получить в сопоставлении с другими архивными документами, материалами периодической печати и иными доступными источниками. Объективному изучению проблем отечественной, в том числе, локальной, истории способствует метод критического анализа.

1. Артамонова, Н. Я. Воспоминания участников гражданской войны на юге Енисейской губернии как исторический источник (по материалам фондов личного происхождения ученых Хакасии) / Н. Я. Артамонова // Сб. тр. конференции «Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», Омск, 13–14 ноября 2019 г. – Омск, 2019. – С. 4–18.
2. Бутанаев, В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. / В. Я. Бутанаев. –Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 308 с.
3. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее – ГКУ РХ «Национальный архив»). – Ф.Р-675. Оп. 1. Д. 207.
4. ГКУ РХ «Национальный архив». –Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 210.
5. ГКУ РХ «Национальный архив». –Ф. Р-675. Оп. 1 Д. 131.
6. ГКУ РХ «Национальный архив». –Ф. Р-675. Оп. 1 Д. 206.
7. Копкоев Константин Григорьевич, кандидат исторических наук // ГКУ РХ «Национальный архив». – Ф. Р-675. Оп. 1.
8. Копкоев, К. Г. Енисейские киргизы и этногенез хакасов / К. Г. Копкоев // Ученые записки. Вып. XIII. Сер. историческая, № 1. – Абакан : Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. – С.21–38.
9. Копкоев, К. Г. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII в. / К. Г. Копкоев // Ученые записки. Вып. XI. – Абакан : Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1965. – С.65–85. и др.
10. Кызласов, Л. Р. О присоединении Хакасии к России / Л. Р. Кызласов // Страницы истории и современность. Вып. 2. – Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 64 с.
11. Медведева, О. В. Фонды личного происхождения как объект архивного хранения / О. В. Медведева // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27. – № 4. –С. 1098–1107.

Ковяко И.И.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США)

Институционализация исторической германистики в Великобритании и США прошла долгий путь от отдельных инициатив и проектов университетских кафедр до формирования Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне. Создание подобных учреждений соответствовало духу эпохи: на протяжении 1960-х гг. Западная Германия превратилась в экономически процветающее государство, которое стремилось к формированию собственного позитивного имиджа за рубежом. В первую очередь, это стремление проявилось в отношении государств, несущих ответственность за послевоенную Германию и хранивших «ключи» от германского единства. Важную роль в реализации поставленной задачи должно было играть знакомство зарубежной общественности с историей и культурой немецкого народа, актуальными направлениями современного развития ФРГ. Оживление научно-образовательного направления сотрудничества должно было способствовать формированию нового уровня взаимного доверия между Западной Германией и ее партнерами.

В 1976 г. на базе Германо-британского исторического общества был создан Германский исторический институт в Лондоне. Он объединил британских германистов и превратился в эффективную платформу национального и международного научного сотрудничества. Учреждение Германского исторического института в Лондоне стимулировало центростремительные инициативы американских исследователей. Они увенчались успехом в 1985 г., когда начал свою работу Германский исторический институт в Вашингтоне. Немецкая сторона оказала значительную поддержку новообразованным исследовательским центрам. Одним из главных спонсоров углубления сотрудничества в области исторической германистики выступил Фонд Фольксваген [2, с. 7–8; 4, с. 3].

На сегодняшний день Германские исторические институты в Лондоне и Вашингтоне продолжают свою работу и предоставляют исследователям из разных стран мира открытый доступ к многочисленным материалам, которые расположены на официальных сайтах организаций. Публикации данных центров представляются важными и актуальными историографическими источниками, в первую очередь при изучении основных направлений и тенденций развития послевоенной исторической германистики в Великобритании и США.

Во-первых, институты располагают внутренними архивами, которые позволяют проследить основные этапы развития и институционализации исторических исследований в Великобритании и США. Работа с материалами помогает исследователю установить основные факторы политической и социальной истории государств, которые являлись движущими силами формирования центров. Доступ к архивам организаций также позволяет провести ретроспективный анализ развития британской и американской историографии германских исследований [1; 10].

Во-вторых, сайты институтов предоставляют доступ к материалам библиотек. Коллекция состоит преимущественно из публикаций, посвященных германской истории XIX–XX вв., а также отдельным аспектам германо-британских и германо-американских отношений. Благодаря онлайн-каталогу исследователи могут предварительно ознакомиться с наличием тех или иных изданий в библиотеках институтов. При невозможности оперативно посетить центры, можно воспользоваться электронными базами данных, которые предоставляют доступ к богатой коллекции тематических журналов и книг [8; 9]. Таким образом, материалы библиотек позволяют обнаружить как ставшие классикой, так и новые издания по исторической германистике, опубликованные британскими и американскими авторами. Все это позволяет ученому постоянно обогащать источниковую базу историографического исследования.

В-третьих, особый интерес представляют собственные публикации Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне. Одной из главных задач учреждений является аккумуляция усилий научного, образовательного и экспертного сообщества государств, связанного по роду профессиональной деятельности с германскими исследованиями. Институты осуществляют регулярный выпуск периодических изданий, в которых находят отражение результаты исследований сотрудников, стажеров, стипендиатов и друзей центров. «Вестник Германского исторического института в Лондоне» и «Вестник Германского исторического института» (США) предоставляют исследователю важную информацию о текущих мероприятиях центров, актуальных тематических полях исследований, программах и конкурсах ученых, запланированных научных конференциях, недавно опубликованных работах в области исторической германистики и т.д. [3; 7].

В-четвертых, особого внимания заслуживает информация о руководстве и сотрудниках институтов, расположенная на официальных сайтах организаций [6; 11]. Она позволяет познакомиться с современными ведущими и перспективными исследователями Великобритании и США, их основными работами и подходами, предлагаемыми к изучению истории Германии. Поиск тематических работ авторов в базах данных библиотек способствует дальнейшему расширению источниковой базы историографического исследования.

В-пятых, текущие научно-исследовательские интересы учреждений, как правило, определяются непосредственным руководителем и его командой. Поэтому в истории Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне можно выделить отдельные эпохи, когда внимание сотрудников и содержание публикаций оказывалось сосредоточено на определенном периоде или аспекте германской истории [2, с. 9–21; 5, с. 10]. Вместе с тем, поскольку институты являются своеобразными хабами исторической германистики Великобритании и США, их тематическая специализация на определенных этапах дает представление об эволюции национальной историографии германских исследований. Информация об актуальных направлениях текущей научно-исследовательской работы размещена в соответствующих разделах официальных сайтов [12; 13].

Таким образом, материалы профильных научно-исследовательских центров являются ценными историографическими источниками. Они несут информацию о развитии и институционализации отдельных направлений исследований, предоставляют доступ к широкой базе тематических материалов благодаря наличию традиционных и электронных библиотек. Институты осуществляют выпуск собственных периодических изданий, в которых находят отражение современные тенденции исторической науки, а также знакомят посетителей с плеядой ученых, во многом формирующих контуры национальной историографии. Пример Германских исторических институтов в Лондоне и Вашингтоне демонстрирует, что они могут оказать неоценимую помощь исследователю при изучении англо-американской историографии истории Германии и германского вопроса.

1. About Us. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/about-us>. – Дата доступа: 12.01.2023.
2. Berghoff, H. The German Historical Institute in Washington, 1987–2012: A short history / H. Berghoff, R. Wetzell // GHI Bulletin Supplement. – 2012. – No. 8. – P. 7–31.
3. Bulletin of the German Historical Institute. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/publications/bulletin>. – Дата доступа: 12.01.2023.
4. Dickens, A. G. The German Historical Institute. A report / A. G. Dickens // Materials of GHIL. – London, 2021. – 3 p.
5. German Historical Institute. 40 year anniversary. Special edition. – London : GHIL, 2016. – 35 p.
6. GHI Stuff. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/team>. – Дата доступа: 12.01.2023.
7. GHIL Bulletin. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/publications/bulletin>. – Date of access: 12.01.2023.
8. GHIL Library. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/library/about-the-library>. – Date of access: 12.01.2023.
9. Library. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/library>. – Дата доступа: 21.01.2022.
10. Mission Statement. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/home/mission-statement>. – Дата доступа: 12.01.2023.
11. Our Team. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/team/our-team>. – Дата доступа: 12.01.2023.
12. Research. The German Historical Institute London (GHIL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghil.ac.uk/research/our-research>. – Дата доступа: 18.02.2023.
13. Research. The German Historical Institute Washington (GHI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ghi-dc.org/research>. – Дата доступа: 18.02.2023.

Долгов В.В.

«НЕВРЮЕВА РАТЬ» В ИЗЛОЖЕНИИ В.Н. ТАТИЩЕВА И М.М. ЩЕРБАТОВА¹

Древнерусская книжная традиция создала грандиозную систему исторических нарративов, которая последовательно развивалась на протяжении нескольких столетий. Однако в XVIII веке произошел культурный, а значит и мировоззренческий перелом, в результате которого древнерусский период развития истории как сферы своеобразного «умного делания» завершился. Наступила новая эпоха – эпоха научного поиска, эпоха аналитической работы, в которой приняты были совсем иные способы обработки материала и преследовались иные цели. Переход произошел довольно быстро, но для его осуществления потребовались серьезные интеллектуальные усилия. Первичная перекодировка летописной и агиографической информации в новые формы была осуществлена видными историками XVIII века, среди которых важнейшее место принадлежит В.Н. Татищеву и князю М.М. Щербатову. Фактически именно они стали первопроходцами исторических исследований в России, они заложили основы национальной истории, именно на их долю пришлась основная роль в разработке и практической обкатке новых методов научной работы. На этом пути первых историков Нового времени поджидало немало трудностей. Обстоятельства их преодоления представляют

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта по теме: «Создание и подготовка к изданию научной биографии Александра Невского: государственного деятеля и полководца» проект №1/2022.

серьезный историографический интерес. В настоящей статье исследовательская лаборатория классиков «осмнадцатого» века рассматривается на примере их работы с летописными свидетельствами о «Неврюевой рати».

Первым обратился к разбору летописных сведений о «Неврюевой рати» В.Н. Татищев. Основой для его труда в рамках этого периода была Никоновская летопись. Однако его собственный текст содержит уникальные данные, которых в летописи нет. Если «татищевские известия» о событиях ранней русской истории могли иметь (хотя бы теоретически и гипотетически) источником какие-то неизвестные летописи, то в данном случае предполагать такое положение вещей оснований нет. Откуда же они взялись?

«Татищевское известие» в данном случае состоит из двух частей [1, с. 40].

Первая часть заключает в себе рассказ о том, что Александр возмутился поступком Михаила Хоробрита, который согнал с престола их дядю Святослава. А возмутившись, явился во Владимир и устроил с Михаилом «прю». Договориться между собой на месте братья не смогли, и решили перенесли спор в Орду. В Орду они зачем-то прихватили с собой еще и Андрея. Там ханское решение было таково: дать Александру Киевское княжение и «всю землю просто Рускую», а Андрею – почему-то решено было дать неведомо откуда взявшееся «Белорусское» княжение.

А что же Михаил? Михаил из текста бесследно исчезает.

Вторая часть содержит непосредственно указание на факт жалобы Александра на Андрея (хотя, исходя из логики первой части, жаловаться он должен бы на Михаила).

С этой второй частью известия все более или менее понятно, если сопоставить текст Никоновской летописи и «Истории» Татищева. При сравнении явно видна «объясняющая» вставка. Она имеет основой вполне понятный мыслительный прием, когда последовательность событий трактуется как проявление их причинно-следственной связи. А вот с первой частью все несколько сложнее. В данном случае, татищевский текст от летописного отличается весьма существенно. Выделить в нем ясно читаемую вставку нельзя. При этом отличий от Никоновской летописи «на единицу текста» в этом пассаже много. Это и спор Александра с Михаилом, и поездка Михаила в компании братьев в Орду, и получение Андреем какого-то «Белорусского» княжения. Можно бы предполагать, что Татищев использовал при написании этого фрагмента какой-то дополнительный источник информации, если бы не критическая внутренняя несогласованность сведений. Количество логических несообразностей в этом татищевском фрагменте по плотности еще выше, чем количество «новин».

Во-первых, по Татищеву получалось, что Александр поехал в Орду именно из-за спора с Михаилом, а не с Андреем, но именно Михаил-то в финальном ханском решении никак не указан. Во-вторых, Михаил не встречается и далее в тексте Татищева, что неудивительно: в 1248 году он погиб во время литовского похода, поэтому в принципе не мог принимать участие ни в поездке в Орду, ни в распределении столов. Картину общей путаницы венчает необъяснимое и никак не связанное с контекстом «Белорусское» княжение, которое, как и Михаил, более в описании текущих событий не участвует.

Из этого можно предполагать, что при изложении сюжета о поездке в Орду Татищев по невнимательности многое перепутал. Причем, перепутал без какого-то дальнего прицела и смысла. По каким-то причинам произошла фундаментальная путаница в голове и тексте, которая затем не была отредактирована. Если бы историк пользовался неизвестным источником (пусть даже и содержащим путаную информацию), то, пребывая в нормальном состоянии разума и внимания, он бы непременно заметил образовавшуюся чепуху. А заметив, должен был, сообразно своему методу, как-то привести её в удобоваримый вид. То, что он этого не сделал, с необходимостью свидетельствует, что при написании этого фрагмента внимание его было, мягко говоря, рассредоточено.

Предвидя ехидные замечания коллег, считаю необходимым уточнить, что я вовсе не имею в виду, что «последний летописец» писал свою историю в пьяном или безумном состоянии. Для того чтобы допускать ляпы или делать ошибки вовсе не обязательно быть пьяным. Разнообразные варианты «искажения нарратива» весьма глубоко изучены современной наукой. Мозг – мощная машина. Однако точность его работы даже у гениального человека оставляет желать лучшего. С бесконечным количеством отклонений мозг собирает и пересобирает «истории» из застрявшего в памяти материала. Практически единственным способ минимизировать ошибки – коллегиальная работа, которая в современном научном мире обеспечивается рецензированием и апробацией. Однако именно этой возможности Татищев при работе над своей «Историей» был лишен.

Так или иначе, мы видим, что Татищевская трактовка Неврюевой рати не отличается ни последовательностью, ни общей логичностью. Она является, фактически, наполовину бессмыслицей. Тем не менее, она обрела большую популярность в отечественной и даже зарубежной исторической науке. Версия о «доносе» Александра кочует из работы в работу. Интересно, что историков явная порча текста в части рассуждений Татищева о Неврюевой рати совершенно не пугает. Даже

С.М. Соловьев, хотя и заметил её, но серьезного внимания не уделил, поскольку его увлекла вторая, «понятная» часть.

Совсем иначе трактовал причины и обстоятельства Неврюевой рати М.М. Щербатов. Приступая к её рассмотрению, историк досадует на краткость повествований «российских летописцев», которые не дают возможности судить о мотивах поступков большей части исторических персонажей. В данном случае, конечно, прежде всего, имеются в виду мотивы, побудившие князя Андрея Ярославича отказаться от требуемого визита к хану.

Щербатов исходил из того, что причиной поступка Андрея не могло стать желание сопротивляться монголо-татарской оккупации: «я по всем обстоятельствам не могу поверить, чтобы Князь Андрей мог противу Татар вооружиться, в разсуждении бессилия его и не видно, что бы он с другими Князьями о освобождении себя от ига Татарского соединялся; ибо самого сильнейшего тогда Князя в России то есть, брата его Александра Ярославича, в самое сие время видим отшедшего в Орду» [2, с. 55]. Тем не менее, при всем сомнении в освободительных намерениях Андрея, Щербатов считает, что именно подозрение в попытках создать антитатарскую коалицию и стала причиной отправки против Андрея экспедиционного карательного отряда во главе с царевичем Неврюем.

Основой для этих подозрений стал брак Андрея с дочерью «подозрительного» Даниила Романовича. В целом, конечно, это еще большой вопрос, кто из названных князей в этой паре выглядел более подозрительным, но в рамках концепции М.М. Щербатова, династическая связь Андрея с Даниилом в свете активных контактов последнего с папской курией, могла стать базой для ханского наказания.

М.М. Щербатов не спорит напрямую с концепцией В.Н. Татищева, считавшего, что Неврюева рать была результатом жалобы Александра. Возможно, она вообще не вошла в круг его внимания. Он предлагает кандидатуру другого выгодоприобретателя, и догадка его, пожалуй, выглядит вполне логичной. Щербатов исходил из того, что у Александра с ханскими милостями и так было все в порядке. Но был другой князь, давно и безуспешно бывший за восстановление утраченного высокого статуса, – престарелый Святослав Всеволодич, последний в предыдущем генеалогическом ряду. В свое время его сверг с доставшегося ему по порядку наследования великокняжеского престола младший брат Александра и Андрея – Михаил Ярославич Хоробрит. Потом Михаил погиб в битве с литовцами, но престол не был возвращен Святославу, так бездарно его утратившему, а был передан Андрею. Понятно, это возмущало представителя старшего поколения князей. Именно у него был самый прочный мотив добиваться отстранения Андрея с владимирского великокняжеского престола. Стремясь к достижению своей цели, князь Святослав со своим сыном Дмитрием ездил в Орду к хану Сартаку. Как считается, поездка эта результатов не дала. Однако на роль «жалобщика» Святослав вполне подходит, поскольку Андрей занимал именно его престол. Конечно, это предположение немногим весомей предположения В.Н. Татищева. Однако и не менее. При этом в отличие от Татищева, Щербатов хорошо понимал гипотетичность своих построений. Он маркировал её словом «уповательно», писал так: «Такие намерения уповательно не могли укрыться от Татар, которые их от самих Российских Князей уведали, а паче мною от Святослава Всеволодича, который искав себе возвращения Владимирского престола, уповательно не оставил о таких намерениях Князя Андрея Татарам сообщить, и уважая союз его и соединение с таким Князем, который ищет защищения Папского, легко мог подозрение Татарам на Князя Андрея вложить и побудить их воевать противу его» [2, с. 65].

Предположение Щербатова имеет под собой хотя и не очень сильную, но, по крайней мере, эксплицитно выраженную аргументацию и внутреннюю логичность. Однако популярностью оно, в отличие от Татищевского, в историографии не пользуется по причинам, скорее всего, эмоционального свойства. Безусловно, версия о достигшем цели доносительстве Александра является существенно более драматичной и эффектной, чем версия о нудных и пропавших втуне домогательствах малоизвестного неспециалистам дяди. И даже ненадёжность источника, из которого эта версия проистекает, не останавливает историков от того, чтобы доверять ей в гораздо большей степени, чем скучным резонёрским рассуждениям Щербатова.

1. Татищев, В. Собрание сочинений : в 8-ми томах (5-ти книгах). – Т. 5, 6 : История Российская / В. Н. Татищев. – Москва : Ладомир, 1996. – 347 с.
2. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времён. – Т. III : От покорения России Татарами до великого князя Дмитрия Иоанновича Донского / М. М. Щербатов. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1774. – 326 с.

Колосовская Т.А.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ОФИЦИАЛЬНОГО НАРРАТИВА ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАВКАЗА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПРАКТИКИ СЕРЕДИНЫ XIX В.)¹

Вопрос постепенного складывания источниковой базы кавказоведения в условиях Российской империи относится к числу важных, но, к сожалению, до сих пор недостаточно разработанных в исторической науке. Исследования по данной проблематике единичны [4; 6]. Между тем, вопрос этот имеет большую научную значимость, поскольку до сих пор подавляющая часть работ, посвященных изучению истории многовекового российско-кавказского взаимодействия, опирается на те источники, которые были выявлены, систематизированы и введены в научный оборот еще в имперский период.

В рамках настоящей работы остановимся на первых попытках сбора и систематизации документального материала по историческому кавказоведению, в связи с подготовкой официального нарратива присоединения Кавказа к России.

Инициатором и главным центром подготовки исторических сочинений по кавказской тематике в середине XIX в. являлось Военное министерство. По его поручению в 1840-е гг. к изучению материалов по истории военных действий России с Персией и Турцией на Кавказе в первой трети XIX в. приступил генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский. Военному историку были доставлены документы из Тифлиссских архивов, опираясь на которые он подготовил историю русско-турецкой войны 1806–1812 гг. На этом изучение темы им ограничилось, поскольку ему было поручено создание истории войны России с Францией в 1798–1799 гг. Смерть помешала завершить ему и этот труд [1, с. 133].

В роли творческого наследника историка выступил Д.А. Милютин (будущий военный министр Александра II). Когда в 1849 г. в Военном министерстве был вновь поднят вопрос о продолжении исследований по кавказской проблематике, то на него возложили разработку плана нового сочинения. Милютин хотел раскрыть не только военные, но и политические аспекты истории Кавказа и показать их в широких хронологических рамках: начиная с походов киевского князя Святослава и заканчивая описанием военных действий на Кавказе первой половины XIX в. Для выполнения этой задачи он осознал необходимость привлечения обширного источникового материала. В своей докладной записке на имя военного министра А.И. Чернышева Милютин подчеркивал, что ему будет необходимо «предварительно рассмотреть все материалы, как найденные уже в бумагах покойного генерала Данилевского, так и другие, имеющиеся в здешних архивах; важнейших же материалов следует искать на месте, т.е. в архивах Тифлиса, Ставрополя, Кизляра, Астрахани и проч.; многое полезно даже почерпнуть из устных указаний тамошних жителей» [7, л. 3–3 об.]. Он предлагал «командировать особого офицера, способного к этому роду занятий, поручив ему предварительно ознакомиться с имеющимися в здешних архивах сведениями об означенной войне, а затем отправиться в Тифлис и в другие пункты Кавказского края, где окажется возможным найти материалы для той же войны» [7, л. 4]. Некоторые из обнаруженных материалов, по мнению Милютина, должны доставляться ему в подлиннике, из прочих достаточно было сделать только выписки.

Программа предстоящих военно-исторических работ и инструкция по сбору материалов были поддержаны военным министром и одобрены императором 24 февраля 1849 г. [7, л. 29–29 об.]. Поиск кандидатуры офицера для производства архивных розысков затянулся. Только в ноябре 1850 г. официальное назначение в помощники к Милютину получил недавно окончивший курс Военной академии и причисленный к Департаменту Генерального штаба поручик Д.Х. Бушен [7, л. 41–41 об.].

Часть документов была передана Милютину из рукописных материалов, оставшихся после смерти генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского. Это хранящиеся в Архиве Военно-топографического депо: источники о военных действиях в Азиатской Турции с 1806 по 1812 гг.; с Персией в 1803–1807, 1812–1813 гг.; против кавказских народов с 1802 по 1815 гг., а также статистические описания отдельных территорий в Закавказье. При этом большая часть источников для готовящегося Милютиным сочинения была собрана в ходе археографических экспедиций Бушена. В 1850 г. им были осмотрены архивы Петербурга: Военно-топографического депо, Генерального штаба, Инспекторского департамента, канцелярии Военного министерства, Кавказского комитета и Министерства иностранных дел. С февраля 1851 г. офицер приступил к разбору дел в Московских архивах: Главного Московского архива Министерства иностранных дел и отделения Императорского Департамента Военного министерства.

Летом 1851 г. Бушен был отправлен в долгосрочную командировку для выявления документов в архивах Кавказа. Здесь он осмотрел материалы, хранившиеся в архивах начальника Черноморской береговой линии в г. Керчи и в Войсковом правлении Земли войска Черноморского в г. Екатеринодаре. В г. Ставрополе он обследовал дела архива штаба войск Кавказской линии и Черномории и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.

архива Губернского правления. Это позволило Бушену составить опись дел, относящихся к устройству Кавказской линии. Не были оставлены без внимания Георгиевский и Моздокский архивы. В последнем Бушен сделал выписки о пребывании Е. Пугачева в г. Моздоке. Осмотром и составлением описи делам Кизлярского архива было закончено выявление документов в архивах Северного Кавказа. В Закавказье Бушен разобрал дела трех Тифлисских архивов: Канцелярии наместника, Корпусного дежурства и Генерального штаба и планировал в дальнейшем осмотреть архивы в г. Эривани, в Эчмиадзинском монастыре, в г. Ленкорани [5, с. 84–88].

Действуя по разработанной Милютиным инструкции Бушен составлял описи дел, делал выписки, а наиболее ценные документы забирал в подлиннике.

Сбором источникового материала занимался и сам Милютин. Стремясь представить события военной истории, «сколь возможно беспристрастно и ближе к истине» [7, л. 5], он старался привлечь как можно больший круг источников. С этой целью Милютин опубликовал на страницах «Русского инвалида» воззвание «Любителям русской славы и доблестей» [8, с. 3]. Обращаясь в нем ко всем очевидцам и участникам истории присоединения Кавказа к России, Милютин призывал их присылать свои дневники, записки, служебную и частную переписку и «даже изустные предания, сохраняемые иногда в семействах от отцов и дедов» [8, с. 3]. «Лица эти, изложив просто и без всякой литературной обработки то, что известно им, – отмечалось в воззвании, – окажут несомненную услугу истории, ибо ни одна мельчайшая черта, ни одна по-видимому маловажная подробность, не пропадет для тщательного и добросовестного исторического труда» [8, с. 3].

Отзывы на прозвучавший в объявлении призыв не заставили себя долго ждать. В адрес Милютина стали поступать разнообразные материалы из различных уголков страны, авторами которых чаще-всего являлись «старые кавказцы». Среди корреспондентов Милютина следует назвать бывшего командующего на Кавказе Е.А. Головина, приславшего свой «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 г.» и генерала в отставке И.Т. Радожицкого, направившего в адрес Милютина свои «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом», которые он пытался, но так и не смог опубликовать еще в 1830-е гг.

Собранные тогда источники не были введены в научный оборот непосредственно Д.А. Милютиным, исторические исследования которого были прерваны в 1856 г. назначением на должность начальника Главного штаба на Кавказе. От изучения кавказской истории отстранился и Бушен, который в 1863 г. возглавил Орловский кадетский корпус. В начале 1860-х гг., их материалы передали в распоряжение полковника Н.Ф. Дубровина и были использованы им при подготовке трудов по истории присоединения Грузии и установления Российского доминирования на Кавказе [2; 3].

В настоящее время собранные Милютиным и Бушеном источники хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 846. Оп. 16) в деле № 6164 «Материалы для истории Кавказа и кавказских войн, собранные Бушеном». Оно представляет собой уникальную коллекцию документов по истории российско-кавказских отношений XVI–XIX вв., систематизированную в 104 частях. В первых трех частях, представлена рукопись подготовленного Бушеном к публикации документального сборника. Остальные части включают черновые наброски исследователя, подлинники и копии собранных им документов, а также описи дел тех архивов, где ему доводилось работать.

Среди этого обширного и многообразного материала следует выделить копии царских грамот и указов, относящихся к Терскому казачьему войску за 1661–1774 гг. (часть 8); копии документов штаба Отдельного Кавказского корпуса о переселении казаков с Дона на Кавказ в 1792–1799 гг. и о происшедших в связи с этим волнениях в 1793 г. (часть 14); подлинники и копии донесений И.В. Гудовича Екатерине II о состоянии крепостей на Кавказе, о взаимоотношениях с грузинскими народами; переписка командующего Кавказской линией К.Ф. Кнорринга с армянским и имеретинским правительством и духовенством о положении на Кавказе, рапорты о положении в Кабарде и на Кубани (части 15–17); подлинники рапортов калмыцкого пристава главнокомандующему в Грузии и астраханскому губернатору П.Д. Цицианову об образе жизни и бедствиях кочующих калмыков, П.Д. Цицианова и командиров полков К.Ф. Кноррингу о торговле в Астраханской губернии, об обеспечении переселенцев-казаков продовольствием, о взаимоотношениях между дербентским и казкумухским ханами, о положении аварцев, донесения русского консула в Персии о положении в стране (часть 23); подлинники рапортов шефа Казанского мушкетерского полка Мейера и инженер-генерала Брюзгина П.Д. Цицианову с описанием дороги от Моздока до Владикавказа и до Ларса, о постройке земляного укрепления при крепости Георгиевской и укреплениях у Кислых и Горячих вод; планы Георгиевской крепости и Кислых вод (часть 29) и множество других источников, отражающих историю Кавказа периода вхождения его в состав России.

В целом, анализ исследовательских практик по подготовке официального нарратива присоединения Кавказа к Российской империи в середине XIX в. показывает, что эти работы положили начало формированию источниковой базы изучения российско-кавказского взаимодействия. Она

пополнялась документами правительственных архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Кавказа, преимущественно подчинявшихся военному ведомству, а также устными источниками «старых кавказцев». При этом ее содержание включало информацию не только о военных действиях. В ней находили свое отражение сведения по истории и этнографии автохтонного и казачьего населения края, особенностях его политического устройства и образа жизни, что, в свою очередь, определяло предметное поле исторического кавказоведения имперского периода.

1. Бескровный, Л. Г. Очерки военной историографии России / Л. Г. Бескровный. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 319 с.
2. Дубровин, Н. Ф. Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России / Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург : тип. Деп. уделов, 1867. – 245 с.
3. Дубровин, Н. Ф. Закавказье от 1803–1806 гг. / Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург : тип. Деп. уделов, 1866. – 543 с.
4. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список : в 2 ч. / авт.-сост., предисл. и примеч. М. Е. Колесниковой. – Ставрополь : Издательство СГУ, 2009. – Ч. 1. – 516 с. ; Ч. 2. – 452 с.
5. Колосовская, Т. А. «...Разобрав в подробности дела некоторых архивов края...» Рапорт поручика Д.Х. Бушена по итогам обследования архивов Кавказа (1852 г.) / Т. А. Колосовская // Отечественные архивы. – 2020. – № 1. – С. 80–88.
6. Муратова, Е. Г. Источниковедение истории Северного Кавказа / Е. Г. Муратова. – Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2013. – 91 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 97.
8. Русский инвалид. – 1853. – 10 ноября. – № 242–243.

Майорова А.С.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ РЕГИОНОВЕДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Отечественные историки второй половины XIX в. рассматривали процессы расселения русского крестьянства в качестве основных и определяющих всю историю государства. Эта проблема утвердилась в исторической науке после опубликования в 1851 г. первого тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. В. О. Ключевский при разработке лекционных курсов по русской истории, которые он начал читать с 1871 г. [7, с. 165], большое внимание уделял вопросу о значении колонизации. Процесс заселения Поволжья выходцами из центральных областей России изучал ученик Соловьева Г. И. Перетяткович. Ему принадлежат две монографии на данную тему – «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)», опубликованная в 1877 г., и «Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края)», опубликованная в 1882 г.

Во второй из названных монографий материал о хозяйственном освоении переселенцами из России Саратовского края занимает незначительное место. Хронологические рамки исследования Перетятковича не охватывали процессы, происходившие здесь со второй половины XVIII в., но именно в то время началось более активное, чем ранее, заселение крестьянами Саратовского Поволжья. Перетяткович в 1876 г. приезжал в Саратов с целью поиска материалов для монографии. Тогда состоялась его встреча с сотрудниками губернского статистического комитета. [8, с. 204]. Его пребывание в Саратове способствовало появлению специальных работ саратовских авторов, посвященных процессам заселения территории губернии. Изучение этой проблемы осуществляли в дальнейшем члены Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК).

Обращение местных историков к этой проблеме способствовало введению в научный оборот значительного комплекса источников, не только письменных, но и других типов. В XX в. в региональной историографии было продолжено изучение вопросов заселения Саратовского Поволжья. Однако в ней отсутствует анализ работ местных авторов второй половины XIX в. по данной проблеме. Рассмотрение состава источниковой базы в этих работах позволяет оценить уровень подготовленности членов СУАК к решению задач, которые стояли перед комиссией. Первоочередными задачами всех архивных комиссий были выявление, сохранение, описание архивных документов, пропаганда исторических знаний, собирание «различных древностей».

Впервые вопрос о заселении территории Саратовской губернии был рассмотрен в двух обобщающих трудах по местной истории, созданных А. Ф. Леопольдовым [3] и Н. И. Костомаровым [2]. Названные авторы не могли в полной мере осветить подробности процесса, поскольку они располагали только документами местных учреждений и публикациями законодательных актов. Особое внимание в их трудах уделяется колониям иностранных поселенцев, поскольку Леопольдову и Костомарову были доступны документы саратовской конторы опекунов иностранных. В них содержались сведения о населении колоний, их хозяйственном развитии, органах самоуправления, религиозных организациях.

Приток на территорию Саратовского Поволжья русских и украинских казаков, крестьян, однодворцев и других категорий поселенцев можно было проследить по другим видам источников. Сведения об этом, как писал саратовский статистик С. А. Харизоменов, можно было получить из жалованных грамот, владенных выписей, купчих крепостей, копий с решений Сената. Такие документы хранились у землевладельцев в семейных и родовых архивах. Кроме того, на саратовские земли приходили «самовольные засельники», появление которых не фиксировалось в документах [9, с. 264].

Доступ к материалам личных архивов землевладельцев получили мировые посредники в ходе проведения крестьянской реформы. Мировым посредником Аткарского уезда Саратовской губернии с 1861 г. (а с 1869 г. – участковым мировым судьей в Аткарском судебном округе) был А. Н. Минх [4, с. 267], который являлся одним из учредителей СУАК, созданной в 1886 г. Выполняя эти обязанности, Минх мог знакомиться с документацией о земельных пожалованиях, переходе имений из рук в руки, об изменениях в статусе владений, о социальном положении различных категорий крестьян.

Кроме того, в ходе своей служебной деятельности он собирал сведения об основании сел и деревень путем «опроса старожилов». Минх пишет: «Бывши мировым посредником и затем мировым судьей по уездам Аткарскому и Саратовскому, мне удалось собрать довольно верный материал для истории заселения этого края по некоторым волостям...» [1, л. 86об.] Частично данные такого характера помещены в статьях Минха, опубликованных в «Саратовском сборнике» в 1881–82 гг. – «Колленская волость» [5] и «Саратовский уезд» [6].

Первой попыткой целенаправленного поиска и обобщения собранных материалов была монография Мииха «Материалы для истории оседлого заселения Саратовского края». Текст монографии сохранился в рукописном варианте [1]. Часть его была опубликована в 1885 г. в «Саратовских губернских ведомостях, о чем свидетельствует помета автора [1, л. 102об.]. Номера газеты за этот год в Саратове отсутствуют. Очевидно, по этой причине в местной историографии XX в. данная работа Минха не упоминается.

Автор отдавал себе отчет в том, что в создании полной картины заселения края необходимо участие многих историков [1, л. 112об.]. Территориальные рамки его исследования ограничены. Саратовская губерния в тот период, когда работал Минх, была не столь обширной, как в первые семьдесят лет ее существования. Заволжские уезды – Николаевский и Новоузенский – с 1851 г. были переданы в состав вновь образованной Самарской губернии, а Царевский – в Астраханскую. Материалы о возникновении поселений в Царицынском и Камышинском уездах не включены в текст монографии Минха. Позднее они вошли в состав широко известного «Историко-географического словаря Саратовской губернии». Четыре выпуска словаря, опубликованные Минхом с 1898 по 1902 гг., посвящены именно этим уездам.

В «Материалах для истории оседлого заселения» заметно влияние подхода Перетятковича к изучению проблемы. Основой для выяснения подробностей продвижения земледельцев в Саратовский край для Минха послужили взгляды Перетятковича, который писал: «...Главным деятелем в культурной деятельности России в здешних, большей частью пустынных и покрытых лесом странах, является русский крестьянин и те инородцы, которые больше других имели охоты к земледельческому занятию – чуваш и мордва» [8, с. 114]. В отличие от Перетятковича, Минх не использует термин колонизация при изучении процессов, которые происходили в Саратовском Поволжье.

Состав источников, на которые опирались Перетяткович и Минх, различен. Это связано, в первую очередь, с тем, что они изучали явления, происходившие в разные исторические периоды. Перетяткович имел в своем распоряжении, в основном, документацию московских приказов – документы, хранившиеся в Московском архиве министерства юстиции, и публикации Археографической комиссии. Материалы по XVIII–XIX вв., которые использовал Минх, отличаются большим разнообразием. Это связано с появлением в XVIII в. новых типов и видов источников, которых не было ранее. Минх изучал графические материалы – карты и планы, составленные в ходе Опекунского межевания и Генерального межевания, данные статистики – опубликованные и неопубликованные. Круг его источников расширился также благодаря использованию устных свидетельств жителей сел и деревень. Кроме того, Минх изучал остатки засечной черты XVIII в. в Петровском уезде [1, л. 105об.].

В работе Минха, в отличие от монографии Перетятковича, не представлены сведения о земельных владениях монастырей. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что документы, в которых фиксировались пожалования монастырям, хранились в Московском архиве министерства юстиции. В то же время некоторые материалы из этого архива были использованы Минхом – он оперирует данными о сельских поселениях по итогам второй ревизии.

Одновременно с Минхом сведения по истории заселения Саратовской губернии собирали и фиксировали сотрудники саратовского земского статистического бюро. В 1883–1887 гг. в ходе статистических обследований, как пишет Харизоменов, «был собран и некоторый материал по истории

заселения Саратовского края». Сведения такого характера по селам и деревням Балашовского уезда были опубликованы Харизоменовым в 1888 г. в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии [9, с. 264]. (Он был членом комиссии). Он называет письменные источники, из которых сведения почерпнуты, и отмечает, что большая часть исторических данных основана на устных преданиях. В конце 80-х– начале 90-х гг. XIX в. в трудах СУАК материалы по теме заселения Саратовской губернии помещали и другие члены комиссии – А. А. Голомбиевский, В. И. и Г. И. Холмогоровы. Они выявляли данные из документов, хранившихся в МАМЮ. Продолжал публиковать материалы по этой теме и Минх.

Изучение процесса заселения территории Саратовской губернии крестьянами из других регионов России стало особым направлением в трудах местных историков второй половины XIX в. Оно появилось под непосредственным влиянием постановки проблемы, актуальной в русской науке в тот период. Постановка проблемы повлекла за собой расширение круга источников. На основании работ саратовских историков по данной тематике видно, что они проявили полное понимание значимости источниковой базы для исторического исследования и были готовы к решению задач, которые стояли перед Саратовской ученой архивной комиссией.

1. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО) – Ф. 407. Оп. 2. Д. 776.
2. Костомаров, Н. И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I / Н. И. Костомаров // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. – Саратов, 1858. – Отд. 3. – С. 1–55.
3. [Леопольдов, А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова / [А. Ф. Леопольдов]. – М., 1848. – 195 с.
4. Майорова, А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья / А. С. Майорова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2021. – Т. 21, Вып. 2. – С. 264–269.
5. Минх, А. Н. Коленская волость / А. Н. Минх // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1881. – Т. 1 : Отдел первый. – С. 65–176.
6. Минх, А. Н. Саратовский уезд / А. Н. Минх // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1882. – Т. 2. – С. 203–327.
7. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М. : Наука, 1974. – 638 с.
8. [Перетяткович, Г. И.] Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Исследование Г. Перетятковича / [Г. И. Перетяткович]. – Одесса, 1882. – 399 с.+3 с+2 с.
9. Харизоменов, С. А. Материалы по истории заселения Саратовской губернии / С. А. Харизоменов // Труды СУАК. – Саратов, 1888. – Т. 1, Вып. 3. – С. 264–277.

Новікаў С.Я.
НОВЫ ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ АБ НАЦЫСЦКІМ ГЕНАЦЫДЗЕ
НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1941–1944 ГГ.

Напярэдадні 80-х угодкаў вызвалення Віцебскай вобласці ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў навуковая грамадскасць атрымала ад беларускіх архівістаў фундаментальнае 6-томнае выданне “Без тэрміну даўнасці. Беларусь” [4] аб злачынствах нацыстаў і іх памагатых у дачыненні да мірнага насельніцтва рэспублікі, у тым ліку Віцебскай вобласці ў 1941–1944 гг. [1]. Як адзначаюць у прадмове да гэтага зборніка намеснік дэкана гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава А.М. Пастэрнак і загадчык аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук С. В. Кулінок, “у гарадах і сельскай мясцовасці Віцебскай вобласці загінулі 151451, выгнана ў нямецкае рабства 68434 чалавек. У горадзе Віцебску, дзе да пачатку вайны налічвалася каля 200 тыс. насельніцтва, у дзень вызвалення апынулася ўсяго 118 чалавек” [1, с. 3].

Першае дакументальнае выданне “Без тэрміну даўнасці. Беларусь – Віцебская вобласць”, якое выйшла ў канцы 2020 г., уключае 212 дакументаў і матэрыялаў з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Цэнтральнага архіва дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, Занальнага дзяржаўнага архіва г. Полацка, а таксама дакументы з архіваў Расіі, Латвіі і ЗША па тэме злачынстваў нацыстаў і іх памагатых супраць мірнага насельніцтва на акупіраванай тэрыторыі Віцебскай вобласці. Іншымі словамі, дзякуючы з’яўленню ўнікальнага выдання чытацкая аўдыторыя атрымала магчымасць убачыць трагедыю беларускага народа ў кантэксце асобнай вобласці выключна праз архіўныя дакументальныя факты.

У зборніку па Віцебскай вобласці большасць дакументаў прыводзіцца ўпершыню. З’яўляючыся ўнікальным крыніцазнаўчым укладам у даследаванне праблемы, практычна ўсе апублікаваныя матэрыялы будуць служыць надзейнай крыніцавай базай для далейшай працы даследчыкаў па паглыбленні пошукаў над малавывучанымі старонкамі ваеннай гісторыі Віцебшчыны, у першую галаву, звязанымі са злачынствамі, учыненымі нацыстамі ў адносінах да мірнага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, на акупаванай тэрыторыі 21 раёна Віцебскай вобласці: Аршанскага, Бешанковіцкага, Браслаўскага, Верхнедзвінскага, Віцебскага, Глубокскага, Гарадокскага, Докшыцкага, Дубровенскага, Лепельскага, Лёзненскага, Міёрскага, Полацкага, Пастаўскага, Расонскага,

Сенненскага, Талачынскага, Ушацкага, Чашніцкага, Шаркаўшчынскага, Шумілінскага. Звернем увагу чытача, што населеныя пункты ў зборніку прыведзены ў адпаведнасці з сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем Віцебскай вобласці.

Аналіз архіўных дакументаў дазваляе чытачу значна паглыбляць веды адносна месцаў прыму-совага ўтрымання, якія знаходзіліся ў гады германскай акупацыі на тэрыторыі іх цяперашняй малой радзімы: гета, турмы, лагеры грамадзянскага насельніцтва, месцы вывазу людзей у Нямеччыну. Многія з іх з'яўляліся месцамі масавага знішчэння людзей. Ужо самой назвай "Без тэрміна даўнасці. Беларусь" аўтары-ўкладальнікі вызначылі канцэптualaную аснову распрацоўкі: пошук і выяўленне сапраўдных фактаў магчыма толькі праз выкарыстанне архіўных дакументаў.

Паўторам, што ўключэнне аўтарамі-ўкладальнікамі ў зборнік 212 дакументаў дае падставу казаць, што гэта лічба роўна колькасці дакументаў у зборніку па Брэсцкай вобласці, значана большая чым па Гродзенскай (119), Гомельскай (150), Магілёўскай (163), але істотна саступае агульнай колькасці дакументаў у зборніку па Мінскай вобласці – 395. Адразу адзначым, што абсалютная большасць дакументаў да нядаўняга часу была недаступная навукоўцам, таму маюць велізарнае даследчае значэнне. Чытачу будзе цікава ведаць, што Дзяржаўнага архіва РФ некалькі гадоў таму перадаў на пастаяннае захоўванне ў НАРБ лічбавыя копіі дакументаў НДзК СССР з фонду № Р-7021 (на правах арыгінала), пасля чаго ў НАРБ быў створаны фонд № 1569. Большасць выкарыстаных у зборніках дакументаў адклалася ў фондах Беларускага штаба партызанскага руху, падпольных партыйных і камсамольскіх органаў, партызанскіх фарміраванняў. Усе дакументы з рамках названых раздзелаў размешчаны па храналагічным прынцыпе.

Вектар тэматыкі апублікаваных дакументаў вызначаны двума галоўнымі напрамкамі. У якасці базавых у зборніках прадстаўлены два раздзелы: 1) "Нацысцкая палітыка генацыду і выпаленай зямлі", 2) "Раследаванне ваенных злачынстваў" – імі структурна адкрываюцца ў разрэзе абласцей дакументальныя часткі кожнага з шасці выданняў.

Так, у зборніку па "Віцебскай вобласці" першы раздзел ахоплівае 133 тэматычна падабраныя дакументы: аб абстаноўцы і правядзенні карных акцый, арыштах і расстрэлах насельніцтва на акупаванай тэрыторыі ў перыяд з 26 ліпеня па 4 верасня 1941 г. (дак. 1, 2, 3, 4, 5); аб злачынствах карнікаў у дачыненні да мясцовага насельніцтва (дак. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14); аб расстрэле мірнага насельніцтва ў адказ на напады партызан на станцыю Слаўнае Талочынскага (дак. 15, 16, 17); аб правядзенні карных аперацый "Грыф", "Маланка", "Хатэмля-Аргуны" (дак. 18, 23); аб злачынствах захопнікаў у вёсках Віцебскага, Полацкага і Суражскага раёнаў (дак. 19, 21, 22); аб правядзенні карнай аперацыі "Нюрнберг" (дак. 25, 26, 27, 28); акты аб спаленні вёсак Суражскага, Полацкага, Гарадзкіскага раёнаў (дак. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35); аб наступствах злачынстваў нямецкіх карнікаў у вёсках Слабодка, Пунішча і Крыўцы Лепельскага раёна (дак. 36, 37); выніках правядзення карнай аперацыі "Зімовы лес" (дак. 39); спаленні вёсак Суражскага, Расонскага, Шаркаўшчынскага раёнаў (дак. 40, 41, 42, 43, 45), аб злачынствах, здзейсненых карнікамі ў час аперацыі "Зімовае чараўніцтва" (дак. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60), карнай аперацыі "Котбус" (дак. 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 86, 87), "Фрыц" (дак. 95, 96); "Кармаран" (дак. 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132) і інш. Сярод дакументаў, сабраных аўтарамі-ўкладальнікамі ў гэтым раздзеле, асабліваю цікавасць у чытача могуць выклікаць паказанні сведкаў (дак. 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124) і матэрыялаў допытаў былых карнікаў (дак. 111, 112, 113, 114, 128, 129, 130).

Значнае месца сярод дакументаў займаюць акты аб злачынствах, учыненых нямецкімі захопнікамі ў 21 раёне Віцебскай вобласці, самім горадзе Віцебску, пратаколы допытаў сведкаў аб злачынствах, здзейсненых карнікамі супраць мірнага насельніцтва ў разрэзе раёнаў, дакладныя запіскі і данясенні партызанскіх злучэнняў аб становішчы ў зоне іх дзейнасці і г.д. Не менш важна, што сярод матэрыялаў значыцца вялікая колькасць пераводных нямецкіх дакументаў. Сабраныя ў гэтым раздзеле дакументы і матэрыялы ахопліваюць розныя аспекты нацысцкай палітыкі генацыду, раскрываюць канкрэтныя праявы тактыкі "выпаленай зямлі" германскіх акупантаў на тэрыторыі вобласці [1, с. 78].

Звернемся да дакументаў, якія раскрываюць трагічныя маштабы адной з карных аперацый "Зімовае чараўніцтва" супраць партызан Расонска-Асвейскай зоны. Яна праводзілася з 14 лютага па 30 сакавіка 1943 г. З дакументаў (дак. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60) вынікае, што акупантам удалося нанесці партызанам адчувальныя страты. Загінулі і атрымалі раненні значная колькасць байцоў і камандзіраў, была страчана немалая частка харчовых запасаў, разбураны партызанскія лагеры. Вялізныя страты нанесены мірнаму насельніцтву. У ходзе аперацыі знішчана 3500 мірных жыхароў, 2000 чалавек адпраўлена на прымусовыя работы ў Германію, больш за 1000 дзяцей вывезены ў Саласпільскі лагер смерці. Падчас гэтай аперацыі спалена 158 вёсак, 45 з іх не адраджаліся. Асабліва вялікія страты панёс Асвейскі раён, пераўтвораны ў зону пустыні, у якім ацалелі толькі дзве вёскі [1, с. 65–79].

Аналіз падборкі дакументаў, тэматычна звужаных да паказу вынікаў карных аперацый на тэрыторыі Віцебскай вобласці, дае падставы вылучыць тэматычна вузкія блокі матэрыялаў, скампанаваных для раскрыцця гісторыі карных аперацый: “Нюрнберг”, 19–30 лістапада 1942 г., “Зімовае чараўніцтва”, 15 лютага–30 сакавіка 1943 г., “Котбус”, 19 мая–30 ліпеня 1943 г., “Фрыц”, 14 кастрычніка – 6 лістапада 1943 г., “Кармаран”, май–чэрвень 1944 г. Аднак нават уважлівы чытач не здолее сярод прыведзеных дакументаў знайсці неабходныя звесткі аб усіх наступствах гэтых карных аперацый, галоўнае – знайсці адказ аб рэальнай трагедыі праведзеных акцый скрозь крытэрыі страт мірнага мясцовага насельніцтва. Колькасць спаленых вёсак ці дамоў іх жыхароў паказваюць толькі адзін бок гістарычнай трагедыі беларускіх вёсак. Па нашым перакананні, галоўным крытэрыем трагедыі беларускага народа ў гады германскай акупацыі неабходна лічыць людскія страты, то бок выяўляць любыя звесткі пра агульную колькасць людзей, якія сталі ахвярамі карных аперацый нямецкіх захопнікаў у дачыненні да жыхароў беларускіх вёсак, якія апынуліся заложнікамі ў час правядзення карнай аперацыі супраць партызан. Чытач не здолее знайсці з прыведзеных дакументаў поўныя звесткі аб маштабах людскай катастрофы па выніках правядзення кожнай з гэтых карных акцый. Як будзе адзначана ніжэй у другім дадатку, са жніўня 1941 г. па чэрвень 1944 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці былі праведзены 45 карных аперацый: у дачыненні да кожнай з іх прыводзіцца назва або згадваецца нумар, даецца дата яе правядзення і прыводзіцца раённая лікалізацыя аперацыі па сучасным адміністрацыйным дзяленні. Аднак у гэтым дадатку адкрытымі застаюцца вельмі важныя крытэрыі, то бок: колькасць загінуўшых мірных жыхароў, палоненых, захопленых у якасці працоўнай сілы, а таксама захопленых трафейў – узбраенняў, прадуктаў харчавання, жывёлы і інш.

У якасці прыкладу возьмем адну з карных аперацый – “Кармаран”, праведзеную з 25 мая па 17 чэрвеня 1944 г. Як адзначалася вышэй, у зборніку дакументаў аўтары-укладальнікі прывялі толькі 7 дакументаў, у тым ліку два данясенні аб баявых дзеяннях 1-й Беларускай брыгады (дак. 126, 127), а таксама тры пасляваенных паказанні былых ваеннаслужачых 201-й нямецкай ахоўнай дывізіі (дак. 128, 129, 130) і два пасляваенных допыты былых партызан 1-й брыгады ім К.С. Заслонава (дак. 131, 132). Аднак з іх зацікаўлены чытач не атрымае канкрэтныя звесткі аб маштабах трагедыі беларускага сялянства ў ходзе правядзення гэтай карнай акцыі. Таму звернемся да спецыяльнага зборніка дакументаў і матэрыялаў агульнай колькасцю 634 адзінак, сабраных аўтармі-укладальнікамі пад кіраўніцтвам В.Д. Селяменева па нацысцкай карнай аперацыі “Кармаран” [4]. Лічылася, што важнейшым сярод апублікаваных дакументаў з’яўляецца “Дакладная запіска Р.Н. Мачульскага і прадстаўніка БШПР А.Ф. Бардадына першаму сакратару ЦК КП(б)Б П.К. Панамарэнка і начальніку БШПР П.З. Калініну “Аб дзеяннях партызанскіх брыгад Барысаўска-Бягомльскай партызанскай зоны за перыяд з 20 мая па 27 чэрвеня 1944 года” [3, с. 435–453]. У дакуменце канстатуецца, што за час правядзення карнай аперацыі праціўнікі па заніжаных даных панёс наступныя страты: забіта 3735, ранены 2400 і ўзяты ў палон каля 1000 нямецкіх салдат і афіцэраў, пры гэтым страты партызан за час блакады склалі забітымі, палоннымі і зніклымі без вестак – 2416 чалавек [2, с. 449].

Параўнаем гэтыя звесткі з дадзенымі, якія прыводзіў камандуючы вермахтам у Беларусі па выніках аперацыі “Кармаран” па стане на 20.06.1944 г. Паводле нямецкага дакумента (дак. 458), апублікаванага ў вышэйзгаданым зборніку, страты праціўніка, то бок партызан, за гэты час склалі: забітымі 4252 і 360 партызан захоплены ў палон [5, с. 319]. Зварот да нямецкіх навуковых даследаванняў, у першую чаргу да фундаментальнай працы К. Герлаха паказвае, што праведзеная ў раёне трохкутніка Вілейка – Барысаў – Мінск вялікая карная аперацыя “Кармаран” мела наступныя вынікі: былі забітыя 7697 чалавек, 5286 былі ўзяты ў палон, 5973 мясцовых жыхароў былі выгнаны на прымусовыя работы [7, с. 904]. Пры гэтым адметным для чытача павінна з’яўляцца тое, як адзначае нямецкі даследчык, што большасці забітых і палоненых была без зброі, яна адсутнічала ў 85 да 90% забітых і палоненых. Інакш кажучы, абсалютная большасць ахвяр з’яўляліся мірныя людзі, сяляне беларускіх вёсак. Аднак гэтыя звесткі без прыцягнення нямецкіх архіўных крыніц ці гістарыяграфічных фактаў пакуль застаюцца невядомымі для шырокай чытацкай аўдыторыі.

У другім раздзеле зборніка апублікаваны 79 дакументаў, практычна каля трэці ў параўнанні з вершай часткай, якія прысвечаны адной за самых складаных тэм – расследаванню і ўстанаўленню фактаў ваенных злачынстваў, учыненых нацыстамі на акупаванай тэрыторыі Віцебскай вобласці і г. Віцебска, а таксама ўсіх вышэй пералічаных раёнаў. Аснову дакументаў першай часткі складаюць дакументы НДзК (дак. 134–146), паказанні ваенных злачынцаў (дак. 147–150) і паказанні сведак (дак. 151–153). Аснову другой дакументальнай часткі па 21 раёне Віцебскай вобласці складаюць акты раённых камісій садзейнічання НДзК аб забойстве гітлераўцамі мірнага насельніцтва і ваеннапалонных у гады акупацыі. Апроч таго, прыводзяцца пратаколы допытаў былых нямецкіх ваеннаслужачых (дак. 156, 157, 168, 171, 172, 179, 186, 190), успаміны тых, хто выратаваўся (дак. 158, 159, 162, 163, 177, 197, 198, 210, 211), а таксама пратаколы допытаў сведак (дак. 176, 193, 205).

Надзвычай важнымі для даследчыкаў з’яўляюцца тэматычныя дадаткі, у якіх аўтары-укладальнікі апублікавалі: 1) спісы месцаў прымусяга ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаваных тэрыторыях шасці абласцей БССР; 2) спіс месцаў масавага знішчэння і дэпартацыі яўрэяў з акупаваных тэрыторый шасці абласцей; 3) спіс найбольш буйных нямецкіх карных аперацый, праведзеных на тэрыторыях шасці абласцей; 4) спіс сельскіх населеных пунктаў, знішчаных нямецкімі акупантамі поўнасю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго. Пры складанні спісаў аўтары-укладальнікі часта сутыкаліся з шэрагам цяжкасцяў пры вызначэнні навуковай класіфікацыі месцаў прымусяга ўтрымання, іх лакалізацыі, часу стварэння і ліквідацыі.

З дакументальных матэрыялаў зборніка вынікае агульная лічба ў колькасці 3541 вёсак, спаленых нямецкімі акупантамі поўнасю або часткова, разам з насельніцтвам або без яго на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Кожная трэцяя знішчаная вёска знаходзілася на Віцебшчыне: 243 вёскі спалваліся двойчы, 83 – тройчы, 22 – чатыры разы і больш, у тым ліку: Канчаны Верхнядзвінскага раёна – 3 разы, Арцейкавічы Полацкага, Рачныя Докшыцкага раёнаў – 4 разы, Рагозіна Ушацкага раёна – 5 разоў, Ладасна Лепельскага раёна – 6 разоў і г.д. З 5295 вёсак 3% вёсак былі знішчаны ў 1941 г., 16% – у 1942 г., 63% – у 1943 г. 18% – у 1944 г. [6, с. 8–9].

Такім чынам, крыніцазнаўчы агляд дакументальнага зборніка па Віцебскай вобласці прыводзіць нас да высновы, што публікацыя архіўных дакументаў бачыцца аўтару гэтых радкоў надзвычай важнай найперш у святле неабходнасці праўдзівага раскрыцця адной з самых трагічных старонак ваеннай гісторыі Беларусі. Публікацыя новых і вядомых на гэты час дакументаў ставіць у парадак дня сучаснай беларускай гістарычнай навукі актуальную задачу па ўсебаковым асэнсаванні, аналізе і правярцы дакументальных фактаў, уведзеных у шырокі навуковы зварот беларускімі архівістамі, і правядзення на новай базе крыніц усебаковага даследавання трагічных наступстваў нацысцкага генацыду ў дачыненні да мірнага насельніцтва аднаго з самых пацярпелых рэгіёнаў Беларускай ССР – Віцебскай вобласці.

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменов (рук.) [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.
2. Докладная записка Р. Н. Мачульского и представителя БШПД А. Ф. Бардадына первому секретарю ЦК КП(б) П. К. Пономаренко и начальнику БШПД П. З. Калинин «О действиях партизанских бригад Борисовско-Бегомльской партизанской зоны с 20 мая по 27 июня 1944 года» // «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменов (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск: НРАБ, 2020. – С. 435–453.
3. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменов (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск: НРАБ, 2020. – 712 с.
4. Проект «Без срока давности. Беларусь» – это весомый вклад белорусских архивистов в реализацию государственной исторической политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/december/72475/>. – Дата доступа: 19.02.2023.
5. Сводная таблица командующего вермахтом в Белоруссии об итогах операции «Корморан» за период с 25 мая по 17 июня 1944 г. // «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменов (рук.) [и др.]; редкол.: Д. Г. Воропаев [и др.]. – Минск: НРАБ, 2020. – С. 318–319.
6. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменов [и др.]. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 512 с.
7. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 2000. – 1232 s.

Маджаров А.С.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД О. ШПЕНГЛЕРА (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Актуальность, цель исследования. Относительная достоверность высказанных Освальдом Шпенглером (1880–1936) прогнозов развития Запада предопределила актуальность его сочинений. В наши дни творчество ученого привлекло внимание исследователей К.А. Свасьяна, И.И. Маханькова, Л.Г. Зимовец, Т.Г. Румянцевой и др. [1; 2; 3; 5]. По словам Т.Г. Румянцевой, идеи немецкого философа «оказались... созвучными» событиям минувшего столетия и наших дней [5, с. 814]. Действительно, цивилизационный подход к всемирной истории, который О. Шпенглер развивал наряду с Н.Я. Данилевским (1822–1885), А.Дж. Тойнби (1889–1975) и другими мыслителями, позволил ему прикоснуться к основам исторического процесса, динамике будущего.

В книге «Закат Западного мира» он раскрыл палитру фаустовской души, накал и константное направление ее дерзаний. Касаясь, в частности, внешнеполитических амбиций порожденного «родным ландшафтом» истеблишмента, Шпенглер утверждал: «фаустовская культура всегда была направлена на распространение <...> политического, экономического или духовного характера». Все мыслители и вожди от Экхарта до Канта и от Оттона Великого до Наполеона желали «покорить мир», увеличить «собственную жизненную единицу <...> за счет других» [6, с. 366, 903]. А подводя в

книге итоги «спектакля высшей культуры», заключал: «нестерпимое напряжение» толкает Европу на подлинный фаустовский путь «первополитики всего живого» – войны [6, с. 894, 903, 972].

Морфологические построения Шпенглера определяла специфика его метода. Поскольку исследователи творчества философа не касались источниковедческой стороны исторического инструментария ученого, рассмотрим этот аспект его прикладной методологии [4].

Теоретико-методологические основы концепций О. Шпенглера. Отношение Шпенглера к историческим памятникам предопределялось теоретическими представлениями об историческом процессе и задачах его изучения.

Философ исследовал «организмы большого стиля» [6, с. 130]. Он, вслед за Н.Я. Данилевским, отказался от «линейной всемирной истории», выделял в социуме античную, западную, индийскую, вавилонскую, китайскую, египетскую, арабскую, мексиканскую культуры [6, с. 30, 132, 133, 136, 501]. Русскую цивилизацию О. Шпенглер считал не вполне оформившейся, но внимательно изучал ее особенности.

Многоцветие конкретной культуры философ выводил из пра-символа. Этим формообразующим стержнем, кодом фаустовской души, он считал «безграничное пространство», а русской – «бесконечную равнину» [6, с. 207, 208, 337].

Морфологические представления Шпенглер облакал в символическую форму. «Олицетворявшая» душу культура как «передний план» истории представляла «в форме народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук», несла «великие символы жизни», «чувства» [6, с. 135, 207]. Согласно видению ученого, она появлялась на свет на почве «определенного ландшафта», как организм проходила все ступени жизни – «детство и юность, ...зрелось и старость» и возвращалась «в прадушевное состояние» [6, с. 133, 135, 136].

История как биография и ее источниковая основа. Задачу своего труда философ видел в том, чтобы открыть «независимую» от «единичных событий» «метафизическую структуру» истории [6, с. 13].

Он писал о существовании двух методологических подходов в историческом исследовании, реализующихся в изучении «закона» и «образа». «Историю» ученый считал образным познанием, способным раскрыть «трагическую структуру» бытия, а законосообразную «природу» – познанием «состояний механического типа» [6, с. 127, 155, 185]. В исследовательской практике, по утверждению Шпенглера, применялись оба метода, но предпочтение он отдавал первому из них [6, с. 134].

История социума представлялась философу «жизнеописанием», в основе которого лежали биографические пра-формы [6, с. 13]. Такое видение объекта исследования предполагало использование в историческом познании соответствующего реестра памятников. В широком смысле к «формам зримой истории» (источникам) он относил обширный спектр явлений, не укладывающихся в привычную источниковедческую типологию. Среди феноменов философ выделял идеальные и материальные, зримые и недоступные непосредственному изучению, эмпирические вещи и теоретические конструкции, народы, языки, битвы, идеи, государства, искусства, науки, экономические формы и мировоззрение, великих людей и события [6, с. 14]. Касаясь вопроса о достаточном для исследования объеме исторических источников, он писал о том, что анализ «языка форм человеческой истории» требует привлечения «всех доступных наблюдению частных» [6, с. 38].

Особую роль в морфологическом следовании, по мнению Шпенглера, играли источники личного происхождения. В формировании источниковой базы «культуры» философ исходил из ее сравнения с жизнью человека. Основным источником по истории этой масштабной морфологической единицы он считал «исторические исследования», включающие «все разновидности сравнительного психологического анализа чуждых народов, эпох, обычаев и нравов». Значение этого вида исторических источников он приравнивал к роли «дневников и автобиографии» в познании прошлого конкретного индивидуума [6, с. 19].

Автор источника (исследования): специфика «отражения» истории. Проблему авторства Шпенглер освещал в контексте истории как органического процесса, культуры как «биографии». Характер памятника, по словам философа, определялся духом времени, положением, занимаемым автором в обществе, принадлежностью к определенной культуре. В широком смысле, он обуславливался историзмом творца, ощущением жизни как «составной части большей биографии, простирающейся на столетия или тысячелетия», или же как факта «в самом себе», для которого «не существовало всемирной истории» [6, с. 19].

Шпенглер свидетельствовал, что ценитель морфологии истории способен путем «наблюдения и понимания» «символически изобразить свою эпоху», а исследователь – раскрыть значение этой символики [6, с. 7]. Но, обращаясь к сторонникам «линейной» методологии истории, подчеркивал, что историк не должен использовать в познании личные убеждения, применять веру в «гуманизм, счастье большинства, просвещение, свободу, мир во всем мире» и в прочее в качестве инструмента анализа тех цивилизаций, которые «желали чего-то иного, нежели мы» [6, с. 32].

Заключение философа распространялось и на источниковедческий этап познания. Проблема авторства решалась исследователем в свете особенностей конкретной цивилизации, в диалоге

тождества и различия субъекта и объекта. При этом «источниковед», не замечавший морфологического своеобразия истории, согласно выводам Шпенглера, был не способен адекватно интерпретировать источник, раскрыть его смысл как фрагмента определенной культуры [6, с. 493].

Темпоральная и пространственная логика памятника. Методология морфологического освоения материала Шпенглера ориентировала на проведение соответствующих источниковедческих процедур – выявление и фиксацию пространственно-временных координат артефакта. Согласно доктрине философа, памятники прошлого следовало рассматривать в контексте «логики времени» – «хронологии и идеи судьбы», определяющих «историческое упорядочение явлений» [6, с. 18]. Темпоральная характеристика памятника являлась для автора «фактом глубочайшей внутренней достоверности» [6, с. 18]. Она наполняла «собой <...> мифологическое, религиозное и художественное мышление» и составляла «суть и ядро всякой истории» [6, с. 18]. Значение этого параметра происхождения объекта в создании «исторического образа» подчеркивало высокий статус традиционной источниковедческой процедуры – установления времени его возникновения, но не только. Источники в широком смысле – живопись, музыку, общественное устройство и другие факты истории и культуры, олицетворявшие бытие в хронологическом спектре «от обитателей свайных построек до социализма», – Шпенглер считал привязанными к определенному времени и «к одному ландшафту».

Однако важно подчеркнуть, что он рассматривал их и как носителей конкретного возраста явления, и «культуры» в целом. Философ констатировал, что не существует живописи, музыки, общества «вообще», эти явления – носители специфики своего «времени» и «пространства» [6, с. 32]. Источниковедческий аспект данного методологического указания заключался в том, что расшифровка источника была невозможна не только без временной, но и без «территориальной» привязки.

Следуя логике органического развития, он сравнивал «молодые и старые дубы и цветы» и «расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, ландшафты» [6, с. 33]. А в таких масштабных биографиях как «античность», «китайская культура» или «современная цивилизация» предлагал выявлять основополагающие для всего органического рубежи – «рождение, юность, старость, смерть» [6, с. 13].

«Истолкование» «тайнства подвижного явления». Специфика взгляда на «мир как историю», в отличие от прочтения «мира как природы», внимание к хронологии, образу, а не к «разлагающему», «понятийному членению» ориентировали Шпенглера на адекватное этому мировосприятию прочтение источника [6, с. 8, 16]. Автор критиковал методологию «линейного развития», построенную на вере в бесконечное поступательное движение феноменов, не допускающей их «естественного конца» [6, с. 33]. История явления, «жизнь» памятника, в том числе цивилизации, виделись ему в образовании и преобразовании, становлении и гибели, а в самом общем виде – в «драме могучих культур», «расцветающих на лоне материнского ландшафта», обладающих формой, жизнью и смертью [6, с. 33, 34].

Органическую модель мира Шпенглер рекомендовал актуализировать, раскрывая развитие форм, становление феноменов. Образцом такого анализа он считал метод Гёте. Немецкий философ и естествоиспытатель понимал под историей совершенствование как возрастающее содержание формы [6, с. 495]. Он, по словам Шпенглера, проследил развитие «листа, возникновение позвоночного животного, складывание геологических слоев» – как «образ становящегося», «судьбу природы» [6, с. 38]. «Философия истории» Гёте предлагала вектор изучения «тайнства подвижного явления». Шпенглер, опираясь на идеи своего учителя, подчеркивал: нужно дать «высказаться самим вещам», ощутить «в них верховенство судьбы и ее очертаний» и действовать, опираясь на соответствующий инструментарий: «сочувствие, созерцание, сравнение, непосредственную внутреннюю уверенность, точную чувственную фантазию» [6, с. 38, 495]. Предел познания, до которого, согласно выводам ученого, можно пойти на этом пути, – «лишенные причин и целей формы» [6, с. 495].

Морфологическое изучение языка исторических явлений философ связывал с точной фиксацией их возраста. В результате такого исследования, по его мнению, интерпретация содержания памятника в терминах «юность», «подъем», «расцвет», «упадок» из разряда субъективной оценки, переходила в разряд «объективного обозначения органических состояний» [6, с. 38, 39].

Морфология как цель источниковедческого исследования. Шпенглер различал источниковедческие процедуры «собрание, упорядочение и истолкование материала» [6, с. 19].

Качество «истолкования» содержания памятника в современной ему историографии автора не устраивало. Он выступал против «естественнонаучной» интерпретации вопроса, не считал задачей анализа документа выявление того, «чем являются <...> факты сами по себе». Автор критиковал группировку «лежащих на поверхности» событий «по «причинам» и «следствиям», а также выявление на их основе «тенденций» [6, с. 17]. Напрасными он считал и попытки спасти анализ «политического содержания эпохи», иллюстрируя его «религиозными, социальными подробностями», мелочами «из истории искусств» [6, с. 17]. По мнению философа, сторонники анализа «причин и следствий» игнорировали «главный» факт, – восприятие «зримой истории» как «оформившейся

душевности», не видели морфологической сути феноменов, которая предполагала изучение «родства <...> связывающего язык форм всех культурных областей» [6, с. 17].

Магистральным направлением исторического исследования, включая его источниковедческий аспект, согласно теоретико-методологическим представлениям ученого, и должно было стать исследование исторической морфологии – изучение краеугольных формообразующих «математических идей эллинов, арабов, западноевропейцев», смысла «их ранней орнаментики, их архитектурных, метафизических драматических базовых форм», глубинной «формальной связи» между «античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, пространственной перспективой западноевропейской живописи и преодолением пространства посредством дорог, телефонов и огнестрельного оружия, инструментальной музыкой и кредитной системой в экономике» [6, с. 17]. Такое морфологическое исследование, подчеркивал философ, позволило бы «впервые в истории» все указанные предметы понять и истолковать как символы и раскрыть их метафизическую суть [6, с. 17].

Заключение. Взгляды Шпенглера на проблемы источниковедения развивались в русле его теоретико-методологических представлений об историческом процессе. Источниковедческие процедуры: анализ происхождения и содержания источника, проблема его достоверности, репрезентативности источниковой базы были вписаны философом истории в теоретико-методологический контекст доктрины. В источниковедческом аспекте методологии Шпенглера важную роль играла проблема исторической морфологии как жизненного, а в познании – историографического явления. Темпоральная характеристика памятника была ключевой в конкретизации «родного ландшафта», авторства, а также в интерпретации и установлении степени его достоверности. Философ обратил внимание на объективную связь формы исторического явления с моментом его продвижения как «организма» от «рождения» до «смерти». Он исходил из убеждения, что установление времени возникновения памятника, и времени как свидетельства его возраста раскрывало объективную динамику исторического процесса.

1. Зимовец, Л. Г. О. Шпенглер о смысле истории / Л. Г. Зимовец // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 6. – С. 123–130.
2. Маджаров, А. С. История России в теории цивилизаций : монография / А. С. Маджаров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 211 с.
3. Маджаров, А. С. Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 59–68.
4. Маджаров, А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX века (постановка проблемы) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 57–64.
5. Румянцова, Т. Г. Методология гуманитарного познания Освальда Шпенглера (опыт современного прочтения) / Т. Г. Румянцова // Роль женщины в развитии современной науки и образования: материалы междунар. на-уч.-практ. конф. (г. Минск 17-18 мая 2016 г.) / ред. И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. – Минск : БГУ, 2016. – С. 814–819.
6. Шпенглер, О. Закат Западного мира / О. Шпенглер. – М. : Альфа-книга, 2010. – 1085 с.

Дулаў А.М.

ВОБРАЗ СЯРЭДНЯВЕЧЧА Ў ГІСТАРЫЧНЫМ НАРЫСЕ “ВІЦЕБСК” МІКАЛАЯ УЛАДЗІМІРАВІЧА І НІНЫ ІВАНАЎНЫ ДАРАФЕЕНКА¹

Паняцце “медыявалізм” уключае ў сябе як уяўленні пра Сярэднявечча ў культуры наступных эпох, так і папулярны сэнна ў гуманітарыстыцы даследчыцкі кірунак, што вывучае гэтыя ўяўленні. У дадзеным кантэксце падаецца перспектыўнай рэканструкцыя вобразаў сярэднявечкавай эпохі, прэзентаваных у лакальных гістарычных наратывах XIX – пачатку XXI ст., якія ўплывалі/уплываюць на фарміраванне ў чытачоў уяўленняў як аб мінулым малой радзімы, гэтак і аб Сярэднявеччы як гістарычнай эпосе.

Відавочна, першым грунтоўным аглядам мінуўшчыны горада, у якім б надавалася больш-менш значная ўвага дарэвалюцыйнаму перыяду, пасля прац буйнейшага краязнаўцы Віцебшчыны А.П. Сапунова (1851–1924 гг.) стаў кароткі гістарычны нарыс “Віцебск” Мікалая Уладзіміравіча і Ніны Іванаўны Дарафеенка [4]. Нарыс быў надрукаваны ў 1958 г. у першым нумары літаратурна-мастацкага альманаха “Дзвіна” – выданні літаратурнага аб’яднання пры рэдакцыі газеты “Віцебскі рабочы”. Развіццё горада было прасочана ад яго вытокаў да канца 1930-х гг. Аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны, пасляваенным аднаўленні і перспектывах развіцця горада аўтары абяцалі расказаць у наступных нарысах [4, с. 152]. Мэта нашай працы – вызначыць, якім паўстае вобраз сярэднявечнага Віцебска на старонках гістарычнага нарыса М.У. і Н.І. Дарафеенка.

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД ў рамках НДР “Князь Альгерд і амір Цімур: актуалізацыя Сярэднявечча ў гістарычнай памяці Рэспублікі Беларусь і Рэспублікі Узбекістан на нацыянальна-дзяржаўным і рэгіянальным узроўнях” (Дамова № Г22УЗБ-065 ад 04 мая 2022 г.).

Варта падкрэсліць, што паняцце “Сярэднявечча” ў нарысе не ўжываецца. У савецкай гіста-рыяграфіі прымяняўся фармацыйны падыход, таму пры вызначэнні перыядаў падзей, працэсаў, з’яў айчыннай гісторыі крытэрыем служыла найперш змена сацыяльна-эканамічных фармацый. Звяртае на сябе ўвагу, што ў перыядызацыі гісторыі Віцебска Мікалай Уладзіміравіч і Ніна Іванаўна імкнуліся сумясціць фармацыйны падыход з дзяржаўніцкім, улічыць дзяржаўную прына-лежнасць горада. Таму ўяўляецца абгрунтаваным прыцягнуць да аналізу першыя тры раздзелы нарыса, у якіх гісторыя Віцебска даведзена да ўваходжання горада ў склад Расійскай імперыі. Менавіта матэрыял гэтых раздзелаў дазваляе рэканструяваць трансляемыя ў нарысе ўяўленні пра сярэднявечныя рэаліі.

Аўтары нарыса – ураджэнцы Віцебшчыны, людзі, якія пакінулі след у гісторыі нашага горада. Ніна Іванаўна Дарафеенка (1923–2015), кандыдат гістарычных навук, выкладала ў медыцынскім і педагагічным інстытутах [8–9]. Мікалай Уладзіміравіч Дарафеенка (1923–1991), журналіст, працаваў на партыйнай і савецкай рабоце, быў галоўным рэдактарам газеты “Віцебскі рабочы”, узначалваў камітэт па радыёвяшчанні і тэлебачанні [3; 13]. У гады Вялікай Айчыннай вайны Міка-лай і Ніна Дарафеенка змагаліся з нацызмам: Ніна Іванаўна у патрыятычным падполлі і ў партыза-нах, а Мікалай Уладзіміравіч быў лётчыкам-знішчальнікам, ваяваў на Карэльскім фронце [8, с. 119–122; 6, арк. 3 адв., 5]. Нядзіўна, што справай іх жыцця стала даследаванне дзейнасці патрыятычнага падполля ў Віцебску ў 1941–1944 гг., адкрыццё гістарычнай праўды пра патрыётаў і ўшанаванне іх памяці. Кніга “Витебское подполье”, напісаная Нінай Іванаўнай і Мікалаем Уладзіміравічам разам з Мікалаем Ільчом Пахомавым, вытрымала два выданні (у 1969 і 1974 гг.), да сённяшняга часу не страціла сваёй актуальнасці [10]. Главы з яе ў перакладзе на нямецкую мову у свой час друкаваліся ў газеце “NEUER TAG” (Франкфурт-на-Одэры, ГДР). У выданні, у аснову якога былі пакладзены матэрыялы кандыдацкай дысертацыі Ніны Іванаўны, вынікі яе сумеснай з Мікалаем Уладзіміравічам пошукавай працы, было названа больш за тысячу імёнаў змагароў з нацызмам, па-казаны ўсенародны характар барацьбы, удзел у ёй замежных антыфашыстаў, звернута ўвага на най-больш важныя аперацыі падпольшчыкаў, раскрыта значэнне подзвіга Веры Харужай у акупаваным Віцебску [7; 8, с. 124–125; 9, с. 274].

Але акрамя перыяду Вялікай Айчыннай вайны М.У. Дарафеенку заўсёды цікавілі і больш раннія гістарычныя эпохі [2]. Гісторыяй ён, відаць, захапляўся з дзіцячых гадоў. Цікаваць гэта ўмацавалася падчас навучання ў Маскве ў Вышэйшай партыйнай школе, якую Мікалай Уладзіміравіч скончыў у 1956 г. [6, арк. 3]. Відавочна, менавіта пярэ М.У. Дарафеенкі належыць значная частка тэксту кароткага нарыса 1958 г., што пацвярджаецца раздзеламі з кнігі 1974 г. з пазначаным аўтарствам [1, с. 223]. Тым не менш, бясспрэчна, што ўклад Ніны Іванаўны, як пра-фесійнага гісторыка, таксама важкі. Уяўляецца, што сумесна была выпрацавана канцэпцыя нарыса, Ніна Іванаўна дапамагала парадамі і канструктыўнай крытыкай часткі тэксту, напіса-най мужам.

Нарыс уяўляе сабою папулярную версію гісторыі Віцебска і належыць да сацыяльна арыен-таванага гісторыяпісання. На нашу думку, натхнілі Мікалая Уладзіміравіча і Ніну Іванаўну ра-боты Аляксея Парфенавіча Сапунова, з якімі яны змаглі пазнаёміцца. Акрамя самога тэксту нарыса доказам такога меркавання можа быць з’яўленне ў 1957 г. у “Віцебскім рабочым” грун-тоўнага артыкула аб дзейнасці А.П. Сапунова “Выдатны гісторык Віцебшчыны” [5], падпісанага “Н. Дарафеенка”¹. Распачаўшаяся адліга ў грамадска-палітычным жыцці Савецкага Саюза зрабіла магчымым фактычнае вяртанне з нябыту імя Аляксея Парфенавіча. У артыкуле дава-лася ў цэлым станоўчая ацэнка дзейнасці гісторыка, на якім па-ранейшаму быў ярлык “буржу-азнага”. Паводле нашага меркавання, у Мікалая Уладзіміравіча і Ніны Іванаўны ўзнікла ідэя працягнуць працу А.П. Сапунова: напісаць сучасную кароткую гісторыю Віцебска з пазіцыі марксісцка-ленінскай метадалогіі.

Даследаванні А.П. Сапунова, які абазначаны ў нарысе як “буржуазны прагрэсіўны гісторык Віце-бшчыны”, сталі важнай крыніцай інфармацыі для аўтараў. Менавіта пад іх уплывам сфарміраваўся аўтарскі падыход да перыядызацыі (гл. табл.). Праўда, савецкая канцэпцыя гісторыі Беларусі ўнесла тут свае карэктывы. І калі прыметнікі “раннефеадальны”, “феадальны” хутчэй маркіруюць прына-лежнасць тэксту да марксісцкай гістарыяграфіі, то адмова ад традыцыйнага сярод расійскіх дарэва-люцыйных гісторыкаў азначэння “Літоўска-рускі перыяд”, якім карыстаўся і А.П. Сапуноў, адлюст-роўвае змену канцэптуальных трактовак гэтага перыяду гісторыі.

¹ Сучасны біёграф А.П. Сапунова Людміла Уладзіміраўна Хмяльніцкая заканамерна палічыла аўтарам Ніну Іванаўну [15]. Аднак сама Н.І. Дарафеенка паведаміла нам, што аўтарам артыкула быў Мікалай Уладзіміравіч [2]. Відавочна, ініцыял “Н.” з’явіўся ў газеце ў сувязі з тым, што дзеючыя тады правілы беларускай арфаграфіі дапускалі выбар чалавекам адной з формаў імя. Для ураджэнца памежнай з РСФСР Лёзненшчыны і выпускніка рускамоўнай школы такой формай відавочна магла быць форма “Нікалай”. А ў альманаху “Дзвіна”, верагодна, рэдактары паправілі на “Мікалай”.

Перыядызаця гісторыі Віцебска да канца XVIII ст.

<i>Паводле А.П. Сапунова</i>	<i>Паводле М.У. і Н.І. Дарафеенка</i>
“Русский древний период (1021–1320)”	“Раннефеадальны старарускі этап гісторыі Віцебска, які цягнуўся 300 год (1021–1320)...”
“Литовско-Русский период (1320–1569 г.)”	Віцебск “пад уладай літоўскіх феадалаў” (1320–1569 гг.)
“Период польско-литовско-русский или бело-русский (1569–1772)”	“Беларуска-польскі этап гісторыі феадальнага Віцебска” (1569–1772 гг.)

Спасылкі на меркаванні прафесара Сапунова сустракаюцца ў тэксце [4, с. 130, 131, 133], у тым ліку, на выказанае ў канкрэтным артыкуле [12]. Але найперш з публікацый Аляксея Парфенавіча браліся факты. Прычым адбор іх вызначаўся палітыка-ідэалагічнымі прынцыпамі і адпавядаў, як і ўся канцэпцыя нарыса “Віцебск”, ідэйна-навуковым устаноўкам, сфармуляваным у “Тэзісах аб асноўных пытаннях гісторыі БССР. Частка 1. Гісторыя беларускага народа да Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі” 1948 г. [14]. Тэзісы былі падрыхтаваныя вядучымі тагачаснымі гісторыкамі па рашэнні XV Пленума ЦК КП(б)Б і характарызаваліся выразнай скіраванасцю на барацьбу з нацыяналізмам. На абмеркаванні, якое адбылося ў кастрычніку 1948 г. у Аддзяленні грамадскіх навук АН БССР, былі адобраны прынцыповыя палажэнні тэзісаў, адзначана іх важнасць для развіцця гістарычнай навукі рэспублікі [16, с. 144].

У першым раздзеле нарыса “Калі гудзеў вечавы звон” акцэнтавана ўвага на некалькіх аспектах: уваходжанне Полацкага княства ў склад старажытнарускай дзяржавы; узнікненне Віцебска і яго месца сярод гарадоў Русі; віцебскія замкі, іх гістарычны лёс; рамеснае майстэрства і храбрасць віцяблян; гандлёвыя сувязі горада ў XIII–XIV стст. з “Рыгай і нямецкімі гарадамі”, захаванне славянскіх традыцый і імкненне да “Русі Вялікай, з якой былі звязаны агульнасцю паходжання, гістарычнага лёсу, культуры і тэрыторыі”; аслабленне ў перыяд феадальнай раздробленасці, супрацьстаянне літоўскім феадалам і ўваходжанне ў склад ВКЛ; роля веча.

Менавіта ў раскрыцці старажытнарускага перыяду, на наш погляд, найбольш адчувальны ўплыў прац А.П. Сапунова. У кантэксце праблемы ўзнікнення горада на Дзвіне М.У. і Н.І. Дарафеенка адзначаюць: “Калі і кім заснаван Віцебск дакладна не ўстаноўлена. Існуе многа здагадак, але ўсе яны мала абгрунтаваныя”. Аўтары прыводзяць паданне пра заснаванне Віцебска кіеўскай княгіняй Вольгай з агаворкай, што яно было запісана праз 800 гадоў пасля падзей, а Вольга не магла заснаваць Віцебск, бо памерла ў 969 г. Са спасылкай на “рад крыніц” гісторыкі выказалі меркаванне, што горад быў заснаваны ў другой палове IX ст., але адзначылі, што датай заснавання Віцебска прынята лічыць 1021 г., пад якім ён упершыню згаданы ў “афіцыйных летапісах” [4, с. 129].

У нарысе сцвярджаецца: “У невялікай сям’і старажытных рускіх гарадоў Віцебску належыць не апошняе месца. Гісторыя яго цесна звязана з лёсам Расіі, Украіны, Беларусі, Польшчы і Літвы” [4, с. 129]. Падкрэслена важнасць знаходжання горада на важнейшых водных і сухапутных шляхах, што вызначала яго ролю і спрыяла ўзмацненню.

Аўтары далі апісанне Віцебскіх замкаў з прывязкай да сучаснай тапаграфіі, адзначылі, што драўляны Верхні замак быў узведзены яшчэ ў XIII ст. “для абароны славянскіх зямель ад іншаземных захопнікаў, а ў пачатку XIV стагоддзя князь Альгерд «умацаваў Верхні замак каменнай сцяной і вежамі і ўпрыгожыў гэты замак палатамі», да Верхняга замка прыбудаваў Ніжні” [4, с. 129]. Зроблена дапушчэнне, што тады ж узнік і Узгорскі замак. Адзначана абарончая роля Віцебскіх замкаў, аб сцены якіх “не раз разбіваліся сілы чужаземцаў” [4, с. 130], што прывяло замкі да поўнага заняпаду ўжо ў канцы XVIII ст.

У нарысе падаецца цікавая трактоўка ўваходжання Віцебшчыны ў склад ВКЛ, якая грунтуецца на канцэпцыі літоўскага заваявання ўсходнеславянскіх земляў і лакальным патрыятызме аўтараў: быццам бы, у выніку раздробленасці і княжацкіх усобіц, якія аслаблялі Русь, Віцебшчына ўсё часцей стала падвяргацца нападам літоўскіх князёў. Нашы продкі паспяхова супрацьстаялі экспансіі “пры заступніцтве кіеўскіх, чарнігаўскіх і смаленскіх князёў”, таму Віцебскі ўдзел “захоўваў сваю незалежнасць да пачатку XIV ст.” [4, с. 130]. “Мужна і стойка абаранялі віцябляне кожны кавалачак зямлі ад націску літоўскіх феадалаў” [4, с. 130]. У 1245 г. у змаганні прыняў удзел нават “вядомы наўгародскі князь Аляксандр Неўскі”. Усе спробы захопу Віцебска не далі плёну, і толькі дзякуючы дынастычнаму шлюбу Віцебск увайшоў у склад “Літвы”: “Апошнім рускім удзельным князем быў Яраслаў Васільевіч, што выдаў у 1318 г. адзіную дачку Марыю за літоўскага князя Алгерда, які разам са сваёй жонкай пасяліўся ва Усвяце. Яраслаў памёр у 1320 г., Віцебск атрымала ў спадчыну дачка, а Альгерд, уступіўшы на вялікакняскі літоўскі трон, далучыў яго да Літвы. Упершыню пасля двухсотгадовага кіравання князямі рускімі Віцебск падпаў пад іншаземнае панаванне” [4, с. 130].

Завяршаецца першы раздзел нарыса згадкай пра вечы, яго паўнамоцтвы. Аўтары разумеюць, што панавала на вечы феадальная арыстакратыя, часам купецкая вярхушка, але "вечавы звон будзіў у народзе яго лепшыя свабодалюбівыя імкненні" [4, с. 131].

Характэрна, што першая частка нарыса найбольш багатая на імёны князёў. Тут згаданы кіеўская княгіня Вольга як легендарная заснавальніца, полацкі князь Брачыслаў Ізяславіч, які атрымаў горад у 1021 г. ад кіеўскага князя Яраслава Мудрага, наўгародскі князь Аляксандр Неўскі, які бараніў Віцебск ад літоўцаў у 1245 г., віцебскі князь Яраслаў Васільевіч, які выдаў сваю дачку Марыю замуж за літоўскага князя Альгерда, сам Альгерд, пры якім быў змураваны Верхні замак з палатамі. Аднак вялікая ўвага ім не надаецца, бо рухаючай сілай гісторыі ў марксісцкай трактоўцы выступаюць народныя масы, што выразна заўважаецца і ў аналізуемым нарысе.

Цікава, што ў дачыненні да Аляксандра Неўскага і Альгерда губляюцца важныя аспекты іх сувязі з Віцебскам, на якія ў свой час звяртаў увагу А.П. Сапуноў: не прыведзены звесткі пра сваяцтва Аляксандра Яраславіча з віцебскімі князямі, а таксама не акцэнтавана ўвага на тым, што Альгерд чвэрць стагоддзя быў князем віцебскім перад тым, як стаць вялікім князем літоўскім.

Другі раздзел носіць красамоўную назву "Пад ярмом польска-літоўскіх князёў". Канцэптуальна ён цалкам адпавядае "Тэзісам аб асноўных пытаннях гісторыі БССР". Перыяд уваходжання Віцебска ў склад Вялікага Княства Літоўскага да Люблінскай уніі паказаны літаральна ў двух абзацах, у якіх сфармуляваны ключавыя ідэі: 1) літоўскія феадалы "... імкнуліся ўсімі сіламі закабальць беларускі народ, зрабіць яго гарады апорнымі пунктамі ў барацьбе з маскоўскімі князямі"; 2) становішча народа яшчэ больш пагоршылася пасля Крэўскай уніі 1385 г., калі на нашы землі сталі пранікаць і польскія феадалы; 3) літоўска-польскі прыгнёт не спыніў фарміраванне і развіццё беларускай народнасці, мовы і культуры; 4) у беларускага народа з года ў год умацоўвалася "... думка аб непарыўнасці яго лёсу з рускім народам". Баявое адзінства рускіх, беларусаў, украінцаў гартавалася ў Грунвальдскай бітве 1410 г., у якой бралі ўдзел і "віцебскія палкі" і быў разгромлены "агрэсіўны тэўтонскі ордэн"; 5) "Тэраізм і згуртаванасць віцяблян, іх сыноўня адданасць рускаму народу прымуслі літоўскіх князёў дараваць жыхарам Віцебска і іншых беларускіх гарадоў усемагчымыя граматы, каб узмацніць на Віцебск свой уплыў, утрымаць яго пад сваім панаваннем" [4, с. 131].

Беларуска-польскі этап у гісторыі Віцебска характарызуецца як "... самы цяжкі і сумны час, калі Віцебск, як і ўся Беларусь, знаходзіліся пад трайным прыгнётам: феадальна-прыгонніцкім, нацыянальным і рэлігійным". "Польскія магнаты і шляхта і апалячаныя беларускія феадалы падзялілі паміж сабой горад і гарадскія землі...", а гарадскія рамеснікі "...туліліся ў сырых і цёмных хацінах, зямлянках і паўпадвалах...", пакутвалі ад шматлікіх павіннасцяў і непасільных збораў, якія асуджалі прсты люд на "...пастаянны голад, холад і масавае выміранне". "Польскія паны ўсімі сродкамі і метадамі закабалення стараліся падавіць культуру беларускага народа, вытравіць у яго свядомасці ўсё рускае, праваслаўнае, ідэалагічна адарваць яго ад Расіі і духоўна падпарадкаваць свайму ўплыву". Гэтым мэтам служыла Брэсцкая царкоўная ўнія 1596 г. "Мячом і крыжам укараняўся каталіцызм, знішчаліся праваслаўныя храмы, як грыбы раслі іезуіцкія манастыры і касцёлы. За кароткі тэрмін у параўнальна невялікім гарадку Віцебску было пабудавана каля двух дзясяткаў каталіцкіх і ўніяцкіх цэркваў – чорных і каварных ачагоў каталіцкага цемрашальства, духоўнай зброі папы рымскага і польскіх каралёў" [4, с. 131].

Пераважная частка другога раздзела нарыса прысвечана супрацьстаянню праваслаўных віцяблян і полацкага ўніяцкага архіепіскапа Іасафата Кунцэвіча, якое скончылася паўстаннем, забойствам апошняга ў Віцебску ў лістападзе 1623 г. і пакараннем горада і яго жыхароў у 1624 г. [4, с. 132–133]. Дарэчы, пра Магдэбургскае права, дараванае ў 1597 г., сказана колькі слоў менавіта ў сувязі з тым, што горад быў яго пазбаўлены. Аўтары прыйшлі да высновы: "Барацьба за праваслаўе была толькі праяўленнем аднаго з бакоў агульнага фронту нацыянальнай барацьбы супраць прыгнёту панскай Польшчы, за ўз'яднанне з вялікім рускім народам" [4, с. 133].

Тэма імкнення беларусаў, у т.л. віцяблян, да ўз'яднання з братнім рускім народам, галоўным чынам у часы Рэчы Паспалітай, стала цэнтральнай у трэцім раздзеле пад назвай "Барацьба за ажыццяўленне спрадвечнай мары". Аўтары падкрэсліваюць дапамогу беларусам з боку "брацкага ўкраінскага народа". Праўдзіва адзначана насычанасць XVI–XVII стст. спусташальнымі войнамі з Маскоўскай дзяржавай, між тым парадаксальна сцвярджаецца: "Але і гэта не зламала волю віцяблян, якія ўсё больш і больш засвойвалі погляд на Маскоўскую Русь як на адзінага збавіцеля" [4, с. 133]. Замоўчваюцца пэўныя нюансы падзей. У прыватнасці, сказана, што Віцебск адным з першых гарадоў у 1654 г. добраахвотна адчыніў вароты Маскоўскаму цару, хаця А.П. Сапуноў у свой час не хаваў, што горад быў ўзяты ў лістападзе 1654 г. баярынам В.П. Шарамецевым пасля 14 тыдняў аблогі [11, с. 580]. У нарысе згадана пра пажар 1708 г., аднак яго прычыны, якія раскрыты А.П. Сапуновым

(спаленне па загадзе Пятра I казакамі і калмыкамі пад кіраўніцтвам капітана Салаўёва) [11, с. 581], не названы. Пры гэтым паводле А.П. Сапунова прыводзяцца звесткі пра наведванне горада Пятром I [4, с. 134].

Такім чынам, гістарычны нарыс “Віцебск” Мікалая Уладзіміравіча і Ніны Іванаўны Дарафеенка фактычна ўпершыню ў пасляваенны час знаёміў віцяблян з сярэднявечнай гісторыяй горада. Канешне ж, нарыс нясе на сабе адбітак часу. Галоўнымі канцэптэуальнымі ідэямі, якія праходзяць праз увесь тэкст, з’яўляюцца ідэя ўсходнеславянскага адзінства і вынікаючая з яе ідэя спрадвечнага імкнення беларускага народа да ўз’яднання з братнім рускім народам. Прычым у дадзеным выпадку ўстаноўкі “Тэзісаў аб асноўных пытаннях гісторыі БССР” 1948 г. супадалі з пазіцыяй А.П. Сапунова, працы якога сталі асноўнай крыніцай факталогіі першых раздзелаў. Праўда, у адрозненне ад Аляксея Парфенавіча, які шмат пісаў пра дзейнасць князёў, фокус увагі ў нарысе М.У. і Н.І. Дарафеенка змясціўся на ролю ў гісторыі народных мас.

Найбольшая колькасць сярэднявечных рэалій натуральным чынам акрэслена ў першым раздзеле. Тут заўважаюцца элементы рамантызацыі, але не ўласна Сярэднявечча, а менавіта старажытна-рускага перыяду гісторыі Віцебска, важнага ў кантэксце адзінства ўсходніх славян. Тым не менш, аб’ектыўна на старонках першага раздзела нарыса паўстае эпоха замкаў, майстроў-рамеснікаў, мужных продкаў, вечавага народапраўства, няхай і абмежаванага, а таксама незалежнасці ад чужынскага панавання.

Адмоўна паказана знаходжанне Віцебска ў складзе Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, дзе феадальны прыгнёт сумяшчаўся з нацыянальным і рэлігійным, здзяйснялася палітыка акаталічвання і апалячвання беларусаў, якія імкнуліся да вызвалення ад ярма польска-літоўскіх паноў і ўз’яднання з рускім народам. Такім чынам, характарыстыка рэалій Сярэднявечча дапаўняецца ўрэшце такімі маркёрамі як “прыгнёт” і “цёмрашальства”. Аднак і ў дадзеным выпадку мае месца пэўная рамантызацыя мінулага: адзначаны гераізм продкаў у Грунвальдскай бітве, паказана іх мужнасць і згуртаванасць у барацьбе з прыгнётам, згадана Магдэбургскае права – “права на самакіраванне і іншыя вольнасці”.

Падыходы і трактоўкі да тлумачэння сярэднявечнай гісторыі Віцебска, сфармуляваныя ў гістарычным нарысе М.У. і Н.І. Дарафеенка, паслужылі асновай для пазнейшых савецкіх выданняў па гісторыі горада, што выйшлі ў канцы 1950-х – 1980-я гг.

1. Витебск. Историко-экономический очерк / редкол.: В. П. Ворбьева [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1974. – 224 с.
2. Гутарка з Дарафеенка Нінай Іванаўнай, 1923 г.н. ад 12.05.2009 г. (Аўдыёзапіс) // Асабісты архіў аўтара.
3. Дарафеенка Мікалай Уладзіміравіч // Півавар, М. В. Краязнаўцы Віцебшчыны другой паловы ХХ – пачатку ХХІ ст. : біябібліяграфічны даведнік / М.В. Півавар. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – С. 93.
4. Дарафеенка, М. Віцебск (Кароткі гістарычны нарыс) / М. Дарафеенка, Н. Дарафеенка // Дзвіна : літаратурна-мастацкі альманах. – Віцебск, 1958. – С. 128–152.
5. Дарафеенка, Н. Выдатны гісторык Віцебшчыны / Н. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1957. – 26 ліп. – С. 3.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 102. Воп. 35. Спр. 56.
7. Дулаў, А. М. Гісторыя віцебскага падполля ў працах Н. І. Дарафеенка / А. М. Дулаў // Вклад белорусского народа в Великую Победу : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 ноября 2009 г. / редкол.: Е. А. Гребень (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2010. – С. 88–95.
8. Дулаў, А. М. Н. І. Дарафеенка – удзельніца руху супраціўлення і даследчыца Віцебскага падполля / А. М. Дулаў // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2009. – С. 117–128.
9. Дулаў, А. М. Патрыётка, даследчыца, педагог: памяці Ніны Іванаўны Дарафеенка / А. М. Дулаў // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI(68) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, 10–11 февраля 2016 г., Витебск / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 272–275.
10. Пахомов, Н. И. Витебское подполье. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко – Минск : Беларусь, 1974. – 248 с.
11. Сапунов, А. П. Историко-статистический очерк города Витебска / А. П. Сапунов // Витебская старина. Составил и издал А. Сапунов. – Витебск : Типография губернского правления, 1893. – Т. 1. – С. 559–622.
12. Сапунов, А. П. Исторические отношения Руси Белой и Великой / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 г. Издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Губернская типография, 1898. – Приложения. – С. 1–20.
13. Скапа, У. Вернасць прызванню [М.У. Дарафеенка] / У. Скапа // Віцебскі рабочы – 80 год / Рэдакцыя абласной газеты “Віцебскі рабочы”. – Віцебск, 1997. – С. 141–144.
14. Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР (Частка 1) // Большэвік Беларусі. – 1948. – № 8. – С. 36–72.
15. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.
16. Храпко, Л. П. Уплыў грамадска-палітычнай сітуацыі другой паловы 40-х – першай паловы 50-х гадоў на развіццё гістарычнай навукі ў БССР / Л. П. Храпко // Старонкі гісторыі Беларусі / М. М. Крывальцэвіч, С. Я. Рассадзін, А. В. Іоў [і інш.] ; рэдкал.: М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 140–148.

Гребенкина К.В.
ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ НИКОЛАЮ II

Для российской историографии последних десятилетий характерен повышенный интерес к личности императора Николая II и эпохе его правления. В работах современных исследователей, перечень которых постоянно расширяется, переосмысливаются традиционные подходы, сложившиеся в предшествующие периоды. Однако при анализе личности Николая II и его политики проявляются предубеждения прошлого, идеологические клише и ярлыки.

Комплекс исследований, посвященных данной тематике, формировался на протяжении длительного периода времени: с конца XIX и до начала XXI в. Он нуждается в детальном историографическом анализе для объективной оценки внутривластных процессов, разворачивавшихся в Российской империи в 1894–1917 гг. Именно это обуславливает актуальность настоящей научной статьи. Цель работы – показать трактовки исследователями личности последнего императора Николая II.

На современном этапе, в частности К.А. Самагин [15], в историографии выделяют три основных этапа изучения правления императора Николая II. Первый этап совпадает с периодом его нахождения у власти. Второй этап начался с Февральской революции и продолжался до конца 80-х гг. XX в. Третий этап охватывает 90-е гг. XX в. – начало 20-х гг. XXI в. На основании анализа исторической литературы можно выделить два основных подхода к изучению личности Николая II и его правления: апологетический и негативно-критический.

Апологетический взгляд сформировался в 90-е гг. XIX в. Он был характерен для работ Э.Э. Ухтомского [17], А.Г. Ельчанинова [5], Д.Н. Дубенского [4]. Их объединяет создание образа заботливого «царя-батюшки», обладавшего всеми необходимыми качествами для реализации интересов России.

Характерной особенностью исследований данного этапа является то, что они представляют собой хроникальное изложение истории жизни Николая II. Как правило, их авторы не анализируют и не дают какую-либо оценку событиям, происходившим в жизни последнего императора. Отсутствует анализ взаимоотношений императора с членами императорской фамилии, а ближнее окружение монарха характеризуется как монолитная свита.

Апологетические оценки царствования и личности последнего монарха характерны и для эмигрантской историографии, которая начала формироваться после Февральской революции 1917 г. Среди писателей-эмигрантов отсутствовали идейная монолитность и единство в оценках. Классическим примером эмигрантской историографии является работа историка С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II» [12]. Он вел своё повествование от начала правления императора Николая II 20 октября 1894 г. и до его отречения 1 марта 1917 г. В качестве основных источников С.С. Ольденбург использовал воспоминания политических деятелей того времени (С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткина и др.), материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и переписку императора с матерью, супругой, генералами и т.д.

Примером апологетической эмигрантской историографии является работа Б.Л. Бразоля «Царствование императора Николая II (1894–1917) в цифрах и фактах» [2]. Она основана на данных экономической статистики, а автор попытался доказать благотворность политики Николая II для государства.

В то же время в эмигрантской историографии, посвященной Николаю II, присутствуют и негативно-критические оценки. В качестве примера можно назвать работу политического эмигранта В.П. Обнинского «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II» [11]. В ней автор пророчески называет Николая II последним императором, акцентирует внимание на некомпетентности бюрократов и коммерсантов, а также пагубном влиянии ближайших родственников царя и их окружения на политику последнего императора. В книге содержится еще прижизненный анализ самодержавного правления, характерных черт личности монарха и его великокняжеского окружения. Однако данное произведение является острым политическим памфлетом, содержит сведения о личных наблюдениях и впечатлениях автора, поэтому изложенные в нём факты необходимо воспринимать критически.

В советской историографии основное внимание уделялось событиям Февральской и Октябрьской революций, которые трактовались с позиций марксистско-ленинской методологии. Историки подчеркивали завоевания революций и обосновали монополию большевиков на власть. Соответственно, личность Николая II подвергалась критике, а его правление оценивалось как пагубное и ничтожное.

В 1920-е гг. были опубликованы работы историков с резкой критикой членов императорской фамилии. Именно в этот период закрепилась оценка Николая II как слабохарактерного и бесталанного правителя, отмечалась неспособность императора управлять огромной державой. К публикациям подобного рода относится, например, работа И.М. Василевского [3]. В этот период был

сформирован негативный образ Николая II и великих князей, который сохранялся в советской исторической науке почти семьдесят лет.

В 1930–1960-е гг. в советской историографии, посвященной истории России конца XIX – начала XX в., основной темой стала классовая борьба. В этой связи правление Николая II подвергалось жесткой критике.

В 1978 г. была издана единственная обстоятельная политическая биография Николая II «Двадцать три ступени вниз» [6]. Ее автор М.К. Касвинов использовал разноплановые архивные источники. В монографии получили освещение все важнейшие события правления последнего монарха: Русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905–1907 гг., реформы П.А. Столыпина и режим «третьеиюньской монархии», внутренний кризис в период Первой мировой войны. Особое внимание автор уделяет расстрелу царской семьи. Он утверждает, что все 23 года царствования Николая II отмечены рядом тяжких преступлений, поэтому смертный приговор был вынесен ему справедливо и обжалованию не подлежит. Опираясь на труд автора, можно сделать вывод, что коммунистическая партия в начале 1980-х гг. формировала негативный образ царя. В работе М.К. Касвинова четко прослеживается идеологическая направленность. Определенную критическую оценку труду М.К. Касвинова дает современный историк Л.А. Лыкова [10]. Она отмечает, что автор биографии намеренно искажает информацию. Л.А. Лыкова в своих рассуждениях приходит к итогу, что труд М.К. Касвинова заслуживает критики, но не полного отрицания.

Однако большая часть трудов советских историков, подготовленных на протяжении 1970–1980-х гг., была по-прежнему посвящена краху самодержавной власти. Ученые старались выявить причины революционных потрясений во всех сферах жизни общества. Особое внимание уделялось изучению отдельных направлений политического курса Николая II. При этом в историографии сохранялась негативно-критическая оценка деятельности последнего императора и его ближайшего окружения.

Кардинально историографическая ситуация изменилась в 1990-е гг. В этот период начали формироваться альтернативные точки зрения на личность Николая II и проводимую им политику, роль его ближайшего окружения. Фигура императора в глазах исследователей больше не выглядела исключительно негативно. Ему начали приписывать ряд положительных качеств. Во многом этому способствовала канонизация Русской православной церковью Николая II, его супруги Александры Федоровны и их детей.

Среди современных исследований на эту тему можно отметить монографию А.Н. Боханова [1], которая носит апологетический характер. Работа написана на базе архивных документов, мемуаров, дневников и переписки. А.Н. Боханов сделал акцент на личностно-психологических переживаниях Николая II. Через призму душевных терзаний императора он описал его взаимоотношения с членами императорской фамилии и подробности придворной жизни. Многие острые события, происходившие в политической жизни и при дворе, были изложены в позитивном для императора ключе.

В позитивном ключе деятельность последнего императора оценивает В.Е. Шамбаров [18]. Он отмечает мягкость характера Николая II. Автор считает, что Россию погубил не самодержавный деспотизм, а нерешительность действий и поиск постоянного компромисса с различными политическими силами со стороны императора.

Заслуги последнего императора отмечает историк О.А. Платонов [14]. В своей работе он отмечает выдающийся характер и образованность последнего императора. Автор отмечает экономический рост и прогрессивное законодательство России в годы царствования Николая II.

На современном этапе практически отсутствует исследования критического характера, посвященные Николаю II. Среди современных авторов, чьи работы посвящены личности Николая императора и различным аспектам его политики, можно отметить А.Ф. Смирнова [16], Е.Е. Петрову [13] и С.В. Куликова [8]. В начале XXI в. были изданы библиографические справочники, подготовленные Ю.А. Кузьминым [7] и Т.А. Лобашковой [9]. В них представлена наиболее полная и последовательно изложенная библиография, посвященная 226 представителям императорской фамилии, включая герцогские семейства.

В целом в современной историографии не произошла кардинальная переоценка правления Николая II. Для нее характерна конкретизация знаний о личности и государственной деятельности последнего императора.

Таким образом, в российской историографии, посвященной личности Николая II и его правлению, отчетливо прослеживаются три периода. В зависимости от исторического периода и методологического подхода авторы с разных позиций характеризовали последнего императора. Дореволюционный период охватывает годы правления последнего императора – 1894–1917. Для него характерна идеализация Николая II и сугубо положительная оценка его правления. Это четко прослеживается в трудах Э.Э. Ухтомского, А.Г. Ельчанинова, Д.Н. Дубенского. Второй период начался после Февральской революции и продолжался до конца 1980-х гг. В его рамках отдельную группу

составляют работы, написанные русскими эмигрантами как в апологетическом, так и критическом ключе. Для советских исследований в целом характерны негативные оценки личности Николая II и его правления с позиций марксистско-ленинской методологии. Первая попытка их переосмысления была предпринята в 1978 г. в работе М.К. Касвинова. На современном этапе, который охватывает 90-е годы XX в. – начало 20-х гг. XXI в., благодаря расширению источниковой базы исследований и использованию новых методологических подходов, сформировались альтернативные точки зрения на личность Николая II и проводившуюся им политику, хотя ее кардинальная переоценка не произошла. На современном этапе для исследований характерна не критичность в адрес последнего императора. Ряд историков: А.Н. Боханов, В.Е. Шамбаров, О.А. Платонов в основном отмечают позитивные черты правления Николая II. В целом российская историография, посвященная данной теме, носит противоречивый характер.

1. Боханов, А. Н. Николай II / А.Н. Боханов. – М. : Вече, 2008. – 528 с.
2. Бразоль, Б. Л. Царствование императора Николая II (1894–1917) в цифрах и фактах / Б. Л. Бразоль. – Нью-Йорк : Исполн. бюро Общерос. монарх. фронта, 1968. – 121 с.
3. Василевский, И. М. Николай II / И. М. Василевский. – М. ; Петроград : Изд-во «Петроград», 1923. – 140 с.
4. Дубенский, Д. Н. Его императорское величество государь император Николай Александрович в действующей армии : [в 4 т.] / Д. Н. Дубенский. – Петроград : М-во императ. двора, 1915–1916. – 4 т.
5. Ельчанинов, А. Г. Царствование государя императора Николая Александровича / А. Г. Ельчанинов. – СПб. : Сел. вестн., [1913]. – 134 с.
6. Касвинов, М. К. Двадцать три ступени вниз / М. К. Касвинов. – М. : Мысль, 1978. – 445 с.
7. Кузьмин, Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917) : библиограф. справ. / Ю. А. Кузьмин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 440 с.
8. Куликов, С. В. Бюрократическая элита России накануне крушения старого порядка / С. В. Куликов. – Рязань : [б. и.], 2004. – 472 с.
9. Лобашкова, Т. А. Дом Романовых : библиограф. ил. указ. / Т. А. Лобашкова. – М. : Река времён, 2008. – 832 с.
10. Лыкова, Л. А. Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: [в 2 т.] / Л. А. Лыкова. – М. : ООО ТД «Белый город», 2015. – 433с.
11. Обнинский, В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / В. П. Обнинский. – М. : Республика, 1992. – 288 с.
12. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Центрполиграф, 2019. – 654 с.
13. Петрова, Е. Е. Великокняжеская оппозиция в России, 1915–1917 гг. / Е. Е. Петрова, К. О. Битюков. – СПб. : Астерион, 2009. – 215 с.
14. Платонов, О. А. Николай II в секретной переписке / О. А. Платонов. – М. : Родник, – 1996. – 800 с.
15. Самагин, К. А. Отечественная историография XX в. О влиянии великих князей на личность и деятельность императора Николая II [Электронный ресурс] / К. А. Самагин. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/9379>. – Дата доступа: 06.04.2023.
16. Смирнов, А. Ф. Государственная дума Российской империи, 1906–1917 / А. Ф. Смирнов. – М. : Центрполиграф, 2021. – 719 с.
17. Ухтомский, Э. Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891 : [в 3 т.] / Э. Э. Ухтомский. – СПб. : [б. и.], 1893–1897. – 3 т.
18. Шамбаров, В. Е. За веру, царя и Отечество / В.Е Шамбаров. – М. : Алгоритм, 2003. – 655 с.

Барынкин А.В.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО АНТАНТЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ (1914–1918) В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Традиционно в исследовательской литературе подчеркивается, что изучение истории Перовой мировой войны началось почти сразу по окончании боевых действий [13, с. 3; 21, с. 29; 12, с. 16]. Сказывалась насущная практическая потребность в аналитической работе, которая, велась не только в нашей стране – экспертные круги всех враждовавших сторон проводить своеобразную «работу над ошибками». Так, уже в августе 1918 г. была учреждена Военно-историческая комиссия по описанию войны 1914–1918 гг. (приказ наркомвоена № 688 от 13 августа 1918 г.), на которую возлагалась задача описания последней войны «с целью использования ее опыта» [21, с. 27–28].

Вопросы экономического характера в то время находились скорее на втором плане академических и прикладных исследований, однако ещё в годы войны увидел свет коллективный труд видных петербургских ученых экономистов под названием «Вопросы мировой войны». Особое внимание обращает аналитическая статья известного статистика профессора А.А. Чупрова «Народное продовольствие в Германии». Автор откровенно ставит перед читателем вопрос: «Можно ли рассчитывать взять Германию голодом?» [24, с. 351]. А.А. Чупров не прогнозировал скорого падения Германии, но, учитывая патриотический подъём и ресурсы врага, он скорее ожидал попытки отчаянного немецкого наступления на союзников, дабы те первыми завели речь о мире. Окончательный вывод вселял чувство уверенности: «...имея своими противниками Россию и Англию, она (Германия – А.Б.) никакою ценою не может купить необходимая для ведения войны продовольствия» [24, с. 357]. Оптимистичен был и сам редактор издания – М.И. Туган-Барановский. Сравнивая

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

Россию и Германию с точки зрения хозяйственного уклада и его социальной структуры, автор полагал, что «продолжение войны наталкивается для Германии...на экономическую невозможность, между тем как **мы...можем вести войну годами** (выделено – А.Б.)» [22, с. 321]. Любопытно, что, несмотря на не столь давнее поражение войне с Японией, схожие мысли озвучивались на самом высоком уровне среди руководства союзных России стран, в частности, британский министр иностранных дел Э. Грей говорил французскому президенту Р.Пуанкаре: «русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена без нашей помощи России» [14, с. 41].

В центре внимания исследователей в период 1918–1941 гг. значились вопросы: положение народного хозяйства в условиях мировой войны, описание динамики развития отдельных отраслей хозяйства, рассмотрение процессов в мировой экономике и торговле, политика государственного регулирования в области промышленности, сельского хозяйства и транспорта, а также роль экономики в контексте причин и последствий войны. В представленном жанре были выдержаны труды Н.А. Данилова [5], Е. Святловского [20], Н.Д. Кондратьева [9], П. Шарова [25], Г. Полонского [16], С.Н. Прокоповича [17]. Отдельный пласт трудов был посвящен вопросам динамики развития продовольственного рынка и социально-экономического положения страны в 1914–1918 гг. К этой категории возможно отнести работы Н.Д. Кондратьева [10], А. Хрящевой [23], А.В. Шестакова [26], А.Н. Орлова [15].

Пристально заслуживают наблюдения П. Шарова: «главнейший вывод: надежной гарантией хозяйственной мощи страны может быть только ее полная экономическая независимость. Отсюда и другой более практический вывод: только государству с народным хозяйством двухстороннего индустриального аграрного типа не страшна блокада, и только такое государство может дать максимум боеспособности и экономической устойчивости в длительной войне» [25, с. 154]. Убедительные аргументы автора, запечатленные в глубоких аналитических выводах 10 и 11 глав, как нельзя лучше отражали социально-экономические процессы в СССР времени публикации монографии – 1928 г.

Возможно отметить некоторые упоминания относительно морской блокады Германии, изменений маршрутов торговых путей, а также особой роли нейтральных стран, что представлено в трудах Г. Полонского [16, с. 29] и Я.М. Букшпана [3], в монографии которого оценивается значение и роль скандинавских стран в мировой торговле в контексте противостояния Центральным державам [3, с. 80–82].

Уникальной чертой времени возможно считать определенную транспарентность экспертных кругов: в Советской России/СССР выходила в печать иностранная литература, мемуары, имевшая прямое отношение к обозначенному в теме нашего исследования вопросу [2; 7; 11]. Шла активная работа по публикации статистических данных [28], документов и материалов, освещавших внешнюю политику и торговлю Российской империи в рассматриваемый период [13; 18].

Представляется, что первым фундаментальным исследованием в годы холодной войны стала монография полковника, д.э.н. Г. И. Шигалина – «Военная экономика в первую мировую войну». Автор схематично описывает усилия Великобритании и России по экономическому удушению враждебной Германии, в т.ч. за счет давления на нейтральные страны (в частности, упоминается созданный при министерстве торговли и промышленности специальный комитет «основной задачей которого являлось наблюдение за тем, чтобы Австро-Венгрия и Германия не получали товаров через нейтральные страны» [27, с. 271]). Г.И. Шигалин, однако, доказывает, что усилий стран Антанты было недостаточно для того, чтобы окончательно изолировать Германию. «Германию нельзя представлять совершенно изолированной страной, питавшейся исключительно собственными соками» [27, с. 261], – утверждал автор. По мнению Г.И. Шигалина, в результате построенной немцами системы взаимоотношений с нейтральными странами последние «лишь частично удовлетворяли потребности Германии в сырье и продовольствии» [27, с. 263].

Вопросы экономического развития России в годы войны преимущественно на основе отечественных источников были представлены в ставшем классическим труде Л.А. Сидорова [19].

В трудах советских историков закладывались концептуальные основы тем, связанных с ролью отдельных государств [4] в противостоянии блоков и особого значения морской торговли в условиях блокады Германии [1]. В 1955 г. вышла в свет работа И.Н. Каверина, посвященная английской морской блокаде в годы Первой мировой войны [6]. Впервые в советской историографии И.Н. Каверину удалось показать влияние союзнической блокады на нейтральные страны, продемонстрировать роль скандинавских нейтралов в подрыве усилий Антанты в экономическом удушении Германии.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что отечественная историография экономического противостояния Антанты и Центральных держав прошла несколько условных этапов. Первый – межвоенный период – характеризуется высоким прикладным характером исследований. Авторы-участники и непосредственные свидетели мировой войны стремились в первую очередь обосновать причины краха экономики Российской империи, а вместе с тем предоставить универсальные рекомендации во избежание повторных испытаний такого рода. В послевоенной исторической литературе (второй этап) отмечаются первые попытки выхода за пределы устоявшихся научных

проблем: в орбиту внимания историки стали включать нейтральные страны; разрабатывались вопросы, связанные с морской блокадой Германии.

1. Андреев, В. И. Борьба на океанских коммуникациях (по опыту двух мировых войн) / В. И. Андреев. – М. : Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1961. – 373 с.
2. Архив полковника Хауза. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937–1939. – Т. 1–3;
3. Букшпан, Я. М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. / Я. М. Букшпан. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1929. – 473 с.;
4. Виноградов, В. Н. Румыния в годы первой мировой войны / В. Н. Виноградов. – М. : Наука, 1969. – 370 с.
5. Данилов, Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России / Н. А. Данилов. – Петроград : Государственное издательство, 1922. – 95 с.
6. Каверин, И. Н. За кулисами английской блокады (из истории первой мировой. войны) / И. Н. Каверина. – М. : Воениздат, 1955. – 208 с.
7. Клаус, Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.) / Р. Клаус. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. – 117 с.
8. Козенко, Б. Д. Отечественная историография первой мировой войны / Б. Д. Козенко // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.
9. Кондратьев, Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Н. Д. Кондратьев. – Вологда : Издание Вологодского областного отделения государственного издательства, 1922. – 261 с.
10. Кондратьев, Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. – М. : Новая деревня, 1922. – 350 с.
11. Консетт, М. Триумф невооруженных сил (1914–1918 гг.) / М. Консетт. – М. ; Л. : Государственное военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. – 162 с.
12. Мальцев, А. Д. Советская историография Первой мировой войны / А. Д. Мальцев // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. – М. : Российский ин-т стратег.исслед., 2014. – Кн. 1. – С. 15–30.
13. Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917. Серия 3. 1914–1917. – Т. 1–10. – М. ; Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1931–1938.
14. Муравьева, Л. А. Экономика и финансы России в период первой мировой войны / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2002. – № 6 (96). – С. 39–48.
15. Орлов, Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции / Н. А. Орлов. – М. : Изд. отдел Народного комиссариата по продовольствию ; Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1919. – 30 с.
16. Полонский, Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны / Г. Полонский. – Пг. : Американская скоропечатня, 1917. – 53 с.
17. Прокопович, С. Н. Война и народное хозяйство / С. Н. Прокопович. – М. : Совет Всероссийских кооперативных съездов, 1918. – 265 с.
18. Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). – М. : Центральное статистическое управление, 1925. – 103 с.
19. Сидоров, Л. А. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / Л. А. Сидоров. – М. : Наука, 1973. – 655 с.
20. Святловский, Е. Экономика войны / Е. Святловский. – М. : Военный вестник, 1926. – 483 с.
21. Тархова, Н. С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) / Н. С. Тархова // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной научной конференции, Москва, 7-8 сентября 2004 г. – М. : Наука, 2006. – С. 27–38.
22. Туган-Барановский, М. И. Влияние войны на народное хозяйство / М. И. Туган-Барановский // Вопросы мировой войны. – Петроград : Право, 1915. – С. 269–324.
23. Хрящева, А. Крестьянство в войне и революции: статистико-экономические очерки / А. Хрящева. – М. : 14-я типография М.С.Н.Х.бывшая городская, 1921. – 45 с.
24. Чупров, А. А. Народное продовольствие в Германии / А. А. Чупров // Вопросы мировой войны. – Петроград : Право, 1915. – С. 235–357.
25. Шаров, П. Влияние экономики на исход мировой войны / П. Шаров. – М. : Государственное издательство, 1928. – 172 с.
26. Шестаков, А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. / А. В. Шестаков. – Л. : Прибой, 1927. – 191 с.
27. Шигалин, Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М. : Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1956. – 332 с.

Суздальцев И.А.

НОВЕЙШАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В англоязычной историографии Коммунистического интернационала сложилось два концептуальных подхода к изучению его деятельности. Представители первого («традиционалистского») указывают на тотальный контроль за политикой Коминтерна и его зарубежных секций со стороны лидеров РКП(б)/ВКП(б); представители другого («ревизионистского») подхода рассматривают Коминтерн как объединение обладающих значительной независимостью в принятии внутренних ключевых политических решений коммунистических партий [1, с. 149].

Последние годы отмечены появлением ряда работ, посвященных Коммунистическому Интернационалу. Преобладает подход традиционалистов. Историками рассматривается деятельность учебного заведения Коминтерна - Коммунистического университета трудящихся Востока, часть выпускников которого были репрессированы по обвинениям в шпионаже [14, р. 23]. Изучается деятельность Коммунистической партии США (КП США), которой в 1920-е гг. было запрещено сотрудничать с социал-демократическими профсоюзами, выступать в поддержку кандидата в президенты от Прогрессивной партии Р. Лафоллета, из-за чего в том числе к концу 1920-х гг. из партии было

исключено несколько сотен талантливых организаторов [3, p. 178; 6, p. 147]. Похожие оценки свойственны британским историкам в отношении Коммунистической партии Великобритании [17, p. 123; 19, p. 449]; политика «сталинизации», по их мнению, заключалась главным образом в том, что руководителями массовых коммунистических партий Москвой были назначены политики, способные сосредоточить всю полноту власти в своих руках, но при этом сохранявшие лояльность к неформальному руководителю Коминтерна И.В. Сталину [20, p. 42–43].

Высказываются обвинения американским коммунистам за участие в шпионаже в пользу СССР [22, p. 90–91]. Исследователи отмечают ошибки и репрессии Коминтерна в отношении коммунистических партий Канады [8, p. 331], Южной Африки [27, p. 626], Японии [5, p. 3–5], Индии [2, p. 27], Палестины и Алжира [10, p. 208, 215]; считают, что неверная тактика III Интернационала в Германии отчасти повлияла на приход фашистов к власти [15, p. 17; 11, p. 116], а в Испании способствовала поражению республиканцев в Гражданской войне [22, p. 209].

Сторонники ревизионистского подхода также представлены в новейшей англоязычной историографии. По их мнению, Коммунистическая партия Канады не представляла собой организацию, которая постоянно подчинялась директивам из Москвы, например, руководимые коммунистами профсоюзы были сформированы с учетом местных экономических и политических условий [23, p. 126]; канадские коммунисты сотрудничали с синдикалистами и социал-демократами [4, p. 341]; членство в КП США в 1930-е гг. росло в районах, где активность коммунистов касалась проблем рабочих и безработных из различных категорий населения [26, p. 85]; в США и Канаде коммунистические партии сыграли центральную роль в укреплении рабочего движения в 1930-е гг. [28, p. 165].

В последние годы среди англоязычных историков значительно усилилось внимание к изучению национального и колониального вопросов в политике Коминтерна. Например, они считают, что лидеры Коминтерна, настаивавшие на сотрудничестве Коммунистической партии Китая с Гоминьданом, виновны в массовом истреблении китайских коммунистов в 1927 г. [5, p. 11]; в III Интернационале слабо изучался колониальный вопрос, хотя имелась значительная инициатива от коммунистов Ирана, Индии и Китая [24, p. 112]; Исполком Коминтерна не вмешивался в колониальные вопросы по той причине, что Советскую Россию главным образом интересовали вопросы внутренней безопасности [7, p. 155], а когда вмешивался, то чаще всего эти меры были неэффективны [10, p. 215], в том числе из-за нехватки кадров, способных осуществлять контроль за директивами Коминтерна [18, p. 159–164]. Однако, присутствуют и положительные оценки колониальной политики: при участии Коминтерна была создана Западноафриканская молодежная лига в 1934 г., проведены акции солидарности коммунистов США и Европы с Эфиопией во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг., созданы комитеты «Руки прочь от Абиссинии» [27, p. 623, 624, 626], организации Лига против империализма и Международный комитет профсоюзов негритянских рабочих [25, p. 287].

Также историками рассматривается тактика и стратегия Коминтерна. Исследователи приходят к выводам о том, что на II конгрессе его тактика изменилась: от планов по осуществлению мировой революции в Европе акцент сместился на страны Азии. Произошло это либо из-за неудачных революций в Европе [16, p. 162], либо из-за того, что лидеры РКП(б) увидели на Востоке зарождение революционной ситуации [13, p. 621]. Отмечается, что тактике единого фронта было положено начало в Германии, когда коммунисты Штутгарта обратились с открытым письмом к социал-демократам в 1920 г. и только в середине 1921 г. большевики взяли ее на вооружение [12, p. 173]. Тактика Народного фронта называется тактическим ходом Коминтерна и ВКП(б), способностью менять цвет своей политической кожи, оставаясь внутренне прежними [3, p. 182]. Но Народный фронт оценивается и положительно: эта политика имела мало общего с жестким интернационализмом, который сменился акцентом на исконные демократические традиции каждой отдельной страны [9, p. 197–198].

Таким образом, во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. в англоязычной историографии было опубликовано несколько десятков работ, посвященных Коммунистическому интернационалу и его национальным секциям, что позволяет сделать вывод о серьезном интересе историков к изучению данной темы. Отмечается как плодотворная, так и деструктивная деятельность Коминтерна и его структур в различных ситуациях в определенный период.

1. Суздальцев, И. А. Британская историография Коммунистического Интернационала 1990-х гг. / И. А. Суздальцев // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2022. – №6. – С. 147–167.
2. Ali Jan, A. A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951. Submitted to the Faculty of History in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the Faculty of History / A. Ali Jan. – University of Cambridge, 2018. – 176 p.
3. Barrett, J. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern / J. Barrett // American Communist History. – 2018. – Vol. 17 (2). – P. 176–184.
4. Beaulieu, M. “It Is Better to Retreat Now Than Be Crushed Altogether”: Questions of Ethnicity and the Communist Party of Canada at the Lakehead / M. Beaulieu // Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions / edited by Oleksa Drachewych and Ian McKay. – Montreal & Kingston : McGill-Queen’s University Press, 2019. – P. 337–359.

5. Crooke, M. *Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party*. Master's Projects and Capstones / M. Crooke. – University of San Francisco, 2018. – 33 p.
6. Devinatz, V. Interpreting the Communist Party USA's Historical Role in the US Trade Unions: Insights from the Early Institutional Theory of Industrial Relations / V. Devinatz // *International Critical Thought*. – 2020. – Issue 1. – P. 138–149.
7. Drachewych, O. Great disappointment, shifting opportunities: a glimpse into the Comintern, Western European parties and their colonial work in the Third Period / O. Drachewych // *Twentieth Century Communism*. – 2020. – Vol. 18, No. 18. – P. 150–173.
8. Dyakonova, D. "Young" and "Adult" Canadian Communists. The Question of Nationhood and Ethnicity in the 1920s. / D. Dyakonova // *Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions* / edited by Oleksa Drachewych and Ian McKay. – Montreal & Kingston : McGill-Queen's University Press, 2019. – P. 317–336.
9. Enderby, J. *The English radical tradition and the British left, 1885–1945*. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy / J. Enderby. – Sheffield Hallam University, 2019. – 360 p.
10. Hanssen, J. From Comintern Parties to Marxist-Leninist Movements / J. Hanssen // *The Oxford Handbook of Contemporary Middle Eastern and North African History*. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – P. 197–224.
11. Haslam, J. *The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II* / J. Haslam. – Princeton: Princeton University Press, 2021. – 504 p.
12. Kellogg, P. Coalition Building, Capitalism and War. Review article of John Riddell, *To the Masses: Proceedings of the Third Congress of the Communist International, 1921* / P. Kellogg // *Socialist Studies / Études socialistes*. – 2017. – Vol. 12 (1). – P. 169–180.
13. Khalid, A. *Communism on the Frontier: The Sovietization of Central Asia and Mongolia* / A. Khalid // *The Cambridge History of Communism*. – Volume I : World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / edited by Silvio Pons, Stephen A. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 616–636.
14. Kirasirova, M. The "East" as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration. The Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East / M. Kirasirova // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2017. – Vol. 18 (1). – P. 7–34.
15. LaPorte, N. *Weimar Communism as Mass Movement: An Introduction* / N. LaPorte // *Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933* / edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. – London : Lawrence and Wishart, 2017. – P. 1–24.
16. Lih, L. *Bolshevik Roots of International Communism* / L. Lih // *The Cambridge History of Communism*. – Volume I : World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / edited by Silvio Pons, Stephen A. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 142–165.
17. Luff, J. Labor Anticommunism in the United States of America and the United Kingdom, 1920–49 / J. Luff // *Journal of Contemporary History*. – 2018. – Vol. 53 (1). – P. 109–133.
18. Mcguire, Ch. 'They'll never understand why I'm here': British Marxism and the Irish Revolution, 1916–1923 / Ch. Mcguire // *Contemporary British History*. – 2018. – Vol. 32 (3). – P. 147–168.
19. Mcilroy, J. The early British Communist leaders, 1920–1923: a prosopographical exploration / J. Mcilroy, A. Campbell // *Labor History*. – 2020. – Vol. 61. – 423–465.
20. Morgan, K. *International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin* / K. Morgan. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 372 p.
21. Klehr, H. Conference talks from "One Hundred Years of Communism in the USA" / H. Klehr, M. Isserman // *American Communist History*. – 2019. – Vol. 18, No. 1-2. – P. 88–96.
22. Palmer, B. How Can We Write Better Histories of Communism? / B. Palmer // *Labour / Le Travail*. – 2019. – Vol. 83. – P. 199–232.
23. Patrias, C. Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960 / C. Patrias // *Labour / Le Travail*. – 2018. – Vol. 82. – P. 119–158.
24. Riddell, J. *Origins of the Anti-Imperialist United Front. The Comintern and Asia, 1919–1925* / J. Riddell // *Left Transnationalism. The Communist International and the National, Colonial, and Racial Questions* / edited by Oleksa Drachewych and Ian McKay. – Montreal & Kingston : McGill-Queen's University Press, 2019. – P. 99–124.
25. Smith, E. National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership / E. Smith // *International Review of Social History*. – 2016. – Vol. 61 (2). – P. 283–315.
26. Storch, R. "Run Quick and Find the Reds": Historians' Search for American Communists / R. Storch // *American Communist History*. – 2019. – Vol. 18. – P. 79–87.
27. Swagler, M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism / M. Swagler // *Review of African Political Economy*. – 2018. – Vol. 45, Iss. 158. – P. 620–628.
28. Zumoff, J. The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 / J. Zumoff // *Labour / Le Travail*. – 2020. – Vol. 85. – P. 165–198.

Мамайко И.А.

К ВОПРОСУ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИЛИЦИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 1917–1934 ГГ.

Милиция как административно-военнизированный орган советской власти с самого начала своей деятельности являлась одним из важнейших механизмов становления и укрепления этой власти в Советской Беларуси.

К источникам по изучению истории милиции указанного периода мы можем отнести документальные (материалы архивов и музеев), законодательные акты и статистические сведения.

Что касается архивов Беларуси, то материалы о милиции довоенного времени хранятся в фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), областных исторических архивах, архивах МВД и КГБ. Среди фондов, где данные документы наиболее сконцентрированы и систематизированы по хронологически-структурному принципу, в первую очередь необходимо назвать следующие фонды НАРБ: НКВД БССР (ф. 34), Главного управления милиции и уголовного розыска (ф. 35), Школы милиции имени М. Фрунзе при Главном управлении милиции и уголовном розыске НКВД БССР (ф. 37).

В делах этих фондов хранятся постановления, циркуляры, инструкции НКВД РСФСР и БССР, протоколы заседаний коллегий и совещаний НКВД БССР, протоколы общих собраний сотрудников милиции, отчеты о работе основных служб центрального аппарата НКВД БССР и отделов Главмилиции

БССР, отчеты уездных милиций, сведения о личном составе Главмилиции БССР и уездных милиций, документы о белорусизации милиции, статистические сведения о деятельности милиции и уголовного розыска, сводки о происшествиях, материалы о культурно-просветительской деятельности в органах милиции, программа школы милиции имени М. Фрунзе и автобиографии ее курсантов.

В архивах МВД накоплены документы, первые по времени из которых датируются 1932 годом. В фондах они систематизированы по хронологическому принципу. Постановления, циркуляры и приказы сконцентрированы в 50-м фонде. В особый фонд выделены личные дела сотрудников.

Определенное количество интересных материалов хранится в музее Центра культурно-воспитательной работы МВД Республики Беларусь. Это в основном фотодокументы, а также некоторые ценные вещественные экспонаты, среди которых, например, уникальностью выделяется первый и единственный республиканский знак “Почетному милиционеру”, которым награждались в 1920-е года лучшие сотрудники белорусской милиции.

Заметим, что музеи милиции действуют также во всех областных управлениях и некоторых районных отделах внутренних дел. Во всех управлениях, отделах внутренних дел в городах и районах ведутся исторические формуляры, куда заносятся сведения, касающиеся образования, формирования и реорганизации данного органа внутренних дел, помещаются фотографии и библиографические данные его руководителей.

В изучении нормативно-правовой базы деятельности милиции хорошим помощником является сборник «Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007)» [15], в котором, в частности, изданы исторически ценные законодательные акты 1920–1930 гг., и “Хронологический справочник” И. Сороковика [18], где сделан краткий исторический обзор основных документов про органы внутренних дел Беларуси, а также про участие общественных организаций в охране общественного порядка и борьбе с преступностью за период с 1917 по 2002 год.

В 2007 году вышел из печати справочник «Даты образования органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь» [10], подготовленный Главным управлением кадров МВД. В нем представлены даты образования всех областных, городских, районных управлений (отделов) органов внутренних дел; отделов (отделений) органов внутренних дел на транспорте; учреждений Департамента исполнения наказаний (следственных изоляторов, исправительных учреждений и тюрем); областных управлений и районных отделов (отделений) Департамента охраны. В справочник также помещены приказы МВД об установлении дней основания подразделений, служб и учреждений органов внутренних дел Беларуси.

При обзоре научной литературы по истории милиции в 1917–1934 гг. прежде всего следует остановиться на изданной в 1927 году книге, которая вышла тиражом 1000 экземпляров под общей редакцией и с предисловием народного комиссара внутренних дел Олеся Сташевского, составителями которой являлись сотрудники НКВД БССР – «Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі (1917–1927)» [14]. Это была первая книга по истории белорусской милиции и, заметим, написанная на белорусском языке. Её авторы смогли систематизировать и в хронологическом порядке изложить материалы о организационном устройстве милиции её штатах, материальном обеспечении, раскрытых преступлениях. Вместе с тем, в книге отсутствуют теоретические выводы, научный анализ исторического материала. Несмотря на эти недостатки, издание имеет достаточный эмпирический материал для научного обобщения.

Ещё ранее, в 1924 году, в Минске вышел справочник «Белорусская Социалистическая Советская Республика в 1922–1923 гг.», приуроченный к 5 съезду Советов Беларуси. В разделе «Органы охраны порядка и борьбы с преступностью» была отражена информация, которая характеризовала личный состав милиции и уголовного розыска, направления их деятельности, а также были помещены статистические сведения о преступности в республике.

В 1967 году под грифом “Для служебного пользования” коллективом авторов (А.Ф. Атрощенко и др.) была издана книга «История милиции Белорусской ССР (1917–1967). Краткий очерк», в 1987 году под таким же грифом вышло из печати наиболее фундаментальное исследование советского периода – «Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987» [17]. Несмотря на излишнюю идеологизированность, издание ценно богатым и разносторонним фактическим материалом.

Проводя обзор научных изданий по истории милиции обозначенного периода нельзя обойти вниманием труды профессора А.Ф. Вишневецкого, которым ещё в советское время была защищена докторская диссертация «Организация и деятельность милиции Советской Белоруссии в годы строительства социализма (1917–1939 гг.)», а также подготовлены и изданы под грифом “Для служебного пользования” ряд учебных пособий: “Минская милиция в первые годы советской власти (1917–1920 гг.)” [5], “Милиция советской Белоруссии в период иностранной интервенции и гражданской войны” [6], “Организационное укрепление милиции советской Белоруссии в годы восстановления народного хозяйства и создания фундамента социализма (1921–1932 гг.)” [7],

“Совершенствование деятельности милиции Белорусской ССР по защите интересов советского государства и охране общественного порядка (1921–1937 гг.) [8].

Со времени независимости Беларуси вопросы истории становления, развития и деятельности милиции в 1917–1934 года нашли свое отображение в монографии А.Ф. Вишневецкого «Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты» [4], первом учебнике по истории милиции в независимой Беларуси (1917–1994 гг.), подготовленного А.Ф. Вишневецким совместно с Н.И. Ильинским и И.А. Сороковиком, вышедшего в свет в 2010 году учебного пособия «История органов внутренних дел Беларуси. Курс лекций», под общей редакцией А.Ф. Вишневецкого [13]. В последующем, 2015–2021 гг. Академией МВД Республики Беларусь были подготовлены и изданы ещё три учебных пособия по истории органов внутренних дел.

С начала 2000-х годов были подготовлены издания, приуроченные к знаковым датам со дня образования подразделений МВД. В частности, «Есть такая служба» [12] – к 65-летию подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, «Белорусский уголовный розыск» (издания 2003 и 2008 гг.) [1; 2] – к 85-летию и 90-летию уголовного розыска, «Служба финансов и тыла МВД Беларуси. История и современность 1920 – 2010» [18] – к 90-летию подразделений финансовых и тыловых служб, «Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность» [9] – к 88 летию внутренних войск МВД, «Девяносто лет информационным подразделениям НКВД, МВД Беларуси» [11] – к 90-летию информационного центра МВД, «На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции)» [16] – единственный библиографический справочник, в котором собран перечень наиболее значимой литературы о белорусской милиции, в том числе и художественные произведения, помещены библиографические описания монографий, материалов конференций, статей из журналов и сборников.

В 2018 году к столетию уголовного розыска была издана книга “Белорусский уголовный розыск. Беларускі крымінальны вышук” [3], в которой на русском и белорусском языках, помимо исторического обзора, исследователем в области исторических наук и археологии Ю.В. Курьяновичем были использованы документы и фотографии из фондов Национального архива Беларуси, Национального исторического архива Беларуси, Президентской библиотеки Республики Беларусь, музея Центра культурно-воспитательной работы МВД Республики Беларусь и Центрального музея МВД России.

Таким образом, анализ существующей источников и литературы по истории милиции в 1917–1934 годах позволяет сделать вывод, что в разработке данной темы сделан определенный задел, однако говорить о её достаточной изученности не стоит.

1. Белорусский уголовный розыск : справочное издание / сост. Ю. В. Курьянович. – Минск : Друк-С, 2008. – 495 с.
2. Белорусский уголовный розыск / авт.-сост. Ю. В. Курьянович. – Минск : Бонем, 2003. – 600 с.
3. Беларускі крымінальны вышук = Белорусский уголовный розыск/ аўт. тэксту і ўкл. Ю.У. Курьянович – Мінск : Беларусь, 2018. – 391 с.
4. Вишневецкий, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневецкий. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.
5. Вишневецкий, А. Ф. Минская милиция в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). – Минск, 1980. – 48 с.
6. Вишневецкий, А. Ф. Милиция советской Белоруссии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны : учебное пособие / А. Ф. Вишневецкий. – Минск, 1981. – 47 с.
7. Вишневецкий, А. Ф. Организационное укрепление милиции советской Белоруссии в годы восстановления народного хозяйства и создания фундамента социализма (1921–1932 гг.) : учебное пособие. Минск, 1982. – 71 с.
8. Вишневецкий, А. Ф. Совершенствование деятельности милиции Белорусской ССР по защите интересов советского государства и охране общественного порядка (1921–1937 гг.) : учебное пособие. Минск, 1988. – 76 с.
9. Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность / А. М. Литвин [и др.]; под общ. ред. В. Г. Рожнева. – Минск : ФУАинформ, 2006. – 304 с.
10. Даты образования органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь (1917–2007) : справочник / Минск : УИИВР ГУК МВД Респ. Беларусь, 2007. – 51 с.
11. Девяносто лет информационным подразделениям НКВД, МВД Беларуси : юбилейное издание / Минск : Полиграф. центр МВД, 2011. – 79 с.
12. Есть такая служба : воспоминания. Очерки. Публицистика / авт.-сост. Ю. В. Курьянович. – Минск : Бонем, 2002. – 477 с.
13. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / под ред. А. Ф. Вишневецкого. – Минск : Академия МВД, 2010. – 218 с.
14. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі. 1917–1927 / І. Крэўнін [і інш.]; пад агул. рэд. А. Сташэўскага. – Менск, 1927. – 227 с.
15. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост. К. И. Барвинок [и др.]; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
16. На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции) : библиогр. указатель / М-во внутр. дел, Акад. МВД ; сост. Ж. Б. Швед (рук.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 68 с.
17. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / М-во внутр. дел. БССР, Мин. высш. шк. милиции ; В. Н. Савичев [и др.]; под общ. ред. В. А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
18. Саракавік, І. Гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі : храналаг. давед. / І. Саракавік. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2002. – 200 с.
19. Служба финансов и тыла МВД Беларуси : история и современность 1920–2010. 90-летию посвящается / С. В. Юрьев. – Минск : Рифтур, 2010. – 344 с.

Крюковский В.Д.
ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В БССР (1919 – ИЮНЬ 1941 Г.):
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В Беларуси сложилась своя школа в освещении вопросов военного строительства, оборонно-массовой работы, патриотического воспитания населения, молодежи. В историческом аспекте, например, научный интерес представляют работы П.А. Селиванова [1; 2]. В монографии и докторской диссертации освещаются политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов Советов, военных комиссариатов по созданию и укреплению Красной Армии в 1917–1920 гг. Изучается их работа по привлечению рабочих и крестьян к вооруженной защите молодого Советского государства, формированию красноармейских частей, организации всеобщего военного обучения. Вместе с тем в исследованиях автор главным образом анализирует деятельность исполкомов и военкоматов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, входивших с февраля 1919 года в состав РСФСР. Работа органов власти Минской, Гродненской, юго-восточных уездов Виленской губерний (после взятия польскими легионерами в апреле 1919 г. города Вильно решением руководства ЛитБел ССР вошли в состав Минской губернии) автором рассматривается единичными случаями.

Важное научное и практическое значение имеют труды П.Г. Чигринова [3; 4]. В монографии и докторской диссертации анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, действия партийных организаций по воспитанию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство оборонно-массовой работой, формы и методы военно-спортивной подготовки населения, шефские связи производственных коллективов и воинских частей. Однако проблемы создания и совершенствования организационной структуры руководства боевой выучкой молодежи, улучшения материально-технической базы, воспитания организаторских и инструкторских кадров обучения юношества, деятельности территориальных дивизий и других частей по военно-спортивной подготовке детей, допризывников, призывников, вневойсковиков, перемещенного состава, средств массовой информации и пропаганды, учреждений культуры ограничиваются в работах лишь рядом примеров.

Научные исследования А.Г. Хохлова показывают процесс создания Красной гвардии и коммунистических частей особого назначения, их роль в вооруженной защите советской власти в годы польско-советской войны, факты военного обучения коммунаров [5; 6]. Монография Е.Н. Шкляр освещает деятельность Совета Оборона Литбела, организацию охраны Минска и других городов, раскрывает руководство КП(б)Л и Б подпольными партийными организациями, боевые действия партизанских отрядов, борьбу народа республики с польскими легионерами [7].

Роль коммунистической партии Белоруссии по созданию и руководству ЛКСМБ, место комсомола в героической защите Минска, партизанском и подпольном движении в период польско-советской войны анализируются в научных работах А.Е. Журова [8; 9].

В докторских диссертациях И.А. Басюка, С.А. Пивоварчика изучаются вопросы состояния оборонительных сооружений вдоль западных границ БССР в годы рассматриваемого периода, боеготовности воинских соединений Западного особого военного округа накануне и в начальный период Великой Отечественной войны [10; 11].

Формы и методы деятельности партийных, комсомольских, других общественных организаций, частей особого назначения республики, средств массовой информации и пропаганды по физическому, военно-патриотическому воспитанию трудящихся, молодежи, военному строительству, оказанию помощи Красной армии излагаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования П.Е. Мурашко, Е.В. Пиульского, В.Ф. Кушнера, Н.Е. Семенчика, В.В. Куницкого, Е.В. Комара [12–17]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся, приводят примеры из практики спортивной и оборонно-массовой работы с юношами и девушками, шефские связи рабочих коллективов и частей Красной армии, показывают функции периодической печати в патриотическом воспитании молодого племени. Однако комплексно государственная политика БССР по военному обучению юношества в диссертациях не исследовалась.

Отдельные аспекты военной подготовки подрастающего поколения на территории ССРБ и Литбел ССР, мобилизации молодежи для защиты Отечества демонстрируются в трудах белорусских исследователей [18; 19]. В монографии Д.Н. Хромченко раскрывается оборонно-массовая деятельность общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы [20].

В книгах авторских коллективов исследователей объясняются история Краснознаменного Белорусского военного округа, напряженная боевая и политическая учеба солдат, примеры высокого мужества и героизма советских воинов, их беспредельная преданность Родине, новые подходы формирования красноармейских частей, роль территориально-милиционных полков и дивизий

в военном обучении допризывников и переменного состава [21; 22]. В кратких очерках истории ДОСААФ БССР раскрываются деятельность первых оборонных обществ, Осоавиахима БССР, примеры военного обучения населения республики разбираемого времени [23; 24].

Научный интерес для изучения проблем воспитания подрастающего поколения, истории и методики патриотической работы с молодежью представляют труды белорусских педагогов. В докторской диссертации К.А. Куликовича [25] освещается история и методические приемы спортивной практики с юношами и девушками Беларуси в предвоенные годы. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко, А.В. Санниковой [26–28] выявляются педагогическая технология воспитания, опыт спортивных и военно-патриотических занятий со школьниками накануне Великой Отечественной войны.

Характерные формы и методы патриотической деятельности комсомола республики в 1920–1930 гг. анализируются в сборниках научных статей [29–31]. Отдельные вопросы военной и физической подготовки, идейной закалки молодежи в исследуемый период рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных работ и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика военного обучения молодежи БССР в 1919–1941 гг. остается малоисследованной.

1. Селиванов, П. А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П. А. Селиванов. – Минск : Наука и техника, 1973. – 208 с.
2. Селиванов, П. А. Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / П. А. Селиванов ; АН БССР, Отд-ние обществ. наук. – Минск, 1974. – 58 с.
3. Чигринов, П. Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П. Г. Чигринов. – Минск : Беларусь, 1981. – 207 с.
4. Чигринов, П. Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01 / П. Г. Чигринов ; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
5. Хохлов, А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 гг.) / А. Г. Хохлов. – Минск : Беларусь, 1965. – 201 с.; Коммунистические части особого назначения в Белоруссии / А. Г. Хохлов. – Минск : Беларусь, 1974. – 112 с.
6. Хохлов, А. Г. Вооруженная защита советской власти в 1917 – 1925 гг. (на материалах Белоруссии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. Г. Хохлов ; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1987. – 40 с.
7. Шкляр, Е. Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск : Госиздат БССР, 1962. – 179 с.
8. Журов, А. Е. Деятельность коммунистической партии Белоруссии по созданию и руководству ЛКСМБ (1918–1925 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.570 / А. Е. Журов ; БГУ. – Минск, 1967. – 45 с.
9. Журов, А. Е. Под руководством партии. / А. Е. Журов. – Минск : Беларусь, 1970. – 216 с.
10. Басюк, І. А. Заходняя асобная ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны : д-ра гіст. навук : 07.00.02 / І. А. Басюк ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Минск, 2004. – 34 с.
11. Пивоварчик, С. А. Формирование и развитие системы фортификационного строительства в Беларуси (1772 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С. А. Пивоварчик ; БГУ. – Минск, 2009. – 38 с.
12. Мурашко, П. Е. Компартия Белоруссии – организатор и руководитель коммунистических формирований особого назначения (1918–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / П. Е. Мурашко ; БГУ. – Минск, 1974. – 26 с.
13. Пикульский, Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Е. В. Пикульский ; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.
14. Кушнер, В. Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Кушнер ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
15. Семенчик, Н. Е. Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Е. Семенчик ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 23 с.
16. Куницкий, В. В. Деятельность большевистской военной печати Западного фронта по идейно-политическому воспитанию солдат (1917–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Куницкий ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 1991. – 19 с.
17. Комар, Е. В. Военное строительство на территории Советской Беларуси (1921–1939 гг.) : направления и этапы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. В. Куницкий ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2022. – 24 с.
18. Грицкевич, А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А. П. Грицкевич. – Минск : Харвест, 2010. – 496 с.
19. Резник, А. Н. От БССР к СССР. Исследования по истории формирования и развития белорусской государственности на Советской основе (Вторая половина 1918 – конец 1922 гг.) / А. Н. Резник. – Минск : Энциклопедикс, 2011. – 412 с.
20. Хромченко, Д. Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы / Д. Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017. – 204 с.
21. Краснознаменный Белорусский военный округ / ред.: И. М. Третьяк. – Минск : Беларусь, 1973. – 574 с.
22. Сулянов, А. К. Краснознаменный Белорусский военный округ / А. К. Сулянов, В. Д. Алексеенко, С. Е. Баулин ; ред.: Е. Ф. Ивановский. – М : Воениздат, 1983. – 406 с.
23. Аслезов, С. А. Школа мужества и патриотизма : краткий очерк истории ДОСААФ БССР / С. А. Аслезов, В. Ф. Кушнер, А. П. Лепшей. Ред. В. Н. Савин. – Минск : Беларусь, 1976. – 287 с.
24. Максимов, П. К. Школа мужества и патриотизма : краткий очерк истории ДОСААФ БССР / П. К. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1988. – 268, [2] с.
25. Куликович, К. А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945–1970 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : № 13734 / К. А. Куликович ; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.

26. Шаврук, В. И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920 – 1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. И. Шаврук ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
27. Коваленко, Г. П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Г. П. Коваленко ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972 – 22 с.
28. Санникова, А. В. Военно-патриотическое воспитание учащихся в школах советской Белоруссии (1931 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. В. Санникова ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1973 – 24 с.
29. Комсомол Белоруссии в период гражданской войны. – Минск : Учпедгиз БССР, 1958. – 80 с.
30. Комсомол – нашей доблестной партии сын : из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии : [сб. очерков] / редкол.: А. К. Зинин, А. А. Маркевич. – Минск : Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
31. Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содерж., формы и методы работы по обучению и коммунистическому воспитанию молодежи (1941–1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

Ананька В.С.

НАВУКОВАЕ Вывучэнне санітарнага стану заходняй Беларусі міжваеннага перыяду ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі

Вывучэнне працэсу развіцця санітарнага стану ў 1920–1930-х гг. у сучаснай беларускай гістарыяграфіі з'яўляецца адным з актуальных напрамкаў. Ахарактарызаваць санітарнае становішча населеных пунктаў спрабавалі савецкія даследчыкі, аднак у сваіх працах яны кіраваліся існуючай дагматыкай тагачаснага палітычнага становішча. У гэтых працах рэзка крытыкуецца эпідэміялагічны стан населеных пунктаў і праведзеныя санітарныя мерапрыемствы, адзначаецца, што «польскі ўрад замест культурна-бытавога будаўніцтва займаўся рэлігійным адурманьваннем насельніцтва» [9]. Працягнулі аналізаваць палітыку польскіх улад па падрыманні санітарнага стану ў Заходняй Беларусі і сучасныя беларускія даследчыкі.

Адной са значных асоб у вывучэнні аховы здароўя і санітарнага стану з'яўляецца доктар медыцынскіх навук, прафесар Я. М. Цішчанка. Ён прысвяціў дадзенай праблеме пэўную частку сваіх даследаванняў: у дысертацыі [14] і манаграфіі [11] аналізуюцца санітарна-эпідэміялагічныя мерапрыемствы польскіх улад у пачатку 1920-х гг., прыводзяцца статыстычныя дадзеныя па захворваннях сыпным тыфам, адзначаючы ўзаемасувязь гэтых хвароб з санітарнымі ўмовамі, характарызуюцца жыллёва-бытавыя ўмовы жыхароў Навагрудскага ваяводства. Даследчык падкрэслівае, што сродкі, якія выдзяліліся ў сістэму аховы здароўя расходваліся на санітарна-гігіенічнае ўпарадкаванне, а не на санітарную арганізацыю, якая ў міжваенны перыяд так і не была сфарміравана. Адсутнасць санітарна-супраэпідэміялагічнай арганізацыі адзначаецца і ў працы М. Я. Абраменка [1]. За гады даследаванняў Я. М. Цішчанка прысвяціў шэраг артыкулаў па праблеме санітарнай арганізацыі і барацьбе з сацыяльнымі захворваннямі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд [10; 12; 13; 15].

Падтрыманню санітарыі і добраўпарадкаванню гарадоў прысвечана асобная глава дысертацыі і артыкул А. Л. Дарковіча [4; 5]. Ён у сваіх працах разгледзеў пытанні санітарнага стану заходнебеларускіх гарадоў, адзначыў намаганні органаў гарадскога самакіравання і дзяржаўнай адміністрацыі па ўзняцці узроўню іх добраўпарадкавання, вызначыў прычыны, якія не дазволілі пераадолець крытычна нізкі ўзровень гігіены і санітарыі. Санітарнае ўладкаванне гарадоў паказана ў асноўным на прыкладзе г. Брэста: непрыгоднае водазапеспячэнне, антысанітарыя, адсутнасць каналізацыі. Аўтар звяртае ўвагу на тое, што ў 1930-х гг. санітарны стан у буйных гарадах паляпшаецца, дзякуючы павышэнню эфектыўнасці дзейнасці мясцовых органаў улады.

Роля працы з'ездаў урачоў Заходняй Беларусі па пытаннях гігіены, эпідэміялогіі і барацьбе з антысанітарыяй адзначаецца ў артыкуле Ф. І. Ігнатовіча [5], які адзначае важнасць правядзення гэтых з'ездаў, дзе крытыкаваліся антысанітарныя ўмовы жыцця і распрацоўваліся рэкамендацыі па паляпшэнню санітарна-гігіенічнай сітуацыі. Даследчык адзначае высокі арганізацыйны і навуковы ўзровень з'ездаў і звяртае ўвагу на тое, што вынікі працы некаторых былі карыснымі для работы мясцовых улад.

Мерапрыемствы польскіх улад па прафілактыцы і барацьбе з інфекцыйнымі захворваннямі разглядаюцца ў артыкуле М. Гуралюк [3], для напісання якога аўтарам выкарыстоўваўся матэрыял Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці. У працы прыведзены нарматыўныя дакументы, якія садзейнічалі падтрыманню санітарнага стану ў гарадах і вёсках.

Аналізуюцца эпідэміялагічная сітуацыя і санітарнае становішча Заходняй Беларусі ў артыкулах Г. С. Касяноўскай [8], А. А. Капліева [7], Г. С. Вайцешчык [2]. Апошняя ў сваім даследаванні вызначыла асноўныя праблемы добраўпарадкавання мястэчак. У артыкуле адзначаецца ўплыў дрэнных умоў жыцця на рэзкае пагаршэнне стану здароўя насельніцтва, падкрэсліваецца адсутнасць паляпшэння санітарна-эпідэміялагічнай сітуацыі і сацыяльных даброт. Аўтар прыйшла да высновы, што вырашэннем асноўных праблем добраўладкавання займаліся мясцовыя органы, а роля дзяржавы заключалася ў заканадаўчай рэгламентацыі іх дзейнасці.

У сучаснай айчынай гістарыяграфіі праблема санітарнага стану гарадоў не атрымала належнага навуковага асвятлення. У асноўным гэта пытанне разглядаецца ў рамках даследвання сістэмы медыцынскага абслугоўвання насельніцтва. Усе навукоўцы прыходзяць да высновы, што населеныя пункты Заходняй Беларусі знаходзіліся ў крытычным стане і на працягу ўсяго міжваеннага перыяду гэта была вострая праблема мясцовых улад.

1. Абраменко, М. Е. Здравоохранение в Западной Беларуси / М. Е. Абраменко // Актуальные проблемы медицины: сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции с международным участием (Гомель, 11 ноября 2021 года): в 3 т. / И. О. Стома [и др.]. – Гомель : ГомГМУ, 2021. – Т. 2. – С. 91–94.
2. Вайцешчык, Г.С. Матэрыяльны дабрабыт насельніцтва мястэчак Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / Г. С. Вайцешчык // Веснік ГрДУ. – 2013. – № 1 (144). – С. 32–44, 21.
3. Гуралюк, М. Мероприятия по профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями на территории Полесского воеводства в 1921–1939 годах / М. Гуралюк // Архівы і справаводства: навукова-практычны ілюстраваны часопіс. – 2020. – № 3. – С. 102–106.
4. Даркович, А. Л. Городское самоуправление на западно-белорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / А. Л. Даркович. – Москва, 2017. – 280 л.
5. Даркович, А. Л. Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.) / А. Л. Даркович // Журнал региональной истории. – 2017. – № 1. – С. 72–89.
6. Игнатович, Ф. И. Вопросы гигиены и эпидемиологии в работе съездов врачей Западной Беларуси (1920–1939 гг.) / Ф. И. Игнатович, Е. М. Тищенко // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця Заходняга рэгіёна Беларусі : матэрыялы Міжнароднай навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 красавіка 1998 г. : у 2. – Ч. II. / Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт ; рэд.: С. В. Арцёменка [і інш.]. – Брэст : Выдавецтва С. Лашрова, 1998. – С. 157–162.
7. Капліеў, А. А. Асаблівасці аховы здароўя Заходняй Беларусі ў складзе Другой Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) / А. А. Капліеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 8. – С. 29–37.
8. Касяноўская, Г. С. Сістэма медыцынскага абслугоўвання насельніцтва мястэчак Заходняй Беларусі / Г. С. Касяноўская // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей, УО «Полесский государственный университет», Пинск, 25 февраля 2022 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2022. – Вып. 7. – С. 271–276.
9. Могилевчик, З. К. О санитарно-эпидемическом состоянии Западной Белоруссии и вытекающих отсюда первоочередных мероприятиях / З. К. Могилевчик // Медицинский журнал БССР. – 1939. – №12. – С. 95–100.
10. Тищенко, Е. М. Борьба с заразными и социальными болезнями в Западной Беларуси в межвоенный период / Е. М. Тищенко // Совершенствование осуществления государственного санитарного надзора в Республике Беларусь : материалы XI съезда гигиенистов и эпидемиологов РБ, Минск, 16 ноября 2007 г. / редкол.: М. И. Римжа [и др.]. – Минск, 2007. – С. 22–27.
11. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв // Е. М. Тищенко. – Гродно : Гродненский государственный медицинский университет, 2003. – 269 с.
12. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Новогрудского воеводства в 1920-е годы / Е. М. Тищенко, А. Фелхнер // Медицина Беларуси XX века : тезисы докладов Восьмой республиканской научной конференции по истории медицины, Витебск, 29–30 октября 1998 г. / под ред. Э. А. Вальчука. – Минск., 1998. – С. 152–154.
13. Тищенко, Е. М. Из истории борьбы с социальными болезнями в Западной Беларуси в межвоенный период (1921–1939) / Е. М. Тищенко, Г. И. Заборовский // Актуальные проблемы пенитенциарной медицины : социально значимые болезни, ВИЧ/СПИД в местах лишения свободы : материалы 2-ой Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27–28 ноября 2003 г. / КИН МВД Республики Беларусь ; редкол.: Э. А. Вальчук [и др.]. – Минск : Тесей, 2003. – С. 224–226.
14. Тищенко, Е. М. История здравоохранения Белоруссии в XX веке: диссертация ... доктора медицинских наук: 07.00.10 / Е. М. Тищенко. – Москва, 2001. – 461 л.
15. Тищенко, Е. М. Санитарная организация Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939) / Е. М. Тищенко // Эколого-профилактические проблемы здоровья населения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 14–15 ноября 2002 г. – Гродно, 2002. – С. 321–322.

Дрожжа Л.Ч.

ВІНІКІ МЮНХЕНСКАГА ДАГАВОРА 30 ВЕРАСНЯ 1938 Г. У ПЕРАДВАЕННАЙ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫЦЫ І РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ 1960-Х – 2000-Х ГГ.)

У гісторыі перадваеннага палітычнага крызіса адной з самых жahlівых і ганебных для еўрапейскіх дэмакратый падзей з'явілася Мюнхенскае пагадненне 30 верасня 1938 г., якое гісторыкі мінулага стагоддзя акрэслілі як праяву палітыкі здрадніцтва саюзным абавязкам і «замірэння агрэсара» («policy of appeasement»). Фактычна пасля Мюнхена лёс Еўропы на шляху да Другой суветнай вайны быў вырашаны.

На падставе асабістага аналізу аўтарам польскай гістарыяграфіі другой паловы ХХ ст. магчыма вылучыць тры перыяды ў вывучэнні праблематыкі Мюнхенскага зговару польскімі гісторыкамі [1, с. 59]:

1) гістарыяграфія першага перыяду – канец 1930-х – 1970-я гг., калі вывучалася польская эмігранцкая і еўрапейская гістарыяграфія, крыніцы і мемуарная літаратура, выдадзеныя за мяжой (Чэхаславакіі, Вялікабрытаніі, Францыі, ЗША і інш.);

2) гістарыяграфія другога перыяду – канец 1970-х – 1980-я гг., калі ў рэчышчы марксісцкай метадалогіі і прынцыпаў сацыялістычнага інтэрнацыяналізму ў рэцэнзуемых навуковых і перыядычных выданнях вывучалася антысавецкая знешнепалітычная накіраванасць урада ІІ Рэчы

Паспалітай, зрыў сістэмы калектыўнай бяспекі ў Еўропе, садзейнічанне агрэсіўнай палітыцы Германіі да 1938 г. ў якасці яе сатэліта. Вывучаліся надрукаваныя ў СССР і еўрапейскіх сацыялістычных краінах адкрытыя крыніцы па азначанай праблематыцы;

3) гістарыяграфія трэцяга перыяда – 1990-я – 2000-я гг. – вывучэнне навуковай, перыядычнай і мемуарнай літаратуры, публіцыстыцы, раней закрытых крыніц, выдадзеных у Польшчы і за мяжой. Рэвізія з пункту гледжання тэорыі неапазітывізму папярэдняй канцэпцыі знешнепалітычнай дзейнасці кіраўніцтва II Рэчы Паспалітай («policy of iquilibrium» – «палітыкі раўнавагі»), апраўданне яе палітычнага фіаска.

Неабходна адзначыць, што праблематыка Мюнхенскага крызісу 1938 г. у польскай гістарыяграфіі другой паловы мінулага стагоддзя прадстаўлена шматлікімі даследаваннямі польскіх гісторыкаў, якія вывучалі палітычную гісторыю II Рэчы Паспалітай.

Кропкай адліку значнага пагаршэння адносін паміж Польшчай і Германіяй з-за іх усходняга суседа Чэхаславакіі яны лічаць пачатак 1930-х гадоў. Гісторыкі падкрэсліваюць, што памылка Пілсудскага была ў тым, што з 1926 па 1932 гг. ён не прымаў ніякіх канкрэтных крокаў у набліжэнні да Прагі. Пасля візіту польскага міністра прамысловасці і эканомікі Квяткоўскага ў сталіцу Чэхаславакіі з «добрымі намерамі», ён сустрэў халодную непрыязнасць з боку прэзідэнта Томаша Масарыка. Чэшскі лідэр лічыў галоўнымі парушальнікамі спакою ў Еўропе Венгрыю і «польскі калідор». Да таго ж, на яго думку, Польшча павінна была пайсці на ўступкі ў справе падтрымання міру [10, s. 121].

Першую спробу шматбаковага аналізу польскай гістарыяграфіі Мюнхенскага крызісу 1938 г. у 1960-я – 1990-я гг. зрабіў прафесар Кракаўскага ўніверсітэта Г. Батоўскі [7, s. 267–309; 8]. Ён дастаткова глыбока прааналізаваў зборнікі дакументаў, выдадзеныя ў канцы 1930-х – 1950-х гадоў у Польшчы і Германіі, у якіх надрукаваны матэрыялы Мюнхенскай змовы, а таксама манаграфіі чэхаславацкіх палітыкаў Г. Рыпкі і К. Крофты аб гэтай падзеі, выдадзеныя ў Лондане і Празе ў 1939 г. Батоўскі падкрэсліваў, што бліжэйшы паплечнік Бенеша Губерт Рыпка пры аналізе крызісу 1938 г. робіць акцэнт на «нерашучасці і капітулянтскай палітыцы Чэхаславацкага ўрада перад заходнімі дзяржавамі з нагоды пагрозы бялагічнага знішчэння народа невялікай краіны» [15].

Гісторык Г. Батоўскі дае станоўчую ацэнку аналізу міжнароднай сітуацыі, зробленай Камілам Крофтай напярэдадні і ў перыяд Чэхаславацкага крызісу. Але ён даволі стрымана ацэньвае ўдзел II Рэчы Паспалітай у падзеле Чэхаславацкай Рэспублікі (далей – ЧСР) – далучэнні Цешынскай вобласці да Польшчы, а таксама антысавецкай палітыкі яе ўрада. Між іншым, Г. Батоўскі падкрэслівае поспех нямецкага ўрада ў вырашэнні дыпламатычнымі сродкамі пытання нямецкай нацыянальнай меншасці ў памежнай краіне і паступовым далучэнні яе тэрыторыі да III Рэйха [7, s. 267–309].

Значны ўнёсак у распрацоўку Мюнхенскай праблематыкі на пачатку 1980-х гадоў зрабілі гісторыкі Е. Кажэньскі і Е. Красускі, прадстаўнікі навуковай школы Заходняга Пазнанскага Інстытута. Яны ажыццявілі сістэмны аналіз польскай і еўрапейскай гістарыяграфіі і крыніцазнаўства, што з’явілася прагрэсіўнай з’явай для тагачаснай гістарычнай навукі [11; 12; 13].

Е. Кажэньскі адзначаў, што Чэхаславакія як суб’ект міжнароднага права, Англіяй, Францыяй, Германіяй і Італіяй фактычна была пазбаўлена права ўдзелу ў Мюнхенскім дагаворы і толькі праінфармавана аб яго выніках без магчымасці пратэсту [11 12].

Такім чынам, гісторыкі лічаць еўрапейскія краіны прамымі саўдзельнікамі германскай агрэсіі супраць ЧСР і паступовай ліквідацыі яе дзяржаўнай незалежнасці ў сакавіку 1939 г. Кажэньскі не дае палітычнай ацэнкі далучэнню Цешынскага Шлёнска да Польшчы, якое адбывалася пры «дыпламатычным нейтралітэце» Германіі. Тым не менш, ён падрабязна аналізуе мемуары Эдварда Бенеша, выдадзеныя ў Лондане і Празе ў пасляваенныя гады. Былы чэхаславацкі лідэр канстатуе аб’ектыўную немагчымасць прадухілення капітуляцыі краіны. Ён падкрэслівае «збродніцкую пазіцыю Польшчы», якая канчаткова паслабіла безнадзейнае становішча Чэхаславакіі пасля адмовы ў праходзе савецкіх войскаў праз польскую тэрыторыю падкрэсліць, што польскія гісторыкі 1980-х – 2000-х гг. разглядаюць польска-чэхаславацкія адносіны ў кантэксте польска-нямецкіх стасункаў, дзе II Рэчы Паспалітай адводзілася роля «сатэліта», паслухмянага палітычнага партнёра Германіі.

На падставе аналізу польскай гістарыяграфіі 1980-х – 2000-х гг. магчыма вызначыць наступныя напрамкі ў вывучэнні польскімі гісторыкамі прычын перадаваенага крызісу 1938 г. і вынікаў Мюнхенскага зговару:

– ігнараванне краінамі-ўдзельнікамі Мюнхенскага пагаднення міжнародна-прававых аспектаў, якія ў адпаведнасці з Версальскім, Сэн-Жэрменскім і Трыанонскім мірнымі дагаворамі (1918, 1919 г.), Лакарнскім дагаворам 1925 г. паміж Францыяй і Чэхаславакіяй, савецка-франка-чэхаславацкім дагаворам 1935 г. гарантавалася нерухомаць межаў Чэхаславакіі з суседнімі краінамі, яе нацыянальная незалежнасць і тэрытарыяльная цэльнасць як суб’екта міжнароднага права;

– ваенна-палітычныя аспекты, калі ў выніку агрэсіі альбо яе пагрозы былі прадугледжаны меры калектыўнай бяспекі з боку ўсіх членаў Лігі Нацый на падставе арт. 10, 11, 16 і 17 яе Статута;

Парыжскага пакта Брыана Келага ад 28 жніўня 1928 г., удзельнікі якога разам з Германіяй і Чэхаславакіяй адмаўляліся ў дапамоге СССР Чэхаславакіі (1925, 1935 г. з удзелам Францыі); Венгрыяй, Румыніяй і Югаславіяй (1920–1921 гг. – Малая Антанта і Польшчай);

- сацыяльна-эканамічныя аспекты, калі пасля далучэння тэрыторыі Чэхаславакіі насельніцтва Трэцяга Рэйха павялічылася больш чым на 7 млн. чалавек, і значна ўзраслі прамысловыя і ваенныя рэсурсы Германіі;

- этнанацыянальныя аспекты, калі ў адпаведнасці з канстытуцыяй Чэхаславакіі 1920 г., гарантаваліся аднолькавыя правы і свабоды разам з чэхамі і славакамі ўсім нацыянальным меншасцям (немцам, венграм, русінам, палякам, румынам і інш.);

- тэрытарыяльныя аспекты, калі па выніках Мюнхенскай змовы II Рэч Паспалітая далучыла да сваёй тэрыторыі Цешынскую Сілезію з насельніцтвам 75 863 чалавек і вялікімі прамысловымі рэсурсамі [12];

- вывучэнне польскімі гісторыкамі на мяжы стагоддзяў расійскай гістарыяграфіі Мюнхенскай праблематыкі і ролі СССР ў вырашэнні пытання прадухілення нямецкай агрэсіі супраць Чэхаславакіі ў 1938 г. [5].

- Значны інтарэс для даследчыкаў польскай гістарыяграфіі 1980-х г. у вызначэнні месца Польшча як бастыёна паміж Еўропай і Савецкай Расіяй уяўляюць працы двух вучоных Заходняга Пазнанскага Інстытута прафесара М. Вайцэхоўскага [16] і доктара гісторыі М. Мрочкі [14].

У манаграфіі «Польска-нямецкія стасункі (1933–1938)» М. Вайцэхоўскі разглядае і аналізуе два этапы ў адносінах паміж краінамі: 1934–1935 гг. – перыяд польска-германскага супрацоўніцтва на ўзаемавыгаднай аснове; 1936–1939 гг. – калі ольшчы адводзілася роля «сатэліта», паслухмянага выканальніка ролі партнёра па палітычных справах. Падпісанне 26 студзеня 1934 г. польска-германскага пакта аб ненападзенні аўтар разглядае як вынік пераарыентацыі тактычнага курсу Веймарскай рэспублікі «з праціўніка Польшчы да яе саюзніка ў справах Германіі» [16, s. 15]. Гітлер планавалі, што Польшча апынецца ў ролі ваеннага саюзніка Германіі ў выпадку пахода на СССР. Для Польшчы галоўным пытаннем ў гэтай дамове было прызнанне Германіяй яе тэрытарыяльнага статусу, а таксама статуса вольнага горада Гданьска і «польскага калідора».

Нельга пагадзіцца з меркаваннем М. Вайцэхоўскага на конт таго, што палякі «рашуча супраціўляліся» падзелу Чэхаславакіі і ліквідацыі яе дзяржаўнасці. Міністр замежных спраў Польшчы Ю. Бек неаднаразова падкрэсліваў у сваіх дыпламатычных прамовах, што Чэхаславакія – «гэта краіна, якая самастойна не можа вырашыць свае праблемы». Акрамя таго, ён адчуваў моцную асабістую непрыемнасць да чэхаславацкага прэм’ер-міністра Ю. Бенеша [9, s. 40]. Нарэшце, Польшча была вельмі зацікаўлена ў вырашэнні пытання аб далучэнні Цешынскай вобласці Чэхаславакіі, населенай палякамі, пасля плебісцыту аб яе аўтаноміі, дзякуючы «нейтралітэту» свайго суседа Германіі.

Неабходна адзначыць, што сучасныя польскія гісторыкі ў 2000-я гг. дастаткова негатыўна ацэньваюць меркаванне расійскіх калег наконт здрадніцкай палітыкі польскага ўрада ў Судэцкім крызісе. У значным сэнсе гэтаму спрыяла публікацыя ў 1981 г. Міністэрствам замежных спраў СССР зборніка дакументаў, прысвечаным падзеям напярэдадні Другой сусветнай вайны 1937–1939 гг. [3].

Да 70-годдзя падпісання Мюнхенскай дамовы на старонках расійскага электроннага выдання «Кто помогал Гитлеру в развязывании Второй мировой войны» ў 2008–2011 г. была разгорнута навуковая палеміка наконт прамых саўздельнікаў у падзеле Чэхаславакіі паміж еўрапейскімі дэмакратыямі і Польшчай з Венгрыяй [4].

Такім чынам, пасіўна-прымірэнчая пазіцыя заходніх дэмакратый падчас Судэцкага крызісу, іх фактычная капітуляцыя ў Мюнхене і крах сістэмы «калектыўнай бяспекі» запэўнілі кіраўніцтва Трэцяга рэйха ў яго беспакаранасці і падштурхнулі да далейшых агрэсіўных крокаў. Ужо 21 кастрычніка 1938 г. Гітлер аддаў дырэктыву камандаванню вермахта па падрыхтоўцы да «ўладжвання пытання пакінутай Чэхіі» (Erledigung der Rest-Tschechei), на аснове ранейшага аператыўнага плана «Грюн».

Ажыццяўленне гэтага плана не прымусіла сябе доўга чакаць. Пры шырокай падтрымцы Германіі кіраўніцтва аўтаномнай Славакіі разгарнула сепаратысцкую дзейнасць і 14 сакавіка абвясціла незалежнасць, якая была ў той жа дзень прызнана Германіяй. 15 сакавіка 1939 г. часткі вермахта ўступілі ў Прагу ў адпаведнасці з планам аперацыі «паўднёвы ўсход» (Unternehmen Südost). Дзяржаўная незалежнасць Чэхаславакіі была ліквідаваная, чэшскія землі пад назвай «пратэктарат Багемія і Маравія» фактычна ўвайшлі ў склад Трэцяга рэйха. Была спыненая спроба самавызначэння аўтаномнай раней у складзе Чэхаславакіі Карпацкай Украіны (Падкарпацкай Русі), якая абвясціла незалежнасць 15 сакавіка 1939 г. Яе тэрыторыя плошчай 4 657 кв. міль з насельніцтвам 694 тыс. чалавек была перададзена Венгрыі [4; 6].

Такім чынам, у выніку Мюнхенскай змовы 1938 г. пры непасрэдным і вызначальным удзеле вядучых еўрапейскіх дэмакратый былі груба зняважаны прынцыпы Лігі Нацый і цалкам разбурана

Версальская сістэма дзяржаўна-палітычнага складу Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, істотна павялічаны ваенны патэнцыял Трэцяга рэйха за кошт найбуйнейшага ў Еўропе ваенна-прамысловага комплексу заводаў Шкода і запасаў сучаснага ўзбраення Чэхаславакіі, зацверджаны яго статус арбітра і гегемона ў Цэнтральнай Еўропе і адкрыта свабодная дарога германскай ваенна-палітычнай экспансіі на ўсход [2].

1. Дрожжа, Л. Ч. Польшка-савецка-германскія адносіны 1932–1939 гг. у польскай і беларускай гістарыяграфіі (1980–2000-я гг.) / Л. Ч. Дрожжа ; пад навук. рэд. У. Е. Снапкоўскага. – Мінск : БелНДІДАС, 2023. – 224 с.
2. Дрожжа, Л. Ч. Мюнхенскае пагадненне 1938 г.: урокі мінулага (гістарыяграфія пытання) / Л. Ч. Дрожжа // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. – 2018. – № 1. – С. 62–67.
3. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939 : в 2 т. – Т. 1 : ноябрь 1937 г. – дек. 1938 г. / М-во иностр. дел СССР ; редкол.: И. Н. Земсков [и др.]. – М. : Политиздат, 1981. – 376 с.
4. Кто помогал Гитлеру в развязывании Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Сегодня.ru. Информационно-аналитическое сетевое издание. – 11.10.2011. – Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/11746>. – Дата доступа: 20.09.2021.
5. Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–16 октября 2008 г. – М. : Наука, 2009. – 429 с.
6. Рубцова, Е. В. Мюнхенское соглашение 1938 года и его последствия / Е. В. Рубцова, В. В. Лендич, Е. А. Прокопова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 161–165.
7. Batowski, H. Kryzys dyplomatyczny w Europie jesień 1938 – wiosna 1939 / H. Batowski. – Warszawa, 1962. – S. 267–309.
8. Batowski, H. Sytuacja międzynarodowa polski 1938–1939. Między konferencją monachijską a wybuchem wojny / H. Batowski // Polska, Niemcy, Europa w 1939 r. : materiały sesji zorganizowanej w Uniwersytecie Jagiellońskim 14 grudnia 1989 r. z okazji 50 rocznicy wybuchu II wojny światowej / pod. red. Michała Pułaskiego. – Kraków : Uniw. Jagiel, Prace Historyczne, Z. 99, 1991. – S. 17–29.
9. Beck, J. Ostatni raport / J. Beck / przedmowa M. Wojciechowski ; opracowanie, przypisy i indeks A. Skrzypek. – Warszawa : PWN, 1987. – 246 s.
10. Kaminski, M. K. W cieniu zagrożeni?. Polityka zagraniczna RP 1918–1939 / M. K. Kaminski, M. J. Zacharias. – Warszawa : Wyd. Głos, 1993. – 237 s.
11. Kozenski, J. Monachium 1938 w historiografii / J. Kozenski // Studia Historica Slavo-Germanica. – T. VIII. – Poznań : Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Instytut Historii, 1979. – S. 161–179.
12. Kozenski, J. Czechosłowacka jesień 1938 r. / J. Kozenski. – Warszawa-Praga, 1984. – 378 s.
13. Krasuski, J. Między wojnami. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej / J. Krasuski. – Warszawa : PWN, 1985. – 215 s.
14. Mroczko, M. Polska myśl zachodnia (1918–1939) / M. Mroczko. – Poznań : Wyd-wo Inst. Zach., 1986. – 430 s.
15. Ripka, H. Munich. Befor and After / H. Ripka. – London, 1939. – 524 p.
16. Wojciechowski, M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938 / M. Wojciechowski. – Wyd. II popr. – Poznań : Wyd. Instyt. Zach., 1980. – 277 s.

Рахманова М.Э.

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В УЗБЕКИСТАН

С обретением Узбекистаном независимости, отношение к изучению всех проблем, считавшихся актуальными и сложными для области истории, изменилось в положительную сторону. Национальная политика, проводившаяся советской властью в 30–90-х годах XX века, и последствия насильственного переселения народов являются важными вопросами историографии Узбекистана. Жертвы этой этнической политики, насильственно проводимой в СССР, – около 6 миллионов жителей [7, с. 239], проживающих в приграничных районах и во внутренних районах страны, были лишены своих адресов проживания под влиянием политических репрессий и переведены в другие регионы страны, включая Узбекскую ССР.

Если корейцы, китайцы, поляки, немцы, турки-месхетинцы, хешмилы, курды, проживающие на своей родине, были насильственно перемещены в целях «обеспечения безопасности границ» [2], то крымские татары, чеченцы, болгары, карачаевцы, ингуши и представители ряда других этносов и наций были депортированы за короткий срок с обвинениями в «сговоре с врагом», «установлении шпионских связей», «противостоянии советскому государству» [9, с. 500].

Накануне Второй мировой войны и в годы войны узбекский народ смог показать примеры подлинной гуманности, гостеприимства и благородства по отношению к насильственно переселенным и «наказанным народам», несмотря на перенесенные лишения. Следует признать, что данная проблематика составляет основное содержание современных отечественных и зарубежных исторических исследований.

В научных исследованиях, проводимых историками советской эпохи и стран СНГ, авторы больше внимания уделяли общему процессу депортаций в тех регионах, из которых были переселены народы. Мало освещали их жизнь в регионах, куда шло переселение. Однако для того, чтобы всесторонне осветить историю депортаций, осуществленных в советском государстве, требуется специальное изучение этих вопросов [3, с. 61]. До и судьбы переселенцев на территории Узбекской ССР во время Второй мировой войны, их образ жизни, трудовая деятельность, взаимоотношения с местным населением, этнические особенности, вопросы благородства и толерантности узбекского народа – темы, требующие глубокого изучения. Ряд местных экспертов провели научные исследования по этим темам. Они проделали большую работу по изучению вышеуказанных актуальных

проблем. Один из них – профессор Шодмонкул Пиримкулов, научный сотрудник, проводивший исследования по истории граждан Польши, специально переселенных из районов Западной Украины и Западной Белоруссии и проживавших в Узбекской ССР в 1941–1946 гг.

Научные труды «Польские граждане в Самарканде (1941–1946)» (Самарканд, 1999) [5] и «Польские сосланные граждане в Узбекистане (1941–1946)» (Ташкент, 2006) [6], являются примерами многолетних исследований Шодмонкула Пиримкулова. Основой данной научной работы являются материалы периодической печати и документы Национального архива Узбекистана, архива аппарата Президента Республики Узбекистан, государственных архивов города Ташкента и областей, государственных архивов России, национальных архивов Польши. В научных трудах Ш. Пиримкулова изучены причины прибытия польских граждан в Узбекскую ССР, вопросы их расселения, жилья и трудоустройства, процесс образования, материальное положение польских граждан, виды и объем помощи официальными организациями и местным руководством. Автор показал при этом процесс укрепления дружеских отношений между польскими гражданами и местным населением как важную задачу. Еще одним изданием, в котором представлены сведения об истории различных этносов, проживающих в Узбекистане, в том числе переселенных народов накануне и в годы Второй мировой войны, является книга «Этнический атлас Узбекистана» [13], в котором указаны общие сведения об этносах и народах, проживающих в Узбекистане и подвергшихся репрессиям со стороны советского государства.

Работа «Корейцы Республики Узбекистан. История и будущее» (Ташкент, 1993) [4] написана Петром Героновичем Кимом. В данной монографии представлена исследовательская информация о судьбе корейцев, насильственно переселенных в Узбекскую ССР в 1937–1938 гг., о трудностях, с которыми они столкнулись, а также об истории установления межэтнических отношений узбекского народа с корейскими эмигрантами. Другой узбекский исследователь корейской национальности В.Д. Ким в своих работах «Правда спустя полвека» и «Эшелон-58» раскрыл хранящиеся в архивах сведения о переселении корейцев с Дальнего Востока в другие регионы СССР, включая территорию Узбекской ССР. В научных работах исследователей В.С. Хана, С.М. Хана, А. Жумашева [11] широко использованы архивные документы и материалы о причинах политики насильственного переселения, жизни и деятельности корейцев на территории Узбекской ССР.

Ученый-исследователь Адолат Рахманкулова опубликовала множество научных статей и работ, отражающих советскую национальную политику и историю сосланных в Узбекскую ССР народов, ставших жертвами сталинских репрессий. Они освещали репрессивную политику Советского государства, ее причины и трагические последствия, социально-экономическое положение народов, которые насильственно переселены в Узбекистан, использование трудового потенциала переселенцев в конце 30–40-х гг. XX в. Она исследовала архивные документы, а также ряд других источников по истории народов, насильственно переселенных в Узбекистан [10]. Негативные последствия национальной политики советского правительства ярко выразились в этнических конфликтах, имевших место в конце 80-х годов XX века. Примером тому является трагедия в Фергане. Со дня переселения на территорию Узбекской ССР местные жители делили с представителями различных этносов кров и хлеб, жили мирно и дружно. Однако этнический кризис, случившийся накануне распада советского государства, принес народам различные испытания и невзгоды. Х.Н. Бобобеков, ученый, изучавший Ферганскую трагедию, начал исследовать различные архивные документы и отчеты, сведения, зафиксированные очевидцами событий, материалы периодической печати, чтобы выявить истинный характер этой трагедии и факторы ее происхождения. [1]. По мнению профессора Кахрамона Раджабова, конфликт между турками-месхетинцами и местным населением в Ферганской долине является искусственно организованной провокацией, а не актом представителей местной национальности против представителей других национальностей. Наоборот, можно сделать вывод, что Центр пытался отвлечь внимание общественности, искусственно разжигая национальный конфликт в Узбекистане [8, с. 125]. Исследования ученых, проанализировавших события в Фергане, показали, что основной причиной возникновения этих событий была плохая социально-экономическая ситуация, из-за чего конфликты с каждым годом усиливались.

Современные ученые-исследователи Узбекистана М. Хошимова, К. Саипова, О. Бозоров, Ш. Махамадюнусов [12] также выполнили важные работы по данной теме. Опубликованные ими научные труды и статьи внесли большой вклад в историю политики советского правительства по насильственному переселению народов в Узбекскую ССР, проблему этнической депортации и ее последствий.

В период советской власти основной целью политики насильственного переселения было подавление сил, которые могли ей противостоять. Целью централизации тоталитарной государственной власти было физическое уничтожение представителей отдельных этносов и народов, применение к ним насилия, лишение политической и духовной свободы.

С 90-х годов XX в. по настоящее время вопрос о политике принудительного переселения советской власти в Узбекистане и ее последствиях поэтапно изучался местными историками. Мы можем перечислить информацию, приведенную в упомянутой выше исторической литературе, среди важных источников в историографии этой темы.

1. Бобобеков, Х. Н. Дневник трагедии Ферганы. 1989 год / Х. Н. Бобобеков. – Ташкент : Fan va texnologiya, 2012. – 316 с.
2. Бозоров, О. Депортационная политика советского государства и ее последствия (на примере турок-месхетинцев) [Электронный ресурс] / О. Бозоров // “Взгляд в прошлое” : электронный журнал. – 2022. – №1. – Режим доступа: <https://tadqiqot.uz/index.php/history/article/download/3964/3766/7970> – Дата доступа: 20.01.2023.
3. История Узбекистана (1917–1991 гг.) : 2 т. – Т. 2 : Вторая книга (1939–1991 гг.) / редкол: Р. Абдуллаев [и др.]. – Ташкент : O'zbekiston, 2019. – С. 61.
4. Ким, П. Г. Корейцы Республики Узбекистан: история и современность / П. Г. Ким. – Ташкент : Узбекистон, 1993. – 176 с.
5. Пиримкулов, Ш. Польские граждане в Самарканде (1941–1946 гг.) / Ш. Пиримкулов. – Самарканд : Зарафшон, 1999. – 154 с.
6. Пиримкулов, Ш. Польские сосланные граждане в Узбекистане (1941–1946 гг.) / Ш. Пиримкулов. – Ташкент : Фан, 2006. – 247 с.
7. Полян, П. Не по своей воле. История и география миграций в СССР / П. Полян. – Москва : ОГИ-Мемориал, 2001. – 329 с.
8. Ражабов, К. К. Распад советского государства в Узбекской ССР и крах политики перестройки (1985–1991 гг.) / К. К. Ражабов. – Ташкент : Фан, 2022. – С. 125.
9. Рахманкулова, А. Х. Национальная политика советского государства в 1930–1940-е гг. Депортация народов в Узбекистан / А. Х. Рахманкулова // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : материалы VI международной конференции, Киев, 10–12 октября 2013 г. – Москва : РОССПЭН, 2014. – С. 500.
10. Рахманкулова, А. Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 1940-е годы / А. Х. Рахманкулова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 5. – С. 150–163. ; Она же. Политические процессы периода сталинизма и насильственное переселение народов в Среднюю Азию и Казахстан. – 2017. – С. 107–114. ; Она же. Документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан по истории депортации в Узбекистан в 1930-е годы (на примере корейцев) // Известия корееведения Казахстана. – 1999. – № 8. – С. 77–85. ; Она же. Советская депортационная политика в западной историографии // Вестник Национального университета. – 2010. – № 1. – С. 55–58. ; Она же. Депортация как инструмент советского тоталитаризма // Общественное мнение – права человека. – 2001. – № 2. – С. 43–46. ; Она же. Национальная политика советского государства в 1930–1940-е гг. Депортация народов в Узбекистан. – Москва : РОССПЭН, 2014. – С. 497–505.
11. Хан, В. С. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. / В. С. Хан, Сим Хон Ёнг. – Москва : Изд-во МВА, 2014. – 256 с. ; Джумашев, А. История переселенцев / А. Джумашев. // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. – 1995. – № 4. ; Хан, С. М. «Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций» / С. М. Хан, В. С. Хан // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. – Алматы, 1993. – №4.
12. Хашимова, М. М. История народов Северного Кавказа Депортированных В Среднюю Азию В середине XX века (на примере Республики Казахстан) : дисс. кан. ист. наук: 07.00.03 / М. М. Хашимова. – Самарканд, 2004. – 130 л. ; Саипова, К. Толерантность узбекского народа к эвакуированным и депортированным народам в годы войны с фашизмом / К. Саипова. – Ташкент : TURON IQBOL, 2018. – 92 с. ; Бозоров, О. О. История межэтнических отношений в Узбекистане 80-е годы XX века (на примере трагедии Фернаны) : дисс. док. фил. по ист. наук. (PhD): 07.00.01 / О. О. Бозоров. – Ташкент, 2019. – 170 б. ; Махамадюнусов, Ш. Депортированные народы в Узбекистан и их судьба (на примере Ферганской долины, 1937–1960 гг) : автореф. дисс. док. фил. по ист. наук. (PhD): 07.00.01 / Ш. Махамадюнусов. – Андижан, 2022. – 59 с.
13. Этнический атлас Узбекистана / Институт “Открытие общества” ; Фонд содействия – Узбекистан, 2002. – 392 с.

Свилас С.Ф., Ткачук К.И.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ БРАЗИЛИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

История публичной дипломатии в Бразилии начинается с конца XIX века, когда это латиноамериканское государство стало активно участвовать в международных отношениях и использовать различные средства «мягкой силы», чтобы формировать и укреплять свою позитивную репутацию на международной арене.

Бразильские историографические источники о публичной дипломатии Бразилии многочисленны. Одним из наиболее известных исследователей является Карлуш Луиш Дуарте Вилланова, который рассматривает различные аспекты её аспекты, включая историю, стратегии и практики. В книге «Публичная дипломатия и имидж Бразилии в XXI в.», содержащей анализ публичной дипломатии в современном международном сценарии, подчеркивается значение формирования позитивного имиджа страны и его влияние на эффективность внешнеполитического курса. Автор выделяет различные стратегии и методы правительств, направленные на улучшение международного имиджа, включая использование культурных событий, спортивных мероприятий и образовательных программ. Особое внимание уделяется курсу на преодоление отрицательных стереотипов, связанных с Бразилией (бедность, наркотики, коррупция и т.д.). Автор анализирует роль СМИ в формировании общественного мнения [9].

Быстрое вхождение Бразилии в круг «восходящих держав» привлекает внимание исследователей США, поскольку регион Латинской Америки – сфера их традиционных интересов. Примером является книга «Бразильские танцы с дьяволом: чемпионат мира, олимпиада и борьба за демократию» Дэйв Зирина – писателя, специализирующегося на спортивной тематике. Он показывает, как посредством крупных спортивных мероприятий достигались цели публичной дипломатии. В книге рассматриваются политические и социальные вопросы, связанные с проведением Чемпионата мира по футболу 2014 года и Олимпийских игр 2016 года в Бразилии. Д. Зирин утверждает, что эти события использовались бразильским правительством, чтобы отвлечь внимание от экономического неравенства и политической коррупции в стране. Автор предлагает критический взгляд на темную сторону мегаспортивных событий и их влияние на общество [10].

Бразилия проводит активную публичную дипломатию в Африке, чтобы воплотить свои экономические, политические и культурные интересы на континенте. Бразильские компании ведут активную деятельность в секторах энергетики, телекоммуникаций, транспорта, других отраслях, реализуют крупные экономические проекты по строительству инфраструктуры и развитию сельского хозяйства, а структуры МИД организуют культурные фестивали. Посредством публичной дипломатии достигается, таким образом, устойчивый и продуктивный рост влияния этой латиноамериканской страны на континенте.

Доцент кафедры международного бизнеса и общественных отношений в Университете Эрланген-Нюрнберга (Германия) *Кристина Столт* в книге «Стратегия Бразилии в Африке: концепция роли и стремление к международному статусу» исследует роль публичной дипломатии Бразилии как основы реализации стратегических планов. Автор выявляет исторические связи, восходящие к колониальной эпохе, а также анализирует современную внешнюю политику в отношении Африки, обращая внимание на растущее дипломатическое, экономическое и культурное взаимодействие Бразилии с континентом. В книге показано, как использовались культурная дипломатия, «мягкая сила» и помощь в целях развития для укрепления имиджа и влияния, рассмотрены проблемы и возможности на этом векторе бразильской внешней политики [8].

Особенности политического, гуманитарного, культурного развития страны рассматриваются в трудах видных экспертов Института Латинской Америки РАН: В. М. Давыдова, З. В. Ивановского, М. Л. Чумаковой, Л. С. Окуновой, А. И. Сизоненко, А. Н. Глинкина, Б. Ф. Мартынова.

Важное место российско-бразильское сотрудничество занимает в работах И. С. Барышева. Этот автор утверждает, что в сотрудничестве Москвы и Бразилии в сфере атомной энергетики и космической области стимулировало углубленное взаимодействие в духовной сфере [1; 2]. А. Ю. Борзова в своих публикациях делает акцент на деятельность МИД Федеративной Республики Бразилия. Автор рассматривает становление и реформирование этой структуры, а также работу отделов, отвечающих за вопросы научных, культурных и образовательных связей [3; 4].

Исследователи ИЛА РАН З. В. Ивановский, Б. Ф. Мартынов, В. А. Теперман, Л. С. Окунова в монографии «Потенциал Бразилии и перспективы российско-бразильского сотрудничества» (2004) провели системный анализ развития Бразилии к началу XXI века и рассмотрели перспективы её сотрудничества с Россией, в том числе в гуманитарной сфере [6].

Изучение публичной дипломатии Бразилии в Беларуси является относительно новым направлением, однако появился ряд работ, которые помогают понять особенности взаимодействия двух стран. Одно из значимых исследований в этой области – монография профессора А. А. Челядинского «Бразилия в современном мире», в которой рассматриваются история и география страны, её политическая система, экономика, культура, образование, средства массовой информации, природные ресурсы и экологические проблемы. Книга содержит информацию о международных отношениях Бразилии, ее союзниках, конкурентах и потенциальных врагах. Автор проанализировал роль этого государства в мировых процессах, включая глобальную экономику, экологические проблемы и борьбу за права человека [7].

Исследование публичной дипломатии представляет большой интерес для мирового научного сообщества, поскольку она направлена на защиту целей национальной внешней политики, строительство долгосрочных международных отношений, содействует лучшему пониманию ценностей и институтов государств за рубежом. Бразилия играет активную роль в глобальном управлении, её вес во внешней политике Республики Беларусь, как и всего латиноамериканского вектора, усиливается. Подчеркнем, что это государство является главным торговым партнером Беларуси в Латинской Америке. Назрела необходимость создания комплексного исследования развития белорусско-бразильского сотрудничества средствами публичной дипломатии.

1. Барышев, И. С. Российско-бразильские отношения в постсоветский период : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / И. С. Барышев. – М., 2012. – 229 л.
2. Барышев, И. С. Россия и Бразилия – новые формы сотрудничества / И. С. Барышев // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Междунар. отношения. Зарубеж. регионоведение. Востоковедение. – 2012. – № 19. – С. 104–111.
3. Борзова, А. Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902–2014 гг.) / А. Ю. Борзова. – М. : Изд-во РУДН, 2016. – 413 с.
4. Борзова, А. Ю. Стратегии Бразилии в области содействия развитию / А. Ю. Борзова // Вестн. междунар. орг. : образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10, № 3. – С. 156–169.
5. Мартынов, Б. Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки. / Б. Ф. Мартынов. – М. : ИЛА РАН, 2004. – 160 с.
6. Потенциал Бразилии и перспективы российско-бразильского сотрудничества / Ивановский З. В. [и др.] ; под ред. В. М. Давыдова. – Ин-т Латинской Америки РАН, 2004. – 77 с.
7. Челядинский, А. А. Бразилия в современном мире / А. А. Челядинский; Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2012. – 438 с.
8. Stolte, C. Brazil's Africa Strategy: Role Conception and the Drive for International Status. / C. Stolte. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 236 p.
9. Villanova, C. L. D. Diplomacia pública e imagem do Brasil no século XXI / C. L. D. Villanova. – Brasília : FUNAG, 2017. – 357 p.
10. Zirin, D. Brazil's Dance with the Devil: The World Cup, the Olympics, and the Fight for Democracy / D. Zirin. – Chicago : Haymarket Books, 2014. – 296 p.

РАЗДЕЛ 3

ИСТОЧНИКИ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Смолик А.И.

«ШИ ЦЗИ» 《史记》: ОТ МИФОЛОГИИ ДО ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Тенденция объединения усилий различных сообществ мира, находящихся на разном уровне экономического, политического и социокультурного развития актуализировала поиск и создание проектов для налаживания взаимовыгодного всестороннего сотрудничества между всеми странами Азии, Африки и Европы. Наиболее приемлемой формой, в рамках которой реализуется данная цель, на наш взгляд, является проект под названием «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века».

Важное место в северном маршруте возрожденного Шелкового пути занимает Республика Беларусь, выступающая в качестве транспортно-логистического центра и железнодорожного сообщения между Востоком и Западом. В ходе реализации северной части Шелкового пути Беларусь тесно взаимодействует с Синьцзян-Уйгурским автономным регионом Китая, являющимся, крупной производственной и резервной базой углеводородных ресурсов, угля, важнейшим транспортным узлом и центром торговли и логистики. В настоящее время, по данным пресс-службы Белорусской железной дороги (БЖД), в сообщении Китай – Западная Европа – Китай по БЖД курсирует десять контейнерных поездов в месяц. Участие Беларуси в сухопутной части проекта в рамках экономического сотрудничества с Китаем имеет приоритетное значение на высшем государственном уровне. Для Беларуси это возможность интенсификации развития транспортной инфраструктуры, транзита, торговли и промышленности, совершенствования технологий и активизация культурного обмена.

Феномен «Великого Шелкового пути» вызвал неутраченный на протяжении многих столетий интерес к нему представителей различных социально-гуманитарных наук, в том числе и историков. Первым из китайских исследователей истории Древнего Китая детально описал эту торговую магистраль Сыма Цян 司马迁 в своих «Исторических записках Сыма Цяня» («Ши цзи») 《史记》 еще во II в. до н.э. [3]. До появления «Ши цзи» в ранних письменных памятниках, представлявших собой записи на костях, черепаших щитках и бронзовых сосудах, содержалась отрывочная информация о событиях при дворе вана (царя), о жертвоприношениях, речах ванов. При позитивной их оценке все же необходимо отметить их ограниченность. Все они характеризовались исключительной лапидарностью. Например, литературный памятник «Шан шу» состоял всего из 40 иероглифов. В них не было анализа и обобщений исторических закономерностей, причинной зависимости в развитии истории. Труд Сыма Цяня, по мнению китайского культуролога Лю Янь, является первым систематизированным изложением истории Китая архаического периода [1, с. 156]. В 104 г. до н. э. он завершил работу по систематизации собранного многочисленного материала и приступил к изложению истории Китая.

Анализируемое сочинение состоит из 500 тысяч иероглифов, разбитых на 130 глав. В них излагается история не только этноса хань, но и других народов, связанных с Поднебесной. Автор так охарактеризовал свой труд: «Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые, то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков, и вниз» [3, с. 43]. Если предыдущие литературные памятники охватывали непродолжительный отрезок времени, то Сыма Цянь излагает историю с мифических времен до современного ему периода. Автор записок проникает в суть изменений, происходящих в древности, применяя впервые исторический метод. С его помощью автор сумел привести в систему и изложить относительно объективно историю Древнего Китая до 2-го века до н.э.

В ряде глав Сыма Цянь описывает события доисторического периода, где переплетаются мифологические предания древних китайцев с реальными событиями. Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий и о деяниях китайцев древнейших эпох. В них порой вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких социальных процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. Несмотря на это современный вдумчивый исследователь найдет здесь немало достоверных данных, раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа.

Довольно детально излагает Сыма Цянь события, имевшие место в эпоху Ся (III в. – 1-ая половина II тысячелетия до н. э.). В этот период родовое общество Китая уже переживало кризис, зарождались

классы. Раздел, посвященный эпохе Ся, историк начинает с представления читателю легендарного родоначальника “династии” сяского Юя, которому китайская мифология приписывает благоустройство всей территории Поднебесной, создание областей, упорядочение рек и озёр и многие другие деяния.

Важную ценность в историографическом плане, на наш взгляд, имеет раздел «Исторических записок», посвященный событиям иньской эпохи. Если в предшествующих разделах Сыма Цянь описывал события легендарных периодов, то здесь повествуется о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа. В главе содержится полный и последовательно хронологический перечень 44 правителей иньской эпохи. Кстати, 36 их имен подтверждены синологами путем расшифровки записей на гадательных костях. Следует отметить, что общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей подтверждена также эпиграфикой, что повышает ценность главы как исторического источника [3, с. 105].

Здесь же китайский Геродот (так называют его некоторые синологи) излагает ряд реальных событий, относящихся к функционированию «Великого Шелкового пути». Так, ссылаясь на письменный памятник «Му тянь-цзы чжуань» (Жизнеописание сына Неба Му), который был создан неизвестным автором во времена Воюющих царств (475–221 гг. до н.э.), Сыма Цянь описывает путешествие Му-вана. В сочинении говорится, что в X в. правитель Западной Чжоу (1046–771 гг. до н.э.) совершил трудное путешествие из Сиана на запад и добрался до современной Центральной Азии. Несмотря на то, что повествование о путешествии Му-вана, не подтверждается археологическими находками, и достоверно определить маршрут, по которому совершалось его путешествие затруднительно, ряд китайских историков утверждают, что путь Му-вана был частью древнего Шелкового пути. В разделе о выдающемся сановнике династии Западная Хань Чжан Цяне (164 – 114 гг. до н.э.) повествуется о том, что сановник впервые отправился с дипломатической миссией в Центральную Азию. Сыма Цянь называет его первопроходцем в западные земли [3, с. 217]. Историк в деталях описывает также причины дипломатической миссии и результаты путешествия. Кстати, Генеральный секретарь Компартии Китая Си Цзиньпин в книге «О создании сообщества единой судьбы» пишет: «Более 2100 лет назад, в эпоху династии Хань Чжан Цянь дважды отправлялся в Центральную Азию с миссией мира и дружбы. Его путешествия открыли двери для дружественных контактов между Китаем и странами Центральной Азии, и тем самым проложили Великий Шелковый путь, протянувшийся с Востока на Запад и связывающий Европу с Азией» [2, с. 51].

Значительное место в «Ши-цзи» занимает описание важнейших городов Китая, через которые пролегла торговая коммуникация. Историк отмечает, что древним пунктом на Великом шелковом пути был город Дуньхуан, с более чем 2000-летней историей. Он, по мнению Сыма Цяня, выполнял роль «ворот Китая» на основном направлении Шелкового пути в Центральную Азию. Важную роль Дуньхуана в межкультурной коммуникации подтверждает и современный китайский журналист Чун Яту, который отмечает, что этот древний город притягивал внимание торговцев и тем, что здесь находился самый крупный буддистский пещерно-храмовый комплекс Могао, которому правители разных династий уделяли особое внимание, на протяжении тысячи лет его реставрировали, достраивали и расширяли. Храмовый комплекс включал 492 святилища, украшенных огромным количеством фресок. Здесь было установлено около 2000 раскрашенных статуй, хранилось более 50 тыс. томов древних свитков, рукописей, литературных памятников и большое количество художественных произведений [5, с. 69]. В «Исторических записках» имеется пространная информация и о других древних городах, через которые пролегал Шелковый путь (Ганьсю, Синьцзян, Гуанчжоу, Нинбо, Цюаньчжоу и др.).

В «Ши-цзи» автор описывает и артефакты, которыми обменивались страны Запада и Востока с Китаем. Сыма Цянь отмечает, что шелк был главным, но не единственным товаром, который перевозился по трансконтинентальному пути. Из Центральной Азии вывозились кони, весьма ценимые в Китае, военное снаряжение, золото и серебро, полудрагоценные камни и изделия из стекла, кожа и шерсть, ковры и хлопчатобумажные ткани, экзотические фрукты – арбузы и персики, курдючные овцы и охотничьи собаки, леопарды и львы. Из Китая караваны везли фарфор и металлическую посуду, лакированные изделия и косметику, чай и рис. В дорожных мешках купцов можно было найти слоновьи бивни, носорожьих рога, черепаховые панцири, пряности и многое другое.

Сочинение «Исторические записки» положило начало новому жанру китайской исторической литературы. Многие древние китайские хроники стремились излагать информацию об исторических событиях в стиле Сыма Цяня. Книги в жанре анналов деяний и биографии именитых правителей древнего Китая в период от 2550 г. до н.э. до 1644 г. н.э. синологи называют «Эршисы ши» («Династийная история Китая»). Некоторые синологи утверждают, что в древнем Китае были созданы 24 книги «Эршисы ши», в которых излагались определенные события, связанные с Великим Шелковым и Морским путем [4, с. 76]. Однако до наших дней дошли только некоторые, где содержалось бы целостное изложение истории Шелкового и Морского пути. Продолжительное время каких-либо значимых трудов сиологов, в которых бы основательно изучался этот древний

коммуникационный канал, не было. Только в XIX в. европейские ученые начали систематические исследования легендарного торгового пути. В 1868 г. немецкий путешественник Ф. Рихтгофен в течение четырех лет проводил полевое геолого-географическое исследование Китая. За это время он посетил многие регионы Поднебесной. Возвратившись в Германию, он обобщил собранный материал и опубликовал пятитомное сочинение «Китай. Результаты собственных путешествий», в котором научно доказал о существовании сухопутного Шелкового пути. Труд Рихтгофена характеризуется тщательным анализом и исключительной верификацией [6]. Следует отметить и сочинения немецкого историка Альберта Германа «Древний Шелковый путь между Китаем и Сирией» и шведского географа Свена Гедина «Шелковый путь», опубликованные в 1910 г. и 1936 г.

Изучаемая нами проблема актуализировалась в наши дни. В 1988 г. ЮНЕСКО объявила о начале 10-летнего проекта «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога». В его рамках осуществляется широкое и всеобъемлющее изучение истории и культуры цивилизаций, установление тесных социокультурных коммуникаций между Востоком и Западом. Интенсификация взаимоотношений между евроазиатскими народами проходит под девизом «Возрождение Шелкового пути – это возобновление тысячелетнего диалога цивилизаций». За время существования этого проекта в рамках ЮНЕСКО было проведено множество конференций, научных семинаров и симпозиумов, созданы кинофильмы, опубликованы сотни книг и брошюр, повествующих об истории и культуре народов, проживающих на древнем транзитном пути. На наш взгляд, наиболее интересным современным источником по Шелковому пути является фундаментальный труд историка Оксфордского университета Питера Франкопна «Шелковые пути: Новая история мира», который вошел в десятку лучших книг 2016 г. и был включен в список лучших изданий 12-й книжной премии «Вэньцзинь», считающейся главной книжной премией в КНР. Книга переведена на китайский язык и весьма популярна среди китайцев. Хочется надеется, что и белорусские исследователи заинтересуются этим явлением китайской культуры, которое сегодня, как и в древние времена способствует диалогу народов, в том числе белорусов и китайцев.

1. Лю, Янь. Персонаж белорусской и китайской мифологии как первотворец и транслятор артефактов культуры: сравнительно-типологический аспект / Янь Лю. – Минск : А. Н. Вараксин, 2018. – 256 с.
2. Си, Цзиньпин. Совместное строительство Экономического Шелкового пути / Цзиньпин Си // Си, Цзиньпин. О создании сообщества единой человеческой судьбы. – Пекин : Чжунъян бянь чубаньшэ, 2021. – 691 с.
3. Сыма, Цян. Исторические записки (Ши цзи) / Цян Сыма ; пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина ; под общ. ред. Р. В. Вяткина ; вступ. ст. М. В. Крюковва / Сыма Цян. – Т. 1. – М. : Наука, 1972. – 439 с.
4. Цзин, Ту. Шелковый путь в исторических документах / Ту Цзин // Китай. – 2019. – № 11. – С. 76–77.
5. Чун, Яту. Город на Шелковом пути / Яту Чун // Китай. – 2018. – № 7. – С. 68–69.
6. Рихтгофен, Фердинанд фон. Дневник путешествий в Китае / Фердинанд фон Рихтгофен – Пекин : Коммерческое издательство, 2016. – 755 с. = 李希霍芬中国旅行日记. -商务印书馆 2016. – 755 页.

Ван Мэнжун ДВОРЦОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Древний вид искусства – музыкально-театральные представления – практикуется в Китае уже тысячи лет. Во времена династии Тан (618–907 гг.) искусство музыкального театра уже было достаточно развито. Об этом повествуют книги и поэмы, рассказывающие о содержании и форме искусства музыкального театра, а также произведения изобразительного искусства (живописные картины и скульптуры), визуально передающие придворные музыкально-театральные представления.

Великий китайский поэт эпохи Тан – Бо Цзюйи (772–846 г.) в произведении «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев», подробно описывает очень известное одноименное дворцовое музыкально-театральное представление [1, с. 323]. В основе этого произведения – индийская буддийская песня 婆罗门曲 (песня брамина), которая была адаптирована императором Сюаньцзун для придворных музыкально-театральных представлений.

В поэме «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев» Бо Цзюйи пишет: «Я служил императору Сяньцзуну в правление Юаньхэ и посещал банкеты во дворце. Я видел бесчисленное количество придворное музыкально-театральное представлений, и «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев» был моим любимым из них» [3, с. 323]. Становится ясно, что поэт реально и лично видел представление «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев», и, описывая его, иллюстрирует величие этого спектакля. Поэт упоминает о вычурной красоте выступающих танцовщиц и богатом великолепии их костюмов. Бо Цзюйи описывал танцовщиц как похожих на нимф в небесных дворцах.

Бо Цзюйи обратил внимание и описал музыкальные инструменты, используемые в представлении «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев». Среди этих инструментов цин (подвешенная

каменная пластинка в форме угольника, в которую ударяли деревянной колотушкой), чжэн (струнный щипковый инструмент), сяо (разновидность флейты), ди (дудка), кунхоу (струнный инструмент), шэн (язычковый музыкальный инструмент) и другие. Поэт передает свое впечатление от звучания инструментального ансамбля, подчеркивая, что исполнители играют на инструментах один за другим (по очереди), чтобы создать долгий и чарующий звук» [2, с. 116].

Бо Цзюйи также поэтично, в стихотворной форме рассказывает о композиции музыкально-театрального произведения «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев». Первая часть называется «Саньсюй» (散序), или Прелюдия. Музыка звучит в медленном темпе, имеет окраску восточного колорита за счет нерегулярных и свободных ритмов, орнаментальной мелодики, звучащей томно и извилисто [3, с. 22]. Эта часть придворного спектакля исполняется инструментальным ансамблем и не сопровождается танцами и пением.

Вторая часть называется «Чжунсюй» (中序), представляет собой лирическую танцевальную сцену в сопровождении вокально-инструментального ансамбля. Музыка этой сцены исполняется в медленном темпе с постепенным небольшим ускорением. Вокальная партия предназначена для женского лирического голоса, обладающего насыщенным тембром. Сольный танец танцовщицы в этой сцене описан Бо Цзюйи в следующих строках: «Легкий и вихревой танец похож на возвращение ветра и снега, а грациозная походка – на походку дракона. Когда ее /танцовщицы/ руки свисают вниз, она похожа на ивовый шелк, а когда ее юбка развевается, она похожа на белое облако, поднимающееся вверх» [5, с. 21]. Певица и танцовщица работали в молчаливом согласии и были прекрасны. Танцоры используют танцевальные движения, например, указывают на заколки на голове, хлопают и машут рукавами, имитируя парящие, легкие и воздушные образы мифологических антропоморфных существ – фей Сюй Фэйцюн и Э Лухуа [там же].

Третья часть описываемого в поэме «Песня для танца в одеянии из радуги и перьев» дворцового музыкально-театрального представления называется «По» (破) или «Вубиан» (舞遍) [4, с. 101]. Эта часть – быстрая танцевальная пьеса является кульминацией спектакля. Темп вначале постепенно замедляется, а затем – ускоряется до быстрого. Когда ритм танца ускоряется и музыка звенит, как бьющиеся жемчужины, ударяющиеся о нефритовые изделия, танцоры шагают в такт мелодии, кружатся и танцуют быстро, эмоционально выражая чувство радости. Интересный эффект заключается в том, что темп снова замедляется, и музыка завершается протяжным звуком, который исполняют все инструменты в унисон. После того, как звук растаял, в тишине, присутствующие слушают эхо звуков и ритмов произведения, ощущая уникальную красоту звучащего воздуха [5, с. 65].

В целом, поэма Бо Цзюйи – яркое и тонкое описание музыкально-театрального представления, звук которого резонирует сквозь облака, как струящийся поток, древний и элегантный, грациозным и нежным танцем, создавая таинственное и мечтательное, туманное, но реалистичное мистическое настроение.

Различные исполнители, которые принимали участие в музыкально-театральных представлениях в Танском дворе, описаны Оуян Сю и Сун Ци в книге «Новая история Тан» (глава «Обряды и музыка»). Авторы пишут «те, кто сидел на сцене зала, назывались сидящими актерами; те, кто играл за сценой зала, назывались стоящими актерами» [4, с. 22]. Первая группа актеров называется цзобу(坐部伎); они сидят в зале дворца и играют на музыкальных инструментах. Группа цзобу состоит из профессионально обученных и высоко квалифицированных музыкантов; их исполнение отличается изысканностью, артистизмом; они выступают в красивых костюмах чрезвычайно богато украшенных и тщательно продуманных. Во первую группу цзобу могли попасть только исполнители с очень хорошими способностями и специальным образованием. Вторая группа актеров называется либу(立部伎), во время выступления они стоят во дворе перед зданием дворца или на площади (таблица).

Таблица – Группы исполнителей в дворцовых музыкально-театральных представлениях

Группа актеров	Поза во время игры	Кол-во актеров	Место проведения представления	Уровень профессионализма актеров	Виды исполнения
Цзобу	сидя	меньше (3–12 человек)	зал дворца	высокий	инструментальная музыка (флейта, эрху, пипа, гучжэн и др.), танцевальная и вокальная музыка
Либу	стоя	больше (64–180 человек)	внутренний двор или площадь	низкий	танцы, жонглирование, исполнение на духовых и ударных инструментах

Уровень их мастерства исполнителей оценивала специальная музыкальная комиссия Тайчанси при дворце императора [4, с. 18].

Рисунок 1. Изображение музыкально-театрального представления эпохи Тан

Источником знания о музыкально-театральных придворных представлениях эпохи Тан является миниатюрные скульптуры и фрески той же эпохи. Семь терракотовых фигурок, найденные в гробнице эпохи Тан (618–970 гг. н.э.), изображают актеров, выступающих в музыкально-театральном представлении при дворе династии Тан. Это семь актеров цзобу, шесть из которых сидят и играют, держа в руках флейты и другие инструменты, а один танцует в красивом костюме (рис. 1). В настоящее время эти терракотовые миниатюрные скульптуры находятся в г. Чэньджоу в коллекции Института культурного наследия и археологии провинции Хэнань.

Рисунок 2. Фрески Дуньхуана, изображающие музыкально-театральные представления династии Тан

Некоторые фрески из города Дуньхуан, созданные в период правления династии Тан, изображают дворцовые музыкально-драматические представления. На каждой фреске имеется написанный текст, как, например, на фреске на рисунке 2. Текст на этой фреске гласит, что на ней изображено музыкально-драматическое представление при дворе династии Тан. Рисунок четко воспроизводит сцену во время исполнения цзобу в дворе. Мы видим десять сидящих инструменталистов, играющих на таких инструментах, как сяо, флейта, плетенка, конгоу и чжэн, а в центре танцует танцовщица.

Таким образом, литературные, исторические и иные нарративные, а также визуальные источники (фрески и миниатюрная скульптура) позволяют получить некоторое представление о придворных музыкально-театральных представлениях династии Тан. Эти источники подтверждают

тот факт, что культура периода династии Тан была высокоразвитая, о чем свидетельствуют множество превосходных придворных музыкально-театральных постановок.

1. Абдуллина Г. В. Сунь Я Особенности китайской фортепианной музыки второй половины XX века [Электронный ресурс] / Г. В. Абдуллина // Текст научной статьи по специальности «Искусствоведение» – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kitayskoy-forte-piannoy-muzyki-vtoroy-poloviny-xx-veka> – Дата доступа: 17.03.2023.
2. Ван, И. Отображение праздника Урожая в китайском народном творчестве / И. Ван // Культура. Наука. Творчество : XIII Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Сборник научных статей, Минск, 16 мая 2019 года / Редколлегия: А.А. Корбут [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2019. – С. 114–118.
3. 刘晨曦. 唐代乐舞《霓裳羽衣》美学研究. 新疆师范大学, 2020. = Лю Чэньси. Исследование эстетики музыкального танца «Нэйшун Юй И» при династии Тан : дис. ... магистр. юрид. наук : 17.00.02 / Чэньси, Лю – М., 2020. – 46 л.
4. 刘艳. 中唐文人诗中的乐舞现象研究. 吉林艺术学院, 2022. = Лю Янь. Исследование феномена музыки и танца в поэзии литераторов средней династии Тан : дис. ... магистр. юрид. наук : 17.00.09 / Янь, Лю – М., 2022. – 48 л.
5. 智建颖. «霓裳羽衣»之诗乐舞探微. 北方文学 – 2017. – №11. – С. 65–66. = Чжи Цзяньин. Исследование поэзии, музыки и танца «Нэйшунь юйи» / Цзяньин, Чжи // Северная литература – 2017. – №11. – С. 65–66.
6. 朱珂苇. 白居易长诗《霓裳羽衣歌·和微之》歌舞一体的艺术贡献[J]. 作家 – 2014. – №6. – С. 100–101 – 2014. – №6. – С. 100–101. = Чжу Кэвэй. Художественный вклад песни и танца длинной поэмы Бай Цзюйи «Песня о неоновой ткани и ткани из перьев» / Кэвэй, Чжу // Писатель – 2014. – №6. – С. 100–101.
7. 袁逸桐. 白居易与霓裳羽衣舞. 黄河之声 – 2016. – №13. – С. 122. = Юань Итун. Бо Цзюйи и неоновый танец / Итун, Юань // Голос Желтой реки – 2016. – №13. – С. 122.
8. 杨丽萍. 唐代乐舞诗中音乐、舞蹈、诗歌的结合——以《霓裳羽衣和微之》为例[J]. 文史博览(理论) – 2012. – №11. – С. 18–22. = Ян Липин. Сочетание музыки, танца и поэзии в музыкально-танцевальных поэмах династии Тан: пример «Нэйшунь Юй И Хэ Вэй Чжи» / Липин, Ян // Литература и история (теория) – 2012. – №11. – С. 18–22.

Сюэ Цзе ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ЦЗЮНЬ ЦЗЫ» В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Образ «цзюнь цзы» – в китайской культуре обозначения так как образ совершенного человека благородного мужа. Учение о благородном муже появилось уже в эпоху правления династии Западная Чжоу (около 1046 г. до н. э. – 771 г. до н.э.). Понятие «цзюнь цзы» (君子) впервые упоминается в «Книге Истории». В словаре «Происхождение китайских иероглифов» говорится, что «благородный муж благоговейно почитается во всей стране [1, с. 63]. Обозначает правителя – ответственностью и успешного.

Иероглиф "цзюнь" (君) означает управлять тысячами дел и состоит из двух частей : верхней – "尹" представляет тел, кто находится у власти, а нижняя "口" – ознает «управлять тысячами дел». То есть иероглиф 君(цзюнь) в древнекитайских текстах [1, с. 64]. Словосочетание «благородный муж» является общим термином для названия аристократов и других обладающих высоким статусом людей, например, в «Книге Истории» есть слова: «Сановники и чиновники – цзюньцзы», где «цзюньцзы» означает чиновника. Чжу Дунжунь в статье «Нравы царств берут начало из народных сомнений» также писал: «Словосочетание «благородный муж» может использоваться в качестве общепринятого наименования представителей господствующего класса, начиная от императора и удельных князей чжухоу до высших чиновников» [2, с. 11–12].

Будучи одним из классических конфуцианских канонов, «Книга песен» раскрывает многие аспекты личности благородного мужа. Личность благородного мужа в «Книге песен» можно отнести к следующим четырем типам: 1) Верховный правитель. Например, стихотворение «Ода царю» – стихотворение, восхваляющее «сына неба». В нем воспеваются благородный и уважаемый образ императора царства Чжоу. 2) Полководец. В «Книге песен» понятие «цзюнь цзы» реже используется для обозначения полководцев и главным образом встречается в стихах на военную тему. Например, в очень известном стихотворении «Малые оды» описывается образ пограничника. 3) Муж. Например, в стихотворении из раздела «Шоу-нань» «Книги песен» описываются надежды жены на как можно скорейшее возвращение домой ее трудолюбивого и целеустремленного мужа и их воссоединение [3, с. 9]. 4) Удельный князь. Например, в «Книги песен» есть слова: «Мужа благородства мне радуют взор, и милости неба да примут они!». В целом, благородный муж в «Книге песен» – это мужчина с определенным аристократическим социальным статусом.

Значение понятия «благородный муж» не было постоянным. В ходе длительного развития исторического процесса благородный муж наделялся более богатым внутренним содержанием, переходя от классовой иерархии к категории морали. Благородный муж – идеальная личность в конфуцианстве. Воспитание удовлетворяющих требованиям «цзюнь цзы» является важной частью конфуцианства, воплощающей стремление конфуцианства к совершенной личности.

В «Луньюе» Конфуций упомянул моральные качества благородного мужа: «Тот, кто знает, не подвержен заблуждениям; тот, кто милосерден, не знает печали; тот, кто мужественен, не знает страха» [4, с. 12]. Таким образом, понятие «благородного мужа» характеризуют милосердие как внутренняя черта характера и мудрость и мужество как внешнее проявление следованию нравственным нормам. Центральной идеей конфуцианства является «милосердие». Будучи благородным мужем, человек должен в первую очередь проявлять сыновнюю почтительность к своим родителям, а также уважение и любовь к своим братьям. Только обладая такими качествами, как сыновняя почтительность и доброта, можно достичь более высокого уровня милосердия. Благородный муж заботится не только о себе, но и о друзьях, семье и стране, поэтому «тот, кто милосерден, не знает печали». В широком смысле «милосерден» – это моральный стандарт Конфуция и общее название для всех добродетелей. Помимо разговора о милосердии, Конфуций упомянул и о его воплощении. В частности, воплощение милосердия можно описать двумя словами: честность и верность, относящимся не только к императору, но и к друзьям и братьям [5, с. 134].

Только будучи обладающим мудростью благородным мужем, можно «отличать правильное от неправильного, различать добро и зло, дорожить близкими друзьями, хорошо разбираться в людях, знать текущие дела и понимать текущую ситуацию» [6, с. 7]. В «Луньюе» один из учеников Конфуция задает вопрос: «Если обладающему милосердием скажут: «В колодезь упал человек», должен ли он броситься за упавшим в колодезь?» Конфуций дает на него следующий ответ: «Для чего так поступать? Благородный муж должен подойти к колодезю, но не должен спускаться туда. Его можно ввести в заблуждение, но не обмануть.» Благородный муж неизбежно столкнется в своей жизни с обманом, но он должен обладать мудростью в отношении людей, различать истинное и ложное, чтобы «тот, кто знает, не был подвержен заблуждениям». Конфуций считает, что мудрость благородного мужа должна быть своего рода великой мудростью, а не мелкой хитростью, с ее помощью должно быть можно поднять проблемы на уровень морали и этики для их анализа и решения, поэтому она должна сочетаться с «милосердием» [5, с. 56].

В «Луньюе» Конфуций говорит, что «обладающий человеколюбием непременно отважен, но отважный не обязательно человеколюбив». Из этих слов видно, что отвага благородного мужа должна иметь милосердие сердце, также «цзюнь цзы» необходимо обращать внимание на «этикет» [7, с. 50–53].

Конфуций сказал: «Неоправданная смелость приведет к хаосу» [5, с. 168]. По представлению китайской философии, этикет – это четкая граница между благородным мужем и маленьким человеком. Мужественный человек обладает храбростью. В понимании Конфуция мужество является важным качеством благородного мужа. По мнению Конфуция, благородный муж может спокойно смотреть в лицо своим ошибкам, в этом заключается его храбрость, поэтому он может достичь состояния «отсутствия печали и страха» [5, с. 170].

Защита Конфуцием поведения «благородного мужа» также находит отражение в трех аспектах: внешности, речи и манерах. В «Луньюе» говорится: «Если благородный муж, многому учась из книг, ограничивает себя правилами этикета, он будет вежлив во внешности, речи и манерах» [5, с. 56]. Причина, по которой Конфуций был образцом скромного и уступчивого поведения в отношении внешнего вида, речи и поступков, заключается в обучении, уважении этикета и самосовершенствовании, что является внешним проявлением благородной личности.

Таким образом образ «цзюнь цзы» – это не только символ классовой принадлежности, но и символ совершенного человека, представляющий собой уникальное явление в китайской культуре. Будучи идеальной личностью в эпоху китайской монархии, «благородный муж» воплотил в себе жизненные устремления и ценностные ориентации Древнего Китая, а концепция «цзюнь цзы» на протяжении достаточно длительного исторического периода играла огромную направляющую роль в рамках нравственных и политических отношений в обществе. Основоположником образа совершенной личности является Конфуций. До Конфуция понятие «благородного мужа» существовало только как классовое понятие, Конфуций в свою очередь придал ему широкое нравственное содержание, наделив «цзюнь цзы» двойной идентичностью образца нравственности и представителя политической элиты.

1. Суй Шэнь. Происхождение китайских иероглифов / Шэнь Суй. – Шанхай : Шанхайское издательство древних книг. – 2007. – С. 63–64.
2. Чжу Дунжунь. Исследование истории трехсот стихотворений / Дунжунь Чжу. – Шанхай : Шанхайское издательство древних книг. – 1981. – С. 11–12.
3. Ли Ланьюй. Образ и концепция благородного мужа в «Книге песен» / Ланьюй Ли. – Ляонин : Ляонинский педагогический университет. – 2018. – С. 9.
4. Пэн Юань. Анализ совершенной личности в представлении Конфуция / Юань Пэн. – Внутренняя Монголия : Университет Внутренней Монголии. – 2019. – С. 12.
5. Ван Сяовэй. Фонетическая интерпретация «Луньюе» / Сяовэй Ван. – Пекин : Синьхуа Пресс. – 2020. – С. 56, 134, 168, 170.
6. Чжу Си. Сборник комментариев к «Четверокнижию» / Си Чжу. – Пекин : Издательство «Чжунхуа». – 2011. – С. 7.
7. Сяо Шипин. Мужество: от достоинства формы к достоинству содержания – Конфуций о «мужестве» и его современном просвещении / Шипин Сяо // Мораль и цивилизация. – 2009. – № 06. – С. 50–53.

Абдукаюмов А.Р.
«ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОКСА»: МИФ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Центральная Азия является общей родиной братских народов, исторически сформировавшихся в регионе с древнейших времен. Поэтому события и процессы, происходившие в регионе в разные исторические периоды, имеют общие корни в истории этих братских народов. В условиях, когда международные политические отношения стали противоречивыми, подход к истории братских народов с этой точки зрения является необходимым условием обеспечения устойчивости межнационального согласия и солидарности.

Эпоха энеолита и бронзы имеет важное значение в исторической повседневной жизни жителей среднеазиатского региона, так как производственные хозяйства сформировались на последнем этапе неолита – периодах широкого распространения земледелия и скотоводства. Согласно геологическим исследованиям, в X тысячелетии до н.э. естественный процесс потепления климата [1] создал основу для возникновения и широкого распространения первых производственных типов хозяйства – земледелия и скотоводства, сначала в Плодородном Полумесяце (Западная Азия и Западная Иран), а позже и в соседних регионах. Согласно археологическим, палеоботаническим и генетическим исследованиям, первые предки коз и овец были приручены и одомашнены именно в поселениях Плодородного полумесяца. Потомками тех же коз являются останки с поселения Джейтуна, первого неолитического поселения региона, а также с поселений, относящихся к ранним цивилизациям Европы и Древнего Востока [2, р. 124]. Кроме того, первое колосовое растение – пшеницу человечество возделывало в Плодородном Полумесяце, после этого возделывание пшеницы получило широкое распространение в соседних и отдаленных районах. Следует отметить, что Плодородный Полумесяц является первым одомашненным районом только коз и овец, а в земледелии пшеницы. Согласно исследованиям, открытые в эпоху неолита земледелие в основном основывалось на защите дикорастущих колючих растений от животных, а также на содержании с целью предотвращения высыпания их зерен до созревания из-за нехватки воды, то есть на орошении путем перевозки воды. Следы орошения при транспортировке посевов диких растений впервые наблюдаются в культуре Кадан на юге Египта. В то же время освоено приготовление питательной и разнообразной пищи путем уборки и сушки зерна, его длительного хранения для долгих период без урожая, т.ч. зимы. Таким образом формируется первая земледельческая культура очень простого вида. Так, первое сложившееся земледелие заключалось в посеве колосовых зерен, отделяемых в виде семян общинами, на относительно естественно орошаемых и возделываемых полях, обработанных каменными плугами, создавая условия для созревания урожая орошением, основанным на перевозке воды, когда возможности естественного орошения ограничены.

Многолетние исследования русского генетика Н.И. Вавилова, проведенные в первой половине XX века, связанные с возделыванием злаков, показали, что процесс возделывания различных дикорастущих растений шел независимо в разных регионах мира, начиная с эпохи неолита. Благодаря исследованиям Н. Вавилова, организовавшего более 180 научных экспедиций, связанных с историей выращивания растений в разных регионах мира, территория Среднеазиатского региона также была признана местом выращивания растений [4]. Так и раннее земледелие широко распространено в южных районах Средней Азии под влиянием Джейтунской культуры позднего неолита, особенно энеолита и бронзового века. Начиная с последней четверти XX века в южных районах региона обнаружено и изучено множество исторических поселений, связанных с развитием производственных хозяйств, а в ходе археологических раскопок, проведенных в последние годы, обнаружены новые пространства таких поселений. Однако, важное теоретическое значение имеет анализ конкретных этапов общественного развития в районе формирования этих поселений, вернее, анализ исторических подходов к этим поселениям (культурам). Археологические исследования раннеземледельческих поселений эпохи энеолита и бронзы в южных районах Центральной Азии начались с последней четверти XIX в. В результате раскопок, проводившихся до 80-х годов XX века, было выявлено и доведено до сведения научной общественности большое количество раннеземледельческих поселений в районах современной Туркмении, Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Северного Афганистана. Историографический анализ этих исследований обобщено в диссертации А. Бакиева [5, р. 5–8]. В ходе тщательных анализов исследователь указывает, что сделанные научно-теоретические выводы о поселениях эпохи энеолита-бронзы региона происходили в следующие три этапа:

Первый этап – исследования, проводившиеся в конце XIX – 70-х годах XX века. Этот этап характеризуется открытием и локализацией крупных памятников в регионе. С 60-х годов XX века в южных районах Средней Азии изучаются номозгская, сополлинская и степная культуры эпохи бронзы. На основе стратиграфии памятников района и анализа архитектурных традиций, классификации могил, предметов материальной культуры и антропологических находок возникли научно-теоретические выводы о формировании первой земледельческой культуры в регионе.

Второй этап начался во второй половине 70-х годов XX века, исходя из общих проявлений артефактов, обнаруженных в археологически изученных поселениях на южной территории области, а также культуры жителей поселений, и с учетом древнейших исторических названий этих территорий, упоминаемых в первых источниках как Авеста и Бехистунских надписях. В связи с этим сделаны научно-теоретические выводы о том, что указанные поселения следует признать единым Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом (БМАК). В 1976 года археолог В. И. Сарияниди впервые обобщал этих культур под названием БМАК и этот термин был принят большинством исследователей [6, р. 5–8].

Третий этап – научно-теоретические выводы на основе исследований, начатых в середине 90-х годов 20 века и продолжающихся в настоящее время. В этих исследованиях были введены в научный оборот научно-теоретические выводы о формировании нового очага цивилизации в эпоху бронзы на основе памятников БМАК на базе первых производственных хозяйств юга Среднеазиатского региона. В научных литературах этот очаг цивилизации назывался разными: цивилизацией Окса, Турана, Центральной Азии, Южного Узбекистана, Бактрии, Окс-Амударьи, Маргианы, Амударьи и Великой Хорасанской. Следует отметить, что и сегодня проводятся систематические исследования по изучению специфических особенностей этого очага цивилизации и закономерностей его формирования.

Если обратить внимание на динамику исследований, начавшихся в последнее десятилетие XIX века и продолжающуюся и в настоящее время, в основном на основе выводов археологических раскопок, то складывается следующая картина попытки восстановить исторические процессы:

1. В южных районах Центральной Азии поселениями, сформировавшимися на основе раннего земледелия и скотоводства в эпоху энеолита и бронзы, считались деревни, состоящие из постоянных поселений общин (выводы первого этапа).

2. Поселения, образовавшиеся на основе раннего земледелия и скотоводства, располагавшиеся в определенных земледельческих оазисах, объединялись в уникальную структуру – город-государство, сосредоточенный в социальной и культурной сферах (выводы второго этапа).

3. Города-государства, сформировавшиеся на основе раннего земледелия и скотоводства, образовали политически единое, централизованное крупное государство (или страну) – цивилизацию Окса (выводы третьего этапа).

По-нашему мнению, в полноценном обосновании этих выводов бросается в глаза ряд недостатков. И эти недостатки можно наблюдать в следующее:

Во-первых, эти научно-теоретические подходы были основаны только на гипотезах археологических раскопок в целом, а также на анализе обнаруженных артефактов, поскольку письменные источники по истории эпохи энеолита и бронзы на юге области, к сожалению, до наших дней не сохранились или вообще не составились.

Во-вторых, тот факт, что необходимые для земледелия ирригационные сооружения, составляющие хозяйственную основу этих памятников, до сих пор не обнаружены (фактически первое земледелие происходило за счет естественных орошаемых площадей). И это свидетельствует о том, что еще предстоит провести множество исследований по уточнению наличия экономических основ «Цивилизации Окса».

В-третьих, тот факт, что в этих памятниках до сих пор не обнаружено следов крупных мастерских или ремесленных кварталов, отражающих специализированное ремесленное хозяйство, свидетельствует о том, что «Цивилизация Окса» была «уникальной цивилизацией» (если можно назвать цивилизацией, сформировавшейся только на основе скотоводства и раннего земледелия).

В-четвертых, не обнаружение градостроительных структур (например, дворцов) или полноценного города при раскопках этих памятников дает основание сделать выводы о существовании «Цивилизации Окса» без каких-либо городов.

В-пятых, при раскопках, проводимых в этих поселениях, отсутствуют артефакты, отражающие процессы политического управления (имя правителя, название царствующей династии, хотя бы печать династий, считающееся ярким знаком). Это свидетельствует, что на территории БМАК существовала децентрализованная цивилизация.

Эти выводы поставляют на повестку дня необходимость пересмотра научно-теоретических выводов о повседневной жизни членов сообщества поселений, сформировавшихся на основе раннего земледелия и скотоводства на юге региона в эпоху энеолита и бронзы, на основе систематических анализов историографических исследований.

1. André, Marie-Françoise. Holocene Rockwall Retreat in Svalbard: A Triple-Rate Evolution // *Earth Surface Processes and Landforms*. – 1998. – № 22 (5). – P. 423–440.
2. Maisels, C. K. *The Near East: Archaeology in the "Cradle of Civilization"* / C. K. Maisels. – Routledge, 1999.
3. Dubcovsky, J. Genome Plasticity a Key Factor in the Success of Polyploidy Wheat under Domestication / J. Dubcovsky, J. Dvorak // *Science*. – 2007. – № 316 [Issue 5833]. – P. 1862.
4. Вавилов, Н. И. Центры происхождения культурных растений / Н. И. Вавилов. – Ленинград, 1926. ; Мирзоян, Э. Н. Николай Иванович Вавилов и его учение / Э. Н. Мирзоян. – М. : Наука, 2007. – 178 с.
5. Бакиев, А. А. Социальный характер цивилизации Окса : автореф. дисс. на соис. уч. ст. докт. филос. / А. А. Бакиев. – Термез, 2021.
6. Сарияниди, В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество / В. И. Сарияниди. – М., 2001.

Черкасов А.И.
САМНИТСКИЕ ВОЙНЫ В «АННАЛАХ» КЛАВДИЯ КВАДРИГАРИЯ

Квинт Клавдий Квадригарий принадлежал к поколению поздних анналистов (первая половина I в. до н.э.), ответственных за привнесение в исторический материал множества вымышленных деталей [3, с. 99], однако остаётся неоднозначным вопрос о степени достоверности его сведений относительно Самнитских войн. Но прежде, чем переходить к анализу фактического материала, стоит кратко остановиться на рассмотрении общих особенностей труда Клавдия Квадригария.

Историческое произведение «Анналы» сохранилось только в отдельных фрагментах, по которым можно определить, что оно состояло как минимум из 23 книг (FRH 24.F.91) и содержало историю Рима от галльского нашествия (FRH 24.F.1–2) до эпохи Суллы (FRH 24.F.88–91). В числе достоинств римского автора современники выделяли его «честность» (FRH 24.T.6), что можно заметить и в отдельных фрагментах «Анналов», например, Клавдий Квадригарий, в отличие от Ливия, не умалчивал о жестокостях и поражениях римлян (FRH 24.F.6 ср.: Liv.VI.42.5–6; FRH 24.F.8 ср.: Liv.VIII.4–14; FRH 24.F.9 ср.: Liv.VIII.19.12–14). Но в то же время в его работе в отдельных местах появляются преувеличенные цифры [9, с. 290], риторические вставки и исторические анекдоты [1, с. 430]. Первостепенное внимание в произведении уделялось военным аспектам и особенно описанию сражений [7, р. 393]. Относительно первоисточников известно, что Клавдий Квадригарий перевёл с греческого на латынь работу раннего анналиста Гая Ацилия (FRH 24.T.1) и следовал за ней в своём повествовании (FRH 24.T.2).

В содержательной структуре «Анналов» Клавдий Квадригарий рассматривал события по годам, делая повествование более подробным по мере приближения к своему времени [8, с. 2859]. Первая книга охватывала период 390–306 гг. до н.э., а вторая – 305–281 гг. до н.э., в рамках которых и рассматривались Самнитские войны [7, р. 392]. Основанием для определения границы двух книг может послужить один ранее недатированный фрагмент. В частности, Клавдий Квадригарий во второй книге пишет: «после того, как [он] отступил оттуда на небольшое расстояние, [он] наткнулся на гору и [нашёл] укреплённые места, в которых имелось всё необходимое для воинов: древесина, вода, продовольствие» (FRH 24.F.37). Фрагмент должен быть помещён между 306 г. до н.э. (FRH 24.F.34) и 278 г. до н.э. (FRH 24.F.41), когда хронологически в последний раз упоминается первая книга и впервые третья. Единственное практически полное соответствие приведённого отрывка обнаруживается в сведениях Ливия о битве под Тиферном в 305 г. до н.э. (IX.44.6–9). Причём в описании событий он приводит две противоречивые версии, по одной из них консул одержал уверенную победу, по другой – отступил после тяжёлой битвы. Можно предположить, что во втором случае подразумевался именно Клавдий Квадригарий, за которым следовал Ливий.

Вместе с приведённым выше отрывком от «Анналов» Клавдия Квадригария сохранилось только 10 фрагментов, напрямую относящихся к римско-самнитским войнам. В двух отрывках упоминается «луканский инцидент» 326 г. до н.э. (FRH 24.F. 10–11), когда два знатных луканских юноши по настоянию тарентийцев тайно нанесли друг другу увечья и обвинили в этом Рим, что привело к разрыву союза и переходу Лукании на сторону самнитов. Данный эпизод также приводится Ливием (VIII.27.5–11), который, вероятно, заимствовал его у Клавдия Квадригария, но достоверность отрывка остаётся под вопросом.

В четырёх фрагментах также упоминаются Кавдинские события 321 г. до н.э. Фраза – «он не собирался делать того, что тогда [сам] советовал» (FRH 24.F.12) – вероятно, относится к беседе самнитского полководца Понтия со своим отцом [4, р. 14], о которой также упоминает Ливий (IX.3.4–13). Однако сведения двух авторов расходятся относительно формы Кавдинского мира, Клавдий Квадригарий сообщает о foedus (договоре) (FRH 24.F.13), а Ливий, отклоняя его версию, настаивает на sponsio (клятвенном поручительстве) (IX.5.2). Большая достоверность сведений позднего анналиста подтверждается как уточнением самого Ливия, что версия foedus считалась общепринятой в его время (IX.5.2), так и двумя другими фрагментами о 600 «кавдинских» заложниках. В одном из них просто сообщается о нахождении римских пленников в качестве залога у самнитов (FRH 24.F.15), а в другом отмечается: «когда об этом узнали родственники заложников, которые, как мы указали ранее, были переданы Понтию, то их родители с близкими, распустив волосы, выбежали на дорогу» (FRH 24.F.14). Поскольку в римском обществе женщины распускали волосы только во время траура [2, с. 216], то это означает, что заложники были казнены после отказа сената ратифицировать мир, а патриотическая версия об их последующем спасении в Луцерии, вероятно, является вымыслом самого Ливия.

Ещё два фрагмента из первой книги также повествуют о Второй Самнитской войне. В одном из них упоминается о предложении самнитского полководца Понтия заключить перемирие на 6 часов с римским диктатором (FRH 24.F.16). Вероятно, данный отрывок связан с событиями в Апулии

в 320 г. до н.э. и относится либо к вмешательству Тарента (Liv.IX.14.6–7), либо к осаде Луцерии (Liv.IX.15.3) [6, p. 308]. В альтернативной версии Ливия также упоминается диктатор Корнелий Лентул, который после сдачи Луцерии вместе с другими самнитами провёл под «ярмом» Понтия и получил за это триумф (IX.15.8–10). Вероятно, описанные сведения основываются на работе Клавдия Квадригария, как и отрывок Дионисия Галикарнасского (XVI.1. 4), однако в данном случае достоверность его сообщения остаётся сомнительной, поскольку о диктаторе и его триумфе, а также о проведении Понтия под «ярмом» ничего не сообщается в основной версии Ливия. Как правило, Клавдий Квадригарий не был склонен преувеличивать заслуги римлян, что больше было свойственно Ливию, но в приведённой версии ситуация прямо противоположная. В другом фрагменте сообщается: «многие бросают оружие и, оказавшись безоружными, прячутся в укрытии» (FRN 24.F.17), что, вероятно, относится к засаде на римские войска в Самнии в 311 г. до н.э. [4, p. 15], о которой сообщает Ливий: «они (самниты – А.Ч.) бежали врассыпную, теряя оружие, в те самые укрытия, где только что прятались» (IX.31.15). Однако Зонара, опирающийся на работу Диона Кассия, напротив, пишет о поражении римлян (VIII.1), что ставит под сомнение достоверность сведений Клавдия Квадригария и Ливия.

Наиболее интересный фрагмент связан с Третьей Самнитской войной, поскольку его можно сравнить ещё с тремя версиями. В описании военной кампании 294 г. до н.э. Клавдий Квадригарий сообщает, что один консул Атилий Регул воевал в Этрурии и получил триумф, а другой – Постумий Мегелл захватил несколько городов в Самнии, но потерпел крупное поражение в Апулии, после чего раненым укрылся в Луцерии с небольшим отрядом (FRN 24.F.35). В версии Ливия, напротив, оба консула были назначены воевать в Самнии, сначала они совместно разбили войско самнитов, а затем разделились. Постумий Мегелл захватил ряд городов в Самнии, после чего направился в Этрурию, где разбил войско вольсинийцев, взял Рузеллы и вынудил подписать перемирие Вольсиний, Перузию и Арреций. В это время Атилий Регул у границ Апулии в тяжёлом сражении потерял много воинов, как и самниты, но после этого разгромил вражеское войско, а затем и ещё одно. Несмотря на множество побед, сенат отказался предоставить триумф консулам, тем не менее, Постумий Мегелл самовольно его отпраздновал при поддержке народа (X.32–37). Однако в версии Триумфальных фаст оба консула получили триумф: Постумий Мегелл за победу над самнитами и этрусками, а Атилий Регул – за разгром вольсонов (вольсинийцев – А.Ч.) и самнитов (Tr.Fasti ad.an.294). В наиболее ранней традиции, переданной Фабием Пиктором, оба консула воевали в Самнии, а затем в Луцерии, где потеряли много воинов, как и самниты, после чего одно римское войско отправилось в Этрурию (FRN 1.F.18).

Для определения степени достоверности сведений Клавдия Квадригария стоит рассмотреть версии по отдельности. Наиболее сомнительными представляются данные Триумфальных фаст, в которых чрезмерно преувеличены заслуги римлян. Вероятно, составители опирались на одного из поздних анналистов, либо компилировали данные нескольких авторов в угоду большего величия Рима. В свою очередь, версия Ливия, по всей видимости, основывается на работе одного из поздних анналистов, который в рамках своего повествования объединил несколько источников, с чем и связано сходство отдельных деталей с Клавдием Квадригарием и Фабием Пиктором. Определение достоверности последних двух источников уже сопряжено с рядом трудностей. С одной стороны, Фабий Пиктор являлся первым римским историком, сведения которого должны иметь первостепенное значение по сравнению со всеми другими авторами. Но, с другой стороны, в его описании кампании 294 г. до н.э. содержится одно ключевое противоречие – если оба консула потерпели поражение под Луцерией, то остаётся неясным каким образом один из них сумел беспрепятственно пройти в Этрурию, минуя вражеское войско, к тому же оставив под угрозой уничтожения ослабленные силы второго полководца в Апулии? В данном случае версия Клавдия Квадригария является наиболее логичной и последовательной по сравнению со всеми другими. К тому же описание сражения под Луцерией, в котором упоминается ранение консула, выглядит более неблагоприятным для квиритов, что придаёт ещё большей достоверности его сведениям, поскольку ни один патристичный римский историк намеренно не изобретал детали, преувеличивающие поражения своего народа. Вероятно, в описании кампании 294 г. до н.э. Клавдий Квадригарий опирался на работу раннего анналиста Ацилия, представлявшего альтернативную ветвь анналистической традиции, которую практически не использовали последующие римские историки [5, p. 226], что и объясняет наличие уникальных сведений.

Таким образом, в описании Самнитских войн в «Анналах» Клавдия Квадригария можно выделить три группы сведений по степени достоверности, выбрав в качестве критерия неблагоприятные для римлян события и детали. Первая группа с высокой достоверностью, выявленная на основе критического анализа противоречивых версий, состоит из сведений о Кавдинском договоре и казни заложников в 321 г. до н.э., поражении под Тиферном в 305 г. до н.э. и военной кампании 294 г. до

н.э., которые, вероятно, восходят к труду раннего анналиста Ацилия. Ко второй группе с неоднозначной достоверностью относятся сообщения о «луканском инциденте» 326 г. до н.э. и беседе Понтия с отцом 321 г. до н.э., которые невозможно проверить в силу отсутствия альтернативных версий. Третья группа с сомнительной достоверностью связана с описанием военной кампании 320 г. до н.э. и засады 311 г. до н.э., которые содержат преувеличения об успехах римлян, вероятно, в обозначенных случаях Клавдий Квадригарий вместо Ацилия использовал другой источник.

1. Альбрехт, М. История римской литературы / М. Альбрехт. – Т. 1. – Москва : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2004. – 694 с.
2. Сергеев, М. Е. Жизнь древнего Рима: очерки быта / М. Е. Сергеев. – Москва : Наука, 1964. – 335 с.
3. Сидорович, О. В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н.э. / О. В. Сидорович. – Москва : РГГУ, 2005. – 289 с.
4. Ambrosetti, M. Q. Claudio Quadrigario Annali: Introduzione, edizione critica e comment / M. Ambrosetti. – Rome : Accademia Nazionale dei Lincei, 2009. – 425 p.
5. Bispham, E. Acilius: introduction / E. Bispham, S. C. Northwood // The Fragments of the Roman Historians. – Vol. 1. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 224–226.
6. Briscoe, J. Q. Claudius Quadrigarius: commentary / J. Briscoe // The Fragments of the Roman Historians. – Vol. 3. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 300–329.
7. Forsythe, G. Claudius Quadrigarius and Livy's Second Pentad / G. Forsythe // A companion to Greek and Roman Historiography. – Vol. 2. – Malden : Blackwell, 2007. – P. 391–396.
8. Niese, B. Claudius 308 / B. Niese // RE. – 1899. – Bd. III, 2. – S.2858–2861.
9. Teuffel, W. S. Geschichte der römischen Literature / W. S. Teuffel. – Bd. 1. – 6 auf. – Leipzig : B.G. Teubner, 1916. – 540 s.

Розмысл Е.В.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ (867–1056 ГГ.)
В ТРУДАХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

В период правления Македонской династии (867–1056 гг.) в Византии наблюдается большой культурный подъём, не осталась в стороне от этого процесса и византийская историография. В это время создан ряд выдающихся исторических сочинений. Византийская историография среди множества различных тем уделяла определённое внимание вопросам внешней политики, что связано с усилением внешнеполитической активности Империи и повышением её международного престижа.

Цель настоящего исследования: выявление общего и особенного в показе внешней политики императоров Македонской династии (867–1056 гг.) византийскими историками X–XI вв.

Глубокий анализ положения Византии и принципы её внешней политики даны в трактате императора Константина VII Багрянородного (913–959 гг.) «Об управлении империей». Это произведение не является «ни хроникой, ни исторической монографией» [6, с. 96]. Однако оно полностью основывается на историческом материале. В сочинении утверждаются права империи на обладание итальянскими землями, показывается важность дружеских отношений с Древней Русью, хорватами и печенегами, подтверждаются права на владение Балканским полуостровом. Константином даются сведения о противостоянии арабам в период Льва VI Мудрого (886–912 гг.) и Романа I Лакапина (920–944 гг.) – рассмотрен процесс постепенного закрепления империи в Сирии, Закавказье и Средиземноморье [1].

Традиция вести записи об основных событиях государственной жизни в Византии восходит ещё к временам Древнего Рима. Ярким подтверждением этого служат хроники: «Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей» [7] и «Хроника» Симеона Магистра и Логофета [10]. Данные источники, как традиционно сложилось в византийской историографии, написаны в рамках «императорских хроник (Kaiserchronik)» [5, с. 241].

В этих сочинениях весьма подробно изложено как происхождение, так и период правления первых василевсов, что свидетельствует о важности становления на византийском престоле новой династии и наступления периода внешнеполитической стабильности. Интересно, что эти источники излагают материал иногда в точной копии друг друга, это сразу наводит на характерную черту для многих византийских авторов – компиляцию данных предшественника.

Фундаментальными источниками для характеристики внешней политики Македонского периода истории Византии выступают «Хроника» Иоанна Скилицы [11] и «История» Льва Диакона [3]. Их особое сходство проявляется в описании конфронтации Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.) с древнерусским князем Святославом в 967–971 гг., что указывает на использование Скилицей записей Диакона.

Представленные в труде Диакона события имеют принципиально важное значение, поскольку дают целостную картину военных действий со времён Романа II (959–963 гг.) и до прихода к власти Василия II Болгаробойцы (976–1025 гг.). Описания, изложенные в 10 книгах, отличаются большими подробностями, что указывает на активный сбор Диаконом материалов о данных событиях [9, с.

145]. Особое внимание уделяется Никифору II Фоке (963–969 гг.) и Иоанну I Цимисхию, поскольку именно с их правлением связаны успехи Византии на Востоке.

Важность «Хроники» Иоанна Скилицы весьма велика, поскольку его труд затрагивает все события Македонской эпохи. В его сочинении упоминаются факты, отсутствующие у вышеназванных историков: визит княгини Ольги в Константинополь в 959 г., сведения об Италии середины X – начала XI в.

Особую ценность труду Скилицы даёт изложение событий конца X – начала XI в.: борьба Василия II с Самуилом и покорение Болгарии, подчинение армянских государств Закавказья в 1020-е гг. Особая значимость «Хроники» проявляется в описании общего положения империи в период кризиса после смерти Василия II, о чем другие византийские источники почти не сообщают.

Описание поздней жизни Византии в Македонский период представлено в «Хронографии» Михаила Пселла [8], где главное внимание уделяется описанию жизнедеятельности последних императоров от Василия II до Феодоры (1056 г.). В отличие от «Продолжателя Феофана» и «Хроники Магистра», автор позволяет себе критично оценивать главу государства, даёт свою оценку событиям. Особое внимание Пселл уделяет деятельности магистра Георгия Маниака (998–1043 гг.), сравнивая его с другими византийскими придворными и военачальниками, указывает на его успехи в борьбе с арабами и норманнами, критикует власть за несправедливое к нему отношение. Данный факт зримо намекает на зреющий кризис в империи, и желание «сильной руки».

Отдельно следует отметить местные византийские источники. Так труд Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники» позволяет взглянуть на трагическую судьбу захвата города 31 июля 904 г. Львом Триполитанским, где помимо процесса самой осады указывается на наличие греческого огня не только у греков, но и у мусульман [2]. Помимо штурма, автор уделяет внимание судьбам горожан: их пленение и последовавшее за этим заключение в темнице. Подобные описания являются редкими для данной эпохи.

Определённые сведения по истории внешней политики Македонской династии встречаются в трудах, посвящённых стратегии и тактике военных действий. В данном случае интересным источником выступают «Советы и рассказы» византийского полководца Кекавмена [4]. В труде имеются ценные сведения о боевых действиях в Элладе во время столкновения Василия II с царём Болгарии Самуилом, а именно – осада в 980–985 гг. Ларисы, что в остальных источниках не упоминается вовсе.

Таким образом, внешняя политика не была приоритетным направлением в византийской историографии X–XI вв. Систематическое представление о ней можно сделать привлекая широкий комплекс источников не византийского происхождения. Однако, в трудах византийских историков мы наблюдаем усиленное внимание к внешнеполитическим успехам империи на Балканах и Востоке, в то же время события в отношении Италии и Древней Руси в полной мере не раскрыты, что создаёт трудности в изучении внешней политики Византии XI–XII вв.

Общим для византийских историков X–XI вв., является то, что внешняя политика рассматривается ими как удел императора-полководца. Его задача – расширение или возвращение потерянных земель. Империя показывается как бастион христианской цивилизации, защищающий её от «варваров». Из особенного следует выделить упор на локальные события в Византии, как осада Фессалоник (904) и Ларисы (980–985 гг.), а также показ роли отдельных личностей не царского происхождения во внешней политике.

1. Багрянородный, Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1989. – 496 с.
2. Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника, Иоанн Камениата Взятие Фессалоники / под ред. М. Я. Сюзюмова. – М. : Издательство восточной литературы, 1959. – 265 с.
3. Диакон, Лев. История / Лев Диакон. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
4. Кекавмен, Советы и рассказы: Поучение византийского полководца века / Кекавмен ; подготовка текста, введение, пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина. – СПб. : Алетей, 2003. – 711 с.
5. Любарский, Я. Н. Историограф Михаил Пселл // Я. Н. Любарский / Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. – М. : Наука, 1978. – 319 с.
6. Культура Византии : в 3 т. / под ред. З. В. Удальцовой, Г. Г. Литаврина. – М. : Наука 1989. – Т. 2 : Вторая половина VII–XII вв. – 680 с.
7. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Алетей, 2009. – 400 с.
8. Пселл, Михаил. Хронография. Краткая история / Михаил Пселл. – СПб. : Алетей, 2003. – 397 с.
9. Сюзюмов, М. Я. Лев Диакон и его время // М. Я. Сюзюмов / Лев Диакон История. – М. : Наука, 1988. – С. 137–166.
10. Хроника Симеона Магистра и Логофета / перевод со среднегреческого А. Ю. Виноградова, вступительная статья и комментарии П. В. Кузенкова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 264 с.
11. Skylitzes, J. A Synopsis of Byzantine History, 811–1057 / J. Skylitzes, introduction, text and notes translated by John Wortley. – Cambridge : University press, 2010. – 492 p.

Кежа Ю.Н.

ДАРЫ МЕЖДУ ДРЕВНЕРУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ И КОЧЕВЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ: ИЗУЧЕНИЕ ПРАКТИК РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ И ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА

В архаических и средневековых обществах, вручение даров и взаимный дарообмен выступали универсальным институтом, с помощью которого устанавливались и поддерживались социальные связи: заключались договоры и союзы, разрешались конфликты, устраивались иерархические системы власти-подчинения [5, с. 134–285; 1, с. 410–430].

Целесообразность исследования института даров и дарообмена обусловлена практическими потребностями, поскольку в современных условиях бурного развития способов передачи информации, важное значение имеют формы и средства коммуникации, которые существовали в доиндустриальный (средневековый) период. Это даёт возможность проследить эволюционные пути развития форм контактов и их реализацию в пространстве власти: как внутри правящего слоя, так и между правящей элитой и рядовым населением.

Институт даров и дарообмена играл большую роль в политических отношениях домонгольской Руси. В данной статье наше внимание будет обращено на практику вручения даров между древнерусскими князьями-Рюриковичами и кочевыми сообществами X – первой половины XIII в. обитавшими в днепровских и донских степях Восточной Европы: печенегами (X – первая половина XI в.), половцами (вторая половина XI – первая половина XIII в.) и чёрными клобуками (середина XII – середина XIII в.).

Вручение даров при контактах древнерусских князей с кочевниками являлась распространённой практикой. Об этом свидетельствуют неоднократные упоминания о вручении младшими князьями-Рюриковичами старшим князьям военных трофеев (саигата), полученных в военных набегах на половецкие ставки. Само слово «саигат» попадает на Русь из тюркской языковой среды во второй половине XII в. Есть все основания считать, что подобная практика вручения военных трофеев была заимствована Рюриковичами именно у половцев, что говорит о мощном культурном взаимодействии и формировании схожего церемониала обмена дарами в половецком и древнерусском культурном пространстве [4, с. 266–269].

В результате анализа ранних сохранившихся древнерусских летописных источников: Повести временных лет и, следующих за ней письменных памятников – Лаврентьевской (1377 г.) и Ипатьевской (начало XV в.) летописей, а также Новгородской первой летописи старшего (XIII – первая половина XIV вв.) и младшего изводов (1440-е гг.) удалось найти информацию о, по меньшей мере, десяти случаях вручения даров при контактах Рюриковичей и их степных соседей.

Впервые информация о дарообмене между киевским воеводой Претичем и печенежским «князем» встречается в сообщении Повести временных лет за 6476 г. В летописной статье зафиксирована информация о процедуре соглашения, включающая ритуал побратимства: «ре же князь Печенѣжский къ Прѣтичю . буди ми другъ . шнѣ же реч тако створю . и подаста руку межю собою . и въдасть Печенѣжский князь Прѣтичю . конь . саблю . стрѣлы . шнѣ же дасть ему . бронѣ . щитъ . мечъ . [и] ѿступища Печенѣзи ѿ града» [8, стб. 67]. Закреплением взаимных клятв («буди ми другъ» и ответ «такое створю») стало рукопожатие двух правителей и обмен дарами. Произнесение договорных формул и последующий взаимный дарообмен оружием, на наш взгляд допустимо рассматривать в общем контексте «клятвы оружием», фигурирующей в договорах Руси и Византии 907/911, 944, 977 гг. В подобных договорах находят своё проявление языческая традиция, элементы раннегосударственной политической культуры и формирующейся дипломатии [10, с. 45].

Дары, как форма заключения соглашений с кочевым объединением половцев впервые встречается в Повести временных лет в «Поучении» Владимира Мономаха: «и мировъ есмъ створилъ с Половецкыми князи . безъ ѿдинога . къ . и при ѿци . и кромѣ ѿца . а даѣ скота много . и многы порты своѣ . и пустилъ есмъ Половецкыхъ князь лѣпшихъ изъ шковъ» [8, стб. 250]. Владимир указывает, что за период своей политической и военной активности заключил 19 соглашений с половецкими правителями. В сообщении дары Владимира Мономаха описаны непосредственно в контексте заключения мирных соглашений, что свидетельствует о них как о важном инструменте при разрешении конфликтов.

Под 6654 г. в Киевской летописи встречается информация об отправке даров половцам от Святослава Ольговича: «Сѣтославъ . ѿпусти воѣ своѣ в Половецѣ давъ имъ дары многы . ихъже мы преди написахомъ . идоша с ними Половецѣ . мнози» [9, стб. 339]. Половцы были необходимы Святославу как военная сила против киевского князя Изяслава Мстиславича и черниговских Давыдовичей. Во многом, участие половцев на стороне Святослава способствовало восстановлению власти князя над Новгород-Северской землей.

Дары половцам от киевского князя Юрия Владимировича фигурируют в Киевской летописи под 6663 г. Вручение даров упоминается в контексте переговоров между половцами и киевским князем. Суть переговоров заключалась в разрешении конфликта между кочевниками-берендеями, которые

выступали на стороне русских князей и половцами. Берендеи пленили некоторых представителей половецких элит и отказывались выдавать пленников. Дары Юрия половцам были призваны разрешить конфликт: «Дюрги же не створи имъ насильѣ . но Половци ѡдаривъ дары ѡпусти ѣ . а самъ иде Киеву» [9, стб. 480]. Киевский князь, в данном случае, выступает арбитром в разрешении спора между кочевыми объединениями и пытается разрешить конфликт путём вручения даров.

Дважды княжеские дары преподносятся князьями-Рюриковичами для предотвращения половецких набегов на южнорусские земли. В 1155 г. дары половцам вручает уже упомянутый киевский князь Юрий Владимирович, что, однако, не избавило окрестности Переяславля от половецкого разорения: «Половци же поймавшѣ дары оу Гюрга . и ѣхаша прочь мира не створивше . и много пакости створиша школо Переѣславла» [8, стб. 345]. В 1169 г. для предотвращения нападения на Переяславль, дары половцам вручает сын Юрия Владимировича Глеб: «иде Глѣбъ к Переѣславльскымъ Половцемъ . на снемъ . а къ другымъ Половцемъ к Русьскымъ посла река . пождѣте мене ту иду к Переѣславлю оумирюса с тѣми Половци . приду к вамъ на миръ . смиривъ же са с Половци и подаривъ и . поѣха ѡ ниѣ . Половци же възвратишаса шпатъ в Половцѣ» [8, стб. 358].

Обращает на себя внимание, что именно Глеб Юрьевич выделялся интенсивностью половецких контактов. Возможно, это было обусловлено его происхождением (матерью Глеба была половецкая княжна). Статус Глеба в половецком мире становится довольно высок во второй половине 60-х гг. XII в., в тот период, когда в половецкой среде один из представителей знатного рода получает христианское, княжеское имя Глеб [4, с. 315–316]. Связи Глеба Юрьевича с половецкими объединениями подтверждались вручением даров, которые, в 1169 г. способствовали заключению соглашения и отступлению кочевников от Переяславля.

В Ипатьевской летописи, дважды, под 6700 и 6703 гг. встречается информация о дарах киевского князя Рюрика Ростиславича половцам [9, стб. 674, 690]. В одном случае, при вручении даров упоминается вероятный посредник, которым выступает Кунтувдей – один из военачальников союзных Киеву торков: «Тое же зимъ посла Рюрикъ по Коунтоувдѣѣ в Половци . Половци же поемъше и приѣхаша к Рюрикови . Рюрикъ же Половцѣ ѡдаривъ дары многими . и водивъ ихъ к ротѣ и ѡпусти ихъ во своѣси» [9 стб. 674]. В данном сообщении вручение даров фигурирует в контексте заключения клятвы-роты («и водивъ ихъ к ротѣ»), где инициатором и адресатом половецкой клятвы был Рюрик Ростиславич. Обозначение переговорного процесса «ходити к роте» – использовалось в древнерусских летописях для обозначения договорных отношений русских князей с язычниками [11, с. 270]. Для периода XII в. термин «рота» описывается при упоминании заключения договоров именно со степными языческими народами – половцами, берендеями, торками, черными клобуками, что противопоставляет данный термин крестоцелованию – договорной практике, заключаемой исключительно между христианскими правителями.

Последний раз информация о вручении даров в ходе русско-половецкого контакта относится к 1223 г., когда накануне битвы с монголами на Калке к галицкому князю Мстиславу Мстиславичу обращается его тесть Котян. Половецкий правитель просит оказать помощь в отражении нападения монголов: «И приде съ поклономъ съ князи Половьцьскыми къ зяти въ Галичъ къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесѣ многи: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князь русьскихъ, а рекучѣ тако: «нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята будетъ»; и възмолися Котянь зяти своему» [6, с. 62]. В сообщении дары Котяна фигурируют как дипломатическое средство получения военной помощи и, по всей видимости, их следует рассматривать в рамках модели обмена материальных ценностей на ожидаемые услуги – совместное отражение монгольского нападения.

Из степняков, соседствовавших с Русью, отдельного внимания заслуживают чёрные клобуки, которые представляли собой объединение различных кочевых или полукочевых сообществ – торков, печенегов, берендеев и ковуев. Чёрные клобуки во второй половине XII в. занимали буферные территории между русскими землями и половецкими кочевьями по течению рек Днепр, Стугна и Рось. Основная функция чёрных клобуков заключалась в защите южной границы Руси от половецких объединений и, таким образом, уместно говорить о них как о вассалах-федератах киевских князей [7, с. 76–78; 3, с. 16–17]. Под 6703 г. в Ипатьевской летописи при развёрнутом сообщении о дарообмене между Рюриком и Давыдом Ростиславичами, в качестве приглашённых на княжеский пир получателей даров упоминаются в том числе и чёрные клобуки: «потомъ же позва Дѣвдъ Чернии Клобуци вси . и тоу попишаса оу него вси Чернии Клоци . и ѡдаривъ ихъ дарми многими . и ѡпусти ихъ.» [9, стб. 682]. Учитывая важную роль чёрных клобуков в защите южнорусских земель, их упоминание среди основных адресатов даров следует рассматривать как закрепление договорных отношений Рюриковичей с союзным полукочевым объединением для дальнейшей защиты приграничных степей территорий [2, с. 11].

Таким образом, основной целью дарения и дарообмена между князьями-Рюриковичами и кочевыми объединениями являлось заключение мирных соглашений или оказание военной помощи.

Один раз, дары упоминаются в контексте разрешения спора между конфликтующими сторонами (6663 г.). Дважды в летописных сообщениях вручение даров выступает составной частью клятвы (6476 и 6700 гг.), что говорит о включении дарообмена в сложную ритуализированную процедуру. Для подтверждения договорных отношений – выполнения функций защиты южных границ Руси – дары могли вручаться объединению чёрных клобуков, которые являлись федератами русских князей на границе со Степью.

Анализ восточнославянских летописных источников даёт основания утверждать, что в домонгольский период истории Руси (X – первая половина XIII вв.) институт даров и дарообмена являлись одним из ключевых факторов урегулирования конфликтов, заключения договорных отношений и политических союзов.

1. Гуревич, А. Я. Избранные труды. «Эдда» и сага / А. Я. Гуревич. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 470 с.
2. Кежа, Ю. Н. Княжеские дары в Древней Руси: символические формы коммуникации и репрезентации власти / Ю. Н. Кежа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2021. – №1 (83). – С. 6–25.
3. Кучкин, В. А. Ковуи: Расселение, статус, миграции / В. А. Кучкин // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2019. – №1 (49). – С. 4–18.
4. Литвина, А. Ф. Династический мир домонгольской Руси / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – СПб. : Издательство Олега Абышко, 2020. – 432 с.
5. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана – М. : КДУ, 2011. – 416 с.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
7. Плетнева, С. А. Половцы / С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
8. Полное собрание русских летописей. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1926–1928. – 379 с.
9. Полное собрание русских летописей. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908. – 638 с.
10. Фетисов, А. А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах / А. А. Фетисов // Славянский альманах 2001 г. – М., 2002. – С. 36–45.
11. Щавелев, А. С. Съезд князей как политический институт Древней Руси / А. С. Щавелев // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. – М., 2006. – С. 268–278.

Кондратенко А.А. ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ С КОЧЕВНИКАМИ

Начальный период истории Древней Руси характеризуется не только быстрым внутривнутриполитическим развитием государства, но и становлением устойчивой системы внешнеполитических связей. Одним из важнейших направлений внешней политики как всей Древней Руси в целом, так и отдельных земель-княжеств, были взаимоотношения с кочевыми соседями. Взаимоотношения между Русью и кочевниками не ограничивались только военно-политическими аспектами, но имели и социокультурное измерение. Изучение данной проблематики является, по нашему мнению, актуальной научной задачей, требующей привлечения всего спектра источников. В данной статье будут рассмотрены летописные источники по истории взаимоотношений Древней Руси с кочевниками.

Древнерусские летописные своды являются нашим основным источником нарративного характера по истории Древней Руси, на их страницах широко представлена проблематика взаимоотношений Руси с кочевыми соседями. В последовательно изложенных погодных записях исторического характера получили отражение в основном события, связанные с военными столкновениями между Русью и кочевниками. Проблемы политогенеза, социогенеза и этногенеза кочевых племен представлены в древнерусских летописях, как правило, фрагментарно.

В самом масштабном древнерусском летописном памятнике – «Повести временных лет» (ПВЛ), датируемой первой половиной XII века, – содержатся ценные сведения по истории взаимоотношений с кочевниками. Рассказы ПВЛ о начальных этапах истории Руси стали хрестоматийными. Еще до образования Древнерусского государства (882 г.) в ПВЛ содержится рассказ о дани, которую выплачивали восточнославянские племена хазарам. В летописной статье 859 г. говорится: «В год 6367. Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма» [5, с. 8]. Можно полагать, что хазары совершали грабительские набеги задолго до основания на этих землях государственного объединения и смогли подчинить своей власти неконсолидированные восточнославянские племена.

Далее ПВЛ сообщает, что хазары оказывали давление и после образования Древнерусского государства; за освобождение от хазарской дани приходилось бороться его первым правителям. Так, например, летопись сообщает про поход князя Олега в 884 г.: «В год 6392. Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам (им платить) незачем» [5, с. 11]. Летописец не акцентирует внимание на действиях

хазар при следующем князе Игоре, но можно предположить, что борьба за освобождение от власти хазар продолжалась и при нем.

По сведения ПВЛ, в 915 г. у границ Древней Руси появились новые кочевые племена печенегов. Первые контакты с ними носили мирный характер: «В год 6423. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю» [5, с. 13]. Под 920 г. летопись сообщает о первых военных столкновениях с печенегами: «В год 6428. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов» [5, с. 14]. По сообщению летописца, печенеги выступали и в качестве союзников князя Игоря во время русско-византийских военных конфликтов: «В год 6452. Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, – и нанял печенегов, и заложников у них взял, – и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя» [5, с. 15].

Таким образом, печенеги не только вступали в военные столкновения с русскими князьями, но и договаривались с ними о союзе и мире, если последнее оказывалось более выгодным. Но для степных народов всегда была свойственна двойственность в отношениях с Русью, и они довольно быстро переходили от союзнических договоров к опустошительным набегам.

Особенно насыщен информацией в «Повести временных лет» рассказ о правлении князя Святослава Игоревича, при котором Древнерусское государство вело активную внешнюю политику. Князь Святослав был великим полководцем и воином своего времени, его крупнейшей победой был разгром Хазарского каганата, давнего врага Руси. ПВЛ рассказывает об этом таким образом: «В год 6473. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов» [5, с. 19]. Однако ему не удалось справиться с печенежской опасностью, в бою с печенегами князь Святослав и погиб, чему посвящен драматический рассказ ПВЛ [5, с. 21].

Следующим кочевым народам, о взаимоотношениях с которыми подробно повествуется в ПВЛ, были половцы. Наиболее полно и развернуто описываются в летописи взаимоотношения военно-политического характера между Древней Русью и половцами. Нередко летописец очень подробно рассказывает о событиях, указывает не только год, но месяц и число какого-либо события. Для описания в ПВЛ раннего этапа контактов с половцами характерно отсутствие негативных коннотаций. При первом появлении половцев у границ Руси в 1055 г. летописец повествует о новом народе довольно нейтрально, можно предположить, что начальный период русско-половецких взаимоотношений был мирным [5, с. 32]. ПВЛ доводит свой рассказ о взаимоотношениях древнерусских княжеств с половцами до начала XII века.

Наиболее полные сведения о русско-половецких отношениях содержит Ипатьевская летопись. Свое название она получила от одноименного Ипатьевского монастыря, где был найден один из двух основных списков летописи. В Ипатьевской летописи исследователи видят синтез трех летописных сводов: «Повести временных лет», Киевского свода (информация о XII веке) и Галицко-Волинской летописи (XIII век). Основное содержание летописи занимают события, связанные с землями Южной Руси – Киевом, Черниговом и Переяславом, а затем землями Галицко-Волинского княжества.

Ценность Ипатьевской летописи, по сравнению с другими летописными памятниками, заключается, прежде всего, в полноте и целостности представленной картины русско-половецких отношений. Она прослеживает их с момента прихода половцев к границам Руси в середине XI века и вплоть до монголо-татарского нашествия в первой половине XIII века. Как говорилось выше, Ипатьевская летопись более подробно освещает взаимоотношения половцев с княжествами Южной Руси, однако в ее поле зрения попадает информация и о русско-половецких контактах в других землях, например, в Рязанском княжестве. Вместе с тем, необходимо учитывать тенденциозность создателей Ипатьевской летописи. Так, основная часть сведений летописи по русско-половецким отношениям принадлежала летописцам, которые были враждебны черниговским князьям. Поэтому они не только в невыгодном свете выставляли позицию Чернигова в отношениях с половцами, но и подвергли значительной редакции черниговские известия, вошедшие в Ипатьевскую летопись [1].

Другим летописным памятником, важным для изучения взаимоотношений Древней Руси с половцами, является Лаврентьевская летопись. Свое название она получила по имени переписчика, монаха Лаврентия, который завершил свой труд в 1377 г. Как и большинство известных нам летописных памятников, Лаврентьевская летопись представляет собой свод, сложное сочетание различных летописных материалов. В основе ее лежит «Повесть временных лет» второй редакции. Вслед за ней летопись вобрала в себя обширную компиляцию источников, значительная часть которых восходит к южнорусской летописи переяславского и киевского происхождения.

В отличие от Ипатьевской летописи, Лаврентьевская гораздо меньше внимания уделяет событиям на южных землях Руси. Изложение событий XII века в ней дается более кратко, чем в Ипатьевской летописи. Это, однако, не означает, что к сведениям Лаврентьевской летописи об отношениях с половцами следует относиться скептически. Для событий середины – второй половины XII века ее

известия носят более первичный характер, чем текст Ипатьевской летописи. Лаврентьевская летопись представляет собой важный источник и при изучении вопросов, связанных с участием половцев в политических усобицах на Руси в 50–70-х гг. XII века [2].

Некоторые сведения по интересующей нас проблеме содержит также Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Она была составлена в XIV – середине XV века, но древнейшие ее известия датированы XI веком. Для истории русско-половецких отношений Новгородская летопись важна в изучении событий конца XII века. В старшем изводе помещено несколько известий об участии половцев в новгородско-суздальских столкновениях. Под 1168 г. более подробно, чем в других летописях, излагаются обстоятельства сражения киевского князя Мстислава с половцами у Белгорода. Новгородская летопись содержит уникальное известие об участии половецкого хана Кончака в осаде Киева в 1203 г. [4].

Целая серия известий, отсутствующих в ПВЛ и других летописях древнерусского периода, содержится в Никоновской летописи. Никоновская летопись была создана в первой половине XVI века и дошла до нас в рукописях XVI–XVII веков. Свое название она получила от патриарха Никона, в библиотеке которого был найден один из ее списков. В отличие от других летописных сводов, передающих известия с теми или иными вариациями, но с сохранением в основе древнего текста, Никоновская летопись решительно переделывает старые известия на новый лад, не только перефразируя прежний текст, но порой и снабжает их своеобразными комментариями. В ней помещены и сведения легендарного характера, которые излагаются в виде рассказа о действительных событиях. Все это крайне затрудняет использование Никоновской летописи, так как отличить древние известия от новых, выдумку от действительности, очень трудно.

Однако, если подходить к сведениям Никоновской летописи с необходимой осторожностью, в ней можно найти ряд интересных сведений по истории русско-половецких взаимоотношений. Наиболее интересны ее сообщения об участии половцев в усобицах на землях Южной Руси в 60-х – 70-х гг. XII века, а также о причинах их набегов на русские земли. Достаточно подробно Никоновская летопись рассказывает о взаимоотношениях с половцами Рязанского княжества во второй половине XII века. Летопись содержит сведения о крещении половецких ханов в православную веру и их переходе на службу к русским князьям. Ее известия доказывают, что русско-половецкие отношения были сложными и многоплановыми [3].

Таким образом, подводя итог рассмотрению летописных источников, можно сделать вывод о том, что имеющаяся в нашем распоряжении совокупность летописных известий позволяет довольно подробно исследовать отношения Древней Руси с ее кочевыми соседями.

1. Ипатьевская летопись / [отв. ред. В. И. Буганов]. – [Репр. воспроизведение изд. 1908 г.]. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1998. – 938 стб. – (Полное собрание русских летописей : ПСРЛ ; Т. 2).
2. Лаврентьевская летопись / [под ред. Е. Ф. Карского]. – [Репр. изд. 1926–1928 гг.]. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1997. – 733 с. – (Полное собрание русских летописей. ПСРЛ; Т. 1).
3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью: [3-е изд.] / [предисл. Б. М. Клосса]. – [Репр. воспроизведение изд. 1882 г.]. – М. : Наука, 2000. – 256 с. – (Полное собрание русских летописей. ПСРЛ; Т. 9).
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [под ред. и с предисл. А. Н. Насонова]; АН СССР, Ин-т истории. – М. ; Л., 1950. – 642 с.
5. Повесть временных лет / сост. Д. С. Лихачев ; ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР в Ленинграде, 1950. – (Литературные памятники / АН СССР).

Евдокимова Е.С.

СВЯТАЯ ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ В РЯДУ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ СТЕПЕННОЙ КНИГИ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ

Степенная книга царского родословия (далее – СК) является уникальным источником, созданным в начале 60-ых гг. XVI в. Композиционный замысел автора СК заключается в оформлении идеи, согласно которой предки Ивана IV, чье жизнеописание включено в состав книги, являются своеобразными «ступенями» к Царству Божьему. Всего таких граней-ступеней 17. Первой ступенью является князь Владимир Святославич и его жизненный путь, а последней – царь Иван IV Васильевич. Среди прославленных представителей рода Рюриковичей автор СК поместил не только мужские, но и женские образы, среди которых заметную роль занимает Евфросиния Полоцкая. Ее Житие помещено в одиннадцатую главу пятой грани и занимает сорок процентов последней. Целью данного исследования является выявить специфику образа Евфросинии среди других прославленных святых женщин, чья жизнь описана в СК.

В зависимости от степени подробности источников, на которые опирался составитель СК, посвященные женским образом сюжеты могли быть более или менее содержательными [3, с. 88]. Особое

место женские образы занимают в освещении истории XII в. За этот период рассказывается об истории целых трех святых: Евфросинии Полоцкой, княгини Марии – супруге Всеволода Большое Гнездо, и о жене князя Рюрика Ростиславовича [4, с. 164]. В разных степенях памятника отдельные главы посвящены дочери киевского князя Анне (Янке); княгине Марии, жене Всеволода Большое Гнездо; Василисе (Феодоре), супруге нижегородского князя Андрея Константиновича и преподобной Евдокии (Евфросинии), жене Дмитрия Донского. Отдельно стоит сказать о святой Ольге, которой посвящен текст, предшествующим степеням. Кажется разумным сравнивать образ Евфросинии Полоцкой именно с этими святыми, так как Житие преподобной также занимает главу в составе конкретной грани (пятой).

Совсем немного сказано о преподобной Анне (Янке) Всеволодовне, киевской княжне, в четвертой главе третьей степени СК [5, с. 388]. В тексте подчеркивается ее самостоятельное решение принять иноческий сан, «дѣвою суще», и в этом ее сходство с Евфросинией Полоцкой. Существенное различие состоит в том, что в отличие от Евфросинии у Анны не возникло конфликта с родителями из-за принятого ею выбора.

Еще больший контраст с образом Евфросинии Полоцкой обнаруживается в описании жизни святой княжны Василисы (Феодоры), супруги суздальского и нижегородского князя Андрея Константиновича. С юности Василиса желала стать инокиней, но не получила благословение родителей, а поэтому смирилась с уготовленной ей судьбой [6, с. 45.]. Став супругой князя, Василиса-Феодора всячески старалась следовать божьим заповедям, умирала тело власяницей и соблюдала все посты. После смерти своего супруга, Василиса-Феодора раздала имение, драгоценности и платья нищим, а сама стала инокиней.

Текст о Марии Всеволожей помещен в шестую главу десятой степени. К ее добродетельным поступкам относится покупка земли на строение церкви и монастыря [5, с. 456]. Качество Марии, на котором автор делает особый акцент, это смирение. Мучаясь от тяжелой болезни, святая не ропщет и принимает все страдания с благодарностью. Уходя из жизни, Мария наставляет своих детей. Она учит их сохранять в сердце страх Божий, с особым уважением относиться к священническому чину, творить милостыню, любить друг друга, не допускать междоусобиц.

Наконец, необходимо сказать о тезке Евфросинии Полоцкой – о Евдокии (Евфросинии) Московской, супруге князя Дмитрия Ивановича Донского. Текст о ее жизни, входящий в двенадцатую степень СК, многократно превышает по детализации все вышеупомянутые тексты и может быть сравним по содержательности только с жизнеописаниями Евфросинии Полоцкой и Ольги, о которых будет сказано позднее. Первые строки вырисовывают образ Евдокии-Евфросинии, который можно охарактеризовать как «благонравная супруга и добродетельная мать». На протяжении двадцати двух лет совместной жизни с мужем Евдокия вела себя благочестиво, родила и воспитала сыновей и дочерей. Наиболее активно святая проявляет себя уже после смерти своего супруга. Она инициирует строительство храмов и монастырей, а также ведет целомудренный образ жизни [6, с. 67]. Целомудрию Евдокии посвящен отдельный сюжет. Святая игнорировала всяческие слухи, распространявшиеся об ее образе жизни, стремясь перенести со смирением всяческую хулу. Только смущение собственных сыновей заставило вдову перейти к доказательству собственной целомудренности. С этой целью она сняла часть своей одежды и продемонстрировала иссушенное постом тело [6, с. 67–68]. Далее идет описание чудес, указывающих на особое положение Евдокии. Святой является ангел, предупреждающий о приближении конца ее жизненного пути, после чего вдова на некоторое время теряет дар речи, и только верно написанная икона святого архангела Михаила возвращает ей способность говорить [6, с. 68]. По дороге в Вознесенский монастырь (где Евдокия примет постриг и новое имя – Евфросиния) вдова встречает слепого, которому приснилось чудесное спасение от святой. Здесь Евдокия Дмитриевна ведет себя следующим образом: она не вступает в диалог с просящим, но роняет на землю рукав своей сорочки. Прикосновение к ткани исцеляет слепого [5, с. 69]. Отдельно сказано о чуде самовозгоревшейся свечи у мощей святой.

Если ограничиться этим перечнем святых жен, то можно прийти к выводу, что наиболее общими их качествами являются целомудрие и смиренность, а наиболее частым видом деятельности – раздача милостыни, строительство храмов и монастырей.

Обратимся к образу Евфросинии Полоцкой, жизнеописание которой автор СК заимствовал практически без изменений из Жития редакции сборников [2, с. 45–46]. Едва ли не единственным заметным изменением здесь является добавление генеалогии Евфросинии [4, с. 434], что можно объяснить как концепцией СК, так и, возможно, потребностью уточнить происхождение Полоцкой святой для живущих в Московском царстве читателей.

Согласно тексту жизнеописания, Евфросиния рано приобщилась к святому писанию и, будучи отроковицей, приняла решение посвятить себя Богу, что противоречило желанию ее родителей. Тем не менее, Евфросиния все же смогла уговорить свою родственницу, черницу вдову Романову,

принять ее в число инокиней. Примечательно, что Евфросинии не пришлось обманывать своих домочадцев, но она ушла от них тайно [5, с. 437]. Своеобразное лукавство проявила Евфросиния позднее, прося у родителя к себе сестру Гордиславу, чтобы та научилась грамоте. В ходе же обучения Гордислава высказала желание также постричься в инокини, чему Евфросиния тут же поспособствовала. На просьбу же отца послать к нему сестру обратно, святая ответила, что та еще не окончила свое обучение [5, с. 439]. Святая заложила каменные церкви Святого Спаса и Святой Богородицы [5, с. 440–442]. По ее просьбе в Полоцк была привезена Эфесская икона Божией матери, при этом для этого ей пришлось обращаться к Византийскому императору Мануилу и патриарху Луке, которые и удовлетворили ее просьбу [5, с. 442]. Евфросиния сама приняла решение окончить свой жизненный путь в Иерусалиме и совершила задуманное.

Как и в случае с Евдокией-Евфросинией Московской, полоцкая святая имеет особую связь с Богом через ангела. Именно посланец Божий указал место, которое впоследствии стало обителью для святой [5, с. 437], ангел предупредил святую о скором окончании ее жизненного пути [5, с. 443].

Отдельно стоит упомянуть о характеристике Евфросинии как «лепой лицом» [5, с. 436]. В текстах о уже упомянутых святых женах не дается их внешнего описания. Образ Евфросинии во многом является весьма динамичным образом игуменьи-наставницы, которая посвятила свою жизнь наставлению всех тех, кто к ней обращался. Увидев своих племянниц от брата – князя Вячеслава, святая уговорила их принять постриг, несмотря на смятение родственников [5, с. 443–444].

Активность и деятельность Евфросинии, отсутствие явной смиренности в ее поступках, выглядят довольно контрастно в сравнении с ранее указанными женскими образами святых. В содержательной работе Керстин Сузанной Йобст, посвященной образу Евфросинии, была высказана точка зрения о причинах необычности образа Полоцкой святой. Вхождение Полоцка в города Магдебургского права, его тесная связь с католическим миром, могли способствовать влиянию католических канонов на православный агиографический образ [7, р. 337]. Эта версия не лишена основания, особенно с учетом существующих свидетельств влияния образа Евфросинии на католическую агиографию. Так, на территории Речи Посполитой в XVI в. было создано жизнеописание католической святой Параскевы Полоцкой, сильно напоминающее по своему содержанию Житие Евфросинии [1, с. 176]. Нельзя исключать, что влияние было взаимным.

Тем не менее, в составе Степенной книги существует еще один женский образ, до этого нами не рассмотренный – это святая Ольга, жизнеописание которое предшествует степеням. Среди качеств святой можно отметить уже привычные нам целомудрие и благочестие [5, с. 151], но без смирения, присущего другим святым. В тексте подчеркивается мудрость Ольги, которая смогла во время первой же встречи с князем Игорем постоять за свою женскую честь при помощи необычной речи [5, с. 152]. После же смерти супруга Ольга «помалу начя укреплятися, и женьскую немощ забывши, и мужеским смысломъ обложися, и умышляше, како месть крови мужа своего сътворити» [5, с. 156].

Необычный образ первой древнерусской княгини-христианки в некоторых аспектах является наиболее близким к описанию Евфросинии Полоцкой. Обе святые необычайно деятельны и самостоятельны. Сравнение Полоцкой княгини со святой Ольгой может поставить под сомнение версию о том, что причинами необычных черт образа Евфросинии является католическое влияние.

1. Козлова, К. И. Преподобная Евфросиния Полоцкая и ее прототип в белорусско-литовских / К. И. Козлова // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сборник докладов XXIV Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, 29–30 мая 2018 года, Институт теологии БГУ / [редакторы-составители: С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский]. – Минск, 2019. – С. 174–177.
2. Мельников, А. А. Литературная история агиографической повести о Евфросинии Полоцкой : На материале рукописей XVI–XVIII вв. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / АН БССР. Ин-т лит. им. Я. Купалы. – Минск. – 1989. – 213 с.
3. Мельничук, В. А. Жизнеописание княгини в архитектонике Степенной книги / В. А. Мельничук // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2021. – № 2. – С. 84–93.
4. Мельничук, В. А. Презентация истории XII в. в Степенной книге / В. А. Мельничук // *Universum Humanitarium*. – Новосибирск, 2016. – С.150–166.
5. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. – Т. 1 : Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / подгот. под рук. Н. Н. Покровского. – М. : Языки славянских культур. – 2007. – 598 с.
6. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. – Т. 2 : Степени XI–XVII: С прил. и указ. / подгот. под рук. Н. Н. Покровского. – М. : Языки славянских культур. – 2008. – 568 с.
7. Jobst, K. S. Im Kontext von Hagiographie und nationalen Diskursen: Die Vita der Evfrosinija von Polack / K. S. Jobst // *Historische Zeitschrift*. – 2007. – №2. – P. 311–344.

Мирзаев Дж.З.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Сохранившиеся письменные источники, как правило, не описывают события прошлого в хронологическом порядке и, собственно говоря, не представляют истории общин: в большинстве случаев они посвящены правителям, описывая историю династий и деятельности известных личностей, уделяя недостаточное внимание коллективной идентичности простого народа. Понять, как они себя идентифицировали, крайне сложно, ведь до наших дней дошло лишь небольшое количество письменных источников. Однако можно рассмотреть несколько проявлений идентичности, иногда перекрывающихся. Это религиозная идентичность или идентичность, связанная с местными сообществами и кланами. Историографическая традиция Центральной Азии отражала фрагментированную этническую историю и манипулировала историческими символами, часто основанными на мифических историях. Многие этносы, например, претендовали на родство с Александром Македонским, персидскими царями, пророком Мухаммедом и его сподвижниками, Чингисханом и монголами, не представляя при этом единой этнической общности. С другой стороны, исходя из политических реалий того времени, можно констатировать, что различные группы обычно объединялись в единую общность.

Завоевания, связанные с распространением ислама, повлияли на этническую ситуацию в Центральной Азии, приведя к сокращению местного населения в результате войн и вынужденному переселению его за пределы Арабского халифата, а также заселению на их место вновь прибывших иммигрантов из арабского и персидского происхождения. Миграция из Ирана в Центральную Азию началась еще во второй четверти VII века, когда арабы завоевали Иран, в результате этого часть населения Сасанидской империи переселилась в страны Востока. Значительную часть войск завоевателей на раннем этапе ислама составляли их подручные *маулави* – иранцы, принявшие ислам. Завоевав города, завоеватели заключали с местными жителями договоры, по которым, кроме выплаты непомерно высокой контрибуции, местные жители должны были освободить половину города и отдать воинам половину своего дома. Часть местного населения покинуло свои земли и переселилось в Семиречья, Восточный Туркестан и Китай [1, с. 146].

Большая часть территории Центральной Азии стала называться «Хорасан». Эти процессы нашли отражение в сочинении Наршахи, который отмечал, что «при Кутайбе ибн Муслиме все города Мавераннахра были разделены между арабами и персами», а также в сочинении Махмуда Кашгари, согласно которому, «когда число персов значительно увеличилось в городах Мавераннахра, они приходили на города Аджамы» [4, с. 164].

Ислам изменил не только социально-экономический облик общества, но и идентичность его членов, при этом идентичность, связанная с местными общинами и кланами, сохранилась. Однако ислам не только игнорировал эти этнические предрассудки, но и вел с ними борьбу. Эти процессы нашли отражение в письменных канонах ислама. В Коране сказано: «О человечество! Воистину, Мы сотворили вас мужчиной и женщиной, создали вас народами и племенами, чтобы вы уважали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом из вас – самый благочестивый» [2, 49:13]. Этот *аят*, а также *хадисы*, т.е. высказывания и поведение Пророка, а также его отношения с различными общинами способствовали определению пути Ислама в этом направлении. Поэтому в хадисе подчеркивается: «О люди! Помните, что Господь ваш един, и ваш отец един (все люди произошли от Адама и Евы). Помните, араб не обладает превосходством над неарабом, а не араб не имеет преимуществ над арабом; так же, как белый не обладает превосходством над чернокожим, а чернокожий не имеет преимуществ над белым, кроме как в благочестии и добрых делах». В исламе прежде всего духовная близость, а не принадлежность к клану или племени. Именно поэтому в Коране чаще упоминается термин *умма* – «община»: «Поистине, ваша община – община единая» [2, 21:92].

Эта идеологическая установка предопределила активную социальную динамику в период зарождения ислама. Между тем, принцип, на котором основан исламский подход к этническому вопросу, включает в себя также понятие божественного указа и положение мусульманской идеологии о том, что все сотворено Аллахом – и природа, и люди – не могут быть изменены человеческими усилиями. Следуя этим исламским положениям, воссоединение людей в этнические общности внутри религиозной общности является вечным и непреложным, поскольку в Коране сказано, что Аллах сотворил людей в «народы и племена». Параллельно со структурами этнических общин сосуществовало формирование общей общины с новой иерархией во главе с *ахл ал- байт* – членами семьи Пророка.

Таким образом, люди идентифицировали себя прежде всего, как мусульмане. Этническая принадлежность еще присутствовала, но осознание своей общности как мусульман проявлялось более ярко и глубоко. Ситуация была такова, что, с одной стороны, исламские установки не способствовали этничности, а с другой стороны, реалии были совсем другими.

Одним из наименее изученных явлений является идентичность, основанная на языковом признаке. Адиб Собир Термизий писал свои стихи на языке, который он обозначил как *дари* – широко распространенном в то время в Термезе языке. «В городе не осталось дома, куда дари не вошел», – констатировал поэт [5, с. 174]. Таким образом, наряду с древнетюркским и арабским, большое развитие получили и разновидности персидского языка, на котором были созданы шедевры мировой литературы. Последователи тюркской культуры, например, использовали все три языка мусульманского мира – арабский, персидский и тюркский. Таким образом, в исламском ареале, в тюркской среде, сложилось трехъязычие: арабский как язык религии и науки; Персидский как язык поэзии и тюркский как язык повседневного общения. В этом отношении творчество Ахмада Яссави, Алишера Навои, Бабура имеет большое значение, так как в них на тюркском языке отражены ценности эпохи. Следуя традиции, они включают в себя общие вопросы восточной литературы, но рассматривают эти вопросы через призму тюркской идентичности. Например, наследие Ахмада Яссави очень важно для анализа изменений в самосознании, развития суфийской идеологии и многих других форм духовной жизни общества. Вопросы идентичности составляют существенный слой в наследии Ахмада Яссави. Процесс идентификации в ней развивается в направлениях исламского сообщества, когда важно было определить положение человека прежде всего по отношению к Богу.

Средневековые источники редко, если вообще, когда – либо, дают прямые свидетельства или точные данные об этнической принадлежности многих известных деятелей науки и культуры среднеазиатских народов Средневековья. Задача еще больше усложняется тем, что многие из них носили араба– мусульманские имена, что делает невозможным определение их истинного происхождения. Письменные источники содержат прямые ссылки на относительно небольшое число из них.

Нашествие Чингисхана в начале XIII века изменило этническую картину Центральной Азии. Теперь различные этнические общности, ввиду политических реалий того периода, претендовали на родство с Чингисханом и монголами. Как выразился историк XIV века Рашид ад– Дин, «в настоящее время благодаря процветанию Чингисхана и его рода, так как они монголы – [различные] тюркские племена, такие как *джалаиры*, *татары*, *ойраты*, *онгуты*, *кераиты*, *Найманы*, *тангуты* и т. д., каждый с определенным именем и особым прозвищем – из – за биения в груди – называют [тоже] себя монголами, несмотря на то, что они не признавали этого имени в древности. Таким образом, их нынешние потомки воображают, что они принадлежат к имени монголов еще с древних времен и носят [это] имя, но это неверно, потому что в древности монголы были [лишь] одним племенем от всей тюркской семьи степных племен» [5, с. 102–103]. Согласно средневековой литературе, среди них только два племени – кияты, из которых происходил Чингисхан, и *хонкираты* (по преданию, впоследствии преобразованные в *кунграты*), из которых происходила его мать, – были связаны традиционными родственными узами. Как писал Рашид ад – Дин, *хонкираты* принадлежали к племенам, которые были известны как монголы, но не были настоящими монголами. Они входили в состав армии Чингисхана и имели большое значение при дворе. В последующие годы, согласно средневековым источникам, кунграты играли важную политическую роль при дворах многих правителей на всей территории Евразии. Политическое господство кунгратов на территории южного Узбекистана, согласно письменным источникам, было связано с вторжением Шейбани–хана в Мавераннахр и образованием вследствие этого кунградского юрта. Источниками, в которых зафиксированы подробности краеведческой истории Кунгратов, являются эпические поэмы «*Шайбанинома*» и «*Алпомыш*» и многие другие монументальные произведения.

Анализ исторических источников позволяет констатировать следующий принцип: если имя вождя – чагатай, то все подчиненные соплеменники и земляки называли себя чагатайцами; Ногайхан – ногайцы, Узбекхан – узбеки. Так, историк XVII века Махмуд ибн Вали констатирует, что «Народ Туркестана в каждую эпоху имел особое имя и прозвище. Так, со времени Тура ибн Йафаса до появления Могулхана, жителей этой страны называли тюрками. После становления у власти Могулхана ко всем племенам, обитавшим в этой стране, прилагалось имя могул. После поднятия государево знамени Узбек– хана и по сей день, жители этой страны именуется узбеками. Однако в отдельных странах, как и раньше, всех жителей Турана называют тюрками» [3, с. 32]. Авторы других средневековых произведений также указывают на ряд проявлений идентичности, иногда совпадающих, например, с исламской идентичностью и идентичностью, связанной с локально – территориальными общностями и коренными традициями.

Изучение средневековой этнической терминологии последних лет позволяет сделать важные выводы, из которых следует, что этнонимы средневековых источников не абсолютны только по отношению к этносу, но содержат общее, укоренившееся в традициях представление о географическом положении и характеристиках этноса. Этнические группы. Поскольку большинство восточных авторов использовали метод компиляции, этническая классификация могла быть для них актуальной, но в то же время отражать уже иную в настоящее время этнополитическую ситуацию. Этот аспект кейса применительно к исходной информации разработан недостаточно.

Анализ источников свидетельствует о том, что в сознании историков постепенно происходило определенное сужение этногеографических представлений о регионе. Это сужение развилось от более частной схемы к более абстрактной. Первоначальные сведения, скорее всего, снабдили их списками племенных названий, а не областей, и лишь позднее историки предпочитают давать обобщенный список завоеванных монголами земель, переводя названия некоторых племен в названия стран и областей, либо использовать оба варианта параллельно.

Аспекты истории этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу малоизученных, что обусловлено многими факторами, в первую очередь малочисленностью и противоречивостью письменных источников. Именно поэтому любые информативные исходные данные приобретают особую ценность. Разбросанность и исключительная сложность материала являются причиной того, что ранее предпринимались лишь единичные попытки изучения и систематизации исходных материалов. Между тем именно системный анализ материала позволяет прояснить многие важные вопросы, связанные с возникновением и развитием той или иной этнической общности. Поскольку прирост новых источников свидетельств в ощутимых количествах вряд ли возможен, остается рассчитывать на совершенствование методов исследования, на обоснованное и более объективное, чем было раньше, переосмысление уже известных фактов.

1. Колесников, А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах) / А. И. Колесников. – Москва : Наука, 1982. – 270 с.
2. Коран, 49:13, 21:92.
3. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / издание Б. А. Ахмедова. – Ташкент : Фан, 1977. – 166 с. и 16 с. текста факсимиле.
4. Махмуд Кошғарий. Девону луғоти–т–турк. Туркий сўзлар девони. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 жилдлик. – Ташкент : Фан, 1963. – Т. III.
5. Мирзаев, Дж. З. Поэзия как источник изучения городского самосознания населения средневековья. История и самосознание III: изложение истории в Узбекистане и в Германии. – Ташкент, 2008. С. 174–182.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Том I, Книга первая / перевод с персидского Л. А. Хетагурова ; редакция и примечания А. А. Семенова. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 1952. – 214 с.

Мартынюк А.В.
НЕМЕЦКАЯ РЫЦАРСКАЯ ПОЭЗИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XIV ВЕКЕ¹

Доминантой внешнеполитического положения Великого княжества Литовского на протяжении всего XIV века было военное противостояние с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии. В этой войне на стороне Ордена выступали рыцари из всех стран Латинского мира, прибывавшие в Пруссию для участия в *рейзах* (крестовых походах) против «язычников и схизматиков». Автор данных строк неоднократно обращался к этой проблематике в своих работах. В настоящей статье предметом рассмотрения будет один из видов источников по данной теме, а именно средневековая рыцарская поэзия на немецком языке. Целью статьи является общий обзор памятников рыцарской поэзии, содержащих информацию о Великом княжестве Литовском.

Можно выделить два сравнительно крупных комплекса интересующих нас памятников. Первый из них относится к Австрии и связан с деятельностью Петера Зухенвирта, поэта и герольда при дворе австрийских герцогов с 1377 по 1395 г. Произведения (похвальные песни) Зухенвирта были изданы в 1827 г. историком и собирателем древностей Алоизом Примиссером [8]. Пять песен, не вошедших в издание А. Примиссера, были опубликованы Готфридом Эдмундом Фрисом в 1878 г. [4]. Данные издания были подготовлены на хорошем уровне, но в настоящее время уже устарели. Похвальные песни Зухенвирта давно вошли в научный оборот как замечательный памятник рыцарской культуры Средневековья. Однако по отношению к ним как к историческому источнику долгое время господствовала гиперкритическая точка зрения. По нашему мнению, данная позиция не находит обоснования в исследуемом материале. Проведенный нами анализ показал высокую достоверность произведений Зухенвирта, сведения которых находят подтверждение в других источниках [1, с. 225–402; см. также: 7, S. 336–356].

Интересующая нас тема участия австрийского рыцарства в рейзах в Пруссию хорошо представлена в похвальных песнях. Информация о походах на Литву и Русь содержится в 12 песнях (из 18), посвященных отдельным рыцарям. Это чрезвычайно высокий показатель, свидетельствующий о том высоком месте, которое занимали рейзы в рыцарской культуре своего времени. Как правило,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках НИР «Князь Ольгерд и амир Тимур: актуализация Средневековья в исторической памяти Республики Беларусь и Республики Узбекистан на национально-государственном и региональном уровнях» (Договор № Г22УЗБ-065 от 04 мая 2022 г.).

об участии в рейзах сообщается в общей форме: рыцарь отправился «в Прусскую землю» (*gen Prewzzen lande*), «в Литву против язычников» (*in Littaw gen haidenschaft*), был «в землях Руси» (*in Reuzzen lant*). Сопоставление с другими источниками позволяет уверенно идентифицировать некоторые упомянутые в песнях походы с военными экспедициями крестоносцев на земли Жемайтии и центральной Литвы в 1322, 1329, 1345, 1348, 1370 гг. Кроме рейз в Балтийском регионе, австрийские рыцари действовали и на «другом фронте» противостояния с язычниками и схизматиками. Речь идет о походах короля Людовика Венгерского на земли бывшего Галицко-Волынского княжества, находившиеся под властью правителей Великого княжества Литовского. Во время первого из этих походов в 1351 г. события разворачивались у границ или даже на территории современной Беларуси, где-то на землях исторической Берестейщины, которая была частью владений князя Кейстута. Именно этого князя следует видеть в «литовском короле» (*Lytaw chunic*), который противостоял Людовику Венгерскому. Это практически единственное персонализированное упоминание противника крестоносцев в похвальных песнях – как правило, враг оставался для рыцарей анонимным. Во время второго похода короля Людовика в 1352 г. крестоносцы осаждали замок Белз (*Wels, Pelz*) на Волыни, это также одно из редких упоминаний конкретного населенного пункта в землях Великого княжества Литовского. Надо отметить, что в целом Зухенвирт различает Литву и Русь. При рейзах из Пруссии «за Мемель» речь всегда идет о Литве и «язычниках» (*haiden*), при описании походов на восточнославянские земли – на Берестейщину и Волынь, находящиеся под властью правителей Великого княжества, или под псковский город Изборск в 1349 г. – говорится о Руси, язычники при этом, как правило, не упоминаются. Таким образом, из перспективы рыцарей было заметно некоторое различие между настоящими язычниками в Литве и Жемайтии и христианами восточного обряда на Руси, что отвечало историческим реалиями и дуалистическому характеру Великого княжества Литовского и Русского.

Отдельного внимания заслуживает «Песня о рыцарских деяниях герцога Альбрехта» – самое обширное (572 стихотворные строки) и интересное (с точки зрения современного историка) произведение Петера Зухенвирта. Песня подробно рассказывает о большом походе, который в 1377 г. совершил на земли Литвы австрийский герцог Альбрехт III. «Песня» с самого начала отличается чрезвычайной конкретностью: Зухенвирт рассказывает о сборе войска и его пути из Австрию в Пруссию, поименно называет более десятка австрийских рыцарей, принявших участие в походе, а также должностных лиц Ордена – великого магистра Винриха фон Книпроде и маршала Готфрида фон Линдена. С неподдельным воодушевлением поэт рассказывает о традиции «почетного стола» (*eren tisch*), которым руководство Ордена встречало знатных крестоносцев в Мариенбурге и Кёнигсберге. Возникает предположение, что Зухенвирт был участником похода. Если даже это не так, то он, несомненно, писал по свежим следам событий и со слов очевидцев.

Описание собственно военных действий начинается с рассказа о сложности переправы через реку Мемель (*Mimil*: Неман) и о вторжении «в страну, называемую Жемайтия» (*in ein lant, daz haist Sameyt*). Дальнейшее описание похода настолько конкретно, что позволяет проследить движение крестоносцев по дням и даже по часам, а также уверенно положить их маршрут на карту [1, с. 373]. Отдельного упоминания заслуживает литературное мастерство поэта: по ночам язычники воют вокруг лагеря крестоносцев «как дикие звери», но благородные рыцари не дают себя утратить и отвлечь от ритуалов высокой рыцарской культуры – посвящений в рыцари, пиров и пр. Благодаря насыщенности исторической конкретикой и яркости литературных образов «Песня о рыцарских деяниях герцога Альбрехта» является не только замечательным источником по истории рейз, но и одним из лучших описаний военной кампании в период Средневековья.

Отдельно следует отметить тему, важную для отечественной историографии. В одном из крестовых походов в качестве противников австрийских рыцарей Ханса фон Трауна и Фридриха фон Кройцпеа выступают «белые русские» (*Weizzen Reuzzen*). Данный эпизод не относится напрямую к территории современной Беларуси: с «белыми русскими» крестоносцы столкнулись в 1349 г. под Изборском. Тем не менее, в современной историографии этот эпизод совершенно справедливо трактуется как один из этапов развития хоронима «Белая Русь», легшего в основу наименования современной белорусской нации и государства. Этот пример показывает значение средневековой рыцарской поэзии как важного источника информации о новых политических и этнокультурных реалиях на востоке Европы.

Вторым крупным комплексом источников, содержащим сведения по интересующей нас теме, являются памятники рыцарской поэзии из региона Нижнего Рейна. Знать и рыцарство этих земель (герцогства и графства Гельдерн, Юлих, Берг, Клеве, Марк, Мёрс и др.) принимали чрезвычайно активное участие в крестовых походах в Балтийском регионе. Достаточно указать на отца и сына, герцогов Вильгельма II Юлихского (1361–1393) и Вильгельма III Юлихского (1393–1402) и Гельдернского (1371–1402), каждый из которых совершил не менее семи рейз в Пруссию. Именно в правление Вильгельма III и, возможно, по его прямому заказу Клас Хейнензон (*Claes Heynenzoon*), более известный как

«гельдернский герольд» (*heraut Gelre*), создал свой цикл похвальных песен, посвященных двенадцати рыцарям – один из самых ярких памятников рыцарской культуры своего времени (в рамках данной работы мы рассматриваем только литературную составляющую деятельности герольда, оставляя в стороне собственно геральдическую). «Гельдернский герольд» состоял на службе герцога Гельдерна с 1380 по 1401/1402 гг. и был, таким образом, современником и «коллегой» Петера Зухенвирта.

Произведения «Гельдернского герольда» давно привлекают внимание исследователей [современное научное издание: 2]. Немецкий медиевист Вернер Паравичини, автор фундаментальных трудов по истории прусских походов европейской знати, дал в недавней работе системный обзор сведений об участии в рейзах нижнерейнских рыцарей, героев песен «гельдернского герольда» [7, S. 292–330]. Следует отметить и более раннюю статью исследователя, в которой были детально проанализированы биографии трех из них – Генриха фон Эфте из графства Марк, Дитриха фон Эльнера из графства Берг и Рутгера Райтца из Кёльна [6, S. 217–249]. Данная статья не потеряла своего методологического значения, поскольку В. Паравичини путем сопоставления с иными источниками (нарративными, документальными, геральдическими и др.) показал высокую достоверность рассказа «гельдернского герольда» о походах и путешествиях прославляемых рыцарей. «Все оказалось правдой», – резюмировал исследователь, изначально настроенный критически по отношению к сведениям похвальных песен [6, S. 225].

По наблюдениям В. Паравичини, из 12 похвальных песен прусские рейзы упоминаются в 8 прославлениях – такое же высокое соотношение, какое мы находим у Петера Зухенвирта. Участие в походе в Пруссию на помощь Ордену было, таким образом, важнейшей частью образа «идеального рыцаря» в произведениях «гельдернского герольда». Схожи два эти комплекса и по подаче материала: как правило, представленная в них информация довольно стереотипна – рыцари отправляются в «в Пруссию» (*in Prusen*), «в большую рейзу в Литву» (*große reyse in Littouwen*), «в землю русских» (*tso Rusen in dat lant*). Как кажется, нижнерейнские крестоносцы несколько лучше знали реалии Великого княжества Литовского. Помимо исторической области Жемайтия (*Samiten*), хорошо знакомой крестоносцам, постоянной цели рыцарских рейз, в песнях появляются отдельные города и замки. Не менее трех раз упоминается в похвальных песнях литовская пограничная крепость Велюона (*Willoen*), которая много раз была местом ожесточенных сражений между крестоносцами и воинами Великого княжества. В контексте обороны от набегов литовцев упоминаются орденские замки в Ливонии – Гольдинген (*Goudinghen*) и Виндава (*Wynda*). В песне о голландском рыцаре Даниэле ван дер Мерведе говорится об его участии во взятии замков Пистен (*Piisten*) и Ковно (*Cauen*), что позволяет отождествить данное военное предприятие с большим походом крестоносцев в апреле 1363 г., закончившимся захватом и разрушением этих укрепленных пунктов. При анализе исторического контекста удастся сопоставить некоторые рейзы с походами крестоносцев (в 1352, 1357, 1361, 1366 гг. и др.), известными по орденским источникам.

Наиболее интересна для нас похвальная песня, посвященная Дитриху фон Эльнеру. По рассказу «гельдернского герольда» рыцарь бился «на Стреве в день Пресвятой Девы Марии» (*opter Streuen dat gescach op Onser Lieuer Vrouwen dach*). Речь идет о битве на реке Стреве 2 февраля 1348 г. – одном из крупнейших полевых сражений между войсками Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского в XIV веке [см.: 1, с. 308–309]. По сообщениям орденских хронистов, в составе войска, которое возглавляли великий князь Ольгерд и его брат Кейстут, были контингенты не только из собственно Литвы, но и из Владимира-Волынского, Бреста, Витебска, Смоленска и Полоцка – практически со всех восточнославянских земель Великого княжества Литовского. Однако войско Ордена, усиленное крестоносцами из Англии, Германии, Франции и других стран, нанесло тяжелое поражение полкам Княжества; в бою погиб и брат князей Ольгерда и Кейстута Наримонт. Фиксация в похвальной песне названия реки и точное указание дня сражения свидетельствует о большом резонансе, которая эта битва вызвала в немецких землях. Далее рыцарь Дитрих фон Эльнер отправился «в землю русских» и принял участие в штурме «замка Пекезарт» (*huys tse Pekezaert*). Под этим именем скрывается финское название новгородской крепости Орешек. Рыцарь, таким образом, принял участие еще в одном знаменитом походе – походе шведского короля Магнуса на земли Новгорода, в ходе которого 6 августа 1348 г. и был взят Орешек. После этого Дитрих фон Эльнер принял участие в рейзе вместе с «ливонскими господами» (*lijflantschen heren*), а затем в еще одной большой рейзе из Пруссии на земли Жемайтии. По орденским источникам известна целая серия походов, предпринятых рыцарями из Пруссии и Ливонии в 1348 г. с целью закрепить успех битвы на Стреве; осенью 1348 г. великий князь Ольгерд был вынужден заключить перемирие с Орденом и начать переговоры о крещении. Данные похвальной песни о рыцаре Дитрихе фон Эльнере, таким образом, чрезвычайно точны и хорошо передают как политическую обстановку на землях Литвы и Руси, так и атмосферу наполненного событиями 1348 года. Отметим, что и для «гельдернского герольда» характерно различие Литвы и Руси.

По региональному признаку к произведениям «гельдернского герольда» примыкает похвальная песня рыцарю Генриху фон Хюкельхофену, опубликованная немецким литературоведом Теодором Нольте [публикация текста: 5, S. 192–200; комментарий издателя: S. 141–145; см. также: 7, S. 320–335]. Песня была создана анонимным «клевским герольдом» (*heralt zû Cleff*) вскоре после смерти рыцаря в 1419 г. Среди подвигов Генриха фон Хюкельхофена упоминается его неоднократное участие в рейзах на Литву и Русь (*in Littawen vnd in Reussen*). Уникальным является указание на участие рыцаря «в большом штурме под Полоцком» (*vor Plosskaw an dem sturm grot*) [5, S. 194]. Это единственное упоминание города на территории современной Беларуси в немецкой рыцарской поэзии XIV века. Его исторической основой является осада Полоцка объединенным войском литовского князя Скиргайло и рыцарей Ливонского ордена в 1381 г. Более подробно данная проблематика будет рассмотрена нами в статье «Немецкие крестоносцы в битве за Полоцк в 1381 г.», которая в настоящее время готовится к печати.

Странным образом за пределами внимания исследователей истории прусских рейз осталась еще одна похвальная песня, также опубликованная Т. Нольте [публикация: 5, S. 201–214; комментарий: S. 146–149]. Песня посвящена герцогу Иоанну I Брабантскому (1267–1294) и была создана вскоре после его смерти. Таким образом, данное произведение является самой ранней из известных нам похвальных песен. Соответственно и упоминания в песне Пруссии (*Breussen*) и Руси (*Reussen*), хотя и без прямого указания на военный поход, могут рассматриваться как первые свидетельства формирования традиции прусских рейз (В. Паравичини принял в качестве начальной даты эпохи рейз 1304 г., до этого орденские хроники на протяжении более 30 лет не сообщали о прибытии крестоносцев на помощь Ордену). Данное свидетельство похвальной песни о герцоге Иоанне Брабантском требует отдельного изучения.

Завершим данный обзор еще одним поэтическим произведением, которые нельзя в строгом смысле слова отнести к рыцарской поэзии. Речь идет о поэме «Литовец» («*Der Litauer*»); название дано издателями памятника, автором которой был некий Шондох [публикации текста: 3; 9, S. 50–60; см. также: 1, с. 398–401; 10]. Сюжет этого небольшого произведения (324 строки) таков: литовский король (*kunig von Littouwe*) собирает войско из «русских, татар, литовцев» (*Russen, Tarter, Littouwere*) с целью напасть на владения Ордена. Однако, тайно проникнув в замок рыцарей, король увидел чудодейственную силу христианского обряда и принял решение креститься вместе со своими воинами. Таким образом, перед нами скорее произведение морально-дидактического характера с элементами занимательности. По предположению исследователей, сочинения такого рода были предназначены для чтения во время трапезы братьев Ордена (отсюда и его сравнительно небольшой объем). Если поэму «Литовец» и нельзя отнести к произведениям, отражающим реалии событийной истории, то она может рассматриваться как памятник идеологии крестовых походов, позволяющий погрузиться в мир представлений рыцарей Ордена и их гостей, прибывших на границы Христианского мира, чтобы отравиться на войну с «язычниками и схизматиками».

Подведем краткий итог. Потенциал средневековой рыцарской поэзии остается, на наш взгляд, недооцененным в историографии Беларуси и других восточноевропейских стран. При описании событий военной истории – походов, битв, осад и пр. – отечественные историки до сих пор оперируют абстрактными категориями («немецкие крестоносцы» и т.п.), при том, что источники, в том числе и памятники рыцарской поэзии, часто позволяют назвать имена конкретных рыцарей – участников событий «с той стороны фронта». Чрезвычайно продуктивным представляется использование поэтических памятников для изучения восприятия Великого княжества Литовского из перспективы Латинского мира. Наконец, в силу своей специфики рыцарская поэзия не только несет информацию исторического характера, но и дает яркий материал для формирования исторической памяти и создания образа Средневековья в современном обществе.

1. Мартынюк, А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века) / А. В. Мартынюк. – Москва : Квадрига, 2019. – 576 с.
2. Armorial de Gelre (Bibliothèque royale de Belgique – Ms 15652–15656) / publié par M. Popoff, présenté par M. Pastoureau. – Paris : Léopard d'Or, 2012. – 668 s.
3. Caliebe, M. Schondoch's 'rede' von der Bekehrung des Litauers / M. Caliebe // Festschrift für Gerhard Cordes zum 65 Geburtstag / Hrsg. von F. Debus, J. Hartig. – Bd. I : Literaturwissenschaft und Textedition. – Neumünster : Wachholtz, 1973. – S. 23–52.
4. Friess, G. E. Fünf unedierte Ehrenreden Peter Suchenwirts / G. E. Friess. – Wien : Karl Gerold's Sohn, 1878. – 30 s.
5. Nolte, Th. Lauda post mortem. Die deutschen und niederländischen Ehrenreden des Mittelalters / Th. Nolte. – Peter Lang : Frankfurt am Main; Bern, 1983. – 328 s.
6. Paravicini, W. Noblesse. Studien zum adeligen Leben im spätmittelalterlichen Europa / W. Paravicini ; hrsg. von U. Ch. Ewert, A. Ranft, S. Selzer. – Ostfildern : Jan Thorbecke, 2012. – 614 s.
7. Paravicini, W. Adlig leben im 14. Jahrhundert. Weshalb sie führen: die Preußenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. – 808 s.
8. Primisser, A. Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhundert: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte / A. Primisser. – Wien : J. B. Wallishausner, 1827. – 392 s.
9. Scriptorum rerum Prussicarum. – Bd. 6 / hrsg. von W. Hubatsch, bearb. von U. Arnold. – Frankfurt am Main : Minerva, 1968. – 606 s.
10. Strauß, A. Ein Werk aus der Deutschordensliteratur: Der «Litauer» von Schondoch / A. Strauß // Annaberger Annalen. Jahrbuch über Litauen und deutsch-litauische Beziehungen. – № 6. – 1998. – S. 31–57.

Чэчулін З.В.

**ДАГАВОР ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ МАСКОЎСКАГА ВАСІЛЯ ДЗМІТРЬЕВІЧА З ВЯЛІКІМ КНЯЗЕМ
ЛІТОЎСКИМ ВІТАЎТАМ АД 4 ВЕРАСНЯ 1407 Г.: ПРАБЛЕМА ПАХОДЖАННЯ ТЭКСТУ**

Адным з дакументальных комплексаў архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV – першай паловы XV стст. выступаюць дагаворы аб міры і перамір'і, якія траплялі ў вялікакняскі архіў ад вялікіх князёў маскоўскіх. Акцэнтуюем сваю ўвагу на адным з дакументаў, які пэўны час з'яўляецца патэнцыяльнай адзінкай захоўвання архіва вялікага князя літоўскага Вітаўта (1392–1430). Пад патэнцыяльнай адзінкай захоўвання разумеецца дакумент, які згодна з *inscriptio*, павінен быць перададзены вялікаму князю літоўскаму, і, адпаведна, увайсці ў склад яго архіва.

Упершыню тэкст дагавора вялікага князя маскоўскага Васіля Дзмітрыевіча (1389–1425) з вялікім князем літоўскім Вітаўтам (1392–1430), датаванага 4 верасня 1407 г. (далей – дагавор 1407 г.), быў уведзены ў навуковы ўжытак расійскай даследчыцай Ганнай Леанідаўнай Харашкевіч (1931–2017) у 1998 г. у форме археаграфічнай публікацыі ў межах навуковага артыкула [13; 14]. Мы будзем карыстацца артыкулам, змешчаным у зборніку «*Lietuvos metrika: 1991–1996 metų tyrinėjimai sudarytojai*», так як ён па свайму зместу з'яўляецца найбольш поўным дзеля разумення праблемы паходжання спіса дагавора. Сам дакумент прадстаўлены ў выглядзе спіса XIX ст. і быў знойдзены ў фондзе асабістага паходжання аднаго з расійскіх нумізматаў і даследчыкаў гісторыі Русі і Візантыі Іагана Філіпа Круга (1764–1844), які зараз захоўваецца ў Санкт-Пецярбургскім філіяле архіва Расійскай Акадэміі Навук (СПФ АРАН) [14, р. 204]. Навукоўца сцвердзіла, што дакумент, як і тры астатнія, разгледжаныя ёю ў артыкуле, магчыма былі скапіяваны ў 1835 г. [14, р. 223]. Задачу ўсталявання імя капііста, а таксама праблему месцазнаходжання арыгінала дакумента даследчыца пакінула на будучыню [14, р. 223].

Публікатар адзначыла, што ў тэксце дагавора прысутнічае *invocatio*, што ў сваю чаргу характэрна толькі для духоўных грамат Васіля Дзмітрыевіча, але нехарактэрна для тэкстаў міждзяржаўных дагавораў [14, р. 205]. Такую акалічнасць Г.Л. Харашкевіч тлумачыла запазычаннасцю справаводчых норм пісарамі вялікага князя маскоўскага ў пісараў вялікага князя літоўскага, а таксама магчымым удзелам пісараў Вітаўта ў складанні тэкста дагавора [14, р. 206–207]. Акрамя таго, даследчыца прыйшла да высновы, што па сваім фармуляры дакумент вельмі падобны да дагавора Барыса Цвярскага з Вітаўтам ад 3 жніўня 1427 г. (далей – дагавор 1427 г.) [14, р. 207]. Дадамо, што ў тэксце дакумента, апублікаванага даследчыцай, *datum* складаецца толькі з дня і месяца (4 верасня). 1407 г. даследчыца прапанавала, абапіраючыся на дадзеныя Васкрасенскага летапісу [14, р. 215, 223–224].

У гістарыяграфіі дагавор ад 4 верасня 1407 г. з'яўляецца адной з найбольш важных дакументальных крыніц, на якую абапіраюцца даследчыкі ў кантэксце вывучэння стасункаў ВКЛ і ВКМ у гэты перыяд [1, с. 163–164; 8, с. 49; 12, с. 57]. Р.А. Бяспалаў адзначаў, паўтараючы датыроўку Г.Л. Харашкевіч, што ў верасні 1407 г. магло быць заключана перамір'е паміж двума бакамі [1, с. 163–164]. Аднак, даследчык дадаў, што тэкст апублікаванага Г. Л. Харашкевіч дакумента разыходзіцца з летапіснай фармулёўкай [1, с. 163]. Так, у Маскоўскім летапісным зводзе кан. XV ст. сказана пра заключэнне перамір'я [9, с. 237], а у Цвярскім летапісе фармулёўка некалькі пашырана, дзе датай заключэння перамір'я выступае жнівень 1407 г. [10, с. 476]. Нягледзячы на пэўную насцярожанасць, Р.А. Бяспалаў не аспрэчваў аўтэнтычнасць дадзенага дагавора.

Больш крытычна да спіса дагавора, датаванага 4 верасня 1407 г. ставіўся С.У. Палехаў. Навуковец адзначаў, што рукапіс пазбаўлены якіх-небудзь запісаў пра знешні выгляд арыгінала, з якога нібыта быў зроблены спіс. Як і папярэднія даследчыкі, вучоны адзначаў, што па свайму зместу і структуры дакумент вельмі падобны да дагавора 1427 г., дадаўшы, што артыкулы (сэнсава-ідэйныя адзінкі дакумента) ў ім перамешаны [8, с. 49]. Адметна тое, што навуковец ўжо разглядаў праблему фальсіфікацыі грамат Вітаўта, адной з якой выступіла судовая грамата Вітаўта па справе паміж смаленскімі мяшчанамі і біскупам [7, с. 461]. Цікава, што ідэнтыфікаваны як фальсіфікат С.У. Палехавым дакумент быў апублікаваны Г.Л. Харашкевіч ў артыкуле разам з дагаворам 1407 г. Дзякуючы яго назіранням, можна прыйсці да высновы, што ў першай палове XIX ст. стварэнне фальсіфікатаў дакументаў кан. XIV – першай паловы XV ст., звязаных з імём вялікага князя літоўскага Вітаўта, было частай з'явай у асяроддзі расійскіх калекцыянераў і гісторыкаў.

Падыходзячы да тэкста дакумента і яго фармуляра варта адзначыць, што ён пачынаецца з *invocatio*, што ў цэлым характэрна для духоўных грамат кан. XIV – пач. XV стст., аднак нетыпова для дагавораў аб міры і перамір'і, якія заключаліся паміж вялікімі князямі літоўскімі і вялікімі князямі маскоўскімі [4, с. 55, 57, 60; 14, р. 205]. Пасля ідзе *intitulatio*, у якой адсутнічае аб'ектная частка тытула Васіля Дзмітрыевіча [14, р. 223], што выглядае падазроным. *Inscriptio* дакумента вельмі падобная да *inscriptio* дагавора 1427 г. [15, р. 362]. Пасля пачатковага пратаколу ідзе *dispositio*, у якой канстатавана, што Васіль заключыў дамову з Вітаўтам: «...Взял есьмо любовь такову с своим господиномъ отцемъ великимъ княземъ Витовтомъ литовскимъ и многихъ русскихъ земель господаремъ...» [14, р. 223].

Заўважым, што ў тэксце спіса дагавора 1407 г. не пазначаны ніводны населены пункт, праз які павінна праходзіць дэмаркацыйная мяжа – а гэтай адзін з самых важных элементаў дагавора, асабліва калі ідзе гаворка пра дагавор паміж дзвюма манархамі. Далей у дыспазітыўнай частцы сказана, што вялікі князь маскоўскі абавязаны дапамагаць Вітаўту супраць яго ворагаў і быць яго саюзнікам. Аднак у тэксце мы не знаходзім пералік тых князёў і падпарадкаваных ім зямель, якія з’яўляюцца палітычнымі праціўнікамі Вітаўта. Дадамо, што ў тэксце апублікаванага Г.Л. Харашкевіч дакумента прысутнічаюць шматкроп’і, што згодна з археаграфічных практык перадачы тэксту звычайна ўказвае на адсутнасць тэкставых элементаў у адпаведнай частцы дакумента [14, р. 223–224]. Акрамя таго, перапішчык не пазначыў архіўнага шыфра дакумента, з якога ствараў копію. Адсутнічаюць апісанні пячаткі і спосабу яе прымацавання. Пасля тэксту прысутнічае толькі лаканічная прыпіска: «Печать» [14, р. 223–224]. У цэлым, падабенства тэкста дагавора 1407 г. да дагавора 1427 г., улічваючы дастаткова абстрактныя фармулёўкі, якія мы разгледзелі вышэй, могуць сведчыць пра магчымасць фальсіфікацыі граматы ад 4 верасня 1407 г.

Калі гэта дапусціць, то якім тэкстам мог кіравацца фальсіфікатар? Улічваючы высновы папярэдніх даследчыкаў пра падабенства дагавора 1407 г. да дагавора 1427 г., варта адзначыць наступнае. Арыгінал дагавора 1427 г. быў выяўлены або набыты за грошы расійскім калекцыянерам старажытных дакументаў П.А.Муханавым (1797–1871). Пра гэта ён пісаў М. Пагодзіну 8 (20) ліпеня 1844 г. [2, с. 210–212]. Вядома, што арыгінал дагавора 1427 г. паходзіць з архіўнай Радзівіляны і зараз знаходзіцца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў (Российский государственный архив древних актов, Ф. 27 «Приказ Тайных дел», Оп. 1, ед. хр. 2.) [5, с. 120].

Улічваючы тое, што І.Ф. Круг памёр 4 (16) ліпеня 1844 г. у Санкт-Пецярбурзе [6, с. 534], фальсіфікатар не мог працаваць з арыгіналам дагавора 1427 г., так як арыгінал дагавора як мінімум да гэтага часу (1844 г.) не быў даступны навуковай грамадскасці. Вядома, што з арыгінала дагавора 1427 г. быў зроблены спіс, які ўвайшоў у склад тэкстаў кнігі запісаў № 5 Метрыкі ВКЛ. Дадзеная кніга, як і астатнія кнігі Метрыкі ВКЛ, напрыканцы 1794 г. былі вывезены з Варшавы і ў студзені 1795 г. ужо знаходзіліся ў Санкт-Пецярбурзе. Тэксты арыгінала і спіса дагавора 1427 г. маюць некаторыя розначытання, але яны не істотны і ідэйна арыгінал і копія не адрозніваюцца [3; 4, с. 62–63; 15, р. 362–363]. Цікава, што ўпершыню рускай транслітэрацыяй дагавор 1427 г. з шэрагам скарачэнняў і памылак, а таксама недакладнай датай, быў апублікаваны ўжо ў 1821 г. [11, с. 14–17]. Адпаведна, перапішчык мог *de visu* працаваць як са спісам, змешчаным у кнізе запісаў № 5 Метрыкі ВКЛ, так і ўзяць за аснову стварэння фальсіфікату тэкст дагавора 1427 г., апублікаванага у выданні «Северный архив» [11].

На дадзены момант арыгінал дагавора вялікага князя маскоўскага Васіля Дзмітрыевіча з вялікім князем літоўскім Вітаўтам ад 4 верасня 1407 г. пакуль не выяўлены. Падабенства тэксту спіса дагавора 1407 г. да тэксту спіса дагавора 1427 г., абстрактныя і няпоўныя фармулёўкі, выкладзеныя ў дакуменце, адсутнасць якіх-небудзь дадзеных пра знешні выгляд арыгінала можа сведчыць аб магчымай фальсіфікацыі дакумента, што на дадзены момант выключае разглядаемую намі дакументальную крыніцу з ліку аўтэнтычных дакументаў.

1. Беспалов, Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I / Р. А. Беспалов // Средневековая Русь – 12, 2016. – С. 129–182.
2. Бяспалаў, Р. Гісторыя літоўска-наваасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў / літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў / Р. Бяспалаў, С. Палехаў // Беларускі гістарычны агляд. 2018. – Т. 25. – С. 173–227.
3. Докончание между Великим княжеством Тверским и Великим княжеством Литовским (1427) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://starbel.by/dok/d033.htm>. – Дата доступу: 09.03.2023.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 586 с.
5. Латушкін, А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханова (1797–1871) / А.М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2017. – Вып. 18. – С. 114–127.
6. Петербургский Некрополь. (Д-Л) / Николай Михайлович, Великий князь. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – Том 2. – 731 с.
7. Полехов, С. В. Загадка грамоты Витовта (Vitoldiana, № 11): XIV или XIX век? / С.В. Полехов // Slověne, 2018. – Т. 7, № 2. – С. 451–476.
8. Полехов, С. В. Псков во внешней политике великого князя литовского Витовта в первом десятилетии XV века / С. В. Полехов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2022. – № 4 (90). – С. 39 – 60.
9. Полное собрание русских летописей. – Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в. – Яз. рус. культуры Кошелев. – Москва, 2004. – 488 с.
10. Полное собрание русских летописей. – Т. 15 : Рогожский летописец. Тверской сборник. – Яз. рус. культуры Кошелев. – Москва, 2000. – XVIII, 540 с.
11. Союзный договор между великим князем тверским Борисом Александровичем и великим князем Витовтом // Северный архив, Часть 5. – № 1. – 1823. – С. 1–17.
12. Темушев, В. Н. Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. / В. Н. Темушев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып 1 / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – С. 56–77.
13. Хорошкевич, А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях / А. Л. Хорошкевич // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. – М. : УРСС, 1998. – С. 39–57.
14. Хорошкевич, А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях / А. Л. Хорошкевич // Lietuvos metrika: 1991–1996 metų tyrinėjimai sudarytojai: Zigmantas Kiaupa, Agnius Urbanavičius. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 1998. – P. 203–228.
15. Lietuvos Metrika. – knyga Nr. 5 (1427–1506) : Užrašymų knyga 5 / parengė A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). – Vilnius, 2012. – 486 p.

Дзярновіч А.І.
МЕТРЫКА ВКЛ І МЕТРЫКА КАРОННАЯ:
СПЕЦЫФІКА АДРОЗНЕННЯЎ КАНЦЫЛЯРСКІХ ТРАДЫЦЫЙ

Канцылярыя і эпоха. У ноч 18 чэрвеня 1581 г. у вайсковым лагеры пад Полацкам быў дзіўны выпадак з панам віленскім (кашталянам віленскім і канцлерам ВКЛ Астафеем Валовічам) – у той час, як ён спаў, з шатру скралі пячатку Вялікага Княства Літоўскага. Венцлаў Агрыпа – сакратар і пісар вялікі, – зранку скіраваўся з гэтым паведамленнем да кароннага канцлера Яна Замойскага. Той устаў і адразу выправіўся да караля Стэфана Баторыя. Там знайшоў ён пана віленскага, разам з ваяводам віленскім Мікалаем Радзівілам Рудым, якія стаялі ў чаканні. Кароль збіраўся да месы, саноўнікі пайшлі і даклалі яму пра здарэнне. Кароль жа выйшаў у кепскі настроі, можа быць таму, што балела ягоная спіна, бо ён выйшаў кульгаючы. «Небарака пан віленскі вельмі збянтэжаны, і для гэтага ён мае важныя падставы. Справа немалаважная. Людзі кажучь пра гэтае здарэнне цішком, не падаючы віду, што ведаюць. Божа, суцешы яго...» [7, с. 287; 4, с. 286].

Вось так, нават трохі сатырычна, апісваў падзеі Ян Пятроўскі – удзельнік выправы Стэфана Баторыя на Пскоў. Сам аўтар, ураджэнец Польшчы, досыць скептычна ставіўся да літвінаў – грамадзянаў Вялікага Княства Літоўскага. У далейшым тэксце мы таксама знаходзім яго некалькі крытычных заўвагаў адносна Канцылярыі ВКЛ. 16 лістапада, ужо ў лагеры пад Псковам, кароль прымаў маскоўскага ганца. Адбыўся цырыманіяльны казус, у сувязі з чым прагучала ацэнка Яна Пятроўскага: «Гэты мужык сканфузіў нашу літоўскую канцылярыю» [7, с. 342; 4, с. 421]. Падобныя крытычныя заўвагі прымушаюць больш уважліва зірнуць на эпоху і дзейнасць Канцылярыі ВКЛ, прадуктам якой і была Метрыка ВКЛ.

У Вялікім Княстве Літоўскім канцылярыя як сталы дзяржаўны інстытут узнікла за часамі Вітаўта. Усё ж спачатку, у XIV – першая трэць XV стст. пісьмовыя дакументы, што сыходзілі з канцылярыі, абслугоўвалі, пераважна, знешнюю палітыку Вялікага Княства, а таксама кантакты паміж членамі дынастыі. Але ад сярэдзіны XV ст. пісьмовыя акты сталі актыўна выкарыстоўвацца ў зносінах уладаў з жыхарамі краіны [9, с. 13]. Гэта адбывалася ва ўмовах, калі вялікаму князю Казіміру прыйшлося ўмацоўваць уласную ўладу шляхам зямельных наданняў баярам-шляхце, што з цягам часу стала адным з кірункаў унутранай палітыкі гаспадара. Дакументазварот пашыраецца не толькі ў судовай і заканадаўчай сферах, але і ў прыватнаўласніцкай. Фактычна, у Вялікім Княстве Літоўскім паўстала канцылярыя новага тыпу, дзейнасць якой была скіраваная на рэалізацыю ўнутранай палітыкі ўладара [2, с. 4].

Зямельныя наданні, якія ў параўнанні з мінулымі часамі сапраўды станавіліся масавымі, юрыдычна мусіла абслугоўваць канцылярыя. Апроч выдачы арыгіналаў актаў наданняў, з зыходных дакументаў пачалі здымаць копіі, якія захоўвалі «для памяці». Вось гэтыя копіі і сталі прататыпам будучых капійных кніг, вядомых нам пад назваю Метрыкі ВКЛ (як у арыгінале) ці Літоўскай Метрыкі (як у гістарыяграфіі).

Ацэньваючы функцыі Канцылярыі ВКЛ варта адзначыць, што яна ўяўляла сабой адзіны для ўсіх сфер дзяржаўнага кіравання цэнтральны выканаўчы орган, але толькі тэхнічны, які не прымаў самастойных рашэнняў у кіраванні дзяржавай. Акрамя таго, Канцылярыя ажыццяўляла дакументацыйнае забеспячэння кіравання. Таму ацэнкі, што цэнтральных устаноў па кіраванні дзяржавай у ВКЛ не існавала [3, с. 3], здаюцца перабольшаннем. У сэнсе тэхнічным – існавалі. Тым больш, што хоць Канцылярыя ВКЛ не выконвала самастойнай функцыі ў кіраванні дзяржавай і вырашэнні судовых спраў, але аказвала пэўны ўплыў на заканадаўчую дзейнасць [5, с. 32].

На мяжы XIV–XV стст. Канцылярыя, якая дзейнічала пры вялікім князю Вітаўце, набыла характар дзяржаўнай. У Канцылярыі ВКЛ на працягу XV–XVI стст. склалася закончаная сістэма справаводства, якая атрымала ў значнай ступені заканадаўчае афармленне ў XVI ст. і якая праіснавала без прынцыповых змен на працягу XVII–XVIII стст. [3, с. 22] Характэрнай рысай Канцылярыі ВКЛ быў яе свецкі характар і стабільнасць персанальнага складу [6, с. 30]. У Вялікім Княстве кіраўніком Канцылярыі і адным з найвышэйшых ураднікаў дзяржавы – вялікім канцлерам, – быў свецкі ўрадовец, у той час, як у Кароне Польскай канцлерамі станавіліся толькі асобы духоўныя. Звязана гэта магчыма з тым, што канцлерства ў Польшчы ўзнікла раней – яшчэ на пачатку XII ст., а справаводства вялося на лаціне, што ў Сярэднявеччы было цалкам у кампетэнцыі клірыкаў.

Важна адзначыць, што на працягу канца XV – першай паловы XVI стст. у дзяржаўных канцылярыях іншых краін Цэнтральна-Усходняй Еўропы адбываліся таксама значныя арганізацыйныя змены. Гэта выявілася, між іншым, у пачатку стварэння капійных фондаў, напрыклад, у канцылярыях вялікага магістра ў Прусіі і магістра Лівоніі. Што асабліва важна з пазіцыі унійнай гісторыі ВКЛ і Польшчы, капійныя фонды ствараюцца і ў польскай каралеўскай канцылярыі.

Дзве Метрыкі. У канцылярыі ВКЛ даволі хутка пасля падрыхтоўкі арыгіналаў ствараліся копіі дакументаў. Гэтым дзейнасць канцылярыі ВКЛ адрознівалася ад Кароннай канцылярыі, дзе копіі актаў маглі рыхтавацца праз некалькі год пасля стварэння арыгіналаў. Апроч таго, запіс у Кароннай Метрыцы ўяўляе сабой фіксацыю самога факту дакумента і вельмі кароткага выкладу сутнасці спраў, а не перадачу ўнутранай формы дакумента (актавага фармуляра і стылістычных асаблівасцяў). Таксама іншы падыход да канцылярскага справаводства існаваў у Пасольскай службе Расійскай дзяржавы, «кнігі» якой служылі для пашыраных фіксацыі і пратакавання.

Тут усё ж прыйдзеца звярнуцца да пытанняў тэрміналогіі. Поўныя копіі спраў называюць *картулярыямі*, а справаводчыя матэрыялы з кароткім выкладам сутнасці дакументаў – *рэгестрамі*. Запісы ў Кароннай Метрыцы і былі менавіта рэгестрамі, запісы ж у Метрыцы ВКЛ па сваіх характарыстыках справаводчых характарыстыках знаходзяцца недзе паміж картулярыямі і рэгестрамі. і ў гэтым заключаецца адно з галоўных знешніх адрозненняў паміж Метрыкамі ВКЛ і Кароннай. У шырокім разуменні тэрміну Метрыка ВКЛ не мае дакладнага адпаведніка ў Кароне Польскай [8, s. 42]. Чаму ўзнікла такая розніца?

Справа ў тым, што колькасць дакументаў, якія выдаваліся ў абедзвюх канцылярыях, адрознівалася на карысць Кароны (Польшчы). І напрошваецца вельмі прасты адказ на пытанне, чаму Метрыка ВКЛ складаецца ў значнай ступені з картулярыяў – аб’ём працы дазваляў не перарываць традыцыю капіявання дакументаў. Але, падобна, тут няма простага адказу.

Ужо ў другой палове XV ст. у Канцылярыі ВКЛ вяліся рэгестры выдадзеных дакументаў, з указаннем каму і калі быў выдадзены дакумент, а таксама з выкладаннем яго кароткага зместу. Паралельна захоўваліся і копіі дакументаў, выдадзеныя ў Канцылярыі, дакументы, якія паступалі ў Канцылярыю з рэгіёнаў ВКЛ і з іншых дзяржаў. Падобна на тое, што першапачаткова ў размеркаванні гэтай масы дакументаў не было вялікага парадку, аднак па меры назапашвання колькасці дакументаў і неабходнасці працы з імі ўзнікла патрэба ў сістэматызацыі і групавання дакументаў – тое, што будзе названа кнігамі Метрыкі ВКЛ. Аналіз і аднаўленне першапачатковага складу кніг Метрыкі ВКЛ, праведзенае Мікалаем Беражковым, паказвае, што самыя раннія кнігі з’яўляліся менавіта зборнікамі рэгестраў, а таксама копій дакументаў [1, с. 57]. Такім чынам, практыка рэгулярнага вядзення рэгестраў была ўласцівая Канцылярыі ВКЛ у адносна ранні перыяд і таму тлумачэнне шырокага распаўсюджвання картулярыяў у Метрыцы ВКЛ варта шукаць у іншы, чым толькі ў арганізацыйна-справаводчай, плоскасці.

Да таго ж варта ўлічваць, што ў кнігі Метрыкі ВКЛ ўносіліся не ўсе дакументы. У значнай ступені ў «Кнігі» Метрыкі ўпісваліся дакументы, якія зыходзяць ад гаспадара, Паноў-Рады, соймаў. Часам, асабліва на пачатковым этапе, у Метрыцы траплялі дакументы, якія паступалі ў Канцылярыю ад службовых асоб цэнтральнага і мясцовага кіравання, а таксама дыпламатычныя дакументы. Іншыя дакументы ўносіліся з вялікім адборам – толькі тыя, якія заслугоўвалі працяглага або, ва ўяўленні людзей таго часу, вечнага захоўвання [3, с. 37]. Таму абмежавацца простым адказам, што справаводства ў карону Канцылярыі было больш развітае і больш дасканалае, чым у Канцылярыі ВКЛ, мы не зможам.

Але ёсць адна пазіцыя, па якой выразна праходзіць адрозненне паміж двума канцылярыі. Для Кароны Канцылярыі былі створаны фармуляры-ўзоры розных дакументаў. Гаворка ідзе пра «*Formularium expeditionum ex cancellaris S. Regiae Maiestatis*». Узоры, сабраныя ў гэтай кнізе, служылі прыкладамі формуляраў, па якіх ствараліся акты. *Formularium* быў складзены з рэальна выдадзеных дакументаў і сфармаваны ў асноўным у гады праўлення Жыгімонта Аўгуста (1548–1572). Мы можам толькі дапускаць, што падобная кніга з ўзорамі форм дакументаў існавала і ў Канцылярыі ВКЛ.

У сувязі з гэтым важным уяўляецца параўнанне прынцыпаў дзейнасці Канцылярыі ВКЛ і Кароны канцылярыі, адпаведна – прынцыпаў вядзення Метрыкі ВКЛ і Кароны Метрыкі. Гаворка ідзе аб дзяржавах, якія знаходзіліся ў уніі і на працягу XV–XVI стст. часцей за ўсё мелі супольнага манарха. Пры падобным супастаўленні Метрыка ВКЛ выглядае сапраўдным феноменам. Гэта выявілася ў устойлівай традыцыі стварэнні картулярыяў, у моўнай спецыфіцы, а таксама ў тым, што Метрыка была ў ВКЛ у значнай ступені атрыбутам дзяржаўнасці. Ці былі гэтыя спецыфічныя рысы заканамернымі? Адказы трэба шукаць у самой палітыка-дзяржаўнай прыродзе Вялікага Княства Літоўскага як поліэтнічная і поліканфесійнай краіны. Унутраная неадналітасць ВКЛ і тэндэнцыя да яе пераадолення паўплывалі на асаблівую ролю функцыянавання прававых норм і кадыфікацыі права ў ВКЛ, што выявілася, у тым ліку, у рэгулярным вядзенні Метрыкі і стварэнні такіх помнікаў права, як Статуты.

Як падаецца, вось гэта розніца паміж канцылярыямі – розніца ў дзяржаўнай традыцыі, прынцыпах справаводства і фармавання складу, – паўплывалі як раз на фармаванне пэўнага скепсісу «караняжаў» (жыхароў Кароны Польскай) на канцылярыю ВКЛ. Гэта быў скепсіс адносна іншага, няхай блізкага, але адрознага.

Але некаторыя прынцыпы вядзення Літоўскай і Кароннай Метрык былі супольнымі – «кнігі» і рэгестры ўкладаліся храналагічна, паводле перыядаў панавання манархаў і часу ўрадавання печатараў (найвышэйшых саноўнікаў, якія мелі права прыкладання дзяржаўнай пячаткі да актаў). На сёння ж Метрыка ВКЛ, нягледзячы на ўсе страты, у значна большай ступені захавалася сваю першапачатковую структуру, чым Метрыка Каронная. Бо структура апошняй была сур'ёзна змена пад час шведскага «Патопу».

1. Бережков, Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник / Н. Г. Бережков. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1946. – Ч. 1. – 180 с.
2. Груша, А. І. Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гг. XV – першай паловы XVI ст. / А. І. Груша. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – 215 с.
3. Давыдова, Э. Н. История и организация делопроизводства в Беларуси / Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков. – Минск : НТООО «Тетра-Системс», 1999. – 215 с.
4. Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / пер. с пол. О. Н. Милевского ; вступ. ст. и коммент. А. А. Михайлова. – Псков : Псковская обл. тапография, 2005. – 504 с.
5. Пташицкий, С. Л. Описание книг и актов Литовской Метрики / С. Л. Пташицкий. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1887. – VIII, 280 с.
6. Топалова, Т. А. Задачи изучения канцелярии Великого княжества Литовского на материалах Литовской метрики / Т. А. Топалова // Литовская метрика : тез. докл. межресп. науч. конф. – Вильнюс, 1988. – С. 28–31.
7. Antologia pamiętników XVI wieku. / pod red. R. Pollaka. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966. – 365 s.
8. Krawczuk, W. Metryka Koronna i Metryka Litewska – podobieństwa i różnice / W. Krawczuk // Belliculum diplomaticum IV Thorunense: Dyplomatyka staropolska – stan obecny i perspektywy badan / red. W. Chorazyczewski, J. Tandecki. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. – S. 41–46.
9. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań : UAM, 1995. – 256 s.

Мікалаева Л.В.

ЗАКАНАДАЎЧЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА Ё КАНЦЫ XIV – СЯРЭДЗІНЕ XVI СТ.

Пры даследаванні праблем знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) канца XIV – сярэдзіне XVI ст. маецца магчымасць абaperціся на шырокае кола заканадаўчых дакументаў. У разглядаемы перыяд юрыдычная аснова знешнепалітычнай дзейнасці ВКЛ нйперш была акрэслена ў агульназемскіх прывілеях, а таксама ў Статутах ВКЛ (для нашага перыяду можна апеляваць толькі да першых двух, 1529 і 1566 гг.).

Ужо ў прывілеі ад 20 лютага 1387 г. знаходзім словы, якія датычылі арганізацыі і фінансавай падтрымкі ваенных мерапрыемстваў знешнепалітычнага характару: «...У паходзе ж, пакуль ён будзе працягвацца, згодна са старажытным звычаем пераход абавязаны рабіць за свой кошт і сродкі. Калі будзе патрэба праследаваць якіх бы там ні было ворагаў, непрыяцеляў і самой зямлі нашай Літоўскай уцекачоў, то для праследавання такім спосабам, які паводле звычая завецца «пагоняй», абавязаны выступіць не толькі людзі, хто носіць зброю, але кожны мужчына, у якіх бы абставінах ці становішчы ён ні знаходзіўся, толькі б мог насіць ваенную зброю...» [1, с. 102; 2, с. 427; 6, с. 66–67; 7, с. 2]. Такім чынам, азначаныя пункты прывілея, па-першае, ускладалі абавязкі па ўтрыманні ваяроў у паходзе на саміх рыцараў, па-другое, абазначалі, у выпадку вострай небяспекі і неабходнасці, ваеннаабавязанасць усяго дарослага мужчынскага насельніцтва краіны, здольнага насіць зброю. Апошняе, несумненна, было накіравана на павышэнне абароназдольнасці краіны.

Змест Гарадзельскага прывілея ад 2 кастрычніка 1413 г. (першы з трох актаў у дакументах Гарадзельскай уніі 1413 г.) меў непасрэдня адносіны да знешняй палітыкі ВКЛ [1, с. 115–118; 3, с. 211–216]. Па-першае, ім пацвярджалася унія ВКЛ з Польшчай, якая з 1385 г. стала традыцыйнай формай узаемаадносін паміж дзяржавамі. Па-другое, артыкул 1 прывілея называў асноўнай прычынай яго падпісання знешнюю небяспеку з боку крыжакоў [1, с. 115; 3, с. 211]. Тэкст прывілея ўтрымліваў шэраг супярэчлівых формул, якія выклікалі гарачую палеміку і нарадзілі багатую гістарыяграфію па праблеме характару ўзаемаадносін паміж ВКЛ і Польшчай да і пасля падпісання Гарадзельскай уніі 1413 г. Задзелам на будучыню становіўся артыкул 14 правілея, які прадугледжваў магчымасць правядзення агульных соймаў прадстаўнікоў палітычнай эліты Польшчы і ВКЛ для вырашэння сумесных спраў «... у Любліне або ў Парчове, або ў іншых адпаведных месцах, згодна з нашай воляй...» [1, с. 118; 3, с. 216]. Аднак у ВКЛ уплыў соймаў на сферу кіраўніцтва знешняй палітыкай стане заўважальным толькі ў XVI ст. [4, с. 36–38].

Агульназемскі прывілей, выдадзены 6 мая 1434 г. [1, с. 119–121; 3, с. 216–217], утрымліваў у сваім тэксце невялікі фрагмент, які меў дачыненне да арганізацыі вонкавай бяспекі гаспадарства. Даючы значныя правы і ільготы праваслаўным феадалам, артыкул 6 прывілея 1434 г. захоўваў за імі павіннасць пабудовы і рамонту замкаў і ваенных шляхоў: «... аднак, на названых князях і баярах і іх

падданых захоўваем, пры нас і пры нашых наследніках, пабудову і рэпарацыю тых замкаў і ваенных шляхоў, да якіх яны прымацоўваліся з старыны, на іх уласныя выдаткі, без чаго не могуць быць у добрым стане нашы землі...» [1, с. 120–121; 3, с. 216–217]. Апошняя тлумачэнне падкрэслівала менавіта заклапочанасць вярхоўнай улады знешняй бяспекай дзяржавы.

Наступны агульназемскі прывілей быў падпісаны 2 мая 1447 г. [1, с. 124–127; 2, с. 427–428; 3, с. 218–220]. Адною з яго мэтаў было падкрэсленне і ўмацаванне суверэнітэту ВКЛ у рамках асабістай уніі з Польшчай. Так, у артыкуле 13 сцвярджалася: «Також обецуюем и слюбуюем, иж панства нашего земель, великого князства предреченого, не вменшим, але у границах, как же предки были наши, на имя князь Александр, нареченый Витовт, дядя наш, и иные держали и володели, також и мы тыеж земли здорови, целы, держати будем, и володети и щитити, а с божьею помощью и всими силами размножати будем» [1, с. 127; 2, с. 428; 3, с. 220]. Такім чынам, з гэтага моманту кіраўніцтва ВКЛ юрыдычна не магло саступаць хаця б частку тэрыторыі дзяржавы. Артыкул 14 утрымліваў абяцанне манарха не прызначаць іншаземцаў на пасады ў ВКЛ і не даваць ім тут маёнткі [1, с. 127; 2, с. 428; 3, с. 220]. Змест параграфу, у першую чаргу, быў скіраваны супраць пранікнення польскай шляхты у ВКЛ. Пэўнае дачыненне да сферы знешняй палітыкі меў і артыкул 5 прывілея, які дазваляў, «...абы княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, добровольно имели бы мощь выехати з наших земель князства великого, для лепшого шчастья набытия, а любо учинков рытерских, до каждых земель, сторон, только выменяючи стороны неприятельское» [1, с. 125; 2, с. 428; 3, с. 219]. Адным з найважнейшых быў артыкул 10 прывілея, у якім змяшчаліся палажэнні аб вызваленні сялян з маёнткаў, належачых князям, рыцарам, шляхце, баярам і мяшчанам, ад дзяржаўных натуральных і грашовых павіннасцей, пакідаючы на карысць гаспадара толькі стацыі, а таксама павіннасць будаваць і рамантаваць дарогі і замкі [1, с. 126; 2, с. 428; 3, с. 219]. Дадзеныя палажэнні мелі непрадказальныя наступствы для сферы знешняй палітыкі, бо прывялі да значнага скарачэння паступленняў у скарб дзяржавы. Хранічная пустэча ў ім прымушала вялікіх князёў літоўскіх звяртацца за дазвалам на разнастайныя субсідыі да землеўладальнікаў, што стала адной з перадумоў росту палітычнага значэння шляхты ВКЛ і яе ўмяшання ў сферу кіравання знешняй палітыкай дзяржавы.

Агульназемскі прывілей ад 6 жніўня 1492 г. нарматываў абмежаваць уладу вялікага князя з боку паноў Рады [2, с. 430–435; 3, с. 220–225]. У артыкулах 12 і 13 прывілея знайшлі адлюстраванне гарантыя самастойнасці і дзяржаўнай асобнасці ВКЛ, акцэнт на незалежнасці ў знешняй палітыцы [2, с. 431, 434; 3, с. 223]. Артыкул 13 санкцыянаваў узаемную кампетэнцыю вялікага князя і паноў Рады ў кіраванні знешняй палітыкай і пералічваў асноўных дыпламатычных партнёраў ВКЛ. Згодна з артыкулам 23 прывілея, паны Рады атрымалі права кантролю за выкарыстаннем сродкаў дзяржаўнага скарбу [2, с. 432, 435; 3, с. 224], а тым самым і за фінансаваннем арганізацыі і ажыццяўлення знешнепалітычных акцый.

Важнейшай знешнепалітычнай мэтай, замацаванай артыкулам 12 прывілея, было захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці дзяржавы. Гаспадар абавязваўся не памяншаць тэрыторыю дзяржавы, а наадварот яе павялічваць [2, с. 431, 434; 3, с. 223]. Гэта палажэнне, паўтараўшае артыкул 13 прывілея 1447 г., стала пастаяннай часткай усіх наступных прывілеяў і было адлюстравана ў артыкуле 2 Раздзела III Статута ВКЛ 1529 г. [5, с. 48; 2, с. 441] і артыкуле 3 Раздзела III Статута ВКЛ 1566 г. [2, с. 491]. У сваю чаргу артыкул 16 прывілея 1492 г. услед за артыкулам 14 прывілея 1447 г. паўтараў забарону раздаваць іншаземцам пасады і маёнткі ў ВКЛ [2, с. 431, 434; 3, с. 223], таксама як артыкул 3 Раздзела III Статута ВКЛ 1529 г. [5, с. 48; 2, с. 441] і артыкул 3 Раздзела III Статута ВКЛ 1566 г. [2, с. 491].

У агульназемскім прывілеі ад 7 снежня 1506 г. і Статутах ВКЛ 1529 г. і 1566 г. пытанні аб зносінах з іншымі дзяржавамі і праблемы знешняй палітыкі прама амаль не закраналіся. Артыкул 4 прывілея 1506 г. ужо традыцыйна абяцаў, што ў выпадку зняцця Жыгімонтам Казіміравічам трона ў Польшчы, ён «...з таго часу нашу дамінію вялікага княства Літоўскага і добры паноў-рады ні ў чым не паменшым, але цалкам захаваем ад усякага парушэння законаў, беспадстаўнасці і абцяжарвання, як зрабіў наш бацька ў час свайго шчаслівага царавання» [3, с. 228]. У прывілеі ад 7 снежня 1506 г. і Статутах ВКЛ 1529 г. і 1566 г. знайшоў далейшае заканадаўчае замацаванне прынцыпу саўдзелу Рады паноў у кіраванні важнейшымі сферамі жыцця дзяржавы [3, с. 227–229; 5, с. 40–41; 2, с. 441, 490–491]. Артыкул 6 раздзела I Статута ВКЛ 1529 г. замацаваў заканадаўчую абарону годнасці і гарантыю бяспекі дыпламатычных агентаў. Парушэнне яго пагражала смяротным пакараннем і прыраўнівалася да абразы самога гаспадара [5, с. 34; 2, с. 436].

У Статуце ВКЛ 1566 г. у цэлым знайшла адбіццё змена знешнепалітычнага становішча ВКЛ у сувязі з пачаткам Лівонскай (Інфлянцкай) вайны 1558–1582 гг. Надзвычай значную рэгламентацыю атрымаў Раздзел II «Аб абароне земскай», робячы акцэнт не толькі на яе арганізацыі, але і на санкцыях за парушэнне шляхтай свайго ваеннага абавязку [2, с. 486–490]. Тое ж можна сказаць пра артыкулы Раздзела I «Аб персоне гаспадарскай», якія падрабязна асвятлялі моманты, якія ўспрымаліся ў якасці дзяржаўнай здрады, а не толькі абразы манарха [2, с. 481–483].

Заканадаўчае афармленне набыла і практыка афіцыйнай забароны паставак тавараў ваеннага прызначэння ў непрыяцельскія краіны. Адпаведны артыкул 41 «О невывоженье приправ военных до земли неприятельское» быў уведзены ў Раздзел III «О вольностях шляхецких и о размноженье Великого Князства Литовского» Статута ВКЛ 1566 г. Артыкул сведчыў: «Уставуем и вечными то часы мети хотим, постерегаячи того, абы зов сих земель панства нашего Великого Князства Литовского яко жидове татарове купцы и вси подданные наши, которого кольвек стану, явне и таемне всяких броней железа ручниц, нажов стрел и всякого иного наряду военного не выпускали и вывозили, послом не продавали, с чего бы неприятель силитись мог. А хто бы се того смел важыти над тое росказанье и уставу нашу, тот ничим иным одно горлом каран быти маеть, а товари и вся маетность его маеть быти до скарбу нашего взята, а того с пильностью на всех замкох украинских сторожове и вси врядники наши постерегати мають, а то се розумети будеть в покою и под не впокоем» [2, с. 497]. Звяртае на сябе ўвагу жорсткасць пакарання за парушэнне гэтай забароны – страта жыцця, а таксама тое, што гэта правіла дзейнічала не толькі ў ваенны, але і мірны час.

Такім чынам, заканадаўчыя крыніцы, бясспрэчна, маюць важнае значанне для вывучэння розных аспектаў знешняй палітыкі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст., у тым ліку асноўных прынцыпаў і мэтай ажыццяўлення і кіравання гэтай сферай. Апошняе было сведчаннем усведамлення іх важнасці для ўсёй сферы кіравання дзяржавай і ўзросшай прававой культуры тагачаснага грамадства.

1. Белоруссия в эпоху феодализма : сборник документов и материалов : [в 4 т.] / Академия наук БССР, Институт истории, Архивное управление МВД БССР. – Минск : Изд-во АН БССР, 1959. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века / [составители : З. Ю. Копыцкий, М. Ф. Залого]. – 515 [1] с. : табл.
2. Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя. – Мінск : БелЭн, 2010. – Т. 3 : Дадатак. А – Я / рэдкал. : Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. – 696 с. : іл.
3. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : у 4 т. – Менск : Выд. АН БССР, 1936. – Т. 1 : IX–XVII ст. / скл. : акад. В. К. Шчарбакоў, дац. К. І. Кернажыцкі і вуч. археограф Д. І. Даўгяла. – XVI, 678 с.
4. Мікалаева, Л. В. Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Л. В. Мікалаева. – Мінск, 2003. – 108 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. : текст, перевод, словарь-комментарий / под ред. акад. К. И. Яблонского. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
6. Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków : Skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1932. – 633 s.
7. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież Rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 / [wydał i przedmową opatrzył A. T. Działyński]. – Poznań : w Drukarni na Garbarach, 1841. – 542, IV s.

Субоцін А.А.

АПІСАННЕ КЛІМАТЫЧНЫХ З’ЯЎ XIV–XVI СТСТ. У ХРОНІЦЫ ЛІТОЎСКАЙ І ЖАМОЙЦКАЙ

Праблемы кліматычных катаклізмаў прыцягваюць сёння вялікую ўвагу як з боку навукоўцаў, так і з боку звычайных абыякаў. На сённяшні час стала відавочным, што мы жывём ва ўмовах глабальных кліматычных зменаў, якія маюць тэндэнцыю да павышэння сярэднегадавых тэмператур. Пытанні кліматычных зменаў не новыя, і на працягу стагоддзяў Зямля праходзіла вялікія перыяды пахаладання і пацяплення. Вывучэнне такіх перыядаў у працэсе станаўлення клімату дазваляе нам пэўным чынам зразумець сучасныя асаблівасці яго вагання. Асноўная ж задача для гісторыкаў пры аналізе кліматаў мінулага заключаецца ў максімальным уключэнні ў навуковы абарот даступнага комплексу дакументаў, дзе ідзе апісанне з’яў прыроды і даецца характарыстыка тых ці іншых пор года, а таксама апісваюцца падзеі жыцця грамадства, якія ўскосна ўказваюць на працягненні прыроды. Так гісторыкі дапамагаюць прадстаўнікам натуральных навук наглядна прадставіць асобную эпоху ў развіцці прыроды, выявіць рытмы і флуктуацыі клімату папярэдніх гістарычных перыядаў.

Для вывучэння гісторыі клімату Беларусі ключавымі дакументамі з’яўляюцца летапісы і хронікі Вялікага княства Літоўскага. У гэтых апавядальных крыніцах у шэрагу з палітычнымі падзеямі часта апісваліся кліматычныя з’явы, якія найбольш уразілі тагачасных аўтараў і, як правіла, насілі ананмальны і экстрэмальны характар. Сярод падобных крыніц асобна можна вылучыць Хроніку Літоўскую і Жамойцкую, што дае цікавыя звесткі пра клімат Беларусі і суседніх тэрыторый XIV–XVI стст.

Першым па храналогіі сярод запісаў, звязаных з кліматычнымі ўмовамі, у Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай можна назваць упамінанне пра голад у Польшчы, Літве і Русі ў 1320 г. Падчас гэтага голаду людзі былі даведзены да таго, што вырывалі і елі карэнні з зямлі, елі трупы памерлых, таксама прыбягалі да канібалізму, калі бацькі вымушаны былі есці сваіх дзяцей. Хроніка ўпамінае пра выпадкі нападаў і забойстваў людзей дзеля здавалення голаду. Голад меў зацяжны характар і працягваўся два гады [2, с. 35].

Дата голаду 1320 г. у Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай указана памылкова. Справа ў тым, што ў гэтым Хроніцы пад тым жа годам упамінаюцца і дзве каметы, якія з’явіліся на Каляды. Звесткі

пра дзве каметы і голад у Польшчы мы таксама знаходзім у кнізе Я. Длугаша «Аналы, або хронікі вялікіх каралёў Польшчы» і ў Хроніцы польскай М. Бельскага, дзе ўказваецца, што каметы былі бачны на небе ў 1314 г., а голад настаў у 1315 г. [5, р. 91; 6, с. 214]. Даследчык астраноміі ВКЛ Д. В. Скварчэўскі, аналізуючы з’яўленне камет у гэты час, на аснове архіва Радзівілаў адзначае, што голад «ра каміесе» зафіксаваны тут пад 1315 г. [3, с. 26]. Становіцца відавочным, што голад у Польшчы і ВКЛ цягнуўся два гады, у 1315–1317 гг.. Факт «вялікага еўрапейскага голаду 1315–1317 гг.» пацвяджаюць і сучасныя даследчыкі гісторыі клімату К. Пфістэр і Х. Ванэр. На аснове багатага дакументальнага матэрыялу і шырокага спектра дэндрахраналагічных дадзеных яны вызначылі, што прычынай голаду ў адзначаныя гады былі дрэнныя кліматычныя ўмовы, калі па ўсёй Еўропе ўстанавілася вільготнае і халоднае надвор’е, а летам, восенню і вясной ішлі бесперапынныя дажджы. Адпаведна гэта выклікала неўраджаі ключавых сельскагаспадарчых культур [8, р. 284].

Хроніка Літоўская і Жамойцкая апавядае пра халодную, з вялікімі маразамі зіму 1380 г. у Літве, Русі і Польшчы, адзначаючы, што «...была велми срогая зима, же быдло домовое и звери в лесах, также и птаство от зимна въздыхало, и дерево в садах овощное все посхло» [2, с. 62]. Дата ўпамінення пра халодную зіму таксама з’яўляецца недакладнай, бо адзначаны вышэй тэкст быў узяты з «Хронікі польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсёй Русі» М. Стрыйкоўскага, дзе ўказваецца іншая дата – 1364 г. [7, с. 30]. Халодная, з вялікімі маразамі і снегам зіма ў Польшчы ўпамінаецца пад 1363 г. ў Хроніцы М. Бельскага [6, с. 237]. Па ўсёй верагоднасці, у адзначаных крыніцах, у тым ліку і ў Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай, гаворка магла ісці пра зіму 1363/1364 гг. Адметна, што па шматлікіх дакументальных сведчаннях менавіта на гэтую зіму ў Заходняй Еўропе прыходзіцца вельмі халоднае надвор’е і наступленне альпійскіх леднікоў, калі маразы працягваліся да канца сакавіка [8, р. 173].

У Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай кароткія звесткі пра тагачасны клімат мы можам знайсці сярод апісанняў палітычных падзей. Так, ранняя вясна і пацяпленне ў 1386 г. (у тэксце Хронікі памылкова ўказваецца 1397 г.) садзейнічала таму, што князь смаленскі Святаслаў распачаў свой паход на Літву, каб адваяваць Мсціслаўль [2, с. 66].

Вельмі цёплай Хроніка называе ў Літве і Жамойці зіму 1424 г., калі ў студзені і лютым устанавілася такое нехарактэрнае для гэтай пары года надвор’е, што пачалі цвесці фіялкі і сады, а таксама ўзшылі збожжавыя культуры [2, с. 79]. Тут зноў такі мы сутыкаемся з памылкамі і недакладнасцямі ў даце. Калі разгледзім Хроніку М. Стрыйкоўскага, то абсалютна тая ж інфармацыя пра вельмі цёплую зіму ўпамінаецца пад 1413 г. [7, с. 147]. У Хроніцы М. Бельскага пад 1412 г. апавядаецца пра прыбыванне Ягайлы ў Літве, калі зіма была такая цёплая, што ў лютым з’явіўся першыя ўсходы агародніны. Пры гэтым далей па тэксце апісваюцца падзеі Гарадзельскай уніі, што была, як вядома, падпісана ў кастрычніку 1413 г. [6, с. 313]. Цёплую зіму ў Літве Я. Длугаш упамінае пад 1412 г. [4, р. 213]. Хутчэй за ўсё, ва ўсіх пералічаных намі крыніцах апісваецца цёплая зіма 1412/1413 гг., звесткі пра якую трапілі пазней і ў Хроніку Літоўскую і Жамойцкую.

Яшчэ адной цёплай зімой XV ст. Хроніка Літоўская і Жамойцкая называе зіму 1493 г. і апісвае яе так: «Зима през все дни styczня и лютого так теплая была, иж сады квитнули, травы были великие, ролли и сеножати зеленелися...». Далей адзначаецца, што 15 сакавіка надвор’е рэзка змянілася і ўдарылі моцныя маразы, якія знішчылі ўсе зялёныя ўсходы. Кліматычныя ўмовы студзеня – лютага 1493 г. храніст таксама звязвае з разгортваннем чарговага паходу Івана III падчас першай руска-літоўскай вайны, сцвярджаючы, што цёплае надвор’е дала падставу для актывізацыі баявых дзеянняў і заняццю маскоўскімі войскамі ўсходніх зямель ВКЛ да сакавіка таго ж года [2, с. 95].

У Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай, як і ў астатніх тагачасных наратыўных крыніцах, тэма голаду была адным з ключавых сюжэтаў і знайшла сваё адлюстраванне пры апісанне падзей XV і XVI стст. Так, на старонках Хронікі мы знаходзім упамінанне пра вялікі голад 1448 г. у Літве, калі колькасць памерлых была такая, што не было каму іх хаваць. Падчас голаду павысіліся кошты на жыта, чвэрць якога стала каштаваць дзесяць коп літоўскіх. Голад садзейнічаў павелічэнню колькасці рабаванняў. Беднякі нападлі на двары заможных людзей, забіралі хлеб, сыр, масла, проса і іншыя прадукты, не беручы чаго іншага [2, с. 84]. Як і голад, што апісваўся намі вышэй, голад 1448 г. быў звязаны з дрэннымі кліматычнымі ўмовамі. На працягу сярэдзіны 30-х – 40-х гг. XV ст. на рускіх землях, згодна з іншымі летапіснымі зводамі, устанавілася халоднае і няўстойлівае надвор’е ў тыя месяцы, калі праводзіліся сельскагаспадарчыя працы. Так, напрыклад, паводле Цвярскага летапісу ў 1448 г. 1 верасня выпаў першы снег [1, с. 97].

Неспрыяльныя кліматычныя ўмовы таксама выклікалі голады ў 1544 і 1571 гг.. Так, за датай 1544 г. у тэксце Хронікі Літоўскай і Жамойцкай чытаем: «Потым тяжкий был в Литве голод, за решето жита рубль грошей плачено» [2, с. 109]. Аналагічную сітуацыю можна было назіраць у той жа год у Ноўгарадзе, дзе голад і павышэнне коштаў на хлеб былі выкліканы вялікай паводкай, якая заліла ўсе ворныя землі, а таксама ў іншых частках Русі, калі халодная і дажджлівая восень прынесла людзям шмат страт [1, с. 187]. Адметным для ВКЛ аказаўся голад 1571 г., аўтар Хронікі называе яго «вялікім» і зноў такі

распавядае пра выпадкі, калі людзі былі вымушаны есці сабак і выкопваць трупы з зямлі, каб наталіць голад [2, с. 114]. Апроч цяжкага эканамічнага становішча ВКЛ падчас Лівонскай вайны голад быў абумоўлены і кліматычнымі катаклізмамі ва Усходняй Еўропе, якія адзначаліся пад 1571 г. у іншых летапісах, дзе ішла гаворка пра голад, неўраджаі і гібель збожжавых культур [1, с. 194].

Складальнік Хронікі Літоўскай і Жамойцкай пры апісанні падзей Лівонскай вайны не абмінуў указаць некаторыя кліматычныя фактары, якія аказалі ўплыў на ход ваенных дзеянняў. Так, апісваючы штурм Полацка Стэфанам Баторыем 1579 г., храніст адзначае, што зацяжныя дажджы жніўня сталі вялікай перашкодай для таго, каб узяць горад, аднак, ясны сонечны дзень 29 жніўня дазволіў войскам Рэчы Паспалітай і венгерскім атрадам падыйсці да сцен замка і падпаліць яго, што ў выніку прывяло да ўзяцця горада [2, с. 118].

Адваротным чынам з-за кліматычных умоў сітуацыя склалася пры далейшых падзеях Лівонскай вайны, калі баявыя дзеянні ішлі ўжо на тэрыторыі Расіі. Хроніка апісвае аблогу Пскова ў 1582 г. і звяртае пры гэтым увагу на халодную зіму як фактар канчатковага адступлення войск Рэчы Паспалітай і наёмнікаў ад сцен горада ў лютым гэтага года: «Прето войску от Пскова казал гетман отступит, бо была зима срогая на наших, же аж инших уха и носы отмерзали и отпадали носы от великого зимна, гды ж там тяжелое зимно бывает ниже у нас, до того зима тяжкая трафилася» [2, с. 124]. Каштоўным для нашага даследавання ў дадзеным выпадку з'яўляецца не аналіз палітычнай сітуацыі, калі лёс ваеннай кампаніі ўжо быў прадвырашаны, а сам факт апісання надвор'я, які ў цэлым пацвярджае тэндэнцыю ў звалюцыі клімату ў канцы XVI ст., звязаную з чарговай фазай яго пахаладання ў межах вылучанага даследчыкамі Малога ледавіковага перыяду.

Такім чынам, пры апісанні кліматычных з'яў Хроніка Літоўская і Жамойцкая акцэнтуюе ўвагу на фіксаванні анамальна халодных і анамальна цёплых зім, дзе даты XIV – пачатку XV стст. указаны са спазненнем на некалькі гадоў, пра што сведчаць упамінанні тых жа кліматычных з'яў у польскіх хроніках. У адрозненні ад іншых беларуска-літоўскіх нарматыўных крыніц Хроніка Літоўская і Жамойцкая вылучыла кліматычныя фактары, якія паўплывалі на ход баявых дзеянняў, якія вяло ВКЛ у ваенных канфліктах з Маскоўскім княствам у канцы XIV ст., падчас першай руска-літоўскай вайны і Лівонскай вайны. Ускосныя дадзеныя пра клімат XIV–XVI стст. мы можам знайсці ў Хроніцы пры апісанні фактаў голаду, бо кожны з іх абумоўліваўся неспрыяльнымі прыроднымі з'явамі. Гэта пацвярджаецца дадзенымі іншых летапісаў і вынікамі даследаванняў навукоўцаў пра кліматычныя катаклізмы і неўраджаі на тэрыторыі Еўропы ў 1310-я, сярэдзіне 1430-х – 1440-я гг., 1544 і 1571 гг. У цэлым апісанні кліматычных з'яў, змешчаныя ў Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай, па сукупнасці з іншымі пісьмовымі крыніцамі і дадзенымі натуральных навук дазваляюць рэканструяваць клімат Беларусі перыяду Сярэднявечча і Новага часу.

1. Борисенков, Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Л. : Гидрометеоздат, 1983. – 240 с.
2. Полное собрание русских летописей / Институт истории СССР. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроника Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 233 с.
3. Скварчэўскі, Д. Апісанне астранамічных з'яў у летапісах і хроніках Вялікага Княства Літоўскага XV–XVI стст. / Д. Скварчэўскі // Бел. гіст. часопіс. – 2014. – №7. – С. 22–30.
4. Długoszy, I. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber decimus et liber undecimus. 1406–1412 / I. Długoszy. – Varsaviae : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. – 352 p.
5. Długoszy, I. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber nonus / I. Długoszy. – Varsaviae : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978. – 509 p.
6. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Ioach. Bielskiego, syná iego, wydána. – Kraków : w drukárni Já kubá Sibeneycherá, 1597. – 804 s.
7. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego : w II t. – Warszawa : Nak. G. L. Glüksverga, 1846. – Т. II. – 572 s.
8. Pfister, C. Climate and society in Europe – the last thousand years / C. Pfister, H. Wanner. – Bern : Hauptverlag, 2021. – 396 p.

Довматович К.Д.

ПОЛОЦКИЙ ПАРТИКУЛЯРНЫЙ СЕЙМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (НА ОСНОВАНИИ ДЕКРЕТА 1486 ГОДА)

Автор считает, что партикулярный сейм в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) – это парламентским институт отдельной территориальной единицы. В рамках его работы были задействованы свободные местные жители в решении каких-либо дел данной территории. Важно отметить, что термин «партикулярный сейм» синонимичен по сути терминологии российскоимперской историографии, в которой сейм отдельной области Великого Княжества назывался «областным сеймом» [6–10]. При этом данная тематика так или иначе затрагивается и в современной историографии [3–4; 15]. По нашему мнению, партикулярная (обособленная) сущность наиболее удачно характеризует подобный парламентских институт в феодальную эпоху. Термин «партикулярный сейм» раскрывает специфическую сущность феодализма, начиная от обособленности географической, заканчивая обособленностью сословной и социально-политической.

Про Полоцкий партикулярный сейм сохранилось скудное количество исторических источников, говорящих о подобном институте прямо. В большей степени сохранились документы, которые только косвенно свидетельствуют про отдельный сейм в Полоцке. В значительной мере именно на основании этих косвенных данных были сделаны основные выводы в историографии Полоцкого партикулярного («областного») сейма. В представленной статье затронут только один источник, в котором прямо указывалось на отдельный сейм в Полоцке. Это «Декрет бояром полоцкимъ з мещаны, и з | городскими двораны, и з чорными люд(ь)ми, со в|сим поспол(ь)ством з стороны непомаган(ь)я им | к(у) потребе г(о)с(по)д(а)рской и земской заровно etc.» (далее – Декрет), изданный Казимиром Ягеллончиком и Панам-Радой в августе 1486 г. [11, л. 139 об. – 140 об.; 13, с. 412–413].

Декрет 1486 г. не единожды попадал под внимание археографов и историков. Впервые он был опубликован Иваном Григоровичем в первом томе издания «Акты Западной России» (1846) [1, № 60, с. 72]. При этом была определена неточная датировка – «1456, или позже, въ Августѣ» [1, № 60, с. 72]. Впоследствии датировка 1456 г. перекочевала в первый том издания «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (1936) [5, Разд. VII, № 11, с. 313–314], а также в первый том издания документов «Белоруссия в эпоху феодализма» (1959) [2, № 112, с. 259–260]. Однако еще в начале XX в. Иван Лаппо относительно этого документа установил датировку 1486 г. в издании двадцать седьмого тома «Русской исторической библиотеки» (1910) [16, № 98, с. 409–411]. В советской исторической науке эту дату поддержала Анна Хорошкевич при издании второго тома «Полоцких грамот» (1978) [14, № 195, с. 110–112]. Окончательно эта датировка была обоснована в новейших изданиях «Полоцких грамот» (2015) [12, с. 188–189; 13, № 265, с. 412–413]. Современные литовские исследователи при издании четвертой книги «Литовской метрики» (2004) также датировали данный документ августом 1486 г. [17, № 98, р. 124–125]. Важно отметить, что Декрет 1486 г. содержится в фонде Метрики Великого княжества Литовского [11, л. 139 об. – 140 об.]. На основании Декрета (приговора суда монарха и Панов-Рады) 1486 г. и будет производиться реконструкция структуры Полоцкого партикулярного сейма в Великом Княжестве Литовском.

Декрет Казимира Ягеллончика и Панов-Рады 1486 г. разрешал конфликтную ситуацию между полоцкими мещанами, дворянами, «черными людьми» и «всем посольством», с одной стороны, и полоцкими боярами – с другой. Мещане, дворяне и «черные люди» жаловались монарху и Панам-Раде на то, что бояре мало помогают «для потребизны земское» [11, л. 139 об.; 13, с. 412]. Для разрешения конфликтной ситуации великим князем и Радой было предложено решить все противоречия на отдельном сейме в Полоцке: «И далеи приказуемъ, абы боаре, и мещане, и дворане городскіи, и все посполство въ згоде межи собою были, а дела бы наши г(оспо)д(а)рские вси зъгодою посполу справляли по давному, а сымалис(а) бы вси посполу на томъ месте, где перед тым сымывалис(а) здавна» [11, л. 140; 13, с. 413]. Т.е. здесь под «сымывалися» надо понимать собрание свободных людей Полоцкой земли с целью решения вопросов управления, установления порядка жизнедеятельности в пределах данной административно-территориальной единицы.

На основании Декрета 1486 г. сложно однозначно определить точную локализацию Полоцкого партикулярного сейма в самом городе. Однако в документе отмечается традиционное место для подобного рода заседаний, что указывает на существование данной институции и ранее: «на томъ месте, где перед тым сымывалис(а) здавна» [11, л. 140; 13, с. 413].

Более четко прослеживается состав участников заседаний Полоцкого сейма. На заседании имели право участвовать бояре, мещане, дворяне и даже «чернь» (низший слой городского полноправного населения) [12, с. 189]. В Декрете указывалось, что «А без боар | мещаномъ, и двораномъ городскимъ, и черни соимовъ не надобе чи|нить» [11, л. 140; 13, с. 413].

Правотворчество партикулярного сейма в Полоцке имело определенный порядок заседания («право»). Важнейшим компонентом этого «права» являлся полным состав сейма во время заседания. В случае неполноты состава участников сейм мог не состояться (*смотреть выше – К. Д.*). В Декрете 1486 г. было отмечено, чтобы все участники «во всех бы речах радились такъ, какъ мы имъ право дали». При этом в принятии итоговых решений между заседавшими должно было достигаться согласие («згода»). Так, отмечалось, чтобы «все посполство въ згоде межи собою были, а дела бы наши г(оспо)д(а)рские вси зъгодою посполу справляли по давному». При этом, в случае нарушения заседания сейма предполагалось наказание: «А хто бы хотелъ то възрүшит(и), а с того выступат(и), в томъ деле закладаемъ на насъ вины десать тисачъ рүблевъ» [11, л. 140; 13, с. 413].

Резюмируя, Полоцкий партикулярный сейм в Великом Княжестве Литовском являлся локальным парламентским институтом. Изданный от имени Казимира Ягеллончика и Панов-Рады Декрет 1486 г. позволяет в определенной мере реконструировать структуру данного института. Прежде всего, на основании анализа документа представляется существование отдельного сейма в Полоцке и до 1486 г. («сымывалис(а) здавна»). При этом к моменту издания Декрета заседания отдельного Полоцкого сейма сложили определенную традицию, в том числе и правовую («право»).

Относительно состава партикулярного сейма, то в нем имели право участвовать полоцкие бояре, мещане, городские дворяне и «чернь». В ходе принятия решения все участники должны были достигать согласия («згоды»). А в случае нарушения заседания сейма предполагалось наказание.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России (АЗР) : в 5 т. / Арх. комиссия. – Спб. : тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848–1853. – Т. 1 : 1340–1506 / И. Григорович – 1848. – 428 с.
2. Белоруссия в эпоху феодализма (БЭФ) : сборник документов и материалов в трех томах / АН БССР. – Минск : из-во АН БССР. – Т. 1 : с древних времен до XVII века / З. Ю. Копыцкий, М. Ф. Залого. – 1959. – 517 с.
3. Варонін, В. А. Сацыяльна-эканамічнае і палітычныя развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI стагоддзя : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / В. А. Варонін. – Мінск, 2000. – 110 л.
4. Варонін, В. Законатворчая дзейнасць віцебскіх абласных з'ездаў у першай палове XVI ст. (на прыкладзе ўстаў аб «пахожых» сялянах 1531 і 1551 гг.) / В. Варонін // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі, Мінск–Наваградак, 23-24 лістапада 2007 г. / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск : БІП-С Плюс, 2008. – С. 55–60.
5. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : в 4 т. (ГБДМ) / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936–1954. – Т. 1 : IX–XVIII ст. / В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі, Д. І. Даўгяла. – 678 с.
6. Довнар-Запольский, М. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. Довнар-Запольский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1901 – Ч. CCCXXXVII. – С. 454–498.
7. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский совет и его сеймик / И. И. Лаппо. – Юрьев : тип. К. Маттисена, 1911. – 834 с.
8. Леонтович, Ф. Веча, сеймы и сеймики в Великом Княжестве Литовском / Ф. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. – № 2, Ч. XXV. – С. 233–274.
9. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – Москва : Московский Университет, 1901. – 1160 с.
10. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко – Харьков : тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) = Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – КМФ-18. Оп. 1. Д. 4.
12. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. (ПГ) : в 2 т. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. – Т. 2. – 524 с.
13. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. (ПГ) : в 2 т. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. – Т. 1. – 853 с.
14. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. (ПГ) : в 5 т. / сост. А. Л. Хорошкевич, А. А. Зимин (отв. ред.). – Москва : Ин-и истории АН СССР, 1978. – Т. 2. – 220 с.
15. Родэвальд, Ш. «Пра Полацкую Венецыю». Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.) / Ш. Родэвальд ; пер. з ням. М. Патоцкі, С. Паўлавіцкі, Г. Скакун ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2020. – 632 с.
16. Русская историческая библиотека (РИБ) : в XL т. / Археографическая комиссия. – Юрьев : типография К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXVII : Литовская Метрика, отделы первый, часть первая: Книги записей, том первый / И. И. Лаппо. – 1910. – 872 с.
17. Lietuvos Metrika Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 (LM) / parengė L. Anužytė. – Vilnius : Žara, 2004. – 286 p.

Лицкевич О.В.

КАРТЫ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVII В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЯ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И ЛИВОНИЕЙ

Нам известно около 40 карт с изображением границы и пограничья между ВКЛ и Ливонией, которые были напечатаны в виде отдельных оттисков или в составе книг и атласов на территории Польши, ВКЛ и других европейских стран в период с конца XV по начало XVII в.

Первые данные появляются уже на карте Европейской Сарматии Николая Кузанского (1491), о которой можно судить по изданиям 1507 и 1513 гг. На ней обозначены Полоцк и центр жемайтской волости Медники [6, с. 279; 3, с. 3, № II]. Старейшей картой, на которой размещена существенная и достаточно подробная географическая информация о литовско-ливонском пограничье, является карта Польши, опубликованная в 1526 г. Бернардом Ваповским. На одном из ее сохранившихся фрагментов представлена западная часть Жемайтии [6, с. 283; 13, р. 51–53]. Линия границы на этой карте не обозначена. В качестве пограничных изображены реки Свента, впадавшая в Балтийское море, и Вадакте. Это вполне соответствует прохождению линейной границы, установленной в соответствии с договором 1473 г. между ВКЛ и Ливонией. Со стороны ВКЛ рядом с ливонским рубежом показаны центры приграничных волостей – Плателяй, Тельшай и Вешвенай (Vesuanī), а также населенные пункты Альседжай, Лукники (= Луоке) и Швекшна (Swyexsny), размещенная значительно севернее, чем в реальности.

Первая известная нам карта, на которой пунктиром обозначена граница между ВКЛ и Ливонией, была подготовлена Сигизмундом фон Герберштейном и выполнена в 1546 г. гравером Августином Хиршфогелем. На подлинном оттиске из Вены видна только линия границы в районе Динабурга и Полоцка, причем стык границ Ливонии, Псковской земли и ВКЛ ошибочно указан у самой Западной Двины [3, с. 6–7, № XI].

Большое влияние на картографическую традицию оказала карта Центральной Европы, подготовленная фламандцем Герардом Меркатором в 1554 г. [6, s. 288; 12]. Хотя линия границы ВКЛ и Ливонии на ней не изображена, но населенные пункты пограничья представлены довольно подробно. Для западного участка пограничья Меркатор в качестве источника использовал карту Ваповского: из нее взяты указания на оз. Плателяй и местечко при нем, а также населенные пункты Альседжжй, Лукники и, видимо, Жагаре и Биржай (Buginy). Восточный участок в районе Браслава и Полоцка Меркатор изобразил, основываясь на «Записках о Московии» Герберштейна. На карте в точности воспроизведен маршрут поездки Герберштейна из Вильно в Полоцк в марте 1517 г. [1, с. 234–235, 379]. Со стороны Ливонии показан Динабург, а напротив него Швенчёнис (Swintrawa) на реке Жеймена (Schamena), местечко при озере Диснай (Disla), Дрисвяты (Driswet), Браслав (Braslaw) на озере Новяты (Nawer lacus), Дедино (Dedina), Вята (Betha), Дрисса (Drissa), Допороски (Doporoski), Полоцк (Plotzko) и Витебск (Widepski).

Герберштейн в своих «Записках» неточно указал, что Дедино находилось на Западной Двине между Браславом и Вятой. На самом деле этот населенный пункт локализуется на месте нынешней д. Дедино Миорского района Витебской области. Благодаря гостеприимству, которое было оказано австрийскому послу в 1517 г., село Дедино стяжало поистине европейскую славу. В XVI–XVII вв. оно указывалось на многих европейских картах наравне с Полоцком и Витебском. Что касается загадочного пункта Допороски на Западной Двине, кажется правдоподобным мнение, что Герберштейн говорил тут про какую-то местность возле двинских порогов [1, с. 352]. Возможно, это напротив устья р. Дисны, где начинались опасные пороги [5, с. 152–153].

Рисунок 1 – Пограничье ВКЛ и Ливонии на карте Г. Меркатора (1554)

Данные Меркатора о литовско-ливонском пограничье в том или ином виде воспроизводились на картах Джакомо Гастальди (Венеция, 1562), Ливина Алгоэта (Антверпен, 1562) и других картографов. Со временем они пополнялись новой информацией. Так, на карте Польши Вацлава Гродецкого (1562) название Биржай скорректировано (вместо Buginy – Bersany), но все равно этот пункт обозначен значительно восточнее, чем его реальное расположение [6, s. 292]. На карте Европы Каспера Вопеля (Антверпен, 1566) среди приграничных пунктов, взятых у Меркатора, появляются Пасвалис (Paeswoll), Аникшяй (Anixst) и название Chriwiitzi, которое примерно соответствует расположению нынешней д. Кривичи Глубокского района. Впрочем, это могло быть и названием славянского племени. У Вопеля на карту нанесены названия античных племен из карты Птолемея, а в районе Пскова указаны Dregouiti [6, s. 289].

Карта Московии и сопредельных земель, подготовленная Антониом Видом и Иваном Ляцким в 1555 г., не содержит существенной информации о пограничье между ВКЛ и Ливонией. Однако она примечательна как первый печатный картографический памятник с кириллическими подписями: «Полоцко», «Витебскъ», «Двина река». К северу от Полоцка на ней обозначена граница ВКЛ и Московского государства [19].

На карте Иоанна Портантиуса *Livoniae Nova Descriptio* (Антверпен, 1573) линия границы между ВКЛ и Ливонией проведена крайне неточно. Она начинается от впадения р. Свента в Балтийское море. В территорию Ливонии ошибочно включены Кражяй (Crajsa), Варняй, то есть добрая четверть Жемайтии, Рамигала (Remigala), Пасвалис (Poswol), Рокишкис (Rakszke) и даже оз. Диснай (Disla) и Дедино (Dedina) [17].

На карте Полоцкой земли, подготовленной Станиславом Пахоловецким в 1580 г., ливонская граница не обозначена. Крайними западными пунктами с полоцкой стороны являются Браслав, Иказнь, Погост (теперь д. Старый Погост Миорского района), Друя и Дрисса [10].

Уже в первой половине XVI в. на территории ВКЛ стали создаваться рукописные карты-схемы с изображением границ отдельных административно-территориальных единиц и имений [6, s. 136–137]. Одна из наиболее ранних карт-схем Ливонии, датируемая предположительно 1560 г., выявлена недавно в фондах НИИАБ в Минске. Она довольно примитивна, выполнена без соблюдения надлежащих пропорций [4, с. 17]. В инвентаре государственного архива ВКЛ, который был составлен в 70-х гг. XVI в., упомянута карта-схема границ ВКЛ с Ливонией: *Wymaliowanie granicz W. X. Litewskiego i Inflianth* [14, p. 24]. Она находилась среди материалов 40-х гг. XVI в., поэтому может быть связана не с описанием границ 1529 г., как считал С. Александрович [6, s. 138], а с описанием границ 1542 г., которое отражено в 559-й и 560-й книгах Литовской Метрики. В ходе делимитации границы с Курляндским герцогством в районе р. Мемеле в августе 1584 г. делегация ВКЛ использовала карту-схему пограничного участка (*maliowanie*) с приложенным к нему комментарием (*obiasnieniem*) [18, s. 274].

В 1589 г. в кельнском издании книги Мартина Кромера *Polonia, siue De origine et rebvs gestis Polonorum libri XXX* была опубликована карта Матея Струбича *Magni Ducatus Lithvaniae, Livoniae et Moscoviae descriptio* [9]. На ней обозначена самая точная в картографии XVI в. линия границы ВКЛ с Ливонией. Пунктирная линия шла от Балтийского моря по р. Свента, на ливонской стороне указаны приграничные пункты Греже (*Gressem*; теперь деревня у впадения р. Вадакте в р. Вянта) и Бауска. На литовской – Варняй, Линкува и Салочяй (*Sallata*). Салочяй абсолютно верно размещены на самой границе, поскольку находятся возле городища Комодра (Камарде) – крайней литовской точки напротив ливонской Бауски по актам делимитации 1473 и 1584 гг. [15, s. 160; 18, s. 274]. Далее с литовской стороны показан Рокишкис (*Rankiski*) и к востоку от него Купишкис (*Kupiski*). В реальности Купишкис находится, конечно, к западу от Рокишкиса. Восточный участок пограничья Струбич изобразил, пользуясь картой Гродецкого (указаны *Birzany*) и, вероятно, Вепеля (указаны *Opixti*). Но он отредактировал географические данные по западной части Полоцкой земли: убрал Дедино и Допороски, добавил Друю и Иказнь (возможно, по карте Пахоловецкого) и населенный пункт Лисно при озере напротив Себежа (теперь д. Лисно в Верхнедвинском районе Витебской области).

Рисунок 2 – Пограничье ВКЛ и Ливонии на карте М. Струбича (1589)

Незадолго до смерти Герард Меркатор подготовил новые карты России, Ливонии и ВКЛ. На карте *Rvssia cum confinijs* (1594) [3, с. 11 № XXIV] линия литовско-ливонской границы указана, видимо, по Струбичу. Но использовалась и какая-то из карт Иоанна Портантиуса. Со стороны ВКЛ обозначены Варняй, Пасвалис, Аникщяй, Дрисвяты, Дрисса. Со стороны Ливонии – Бауска и почему-то Рокишкис (*Radtzki*). На двух других картах (*Livonia* и *Lithvania Ducatus: Samogitia, Russia, & Volhinia*), опубликованных в 1595 г. [8, карты XXV и XXVII], линия границы проведена не по р. Свента, а ошибочно по более южной реке Акмяна (*Acmen*) прямо от Паланги. От Салочяй и Бауски граница в восточном направлении указана по Струбичу. Среди литовских приграничных пунктов появляется местечко Сведасай (*Swedos*). Дедино (*Dodino*) размещено на стороне Ливонии, как у Портантиуса. На аналогичной карте Меркатора, изданной Йодоком Гондиусом в Амстердаме (1607), граница ВКЛ с Ливонией начинается даже не от Паланги, а от Мемельбурга (Клайпеды) [6, s. 304]. Схожая линия представлена на карте *Novissima Russiae Tabula* Исаака Массы (Лондон, 1635).

В 1613 г. Томаш Маковский под патронатом князя Николая Криштофа Радзивилла подготовил карту *Magni Ducatus Lithvaniae caeterarumque regionum illi adiacentium exacta descriptio*. Единственным подлинным оттиском считается карта, выявленная нидерландским ученым Г. Шильдером в библиотеке герцогини Анны Амалии в Веймаре [2, с. 288–290]. Ее изображение нам недоступно. На копиях карты, которые публиковались голландским издателем Виллемом Янсоном Блау в

Амстердаме в 1631 [7, вклейка] и 1635 гг. [11], граница ВКЛ с Ливонией проведена не по р. Свента, а по какой-то более северной реке Vpissa. Это может быть либо р. Упите, впадающая в Балтийское море, либо р. Апше с Бартувой. Рядом указан литовский приграничный пункт Скуодас. Затем над устьем р. Вадакте обозначено местечко Греже (Gruzi) – причем, в отличие от карты Струбича, оно находится не на ливонской, а на литовской стороне. В примерном соответствии с делимитациями 1473 и 1584 гг. граница пересекает р. Свете, где со стороны ВКЛ указаны Жагаре и Ионишкис. Затем пересекает р. Муша – здесь напротив ливонского замка Бауска обозначены литовские пункты Плоненай (Plomanu) и Салочяй. Далее, проходя через Радивилишки и Зарасай, линия границы выходит к Западной Двине к западу от Друи и идет вверх по речному руслу.

На карте Маковского подробно представлены населенные пункты Браславского Поозерья: Дрисвяты, Видзы, Пеликаны (Pelikany; населенный пункт на одноименном озере), Опса, Замосье (Zamosze), Погост, Иказнь, Браслав, Укольский двор (Vkoliskidwor), Друйский двор (Drujskidwor), Друя на левом берегу и отдельно замок Друя (Arx Druia) на правом берегу Западной Двины. У северной оконечности озера Богинское указан пункт Vhora, при этом само озеро на карте обозначено как река.

К северу от Западной Двины линия границы проведена по р. Индрица. У верховьев Индрицы она сворачивала на восток. За пределами Полоцкой земли оставлены Лисно (Lisna) и какой-то пункт Nieszewa на реке Nieszuea (думаем, речь идет о р. Ницца, правом притоке Дриссы). Населенный пункт Нещердо (Nieszecerda) указан на стороне ВКЛ.

В амстердамских изданиях карты Маковского, выполненных Гендриком Гондиусом (1637, 1641, 1649), Лисно на карте почему-то не обозначено. На карте России и сопредельных областей Гесселя Герритса (1614) пунктиром указана граница ВКЛ и Московского государства, и Лисно, так же как и у Маковского, находится на московской стороне [16, карта 3].

Таким образом, хотя линейные границы ВКЛ с Ливонией были определены и демаркированы еще в XV в., первая карта с их обозначением (неполным) была опубликована лишь в 1546 г. Одним из основных источников информации для картографирования полоцко-ливонского пограничья в XVI в. долгое время были «Записки о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна. Первые известия о рукописных картах-схемах пограничья ВКЛ и Ливонии восходят к 40-м – 80-м гг. XVI в. Точнее всего границы ВКЛ с Ливонией и расположение приграничных пунктов нанесены на картах Матея Струбича (1589) и Томаша Маковского (1613). Но в целом ввиду мелкого масштаба и различных погрешностей известные ныне картографические источники XVI – начала XVII вв. могут играть лишь вспомогательную роль в изучении формирования границ ВКЛ с Ливонией.

1. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн ; пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
2. Зеленский, Т. В. Карта Великого Княжества Литовского образца 1613 года в библиотеках Польши, Украины и Литвы / Т. В. Зеленский // Румянцевские чтения – 2019 : материалы Международной научно-практической конференции : в 3 ч. – Ч. 1. – Москва, 2019. – С. 288–293.
3. Кордт, В. А. Материалы по истории русской картографии / В. А. Кордт. – Киев, 1899. – Вып. 1 : Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. – 15 с., 32 табл.
4. Макараў, М. Д. Карта Інфлянтаў 1560 г. з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / М. Д. Макараў, А. М. Латушкін // Архіварыус : зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. – Вып. 20. – Мінск : НГАБ, 2022. – С. 15–20.
5. Сапунов, А. П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор / А. П. Сапунов. – Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1893. – IV, 512, LXIX с.
6. Alexandrowicz, S. Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku / S. Alexandrowicz. – Warszawa : Instytut Historii Nauki PAN, 2012. – 345 s.
7. Alexandrowicz, S. Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego Tomasza Makowskiego z 1613 r. tzw. «radziwiłłowska», jako źródło do dziejów Litwy i Białorusi / S. Alexandrowicz // Studia Źródłoznawcze = Commentationes. – 1965. – Т. 10. – Warszawa ; Poznań : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. – S. 33–67
8. Atlas sive Cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figvra. [Dvisbvgi Clivorvm, 1595]. – Library of Congress. – G1007.A7 1595 Vault folio.
9. Biblioteka Kórnicka PAN. – Sygn. M II 121.
10. Biblioteka Kórnicka PAN. – Sygn. M IV 079.
11. Biblioteka Narodowa. – ZZK 1 580.
12. British Library. – C.29.c.13. – F. 30.
13. Bucevičiūtė, L. XVI a. pradžios Žemaitijos katalikų bažnyčių tinklo atspindys Bernardo Wapowskio 1526 metų Lenkijos žemėlapyje / L. Bucevičiūtė // Lietuvos istorijos metraštis. – 2006 metai, 2. – Vilnius, 2007. – P. 43–68.
14. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584): Užrašymų knyga 1 / Parengė A. Baliulis ir R. Firkovičius. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 207 p.
15. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. – Abteilung 1. – Bd. 13 : 1472–1479 / bearb. von M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser ; unter Mitarbeit von A. Baranov [und weit.]. – Köln ; Weimar – Wien : Böhlau Verlag, 2018. – 880 s.
16. Michow, H. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525–1631 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542 / H. Michow. – Hamburg : L. Friederichsen & Co., 1906. – 61 s., 4 Karte.
17. University of Tartu Library. – Vanad kaardid. – R XIIIa 145d.
18. Wojtkowiak, Z. Delimitacja litewsko-kurlandzka z 1584 roku / Z. Wojtkowiak // Lituan-Slavica Posnaniensia. – 1989. – Т. 3. – S. 267–276.
19. Wolfenbüttel, Herzog-August-Bibliothek. – PPN: (DE-627-3)100674518.

Рабаў С.М.

**ПАСЛАННЕ ЖЫГІМОНТА II АЎГУСТА ФРАНЦУЗСКАМУ КАРАЛЮ КАРЛУ IX ВАЛУА:
НОВАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БАЛТЫЙСКІХ ВОЙН ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVI СТАГОДДЗЯ**

Пасланне польскага караля і вялікага князя літоўскага Жыгімонта II Аўгуста (1548–1572) французскаму каралю Карлу IX Валуа (1560–1574), якое захоўваецца ў Расійскай Нацыянальнай бібліятэцы ў складзе калекцыі П. П. Дуброўскага – важная крыніца для асвятлення польскай палітыкі супрацьдзеяння руска-французскай камерцыі ў Нарве ў 1560-х г. [5; 14, с. 130]. Прызнае адным з ключавых дакументаў дыпламатычнай перапіскі, якая тычыцца як французскай дыпламатыі на поўначы Еўропы сярэдзіны XVI ст., так і ажыццяўлення Жыгімонтам II канцэпцыі «*dominium maris Baltici*», якая складаецца ў ператварэнні Балтыйскага мора ў «*mare clausum*» [15, р. 32–47], пасланне нядаўна было апублікавана на старонках часопіса «*Quaestio Rossica*» [7, с. 1485–1498].

Польска-французскія адносіны актыўна развіваліся ў 1560-я г. Гэта было звязана з падобнымі рэлігійнымі праблемамі, якія былі ўнутры двух дзяржаў: у Францыі пачаліся грамадзянскія войны паміж каталікамі і гугенотамі, а ў Польшчы і Літве пратэстанцкая шляхта і ўмерана настроеныя прадстаўнікі епіскапату патрабавалі ад караля склікання «Нацыянальнага сабора», каб урэгуляваць адносіны паміж двума рознымі канфесіямі [3, с. 68–69, 81, 110–112]. Палітыка, якая праводзілася ў французскім каралеўстве Кацярынай Медычы, рэгенткай і каралевай-маці, накіраваная на прымірэнне двух бакоў канфлікту, актыўна абмяркоўвалася ў польска-літоўскім асяроддзі і многімі ставілася ў прыклад. Вядома, што сам польскі манарх часта абмяркоўваў падзеі, якія адбываліся ў Францыі і ў першай палове дзесяцігоддзя, быў схільны да рашэння склікаць «Нацыянальны сабор». Аднак Францыя ўсё глыбей апускалася ў бездань крывавай рэлігійнай барацьбы, і Жыгімонт II палічыў за лепшае ўстаць на бок папскага нунцыя Джавані Франчэска Коммендоні, якому паведаміў у траўні 1565 г., што лічыць скліканне сабора «смяротнымі лекамі» [11, с. 116–126]. Пры гэтым польскі кароль і яго дарадцы не пераставалі сачыць за падзеямі ў Францыі і, у асаблівасці, за знешне-палітычнымі дзеяннямі французскай кароны. Верагодней за ўсё, апошні Ягелон баяўся страты незалежнасці каралеўства і Вялікага Княства па прычыне прэтэнзій на польска-літоўскі вянец з боку Рурывічаў і Габсбургаў. У 1566 г. вылучаецца ідэя перадачы польскай-літоўскай кароны ў рукі французскага каралеўскага дома пасля смерці бяздзетнага Жыгімонта II [17, с. 251–266]. Французскі прынц уяўляўся ідэальным кандыдатам як для пратэстантаў, так і для каталікоў: Валуа лавіравалі паміж двума супрацьстаялымі лагерамі ўнутры Французскага каралеўства, не даючы займець адной з партый усю паўнату ўлады ў краіне [4, с. 7].

Гэты праект не быў рэалізаваны: Жыгімонт II запатрабаваў ад французскага каралеўскага дома падтрымкі ў яго спрэчцы аб цырыманіяльным першынстве з партугальскім каралём Себасцьянам I (1557–1578), на што Кацярына Медычы не магла пайсці па прычыне існуючага на той момант праекта жаніцтва Себасцьяна I на яе дачкі – Маргарыце дэ Валуа [13, с. 177–197]. Аднак ідэя атрымання польскай-літоўскай кароны французскім прынцам замацавалася ў розуме каралевы-маці. Французскі пасол у Даніі Шарль дэ Данзэ з гэтага часу пільна сачыў за ўнутрыпалітычнымі станам каралеўства і Вялікага Княства, аж да ўзыходжання на польска-літоўскі трон Генрыка Валезы ў 1573 г. [17, с. 251–266].

Галоўнай супярэчнасцю паміж двума дзяржавамі ў 1560-я г. з’яўлялася пытанне «нарвскага плавання», гандлю з Рускай дзяржавай. Гэта дзесяцігоддзе на Балтыцы адзначылася двума войнамі: руска-літоўскай 1561–1570 гг. і Паўночнай сямігадовай вайной 1563–1570 гг., дзе альянс, які склаўся з Даніі, Польшчы і Любека супрацьстаяў шведскаму каралеўству. Бітвы вяліся не толькі на сушы, але і на моры, што прывяло да ўзмацнення флатоў ўсіх ваюючых бакоў, прыняцця на службу карсараў і капераў. У гэты час Жыгімонт II пачынае ажыццяўленне канцэпцыі «*dominium maris Baltici*», згодна з якой Балтыйскае мора зачыняецца для руска-еўрапейскай, у тым ліку руска-французскай, гандлю [12, с. 374–502; 9, с. 170–175].

Такое рашэнне было прынята ва ўмовах цяжкага крызісу, у які ўступіла Вялікае Княства Літоўскае: вайна з Рускай дзяржавай паказала слабую баяздольнасць літоўскага войска. У 1563 г. войскі Івана Грознага (1533–1584) узялі Полацк, а рэванш на Уле 26 студзеня 1564 г. не прынес літоўскаму боку значных вынікаў [10, с. 243–265]. Жыгімонт II падазраваў, і не без падстаў, заходнееўрапейскае купецтва ў забеспячэнні рускай арміі кантрабанднай зброяй і боепрыпасамі праз гандаль у Нарве. Блакаду «нарвскага плавання», якая суправаджалася рабаваннямі заходнееўрапейскіх судоў, у тым ліку і французскіх, варта разумець як спробу спыніць гэты кантрабандны гандаль [8, с. 171].

Калі ў першай палове дзесяцігоддзя ўплыў польскага каперства на Балтыйскім моры быў даволі слабым, то да часу вясны-лета 1568 г., сітуацыя змянілася. У лісце каралю Карлу IX ад 12 чэрвеня 1568 г. Данзэ пісаў: «у распараджэнні караля Польшчы больш за трыццаць марскіх судоў, вельмі добра ўзброеных, як кажуць, не каб шкодзіць каралю Швецыі, але каб рабаваць купцоў, якія адпраўяцца ў Нарву. Па чутках, у апошнія дні яны захапілі чатыры англійскія і фламандскія караблі і

спалілі яшчэ адзін, які паспрабаваў абараняцца; так што, па-відаць, ніхто не зможа дабрацца да Нарвы, не падвергнуўшыся сур'ёзнай і відавочнай небяспекі» [1, с. 337]. Але, нягледзячы на ўсе небяспекі і просьбы польскага караля, французскія негацыянты працягнулі плаваць у рускую Нарву аж да яе захопу шведамі ў 1581 г. [2, с. 11]

Акрамя Івана IV і Жыгімонта II, уплывовымі гульцамі на Балтыцы ў 1560-я г. былі дацкі кароль Фрэдэрык II (1559–1588) і шведскі кароль Эрык XIV (1560–1568). Паміж іх дзяржавамі і вяліся асноўныя баявыя дзеянні ў ходзе Паўночнай Сямігадовай вайны, падставай для якой стала тое ж, што выклікала масу спрэчак паміж французскім і польскім каралеўскімі дварамі: свабода «нарвскага плавання». Шведскі бок выступаў за блакаду Нарвы, Дацкі – за «*mare liberum*» [10, с. 283].

Дзве вайны, якія вяліся адначасова, стварылі складаны клубок варожых і саюзніцкіх узаемаадносін. У 1562 г. дацкаму каралеўству і Рускай дзяржаве ўдалося ўстанавіць сяброўскія адносіны, уладзіўшы супярэчнасці з нагоды лівонскіх зямель і заключыўшы дагавор па развіцці гандлёвых сувязяў [6, с. 75–80]. Саюзнікам Даніі ў Паўночнай Сямігадовай вайне выступіла Польшка-Літоўская дзяржава, якая другі год знаходзілася ў стане вайны з дзяржавай цара Івана IV. У 1567 г., будучы адным з галоўных праціўнікаў «нарвскага плавання», на перамовы з рускім царом адважыўся Эрык XIV, паспрабаваўшы дамовіцца аб альянсе паміж двума дзяржавамі [12, с. 496]. Шведскі кароль відавочна хацеў засцерагчы свае ўладанні на ўсходзе, каб развіць поспех на захадзе супраць Даніі. Пасля «катастрофы пры Вісбі» дацка-любекскі флот быў разбіты нашчэнт: Швецыя панавала на моры і з'явілася магчымасць цалкам пераклучыцца на сухапутныя баявыя дзеянні. Неабходна было развіваць наступ і ў лівонскіх землях супраць Літвы [10, с. 285]. Зразумела, што канфрантацыя з Масквой Стакгольму відавочна была ні да чаго. Францыя ж бачыла сябе ў ролі пасярэдніка паміж ваюючымі бакамі, імкнучыся да іх хутчэйшага прымірэння, хоць у пытанні «нарвскага плавання» ўстала на бок Даніі і Любека, жадаючы працягнуць выгадную для сваіх негацыянтаў гандаль з Рускай дзяржавай [16, р. 47–67].

У такой канфігурацыі інтарэсаў бакі апынуліся да лета 1568 г., калі было напісана пасланне Жыгімонта II Карлу IX. Яно змяшчае некалькі сюжэтаў. Першы тычыцца галоўнай мэты місіі французскага пасла Шарля дэ Данзэ ў 1560-я г., паўнамоцтвы якога выйшлі далёка за межы Даніі і распаўсюдзіліся на ўсю Балтыку: ўрэгулявання супярэчнасцяў, якія прывялі да Паўночнай Сямігадовай вайны, і заключэння міру паміж Даніяй, Польшчай, Любекам і Швецыяй. Другі складаецца ў тлумачэнні прычын, звязаных з захопам і разрабаваннем французскага гандлёвага судна, якое ішло у рускую Нарву, польскімі каперамі. Нарэшце, трэці сюжэт заключаецца ў прадстаўленні польскіх аргументаў аб небяспецы гандлю з Рускай дзяржавай у сувязі з кантрабандай туды зброі і боепрыпасаў, а таксама рашэнні Жыгімонта II забараніць нарвскую навігацыю, выкарыстоўваючы для гэтага ваенны флот.

У канцы паслання польскі кароль дае абяцанне французскаму манарху даслаць пасольства для вырашэння ўсіх ўзніклых супярэчнасцяў. Аднак, абяцаны Жыгімонтам II пасол, так і не быў адпраўлены ў Францыю. Гэта даказвае шэраг лістоў Данзэ, адрасаваных да Карла IX [1, с. 337, 339, 340]. Польскі кароль відавочна не збіраўся дамаўляцца аб умовах, пры якіх руска-французская гандаль у Нарве набыла б легітымны характар.

Такім чынам, пасланне Жыгімонта II Карлу IX з'яўляецца каштоўнай гістарычнай крыніцай, чыё значэнне цалкам раскрываецца ў кантэксце дыпламатычнай карэспандэнцыі Балтыйскіх войн перыяду 1560-х г.

1. Виане, Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году / Б. Виане. – М. : Новое лит. обозрение, 2017. – 505 с.
2. Жордания, Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. / Г. Жордания. – Ч. 1. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1959. – 382 с.
3. Любавич, Н. Н. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитариане (по неизданным источникам) / Н. Н. Любавич. – Варшава : Тип. Земкевича и Ноаковского, 1883. – 348 с.
4. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / под ред. Ю. Досси, В. В. Шишкина. – СПб. : Евразия ; М. : ИД Клио, 2015. – 352 с.
5. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Коллекция автографов П. П. Дубровского. – Авт. 62, № 61.
6. Русская историческая библиотека. – Т. 16 : Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым / под ред. И. А. Бычкова. – СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1897. – 951 с.
7. Рябов, С. М. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном / С. М. Рябов // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 1485–1498.
8. Рябов, С. М. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов / С. М. Рябов // Средние века. – 2022. – Т. 83. – № 1. – С. 164–181.
9. Филюшкин, А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 320 с.
10. Филюшкин, А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. / А. И. Филюшкин // История военного дела: исследования и источники. – 2014. – № 2. – С. 220–289.
11. Флоря, Б. Н. Планы созыва в Польше середины XVI века «*concilium nationale*» и французский пример (памяти В. Н. Малова) / Б. Н. Флоря // Средние века. – 2020. – Т. 81, № 1. – С. 116–126.

12. Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) / Г. В. Форстен. – СПб : Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. – 642 с.
13. Шишкин, В. В. Франко-португальская дипломатическая корреспонденция в 1550-х – 1570-х гг. (на основе автографов из Санкт-Петербурга) / В. В. Шишкин // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2018. – № 11. – С. 177–197.
14. Шишкин, В. В. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках / В. В. Шишкин, И. Шварц. – СПб. : Наука, 2021. – 310 с.
15. Lepszy, C. La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle / C. Lepszy // Revue d'histoire économique et sociale. – 1962. – Vol. 40, № 1. – P. 32–47.
16. Richard, A. Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark / A. Richard. – Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. – 246 p.
17. Serwański, M. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta / M. Serwański // Kwartalnik Historyczny. – 1974. – T. 81. – S. 251–266.

Ушаков А.В.

КНИГА О НАРВСКОЙ ТОРГОВЛЕ «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ» 1563–1577 ГОДОВ ИЗ АРХИВА ГАНЗЕЙСКОГО ГОРОДА ЛЮБЕКА: ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Изучение ганзейской торговли второй половины XVI века по сравнению с ее позднесредневековым периодом крайне осложнено отсутствием масштабных публикаций исторических источников. Кроме того, многочисленные и богатые архивные собрания бывших ганзейских городов, относящиеся к данному временному отрезку, по большей части никак не структурированы, не описаны и не обработаны, что также осложняет поиск необходимой документальной базы для исторических исследований. Безусловно, наиболее обширные архивные коллекции хранятся в Архиве ганзейского города Любека, номинально являвшегося главой всего Ганзейского союза времен позднего Средневековья и раннего Нового времени, и в контексте изучения ганзейской торговли в восточной Прибалтике наибольший интерес вызывают источники, связанные с коммерческой деятельностью «новгородских гостей» Любека (*Nowgorodfahrer*) – специализированного купеческого объединения любекских бюргеров, занимавшего видное место в ганзейской торговле на Востоке. Одним из важных источников, в котором нашла свое отражение торговая активность «новгородских гостей», является книга о специфике их торговли в Нарве в период Ливонской войны, а именно в 1563–1577 годах. В настоящем исследовании предполагается охарактеризовать репрезентативность данного исторического источника, выявить его структуру и определить дальнейшие перспективы его изучения.

Предпринимательская деятельность «новгородских гостей» Любека XV века на данный момент активно изучается [1; 2], при этом часть архива купеческого объединения, относящаяся к XVII–XVIII векам, достаточно подробно была исследована Э. Хардер-Герсдорфф во второй половине прошлого столетия [7–9]. Однако, стоит отметить, что торговля корпорации в условиях Ливонской войны на сегодняшний день остается в большей степени неизвестной, что обусловлено, в первую очередь, общей малоизученностью нововременной Немецкой Ганзы. Некоторые фрагментарные сведения о любекской торговле в Нарве можно обнаружить в работах Ф. Зиверта [12, s. 13–21] и М. Келлера [12, s. 82–86], однако источники из архива «новгородских гостей» они не использовали. Общий контекст развития Ганзейского союза в рассматриваемый период времени крайне удачно получилось установить И. А. Иванову, однако особого внимания «новгородским гостям» он также не уделял [10]. В этой связи книга о нарвской торговле «новгородских гостей» Любека может оказаться ценным источником, на основании которого представляется возможным восстановить специфику любекской торговли в Ливонии в условиях битвы за Балтику.

Обращаясь к характеристике источника, следует сразу отметить, что у книги кожаный переплет. На обложке теснение: «DES NARVASCHEN KOPMANS BOCK». На первой странице датировка «1563» и указание, что этот документ является торговой книгой нарвских купцов, которая была начата в указанном году [4, fol. 1v.]. Схематично представленную в источнике информацию можно разделить на две смысловые и текстовые составляющие, которые помещены в разных частях самой книги: первая часть написана в строгом хронологическом порядке и повествует о характере предпринимательской деятельности корпорации в указанный хронологический промежуток [4, fol. 1v.–65v.], вторая часть представляет собой многочисленные бухгалтерские подсчеты, а также крайне важную дополнительную информацию о торговле «новгородских гостей» указанного периода [4, fol. 254r.–278r.]. По всей видимости, в составлении книги в разные годы участвовало не менее пяти человек, о чем позволяют судить представленные в рукописи почерки.

Книга открывается объемным повествованием о начальном этапе Ливонской войны, которое хронологически охватывает 1558–1562 годы. В данном фрагменте подробно описаны условия, в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00954 «Нарва в торговой стратегии Любека в контексте трансформации механизмов русско-ганзейского товарообмена времен Ливонской войны (1558–1583)», <https://rscf.ru/project/23-28-00954/>.

которых оказались купцы после начала войны и какие меры они предпринимали для сохранения предпринимательской деятельности в Ливонии. По словам купцов, возможность регулярных морских плаваний в Нарву появилась у них только в 1563 году, и в настоящей книге предполагалось отразить всю коммерческую деятельность «новгородских гостей» за время войны [4, fol. 2v.–5r.].

В книге установлен порядок фрахтования купеческих судов 1563 года [4, fol. 8v., 10v.–10r.], который крайне небезынтересно сравнить с тем порядком морских плаваний из Любека в Ревель, которые были указаны в сопроводительном письме 1560 года, данном ганзейскому шкиперу Якобу Францу (*Jacob Frantz*) [6, fol. 188v.], а также указаны имена фрахтовщиков (*frachtherren*), то есть лиц, ответственных за фрахт кораблей для перевозки товаров всей корпорации в 1563 году [4, fol. 8r.]. Следующий лист с таким же заголовком по неизвестной причине остался пустым [4, fol. 9v.–9r.]. Так же частью данной книги является копия постановлений из письма лиц, ответственных за конвойные корабли (*Ammerales Breves Copia Volget*). Документ содержит преамбулу, 19 пронумерованных пунктов и заключительные соглашения [4, fol. 11v.–12v.]. Кроме того, в нем представлены сведения о масштабе торговли купеческого объединения осенью 1563 года, в целом все расходы за этот год, а также средства, полученные от купцов для ведения корпоративной торговли, и данные о плавании в Нарву шкипера Маркуса Диркмана (*Marcus Dirckman*) [4, fol. 12r.–16v.]. Стоит отметить, что информации о торговле «новгородских гостей» в 1564 году не в пример больше, кроме того, сведения по этому году в книгу вносили, очевидно, два человека, в связи с этим материал можно разделить на две части: первая заканчивается подсчетом расходов на весенние плавания шкиперов Бавеля Сандера (*Bawel Sander*) и Генрих Гевекота (*Hinrick Gevekote*) [4, fol. 16r.–19r.], а вторая часть посвящена торговле на протяжении остального года [4, fol. 21v.–31r.] и заканчивается суммой затрат корпорации на осуществление предпринимательской деятельности за весь истекший год [4, fol. 32v.–33v.]. Примечательно, что следующая запись в исследуемой книге повествует о торговле «новгородских гостей» в 1568 году, судя по почерку, сделана третьим писцом не ранее 27 ноября и содержит, помимо всего прочего, информацию об ассортименте товаров, ввозимых в Нарву [4, fol. 34r.–36r.]. Значительный интерес вызывает фрагмент, посвященный торговле «новгородских гостей» в 1569 году. Его можно разделить на три части: в первой содержится информация о плавании в Нарву в начале года, приведены имена и фамилии десяти шкиперов, которые осуществляли перевозку грузов, а также перечислены сами товары [4, fol. 37r.–39r.]; во второй части указаны сведения о плаваниях второй половины года, представлены имена и фамилии 16 шкиперов, чьими услугами пользовались купцы, а также перечислено количество перевозимых товаров [4, fol. 40v.–42r.]; в третьей части изложены основные трудности, с которыми столкнулись купцы при осуществлении предпринимательской деятельности [fol. 43v.–46v.]. Не менее подробно задокументирована торговля «новгородских гостей» в 1570 году, однако на данном этапе исследования не представляется возможным определить, как сказались на размерах товарооборота купеческого объединения окончание семилетней войны между Швецией, Данией и Любеком [4, fol. 46r.–52r.]. Записи о торговле «новгородских гостей» в 1571 году сделаны четвертым писцом и крайне скудны [4, fol. 60r.–61v.] и, к сожалению, сведения о предпринимательской деятельности корпорации в 1572–1576 годах вовсе отсутствуют в данной части книги. Последний крупный фрагмент первой половины рукописи посвящен нарвской торговле «новгородских гостей» в 1577 году, составлен рукой пятого по счету писца [4, fol. 61r.–65v.], кроме того, присутствуют записи, произведенные в 1578 году, однако на данном этапе исследования не удалось выяснить, почему этот факт не отразился на архивной датировке рукописи [4, fol. 65r.–66v.]. Важно отметить, что в книге оказались пропущены или остались не заполнены следующие страницы [4, fol. 6v.–7r., 13v., 15r., 17r., 18r., 20v.–20r., 33r.–34v., 37v., 53v.–57v., 58r.–60v., 66r.–254v.]. Последний из перечисленных выше пропусков страниц знаменует собой разделение всей книги о нарвской торговле «новгородских гостей» на две части. Важно, что некоторые сведения из рассматриваемой части книги представляется возможным верифицировать через другие источники, к примеру, в книге содержатся указание на постановление о необходимости сопровождения торговых судов кораблями конвоя [5, fol. 98v.–99r.]. Однако, содержание самого источника передано крайне тезисно и без необходимых подробностей [4, fol. 261r.]. Примечательно, что в этой части книги можно найти информацию о торговле «новгородских гостей» в 1565 [4, fol. 254r.], а также о 1572–1576 годах [4, fol. 264v.–275v.], о которых нет никаких сведений в первой половине книги. Кроме того, в этой части так же есть записи 1578 года [4, fol. 278v.–278r.]. Собственно, ими книга и заканчивается, так как дальнейшие пронумерованные страницы книги остались незаполненными. Однако не стоит забывать, что важнейшие сведения о коммерческой деятельности «новгородских гостей» последующего периода можно найти в книге олдерменов корпорации, которая содержит данные за 1521–1619 годы [3].

Таким образом, книга о нарвской торговле «новгородских гостей» в 1563–1577 годах является важным источником, на основании которого представляется возможным определить с специфику

любекской торговли в Ливонии после фундаментальной трансформации Немецкой Ганзы, вызванной изменением политической ситуации в восточной Прибалтике. Книга содержит сведения о характере торговли, ее масштабах, товарном ассортименте, основных участниках – будь то купцы или шкиперы, трудностях, которые возникали у любечан при осуществлении предпринимательской деятельности в условиях войны, а также в ней нашло отражение восприятие купцами той фундаментальной перестройки русско-ганзейских отношений, свидетелями которой они являлись. Дальнейшее изучение указанного источника позволит значительно расширить имеющиеся знания о затрагиваемой проблематике.

1. Ушаков, А. В. «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560 / А. В. Ушаков. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. – 188 с.
2. Ушаков, А. В. Особенности торговой стратегии «новгородских гостей» Любека в XV веке / А. В. Ушаков // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге. – Псков : Конкорд, 2021. – С. 152–158.
3. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 2.
4. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 16.
5. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 155.
6. Tallinna linna archiv, f. 230, BB 40 XIV, fol. 1–209.
7. Harder, E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert (Ersten Teil) / E. Harder // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1961. – Bd. 41. – S. 43–114.
8. Harder, E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert (Zweiter Teil) / E. Harder // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1962. – Bd. 42. – S. 5–54.
9. Harder-Gersdorff, E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs. Eine Untersuchung zum 17. Jahrhundert / E. Harder-Gersdorff // Hansische Geschichtsblätter. – 2002. – Bd. 120. – S. 97–147.
10. Iwanov, I. A. Die Hanse im Zeichen der Krise. Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620) / I. A. Iwanov. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2016. – 420 s.
11. Köhler, M. Die Narvafahrt: Mittel- und westeuropäischer Rußhandel / M. Köhler. – Hamburg : Kovac, 2000. – 173 s.
12. Siewert, F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck im 16. und 17. Jahrhundert / F. Siewert. – Berlin : Verlag von Pass und Garleb, 1897. – 501 s.

Ерохин В.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПУРИТАНИЗМ» В ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.

Пуританизм со времени своего появления в истории Англии в эпоху Реформации занял заметное место в политической жизни и культуре страны. Но сразу вслед за вхождением в оборот понятия «пуританизм» в середине XVI века словоупотребление было крайне неопределенным. Слово «пуританин» и в XVI веке, и позднее использовалось, скорее, как своего рода ярлык или даже оскорбительное прозвище, чем как точное определение [1, р. 10; 2, р. 6]. Употребление ярлыка «пуританин» в отношении кого-либо могло быть просто клеймом в полемике, а не точным определением [3, р. 158].

До появления термина «пуританизм» в отношении тех сторонников более радикальных религиозных реформ в направлении сближения Церкви Англии с континентальными реформированными церквями, которые были не довольны принятым в парламенте Англии в апреле 1559 года решением о восстановлении протестантизма в стране, употреблялся термин «precisian» (формалист, педант) [4, р. 53]. Относительно термина «сепаратизм», тоже появившегося в контексте этого процесса (сепаратистами стали именовать тех, кто, в отличие от пуритан, с конца 1560-х годов стал выходить из Церкви Англии, считая, что она не поддается дальнейшему реформированию и в ней неустранимо сохраняются остатки «папизма») есть следы его употребления с 1608 года [5, р. 491]. Термин «англиканский» в религиозном смысле слова впервые появляется в «Оксфордском словаре английского языка» с 1797 года как цитата из сочинений Эдмунда Бёрка (1729–1797) [6, р. 3], но К. Рассел находил термин «англиканский» уже в 1635 году [7, р. 84].

В отношении вопроса о начале употребления терминов «пуританин» и «пуританизм» исследователи сравнительно единодушны. Эти понятия вошли в оборот после того, как архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер (1559–1575) с 1565 года стал требовать единообразия в облачениях священников, а не согласных с распоряжениями архиепископа стали называть пуританами. Возникновение этой ситуации было связано с тем, что многие из пуритански настроенных духовных лиц побывали в эмиграции на европейском континенте, и одевали для религиозных служб, как и там, обычный гражданский костюм, отказывались носить ризу и стихарь, квадратные головные уборы, чего требовали церковные администраторы. События эти описаны историками XVII в. Питером Хейлином (1599–1662) и Томасом Фуллером (1654–1734). Фуллер относил начало употребления термина к 1564 г. [8, р. 18], а Хейлин – к 1565 году, и называл пуритан цвинглианской или

кальвинистской фракцией [6, р. 19]. В «Оксфордском словаре английского языка» термин и его появление относят к 1567 году, что историками приводится как пример неточности [9, р. 86].

Современные исследователи, в частности, американский историк Р. Гривз, считают, что термин «пуританизм» был впервые употреблен в католических кругах: его использовал английский католик-эмигрант Томас Стэплтон в сочинении «Крепость веры» (Антверпен, 1565) как эпитет по отношению к английским протестантам, выступившим против ношения традиционных облачений священников. Еще один английский католик, Джон Маршел, бывший преподаватель Оксфорда, использовал этот термин в 1566 году, а к 1568 году английские католики употребляли его и по отношению к сепаратистам [10, р. 4]. П. Хейлин, опираясь на данные современников событий, утверждал, что первым термин «пуританин» употребил иезуит Николас Сандерс (1530–1581) [8, р. 18]. Первое обнаруженное упоминание термина церковными властями в Англии относится к 1572 году, когда архиепископ Кентерберийский Паркер назвал так радикальных протестантов внутри Церкви Англии. По отношению к ним он использовал и другие выражения: «эти глупые отказники (recusants)», «эти добрые духовные лица», этот «педантичный народ», «формалисты» [11, р. 8].

Употребление и понимание термина «пуританизм» эволюционировало с течением времени. Американский историк А. Симпсон следующим образом резюмировал историю использования этого понятия: «оно появилось как насмешка, затем использовалось для самозащиты, и в итоге установилось, как удобное обозначение» [12, р. 1].

Х. К. Портер проделал работу по сбору высказываний о пуританах, относящихся ко второй половине XVI в. [13], и показал, что богословы Церкви Англии того времени быстро дали оценку появлению пуритан в контексте истории западного христианства, связав их с ранее появлявшимися еретическими течениями. Само название новой группировки – пуритане, происходящее от латинского слова *purus* (чистый), в переводе на греческий язык, по мнению англиканских апологетов, выявляло идейные корни пуританизма. Чистый по-гречески «катарос» (καθαρος): именно катары претендовали ранее на совершенство и чистоту в сравнении с другими членами церкви. Далее история этой мыслительной установки и соответствующей религиозной практики прослеживалась через альбигойцев, в идейные соратники пуритан богословы Церкви Англии зачислили также анабаптистов, чтобы все выглядело угрожающим и разрушительным для общества [13, р. 2].

Идейное сродство с такими далеко не почтенными, по их собственным понятиям, предшественниками сильно уязвило пуритан. Как писал, например, архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604), «имя пуритан дано этим людям очень удачно. Не потому, что они чисты, они чисты не более, чем те еретики, которых называли катары, но потому, что они считают себя чище других, как и катары, и отделяют себя от всех других церквей и общин, как запятнанных и загрязненных; потому, что они думают, что церковь, которую они создают, будет без всякой нечистоты...» [13, р. 1].

Такие обвинения вынуждали пуритан в 1570–1580-е годы отрешиваться от самого имени пуритан. К. Хилл приводит выдержку из петиции пуритан в Тайный совет в 1580 году: «Противник очень коварно окрестил нас одиозным именем пуритан, мы же презираем и это имя, и эту ересь» [14, р. 14]. Сами же пуритане называли себя в 1560–1570-е годы, да и позднее, «истинными евангелистами» (*true gospellers*), «набожными» (*the godly*), «исповедующими истинную религию» (*professors of true religion*) [11, р. 8]. По словам Л. Сасека, имя пуритан стало почтительным только в ретроспективе, для современников же такое прозвище было крайне неодобрительным – «очень немногие стали бы хвастаться тем, что они пуритане, но теперь многие гордятся тем, что происходят от пуритан» [6, р. 2].

В первой половине XVII в. пуритане получили от своих противников и другие прозвища – их стали звать «мятежными сектантами», «схизматиками», «круглоголовыми» (привычка коротко стричься отмечалась еще и у сепаратистов в XVI веке) [6, р. 18]. В период Реставрации Стюартов некоторое распространение получило отождествление терминов «пуританин» и «кальвинист», и в 1676 году английский лексикограф Элиша Коулз (1640–1680) в своем «Английском словаре» определил пуритан как «прозвище кальвинистов» [6, р. 19].

Таким образом, термин «пуританизм» достался современным исследователям используемым в благоприятном смысле, но в самом широком значении и неопределенно [6, р. 4].

Большинство английских и американских историков отстаивают целесообразность употребления понятия «пуританизм». Как пишет Р. Гривз, «важно то, что пуритане были узнаваемы для англикан как пуритане, люди, чей религиозный опыт, личное поведение и рвение придавали им идентичность» [23, р. 8]. П. Макграт считал, что церковные власти преследовали пуритан не за более интенсивную религиозность, а за отклонения во взглядах на литургию, церемонии и управление церковью [15, р. 35]. Р. Маршант полагал, что разногласия между пуританами и англиканами в доктрине реально проявлялись, в том числе, и во внешне не существенных пунктах – ношении стихаря или отказе от него, использовании крестного знамени при крещении и т. п. [16, р. 205–206].

Церемонии, ритуалы всегда отражают приверженность тем или иным доктринальным идеям. В глазах самих пуритан, их разногласия с Церковью Англии были значительными – так, «Предостережение парламенту» в 1572 году, которое, правда, вышло из кругов радикальных пуритан, утверждало, что споры касаются важных вопросов – истинного понимания священства, управления церковью, согласно Св. Писанию, а не чего-то тривиального [15, р. 40].

В последние десятилетия историки пуританизма обычно не включают в число пуритан сепаратистов, мотивируя это тем, что пуритане стремились реформировать Церковь Англии изнутри, их не устраивала перспектива раскола, а сепаратисты покидали церковь и формировали свое сообщество. Сепаратистов изучают отдельно от пуритан, хотя и видят взаимопереходы в этих группах. Р. Гривз предпочитает в связи с этим говорить о «религиозном континуитете», подчеркивая возможность изменений взглядов у отдельных представителей разных религиозных течений [10, р. 29].

Особую проблему составляет определение и характеристика североамериканского пуританизма, поскольку епископальная церковь в североамериканских колониях не сложилась, так что американские пуритане, в сущности, представляют собой группировку, которую можно причислить к сепаратистам. Сепаратистами были отцы-пилигримы, прибывшие в Америку на корабле «Мэйфлауэр» 21 ноября 1620 года. Американские пуритане обычно рассматриваются как «не отделившиеся конгрегационалисты» (Non-Separatist Congregationalists): об официальном отделении от Церкви Англии они объявлять не хотели [17, р. 75, 87; 18, р. 243].

Из удачных и содержательных дескриптивно-аналитических определений пуританизма, появившихся к настоящему времени, обращает на себя внимание определение, предложенное Брайаном Косби: ««пуританином» был тот, кто в политическом отношении выступал в церковных делах против среднего пути (*via media*) елизаветинского урегулирования церковного вопроса (Elizabethan Settlement) за дальнейшую реформацию в Англии; кто в социальной деятельности церкви способствовал евангелизации, катехизации, духовному развитию через проповедь, изучение Библии; кто в богословском отношении придерживался лютеранской доктрины оправдания одной верой (*sola fide*), кальвинистской доктрины благодати (*sola gratia*) и реформационной доктрины опоры на одно лишь Писание (*sola scriptura*); и кто благочестиво боролся за личную святость, за практические дела в соответствии с верой, сопричастность Богу и прославление Бога во всех делах». При этом Б. Косби считает, что к числу пуритан следует относить тех, кто продолжал бороться за церковные реформы, оставаясь в Англии, а те лица с пуританскими взглядами и наклонностями, которые уезжали в североамериканские колонии, превращались в «сепаратистов» [19, р. 307].

Краткого определения понятия «пуританизм», видимо, не появится. При этом контексты и основные смыслы в употреблении этого термина к настоящему времени довольно обстоятельно проработаны и раскрыты, что позволяет идентифицировать пуритан в практике конкретно-исторических исследований, и разъяснить, что представляет собой пуританизм, для более широкого круга читателей.

1. Reese, M. M. *The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559–1660* / M. M. Reese. – London : Adam and Charles Black, 1975. – 128 p.
2. Rose, E. *Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I* / E. Rose. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975. – 266 p.
3. Parker, K. L. *The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War* / K. L. Parker. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 250 p.
4. Haugaard, W. P. *Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion* / W. P. Haugaard. – Cambridge : Cambridge University Press, 1968. – 391 p.
5. Knappen, M. M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism* / M. M. Knappen. – Chicago : University of Chicago Press, 1939 (2nd ed. 1970). – XVI, 555 p.
6. *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589–1646* / ed. by L. Sasek. – Baton Rouge ; London : Louisiana State University Press, 1989 – 369 p.
7. Russell, C. *The Causes of the English Civil War* / C. Russell. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 236 p.
8. Pearson, A. F. S. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535–1603* / A. F. S. Pearson. – Gloucester (Mass.) : Peter Smith, 1966. – 511 p.
9. Collinson, P. *The Elizabethan Puritan Movement* / P. Collinson. – London ; New York : Methuen, 1982. – 528 p.
10. Greaves, R. L. *Society and Religion in Elizabethan England* / R. L. Greaves. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1981. – 925 p.
11. Collinson, P. *English Puritanism* / P. Collinson. – London : The Historical Association, 1984. – 47 p.
12. Simpson, A. *Puritanism in Old and New England* / A. Simpson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1955. – 126 p.
13. Porter, H. C. *Puritanism in Tudor England* / H. C. Porter. – London : Macmillan, 1970. – 311 p.
14. Hill, Ch. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England* / Ch. Hill. – New York : Schocken Books, 1967. – 520 p.
15. McGrath, P. *Papists and Puritans under Elizabeth I* / P. McGrath. – London : Blandford Press, 1967. – 434 p.
16. Marchant, R. A. *The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560–1642* / R. A. Marchant. – London : Longmans, Green, 1960. – XII, 330 p.
17. Miller, P. *Orthodoxy in Massachusetts, 1630–1650* / P. Miller. – Boston : Beacon Press, 1959. – 319 p.
18. Lake, P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker* / P. Lake. – London : Unwin and Hyman, 1988. – 262 p.
19. Cosby, B. H. *Toward a Definition of «Puritan» and «Puritanism»: a Study in Puritan Historiography* / B. H. Cosby // *Churchman*. – 2008. – Vol. 122. – Issue 4. – P. 297–314.

Солодкин Я.Г.
**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ О ЗИМОВКАХ
В ИСКЕРЕ «ЕРМАКОВЫХ КАЗАКОВ»**

О перипетиях «Ермаковой эпопеи» нам известно главным образом по летописным источникам XVII – первой половины XVIII в. Степень достоверности сообщений этих источников весьма противоречиво определяется учеными. Примером тому служат интерпретации летописных свидетельств о зимовках казачьего «войска» в Искере (Сибири, Кашлыкe), вернее, первой (1582/83 г.) и последней (1584/85 г.) из них.

Бояр (Баяр) – единственный среди остяцких князей, по имени названный в Основных редакциях Есиповской и Строгановской летописей (далее – ОЕЛ и ОСЛ соответственно), а также в их многочисленных разновидностях [ср. 5, с. 54, 60, 71, 124, 131–132, 134, 380, и др.], – с дарами и запасами (или подарками), вероятно, мехами и продовольствием [1, с. 28; 10, с. 13; 13, с. 257, 261; 16, с. 34], «на потребу» привезенными, по-видимому, не «в почесть», о чем упоминается в Лихачевской редакции (далее – ЛР) «Сказания» Саввы Есипова, а в качестве ясака [2, с. 208; 4, с. 90; 7, с. 194; 10, с. 142, примеч. 18; ср. с. 12; 12, с. 33, примеч. 1; с. 158, и др.], как утверждали сибирские и сольвычегодские книжники, появился в Искере через четыре дня после занятия его храбрым «товарством» [см., напр.: 5, с. 56, 84, 93, 111, 122, 183; 8, с. 26, 71–72, 100]. Это сообщение, которое иногда возводилось к показаниям «ермаковых казаков», если не потомков Бояра [9, с. 21; 10, с. 222; 11, с. 65, 90], обнаруживает зависимость от известной автору протографа ОЕЛ и ОСЛ Летописной книги о Смутном времени [9, с. 21–22], и можно думать, что князь с реки Демьянки, что в низовьях Иртыша, встретился с «велемым» атаманом и его соратниками позднее.

Один из редакторов ОЕЛ указал на то, что вслед за Бояром, очевидно, по его примеру, в Искер с дарами и запасами явились другие остяки, а также жившие там ранее татары [5, с. 243, 308, 361]. В ЛР повести «О Сибири и о Сибирском взятии» поясняется, какие дары принесли атаманам и казакам, накануне вступившим в бывшую столицу «Кучумова царства», остяки во главе с Бояром: «соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя, бобры пореш[ны] черныя». В других разновидностях «истории» Есипова об этом мы не прочтем. К примеру, в Погодинском летописце (далее – ПЛ) в данной связи упоминается «мяхкие рухлядь», что может считаться «вымышленным обстоятельством» [5, с. 132; 9, с. 104].

Хотя на острую нехватку продовольствия в недавней столице обширного юрта в 1582/83 г. прямых указаний нет, по замечанию Е. А. Рябининой, брошенных там «кучумлянами» «запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода», и в декабре, о чем сказано в синодике «ермаковым казакам» и многих летописях, русским пришлось «заниматься рыболовством» [5, с. 56, 71, 84, 90, 111, 117, 123, 128, 380, и др.; 13, с. 257]. Думается, привезенное Бояром «ястие» позволило «Ермаковой дружине» выжить в первую зиму, проведенную в Искере, а вскоре после пленения «резвыми воями» царевича Маметкула (Маметкула) весной 1583 г. (видимо, в апреле [10, с. 118]) казаки предприняли экспедицию в Обь-Иртышье и, не исключено, еще одну – к Чимги-Туре. (Хлеб в прежнюю ханскую резиденцию могли доставлять не остяки, а занимавшиеся земледелием татары.)

Во всех летописях (кроме ПЛ), созданных в Сибири и Соли Вычегодской, говорится о смерти князя Семена Болховского (нередко он представлен Волконским) и многих ратных людей, прибывших с ним за Урал, голодной зимой 1582/83 г. в Искере, т. е., получается, если принять во внимание царскую грамоту от 7 января 1584 г. и особенно известия ПЛ, за два года до гибели молодого воеводы и почти всего его отряда, и о доставке съестных припасов в этот город «от ловитв своих» (порой указывается, что рыб, птиц, зверей, животных или «животин») татарами и остяками весной, причем в изобилии [5, с. 34, 40, 60, 86, 94, 112–113, 124, 184, 247, 309, 363; 8, с. 32, 77, 100]. (Е. К. Ромодановская и В. В. Трепавлов разделяли летописную датировку кончины Болховского и большинства других «присылных (с Руси. – Я. С.) людей» [6, с. 140–141; 12, с. 33, примеч. 1]). По мнению В. В. Трепавлова, татары и остяки привезли в Искер ясак. На основании ЛР летописи Есипова видный историк, однако, склонился к выводу о том, что в город, превратившийся в казачий лагерь, «иноязычные люди» прибыли с запасами, дабы торговать ими [12, с. 33, примеч. 1]. Как мы читаем в ЛР, татары и остяки «многия запасы из далних и из ближних горотков стали продовати». Вероятно, данное известие ЛР, как и немало других [см., напр.: 9, с. 66–68, 72, 315, 316], восходит к ОСЛ, согласно которой с наступлением в Искере изобилия (после голода в «зимнюю годину») казаки обогатились «от торгу мяхкие рухляди» [5, с. 124; 8, с. 33], т. е. за счет обмена ее на съестные припасы, что представляется сомнительным. Скорее всего татары и остяки явились туда с ясаком. Кстати, в ОСЛ повествуется о том, что Сейдяк, подойдя к Тобольску, «государевым воеводам сказася», что прибыл «для торгу», чем в первый день и занимался, а утром следующего напал на город, был ранен

и взят в плен [8, с. 42, ср. 87–88, 102]. Эту версию «поимания» русскими бека Искера, явно расходящуюся с есиповской, следует признать фантастической [9, с. 41, 50, примеч. 69; 14, с. 10, и др.].

«Слогатель» ПЛ – единственной вторичной редакции летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде», вышедшей из-под пера Есипова, которая зависит от документальных материалов, отложившихся в архивах одного из московских приказов и тобольской воеводской палаты (в частности, «расспросных речей» ермаковых казаков – и прибывших в столицу в числе «остальцев» рати Болховского, и позднее несших службу в «разрядном» центре Сибири), – однако, опустил свидетельство владычного дьяка о доставке «иноземцами» различных припасов в город, где недавно разместились русские. Анонимному книжнику, сочинившему «Повесть летописную, откуда начая царство бисерменское в Сибири ...», стало известно, что вместе с ермаковцами, пережившими своего «храброго смлада» атамана, и «сидельцами», недавно очутившимися за Уралом, голова (вероятно, стрелецкий) Иван Глухов «на лето, как вода (в реках. – Я. С.) вскрылась, пошел ис Сибири черес Камень». Из ПЛ мы узнаем о том, что служилые и даточные люди (казанские, свияжские, пермские, вятские, «иных городов» – согласно А. Т. Шашкову, набранные в Подмоскovie и Тульском уезде) – все или многие, не имея никакого «запасу» (вероятно, ко времени, когда добрались до Искера), «померли з голоду», «от скудости хлебные» в первую же зиму, проведенную в «городе царя Кучюма», т. е. в 1584/85 г. [3, с. 484; 5, с. 133, 135, ср. с. 138; 10, с. 41–42, 137, 156, 177, 181, 201, и др.]. Оставшиеся в живых «присылные люди» (сколько их было, не сказано) и 90 ермаковцев под началом Глухова, «убоявшись» «поганных» (о чем подобно Есипову писали и многие другие редакторы его «сложения» [5, с. 34, 40, 63–64, 87, и др.; ср. с. 73, 74, 78]) и сделавшись «беззапасными до конца», т. е. когда у них иссякло продовольствие, двинулись вниз по Иртышу, вниз по Оби, Соби и следом через Пустоозеро оказались на Руси. (В трех редакциях Сибирского летописного свода утверждается, будто русские отправились из «города Сибири» «со всякими запасы в стругах» [5, с. 250, 311, 364], но едва ли стоит безоговорочно доверять этому сообщению).

По мнению А. Т. Шашкова, которое следует признать всего лишь догадкой, на Тагильском волоке, выполняя приказ неопытного воеводы, стрельцы оставили значительную часть съестных припасов в надежде вернуться за ними со временем; сделать это не удалось, что вскоре и привело к страшному голоду в Искере [15, с. 175–176, и др.]. Если служилые люди, подчиненные князю С. Д. Болховскому, так и поступили, то, скорее всего, дабы обеспечить гарнизон заложенного в ту пору Верхнетагильского острога. Голод зимы 1584/85 г. стал результатом блокады Искера отрядами Кучюма [10, с. 177–178], Али (вступившего в этот город сразу после ухода оттуда «христианских воев»), владельцев соседних «улусов» (однако едва ли, как подобно Д. И. Копылову находила Е. К. Ромодановская [7, с. 215, 216], Карачей, т. е. бывшим карачи-беком, который годом прежде со «срамом велиим» отступил из-под «града Сибири»). Однако основная часть продовольствия могла быть израсходована ратниками Болховского еще тогда, когда они в течение около полугода продвигались из Чердыни к городу, совсем недавно являвшемуся ханской ставкой. (Известно, что служилые и даточные люди часто брали с собой в походы съестные припасы на срок от 2 до 5 месяцев.)

Версию ПЛ мы вправе предпочесть остальным: именно отсутствие продовольствия заставило уцелевших ермаковцев и ратников, накануне «присланных» в Сибирь, отправиться оттуда на Русь.

Благодаря ОЕЛ, ОСЛ, зависимым от них произведениям известно, что вслед за истреблением Карачей (Маметом или Мухаммадом) станицы атамана Ивана Кольца татары начали убивать казаков «по волостем и по улусом» [5, с. 61–62, 86, 95, 113, 124, 134, и др.] – быть может, тех, которые собирали ясак, занимались охотой и рыболовством.

Нужду в продовольствии, видимо, ермаковцы испытывали и на протяжении нескольких месяцев, когда (весной – в начале лета 1584 г.) Карача осаждал Искер, поскольку в то время татары, по словам Есипова, «многую ... тесноту деяше гражденом». Недаром в ОСЛ говорится о намерении бывшего ханского визиря уморить голодом окруженных в «граде Сибири» русских [2, с. 886; 5, с. 62, ср. с. 40, 95, 113, 125, 134, 248, примеч. 22 – 23; с. 310; 8, с. 35, ср. с. 80, 101].

Таким образом, судя по летописным сочинениям, голод, изгнавший из Искера немногочисленный отряд И. Глухова, сопровождал и двум предыдущим зимовкам казачьего «войска» в этом городе.

1. История Сибири : в 5 т. – Ленинград : Наука, Ленингр. отделение, 1968. – Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. – 538 с.
2. История татар с древнейших времен : в 7 т. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. IV : Татарские государства XV–XVIII вв. – 1080 с.
3. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – Москва : Изд. фирма Восточная литература РАН, 1999. – Т. I. – 630 с.
4. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. – 189 с.
5. Полное собрание русских летописей. – Москва : Наука, 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – 382 с.
6. Ромодановская, Е. К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака / Е. К. Ромодановская // Сибирские огни. – 1981. – № 12. – С. 134–141.
7. Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература. XVII век / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 2002. – 390 с.
8. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 645 с.

9. Солодкин, Я. Г. «Беседа к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2017. – 330 с.
10. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. ун-та, 2015. – 234 с.
11. Солодкин, Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы) / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижнеарт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. – 177 с.
12. Трепавлов, В. В. Сибирские царицы в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. – Санкт-Петербург : «Изд-во Олега Абышко», 2018. – 496 с.
13. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казан. федерального ун-та, 2018. – 560 с.
14. Шашков, А. Лодейный город / А. Шашков // Родина. – 2004. – Спец. вып.: Тобольск – живая былина. – С. 7–11.
15. Шашков, А. Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала / А. Т. Шашков // Уральский сборник. История. Религия. Культура. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. – С. 174–179.
16. Шашков, А. Т. Начало присоединения Сибири / А. Т. Шашков // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. – Вып. 4. Евразийское пограничье. – С. 8–51.

Богатырёва Е.И.
**ДОКУМЕНТЫ «ПОРУЧИТЕЛЬСТВА» ИЗ НОВГОРОДСКОГО ОККУПАЦИОННОГО АРХИВА
В СТОКГОЛЬМЕ**

Новгородский оккупационный архив в Стокгольме является крупнейшим собранием документов по русской позднесредневековой истории 1611–1617 годов. Он содержит административные записи, связанные с Новгородом и Новгородской землей.

Еще в июле 1611 г., когда Швеция вмешалась во внутренние дела Московского государства, шведский военачальник Якоб Делагарди занял Новгород, заключив соглашение о переходе города под протекцию шведов. Шесть лет длилась оккупация на Новгородской земле, которая внесла определенные коррективы в жизнь общества и сформировала шведскую административную систему с сохранившимися русскими элементами права. И только 27 февраля 1617 г. был заключен Столбовский мир между враждующими государствами. После этого, как указывает Лайла Нордквист, Якоб Делагарди вывез архив из Новгорода сначала на территорию современной Эстонии, а оттуда в Швецию [8, с. 285]. Спустя время он оказался в Государственном архиве в Стокгольме. Есть мнение, что благодаря этому документы удалось спасти от пожаров, которым подвергались русские архивы в XVII веке [8, с. 285].

В ходе изучения материалов перед их изданием, он был разделен на две части, имеющие отличия по характеру и происхождению. В Serie 1 [1] вначале приведены документы, по которым можно проследить хронологию событий, происходивших в России с 1611 по 1617 гг. со шведской точки зрения; встречается описание неудачного штурма шведскими войсками Пскова в 1615 г. Помимо этого здесь можно увидеть документы об изъятии зерна у «предателей», конфискации денег, книги сбора налогов, судебных пошлин, тех или иных административных приказов, банных книг и кабацких книг.

В Serie 2 [2] приведены документы, отражающие, в том числе, рассмотрение дел о «предателях» и конфискации товаров. Однако данная серия отличается наличием таких описей, как судные грамоты, купчие записи, служилые дела, челобитные, документы о закупке, обыскные грамоты. Весь объем обеих серий составляет порядка 30 000 листов.

В связи с этим возникла необходимость проанализировать те архивные записи, которые связаны непосредственно с Псковом.

В ходе исследования была составлена классификация найденных источников, относившихся к Псковщине: 1) Незаконная торговля Пскова с Порховым; 2) Допросы Шведами по ситуации в Пскове и в других городах России; 3) «Военные действия шведов в отношении Пскова»; 4) О миграции людей в Псков из Новгорода и наоборот; 5) Перечень документов о «предателях»; 6) О «разбойниках» и «ворах» из Пскова; 7) Поручительства за различных лиц, которые обязуются не начинать или прекратить какие-либо связи с Псковом.

Далее будет рассмотрен последний блок из приведенной классификации.

В первую очередь следует сказать об исторической обстановке, связанной с написанием данных источников. Высшую власть в период 1611 по 1614 гг. имел Якоб Делагарди – сын французского наемного солдата и внебрачной дочери короля. В конце 1608 г. был назначен командующим войсками против России. Когда в 1611 г. шведы захватили Новгород, встал вопрос о выборе царя Новгородской земли. Вначале был выбран сын Карла IX Густав Адольф, но спустя время, во власть вступил младший брат Густава Адольфа Карл Филипп. Именно на его имя направлялись челобитные. Лишь с 1615 г., когда Густав Адольф лично приехал на территорию военных действий, челобитные перенаправлялись на его имя [9, с. 150].

В ходе исследования удалось найти несколько поручительств, связанных с псковскими и новгородскими людьми и их близкими, а именно:

А) Илья Карпов сын Грушецкой из Кашино, Павел Иванов сын Шепелева и Григорий Иванов сын Свистова из Луча поручились перед подьячим Харитоном Семеновым в том, что Яков Дубовской не оставит Новгород Великий, пока не получит выкупа за себя или не будет обменен. Он не будет встречаться с людьми из Пскова. Составителем был Гаврилко Ортемьев. Дата: 11 октября 1613 г. [3, с. 54].

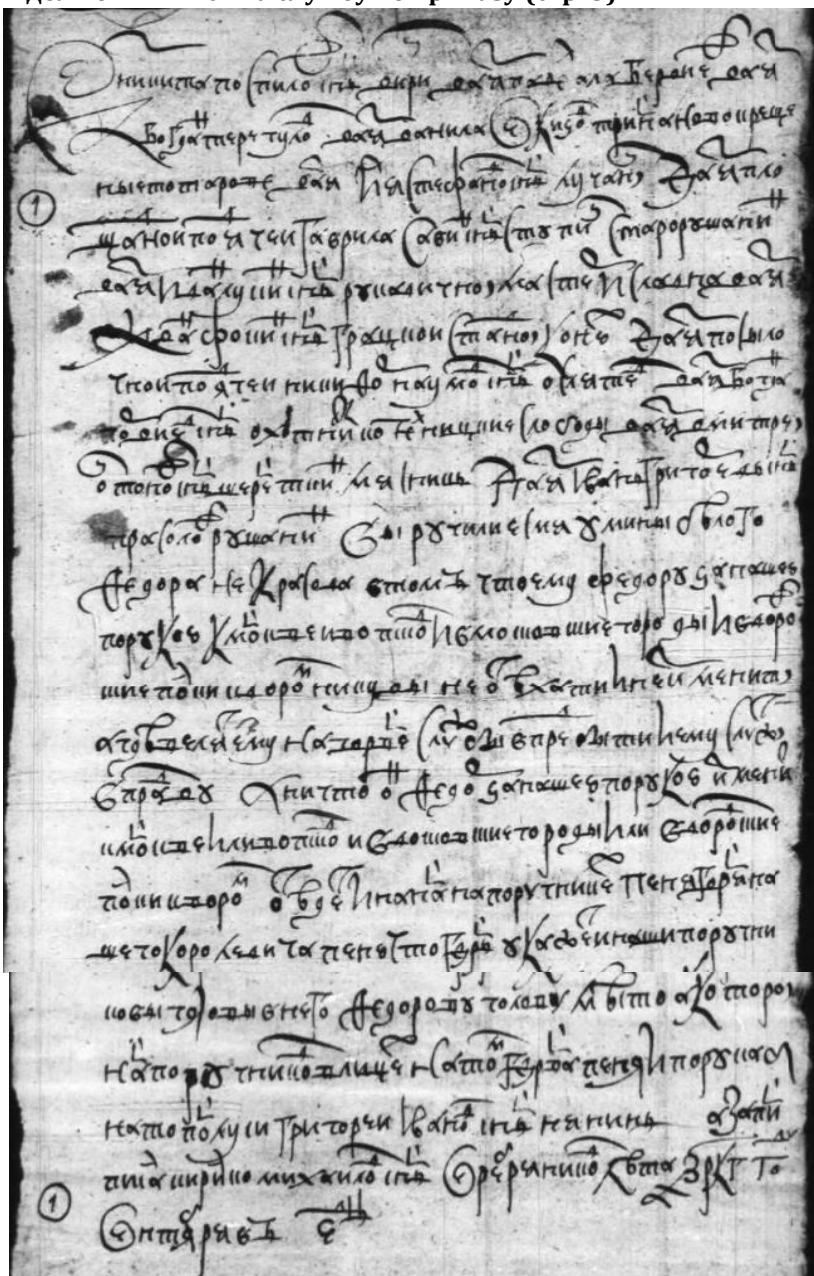
Б) Поручительство людей из Юрьева и Духовского монастырей за Григория Попова. Попов обязуется жить в Великом Новгороде, не предавая великого князя Карла Филиппа и не вступая против него в заговоры. Он не уедет в Москву, Псков или другие города без ведома бояр. Дата: 6 ноября 1613 г. [6, с. 57].

В) Поручительство за Субботу Гаврилова и других. Псковский крестьянин Иван Телегин и Павел Денисьев поручаются за Субботу Гаврилова и других людей из Пскова, гарантируют, что они будут проживать в Великом Новгороде и ни в какие дела не вмешиваться, и не вступать в заговоры против великого князя Карла Филиппа. Дата: 22 мая 1613 г. [4, с. 56].

Г) Поручительство за Федора Некрасова в том, что он не уедет в Москву или Псков. Помимо этого, Некрасов был обязан явиться на службу в город. 5 сентября 1614 г. [5, с. 237].

Более подробно рассмотрим два документа из приведенного выше списка:

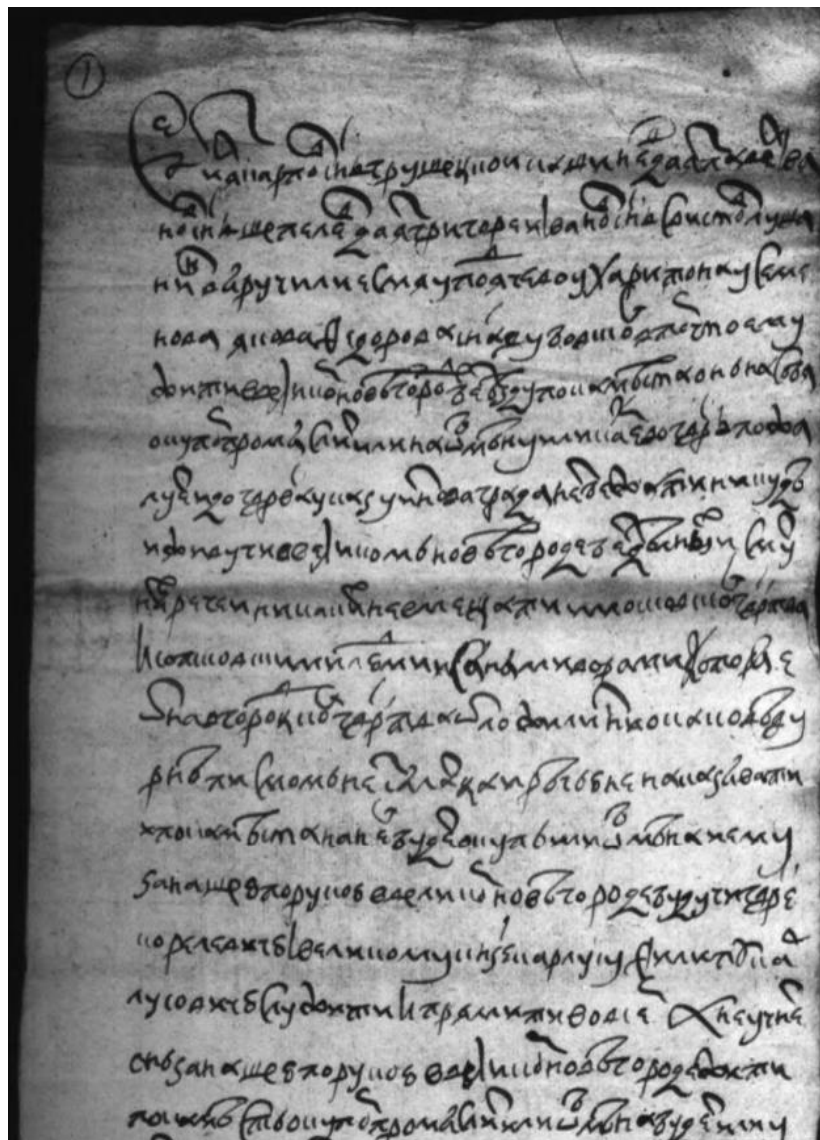
Документ № 1. [5 сентября 1614 г.] Поручительство за Федора Некрасова, о том, что он не поедет в Москву, Псков и города, контролируемые Москвой, или вражеские подразделения. Кроме того, он должен явиться на службу по приказу (стр. 3).

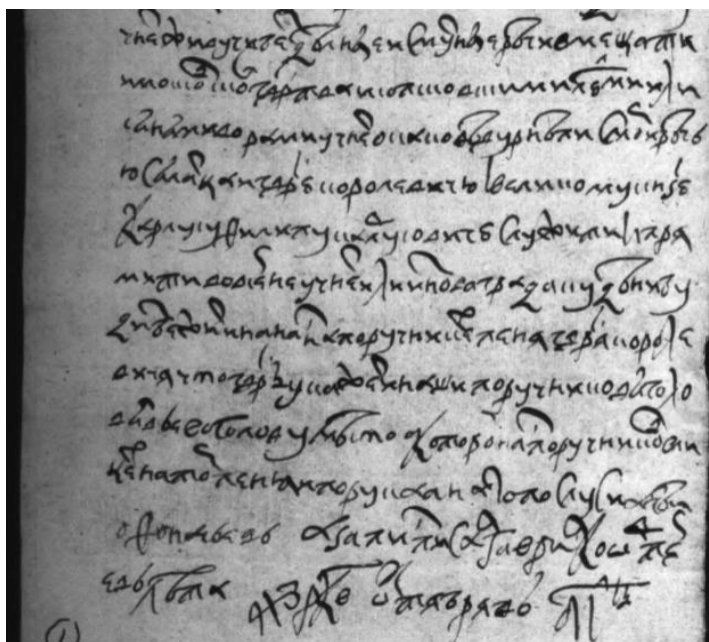

«Се аз Никита Поспилов сын Дирин, да аз Павел Алавердиев, да аз Богдан Тереглов, да аз Данила Секизов, да аз Ильяс Стефанов сын Лучанина, да аз Гаврила Савин сын Ступен Староруршанин, да аз Иван сын Лукина – мастер из славна, да аз Ждан Фокин сын Грацкой – стадной конюх, да аз посылочной подьячий сын Ослятева, да аз Богдан Гордиев ... да аз Дмитрий Онтонов сын Шерестина – мясник, да аз Иван Григорьев выручили есмя Федора Некрасова в том, что ему, Федору Некрасову, за нашу порукою и в Москве, и во Псков, и воровские полки вором никуда не отъехать, неизменити, а где велят ему на государеве службе бытии, и ему служити. А не что он за нашу порукою изменит и к Москве, или во псковские города, или воровские полки вором отъедет, и на нас напоручники пеня, государя нашего королевича пеня, что государь укажет. И наши поручниковы головы в него Федорову голову месту, а которому нас, поручников, в лицах на том государеве пеня и порука, а на то, послуши Григорьев Иван, а запись писал Кирилка Михайлов сын Серебрянникова. Лето 7123 году, сентября пятый день» [5, с. 237].

Один из немногих документов, где за одного человека поручается порядка 12 человек. Возможно, к этой инициативе был привлечен весь двор, где проживал Федор Некрасов или он сам являлся довольно значимой личностью в своей местности. Поручители, или как они указываются в тексте «поручниковы», готовы взять на себя полную ответственность, а в случае нарушения обещания, выплачивать штрафы («пени») и что «государь укажет». Также можно отметить, что здесь указан послух, который, возможно, и отвёз документ (Григорьев Иван), и присутствует нотариальная сигнатура – документ написал Кирилл Михайлов сын Серебрянникова.

Документ №2. [11 октября 1613 г.] Поручительство за Якова Дубовского, что он не будет иметь общих дел с Псковом (стр. 3).

«Се аз Илья Карпов сын Грушецкой Кашиньев, да аз Павел Иванов сын Шепелева, да аз Григорий Иванов сын Свистова, Лушанин выручили есмя у подъячево у Харитонову Семенову Якова Федора сына Дубовского в том, что ему жити в Великом Новгороде безъезду, пока место он на себя окупов промыслит или на обмену, или как его государь пожалует. И до государева указу, из Новгорода не сбежати никуды и живучи в Великом Новгороде без дельных и смутных речей никаких не ... и Московского государства со псковими людьми, с иными ворами, которые от Новгородского государства отложились ни о какове дурне письмом не ссылате, и речи не наказывати, и пока места на нем будет окуп или отмена нему за нашу порукою в Великом Новгороде, будучи государе, королевиче и великому князю Карлусу Филиппу Карлосовичу служить». [3, с. 54].

Еще один документ в подтверждении запрета связей с Псковом. Можно отметить, что в подобных поручительствах часто встречаются разные меры наказаний за нарушения или непослушания. Но здесь ситуация уникальна тем, что «пока место он на себя окупов промыслит или на обмену, ему жити в Великом Новгороде безъезду» – то есть Яков Дубовской находился в зависимости и был обязан оставаться в Великом Новгороде, пока кто-то его не выкупит или не обменяет, или сам государь его не пожалует. Поэтому причина наложения запрета была связана не только с тем, что внешнеполитические отношения между городами оставались довольно напряженными, но и потому, что человек в связи со своим положением не имел право покинуть территорию. Также мы видим самих поручителей (Илья Карпов, Павел Иванов, Григорий Иванов, Лушанин), которые «выручили есмя», у подъячего Семена Харитонова за Якова Федора. «Есмя» является древнерусской формой слова «быть» [7, с. 182]. Это может подтверждать тот факт, что они несли поручение за Якова.

Таким образом, отличительными чертами данного блока документов является то, что в начале текста практически всегда указывается деятельность или социальный статус поручителя. Так, мы можем отметить, что вне зависимости от вида деятельности (сыновья конюхов, мясников, подьячие), с поручительством может выступить любой человек Новгородской или Псковской земли. Далее идет указание за кого они берут ответственность и что этот человек должен сделать. После этого диктуются меры наказания, и здесь мы можем отметить, что шведская власть не противостояла защите своих знакомых от карательных мер за предательство. Если нарушения так и не были выявлены, государь мог отпустить человека и больше не вести контроль над ним. Также мы можем проследить, что жители больше предпочитали идти на заключение мирных соглашений с властью, нежели чем устраивать бунты. Конечно, если говорить о значении такого документа, то это, безусловно, функция обратной связи между «простым человеком» и «чиновником». Это возможность защитить близких или социально важных по статусу людей и не допустить их изгнания из города.

1. Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie I.
2. Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie II.
3. RA. NOA. Serie 2: II:22. Surety bonds. Petition for release [Electronic resource]. – С. 54. – Mode of access: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0039346_00001#?c=&m=&s=&cv=&xywh=-1635%2C-144%2C5497%2C2755.
4. RA. NOA. Serie 2: II:24. Petitions. Surety bonds. – С. 56.

5. RA. NOA. Serie 2: II:175. Surety bonds [Electronic resource]. – С. 237. – Mode of access: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/A0039603_00003#?c=&m=&s=&cv=2&xywh=-150%2C83%2C4133%2C2353_
6. RA. NOA. Serie 2: II:24. Petitions. Surety bonds. – С. 57.
7. Молдован, А. М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности / А. М. Молдован // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 2020. – С. 182.
8. Нордквист, Л. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива / Л. Нордквист // Петербургский исторический журнал : сб. ст. / Санкт-Петербургский институт истории РАН ; отв. ред. А. И. Рупасов. – СПб, 2015. – №2. – С. 285.
9. Сюрё, В. М. Якоб Де ла Гарди / В. М. Сюрё // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен ; пер. с фин. И. М. Соломеща. – Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. – С. 150.

Калашникова А.А., Проскуракова М.Е.
СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ: КАКИЕ ДОКУМЕНТЫ СОСТАВЛЯЛИСЬ
В ХОДЕ ДОПРОСОВ В XVII ВЕКЕ?

В ходе следствия в XVII веке составлялись документы, относительно классификации которых в историографии нет единого мнения. Целью нашего исследования является на основе формулярного анализа выделить «расспросные», «допросные» и «обыскные» речи, а также «обыски» и описать характерные черты актов данных видов. В ходе работы были проанализированы документы из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН): расспросные и допросные речи – 85 актов, обыскные речи и обыски – 31 акт из пяти фондов (Колл. 12 «Коллекция Археографической экспедиции», Колл. 154 «Коллекция И. А. Шляпкина», Ф. 98 «Олонецкая воеводская изба», Ф. 132 «Успенский Тихвинский монастырь», Ф. 160 «Якутская приказная изба»).

Записи показаний, добытых во время розыскных мероприятий и в ходе судебных разбирательств, называли «речи». В «Кратком словаре видов и разновидностей документов», изданном под редакцией А. С. Малитикова, выделено пять видов речей: «пыточные», «обыскные», «сыскные», «расспросные» и «допросные» [21, с. 75]. Первые три вида представляют собой протоколы, которые составлялись во время пытки, обыска и сыска, а последние два (расспросные и допросные речи) определяются как запись свидетельских показаний и запись показаний допрашиваемого соответственно [21, с. 75].

Расспросные и допросные речи практически идентичны по формуляру, и в их оформлении нет различий. «Речи» начинались с даты, именованного лица, проводившего опрос, ссылки на документ, санкционировавший опрос («наказная память»), перечня имен опрашиваемых. Этот начальный формуляр «речей» часто выделялся в отдельный абзац. Писцы, как правило, пропускали строку между первым и вторым абзацем, в котором писались показания свидетеля или подозреваемого. Показания каждого опрашиваемого писались с новой строки, в отдельном абзаце. Благодаря этому приему в «речах» легко найти общую информацию об опросе и показания свидетелей или подозреваемых.

Из-за схожести формуляра актов в архивных описях расспросные и допросные речи нередко объединяются в один вид документации и называются допросными речами. Однако неточности в архивных описях лишь отражают общую проблему, остающуюся без решения, отсутствие единой классификации, принятой всем научным сообществом. Относительно границ между видами актов («расспросными» и «допросными речами») в историографии нет единого мнения. Так, С. О. Шмидт и С. Е. Князьков вовсе не находили различий в документах названных двух видов [16, с. 47]. Описываемая проблема, безусловно, рождена отсутствием последовательности в использовании терминов «расспросные речи» и «допросные речи» в самих документах эпохи. Участники розыскных мероприятий и следствия, а также писцы нередко употребляли оба термина при именовании одного и того же акта. При этом в самоназвании документа может быть использован термин «расспрос», а в удостоверительных записях расспрашиваемых и свидетелей значиться «допрос». Такого рода акт со свидетельскими показаниями хранится в деле о розыске беглых крестьян думного дьяка А. С. Кирилова в Вытегорском погосте Олонецкого уезда. Крестьянский староста И. Михайлов задавал вопросы и слушал ответы пришлого человека И. Аврамова о его социальном происхождении и имеющихся у него сведениях о беглых А. С. Кирилова. В акте 11 июля 1681 г. земский дьячок названного погоста С. Федоров записал: «...пришлой человек Ивашко Аврамов в *роспросе* [здесь и далее курсив. – К. А. и М. П.] говорил...», однако в рукоприкладной записи церковного дьячка И. Федорова анализируемый документ поименован уже не расспросными, а допросными речами: «К *сим допросным речем* вместо Ивашка Аврамова по ево веленью <...> руку приложил» [4]. Таким образом, свидетелям нередко сложно было разобраться в названиях документов, которые им приходилось заверять рукоприкладствами. Судя по документам эпохи, подобные сложности возникали часто.

В Соборном уложении 1649 г. термины «расспросные речи» и «допросные речи» не были четко разграничены и употреблялись скорее, как синонимы: «...и воеводам про тех ратных людей сысквати в полках дворяны и детьми боярскими, и всяких чинов служилыми людьми, и имати про них у служилых людей *допросные речи* за их руками...» [23, с. 84], «Да будет те их бояре в *роспросе* скажут,

что они тех своих людей з дворов от себя отпустили, и впредь им до тех холопей дела нет, и им к тем своим *роспросным речам* велеть руки приложить» [23, с. 246]. Между тем в статьях Уложения термины «роспрос», «расспрашивать», «роспросные речи» встречаются значительно чаще, чем «допрос», «допрашивать» и «допросные речи». Расспросу по делу, согласно Кодексу 1649 г., следовало подвергать и истца, и ответчика, и свидетелей («роспрашивать»).

В делопроизводственной практике XVII века, однако, различия между *роспросными* и *допросными речами* предположительно существовали и выражались в употреблении глаголов «расспрашивать» и «допрашивать». В изученном комплексе документов середины и второй половины XVII века (85 актов) нам удалось выявить следующую последовательность: чаще всего расспрашивали свидетелей, а допрашивали подозреваемых. Например, сохранились материалы следствия, проводившегося в 1673 г. в Успенском Тихвинском монастыре. Судебный старец И. Келейников брал свидетельские показания в судной избе у тихвинского посадского человека Л. Миронова о кражах монастырского имущества старцем Кириллом: «...поставя перед собою посадцкого человека Лариона Миронова к *роспросу, роспрашивал...*» [12]. Таким образом, в документе зафиксирован опрос свидетеля по делу и употреблены термины «роспрос», «расспрашивать». Значительно чаще в *роспросных речах* использовалась формула «в *роспросе* сказал». Именно она встречается в деле 1641 г., в котором торговый человек Н. Григорьев обвинялся в отношениях с дьяволом и занятиях колдовством. В ходе следствия в Ленском остроге показания дал свидетель Ж. Власов, речи которого начинались со слов: «И Жданко Власов в *роспросе* сказал...» [15].

Примером *допросных речей* может служить протокол допроса А. Старкова 1692 г. [5, л. 64]. Житель Оштинского погоста Олонецкого уезда К. Ларионов подал челобитную с жалобой на А. Старкова, который, по его словам, захватил унаследованные истцом двор и деревенский участок [5, л. 63]. Власти допросили А. Старкова как подозреваемого в совершении преступления, а протокол допроса оформили при помощи формулы: «А в *допросе* он, Афонка, сказал...» [5, л. 64].

Следственные документы составлялись при различных обстоятельствах людьми, которые не имели большого опыта розыскных мероприятий, из-за чего сохранилось большое количество исключений из сформулированного выше правила (*роспрос* свидетелей, но *допрос* подозреваемых). В 1640 г. ленские воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов расследовали драку священников Василия и Стефана. При описании процедуры опроса свидетелей драки был использован глагол «допрашивать», а не «расспрашивать»: «...того ж часу *допрашивали* про тех попов про драку служилых людей...» [14].

Другим самостоятельным видом судебной документации являлись «обыскные речи». В том случае, если в ходе судебного разбирательства решено было прибегнуть к «повальному обыску», то есть к опросу всех взрослых жителей какого-либо населенного пункта с целью установить причастность подозреваемого к преступлению, или обстоятельства дела, на место преступления отправлялись обыскные мужи, которым поручалось зафиксировать показания свидетелей и составить обыскные речи. Аналогичный документ составлялся и при «общей ссылке», когда истец и ответчик на суде договаривались о перечне свидетелей [20, с. 234–235; 3; 8].

Начальная формула обыскных речей включала в себя дату и имя лица, проводившего обыск. Основная часть текста речей состояла из перечня имен допрашиваемых людей, формулы клятвенного заверения (или религиозного обещания) – «сказали по святой Евангельской непорочной заповеди Господни еже ей ей вправду»¹, и их показаний. Обыскные речи завершались формулой: «то наши и речи» [13] или «то моя скаска» [6]. На оборотной стороне листа помещались рукоприкладства опрашиваемых или их духовных отцов. Из-за того, что обыскные речи нередко завершались формулой «та наша и скаска», а в рукоприкладствах они иной раз назывались *допросными речами* («К сим *допросным речам...*» [7, л. 22]), в архивных описях и научной литературе обыскные речи зачастую именуются «сказками» или «*допросными речами*».

Обыскные речи пересылались в место проведения суда, где их переписывали и они становились частью «обыска» – документа, отличавшегося большей подробностью в изложении сути дела и включавшего дополнительную информацию. Начальный формуляр «обыска» включал дату, отсылку на распоряжение властных инстанций («...по государеву цареву и великого князя <...> указу...») и документ, на основании которого проводился обыск («...и по наказной памяти...»), с указанием лица его выдавшего. Далее называлось лицо, ответственное за проведение обыска, и вопросы, которые он задавал в опросе. Затем (часто в новом абзаце) помещалась копия обыскных речей. «Обыск» завершался указанием на писца, его составившего: «А обыск писал...». Затем «обыск» подклеивался служащими канцелярии к столбцам судного дела.

«Обыски», которые отличала большая полнота в изложении условий составления, включались в судные дела, тогда как обыскные речи, отражали промежуточный этап делопроизводства. Данным обстоятельством объясняется худшая сохранность этих первичных материалов повального обыска

¹ Здесь и далее исследуются «обыскные речи» непривилегированных групп населения – посадских, крестьян, холопов.

в сравнении с «обысками» из судебных дел. В ходе архивных розысков удалось выявить лишь семь обыскных речей за 1670–1690-е гг. [3].

Одной из отличительных особенностей обыскных речей и «обысков» являлась формула «сказал по святой Евангельской непорочной заповеди Господни еже ей ей вправду». Она присутствует в большинстве документов, в которых запротоколированы показания, полученные во время повального обыска. При детальной проверке документов было обнаружено лишь четыре акта, в которых она отсутствует. Выявленные документы относятся к первой половине XVII века и датируются 1623, 1636 и 1650 гг. [9; 10; 11; 1]. Всего в ходе исследования был изучен 31 акт XVII века, в тексте которого приведена данная формула. Среди них только четыре документа не являются обыскными речами или «обыском».

По-видимому, исследуемая нами формула вошла в текст обыскных речей и «обысков» после обнаружения Соборного уложения в 1649 г., которое детально регламентировало проведение повального обыска: «...и посылати сыскивати повальным обыском всяких чинов многими людьми безотводно, архимариты и игумены и старцы, по иноческому обещанию, а протопопы и попы и дьяконы, по священству, а дворяны и детьми боярскими и всякими служилыми и посадскими людьми, и дворцовых сел, и черных волостей старосты, и целовальники, и крестьяны, и вотчинниковыми и помещиковыми прикащики и старосты, и целовальники, и крестьяны, и всяких чинов русскими людьми по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси крестному целованию...» [23, с. 129–130].

В документе о проведении повального обыска в Кижском конце Кижского погоста Олонецкого уезда в 1670 г. процедура дачи показаний свидетеля по делу о грабеже двора описывалась следующим образом: «Деревни Вехнаволока Кондрашко Евтефеев сказал, перекрестя лицо свое пред образом Божиим по святой непорочной Евангельской заповеди Господни еже ей ей вправду, что-де я ево, Сенку, ко двору ево, Федоткову, проедучи, видел...» [2]. В данном религиозном обещании исследователь истории политического суда Г. Г. Тельберг видел указание на возникновение в судебном процессе действия, подобного присяге, или самой присяги [24, с. 188]. Свидетели перед иконой, осеняя себя крестом, обещали говорить истину.

Итак, на основе формулярного анализа мы предлагаем выделять следующие виды приказной документации: «расспросные речи», фиксировавшие свидетельские показания; «допросные речи», составлявшиеся в ходе допроса подозреваемых; и «обыскные речи», составлявшиеся в ходе повального обыска или общей ссылки. Кроме того, существовал также документ, включавший в себя обыскные речи целиком, – «обыск». Все эти документы, несмотря на большое количество общих черт, имели характерные для их вида особенности формуляра. Отметим, однако, что граница между разными видами документов XVII века не была строго определена и очевидна для всех участников розыскных мероприятий и следственного процесса, что порождало большое количество исключений и самоназваний актов.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Ф. 98. Карт. 1. Д. 118. Л. 1 об.
2. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 6. Д. 93. Л. 33.
3. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 8. Д. 16д;
4. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 11. Д. 138. Л. 1.
5. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 14. Д. 3.
6. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 15. Д. 7. Л. 17–21.
7. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 17. Д. 86.
8. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 98. Карт. 17. Д. 193. Л. 10.
9. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.
10. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–1 об.
11. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 109. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–2 об.
12. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Карт. 16. Д. 53. Л. 1.
13. Архив СПбИИ РАН. – Колл. 154. Оп. 2. Д. 107. Л. 1.
14. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 160. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
15. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 160. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.
16. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII веков : учеб. пособие / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. – М. : МГИАИ, 1985.
17. Еже // Словарь русского языка XI–XVII вв. / глав. ред. С. Г. Бархударов ; ред. Г. А. Богатова. – М., 1978. – Выпуск 5 : Е – Зинутие. – С. 35.
18. Елизаветинская Библия. Новый завет. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] // Библиотека сайта «Моя Библия онлайн». – Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/ev_matf.html. – Дата доступа: 20.03.2023.
19. Королева, М. В. Процедура государственной присяги в России XVII в. / М. В. Королева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2020. – № 4 (82). – С. 73–82.
20. Маньков, А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России / А. Г. Маньков / отв. ред. К. Н. Сербина. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1980.
21. Речи // Краткий словарь видов и разновидностей документов / под ред. А. С. Малитикова. – М., 1974. – С. 75.
22. Синодальный перевод. Новый завет. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] // Библиотека сайта «Моя Библия онлайн». – Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/ev_matf.html. – Дата доступа: 20.03.2023.
23. Соборное уложение 1649 года : учебное пособие для высшей школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М. : Издательство Московского университета, 1961.
24. Тельберг, Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века / Г. Г. Тельберг – М. : Типография Императорского Московского университета, 1912.

Медведев К.М.

«В ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕЙ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КАЗИМИРА И АЛЕКСАНДРА...»: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КАК «МЕСТА ПАМЯТИ» В ПОЛИТИКЕ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СМОЛЕНСКИХ И СЕВЕРСКИХ ЗЕМЕЛЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА¹

После присоединения к Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия 1618 г. Смоленских и Северских земель со стороны королевской власти и представителей образовавшейся здесь шляхетской корпорации мы видим включение данных территорий в общий для Великого княжества Литовского и Польской Короны исторический нарратив. Одним из первых это заметил Б. Н. Флоря в своей статье о положении православного населения Смоленщины в 1618–1654 гг. [6]. О «смоленском мифе» в творчестве Яна Куновского, создавшего поэму в похвалу Смоленска, которая оказалась первой в истории польской литературы хвалой городу Речи Посполитой, писали польские [8; 12] и российские историки [1]. Мы также касались данной проблематики в контексте того, каким образом представители шляхты Смоленского воеводства воспринимали вхождение Северских и Смоленских земель в состав Московского княжества и как, отталкиваясь от этого, они старались не допустить этого снова [2]. Ныне же мы рассмотрим, как в документальных и литературных источниках первой половины XVII в. нашло отражение использование королевской властью и представителями местной шляхты различных исторических фигур в качестве «мест памяти» для легитимации принадлежности Смоленских и Северских земель Речи Посполитой и оправдания проведения здесь определенной политики.

В 1623 г. король Сигизмунд III по просьбе представителей шляхты Смоленского воеводства издал прерогативу, которая запрещала на территории воеводства легальную деятельность любой церкви, кроме католической и униатской. В качестве объяснения такого радикального шага в тексте документа приводилась ссылка на времена правления «королей светлой памяти Казимира и Александра» (Казимира IV и его сына Александра Ягеллончика), когда «из-за Руси схизматиков произошли большие беспорядки», из-за которых «княжество Северское, а за ним и княжество или воеводство Смоленское» были захвачены Москвой [7, с. 141]. Уже в 1634 г. во время Смоленской войны новый король Владислав IV по просьбе Смоленского воеводы Александра Госевского своим привелеем подтвердил прерогативу отца. В данном документе помимо отсылок к временам правления Великих князей Литовских и Польских королей Казимира IV и Александра Ягеллончика для легитимации такой политики говорилось и о Флорентийской унии, заключенной при Папе Евгении IV и польском короле Владиславе III Варненчике, а также о Киевском митрополите Исидоре и Смоленском епископе Мисаиле, которые и провозгласили единство с Римом, что способствовало единению Смоленских и Северских земель с Великим княжеством Литовским. Однако позже Киевская митрополия снова перешла в «схизму», из-за чего последовало Божественное наказание, и данные территории были оторваны от Литвы Московскими князьями. Теперь же возвращенные Смоленские и Северские земли только тогда будут сохранять единство с Речью Посполитой, пока будут сохранять безусловное единство с Римской церковью [3, л. 2-л. 2 об.]. В данном случае следует отметить, что, судя по всему, инициатором издания прерогативы 1623 г. был инициатор и ее подтверждения в 1634 г. Смоленский воевода Александр Госевский, и представленные в данных документах исторические аргументы в определенной степени отражают его собственные взгляды на историю Смоленских и Северских земель. Так, в 1635 г., если верить запискам литовского канцлера Альбрехта Станислава Радзивилла, во время обсуждения вопроса о женитьбе короля Владислава IV Госевский выступил резко против брака с протестанткой для удовлетворения «диссидентов», приводя «пример короля Александра», который, взяв в жены представительницу другой конфессии – «Елену московскую» (дочь Великого князя Московского Ивана III), ожидал покоя и расширения для королевства, но в итоге только потерял Северские земли, захваченные отцом своей жены [13, с. 484].

В 1636 г. представители смоленской шляхты после того, как разрушили отстроенную по разрешению Владислава IV православными в Смоленске церковь Бориса и Глеба [6, р. 341], в своем обращении к королю для отстаивания своей правоты также обращались к историческим фигурам XV века, цитируя королевский привилей 1634 г. и подчеркивая, что Смоленск только «тогда будет защищен, пока согласие святое с церковью католической, провозглашенное митрополитом Киевским Исидором и владыкой Смоленским Мисаилом на соборе Флорентийском, будет сохранять», ибо «когда единство в Смоленске с церковью Римской нарушено было, и разлад в религии внесен, тут же гнев Божий нашел, и Смоленск, а также прочие замки оказались в руках и под гнетом неприятеля»

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

[3, л. 7 об.]. Следует отметить, что в данном случае представители шляхты Смоленского воеводства, как и составители королевского привилея 1634 г., отталкивались от распространенного в Средние века и раннее Новое время представления, согласно которому снисходительность по отношению к различным «грешникам», и в особенности к «еретикам» и «схизматикам», означает соучастие в их «грехе», что непременно наведет Божественный гнев и наказание не только на самих «грешников», но и всех их соучастников [11, р. 69–70].

К историческим правителям Великого княжества Литовского и Польского Королевства представители шляхты Смоленского воеводства апеллировали не только для легитимации проведения определенной политики по урегулированию межконфессиональных отношений. Так, в 1641 г. в своем обращении к королю они просили его утвердить в Смоленском воеводстве уряд конюшего, ссылаясь на то, что во времена «королей светлой памяти Казимира, Александра и Сигизмунда I был уряд конюшего смоленского, пока Москва от Великого княжества Литовского Смоленск не оторвала» [14, s. 92]. Интересно, что подобный дискурс, который, как мы показали выше, в том числе использовался для оправдания политики подавления религиозных «диссидентов» на территории Смоленского воеводства, в той или иной степени, но, конечно, без «анти-диссидентских» коннотаций, разделяли представители православной и протестантской шляхты. Так, в 1626 г. выходец из России князь Юрий Никитич Трубечкой, владевший на территории Стародубского повета Смоленского воеводства городом Трубчевском, в своем завещании отмечал верность своего рода Великим князьям Литовским, пока при Александре Ягеллончике Трубчевск не был присоединен к Московскому государству [10, к. 2–3]. В 1628 г. кальвинист Ян Куновский написал поэму «Смоленска великолепие», в которой, опуская более раннюю историю города и ссылаясь на Мартина Кромера, отмечал «исконную» принадлежность Смоленска Великому княжеству Литовскому и, соответственно, Речи Посполитой после его захвата Великим князем Литовским Витовтом. Так, Куновский подчеркивал верность смолян своему князю и королю и превозносил их храбрость в Грюнвальдской битве. Потерю же города в 1514 г. в поэме он объяснял изменой «треклятого Глинского», а возведение вокруг города во время правления Бориса Годунова крепостных стен – попыткой Москвы удержать «чужое» [8, р. 233]. Уже в 1643 г. для специальной сеймовой комиссии, приехавшей в Смоленск для решения вопроса о ремонте крепостных стен и защите города в случае начала войны, была сделана выписка из различных хроник об истории города, при этом говорилось там о судьбах Смоленска только с конца XIV века, когда он стал объектом экспансии со стороны Великого княжества Литовского при Витовте [9, s. 1–2].

В заключение хотелось бы отметить, что, как мы видим на основании изучения источников разного характера первой половины XVII в., Смоленские и Северские земли тогда были включены в общий исторический нарратив Великого княжества Литовского и Польского Королевства, что должно было постулировать «исконную» принадлежность этих территорий Речи Посполитой. Свообразными «местами памяти» для подтверждения этого служили исторические правители конца XIV – начала XVI вв. из династий Гедиминовичей и Ягеллонов, при которых Смоленские и Северские земли входили в состав Великого княжества Литовского: Витовт, Казимир IV, Александр Ягеллончик, Сигизмунд I. Для утверждения же важности сохранения политико-религиозного единства данных территорий с католической церковью и, соответственно, католической монархией такими «местами памяти», в свою очередь, служили религиозные деятели XV века из числа сторонников унии с Римом: Киевский митрополит Исидор и епископ Смоленский Мисаил, который, судя по всему, был особенно важен именно как «местный» иерарх. Вообще, среди католиков и в меньшей степени униатов в Речи Посполитой в XVII в. возник культ митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию, и епископа Мисаила из-за его симпатий к Риму [4, с. 321–322]. Также интересно, что история Смоленщины и Северщины до вхождения их в состав Великого княжества Литовского в проанализированных нами источниках зачастую опускалась, что, возможно, было во многом связано с тем, что правители претендовавшей на данные территории России в своих претензиях ориентировались на получивший развитие еще в XVI в. «вотчинный дискурс», в рамках которого все исторические земли Киевской Руси объявлялись «вотчиной» Рюриковичей и, соответственно, Великих князей Московских и «государей всея Руси» [5, с. 176–178]. Вхождение же Северских и Смоленских земель в состав Великого княжества Московского в конце XV – начале XVI вв. в Речи Посполитой первой половины XVII в. трактовалось как «незаконное», и поэтому все юридические прецеденты, имевшие здесь место во время «оккупации», объявлялись не имеющими никакой силы. Так, король Сигизмунд III после подписания Деулинского перемирия 1618 г. объявил все земельные пожалования, выданные на этих территориях московскими правителями, недействительными [6, р. 334–335].

1. Ивонина, Л. И. Смоленск в поэзии и жизни Яна Куновского / Л. И. Ивонина // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3 (47). – С. 324–336.
2. Медведев, К. М. Причины вхождения Северской и Смоленской земель в состав Московского государства в конце XV – начале XVI в. глазами шляхты Смоленского воеводства: историческая память и политика / К. М. Медведев // Novogardia. – № 4 (12). – 2021. – С. 279–290.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 823. Оп. 3. Д. 243.
4. Синкевич, Н. А. «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой / Н. А. Синкевич // Религия и русь, XV–XVIII вв. / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – С. 312–340.
5. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М., СПб. : «Альянс-Архео», 2006. – 256 с., карт.
6. Флоря, Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е – 40-е годы XVII в.) / Б. Н. Флоря // *Revue des études slaves*. – Т. 80, Fasc. 2. – 1998. – Р. 333–345.
7. Флоря, Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века / Б. Н. Флоря // *Славяне и их соседи*. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. – М. : Наука, 1999. – С. 138–142.
8. Хэмпэрэк, Д. Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска / Д. Хэмпэрэк // *Studi Slavistici*. – Vol. VI. – 2009. – Р. 229–249.
9. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR). dz. II. Sygn. 1209.
10. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR). dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 173.
11. Kaplan, B. J. Divided by Faith. Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe / B. J. Kaplan. – Cambridge, Massachusetts – London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. – 429 p.
12. Nawrocki, M. Mit Smoleńska w piśmiennictwie polskim XVII wieku – przypadek Jana Kunowskiego / M. Nawrocki // *Terminus*. – Т. 18, Z. 4 (41). – 2016. – S. 401–420.
13. Radziwiłł, A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce : w 2 t. / A. S. Radziwiłł / przel. i oprac. Adam Przyboś i Roman Żelewski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – Т. 1 : 1632–1636. – 569, [3] s., 32 s. tabl. : il., mapa, portr.
14. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy: w 10 t. / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa : «DIG» : IH PAN, 2003–2020. – Т. IV : Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek. – 2003. – 412 s.

Кустова Е.В.

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА ВЯТСКОГО

При анализе средневековых источников для их объективной оценки важно знать, кто был автором того или иного документа или произведения – его социальное происхождение, жизнь, мотивы написания и пр. Житийная литература Московской Руси в этом отношении подвергалась серьезной критике, поскольку мы практически ничего не знаем о безвестных иноках-агиографах, которые не считали возможным упоминать о себе. Мы, как правило, не знаем, являлись ли они современниками святых, о которых писали, и как собирали сведения о них.

Редким исключением является два примера XV в. – преподобный Епифаний Премудрый – автор житий преподобного Сергия Радонежского и святителя Стефана Пермского и серб Пахомий Логофет. Последнему принадлежит десяток жизнеописаний русских святых – преподобных Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Никона Радонежского, святителя Алексея Московского, убиенного князя Михаила Черниговского и боярина Федора, Саввы Вишерского, а также новгородских архиепископов. Эти два агиографа создали русскую школу житийной литературы с устойчивым каноном и пышным «плетением словес», подражать которому стремились многие русские книжники средневековья [9; 10].

Главными книжными центрами Руси являлись монастыри, где не только собирались и переписывались книги, но и создавались оригинальные произведения, включая и жития святых. Подобная традиция начала складываться в XVII в. и в древнейшем в Вятском крае Успенском Трифоновом монастыре г. Хлынова (совр. г. Киров).

В его стенах в середине XVII в. неизвестным монахом было написано житие основателя обители – преподобного Трифона Вятского. Хотя мы не знаем имени агиографа, но редкий пример авторского предисловия позволяет нам узнать его жизнь, духовный мир.

Исследователи традиционно выделяют три основных редакции этого произведения и более двадцати его списков. К первой редакции относился, в частности, Мыльниковский список, наиболее достоверный в историческом плане [4]. Он получил название по имени владелицы старообрядки Сарапульского уезда Вятской губернии А. С. Мыльниковой. Только списки этой редакции имели авторское предисловие. Судя по содержанию, первоначальный текст был написан, вероятно, около 1665 г. Агиограф пишет об ученике преподобного иноке Досифее как о живом, с которым лично беседовал 30 марта 1664 г., а 5 сентября 1666 г. Досифей уже был похоронен в Слободском монастыре [5, л. 143, 207; 6, л. 129–129 об.].

Списки второй редакции конца XVII в. более кратко излагают жизнеописание святого, но, в то же время, содержат сюжеты об обретении мощей преподобного Трифона в 1684 г. и его почитании в последней четверти XVII века [7]. Также известна краткая «Никодимовская редакция», названная по имени архимандрита Никодима (Казанцева) (1835–1841 гг.), который составил еще более краткий вариант жития [3, с. 37–80].

Первая редакция наиболее интересна не только подробностями жизни святого, но предисловием автора, столь редким для этого жанра. Оно позволяет прикоснуться в жизни агиографа и раскрывает перед нами круг источников, которым он пользовался. Последнее очень важно для историков-медиевистов, поскольку житийный жанр, начиная с работ В. О. Ключевского, вызывал

немало вопросов и обвинений в каноничности и схематичности жизнеописаний святых, оторванности от реальной жизни [14].

Рассказывая в предисловии о том, как и где он получил сведения о преподобном, агиограф описывает нам собственную жизнь. Мы не знаем его имени, известно лишь, что был он вятчанином. Родился он, судя по его жизнеописанию, в 1610–1620-х гг. Жил, вероятно, в Хлынове или его округе.

Перед нами предстает человек глубокой веры. Его семья была духовными узами связана с архимандритом Трифоном. Родители в детские годы много рассказывали ему о преподобном – «...о его благочестивом житии и о добрых его делах». Важно отметить, что его семья имела связь с Трифоном Вятским через деда агиографа – Тимофея, который являлся иноком Успенского монастыря и пользовался особым расположением преподобного [4, с. 3].

По словам агиографа, он многократно слышал, что «...преподобный муж Трифон праотца (деда – Авт.) моего при своем животе много возлюбих, о Бозе духовно наказуя (поучая – Авт.). И уча страху Божию паче же и заповеди его творити не нерадиво и тако начасте его своими преподобными молитвами и благословением ограждаше, такоже и дом его весь благословляше. Еще же и по смерти праотца моего сей преподобный муж в своих церковных в заупокойных книгах сам начасте пред Господем поминая во всяких церковных службах якоже и в книге древней сам аз многрешный обретох. И за се яко же должник некий своему господину обещахся поелико возможно изыскати и написати Житие его» [5, л. 51 об. – 52 об.].

Судя по этому отрывку, его дед скончался еще до смерти архимандрита, т.е. до 1612 г. К сожалению, в Дозорной книге монастыря 1601 г. мы не встречаем инока с таким именем, а также иных монахов на букву «Т» (при пострижении была традиция давать имя на ту же букву, что и было в миру). Упоминается лишь монастырский дьячок «Тимошка Вычугжанин». В Дозорной книге г. Хлынова 1615 г. мы встречаем пустой двор «Семейки Вычегжанина», возможно, его сына, который покинул город [1, с. 5]. В дозоре 1615 г. также упоминается «пожня Тимошки Никитина сына Вычегжанина вниз по Вятке реке против Медянского бору сена 18 копен оброку и пошлин гривна» [12, л. 36 об.], а в монастырской деревне Петрушинской Колобова проживал монастырский половник Олешка Вычагженин [12, л. 442]. Данная фамилия, редкая для Хлынова, неоднократно встречается в переписях г. Слободского. Также в Синодике Успенского монастыря среди первых имен монастырской братии начала XVII в. упоминается монах Тимофей – имя, достаточно редкое для этого документа. С другой стороны, в «Роде Трифона» есть монах на ту же букву, что и Тимофей – Тит, который тоже мог быть дедом агиографа [13, л. 30 об.]. Однако это всего лишь гипотезы.

Под влиянием рассказов о преп. Трифоне и деде-иноке будущий автор жития возгорелся желанием поступить в Успенский Трифонов монастырь. Еще будучи молодым человеком, он попытался поступить в монастырь, но был удержан братьями. Спустя восемь лет, сохранив твердое желание вступить на монашеский путь, он повторил попытку. Однако здесь его ждал новый удар судьбы: архимандрит Александр, управлявший Хлыновским монастырем в 1640-х гг., отказал ему, не объяснив причин своего решения. Ни настойчивые и слезные просьбы, ни заступничество соборных священников и известных хлыновцев не помогло ему вступить в монастырское братство: «Никако умолити его не могох, аз же много того ради в печали бых и слезах», – писал он о своих скорбях [4, с. 4].

Этот трагический эпизод в жизни агиографа свидетельствует нам о том, насколько сильно и искренне было его желание стать монахом. При этом он не осуждает архимандрита. Размышляя над произошедшим, он видит причину этого в своем недостойнстве. Позднее, спустя много лет, он увидел в этом промысел Божий и особое попечение о нем преподобного Трифона, который не допустил его до монастыря, вынудив странствовать по местам, где святой подвизался. В этих примерах мы видим человека кроткого, который полностью доверил свою жизнь в Божественную волю.

После этого случая бедствия преследовали героя одно за другим, в результате чего его мирская жизнь не сложилась. Разорившись, оставшись без дома и превратившись в нищего, он пережил немало испытаний. Но как глубоко верующий человек он не роптал на свою судьбу, а видел в этом наказание за свои грехи, равно как и особый промысел Божий, освободивший ему путь в монашество: его больше ничего не держало в этом мире.

Он уповал лишь на Бога и на молитвы своих небесных заступников: «Скитатися в мире и странствовати не навыкох, точию все упование положих на Вседержителя Бога и призывая на помощь великаго чудотворца Николу и преподобнаго Трифона, начах касатися путнему шествию» [4, с. 4].

Он уходит в соседние с Вяткой Пермские земли, доходит до Пыскорского Преображенского монастыря, где был встречен «с любовью» архимандритом Гермогеном. Здесь к своему удивлению он узнает о том, что именно в этой обители был пострижен в монашество преподобный Трифон. От монахов, вероятно, лично знавших его, он слышит множество рассказов, в которых описывались «и подвизи, и любовь, и терпение» святого. И тогда впервые у него возникает мысль записать эти рассказы, сохранить их в памяти для своей душевной пользы. Будучи грамотным человеком, он все

услышанное «втайне» стал записывать на «свитки». Живой слог, обширные цитаты из Священного Писания говорят нам о нем как о человеке весьма начитанном. Помимо этого он, вероятно, был одарен и голосом: настоятель благословляет ему послушание певчего на клиросе. Впоследствии и в Успенском монастыре он был клирошанином.

Однако вскоре по неизвестным причинам он покидает Пыскорский монастырь и направляется из Перми Великой в Пермь Старую, в Никольский Коряжемский монастырь. Здесь его тепло принимает игумен Александр, который спустя несколько лет станет первым вятским епископом. Являясь настоятелем Коряжемского монастыря (1642–1651), он постригает благочестивого послушника в монахи. В этой обители агиограф прожил «довольно время», вероятно, несколько лет. Оказалось, что и в Коряжме многие знали о преп. Трифоне и его «боголюбивом житии» – «милостивом и кротком и терпеливом». Разговаривая с «ведущими людьми» о преподобном, которые встречались с ним в Коряжме, молодой монах «от добрых бесед наслаждался и о сем внимая себе добре». Так около 10 лет он странствовал по монастырям [4, с. 5].

Узнав, что в Хлынове в Успенском монастыре архимандрита Александра сменил архимандрит Иоаким (упом. в 1649–1653), он направился обратно в Вятские земли. Новый настоятель был, вероятно, человеком крутого нрава, о котором автор жития искренне пишет: «Бояхся его Иоакима, коварен бо бе, той бо Иоаким наста на архимандрита Александра и бысть архимаритом Иоаким» [4, с. 8].

Новый архимандрит между 1649–1651 гг. принимает многострадального монаха. На Вятке агиограф встречает двух старцев, которые были учениками преподобного «...и с ним потрудишася во многих трудах и в путешествиях». Это были монахи Досифей – спутник преподобного Трифона, живший в то время в Слободском монастыре, и Моисей, который, несмотря на свой почтенный возраст, станет настоятелем Хлыновской обители (упом. 1654–1657/58). Беседовал он и с другими монахами [4, с. 7].

Более того, в монастыре он обнаружил краткое прижизненное описание жизни преподобного, написанное, скорее всего, его учениками: «В то же время в Успенском монастыре Божиим смотрением и молитвами преподобнаго Трифона в казенной келии древнее писание ово в тетрадах, ово на малых хартиях (листах – Авт.) писано вкраще о житии преподобнаго Трифона и о чудесех, имже и его ради святых молитв сотвори Бог во славу Свою...» [4, с. 7] Вероятно, речь идет о записках, о которых упоминает монастырский дозор 1601 г.: «Книга в тетратех в полдесть в красной коже канун Иисусу Преслаткому, да канун акафисту с ыкосы, да канану Благовещенью с ыкосы, да Николе чудотворцу, да в тех же тетратех житье архимарита Трифана от роженье... его, и как он летал со ангилом, не видял ни неба ни земли» [2, с. 16–17].

Также имеет особую значимость полученное агиографом духовное завещание преподобного, лично им написанное («за ево рукою»). По неизвестным причинам после смерти Трифона оно покинуло стены монастыря. Завещание было передано агиографу во время Рождественской службы неким священником. Тот попросил переписать его и хранить у себя. О пережитых в тот момент чувствах автор пишет: «И в то время радость мя объят, благодарствив Богу и Пречистую Богородицу и преподобнаго отца Трифона» [4, с. 8].

Интерес молодого инока к жизни преп. Трифона не мог ускользнуть от внимательного взора архимандрита Иоакима, который тоже был большим почитателем основателя монастыря. «Уведано же бысть архимариту Иоакиму яко помалу счиняю писанием о житии преподобнаго отца нашего Трифона, и той Иоаким много нуди мя, дабы ему совершенно писанием житие преподобнаго написа. Той бо архимарит Иоаким име веру ко преподобному Трифону и образ его написати повелел, яже и доньне на гробе его всем верующим на поклонение зрим есть. Аз же не навичен бе совершенному писанию о житии преподобнаго, еще же и бояхся его Иоакима» [4, с. 7].

Считая свои способности к писанию весьма скромными, он, тем не менее, не отказывается от мысли написать житие преподобного. То, что в свое время ему было открыто о святом, перевернуло его жизнь, явилось той духовной планкой, к которой он стал тянуться. Он, по существу, сам стал его учеником, и должен был передать его духовный опыт другим. Не случайно, что и смысл своего писания он видит не в простом любопытстве, а в той душевной пользе, которую может принести его труд многим православным: «Сим писанием буду иным на ползу и на утверждение в вере и любви ко преподобному отцу нашему Трифону».

Что касается последующей жизни агиографа, в 1658 г. в Хлыновском Успенском монастыре он встретит бывшего коряжемского игумена Александра, ставшего к тому времени вятским епископом. Не имея архиерейского дома, он поселился в одной из келий монастыря и наверняка имел встречи и беседы со своим постриженником.

Жизнь агиографа в братии Трифонова монастыря, вероятно, имела свои серьезные испытания. Он пишет о жизни монаха как о «прискорбном пути», которым иннок идет «будущего ради воздаяния и вечных благ наслаждения» [4, с. 8].

Умер он, вероятно, до 1671 г., когда пожар уничтожил деревянный Успенский храм, описанный агиографом как действующий [11, с. 29].

В лице агиографа мы видим не только инока, почитавшего преп. Трифона, но и небесталанного писателя, и в каком-то отношении одного из первых вятских историков. Он собирал свидетельства очевидцев и документы, преломляя их через собственный духовный опыт. Благодаря предисловию автора мы видим, как создавалось это произведение, откуда он узнавал те или иные факты. Важно отметить, что, несмотря на некоторые ошибочные сведения и неточности, описание исторических фактов в житии Трифона Вятского в целом подтверждается другими источниками того времени (грамотами, дозорными, писцовыми и оброчными книгами, записями на книгах и иконах, другими житиями и т.д.), что свидетельствует о его достаточно высокой степени достоверности. Когда агиограф в чем-то сомневался, честно признавался читателю: «не вем» – не знаю точно, так ли было или нет. В этом отношении даже В. О. Ключевский, который подчеркивал «стереотипность», «каноничность» житийной литературы, был вынужден признать, что в житии преподобного Трифона агиограф «излагает его биографию простоудушно и откровенно, не заботясь о том, в каком свете изображает Трифона его рассказ» [8, с. 282]. И в этом его особая значимость жития для изучения духовной жизни средневековой Вятки.

1. Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – [б. м. и.] : Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. – 315 с.
2. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне: По подлинному документу 1601 г. / предисл., коммент. А. С. Верещагина. – Вятка, 1902.
3. Житие и жительство и отчасти чудеса Преподобного и Богоносного отца нашего Трифона / публ. В. Я. Струминского // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – 1905. – Вып. IX. – С. 37–80.
4. Житие и подвизи и отчасти чудеса преподобного отца нашего Трифона Вятцакого чудотворца, начальника обители Успения Пресвятыя Богородицы, яже есть близ града Хлынова» / подготовка текста и предисловие И. М. Осокина // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – 1912. – Вып. 1–2. – Отд. 2. – С. 1–110.
5. Житие преп. Трифона // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Ф. 595. № 6.
6. Житие преп. Трифона Вятского // Сектор рукописной книги научной библиотеки Вятского государственного университета (СРК НБВятГУ). – №101218.
7. Житие преподобного отца нашего Трифона архимандрита, Вятского чудотворца / предисл. П. Д. Шестакова. – Казань, 1868.
8. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М., 2003.
9. Прохоров, Г. М. Пахомий Серб (Логофет) [Электронный ресурс] / Г. М. Прохоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачёв. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4505>. – Дата доступа: 12.03.2023.
10. Прохоров, Г. М. Епифаний Премудрый [Электронный ресурс] / Г. М. Прохоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20100326220532/http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3853>. – Дата доступа: 12.03.2023.
11. Повесть о стране Вятской / сост. А. Спицын. – Киров, 1993.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1030.
13. Синодик Успенского Трифонова монастыря XVII–XVIII вв. // Кировский объединённый краеведческий музей. – № 3789.
14. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: <https://kateho.ru/library/books-for-missionaries/svjatyje-drevnei-rusi>. – Дата доступа: 12.03.2023.

Глінскі Я.С.

Вывады шляхецтва зямямі Слуцкага і Капыльскага княстваў у XVII–XVIII стст.: інтэрпрэтацыя і верыфікацыя звестак

У XVI–XVIII стст. некаторыя шляхецкія роды Вялікага Княства Літоўскага вымушаны былі ажыццяўляць «вывады» – расшукваць і падаваць на разгляд судоў або павятовых соймаў доказы, якія пацвярджалі б іх прыналежнасць да вышэйшага саслоўя. Ужо Статут ВКЛ 1529 г. прадугледжваў, што ў выпадку, калі кагосьці абвінавацяць у прысвойванні шляхецкай годнасці, ён павінен прадставіць асоб, якія засведчылі бы яго паходжанне па лініі бацькі і маці [13, с. 50]. Справы аб прысвойванні («нагане») шляхецтва не былі рэдкасцю, многія з іх захаваліся ў складзе Метрыкі ВКЛ.

Найбольш часта вымушана была рабіць вывады дробная шляхта. Асабліва востра праблема пацвярджэння прыналежнасці да вышэйшага стану стаяла перад зямямі – залежнай шляхтай, якая служыла буйным панам (перш за ўсё, несла ваенную службу ў іх харугвах) і атрымлівала за гэта ў карыстанне зямлю. У дадзеным артыкуле будуць разгледжаны выпадкі доказу зямямі шляхецтва на прыкладзе Слуцкага і Капыльскага княстваў – буйной латыфунды, якая да канца XVI ст. з’яўлялася вотчынай князёў Алелькавічаў, а затым перайшла ў валоданне роду Радзівілаў.

Зямянская супольнасць Слуцкага і Капыльскага княства мела даволі стракаты характар. У шэрагі мясцовых зямян, акрамя выхадцаў з паўнапраўнай павятовай шляхты, у XVII–XVIII стст. траплялі прадстаўнікі мяшчанскага і сялянскага саслоўяў. Сярод апошніх да зямянскага статусу найчасцей павышаліся баяры – сяляне-служы, якія займаліся дастаўкай грузаў і карэспандэнцыі (так званыя «путныя і лістоўныя баяры»), а таксама маглі, як і зямяне, выконваць ваенную павіннасць

(«панцырныя баяры»). Такія «нядаўнія» зямiane не валодалі несумненнымі доказамі прыналежнасці да шляхецкага стану, што маггло паслужыць дадатковым аргументам для абвінавачвання ў нешляхецтве падчас судовых працэсаў. У 1670 г. зямлян Міхалоўскіх абвінавацілі ў прысвойванні шляхецкай годнасці суседзі па засценку Лаўравічы (Старчыцкі двор Слуцкага княства) Пантусевічы [3, арк. 266; 14, к. 35]. Да войнаў сярэдзіны XVII ст. Міхалоўскія (у гэты час яны часцей ужывалі патранімічныя формы прозвішчаў – Міхайловічы і Міхалкевічы) былі баярамі ў маёнтку Старыца Капыльскага княства і выразна адасабляліся ад мясцовых зямлян [2, арк. 332 адв.]. Пасля войнаў яны замацаваліся ў зямлянскім асяроддзі. У 1668 г. Фёдар Міхалкевіч (Міхайловіч) падаў супліку на імя тагачаснага ўладальніка Старыцы князя Багуслава Радзівіла наконт таго, што іх няслушна не прызнаюць зямлянамі. Насуперак звесткам інвентара ад 1646 г. радзівілаўскія камісары Георг Ёган Бярновіч і Самуэль Уладзіслаў Вішнеўскі прыраўнялі іх да іншых зямлян [16, к. 73, 83]. Паказальна, што прыкладна ў гэты час яны сталі выкарыстоўваць больш «шляхетны» варыянт свайго прозвішча – Міхалоўскія. Аднак, верагодна, баярскі радавод Міхалоўскіх не з'яўляўся сакрэтам для іншых зямлян – не толькі старыцкіх, але і тых, якія пражывалі побач з Міхалоўскімі ў іншых маёнтках на Случчыне.

Матэрыялы судовых працэсаў аб «нагане шляхецтва» адлюстроўваюць таксама больш складаныя трансфармацыі ў межах сацыяльных груп баяр і зямлян. У 1678 г. адбыўся канфлікт паміж жыхарамі вёскі Балотчыцы (Іванскі двор Слуцкага княства) Лабейкамі і Корбутамі. Сярод іншага, Корбутам было выстаўлена абвінавачанне ў нешляхецтве. У адказ на гэта яны падалі наступныя дакументы: ліст князя Юрыя II Юр'евіча Алелькавіча ад 1548 г. да баславіцкага намесніка, каб ён не чыніў крыўдаў і не накіроўваў «у дарогу» Корбутаў, бо яны шляхта; дэкрэт удавы Юрыя II Кацярыны Тэнчынскай ад 1578 г., якім Корбутам была прысуджана зямля ў маёнтку Грозава на рацэ Вужа [11, арк. 351–352 адв.]. Першы з гэтых дакументаў сведчыць пра тое, што ўжо ў сярэдзіне XVI ст. статус Корбутаў не быў дакладна вызначаным. Яны мелі шляхецкае паходжанне, але мясцовая адміністрацыя Слуцкага княства (на суперак нават княжацкай волі) успрымала іх як лістоўных баяр. Неадназначнасць становішча Корбутаў пацвярджаецца і іншымі дакументамі. У інвентары ад 1565 г. яны ў вялікай колькасці прадстаўлены сярод баяр Вужа. Аднак паходзілі яны са слонімскай шляхты. У 1532 г. Пётр Корбут атрымаў прывілей Жыгімонта I на пустаўшчыну Брыкаўскую ў Слоніmsкім павеце, у 1538 г. той жа Пётр паступіў на службу да князя Юрыя I Сямёнавіча Алелькавіча і атрымаў зямлю на рацэ Вужа [10, арк. 52–52 адв.; 11, арк. 473–473 адв.; 12, с. 333–339, 483, 492, 505]. Таму іх шляхецкі радавод з'яўляўся добра падмацаваным, што і было адлюстравана ў вывадзе ад 1678 г.

Звесткі вывада Корбутаў дастаткова верагодныя, але не варта безумоўна давяраць інфармацыі, занатаванай у зямлянскіх вывадах XVII–XVIII стст. У 1669 г. яшчэ адны выхадцы з сяла Вужа [15, к. 324–325] Жоўрыды (Жаўрыды) вялі працэс супраць Казіміра Багінскага, які абвінаваціў іх у незаконным прыўлашчванні шляхецкай годнасці. Вытокі гэтай справы таксама насілі побытавы характар – К. Багінскі збіў зямляніна Мікалая Жоўрыда і не хацеў выплочваць за гэта кампенсацыю як за збіццё шляхціца. У якасці самага ранняга дакумента М. Жоўрыд падаў выпіс з Навагрудскага земскага суда ад 16 лютага 1604 г. аб актыкацыі ліста князя Юрыя I Алелькавіча ад 1530 г. віцебскаму баярыну Паўлу Жоўрыду «на засценак пры рацэ Вужы» [4, арк. 38–39, 47–49 адв.]. Аднак яго змест выклікае пэўныя сумненні. Перш за ўсё, называнне зямельнага надзелу «засценкам» было неўласціва для дакументаў да часоў «валочнай памеры». Апрача таго, 1530 г. – гэта 3-і, а не 12-ы (як пазначана ў выпісе) індыкт. Факт існавання гэтага прывілея цалкам адмаўляць нельга, але, верагодна, ён быў інтэрпаляваны ў XVII ст. (дададзена згадка пра віцебскае паходжанне Жоўрыдаў). Праўка тэксту магла спатрэбіцца якраз падчас працэсаў аб «нагане шляхецтва». У сярэдзіне XVII ст. Жоўрыды неаднаразова траплялі ў іх. У самім дэкрэце па справе супраць К. Багінскага занатавана, што сваё паходжанне даказвалі бацька і брат Мікалая. Магчыма, бацькам Мікалая быў Пратас, які ў 1636 г. атрымаў пасведчанне жыхароў Слуцкага княства і Навагрудскага ваяводства аб шляхецкім паходжанні з прычыны процілеглага сцвярджэння, выказанага Рыгорам Трасейкам-Лазоўскім [4, арк. 48, 63]. Відавочна, што тады таксама адбываўся вывад шляхецтва Жоўрыдамі, матэрыялы якога не захаваліся.

Калі разгледжаныя вышэй зямлянскія роды пры вывадзе шляхецтва ў Слуцкім замкавым судзе абапіраліся на наяўныя ў іх родавыя дакументы (рознай ступені верагоднасці), то Мастовічы, якія пераважна пражывалі ў засценку Дошнава Вызенскага двара [8, арк. 63–63 адв.], выкарысталі іншы спосаб доказу. Абвінавачаныя ў 1685 г. у нешляхецтве Ежы Крукоўскім яны звярнуліся да Мастовічаў з Жамойцкага княства, якія выдалі слуцкім зямлянам два пасведчанні (у 1685 і 1686 г.) аб супольным шляхецкім паходжанні [6, арк. 1–3; 9, арк. 476–478 адв.]. У пасведчаннях, сярод іншага, выкладаўся радавод слуцкай галіны Мастовічаў, выстаўлялася, што яны паходзілі з Медынгянскай воласці («поля») у Жамойці. Сярод жамойцкіх шляхецкіх родаў сапраўды фігуравалі Мастовічы [17, с. 237–242]. Аднак немагчыма ні ўпэўнена пацвердзіць, ні абгрунтавана абвергнуць агульны радавод медынгянскіх і слуцкіх Мастовічаў.

У 1668 г. Слуцкі замкавы суд разглядаў справу, ініцыяваную зямлянінам Янам Казарыным. Ён абвінаваціў у нешляхецтве зямлян Чарнышэвічаў з вёскі Касынічы (Старчыцкі двор Слуцкага княства). Кантэкст гэтай справы, як і большасці судовых працэсаў аб прысвойванні шляхецтва, быў побытава-крымінальным, Ян Казарын збіў сыноў Івана Чарнышэвіча Рамана і Лаўрына і не хацеў за гэта плаціць грашовую кампенсацыю. У адказ на абвінавачанне Чарнышэвічы падалі прывілей князя Юрыя II Алелькавіча продку роду Івану Чарнышу, выдадзены ў 1576 г. Паводле яго, Чарнышэвічам надаваліся пяць валок ва ўрочышчы Касынічы з умовай нясення земскай ваеннай службы [7, арк. 21–26 адв.]. Выклікаюць сумненні акалічнасці, выкладзеныя ў наданні. Жыхары Касынічаў былі пераведзены з баярскай путнай на зямлянскую ваенную павіннасць толькі ў 1626 г. [15, к. 301], у той жа час сцвярджалася, што продак Чарнышэвічаў атрымаў зямлю на ўмовах ажыццяўлення ваеннай службы ўжо ў 1576 г. Магчыма, згадка пра ваенны (шляхецкі) характар павіннасцей Чарнышэвічаў была дададзена ў дакумент пазней.

У рэдкіх выпадках пацвярджэнне шляхецтва нават у другой палове XVII ст. магло адбывацца на падставе вусных сведчанняў. Зямлянскі харужы вёскі Сорагі (Урэцкі двор Слуцкага княства) Марцін Масакоўскі ў 1679 г. быў абвінавачаны ў нешляхецтве зямлянамі Мохартамі. Тады ён падаў на імя генеральнага аканома Слуцкага княства Казіміра Крыштафа Клакоцкага супліку, дзе выклаў сваё паходжанне. Марцін сцвярджаў, што яго бацька паходзіў з Плоцкага ваяводства, служыў пад кіраўніцтвам гетмана Хадкевіча, каля 60 гадоў таму прыбыў у Сорагі, дзе ажаніўся. Адзіным знешнім аргументам, які павінен быў пацвердзіць словы М. Масакоўскага, былі сведчання яго аднавяскоўцаў Шубаў [5, арк. 10–10 адв.]. Выкладзеная Марцінам гісторыя роду не ўтрымлівае відавочных супярэчнасцей. Разгалінаваны шляхецкі род Масакоўскіх сапраўды жыў у гістарычнай Мазовіі [18, s. 296–297], згаданы ў супліцы гетман Хадкевіч – гэта Ян Караль Хадкевіч, які ў пачатку XVII ст. узначальваў войска ВКЛ у вайне супраць Швецыі.

Вывады ажыццяўляліся асобнымі родамі толькі ў выпадку выстаўлення супраць іх абвінавачання ў нешляхецтве, але зямляне вымушаны былі таксама сістэматычна падаваць на праверку радзівілаўскай адміністрацыі дакументы, якія пацвярджалі б іх статус. Пры гэтым далёка не ўсім звесткам пра паходжанне, якія выкладаліся зямлянамі падчас падобных рэвізій, варта давяраць.

У рэвізіі 1687 г., у дачыненні да зямляніна з засценка Шылаўшчына (Старыцкі двор) Ежы Адамовіча адзначалася, што ён, «як сцвярджаюць, [паходзіць] з Мінскага ваяводства» [16, к. 66]. Вонкава гэта выглядае даволі верагодным. Шляхецкі род Адамовічаў пражываў у Мінскім ваяводстве [1, с. 90–91]. Аднак у выпадку Ежы Адамовіча сумненні ў яго нетутэйшым паходжанні ўзнікаюць на падставе некалькіх акалічнасцей. У інвентарах 1680-х гг. ён фігураваў на даволі вялікім надзеле (у адну з чвэрцю валоку), але не адзін, а з не названымі пайменна «сябрамі», што магло сведчыць пра тое, што ён меў родзічаў у Старыцы, з якімі супольна трымаў зямлянскі надзел. Больш за тое, прозвішча Адамовіч масава сустракалася сярод жыхароў чыншавай вёскі Пырашаўская Слабада [2, арк. 334–335, 466; 16, к. 61]. Магчыма, менавіта адтуль і паходзіў Ежы. У такім выпадку яго сялянскі радавод мог быць прыхаваны апеляцыйнай ад паходжання з мінскай шляхты.

Такім чынам, справы аб «нагане шляхецтва» перыяду Рэчы Паспалітай пачыналіся, як правіла, у выніку міжасабовых канфліктаў і не насілі масавага характару. Праблема доказу ўласнага паходжання была вельмі актуальнай для зямлян, частка з якіх мела сялянскія і мяшчанскія карані. Пры гэтым у вывадах шляхецтва не ўсе звесткі адпавядалі рэчаіснасці, асабліва гэта тычылася інфармацыі пра найбольш аддаленых продкаў

1. Гербоўнік беларускай шляхты. – Т. 1 : А. – Мінск : БелНДІДАС, 2002. – 493 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 160. Воп. 1. Спр. 23.
3. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 1. Спр. 36.
4. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 2. Спр. 1049.
5. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 2. Спр. 2102.
6. НГАБ. – Ф. 319, Воп. 2. Спр. 2131.
7. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 2. Спр. 3611.
8. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 2. Спр. 1079.
9. НГАБ. – Ф. 1730. Воп. 1. Спр. 11.
10. НГАБ. – Ф. 1785. Воп. 1. Спр. 16.
11. НГАБ. – Ф. 1787. Воп. 1. Спр. 2.
12. Статкевіч-Чабаганаў, А. В. Я – сын Ваш: Статкевічы, Сацкевічы-Статкевічы герба «Касцеша». Карафа-Корбуты герба «Корчак» / А. В. Статкевіч-Чабаганаў. – Мінск : Роднае слова, 2011. – 589 с.
13. Статут Велікаго княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонска. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1960. – 253 с.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – Archiwum Warszawskie Radziwiłłów (AR). Dz. 23. T. 122. Plik. 4.
15. AGAD. – AR. Dz. 23, T. 159. Plik. 2.
16. AGAD. – AR. Dz. 25. Sygn. 4069.
17. Błaszczyk, G. Herbarz szlachty żmudzkiej / G. Błaszczyk. – Т. 4. – Warszawa : DiG, 2015. – 697 s.
18. Uruski, S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej / S. Uruski. – Т. 11. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1914. – 380 s.

ІНВЕНТАР АРХІРЭЙСКІХ ПАХАВАННЯЎ XVII–XVIII СТСТ. З ПОЛАЦКАГА САФІЙСКАГА САБОРА¹

Пахавальны інвентар з’яўляецца каштоўнай археалагічнай і гістарычнай крыніцай. Ён дазваляе датаваць помнік, вызначыць асаблівасці пахавальнага абраду, яго залежнасць ад сацыяльных фактараў і канфесійных працэсаў, прасачыць дынаміку развіцця пахавальнай практыкі. Акрамя таго, прадметы інвентару даюць уяўленне пра развіццё рамяства і, шырэй, матэрыяльнай культуры. Пераважная большасць пахаванняў Паўночнай Беларусі XIV–XVIII стст. не ўтрымлівае інвентару. Гэта тлумачыцца іх адпаведнасцю хрысціянскаму канону, які забараняў змяшчаць разам з пахаваным бытавыя рэчы, а таксама стратамі прадметаў з арганічных матэрыялаў (адзення, абутку, галаўных убораў) у працэсе археалагізацыі [9, с. 277]. Таму ўсе даныя аб пахавальным інвентары помнікаў пазняга сярэдняв’яка – ранняга новага часу заслугоўваюць пільнай увагі.

У адпаведнасці з нормамі хрысціянства, цела нябожчыка апрадалі ў вопратку, якая адпавядала сацыяльнаму статусу і палажэнню памерлага пры жыцці. Падобныя правілы суадносяцца з этнаграфічна зафіксаванай у XIX–XX стст. практыкай, калі пахавальнае адзенне мала чым адрознівалася ад звычайнага святочнага [7, с. 362; 11, с. 512; 12, с. 161]. Рэшткі багатай вопраткі, упрыгажэнні і прадметы культу асабістага выкарыстання прысутнічалі ў пахаваннях XVII ст., даследаваных Т. С. Бубенька ў Дабравешчанскай царкве Віцебска [10, с. 92–93]. Адзенне з каштоўных тканін, упрыгажэнні і прадметы культу асабістага выкарыстання з’яўляліся часткай касцюма (у шырокім вызначэнні гэтага тэрміна) пахаваных у Дабравешчанскай царкве прадстаўнікоў свецкай сацыяльнай эліты – шляхты і гарадскога патрыцыяту – і рэпрэзентавала іх высокі грамадскі і маёмасны статус. Адносна добрая захаванасць тканіны можа быць патлумачана большай абароненасцю пахаванняў у храме ад неспрыяльных прыродных умоў.

Гэтай жа акалічнасцю тлумачыцца захаванасць тканіны ў пахаваннях архірэяў, выяўленых у Сафійскім саборы ў Полацку. Звесткі аб першым з іх утрымліваюцца ў «Дзённіку Полацкага Сафійскага манастыра» [1, с. 343]. «Дзённік...» («Acta monasterii Polocensis S. Sophiae...») – манастырская хроніка, якая апісвае падзеі 1745–1767 гг. і была надрукавана ў дзясятым томе «Археаграфічнага зборніка дакументаў» ў 1874 г. [1; 8, с. 167].

«Дзённік...» паведамляе, што ў 1747 г. пры рамонце рабочыя знайшлі ў сцяне Сафійскага сабора грабніцу. У ёй змяшчаліся парэшткі чалавека ў архіепіскапскім убранні. Аўтар хронікі пералічвае элементы ўбрання: сакас; амафор «*i g.d.*»; туфлі з крыжамі на насках; параман з выявамі Дзевы Марыі, святога пантыфіка Аляксандра, святых Антонія, Васіля «і іншых [святых]»; крыж-каравака з рэліквіямі. Пахаванне, верагодна, належала полацкаму ўніяцкаму епіскапу Гедэону Бральніцкаму, які памёр у 1618 г. [1, с. 343; 3, с. 30].

Сакас, амафор і параман з’яўляюцца элементамі ўбрання, характэрнымі для праваслаўных архірэяў. У той жа час абутак з выявамі крыжа не быў уласцівы для адзення праваслаўных епіскапаў. Такія туфлі, як падкрэслівае храніст, насілі каталіцкія біскупы пры набажэнствах [1, с. 343]. Можна меркаваць, што спалучэнне ў строі пахаванага епіскапа элементаў, уласцівых убранню праваслаўных і каталіцкіх архірэяў, пры дамінаванні першых, адлюстроўвала заходнія ўплывы на ўніяцкую царкву XVII ст.

Згаданы крыж-каравака, верагодна, з’яўляўся наперсным крыжам – яшчэ адной дэтאלлю епіскапскіх строяў. Згодна з паведамленнем, ён утрымліваў нейкія рэліквіі, гэта значыць, з’яўляўся энкаліпіёнам. Тэрмін «каравака» («caravaca») азначае шасціканцовы крыж з двума перакладзінамі, верхняя з якіх карацейшая за ніжнюю. Сваю назву крыж такой формы атрымаў ад іспанскага горада Каравака-дэ-ла-Круз, дзе захоўваўся шасціканцовы крыж-рэлікварый. Ён набыў папулярнасць у час Трыдэнцкага сабора і ў свядомасці тагачасных людзей успрымаўся як надзейная абарона ад чумы. Такі крыж-каравака з сярэдзіны XVI ст. набыў пашырэнне і ў Рэчы Паспалітай [13]. Адзначым, аднак, што шасціканцовая форма не з’яўляецца асаблівасцю выключна крыжа-каравакі: аналагічную форму меў крыж Еўфрасінні Полацкай.

Інфармацыю аб яшчэ адным архірэйскім пахаванні, выяўленым у Сафійскім саборы, прыводзіць А. П. Сапуноў. Вядомы гісторык і краязнаўца ў 1912 г. быў запрошаны праводзіць экспертызу выяўленых парэшткаў, высветліў іх прыналежнасць уніяцкаму архіепіскапу Фларыяну Грабніцкаму і пакінуў падрабязнае апісанне інвентару [6, с. 353–354]. У пахаванні Фларыяна Грабніцкага захаваліся рэшткі адзення з каштоўных тканін (амафор, сакас, чорная сутана з чырвонымі гузікамі, паліца), галаўныя ўборы (скуфейка і мітра), абутак (сандалі), пальчаткі, крыж-рэлікварый, а таксама два пярсцёнкі. Твар памерлага быў закрыты шаўковым платком («воздўхом»), упрыгожаным пазументам [6, с. 352–353].

¹ Работа выканана ў межах праекта Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў «Пахавальныя помнікі Полацка XI–XVIII стст. у кантэксце развіцця сінхронных некропалей Беларускага Падзвіння: пахавальны абрад, інвентар, палеаантрапалагічная характарыстыка» (нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20221071 ад 06.07.2022).

Як і ўбранне Гедэона Бральніцкага, строй Фларыяна Грабніцкага дэманструе спалучэнне элементаў, уласцівых як праваслаўнаму, так і каталіцкаму архірэйскаму ўбранню. Так амафор, сакас, паліца, скуфейка, мітра, а таксама крыж-машчавік адносяцца да праваслаўнага архірэйскага ўбрання. Чорная сутана з чырвонымі гузікамі характэрна для строя каталіцкага епіскапата. Такое спалучэнне элементаў адлюстроўвала гістарычную спецыфіку ўніяцкай царквы. Наяўнасць сандаляў і пальчаткаў, якія не з'яўляюцца дэталлямі менавіта архірэйскага ўбрання, адпавядала наяўнай практыцы.

Платок, які закрываў твар, адносіцца выключна да пахавальнага ўбору і ў Паўночнай Беларусі адзначаны толькі ў названым выпадку. На суседніх рускіх землях фрагменты тканіны, якой закрывалі твар, таксама сустракаюцца ў пахаваннях прадстаўнікоў вышэйшага духавенства [4, с. 283–284; 12, с. 161].

Адзначым, што ў больш раннім пахаванні Гедэона Бральніцкага адсутнічаюць рэчы, якія не адносяцца да адзення і ўбрання архірэя. У больш познім пахаванні Фларыяна Грабніцкага маюцца пярсцёнкі, якія не з'яўляюцца ні прадметам адзення, ні дэталля архірэйскага ўбрання. Адзін з іх уяўляў сабой залаты пярсцёнак-пячатку з сердалікавай устаўкай, на якой быў выразаны герб «Астоя» і літары «F N A P» – «Florianus Hrebnicki Archiep. Polocensis» [6, с. 352–353]. Гэты пярсцёнак указваў на высокі сацыяльны статус уладальніка. Тэндэнцыя да павелічэння ў больш позні час колькасці рэчаў, з якімі хавалі прадстаўнікоў вышэйшага кліру, характэрна таксама для ўкраінскіх і земляў [2, с. 124; 5, с. 161].

Убранне полацкіх ўніяцкіх архірэяў Гедэона Бральніцкага і Фларыяна Грабніцкага адлюстроўваюць і мясцовую пахавальную практыку. Калі ў пахаваннях праваслаўных епіскапаў, даследаваных у Кіеве, сакас вядомы з пачатку XVIII ст., а параман – з сярэдзіны XVIII ст. [5, с. 161], то ў Полацку гэтыя элементы ўбрання прысутнічаюць ўжо ў пахаванні Гедэона Бральніцкага, які памёр у 1618 г.

Такім чынам, звесткі аб пахаванні Гедэона Бральніцкага з «Дзённіка Полацкага Сафійскага манастыра» і аб пахаванні Фларыяна Грабніцкага з паведамлення А. П. Сапунова ўтрымліваюць інфармацыю аб пахавальным інвентары. У абодвух выпадках ён прадстаўлены дэталлямі архірэйскага ўбрання, якія адпавядаюць статусу пахаваных. Высокае грамадскае становішча пахаваных у Сафійскім саборы Полацка ўніяцкіх епіскапаў збольшага рэпрэзентуецца гэтак жа, як і ў выпадку з пахаванымі ў Дабравешчанскай царкве Віцебска прадстаўнікамі свецкай эліты – праз месца пахавання (у храме), багатую вопратку, наяўнасць упрыгажэнняў. Пры гэтым вопратка епіскапаў – архірэйскае ўбранне – адпавядае іх духоўнаму сану. Пахаванні адрозніваюцца вялікай колькасцю прадметаў пахавальнага інвентару, што вылучае іх з ліку сінхронных пахаванняў, збольшага безынварных. Часткова гэта тлумачыцца спрыяльнымі ўмовамі, якія існавалі ў храме для захавання рэчаў з арганічных матэрыялаў. Наменклатура рэчаў у абодвух пахаваннях таксама адрозніваецца разнастайнасцю, што нетыпова для пахавальных помнікаў Полацкага і Віцебскага ваяводстваў. Пахавальны інвентар спалучае элементы, характэрныя для праваслаўнай і для каталіцкай традыцый пры дамінаванні першых. Гэта адлюстроўвае адметнасць уніяцкай царквы і яе гістарычнага лёсу. Пры гэтым элементы ўбрання як знаходзяць паралелі на суседніх украінскіх і рускіх землях, так і адлюстроўваюць рэгіянальную спецыфіку, характэрную для Беларускага Падзвіння.

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Т. 10. – Вильна : В типографии О. Блюмовича, 1874. – VIII с. + 392 с.
2. Беляев, Л. А. Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г. / Л. А. Беляев, М. А. Капитонова // Российская археология. – 2013. – № 4. – С. 116–125.
3. Грыгаровіч, І. І. Беларуская іерархія / І. І. Грыгаровіч. – Мінск : БелЭн, 1992. – 102 с.
4. Ёлкина, И. И. Текстиль из захоронений XVII в. в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря / И. И. Ёлкина // Краткие сообщения института археологии. – М., 2014. – Вып. 236. – С. 281–285.
5. Мельник, О. О. Поховальні пам'яткі Кіева XVI–XVIII ст. : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.04 – археологія / О. О. Мельнік ; Інститут археології НАН України. – Київ, 2017. – 397 с.
6. Сапунов, А. Чей прах покоится в нише полоцкого Софийского собора? (Доклад в ученой архивной комиссии) / А. Сапунов // Полоцко-Витебская старина. Издание Витебской ученой комиссии. Вып. II. – Витебск : Типолит. Насл. М. Б. Неймана, 1912. – С. 351–358.
7. Сысоў, У. М. З крыніц спрадвечных / У. М. Сысоў. – Мінск : Выш. шк., 1997. – 415 с.
8. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – 303 с.
9. Чараўко, В. У. Інвентар пахаванняў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. (да пытання аб безынварнасці пахаванняў) / В. У. Чараўко // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010 г. / [рэдкал.: Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, Н. Ю. Шаркоўская]. – Мінск : Медисонт, 2012. – С. 275–280.
10. Чараўко, В. У. Характарыстыка пахаванняў ранняга новага часу ўнутры Дабравешчанскай царквы ў Віцебску / В. У. Чараўко, Т. С. Бубенька // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. артыкулаў V Міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 красавіка 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агулн. рэд. А. І. Корсак (адк. рэд.), В. У. Чараўко, У. Я. Аўсейчыка. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 91–94.
11. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. II / П. В. Шейн. – СПб. : Типография императорской Академии наук, 1890. – XXXII с. + 708 с.
12. Шиманский, Г. И. Литургия: таинства и обряды / Г. И. Шиманский. – М. : Сретенский монастырь, 2003. – 351 с.
13. Karawaka [Electronic resource] // Zbiór artykułów związanych z małą architekturą sakralną i historią. – Mode of access : <http://kapliczki.org.pl/kapliczki/Karawaka>. – Date of access: 18.03.2023.

Мининкова Л.В., Молодченко О.А.
РИМСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПЕТРОВСКОГО ДИПЛОМАТА
(СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК 1707 Г. КНЯЗЯ Б.И. КУРАКИНА)

В годы царствования Петра I активно развивались дипломатические связи России с итальянскими государствами. Среди русских дипломатов, которые посылались в Италию и выступали в роли послов и посланников по особым поручениям, был дипломат и писатель, князь Борис Иванович Куракин. По оценке выдающегося советского историка М.А. Алпатова, он был «самым замечательным из тех "птенцов гнезда Петрова", которые имели дело с западной Европой» [1, с. 212]. Среди его богатого письменного наследия есть описания его пребывания в Италии с дипломатическими поручениями. Дипломатические цели визита определялись необходимостью для воевавшей России укрепления отношений со Святым Престолом как с исключительно значимой величиной в европейской политике. Прежде всего, Россия добивалась, чтобы Рим не признавал в качестве польского короля Станислава Лещинского, который опирался на помощь шведов. Это важнейшее для российской дипломатии положение было изложено в грамоте Петра I папе Клементию XI. Текст этой грамоты был приведен в статейном списке князя Б. И. Куракина, присланный к нему вице-канцлером П.П. Шафировым [4, л. 15–15 об]. Русская дипломатия проводила при этом идею, что Россия ведет борьбу против противника католического мира, которым является шведский король Карл XII.

Одним из произведений князя Б.И. Куракина является его дневник, относящийся к 1705–1707 гг. и опубликованный в 1890 г. [2, с. 176–222]. Ему принадлежит еще один текст, относящийся к его пребыванию в Италии, почти исключительно в Риме, при папском дворе. Это его статейный список 1707 г., который до сих пор не публиковался.

Статейный список является официальным документом, который составлялся для Посольского приказа. Это был своеобразный отчет посольств. В царствование Петра I такие отчеты составлялись очень подробно. Два текста Б.И. Куракина имеют между собой взаимную связь. Так, в своем дневнике автор довольно подробно разбирает смысл и значение слов, которые были распространены в быту папского двора, дает характеристику кардинальским дворам, в том числе о денежном жалованье служителей этих дворов, приводит список кардиналов начиная с папы Клементия II (так. На самом деле – Клементия XI – авт.), которые, как он писал, «были в мою бытность» [2, с. 183–184]. Дает он сведения о некоторых подробностях церемоний при папском дворе, о кардинальской одежде и о провианте. Он также сообщал, что многие «князья римские» «живут под протекциею других потентатов, как цесаря, короля французского и гишпанского и других». Это они делают «для своей благости», поскольку «принадлежат на себя во всяком суде до амбашатура того потентата, а не римского суда» [2, с. 190]. Он указывал на владения «принцев», или князей, которые располагались в горах рядом с Римом. Называл он эти владения «вилля», как они именовались в соответствии с древнеримской традицией, указывал князей, которым они принадлежали [2, с. 191–192]. Он писал, что в самом Риме имеются места, относящиеся к деятельности «великого и славного философа Чичерона». Дом, который связывают с ним, «доныне цел». Есть также «старые 7 салов, или палат, где, сказывают, что тут учил народ и давал елекциони». Еще одно сооружение, отмеченное Б.И. Куракиным, сохранилось будто бы «от Нерона мучителя», в нем он «имел розных зверей, и для мучительства травил христиан теми зверями в том дому» [2, с. 192].

В своем дневнике Б.И. Куракин отметил отношение римского населения к своей власти. По его сведениям, «народ римской ... весьма не контент быть под папою, и всегда желает и приискивает, чтоб быть под цесарем, или под кем иным, а чтоб не под церковными». Такое отношение к папской власти высказывали разные слои населения Рима, в том числе «в самых великих персонах, токмо не которыя фамилии большие, до того не склонны, малыя самыя». Объяснял он это тем, что «все управление держат церковными людьми, кардиналы, преляты и протчими, а из других фамилий николи не могут быть допущены» [2, с. 196]. Причины были, согласно автору, экономические и культурные. Экономические состояли в том, что «жителям городским римским, как торговым, ни от чего пожитку не могут достать». Культурные – в том, что «все временные забавы под заказом, как комедии, оперы и другия» [2, с. 196]. Тем не менее, римский народ не был полностью лишен развлечений. На протяжении недели был карнавал, когда по улице «Курсо (Корсо)» можно «ездить на машкарах и в разных одеждах» и проводят по этой улице скачки. Проводятся «Фестини, или по французски балы, где танцуют в домех принцов и других персон». «Серенады, то есть музыка с певчими, на подобие оперы», проводятся «только что не в театруме – в каморах» [2, с. 201], или в частных домах знати. Б.И. Куракин писал и о римских развлечениях иного рода. Он писал, как францисканцы «Считали себя святыми и обманывали народ, а паче всего женский пол». Когда женщины приходили молиться к ним церковь, они брали их за алтары и чинили блуд» [2, с. 204].

Что касается другого текста Б.И. Куракина, его статейного списка, то стилистика его иная, чем у опубликованного дневника. Главное внимание автор уделял в нем описанию повседневных событий своего пребывания в папском Риме. Это соответствовало традициям Статейных списков, поскольку в Посольском приказе стремились узнать конкретные события, порядок приема посла и посланника, а также ход переговоров, в которых он участвовал. Существенное значение имела для Посольского приказа датировка. В дневнике Б.И. Куракин ставил даты от случая к случаю. В статейном списке он ставил даты значительно чаще, иногда с указанием не только дня, но и часа. Начиная с 11 (21) мая он иногда указывал даты не только по юлианскому, но и по григорианскому календарю. Также статейный список включает в себя тексты некоторых официальных документов, таких, как письма, направлявшиеся посланнику из Посольского приказа и подписывавшиеся Г.И. Головкиным или П.П. Шафировым. Кроме того, в соответствии с порядком составления статейных списков, Б.И. Куракин приводил речи. Это были речи или его собственные, или лиц, с которыми он имел общение, или папы Клементия XI, или кардиналов, с которыми он вел переговоры, прежде всего особенно благожелательного по отношению к нему кардинала Павлюция, или других лиц. Несомненно, что это были лишь изложения речей, со стремлением передать основные мысли говорившего. С изложением передавались высказывания некоторых других лиц.

Отдельные стороны своей дипломатической миссии в Риме он выделил и описал особенно подробно. Прежде всего, это касалось такой важной для государственных отношений стороны, как церемониальная, от которой зависит престиж государя и государства. Вопрос этот выдвинулся с самого начала прибытия его в Рим, когда русскому посланнику предстояла аудиенция при папском дворе и прием его папой. Поэтому в статейном списке присутствует довольно подробный раздел «О церемониях римского двора и других к тому поведений». Включая этот раздел, Б.И. Куракин считал необходимым ознакомить служащих Посольского приказа. Договариваясь о конкретных подробностях церемонии, князь «просил стула, чтоб сидеть», и идти «со шляпою и шпагою». Это было «учинено», «только стула не дано, а оговорились, что даетца одним князьям владеющим» [4, л. 9 об. – 10]. При разъяснении порядка приема русского посланника папой ему указали, что «идти с шляпою и шпагою». В начале приема посланник должен был «кленчить на одну ногу (вставить на колено – авт.), не кланятца, как все католики делают, и пощед к середине, также кленчить, а потом третье кленчить, а потом в третье кленчить и целовать ногу» [4, л. 2]. Далее Б.И. Куракин сообщал о споре по поводу церемонии, которую он затеял с принимающей стороной. Он заявил, что полученные им «инструкции из канцелярии» о «преждебытностях у здешнего двора», прежние послы «не отправя дело от к.ц.в. и не подав грамоты, ноги не целовали, и в приходе первой такой униженной церемонии не делали и не кленчали» [4, л. 2 об. – 3]. В пример он приводил посланника от «царского величества» генерала Менезиуса, который был «нации скотцкой и закону католицкого», который дважды «кленчил и целовал ногу» папе Иннокентию, и генерала Шереметева, который на приеме «грамоту подал, потом целовал ногу однажды, и с тем отшелъ» [4, л. 3]. Кардинал Павлюций, ведавший подготовкой этой аудиенции, отвечал: «В церемониях перемены учинить не можно». Но предложил «сыскать в прежних журналах, как присланные прежде бывшие посланники, и генерал Шереметев то чинили». По справке «на письме и за печатью церемониемастера» было «выписано», что Шереметев на аудиенции «целовал ногу с приходу, с почтением». Он «кленчил обыкновенно, а после, подал грамоту и отправлял дело, а потом при отходе вдругорядь целовальъ» [4, л. 3 об.].

Все-таки, в соответствии с протоколом, Б.И. Куракину пришлось участвовать в такой «униженной церемонии». Войдя «в камору» и увидев папу, он «кленчил только на одно колено, а потом посередине также, а в третье у самого рундука на оба колена и целовал ногу». И «потом кленчилъ трижды, отходя таким порядком, как вошел, только ноги не целовал» [4, л. 6]. В своей речи перед папой Б.И. Куракин подчеркивал, что московское правительство пошло на значительные уступки католикам. Это было, прежде всего, «вольное отправление веры католицкой, строение кастелов и кляшторов на Москве». По сравнению с положением в Московском государстве католиков в XVII в. в самом деле произошли значительные улучшения. В XVII в. сказывались условия русско-польского противостояния. Изменению положения способствовал Вечный русско-польский мир 1686 г. и последующие союзы против Турции, а затем Швеции. Как говорил в речи перед папой Б.И. Куракин, государь «особливо честных отцов соизволяет, но еще ... миссионеров в Китай и в Персию свободным пропуском изволяет пропускать» [4, л. 5]. В другой своей речи на этом же приеме он говорил о шведском короле как о враге не только Московского государства, но и католической церкви, так как Карл XII есть «протекторъ закону люторского». Поэтому в Польше он «многие кастелы римские обратил силою в свое соборище и в разорение» [4, л. 5 об.].

Кроме того, Б.И. Куракин остановился на таком остром вопросе в отношениях между Московским государством и Римской курией, как отношение с униатами. Он подчеркивал, что московский государь всегда «имел склонение ко отцу святому и к престолу римскому», и поэтому «дал вольность

всем живущим, которые как самовольно будут к унии свое склонение иметь» [4, л. 5 об.]. В речи папы на этой аудиенции русскому посланнику было заявлено о непризнании Святым Престолом Станислава Лещинского в качестве законного польского короля. При этом папа заявил, что Станислава католические государи, «цесарь и король французской, также и другие, познали за короля». Причиной непризнания со стороны Рима папа указывал, что «мы того прежде признание всей Речи Посполитой по обыкновению не прав и верности не признаем», и «остерегаем, чтоб Речь Посполитая в невольности» [4, л. 5–5 об.]. Такое уверение, полученное от папы, было успехом дипломатической миссии Б.И. Куракина в Риме. И в дальнейшем, по существу за все время своего посольского пребывания в Риме, проявлял особый интерес к вопросу о признании Святым Престолом Станислава Лещинского. О твердости позиции Рима в этом вопросе свидетельствовало приведенное русским посланником описание аудиенции, на которой он сам не присутствовал и которую описывал по полученным им сведениям. Он писал, что 10 июня была аудиенция епископа де Люкко, который просил папу признать Станислава королем. Как писал Б.И. Куракин, в ответ на это предложение «отец святой с великим криком отказал». И при этом объявил, что «имеет Речь Посполитая доброго протектора, царя московского, которой хочет их вольности содержать и николи того не учинить, преже Речи Посполитой» [4, л. 12 об.]. Конечно, описано слишком театрально, чтобы признать достоверность эпизода. Оно, скорее всего, свидетельствует о литературном мастерстве Б.И. Куракина. Но, несомненно, то, что просьба о признании шла от французского епископа, и в ней выражалось стремление французской стороны поддержать Станислава. И также несомненно, что в Риме не собирались отказываться от непризнания прав на престол Станислава Лещинского.

Церемонии были, кроме того, весьма действенным средством борьбы с противником со стороны ближайшего папского окружения и послов. Как писал Б.И. Куракин, когда 31 июля – 10 августа кардинал Калонна, называвшийся Б.И. Куракиным в числе его противников, обещал к нему приехать в определенный день, но приехал уже ночь и приехал «без свечь», «и тем себе учинил респект, а мне низость» [4, л. 26 об.]. Для посла в этом была некоторая неожиданность. Он как бы предупреждал будущих посланников и Посольский приказ в целом о необходимости изучения церемоний римского двора.

Известно, что Б.И. Куракин был мастером портретных характеристик людей, как остро психологических, так и внешних. Войдя в зал, он «видель», как сидел «папа на амвоне, только об одной ступеней в креслах, под балдахинном бархатным красным, въ одеянии под исподом подризник под нем холстинной белой. А на верху на плечах только по поес, вишневая, как епанча, или мантия короткая, спереди вся застегнута пуговицами. А на голове клобук, или на образ подкапка такова ж колеру, опушена только горностаем» [4, л. 4]. В русском деловом письме и в русской литературе это было первым описанием внешнего облика римского папы, сделанное прямым свидетелем. Оно, конечно же, не было сколько-нибудь полным. Такое описание также имело значение для Посольского приказа. Аудиенция у папы прошла вполне положительно, и Б.И. Куракиным была получена в подарок «шкатула, обитая бархатом, и убрана со всякими цукарами, гораздо богата, шкудов со ста, и вина несколько бутель» [4, л. 6]. На этом подарки русскому посланнику от папы не закончились. В середине апреля от папы ему было прислано «60 фляшь вина и 4 сыра флоренских, которые стоят всякий сыр по 4 дупли, и много цукоров завидных» [4, л. 8].

Важной составной частью посольской миссии была не только аудиенция у папы, но и встречи с кардиналами, причем даже в форме визитов со стороны кардиналов. Описание этой части своего пребывания в Риме давало Б.И. Куракину лишний раз указать на свое знатное происхождение. Он подчеркивал, что даже послам, «как цесарскому, так французскому, и протчим принцам кардиналы визиты отдавать не будут. Эти визиты означали «честь государю», но и «моей властной чести, яко есть князь Корибут Куракин» [4, л. 18 об.], причем князь Корибут был новгород-северским князем первой половины XIV в., сыном князя Ольгерда Гедиминовича и его предком. Но подчеркивание своего знатного происхождения, как писал Б.И. Куракин, было важно ему не только само по себе, но и для выполнения своей дипломатической миссии. Он объяснял это тем, что в Риме у него было несколько «противников», тех, кто был на стороне Станислава Лещинского. Среди противников им был назван ряд знатных светских и церковных лиц, итальянцев, французов, поляков, в том числе «кардинал Едичи наигоршее всех», «бискупъ познанской, бискупъ луцкой» и другие [4, л. 21]. Кардинал Едичи вообще, как писал Б.И. Куракин, пытался выдавать его за обманщика. Он утверждал, что Б.И. Куракин – человек вообще «не московской нации», но был на самом деле «французъ или пемунтезецъ», «которого бутто некоторым временем давно видали в Пимонте». Это было не случайно. Кардинал Едичи был среди тех, кто «просил папу, чтоб Станислава признать». Защитником русского посланника выступал кардинал Павлюций. Этот кардинал, как писал Б.И. Куракин, «стоял за меня, и говорил, что есть фамилии честной Карибутов, крови королевской, и богатства при себе имеет на полмиллиона» [4, л. 22]. Вообще, судя по этому эпизоду, попытка представить Б.И. Куракина недостойным своего ранга посланника, не имела успеха.

Сведений о своем ознакомлении с внутренней жизнью Рима в статейном списке Б.И. Куракина немного. По приглашению ректора Клементинского колледжа, он 21 / 11 августа был в колледже, ему там довелось «смотреть аратория и музыки», «звоны». На слушаниях присутствовал ряд кардиналов, в том числе поддерживавшие русского посланника кардиналы Павлюций и Сакрифонте, и тот, кого он указал в числе своих противников, кардинал де ля Тремулей. Колледж был аристократическим, в нем учатся, указывал Б.И. Куракин, «принцы, дуки, маркизы, бароны и другие знатные, и самое шляхетство, а простых никуда не пустят в то коллежиие учитца». Учеба была платной, за месяц выходило 8 шкудов [4, л. 28 – 28 об.]. Он также сообщал, как 6 сентября, или 26 августа он ездил с кардиналом Сакрипантием в благотворительное учреждение. В нем «девок и найденошков кормят и учат всякому розному ремеслу, которого сами питаютца, и от того ж ремесла себе копят во всю свою тут бытность, с чем могут идти замуж» [4, л. 30].

Но в целом описанию того, что непосредственно не относилось к дипломатической миссии, к встречам с отдельными влиятельными кардиналами, Б.И. Куракин в своем статейном списке, в отличие от дневника, не давал. Это соответствовало особенностям статейного списка как документа Посольского приказа, где главной темой являлись отношения между государствами и все, что связано с ними.

Завершение своего посольства в Рим Б.И. Куракин представлял как удачное. Ему удалось завязать связи со знатными римскими прелатами, установить с ними личные отношения. Знаком положительного отношения к царю был подарок папы, сделанный по просьбе царевича Алексея и представлявший собой крест с мощами святого «Алексея человека божия» [4, л. 37]. Об удачном завершении миссии при папском дворе свидетельствует описание им последней своей аудиенции у папы 9 / 19 октября. На ней было выражено удовлетворение состоянием отношений между Москвой и Римом. 10 / 20 октября, окончив свою посольскую миссию, Б.И. Куракин отбыл из Рима в Венецию.

Итогом миссии Б.И. Куракина в Рим 1707 г. было закрепление поддержки Святым Престолом позиции Петра I в отношении непризнания королем Станислава Лещинского, поставленного при поддержке шведских сил. На самом деле степень успеха дипломатической миссии была не так высока, как это представлял Б. И. Куракин. От папы он получил только устное заявление о непризнании Римом Станислава Лещинского. Поэтому, по справедливой оценке современного исследователя Г.М. Карпова, она была успешной только наполовину [3, с. 18]. Но результат этой миссии был не только дипломатическим, но и литературным. Дневник является вкладом в развитие в России популярных в то время жанров – дневниковых записей и описаний путешествий, со стремлением к документальной точности. Что касается статейного списка, то при всей своей документальной и деловой направленности в нем прослеживаются черты интересного литературного произведения, с живыми описаниями страны, внешности и характеров людей, папы и римских прелатов. Статейный список позволяет дополнить представление об уровне писательского мастерства Б.И. Куракина.

1. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. (XVII – первая четверть XVIII века) / М. А. Алпатов. – М. : Наука, 1976. – 458 с.
2. Архив князя Б. И. Куракина : в 10 т. / под ред. М. И. Семевского. – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1890–1902. – Т. 1. – 421 с.
3. Карпов, Г. М. Борис Иванович Куракин / Г. М. Карпов // Вопросы истории. – 2007. – № 9. – С. 18–32.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 78. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–38 об.

Базарова Т.А.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК СТОЛЬНИКА С.А. КОЛЫЧОВА И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В 1714 Г.

Подписанный русскими послами П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым Адрианопольский мирный договор ознаменовал окончание русско-турецкой войны 1710–1713 гг. 31 августа 1713 г. стольник Д.А. Бестужев-Рюмин доставил в Адрианополь, где находились султанский двор и правительство, грамоту о ратификации этого договора Петром I. В октябре мир был ратифицирован турецкой стороной. Русские послы рассчитывали, что после этого они смогут вернуться на родину. Однако Высокая Порта приняла решение задержать дипломатов до окончания разграничению земель.

П.П. Шафиров отправил Петру I просьбу указать киевскому и азовскому губернаторам назначить своих представителей в комиссии по разграничению земель. В конце 1713 г. Д.М. Голицына и Ф.М. Апраксина вызвали к царскому двору, поэтому ответственным за определение границы «от Дону до Днепра» указали быть находившемуся в Харькове П.М. Апраксину. Ему надлежало не только сформировать комиссию («к тому делу комиссаров из знатных людей определить»), но и лично разрешать споры между русскими и турецкими комиссарами [4]. Главой комиссии стал стольник Степан Андреевич Колычов (Колычев) (1673–1735). Он был опытным администратором: в 1707–1710 гг. занимал должность воронежского коменданта, затем стал обер-комендантом крепости

Осеред. В 1713 г. по указу Петра I стольника назначили вице-губернатором Азовской губернии [1]. 30 ноября 1713 г. царь подписал полномочную грамоту С.А. Кольчова на разграничение земель с Османской империей [2, с. 213–214]. П.М. Апраксин дал главе комиссии инструкцию (наказ), где оговаривались различные варианты действий.

В состав пограничной комиссии вошли стольники И. Тевяшов и А. Полибин, а также представители украинского казачества генеральный есаул Василий Журавский и генеральный бунчужный Яков Лизогуб [3, л. 7–9 об.]. По просьбе П.М. Апраксина из Москвы прислали канцеляриста Ивана Клишина. В комиссию включили двух переводчиков: турецкого и татарского языков Муртазу Тяфкелева, а также греческого, итальянского и турецкого языков Ивана Суду. Комиссарам придали два эскадрона драгун (900 человек) и батальон солдат (500 человек), а также 1000 казаков.

В фондах РГАДА, РГАВМФ и Архива СПбИИ РАН сохранилась переписка С.А. Кольчова и других комиссаров с П.М. Апраксиным, П.П. Шафировым и Б.П. Шереметевым, освещающая основные события, происходившие на русско-турецкой границе летом 1714 г. Однако наиболее подробным и содержательным источником, раскрывающим различные стороны работы пограничной комиссии, является отложившийся в РГАДА среди бумаг Посольского приказа отчет русских комиссаров – «Статейный список великого государя его царского священного величества российских комиссаров, определенных по учиненному между его царским величеством и салтаном турецким в прошлом 1713-м году июня в 13 день трактату для разграничения земель их величеств государств Российского и Турецкого, ближнего стольника и вице-губернатора Степана Андреевича Калычова с товарищи, учиненной в 1714-м году августа в 26 день» [3, л. 5].

Текст документа написан несколькими почерками (как беглым, так и четкими писарскими). Помимо архивной фолиации в правом верхнем углу сохранилась современная тексту нумерация (л. 1–278). На полях листов имеются скрепы трех комиссаров: «вице-губернатор Степан Кольчов», «полковник Иван Тевяшов», «камендант Андрей Палибин». Статейный список охватывает события с 10 января (в этот день С.А. Кольчов получил указ выехать в Харьков) по 28 июля (доставлено письмо П.М. Апраксина с поздравлением с окончанием разграничения и распоряжением прибыть к нему) 1714 г.

Таким образом, отчет был подготовлен, заверен членами комиссии и передан в Посольский приказ через месяц после окончания ее работы. Статейный список имеет форму ежедневного журнала, в который включены тексты царских грамот, инструкций и других полученных С.А. Кольчовым документов, а также писем П.М. Апраксина, Г.И. Головкина, П.П. Шафирова и турецких комиссаров. К отчету также приложены «описание границы, учиненной в 1714-м году в июле месяце...», «записка между устей рек Самары и Орели, подле реки Днепра и от реки Днепра до реки Дону по верстомерному колесу тысячным верстам и бывшим комиссарским станам июня з 10-го, июля по 5 число 1714-го», а также выполненная И. Судой копия межевого письма турецких комиссаров [2, л. 270–278 об.].

Несмотря на то, что П.П. Шафиров настаивал на начале работы комиссий в 1713 г., размежевание территорий началось только летом следующего года. Турецкая сторона отказалась приступить к разграничению из-за суровой зимы и недостатка подножного корма для лошадей. 12 мая 1714 г. С.А. Кольчов и его помощники прибыли «на реку Арель к городку Нехворощу», оттуда направились к Царичанке, а затем к Днепру. В месте впадения в него р. Проточи комиссары дожидались своих османских коллег. Судя по статейному списку, между русскими и турецкими комиссарами в мае велась оживленная переписка (письма по очереди переводили М. Тяфкелев и И. Суду). Первый съезд состоялся только 4 июня. В статейном списке содержится подробное описание событий этого дня. Две комиссии стояли двумя лагерями (станами) напротив друг друга. Между станами разместили большой султанский шатер, в котором велись переговоры. На первую встречу русские и турецкие комиссары отправились в коляске «о шти конях» в сопровождении драгун и нерегулярной конницы.

Османскую комиссию возглавлял нишанджи Ибрагим-эфенди, в ее состав также входили Мегмет-эфенди и Кадымурат-эфенди. Комиссаров сопровождал представитель крымского хана перекопский бей Мегмет-ага. После взаимных обвинений в промедлении, русские комиссары показали свою верительную грамоту и попросили турков сделать тоже самое. Османские комиссары заявили, что у них имеются только инструкция и копия Адрианопольского договора. Переводчик М. Тяфкелев зачитал седьмой пункт трактата, в котором шла речь о разграничении земель.

На конференции комиссары согласовали принципы установления границы. Сначала было решено определить середину между реками Самара и Орель по времени проезда равномерным конским шагом («разъездом с часами»). Там насыпать два кургана высотой в 3 аршина, далее идти от Днепра до истоков этих рек.

5 и 6 июня 1714 г. состоялись первые разъезды. Вернувшиеся вечером в свои станы русские и турецкие посланцы доставили одинаковые сведения. Комиссары согласились, что найдена середина и по традиции обменялись подарками. 9 июня на расстоянии примерно 9,6 м друг от друга были насыпаны первые курганы. Разграничение земель началось быстро и без конфликтов. На первом участке

заранее оговоренные пять знаков закончили устанавливать уже 14 июня. Через три дня поставили и шестой знак на реке Терновке. Быстрое разграничение было связано с четкой записью в Адрианопольском договоре: «по самой середине меж тех рек» до их верховий. Однако дальнейшее определение границ до Дона вызвало разногласия. В тексте договора говорилось о возвращении Османской империи ее прежних владений, утраченных после взятия русскими крепости Азов. Отсутствие четкого разделения территорий в этой местности привело к первым разногласиям.

Перед русскими комиссарами стояла задача обеспечить безопасность Бахмута и Тора. Они неоднократно подчеркивали, что эти крепости являются «старинным владением царского величества». Вначале османы намеревались установить границу в трех часах езды от этих крепостей. Однако русским комиссарам удалось отодвинуть границу дальше к югу.

1 июля комиссии вышли на реку Тузловую, которая протекала к северу от Азова. Эти земли были важны уже для турецких комиссаров. Призванные в качестве свидетелей жители Азова и донские казаки спорили о принадлежности лесов и сенокосов. Глава турецкой комиссии предложил оставить их в совместном пользовании казаков и азовцев. Однако сменивший на переговорах заболевшего С.А. Колычова И. Тевяшов настоял на разграничении, чтобы в дальнейшем не было поводов для конфликтов. Компромисс был достигнут, и границей стала р. Тузловая. Всего установили семнадцать пограничных знаков (холмов), последние насыпали у устья р. Темерник 11 июля 1714 г.

Помимо территориальных споров комиссары решали проблему использования разных названий для обозначения одних и тех же географических объектов. Выход из положения помогали найти расспросы местных жителей, тщательное изучение карты (она имелась только у русских комиссаров), а также визуальный осмотр местности.

Согласно Адрианопольскому договору возле Орели разрешалось сохранить уже существовавшие русские «фортеции и поланки». Глава турецкой комиссии Ибрагим-эфенди утверждал, что в трактате речь шла о малых крепостях с военными людьми и пушками. Русские комиссары настояли, что «поланка» – это место, огороженное забором или частоколом, «хотя и с одним вооруженным казаком».

В ходе перевода и согласования межевых записей русские комиссары столкнулись с еще одной проблемой. Они с удивлением обнаружили, что в турецком тексте Петр I назван «царем московским». Иван Суда, который ранее в Посольской канцелярии переводил грамоты с турецкого языка, пояснил, что османы именно так именовали Петра I. У комиссаров был образец написания полного титула государя и инструкция, по которой они при необходимости могли использовать в официальных документах «царское величество». Также у них имелись тексты Адрианопольского договора (1713) и межевой записи Е.И. Украинцева (1705), где употреблялось «царское величество». На османских комиссаров не подействовал и аргумент, что султан Ахмед III принимает грамоты Петра I с его официальным полным титулом. Следуя инструкции, С.А. Колычов написал П.М. Апраксину, который запретил уступать в этом вопросе. «Удобный способ» нашли только после долгих и жарких споров, грозивших свести на нет всю многодневную работу обеих комиссий. Русские комиссары согласились на османское предложение составить межевые письма без написания титулов. С.А. Колычов настоял, что подпишется «по сему: великого государя его царского пресветлого величества ближней столник и вице-губернатор и определенный комисар Степан Колычов» [3, л. 247, 259]. 13 июля главы комиссии обменялись письменными свидетельствами, а затем и ценными подарками.

Таким образом, статейный список раскрывает не только «механизм» работы пограничной комиссии, но и ряд проблем русско-турецких отношений после Адрианопольского мира. Помимо описания переговоров и процесса разграничения территорий, документ содержит ценнейшие сведения, касающиеся быта и повседневной жизни комиссаров, а также формальных и неформальных контактов с османскими коллегами. Так, 4 июня в шатре для переговоров русских комиссаров угощали конфетами и кофе: «И потом два особливые служители принесли пред них на ценных полумисках конфет, и на оные полумиски положенные по малой ложке костяной. И поднесли российским и турским комиссаром тот конфет в двух же, и потчеваны тем конфетом. По конфете принесли в разных чашках кофе и подали обоим же сторонам комиссаром как российским, так и турским в друг же» [3, л. 71].

21 июня турецкие комиссары выехали в сторону Бахмута, отправив обоз другой дорогой. В статейном списке отмечено, что османы были вынуждены остановиться на ночлег «на одной балке близ стану российских комиссаров без обозов своих и бес полаток, все в одной кибитке перекопского бея». Оказавшиеся без съестных припасов турецкие комиссары обратились за помощью к российским коллегам: «чем быть им сытым, и в чем сварить есть, которое им по желанию их и послано со удовольствием и принято от них з благодарением» [3, л. 138 об.].

По оценке П.М. Апраксина работа комиссии завершилась успешно. Россия не просто вернулась к своим границам до Азовских походов, но и получила дополнительные земли, обезопасив подступы к крепостям Тор и Бахмут. После того как в Стамбул доставили межевые записи, русские послы П.А. Толстой, П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев получили отпускную аудиенцию у султана и 2 сентября выехали на родину.

Глава комиссии С.А. Колычев после подачи статейного списка в Посольский приказ вернулся в Воронеж. В 1721 г. его вызвали в Москву, где он получил должность герольдмейстера, а в следующем году стал президентом Юстиц-коллегии. 9 февраля 1725 г. Екатерина I назначила С.А. Колычева генерал-рекетмейстером. В мае того же года его снова отправили на южные рубежи Российской империи. С.А. Колычев возглавил новую комиссию по разграничению земель с Османской империей [1].

1. Комолов, Н. А. Колычев Степан Андреевич / Н. А. Комолов // Воронежская энциклопедия. – Т. 1. – Воронеж, 2008. – С. 385.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Москва : Древлехранилище, 2002. – Т. 13, Вып. 2. – 678 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 89. Оп. 1. Д. 11.
4. Bazarova, T. A. The Process of Establishing the Border between Russia and the Ottoman Empire in the Peace Treaty of Adrianople (1713) / T. A. Bazarova // *Bordering Early Modern Europe* / ed. by M. Baramova, G. Boykov, I. Parvev. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2015. – P. 121–132.

Бородина Е.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1738 Г.)

Изучение истории населения является важной проблемой, которая волнует исследователей уже долгое время. Правда, на сегодняшний день исследователи, занимающиеся историей демографии, чаще обращают внимание на такие периоды истории, которые лучше обеспечены источниками. В частности, история населения России в большей степени изучена в период конца XIX–XX в., так как на этот период приходится создание переписей, полностью охватывавших территорию и все население страны.

В то же время историография демографической истории Российского государства нового времени представляется ограниченной. Несмотря на то, что первые историко-статистические труды можно отнести к первой трети XVIII – середине XIX в., их количество в общей массе исследований, посвященных истории Российской империи, было мало. К ним следует отнести труды И.К. Кирилова, К.И. Арсеньева, П.Н. Милюкова и ряд других [1; 7; 11]. Среди советских и российских историков, занимавшихся вопросами численности и состава населения этой эпохи в первую очередь следует отметить В.М. Кабузана и Я.Е. Водарского, оставивших наиболее представительные труды по истории населения России конца XVII – середины XIX в. [2; 6].

Не были обойдены вниманием и вопросы численности населения городов рассматриваемой эпохи [8; 12]. Несмотря на это, сложность феномена русского города не позволила историкам должным образом отнестись к проблеме реконструкции состава жителей населенных пунктов, которые не имели официального статуса города, но обладали всеми признаками городского поселения. Среди таких городов следует отметить Екатеринбург, первоначально создававшийся как завод-крепость, а впоследствии превратившийся в крупный административный центр.

Ученые не раз обращались к попыткам реконструкции численности населения раннего Екатеринбурга [3; 10; 13]. В связи с этим можно предположить, что вопросы численности и состава населения завода-крепости уже хорошо известны. Тем не менее, характеризующая проблематика требует дальнейшего осмысления. Причиной этому является практически полное отсутствие сведений о том, какие источники были положены в основу исследования, каковы полнота и достоверность полученных ими данных.

По стечению обстоятельств в Екатеринбурге не была организована первая перепись, организованная в ходе проведения податной реформы Петра Великого. Город был основан в ноябре 1723 г., в период проведения первой ревизии [6, с. 50–51]. По данным переписи податного населения, проведенной здесь осенью 1727 г., в городе проживало 745 лиц мужского пола. В это число не вошли семьи управителей, духовенства, низшего офицерского состава и солдат Екатеринбургской роты. По материалам ревизии 1736 г., в Екатеринбурге насчитывалось 911 человек мужского пола [6, с. 34; 13, с. 108].

Несмотря на это, учет населения завода-крепости производился здесь не только по инициативе верховной власти, но и по указаниям горнозаводской администрации. На наш взгляд, эти источники требуют не менее пристального внимания, чем традиционно используемые для изучения численности населения страны переписи, ревизские сказки, метрические книги и исповедные росписи, так как многие документы государственно-церковного учета не сохранились. В частности, до нас практически не дошли либо отложились в виде разрозненных документов метрические книги и исповедные росписи, касающиеся ранних этапов существования города.

Наряду с переписями населения и ревизскими сказками, созданными в целях уточнения размеров налогообложения, в фондах Государственного архива Свердловской области и Российского государственного архива древних актов сохранилось несколько переписей, сделанных для иных целей. Это подворная перепись 1728 г. [14, л. 559–606], перепись всех служащих и работников горнозаводского ведомства, сделанная при передаче управления Екатеринбургского завода и находящихся в

его ведении территорий В.Н. Татищеву в 1734 г. [4], и полицейская перепись 1738 г., основной задачей которой было произвести учет боеспособного мужского населения, лошадей и оружия, необходимых для борьбы с восставшими башкирами [5, л. 308–357].

Данные документы также представляют важные сведения о составе и количестве населения Екатеринбурга. Тем не менее, как и ревизские сказки и первые государственные переписи, эти источники представляются неполными [6, с. 54; 2, с. 18–33]. Это хорошо видно на примере полицейской переписи Екатеринбурга и его окрестностей 1738 г.

Как уже было отмечено выше, перепись проводилась в условиях восстания башкир конца 1730-х – начала 1740-х гг. Целью ее создания был учет мужского населения в возрасте от 15 до 60 лет, а также выявление оружия и лошадей, рассредоточенных по дворам в стенах палисада и за его пределами («как внутри Екатеринбурга, так и в подгородных слободах с Мелковой деревней»). Полицейская перепись была организована как подворная. Переписчики регистрировали мужское население в специально разработанной для этих целей таблице, состоявшей из пяти основных колонок со следующими заголовками: «дворов», «звание людей», «лет», «лошадей», «ружей» [5, л. 308]. Столбец «ружей» был поделен на шесть более мелких столбцов: «фузей», «турок», «винтовок», «писчалей», «копей», «сайдаков». Таким образом были организованы таблицы на всех последующих листах переписи [5, л. 308–356об.].

Перепись велась по частям города. Сначала были переписаны дворы внутри крепостных стен (Канцелярская, Торговая и Церковная стороны). Затем переписчики перешли к учету населения в слободах за палисадом. В том числе был описан ближайший пригород завода-крепости – деревня Мельковка. Дворы фиксировались по линиям (улицам), с описанием, каким образом линия располагалась относительно крепостных стен или ворот. Примечательно, что в документе были зафиксированы пустые дворы либо дворы, где не проживали мужчины соответствующей возрастной категории.

В заголовке таблицы было обозначено, что переписи подлежало все мужское население за исключением «самых командиров, обор- и унтер-офицеров и рядовых салдат». В действительности в документе были зафиксированы все владельцы дворов, а также владельцы лошадей и какого-либо оружия. В переписи действительно не попали «командирские» дворы. В то же время дворы солдат и офицеров низших рангов так или иначе встречаются в документе, так как наряду с военными в них часто проживали рекруты и представители других категорий населения. Кроме того, в полицейской переписи были зафиксированы 15 женщин, а также мужчины-дворовладельцы старше 60 лет.

Перепись являлась неполным перечнем жителей города, так как не включала детей, женщин и мужчин преклонного возраста. Как и другие источники о численности и составе населения Екатеринбурга рассматриваемого периода, материалы полицейской переписи представляют неполные данные. Итоговые цифры источника требуют корректировки с учетом особенностей формирования документа и являются неточными. Несмотря на это, имеющиеся данные свидетельствуют, что результаты ревизии 1736 г., приведенные в исследованиях, являются неточными. Анализ полицейской переписи 1738 г. показывает, что в крепостных стенах и пригородах проживало не менее 1215 лиц мужского пола. Это почти на 300 человек больше числа податных лиц, зафиксированных в ревизских сказках 1736 г. Таким образом, сопоставление данных свидетельствует о необходимости сопоставления и перепроверки данных переписей источников.

1. Арсеньев, К. И. Статистические очерки России / К. И. Арсеньев. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1848. – 503 с.
2. Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. – М. : Наука, 1977. – 265 с.
3. Горловский, М. А. Очерки из социально-экономической истории русского города на Урале : (Екатеринбург в XVIII – начале 70-х г. XIX в.) : автореферат дис. на соискание учен. степени доктора ист. наук / М. А. Горловский ; Ист. фак. Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – М. : [б. и.], 1956. – 24 с.
4. Государственный архив Свердловской области. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1.
5. Государственный архив Свердловской области. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 996.
6. Кабузан, В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 230 с.
7. Кирилов, И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кирилов. – М. : Наука, 1977. – 444 с.
8. Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. / Ю. Р. Клокман. – М. : Наука, 1967. – 335 с.
9. Клочков, М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени / М. В. Клочков. – СПб. : Сенатская типография, 1911. – Т. 1. – IV. – 435 с.
10. Корепанов, Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.) / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – 252 с.
11. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – XIV, 678 с.
12. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1760-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 273 с.
13. Оруджиева, А. Г. Население Екатеринбурга: из прошлого в настоящее // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. / отв. ред. Е. С. Тулисов. – Екатеринбург : Филантроп, 2002. – С. 108–110.
14. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 271. Оп. 1. Д. 795.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОЙ МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ XVIII В.

История русской морской (корабельной и береговой) артиллерии гладкоствольного периода (от зарождения до середины XIX в.) имеет довольно обширную библиографию, однако практически все труды посвящены истории материальной части артиллерии – прежде всего самим орудиям (орудийным стволам), в меньшей степени – орудийным станкам. В историографии крайне поверхностно затрагивается вопрос об артиллерийской принадлежности (банники, прибойники, шуфлы, пальники, протравники, пороховые рога, кокоры, фонари, ведра, швабры и проч.) и артиллерийском та-келаже (тали, брюки, свартовы, гини и проч.)

Что же касается такого важного аспекта применения морской артиллерии, как подготовка личного состава, то этот вопрос практически не нашел места на страницах исторических исследований. Одной из причин этого было то, что значительная часть документов, регламентировавших боевую подготовку морских артиллеристов, до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Первое официальное русскоязычное руководство по данному вопросу было напечатано в 1837 г., но оно не имело схем расположения номеров расчета и артиллерийской принадлежности у орудий, а лишь словесное описание [8]. Более детальное руководство, с графической схемой, было издано в 1854 г., на самом закате эпохи гладкоствольной артиллерии [1].

Л. Г. Бескровный указал на наличие инструкции генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (1661–1728) «О экзерциции. Как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною...» [2, с. 147], которая может быть датирована июлем 1718 г. Эта инструкция очень лаконична, включает в себя перечень команд (без описания действий артиллеристов) и ряд общих указаний о ведении артиллерийского огня из пушек [7, л. 192 об. – 194.].

Нами были обнаружены в Российском государственном архиве Военно-морского флота два варианта инструкции об обучении морских артиллеристов: «Экзерциция (или учение пушками) на кораблях» [6, л. 26–31] и «О экзерциции морской артиллерии учения пушками во флоте и на батареях» [6, л. 5 – 10 об.] (с приложенными к ней документами «О экзерциции из мортир бомбами краткое изъяснение» [6, л. 11 – 12 об.] и «Экзерциция гаубицам на кораблях» [6, л. 13–14]).

Первая из них была записана группой офицеров морской артиллерии в конце 40-х гг. XVIII в., которые засвидетельствовали, что она применялась на протяжении всей их службы. Установлено, что один из этих офицеров, констапель А. З. Сурядной (до 1700 – после 1749), начал службу в морской артиллерии в 1717 г. [5, л. 30]. Анализ текста этой инструкции показывает, что в ее основе лежит инструкция Ф. М. Апраксина 1718 г., но она изложена значительно подробнее и содержит описание действий каждого артиллериста при ведении огня из пушек.

Вторая инструкция, вероятно, была разработана цейхмейстером (начальником артиллерии флота) Я. Я. Лейманом (до 1685–1749) в 1747 г. Она повторяет первую инструкцию (с некоторыми изменениями) и содержит описание действий расчета при гаубице и мортире (однако, в последних двух случаях без подробного объяснения действий каждого артиллериста). Эта инструкция была утверждена в качестве обязательной для обучения флотских артиллеристов решением Морской артиллерийской конторы 16 мая 1755 г. [6, л. 56 об.]

Еще один вариант инструкции обучению морских артиллеристов был опубликован Н. Г. Кургановым (1725/26–1790/96) в составленном им приложении к переводу французского труда Ж. Бурде де Вильгюе (1732–1789) [3]. Приведенная Н. Г. Кургановым инструкция является отредактированной и сокращенной версией инструкции, утвержденной в 1755 г. [4].

Эти источники позволяют не только реконструировать действия русских морских артиллеристов XVIII в. при стрельбе из орудий, но и проследить эволюцию уставных документов, а также поставить вопрос о сложном процессе перехода от устной передачи технических знаний и навыков от учителя к ученику (характерной для средневековья), к фиксации знаний в виде записей, а затем и печатных наставлений (характерных для нового времени).

1. Артиллерийское ученье и разного рода приспособления для действия артиллерию во время боя. – СПб. : Типография Второго отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1854. – 146 с.
2. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот XVIII в. (Очерки) / Л. Г. Бескровный. – М. : Военное издательство МО СССР, 1958. – 645 с.
3. Бурде де Вильгюе, Ж.-П. Наука морская, сиречь опыт теории и практике управления кораблем и флотом военным / Ж.-П. Бурде де Вильгюе ; пер. с фр. Н. Г. Курганов. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1774. – 432 с.
4. [Курганов, Н. Г.] Прибавление. Глава 3. О разных артиллерийских экзерцициях или учениях на корабле / [Н. Г. Курганов] // Бурде де Вильгюе, Ж.-П. Наука морская, сиречь опыт теории и практике управления кораблем и флотом военным / Ж.-П. Бурде де Вильгюе ; пер. с фр. Н. Г. Курганов. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1774. – С. 295–299.
5. Российский государственный архив ВМФ (далее – РГА ВМФ). – Ф. 196. Оп. 1. Д. 40.
6. РГА ВМФ. – Ф. 196. Оп. 1. Д. 53.
7. РГА ВМФ. – Ф. 233. Оп. 1. Д. 255.
8. Учение действию орудиями морской артиллерии. – СПб. : Морская типография, 1837. – 136 с.

Филимонова М.А.

ПУБЛИКАЦИИ ОФИЦЕРСКИХ ПИСЕМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ 1775 Г.)

В 1775 г. в североамериканских колониях Великобритании издавалось 37 газет. Их периодичность, как правило, была еженедельной. Тиражи были относительно невелики: 500–600 экз. Но малотиражность компенсировалась существовавшими культурными практиками, такими как коллективное прочтение газеты, например, в кофейне. Кроме того, наиболее интересные материалы перепечатывались в разных газетах (в то время в Америке не существовало авторского права). Скорость доставки новостей обычно была низкой. Например, известия о сражениях при Лексингтоне и Конкорде, происшедших 19 апреля 1775 г., дошли до Джорджии, на тот момент самой южной из восставших колоний, более чем через месяц и были опубликованы в официальной газете колонии 31 мая [2, 31.05.1775].

Потребность в информационном освещении Войны за независимость США была, естественно, весьма велика, но возможность редакторов удовлетворить эту потребность ограничивалась рядом факторов. Кроме уже упомянутых (малотиражность, низкая скорость распространения информации) действовал и такой фактор, как трудность получения новостей. Военных корреспондентов в XVIII в. не существовало. Историки журналистики приходят к выводу, что ни американская, ни британская пресса не смогли организовать ничего похожего на систему новостного освещения военных событий [7, р. 174–175]. Тем не менее, обе стороны удовлетворительно справлялись с информационной, равно как и с пропагандистской функцией. Здесь особенно интересно исследовать прессу 1775 г., когда редакторам пришлось реагировать на ситуацию начавшейся войны и вырабатывать новые дискурсивные практики.

Одним из механизмов, позволявшим снабжать читателей информацией, была публикация частных писем. Среди них особое место занимают письма солдат и офицеров. Заголовки типа «Отрывок из письма офицера из Бостона» были обычными.

Очевидной прагматической задачей такого рода заголовков было повышение доверия читателей к сообщаемой информации. Исходя предположительно от военных, новости о войне превращались в разновидность экспертного знания. Содержащиеся в таких письмах оценки событий и прогнозы представлялись более надежными. Так, «Virginia Gazette» пыталась подкрепить сообщаемый слух о мобилизации в Массачусетсе ссылкой письмо на некоего «офицера милиции» (т.е. ополчения): «Говорят, что американцы подняли штандарт Свободы в Сэйлеме и что к нему стекаются множества вооруженных людей. Эти известия становятся более правдоподобными, поскольку джентльмен, снабдивший нас этой информацией, видел письмо офицера американской милиции, в котором говорится, что... они готовы идти защищать свою свободу или утратить жизнь» [9, 24.06.1775]. В данном случае редактора, видимо, не смущал тот факт, что сам он письма не видел.

В некоторых случаях публикуемые письма снабжались некоторой информацией об их авторе, призванной внушить еще большее доверие к содержанию сообщения. Например, одна из статей в «Virginia Gazette» подавалась как «Подлинный отрывок из частного письма офицера, который служил под началом генерала Вольфе при взятии Квебека, но по причине неконституционных действий правительства в этой части света провозгласил себя сторонником американской свободы» [9, 24.06.1775].

В то же время историку, который мог бы использовать такие публикации в качестве источника по фактологии Войны за независимость, следует иметь в виду особенности функционирования прессы XVIII столетия и, в частности, публикации солдатских писем. Письма публиковались обычно анонимно. Сопоставить автора такого письма и какое-либо известное по другим источникам лицо обычно не удается. Исключение составляли только официальные отчеты командующих армиями. Например, в 1775–1776 гг. американская пресса освещала ход канадской экспедиции, в ходе которой американцы пытались захватить Квебек, по письмам полковника Бенедикта Арнольда, под началом которого и осуществлялось это неудачное вторжение. Британские читатели могли судить о первых сражениях Войны за независимость по публикациям писем генерала Томаса Гейджа, который в 1774–1775 гг. был военным губернатором Массачусетса.

Даже письма официальных лиц могли содержать недостоверную информацию. Например, отчет генерала Гейджа, напечатанный в британских газетах, представлял сражение при Банкер-Хилл как безусловный триумф британского оружия и не упоминал о тяжелых потерях, понесенных англичанами в этом сражении [8, 27.07.1775]¹. С его бравурным тоном контрастировало анонимное

¹ Чарльстаунский полуостров, на котором находится холм Банкер-Хилл, закрывает Бостонскую гавань с севера. В конце сражения американцы действительно оставили позиции, но главным образом по причине нехватки боеприпасов.

письмо, исходившее от солдата или офицера английской оккупационной армии в Бостоне. В нем те же события описывались так: «Ни в одном сражении не было убито и ранено столько офицеров в соотношении с солдатами» [8, 28.07 – 1.08.1775].

В случае анонимных писем вероятность недостоверной информации повышается. Проверить их достоверность затруднительно. Кроме того, не исключено, что письма были сфабрикованы редактором. Еще в начале XVIII в. классик английской литературы Дэниэль Дефо представил образцы такой практики. Он поощрял читателей посылать письма для своего периодического издания «Обозрение» (Revue, 1704–1713) и, вероятно, часть его публикаций была аутентичной. Но известно, что часть этих писем была сочинена самим Дефо [3, р. 51]. Так поступали и редакторы времен Войны за независимости.

Поэтому пользоваться данным источником следует с осторожностью, информация, содержащаяся в письмах, должна перепроверяться.

В то же время офицерские письма бесценны для изучения истории пропаганды. Основной посыл таких публикаций – не только информационный, но и пропагандистский.

Каждое из таких писем должно было создать собственный вариант воображаемой реальности, выгодный американской или английской стороне.

Кроме того, офицерские и солдатские письма транслировали своеобразный армейский дискурс, который также можно определить как дискурс подвига. Используемые литературные тропы, построение фраз, выбор нередких литературных или исторических аллюзий должны были возвысить повествование о военных буднях до эпического произведения.

В качестве примера можно привести «Письмо офицера одного из стрелковых отрядов», напечатанное в ноябре 1775 г. в «Pennsylvania Packet». В нем повествуется о боевом столкновении, имевшем место во время осады Бостона (продолжалась с апреля 1775 по март 1776 гг. и имела целью освобождение Бостона от англичан). В письме говорилось, в частности, об одном из эпизодов боя: «Полковник Миффлин выступил вперед, убедил генерала дать приказ о выступлении, чему мы радостно подчинились. Мы пересекли мост, предводительствуемые нашим храбрым полковником, без каких-либо потерь, хотя и под очень сильным огнем... Мы продвигались двумя колоннами вверх по склону холма с индейским кличем и в несколько минут выбили противника с его позиций». Автор при этом извинялся за свой стиль: «Вы простите мне неаккуратность стиля, ведь я и вправду тороплюсь. Всю ночь я был в бою, а теперь нам приказали двигаться к Челси» [4, 27.11.1775].

Упоминание о том, что автор письма всю ночь был в бою, создавало дополнительный эффект достоверности сообщения. Тем не менее, вопреки собственным словам, его стиль производит впечатление хорошо продуманного. Выбранные эпитеты формируют у реципиента сообщения впечатление, что Континентальная армия не просто боеспособна, но и в состоянии с легкостью побеждать даже прекрасно обученные регулярные войска англичан. Собственно, сам характер этих эпитетов граничит с повторяющимися эпическими формулами: «*храбрый полковник*»; «*радостное*» повиновение солдат; бой, победоносно заверченный «*в несколько минут*», «*без каких-либо потерь, хотя и под очень сильным огнем*».

Разновидность дискурса подвига, которая также использовалась в американской пропаганде 1775–1776 гг., – это дискурс пленения. Во время Войны за независимость англичане практиковали суровое обращение с американскими пленными. Считается, что в английских «плавающих тюрьмах» погибло больше американцев, чем на полях сражений Войны за независимость [1, р. 201].

Самым известным из узников «плавающих тюрем» был полковник Итэн Аллен (1738–1789), прославившийся взятием английского форта Тайкондерога и боевыми действиями в Канаде. Под Монреалем он был захвачен в плен. В «Отрывке из письма офицера высокого ранга», напечатанном в «Rind's Virginia Gazette», содержался подробный рассказ об этом событии: «Несчастье полковника Аллена произошло от того, что к нему не присоединились, как то было согласовано, 400 человек, с которыми он несомненно смог бы противостоять отряду, атаковавшему его, в котором было лишь 300 человек. Полковник Аллен оборонялся в течение часа с четвертью всего с сорока солдатами». Там же говорилось о поведении Аллена в плену: «Несколько канадцев были взяты в плен вместе с полковником Алленом. Офицеры регулярной армии объявили, что их предадут смерти. При этом полковник Аллен выступил вперед и раскрыл грудь¹. Он сказал, что канадцев нельзя винить; это он их сюда привел, и если кого-то следует убить, то лишь его. Это доставило ему великое уважение всех офицеров в Монреале, и сам генерал Карлтон сказал, что это печально, когда человек такого мужества, как Аллен, сражается за столь скверное дело (как он это назвал)» [6, 16.12.1775].

Здесь ситуация построена по модели популярных в XVIII в. легенд о древнеримских героях. Мужественное противостояние превосходящим силам противника, стойкость и самоотверженность во

¹ Т.е. разорвал рубашку на груди.

власти врага не могли не напомнить образованным современникам о персонажах Светония и Плу-тарха: Муции Сцеволе, Атилии Регуле и других. Особо подчеркнута, что храбрость Аллена доставила ему уважение не только американцев, но и врагов. Коллизия между героем и его протагонистами, созданная в письме, очень сценична. Неудивительно, что в 1776 г. эта сцена была воспроизведена в одном из ранних образцов американской драматургии: «Падении британской тирании» Джона Ли-кока [5, vol. 1, p. 341–342].

Мотив уважения к достойному врагу присутствует и в другой публикации «Virginia Gazette», которая показывает, как в представлении американцев выглядела позиция врага. Публикация озаглавлена «Письмо армейского офицера в Бостоне» и предположительно исходит от офицера английского оккупационного корпуса. Он пишет: «Когда я покидал Англию, служба, на которую я поступил, уже в то время была тягостной и неприятной. Но сейчас она такова вдвойне. Дело, ради которого мы сражаемся, совершенно погребено... Народ этой страны разными способами раздражает и бесит нас. Чтобы выйти из столь неприятного положения, нет ничего, на что мы бы не пошли. Клянусь... мы все единодушно оправдываем колонистов, и ежечасно молимся, чтобы лорд Н(орт) отозвал нас. После стычки 17-го мы даже хвалили войска Патнэма, которые столь доблестно сражались pro aris et foris (за очаги и алтари – лат.)» [9, 24.06.1775].

Очевиден контраст между дискурсом подвига, отличающим саморепрезентацию американцев. Для американских офицеров служба «радостна», для англичанина – «тягостна и неприятна», он не верит в успех своего дела.

Можно сделать вывод, что публикации солдатских и офицерских писем, хотя и были призваны создавать иллюзию достоверности сообщаемой информации, на самом деле не являются таковыми. Но это ценнейший источник по истории пропаганды XVIII в. и, в частности, пропагандистских дискурсов.

1. Burrows, E. *Forgotten Patriots: The Untold Story of American Prisoners during the Revolutionary War* / E. Burrows. – N.Y. : Basic Books, 2008. – 384 p.
2. *Georgia Gazette*. – 1775.
3. Hannis, G. «An Example to the Rest of your Scribbling Crew»: The Influential Literary Techniques of the Eighteenth-Century Journalist Daniel Defoe / G. Hannis // *Asia Pacific Media Educator*. – Vol. 18. – 2007. – P. 44–57.
4. *Pennsylvania Packet, the General Advertiser*. – 1775.
5. *Representative Plays by American Dramatists* / ed. J. Montrose. – Vol. 1, 1765–1819. – N.Y. : Benjamin Blom, Inc., 1964. – 688 p.
6. *Rind's Virginia Gazette*. – 1775.
7. Sloan, W. L. *The Early American Press, 1690–1783* / W. L. Sloan, J. H. Williams. – Westport ; London : Greenwood Press, 1994. – 248 p.
8. *The Edinburgh Advertiser*. – 1775.
9. *The Virginia Gazette*. – 1775.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдукаюмов Асрор Раимович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Абдурахмонов Азамат Остонакулович – стажер-исследователь кафедры всемирной истории Термезского государственного университета, маркетолог Термезского университета экономики и сервиса (Узбекистан, г. Термез)

Абеленцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Агеенко Татьяна Николаевна – научный сотрудник отдела публикации Национального архива Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (Россия, г. Челябинск)

Алексеев Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

Ананько Ольга Сергеевна – учитель истории Хвиневицкой средней школы, аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, аг. Хвиневици, г. Гродно)

Артамонова Надежда Яковлевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Россия, г. Абакан)

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Барынкин Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Басов Иван Михайлович – младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Башнин Никита Викторович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Биленко Никита Алексеевич – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, г. Тула)

Бицадзе Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории искусств Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Россия, г. Москва)

Богатырёва Екатерина Игоревна – методист отделения истории и обществознания Псковского областного центра развития одаренных детей и юношества (Россия, г. Псков)

Боголюбов Александр Александрович – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (Россия, г. Пятигорск)

Бондарева Елена Михайловна – заведующий отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Бородина Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, г. Екатеринбург)

Булгыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Вабищевич Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, г. Брест)

Валуев Демьян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственного музея «Смоленская крепость» (Россия, г. Смоленск)

Ван Мэнжун – аспирант кафедры теории и истории искусства Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Вардомацкий Леонид Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Варламова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Гавриленко Кирилл Евгеньевич – учитель истории и обществоведения средней школы г.п. Домачево Брестского района, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Глинский Евгений Станиславович – заместитель заведующего отделом научно-исследовательской и публикационной деятельности Национального исторического архива Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Горный Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Гребенкина Кристина Витальевна – студент Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет» (Беларусь, г. Минск)

Гришина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории Цифровых гуманитарных исследований Челябинского государственного университета (Россия, г. Челябинск)

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дмитриева Зоя Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Довматович Кирилл Дмитриевич – учитель истории средней школы № 22 г. Минска имени С.И. Грицевца (Беларусь, г. Минск)

Долгов Вадим Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск)

Дрожжа Людмила Чеславовна – старший научный сотрудник Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации (БелНИИЦЭД) Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Евдокимова Екатерина Станиславовна – специалист I категории отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов (Россия, г. Москва)

Егоров Фёдор Алексеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Вятского государственного университета (Россия, г. Киров)

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета (Россия, г. Магадан)

Жижиян Сергей Филиппович – директор Быховского районного историко-краеведческого музея (Беларусь, г. Быхов)

Злобин Сергей Сергеевич – научный сотрудник Центра всемирной истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Казаков Роман Борисович – преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Калашникова Ангелина Анатольевна – кандидат исторических наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Каплиев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Кежа Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета имени Ефросинии Полоцкой, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Полоцк, г. Минск)

Кириллова Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Россия, г. Тула; Тульская обл., д. Ясная Поляна)

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Кондратенко Алина Андреевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Коновалова Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Крюковский Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Беларусь, г. Минск)

Кустова Елена Витальевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Россия, г. Киров)

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного лингвистического университета (Россия, г. Москва)

Левшун Любовь Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка Минского государственного лингвистического университета (Беларусь, г. Минск)

Лицкевич Олег Владимирович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Лукьянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и практики общественных связей Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и искусствознания Байкальского государственного университета (Россия, г. Иркутск)

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов)

Макаров Максим Дмитриевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Национального исторического архива Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Мамайко Иван Андреевич – депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, соискатель кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Мартынюк Алексей Викторович – доктор исторических наук, профессор (Беларусь, г. Минск)

Медведев Кирилл Максимович – лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Россия, г. Ростов-на-Дону)

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Термезского государственного университета, старший научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра имама Термизи (Узбекистан, г. Термез)

Молодченко Оксана Алексеевна – кандидат исторических наук, преподаватель гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического колледжа (Россия, ст-ца Куцевская Краснодарского края)

Назаренко Кирилл Борисович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Назарова Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (Россия, г. Ставрополь)

Николаева Людмила Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Беларусь, г. Минск)

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социальных наук Минского государственного лингвистического университета (Беларусь, г. Минск)

Перевалов Ярослав Олегович – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (Беларусь, г. Витебск)

Петрова Майя Станиславовна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник музейно-выставочного комплекса «Моя страна. Моя история» (Россия, г. Ставрополь)

Проскуракова Мария Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Прохоров Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук, президент Российской ассоциации исследователей женской истории, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Рахманова Мавлуда Эркин кизи – Ph.D. student Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, г. Ташкент)

Резникова Татьяна Владимировна – главный специалист отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов (Россия, г. Москва)

Розмысл Егор Викторович – студент Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Рубинина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея (Россия, г. Москва)

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Русина Юлия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета (Россия, г. Екатеринбург)

Рябов Сергей Михайлович – лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (Россия, г. Екатеринбург)

Сальков Анатолий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Семашко Ксения Владимировна – заместитель директора по научной работе Историко-культурного музея-заповедника «Заславль» (Беларусь, г. Заславль)

Семёнова Ирина Игоревна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Сивохин Геннадий Александрович – старший научный сотрудник Историко-культурного заповедника «Заславль» (Беларусь, г. Заславль)

Симаков Александр Васильевич – индеанист, независимый исследователь (Беларусь, г. Гомель)

Синова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра краеведческих исследований Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Слиж Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, корреспондент гродненской региональной газеты «Перспектива» (Беларусь, г. Гродно)

Смолик Александр Иванович – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета (Россия, г. Нижневартовск)

Стельмашук Варвара Сергеевна – научный сотрудник отдела культурно-образовательной работы Витебского областного краеведческого музея (Беларусь, г. Витебск)

Субботин Александр Александрович – кандидат исторических наук, проректор по воспитательной работе Витебского государственного технологического университета (Беларусь, г. Витебск)

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории школы №1381 г. Москвы (Россия, г. Москва)

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем им. А.К. Айламазяна Российской академии наук (Россия, г. Переславль-Залесский)

Сюз Цзе – аспирант кафедры теории и истории искусства Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Ткачук Карина Ивановна – студент Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Ушаков Артем Владимирович – младший научный сотрудник научно-исследовательского центра, ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Филимонова Мария Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Россия, г. Курск)

Цветкова Алена Сергеевна – студентка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Черевко Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Беларусь, г. Полоцк)

Черкасов Артём Игоревич – магистрант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Чечулин Захар Валерьевич – аспирант кафедры источниковедения Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VII Международной научно-практической конференции

Витебск, 27–29 апреля 2023 г.

В 2 томах

Том 1

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Е.А. Барышева*

Подписано в печать 20.04.2023. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 29,06. Уч.-изд. л. 30,92. Тираж 25 экз. Заказ 39.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.